Олег Чигиринский
Госпожа удача

1920 год. Части Красной армии практически сбросили в море армию барона Врангеля. До полной победы большевиков оставались считаные часы, но волею судьбы и желанием одного английского лейтенанта остров Крым так и не был захвачен красными. 1980 год. Вторжение войск СССР под видом мирного присоединения началось, и поражение островитян неизбежно. Против четырех дивизий крымчан разворачиваются три армии под советскими стягами. Но снова нашелся человек, не пожелавший сдаться...

All men dream; but not equally. Those who dream by night in the dusty recesses of their minds wake in the day to find that it was vanity: but the dreamers of the day are dangerous men, for they may act out their dream with open eyes, to make it possible. This I did.
T. E. Lawrence
Seven Pillars of Wisdom

Все люди грезят, но по-разному. Те, что грезят ночью в пыльных уголках своего сознания, очнувшись от своих грез днем, находят их развеянными в прах; но те кто грезят днем - опасные люди, ибо они с открытыми глазами могут воплощать свои грезы в жизнь. Как сделал я.
Томас Эдвард Лоуренс
"Семь столпов мудрости"

Ваше благородие, госпожа разлука,
Мы с тобой родня давно - вот, какая штука...
Письмецо в конверте погоди, не рви!

Не везет мне в смерти - повезет в любви.

Ваше благородие, госпожа Удача,
Для кого ты добрая, а к кому - иначе...
Девять граммов в сердце постой, не зови!
Не везет мне в смерти - повезет в любви.

Ваше благородие, госпожа Чужбина,
Сладко обнимала ты, да только не любила...
В ласковые сети постой, не лови!
Не везет мне в смерти - повезет в любви.

Ваше благородие, госпожа Победа!
Значит, моя песенка до конца не спета...
Перестаньте, черти, клясться на крови!
Не везет мне в смерти - повезет в любви...

Булат Окуджава
Песенка Верещагина из фильма "Белое солнце пустыни"

1. Пролог

Там, где встретились "Труба" и "Сайгон",
Порвалась связь времен.
Мы читали все, мы слышали звон,
Мы трубили подъем.
Кто остался, помахали рукой,
И отряд поскакал.
...Это было бесконечной весной
По дороге в Непал.

А. Макаревич

С чего нам начать это рассказ? С того момента, на котором свой роман закончил Василий Павлович Аксенов, с печального кладбища на мысе Херсонес, укутанного в багряницу заката и заупокойной молитвы?

Нет, господа. С чего-чего, а с этого мы не начнем, ибо начинать нужно за здравие, дальше - уж как сможешь, но начать - кровь из носу, обязательно за здравие! За упокой мы всегда успеем.

Так может, прыгнуть на сутки назад и на тысячи километров севернее, пользуясь своим всевластием в виртуальном пространстве книги? Начать с тайного заседания в одном из кремлевских кабинетов, с тихой встречи избранных - без протоколов, кинокамер и стенограмм, как и водится в этих стенах еще со времен батюшки Иоанна Васильевича: все по-настоящему важные решения принимаются вот так, без шума и фанфар. Начать с того, как могучие старики слушают доклад Маршала о последних приготовлениях ко вторжению на Остров?

Да ну их на фиг, этих мощных стариков, вернемся мы к ним, куда они денутся, успеют надоесть еще хуже горькой редьки.

Нет, вернемся-ка мы на двое суток назад, в странную и красивую страну Непал, где встает из-за циркониевых гор солнце червонного золота. Пронесемся быстрее первых лучей над просыпающейся столицей с угловатым названием Катманду, над базарами, улочками, пагодами, речкой, свернем на северо-восток, к Соло-Кхумбу, где на высоте четырех тысяч метров стоит построенный сметливыми японцами отель "Вид на Эверест". Кстати, вид отсюда открывается неважный: Эверест прикрыт массивом Лхоцзе-Нупцзе, как чикагский мафиозо - воротником плаща. Торчит одна макушка, и та подернута облаками. Эверестом сегодня не полюбуешься . Да нам и не нужно им любоваться. Мы тихо, не привлекая внимания, зайдем в отель, в холл, где готовятся к выходу четверо мужчин. Не пяльтесь на двоих из них - Великого Альпиниста, который этим летом совершит одиночное восхождение на Эверест, и его друга. Они - интересные люди, но не они должны привлечь ваше внимание. Обратите мысленный взгляд на двух других, которые сейчас подгоняют рюкзаки для долгого и тяжелого дневного перехода в Луклу, где они сядут на самолет. Они торопятся, но торопятся несуетливо, как все уверенные в себе люди. Их движения точны и быстры, и никто не примет их за праздных туристов, увидев, как легко они забрасывают на плечи сорокакилограммовые мешки. Эти двое и есть те, кто нам нужен. Пока они меряют шагами извивы горной тропы, представим их вам, господа.

Тот, что идет первым, дьявольски хорош собой. Дерзкий штрих сросшихся черных бровей, влажный блеск бархатных карих глаз из-под полей "стетсона", точеный нос и красиво очерченные губы - все это создано Аллахом, чтобы пленять сердца женщин, и - увы! - даже некоторых мужчин, к которым наш герой холоден. Этот азиатский (давайте уж сразу скажем: татарский) Билли Кид любит женщин и остается в этом вопросе непоколебим. Зовут же его Шамиль Сандыбеков, и является он гражданином Крыма и старшим унтер-офицером Вооруженных Сил Юга России, о чем и сообщает русскими и английскими буквами нашивка на его потрепанной армейской рубашке. Тут надо заметить, что нашивка врет, ибо не далее как полгода назад Шамиль изменил имя на Шэм Сэнд, следуя моде новой островной нации - правильно, яки. Да, Шамиль полагает себя не татарином, а именно яки, и когда его ботинки скользят по влажной траве, он смачно ругается на новом островном диалекте, вызывая улыбку идущего сзади друга.

Посмотрите внимательней на лицо этого человека. Его не так уж легко запомнить, это лицо, потому что косая царапина через лоб на нем еще не появилась, а без особых примет такие лица запоминанию не поддаются. Обладатели таких лиц могут грабить банки, не прикрываясь масками - все равно свидетели не смогут их описать, и бесполезным окажется хитрый полицейский компьютер с фотороботом. Совершенно заурядное лицо: не узкое, не широкое, не вытянутое и не круглое, вполне заурядные, слегка подвыгоревшие на солнце волосы того неопределенного оттенка, который беспомощно называют темно-русым. Смуглая кожа, длинноватый нос могут навести на мысль о еврейских предках, но более пристальный взгляд определит, что если и есть какие-то южные корни, то не семитские, а скорее романские. В деле опознания этого путника, вычленения его из массы загорелых темных шатенов с примесью романской крови, которых в Крыму полно, помогли бы морщинки у углов губ, примета человека, часто и с удовольствием улыбающегося. Но сейчас эта примета скрыта бородой, тоже слегка подвыгоревшей на жестком горном солнце. Словом, не за что глазу зацепиться, а надо бы, потому что именно этот человек есть ось нашего повествования. Знакомьтесь: собственной персоной капитан Верещагин, да-да, тот самый, который в прошлом году руководил экспедицией на К-2, и сам поднялся на вершину в составе штурмовой связки. Тот самый, кто три года назад организовал экспедицию на Эверест, хотя сам и не поднимался на вершину, уступив эту честь своему другу, князю Берлиани. Тот самый, о ком скоро заговорит вся крымская армия, а за нею - и весь Крым - а вы думаете, чего ради он не стал еще сутки дожидаться самолета в Тхъянгбоче, предпочел ожиданию изнурительный дневной переход? Почему они вчера совершили такой же бросок - из-под

южных склонов горы Лхоцзе целый день добирались до городка? Почему они так рвутся на родину, в Крым, хотя до конца отпуска еще есть время?

Потому что сегодня утром по радио прошло сообщение о полном торжестве Идеи Общей Судьбы - о согласии Советского Союза на присоединение Крыма. Ради Бога, господа, если вы еще не читали замечательный роман Василия Павловича Аксенова "Остров Крым", прочтите - и вы поймете, что такое Общая Судьба и с чем ее едят.

Двое крымских горных егерей двигаются по склонам гималайских предгорий быстро - не только по стандартам европейцев, но даже по здешним меркам. И надо признать, господа, что эта пара - альпинисты милостью Божией, выносливые и упрямые люди - а других местные дороги, изгибающиеся во всех трех измерениях, не любят.

Они оставили далеко позади Великого Альпиниста и его друга, но в Луклу этот разрыв сократился вчистую, поскольку они летели одним самолетом. Полет из Луклу - развлечение не для слабонервных, поэтому Шамиль сразу же берет шефство над хорошенькой англоязычной девушкой - то ли канадкой, то ли американкой, то ли австралийкой, которую они раньше уже встречали, когда вместе с тем же Великим спускали незадачливых восходителей с Ама-Дабланг. Это шефство он берет и в отеле "Blue Star", на что Верещагин не обращает внимания: он уже понял, что охота за юбками для Шамиля носит чисто рефлекторный характер - это раз, и что унтеру ничего не светит, поскольку девушка, по глазам видно, нацелилась на Великого Альпиниста - это два.

Можно бы подойти к унтеру и сказать, что его старания напрасны, и что соперничать с Великим Альпинистом на юбочном фронте смешно, но Верещагин этого не сделал. Напротив, он за ужином подсел к Великому, нейтрализовав его на время трапезы, в то время, как Шэм усиленно охмурял американку-канадку-австралийку. Ничего-то у тебя, друг ситный, не получится: мы сегодня летим в Дели, а девица остается здесь, с Великим, и никуда от него не денется, потому что улыбаться он, стервец, умеет не хуже, чем ты, но при этом еще и остается холодным как лед, а на женщин ничто так магически не действует, как полное равнодушие.

- Возвращаетесь на родину, капитан? - спросил Великий.

- Точно, - согласился Верещагин.

- Получили разрешение на одиночный штурм Эвереста?

- А вы? - парировал Артем.

- Сказали, не раньше чем через год. Уэмура нас обоих обставил.

- Чертов япошка! - с преувеличенной экспрессией сказал Артем.

После паузы, занятой жеванием и глотанием, Великий спросил:

- Кому вы уступите очередь на Южной стене Лхоцзе.

- Никому, - наершился Артем. - Восхождение состоится в свой срок, гора наша весь сентябрь.

- Я думаю, вас не выпустят из СССР.

"Спокойно, Арт, спокойно! Хладнокровие и выдержка, на все тебе плевать..."

- Посмотрим.

- Или вы не собираетесь возвращаться?

- Да вы что, как можно... Мы солдаты. Давали присягу.

- Не боитесь?

- Боюсь, - признался Верещагин. - А вы бы не боялись?

- Мне трудно представить сходную ситуацию, - признался Великий Альпинист. - Пришествие коммунизма в Италию... Знаете, к "красным бригадам" никто никогда не относился как к реальной политической силе.

- Вы мыслите немного узко. Представьте себе, что вы живете во времена своего отца. Представьте, что находитесь в Непале и узнаете, что к власти пришел Муссолини. Вы бы вернулись?

Вот тут собеседник Верещагина призадумался.

- Не знаю, - наконец сказал он. - Право, не знаю. Но ведь есть разница.

- Какая?

- Между "черными" и "красными" должна быть разница...

- Замените слово "евреи" словом "богатые" - вот и вся разница.

- Вы... не поддерживаете идею воссоединения России?

- Вы правы. Не поддерживаю.

- И все же возвращаетесь?

- Да.

Собеседник покачал головой, выражая этим жестом вечное "Oh, those Russians!".

- А вы представлялись мне ужасно рассудительным человеком, капитан! - сказал Великий.

- Рассудительным быть надоедает. Преимущество положения солдата - в том, что можно не рассуждать. Все очень просто: мы едем потому, что должны быть в части. Будь вы военным, для вас тоже не существовало бы выбора.

- Я был военным. Мне это не понравилось.

- Это вообще мало кому нравится.

Великий снова покачал головой.

- Я понял бы вас, если бы вы были армейским фанатиком, помешанным на верности знамени и прочей мишуре. Я понял бы вас, если бы вы возращались, чтобы оргагизовать сопротивление. Но возвращаться, чтобы сдаться и быть сосланным в Сибирь?

Верещагин допил кофе и составил грязную посуду на поднос (в отеле был "шведский стол" и самообслуживание)

- Oh, those Russians! - улыбнулся он.

О, эти русские! Эти странные русские, которые из всего норовят сделать проблему. Эти непонятные русские, которым мало того, что они одеты, сыты, имеют крышу над головой и счет в банке. Эти ненормальные русские, вечно готовые утверждать несомненные истины сомнительными способами!

Что заставило их шестьдесят лет назад сорваться в кровавую смуту? Да, была война, и было довольно паршиво - но за каким чертом войну растянули еще на три года и железным катком прошлись по стране из конца в конец, почему? И почему сейчас им так несносно собственное благополучие, зачем снова нужно всей страной кидаться в авантюру, из какой глубины веков вылезает эта тяга из двух зол выбирать непременно большее? Может, это разновидность национального комплекса неполноценности - если мы не можем быть самыми-самыми во всем, то будем хотя бы самыми несчастными?

Почему французу, итальянцу, немцу, шведу, японцу хорошо там, где они есть? И даже трижды самый добрый из них, почти святой - никогда не скажет: "Ребята, давайте присоединимся все к Китаю, видите, как они там хреново живут, так мы их научим уму на своем примере"? Поедет с "Миссией мира", с "Врачами без границ", с "Международной амнистией", голодать и мерзнуть будет, подыхать от тропической лихорадки и жажды, под пули полезет, москитам и паукам на съедение, но свой домик, купленный в кредит, под уплотнение не отдаст: шалишь, брат! И правильно, это НОРМАЛЬНОЕ поведение НОРМАЛЬНОГО хорошего человека. И святой Мартин не отдавал нищему всего своего плаща, а только половину. А у меня и не спрашивают, хочу ли я отдать плащ - у меня его с кожей срывают, большинством голосов, демократически - МЫ так решили!

Писк протестующей индивидуальности: ВЫ решили, но Я-то не хочу!

Ну, так зачем же возвращаешься? Дорога в американское консульство, правда, неизвестна, но Катманду - город маленький, найти легко... Так и так, господа, не согласен с решением правительства, ввиду последних событий и неизбежных репрессий прошу политического убежища...

Но Верещагин знал, что не сделает этого.

Не сделает, потому что он тоже русский, ненормальный русский, сын ненормального русского, и, вполне возможно, внук ненормального русского.

Очень странный русский с короткими корнями, крепко вклещенными в каменистую почву Крыма, в трещины морщинистой скалы, измученной вечной борьбой с прибоем - попробуй выдерни из этой трещины, из этой земли! Типичный в своей уникальности житель Крыма, юного Юга, вечно тоскующего по своему Северу.

Боже ж ты мой! Да я никогда не видел этой России, я от нее ничего, кроме неприятностей, не имел, и плевал я с Южной седловины Эвереста на все эти березки, все эти златоглавые москвы и державные царь-пушки!

Но ах, какую злую шутку играет с Артемом его интеллект, капризный вампир, требующий только самой лучшей пищи! Понимаете ли, друзья, эту пищу, ни с чем не сравнимую по интенсивности пряного вкуса - ее производит только Советский Союз. Кто один раз ее вкусил - навек отравился...

Началось все шестнадцать лет назад, когда искал поживы своим ненасытным мальчишеским мозгам, задавал вопросы и рыскал за ответами, и случайно было прочитано без ссылки на автора: "А в Крыму теплынь, в море сельди, и миндаль, небось, подоспел, а тут по наледи курвы-нелюди двух зэка ведут на расстрел..." Не лучшее, как он понял потом, но попало в момент поиска, цепануло за нервы, поддело и поволокло, и три месяца у всех подряд выспрашивал, цитируя по памяти - кто? "Литератор" Николай Исакиевич, сахарной рафинированности интеллигент, даже содрогнулся, услышав от гимназиста Верещагина слова "курвы" и "зэка". "Знаете, Артем, я ведь н-не большой специалист в советской литературе... Н-но это не Бродский, н-нет, не Бродский... Возьмите в библиотеке "Архипелаг ГУЛАГ", м-может, это оттуда..." Большое вам спасибо и низкий поклон, Николай Исакиевич! Совет был неверный в частности, но верный в общем. Артем Верещагин нашел в пластах советской культуры ответы, которые искал, и нашел очередные вопросы, порожденные этими ответами... Можно удивиться тому, что крымского подростка в свое время задели за живое слова про двух зэка, ведомых на расстрел, тем более, что в его возрасте большинство ребят интересовалось преимущественно футболом и "Битлами". Но у подростка были свои причины откапывать повапленный гроб советской истории, и к этим причинам мы еще вернемся.

...Выяснилось, что это огромная, донельзя серая страна, что ее прошлое кошмарно, настоящее - гнусно, а будущее - туманно, что ее официальное искусство имеет те же самые диплодоковы формы. НО! - попутно выяснилось, что на жерновах тоталитаризма оттачиваются клинки поразительно ясного металла, острые и изящные. Слепяще яркие - особенно в сравнении с окружающей мутью. Эти клинки разили наповал.

"Кто захочет в беде оставаться один? Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?.."

"Кавалергарда век недолог - и потому так сладок он..."

"Облака плывут, облака... Не спеша плывут, как в кино..."

"В Рождество все немного волхвы..."

На конец шестидесятых пришлось начало культурного обмена. Фильмы и книги прямо хлынули из Советского Союза, причем, учитывая требования рынка, уровень их был вполне приличным. В Госкомиздате не дураки сидели, а на твердую крымскую валюту покупали сахар и табак у друга Фиделя. Стругацки-бум, Семенов-бум, Аксенов-бум, - волны прокатывались над Островом, миллионы сыпались в бездонные карманы Советской родины, кусок отрезали и творцам: ладно, подавитесь.

Но кое-что шло из Союза не по каналам Госкомиздата. Кое-что провозилось в двойных стенках чемоданов и - микрофильмами - в туристских фотоаппаратах.

Варламов. Солженицын. Гинзбург. Синявский.

Хотелось не просто читать, слушать и смотреть. Хотелось понять. Повторимся - на то была личная причина.

Иногда ему казалось, что он понял. Иногда - что не поймет никогда.

Идея Общей Судьбы стала его проклятием два года назад. По большому счету, на Острове существовала одна умная газета - лучниковский "Русский Курьер". Мимо нее нельзя было пройти никак: а что читать? Таблоиды? "Южный Берег"? "Русский

артиллерист"? Всякий, у кого в голове были мозги, читал "Курьер". В этом была даже некоторая фронда, особенно для офицера. Потом фронда вошла в моду, а Идея Общей Судьбы - в силу. Сволочь прекраснодушная, скрипел зубами Арт, открывая страничку с очередной колонкой редактора, ты хоть понимаешь, что ты делаешь?

Сволочь, похоже, отлично понимала. В отличие от миллионов других - не сволочей, напротив, отличных ребят, девушек, мужчин, женщин... То есть, сволочь хотела, чтобы понимали и они. Сволочь норовила рассказать об СССР самую черную, самую неприглядную правду - достигая совершенно обратного результата. С этим уже ничего не поделаешь, констатировал Верещагин, слыша, как обсуждается среди офицеров последний чемпионат мира по хоккею: "НАШИ показали, что Лига - просто американский междусобойчик. По гамбургскому счету НАШИ сильнее..." Это уже национальный психоз, наподобие фашистского движения или исламской революции в Иране.

Всей правды рассказать невохможно - вот, чего Лучников никогда не поймет. Как, как объяснить им всем, что вот курсант Верещагин читал о войне, морально готовился, о чем-то догадывался, но когда угодил на войну - это было уже совсем другое! Есть разница между строчкой про чужую кровь под ногтями - и чужой кровью под ногтями. Так и здесь то же самое - все будет не так, как вы себе представляете, а много хуже!

"Но троянцы не поверили Кассандре..." Кто такой капитан Верещагин - они Солженицыну не верят. Рукоплещут - и не верят.

Хорошо, сдохните вы, все мученики-добровольцы. Поезжайте туда и похороните себя за железным занавесом, подавитесь своим покаянием, но не трогайте остальных людей. Пусть у них будет свой маленький мирок - не такой возвышенный и духовный, как у тех, кто выстоял под северным ветром, но ведь ТАКОГО у них никогда не будет. Мучиться они будут по полной программе, это нам всем обеспечат, а вот взлететь дано не каждому, это я тоже знаю из опыта, поставленного на собственной шкуре. И они будут проклинать весь мир, лишившись единственного, что по-настоящему ценили - своего повседневного материального благополучия, когда можно пойти в колбасную лавку и выбрать из сорока сортов колбасы и пятидесяти - сыра, это если лень идти квартал до "Елисеева и Хьюза", где сортов соответственно восемьдесят и сто; когда покупаешь новый магнитофон не потому, что старый сломался, а потому что у нового более совершенная стереосистема и встроенный радиоприемник; когда нужно долго объяснять Тэмми, случайно заглянувшей в сборник Трифонова, что такое "обмен" и почему в СССР человек не может купить квартиру в кредит или хотя бы снять себе такую каморку, какую снимает в "доходном доме" Верещагин... Что может дать им СССР, если все, что там есть хорошего - это гении, а гениев крымскому обывателю не понять, и - вот парадокс! - доступ к их текстам, фильмам и полотнам у крымца, опять же, го-ораздо проще, чем у жителя Советской России...

Конечно, Лучников в своем порыве больше интересуется другим вопросом - что может дать России Крым? Хороший вопрос, но вот я - я, лично! - не хочу ей давать ничего.

"Отберут".

"Посмотрим!"

Итак, раздираемый сложными чувствами капитан Верещагин, и унтер Сандыбеков, едва добившийся от американки-канадки-австралийки хоть зачаточного интереса, покинули отель, и отправились в аэропорт, чтобы сесть в самолет до Дели и успеть на рейс Дели-Дубаи-Симфи.

Сложные чувства капитана долго искали себе выход, и неожиданно нашли разрядку на унтере, который попался, что называется, под горячую руку.

- Калон кора, кэп! - вздохнул Шамиль о покинутой девице. - Вэри гарна ханам...

И тут Верещагин слегка сорвался, за что ему почти тут же стало стыдно.

- Послушай, Шэм! - сорвался он, - Будь добр, свой воляпюк употребляй в Крыму. А со мной здесь говори по-русски.

- Виноват, ваше благородие, - жестяным голосом ответил Шэм. Он, по-видимому, серьезно обиделся. Серьезно, но ненадолго. Надолго обижаться он не умел.

Уже в самолете, летевшем в Дели, он спросил тоном примирения:

- Кэп, а вы знаете, кто может считаться гражданином Непала?

Дождался отрицательного кивка и выдал:

- Тот, кто был зачат непальцем и непалкой.

2. Два капитана

...Еду я на Родину.
Пусть кричат "Уродина!",
А она нам нравится,
Хоть и не красавица,
К сволочи доверчива,
Ну а к нам... Эй, начальник!

Ю. Шевчук "Родина"

Дубаи, 28 апреля, 0742

В Дубаи была пересадка, и нужно было где-то скоротать час до следующего рейса.

Верещагин спустился по трапу, и с наслаждением ощутил под собой твердую землю.

Перелеты он не любил. В самолете набор высоты выглядел каким-то несерьезным. Верещагину нравилось каждый метр вверх отвоевывать у пространства - нечеловеческим напряжением. А тут - как в лифте. Через минуту объявляют: высота - шесть тысяч метров над уровнем моря. Еще через две - девять тысяч метров. Приятного вам полета. Обратите внимание на атмосферный фронт слева. (Атмосферный фронт висел над Каракорумом и Гиндукушем, задевая хвостом за Тянь-Шань - Китайская Стена из свинцовых цеппелинов и статических зарядов) Ориентировочно его высота - пять тысяч метров. (Эфемерный Монблан) Не волнуйтесь, господа, мы удаляемся от этого фронта со скоростью шестьсот километров в час. Кстати, господа, мы сядем совсем не в той стране, из которой улетали! После посадки я попрощаюсь с вами на территории Советского Союза. Урррааа!

В Дели он окончательно испоганил себе настроение покупкой англоязычного выпуска "Курьера". Moscow's breaking silence! - провозглашала "шапка". Москва заговорила, значит. И что же нам говорит Москва? Подписан с Крымом Союзный Договор?

Словоблудие... Ни черта, кроме словоблудия в обычном советском стиле. Что вам еще неясно, господа СОСовцы? Они не желают даже продекларировать для нас те права, которые обещают на бумаге советским гражданам. Это значит - оккупация. Несколько дней все неугодные будут вне закона. Надо думать, армия - в верхней части списка.

В Дубаи Артем отправился в бар с твердым намерением набраться. Но, попав по назначению, понял, что пить расхотелось, а хочется, наоборот, есть. Мысленно показав себе кукиш, Верещагин остался в баре и заказал "Встречу на Эльбе".

Невозмутимый бармен смешал пять капель "Столичной" с пятью каплями "Джонни Уокер" и поставил этот дринк перед Верещагиным.

Капитан осушил "дринк" и заказал мартини, чтобы пить медленно и печально.

- Russian? - спросил бармен.

- Indeed, - согласился Верещагин.

Бармен утвердил на стойке ополовиненную бутылку мартини, цапнул купюру и повернулся к следующему клиенту.

Верещагин остался у стойки. Садиться ему никуда не хотелось: за время полета на заднице, казалось, уже начался некроз. Ну, если не некроз, так общее онемение. Хотелось дать ногам хоть какую-то работу.

- Простите, милостивый государь... - раздалось над ухом.

- Да, пожалуйста, - отозвался Арт, решив, что он загородил кому-то доступ к телу бармена.

Старичок, ошибочно принятый им в Дели за немца, с некоторым трудом - он уже успел "принять" в самолете - вскарабкался на стул. Врэвакуант, - прикинул Верещагин. Бывший сынок промышленника, а ныне - и сам промышленник, ничего тяжелее собственного члена сроду в руки не брал, держит акции "Эй-Ай-Ти", "Арабат-Ойл" и "Ай-Ти-Эй", имеет жену, трех детей мордатых, яхту и виллу на Южном Берегу. Сейчас будет учить жизни.

- Не имею чести быть знакомым, - буркнул Арт, пытаясь быть достаточно грубым, чтобы отстали, но не настолько грубым, чтобы обиделись.

- Филиппов Антон Федорович, - представился старичок. Сделал паузу для "очень приятно", ничего не услышал и перешил в наступление:

- Я за вами давно наблюдаю, молодой человек. Вы ведь Верещагин?

- Есть немножко, - согласился капитан.

- Так вот, я давно хотел с вами поговорить. Еще в самолете присматривался. Знаете, вы мне нравились. Я гордился тем, что Россия наконец-то заявила о себе... Что русский флаг теперь есть на вершине мира... Но то, что вы сказали после возвращения с К-2 - это не лезет ни в какие ворота, молодой человек!

"Достукался" - мартини сразу показался Артему безвкусным.

Альпинисты редко бывают знаменитыми. Тот случай, который характеризуется словами "широкая известность в узком кругу". Но маленький Крым был таким благополучным, что создатели новостей и акулы пера вцеплялись в любое мало-мальски стоящее событие. Все четыре гималайских восхождения имели очень хорошую прессу... Как правило, большая статья с огромным заголовком вымывалась из памяти читателя на следующий же день - слава Богу, газеты выходили шесть раз в неделю, и в каждом номере было по нескольку больших статей с шикарными заголовками. Артема крайне редко узнавали незнакомые люди. Наверное, старичок специально интересовался альпинизмом...

- Я думал, - Филиппов Антон Федорович отмахнулся от бармена, - думал, что К-2 станет... думал, что вы окажетесь выше мелочной спортивной ревности...

Не он один так думал.

Боже, каким он возвращался с К-2! Какими они все возвращались, какая победа пела у каждого в груди! Исхудавшие, почерневшие от солнца, выработанные до сухого - первопроходцы "Волшебной Линии"! Он двадцать лет шел по этой "Волшебной линии" к этой вершине, пусть не судилось получить К-2 первым, но вот этот маршрут он взял, они все его взяли! Сели в Аэро-Симфи, журналисты налетели со всех сторон: капитан, что вы думаете об Идее Общей Судьбы? Можно ли назвать восхождение на К-2 первым советским восхождением в Гималаях?

Ну, он им и сказал...

Словно читая его мысли, старикан закудахтал:

- И вам не стыдно, молодой человек, в открытую признаваться в таких вещах?

- Через пару дней у вас будет полная возможность сдать меня в КГБ.

- При чем тут КГБ? - разозлился старичок, - При чем тут, скажите на милость, КГБ, если это... просто безнравственно! Как вы трактуете стремление нашего народа

слиться с советским народом? Как массовое помешательство обожравшихся буржуа! Вы что, всех нас за дураков держите?

- Отчего же за дураков? - пожал плечами Верещагин, - за обожравшихся буржуа.

- Опомнитесь! - старичок воздел желтый палец. - Или оставайтесь здесь, в гнездилище Ислама! Не ступайте ногой на священную советскую землю!

- Двадцать лет назад вы называли священную советскую землю Большевизией. А советский народ - краснопузыми, - огрызнулся альпинист.

Старичок погрозил пальцем люстре.

- Я раскаиваюсь в этом! - возвестил он бару. - Я признал свои ошибки и возвращаюсь на Родину с очищенной душой! А вы замутнили свое сознание жидовскими и американскими бреднями! Такие, как вы, семьдесят лет вели нас по пути разврата! Такие, как вы, увели Крым из-под десницы Барона! Такие, как вы, превратили русскую армию в гоп-компанию американо-израильского образца! Но там! - старичок ткнул пальцем в плафон на стене бара, - Там сохранили в неприкосновенности русский Дух!

- Excuse me, sir... - тихонько вмешался бармен, - If this man is disturbing you...

- No problem, - остановил его Верещагин.

Бармен пожал плечами и перешел к другому краю стойки.

Верещагин осушил еще один "дринк" и нашел в себе силы спокойно ответить:

- Где-нибудь через год, когда мы будем оба добывать медь в Джезказгане, мы вернемся к этому разговору...

- Не беспокойтесь! - желтый палец уперся Верещагину в грудь, -В Джезказган пошлют таких, как вы, последышей Солженицына-Солженицера! А в таких, как мы, Советская Россия заинтересована.

- Ваши бы слова да Богу в уши, - хмыкнул Артем.

К ним приблизилось диковинное существо - о четырех ногах, о четырех руках и одном "стетсоне". "Стетсон" болтался на девице, а девица - на Шамиле. Шамиль то ли уже успел хлопнуть, то ли прикидывался. Как признавал он сам, водка была ему нужна только для запаха, а дури и своей у него имелось в избытке.

Девицу он наверняка уже успел где-нибудь оприходовать, и теперь, до конца полета, они составляли единое целое.

- Атац! - проникновенно обратился к деду Шамиль, - Лив мой курбаши, плиз. Яки?

Старикан соскочил с табуретки, словно там была бочка пороха, а он с опозданием разглядел тлеющий бикфордов шнур.

- Катя! - прокудахтал он, -Что ты делаешь в обществе этого типа?

- Яки, ага! - рассмеялась девица, - Это Шамиль, славный парень, он альпинист, Ага! Он ходил на... Куда ты ходил, Шамиль?

- Я ходил на Чого-Ри, о несравненная! - запел Шамиль. - Я попрал своими вибрамами склоны Аннапурны, о прекраснобедрая! Я касался снега на вершине Канченджанги, о дивногрудая! (проще говоря, ты вполз туда на карачках, подумал Верещагин) Я возносился, недостойный, на Пти Дрю, о роскошноплечая... - руки Шамиля успевали за его языком, что красавице необычайно нравилось. - Я видел вершину Мак-Кинли вот так, как вижу сейчас твоего ага, о великолепношеяя! Но нигде и никогда я не видел девушки прекраснее тебя!

- Что ты ему позволяешь, Катрин! -позеленел дед.

-М-м? - переспросила девушка. - А что я ему позволяю? Что я ему позволяю, дед? Мне двадцать один год, он мне нравится, я ему - тоже, все яки!

Шамиль зарылся носом в бутон ее русых волос, схваченных на затылке шелковым платком.

Верещагин налил девушке мартини и толкнул стакан к ней по стойке.

- Ты тоже альпинист? - спросила она.

Он кивнул.

- Пошли в отель, трахаться, - без обиняков предложила она.

Соблазн был велик. Первоклассная девица, девица что надо. Сравнить ее и Тэмми - это все равно что сравнить фламинго и зяблика.

Что поделаешь, если ему нравились именно зяблики.

- Катрин, - просипел дед.

- Не доставай меня сегодня, ага, яки? - пропела Катрин. - Шамиля завтра убьют, а я пойду замуж за начальника об-ко-ма... Я правильно говорю, Верещагин? Когда же и веселиться, как не сейчас?

- Не опоздай на самолет, Шэм, - напомнил Верещагин.

- А когда я опаздывал? - невинно спросил Шамиль. - Экскьюз мя, грешного, ага! - обратился он к старику. - Но мы валим в отель.

Они растворились в полумраке.

- Вот, - в глазах старика стояли слезы, - Вот, к чему вы нас привели.

- Выпейте, господин Филиппов Антон Федорович, - посоветовал Верещагин. - Выпейте, мартини еще много. Вам хватит...

Господину Филиппову Антону Федоровичу хватило. Его бесчувственное тело похрапывало и тяжело всхлипывало в мягком кресле самолета, через одно сиденье от Верещагина. Старика сложили в кресло Шамиля, а сам Шамиль перебрался к стариковой внучке, они задернули занавеску и какое-то время возились, на что сонные пассажиры не обратили ни малейшего внимания.

Они летели над матово блестящим Черным морем, над черным, как деготь, морем, над черным, как сон, морем, над морем, которое менялось местами с небом, над морем, которое уже готово было подставить спину килям советских кораблей.

А впереди рисовался отрезанный ломоть Крыма, подрумяненный справа рождающимся из пены солнцем.

Громада Аэро-Симфи жила неторопливой утренней жизнью. Это днем здесь возникнет суета, толкучка и столпотворение. Впрочем, по сравнению с тем, что творилось здесь в прошлом году, это будет тишина и покой.

Совершая привычные действия - паспортный контроль, получение багажа, плата за стоянку, заправка - Верещагин почувствовал, что отогревается. Не телом - телом он отогрелся еще в Дели, они вылетали душным жарким вечером, и кондиционеры в самолете были сущим спасением - но нутром от оттаял только сейчас, только тогда, когда ступил из трубы терминала на бетонный пол Аэро-Симфи, услышал русскую речь, достал из кармана и бросил в ненасытный счетчик монетку в пятьдесят рублей, которая так и валялась в этом кармане все три недели с момента вылета из того же Аэро-Симфи.

Предстояла еще до ужаса занудная процедура сдачи документов в финансовый отдел Главштаба, отчет за каждый потраченный в Непале доллар, но - странное дело - ни малейшего раздражения по этому поводу Верещагин не испытывал. То ли апрельское солнышко пригревало так славно, то ли подействовало мартини, то ли девушки в этом году носили особенно короткие юбки - но настоение у Артема было превосходным, и никакой отчет в Главштабе не мог его испортить.

Шэм, как истый джентльмен, помог черноусому шоферу погрузить поддавшего Антона Федоровича Филиппова в золотистый "крайслер" и поцеловал на прощание Катю в щечку. Подходя к верещагинскому джипу-"хайлендеру", он снова находился в режиме свободного поиска и скалил свои фарфоровые зубы.

- Калон корице, кэп. Вэри гарна ханам, - нахально провозгласил он, и Артем ничего не мог возразить.

Симферополь, как всегда, был шумен, чист и деловит. Находясь в самом сердце Крыма, этот вавилончик объединял в себе ялтинскую праздничность и космополитизм, стеклянно-бетонное джанкойское стремление вверх, евпаторийскую легкость на подъем и

керченскую напористость, севастопольский романтизм, бахчисарайское сибаритство и прочее, и прочее... Верещагин прожил в этом городе семь лет, и это были далеко не худшие годы его жизни.

И как-то сегодня все особенно ловко складывалось, что это даже настораживало. И нужного офицера в финотделе удалось отловить быстро, и отчет он принял без лишних придирок, и даже пригласил их отобедать в столовую Главштаба - свинина по-французски, жюльен и божоле урожая прошлого года. Артем вежливо отказался, а офицер даже не настаивал: он был по уши в делах. Главштаб весь был по уши в делах - готовился к передаче в руки СССР.

Они с Шамилем позавтракали в татарской забегаловке - съели по большой тарелке плова. Офицер из главштаба сюда и не заглянул бы: что это такое по сравнению со свининой по-французски, жюльеном и божоле урожая прошлого года?

- Мертвый сезон? - спросил Артем у хозяина, самолично раздававшего тарелки.

- Айе, - горестно согласился татарин. - Вы первые за утро. Людей уволить пришлось. Сам подаю, жена готовит. Вкусно?

- Вкусно.

- А кому это нужно? Кому нужно, я спрашиваю? Туристов было много - где они?

Май восьмидесятого года увидел беспрецедентное явление: отсутствие туристов. Издавна повелось, что еще с середины апреля шведы, норвежцы, датчане сползаются на крымские пляжи - прогреть свои нордические кишки на черноморском солнышке. Море, правда, еще холодновато, но как может Черное море показаться холодным тому, кто вырос на берегах Балтийского и Северного морей?

А летом Крым заполнялся европейской молодежью и рабочим классом. Более зажиточный и привилегированный народ ехал во всякие Ниццы. Но и эти "сливки" стягивались в Крым к "бархатному сезону" на ежегодный кинофестиваль и "Антика-Ралли".

Теперь, после того, как грядущее присоединение Крыма стало делом решенным, сюда никого нельзя было заманить и калачом.

- Скорей бы уже пришли Советы, - сказал хозяин, убирая тарелки. - Люди приедут. Туристы будут.

- Так ведь лавочку отберут, - сказал Артем.

- Зачем отберут? - не понял хозяин. - Что, советские люди есть не хотят? Знаете, сэр, сколько их ко мне ходило!

Учитывая дешевизну закусочной, подумал Артем, она должна была пользоваться бешеным успехом у советских туристов.

- Лавочку отберут, ага, - подтвердил Шэм. - В СССР человек не может быть хозяином закусочной.

- Глупости говоришь, - поморщился хозяин. - Сам не понимаешь, что говоришь.

Похолодало градусов на десять. Артем оставил на столе купюру и вышел.

Время. Время. Время.

Еще не опаздываем - но успеваем уже впритык.

***

Крым, основной статьей дохода которого после торговли продукцией хай-тек был туризм, стал тихо умирать.

Признаки этого умирания были видны только опытному глазу. Еще и сам Крым не подозревал о своем неблагополучии, как раковый больной иногда не подозревает о своем диагнозе - а опытному врачу уже все ясно.

Будь Верещагин просто армейским капитаном, он не сделал бы никаких выводов из того, что видел по дороге от таможенной стойки Аэро-Симфи до контрольно-пропускного пункта своего батальона под Бахчисараем. А видел он закрытые кафе и

магазины в аэропорту - и не просто закрытые, а разобранные дочиста. Видел нераспаханные поля - фермерам не удалось найти покупателя под урожай будущего года, и часть земель они просто не стали трогать, предпочитая сэкономить время и силы. Видел, проезжая мимо дорожных указателей надписи "продается" под названиями усадеб и ферм, к которым вели частные дороги.

Верещагин был не очень простым армейским капитаном, и выводы он сделал.

Наверняка где-то в пожарном темпе продавались за копейки гигантские пакеты крымских нефтяных, промышленных и прочих компаний, где-то шустрые коммерческие агенты уже искали новых поставщиков, новые рынки сбыта, новых партнеров... Европа жгла мосты, обрубала концы - чисто и стремительно. Гуськом потянулись из Крыма работники торговых и промышленных представительств. Рядовому крымцу, если он не был занят в туристическом, финансовом или аграрном секторе, эти изменения были не видны. По-прежнему сияли витрины, ломились полки магазинов, выходили газеты, работали театры и синематограф, парки увеселений и бардаки, многие заводы и фабрики. Редкие сообщения масс-медиа о неизбежном грядущем экономическом кризисе тонули в бравых заметках сторонников Идеи Общей Судьбы.

Впрочем, даже тех крымцев, которые непосредственно пострадали от экономического спада, отнюдь не захлестнуло отчаяние. Тревожно-радостное ожидание, которым Крым был наполнен с зимы, перевесило все остальные эмоции. Все жили как на вокзале: и не удобно, и тяжело с вещами, и стоять приходится, но это ничего: вот сейчас придет поезд, и все поедем, и все сразу наладится, станет хорошо и понятно. Как минимум - понятно...

Атмосфера ожидания висела над Островом, и каждый, кто туда попадал, мгновенно оказывался ею отравлен. Таможенные чиновники, городовой, сонный парнишка на бензозаправке, девушка-официантка в бахчисарайском кафе для автомобилистов - все они выдыхали бациллы радостного мандража. Когда Верещагина приветствовал радостно-тревожный сержант на КПП батальона, он с неудовольствием отметил, что и сам подхватил эту бациллу. Конечно, крымцев никто не посвящал в стратегические планы советского командования, но каким-то чутьем жители Острова понимали (а кое-кто уже и ЗНАЛ), что все свершится в один из этих чудесных весенних дней, что оккупация Крыма (газеты предпочитали слово "воссоединение") - вопрос ближайших суток.

В нескольких сотнях километров от того места, где располагался 4-1 батальон 1-й Горно-Егерская бригады, находился другой капитан, который точно знал, что оккупация Крыма - дело суток.

***

28 апреля, 1038, военный аэродром неподалеку от Кишинева

Капитан Советской Армии Глеб Асмоловский и вверенная ему вторая рота третьего батальона 229-го парашютно-десантного полка находились в состоянии готовности номер один - то есть они могли прямо сейчас загрузится в самолеты и лететь выбрасываться. Куда? Об этом пока молчали. Военная тайна. Хотя все точно знали - в Крым.

Солдатские разговоры уже двое суток, с момента подъема по тревоге, крутились вокруг двух вопросов: - Крымское бухло и крымские девки. Обсуждение этих тем не пресекалось командованием: предвкушение выпивки и девок стимулирует боевой дух.

Настроение в роте царило приподнятое и самое что ни на есть боевое. Слухи ходили фантастические: в любой магазин зайдешь - вот так, как отсюда до той дуры с носком наверху, понял? - вот такой длины полки, и на всех полках - бухло! Одной водки - сто пятьдесят сортов! Ну, ладно, сто двадцать. Пива - тыща! И все подходи, бери так!

Балда, теперь там все будет на-род-но-е! А народ и армия - едины, понял, га-га-га! И вот так подходят и прямо говорят: давай! Ну, в рот - это ты, положим, загнул... А так - сколько угодно...

Где новый Лев Николаевич Толстой, кому под силу описать этих солдат, простых русских парней?

Один из этих парней, у которого за плечами были полтора года службы, стоял сейчас навытяжку перед Асмоловским. Лицо его было сугубо уставным, но слегка раскосые глаза метались тараканами при свете: за Глебом прочно закрепилась слава опасного психа. И капитан Асмоловский не спешил с ней расставаться, ибо лучше быть для них опасным психом, чем мягкотелым интеллигентом, которого не боятся, а следовательно - не уважают. Этого Асмоловский в свое время хлебнул, спасибо, достаточно.

На траве лежали вещественные доказательства преступления - трехсотпятидесятиграммовая банка тушенки и полкруга колбасы "Одесская", из-за которых рядовой Анисимов избил рядового Остапчука.

В данный момент Остапчук находился в медпункте аэродрома, а Анисимов стоял перед Асмоловским навытяжку.

- Кто успел сбежать? - в пятый раз спросил капитан, зная, что правды не услышит. - Кто еще вместе с тобой, крыса, ограбил и избил Остапчука?

- Я-а грабил? - протянул Анисимов, пережимая интонацию невинности с усердием плохого актера. - Он сам у меня консервы украл, хоть у кого спросите! А паек-то один, товарищ капитан, ну и - виноват, погорячился...

Ну, сволочь!!!

- Дмитренко!

Как лист перед травой вырос старший сержант Дмитренко.

- Возьмешь Баева, принесешь мне вещмешки Скокарева, Анисимова, Джафарова и Микитюка. Одна нога здесь, другая там.

С чувством глубокого удовлетворения он поймал в раскосых бледных глазах Анисимова легкий оттенок беспокойства. Фамилии он назвал наугад, но был уверен, что в трех случаях из четырех попал. Неважно, именно ли эти "деды" виновны в инциденте с Остапчуком. Глеб был уверен, что мальчишка-первогодок, сын сельской учительницы, не единственный обобранный. Те, у кого сухого пайка окажется сверх нормы, будут наказаны, потому что кто-то должен быть наказан.

В ожидании Глеб прошелся взад-вперед. В сержантах он был уверен: к перечисленным "дедам" те испытывали отчетливую неприязнь. Обычно сержанты или сами являются "дедами", или поддерживают последних. Но эти пятеро "дедов" позволяли себе больше, чем надо бы. Больше пили, бегали в самоволку, издевались над "молодыми". По-хорошему, все пятеро уже наработали на дисбат. Но послать в дисбат даже одного солдата - это пятно на чести роты. А пятна - это вам скажет любой советский офицер - уместны на камуфляжном комбинезоне, но никак не на чести подразделения.

Глеб еще с первого года понял, что бороться с "дедовщиной" - бессмысленно, безнадежно и бесполезно. Но все-таки рыпался, вызывая на свою голову насмешки начальства. Постепенно он утратил к рядовым даже то сочувствие, которое каждый порядочный человек испытывает при виде человеческих страданий. Вчерашние "духи" становились "дедами", и вдоволь куражились над "молодыми", которые через год сами станут "дедами" и будут изгаляться над пацанами-первогодками... На седьмом году службы Глебом двигали исключительно принципы, да и у этих двигателей ресурс подходил к концу.

Даже сейчас он с отвращением к себе осознавал, что решил наказать Анисимова не за то, что тот избил Остапчука, а за то, что попался и подставил Глеба под выговор накануне броска.

Появились сержанты с зелеными грушами вещмешков. Глядя Анисимову в глаза, капитан развязал его "сидор" и вытряхнул вещи на траву. Выпала банка тушенки, банка перловой каши с мясом, полбуханки хлеба, кольцо сухой колбасы.

- Падла, - сказал Глеб. Зла не хватало. - Так что же у тебя украл Остапчук?

- Да че... - на лице рядового появилось идиотское выражение: - А это, наверное, не мое, товарищ капитан!

И ничего с ним сделать нельзя, - понял Глеб. "Губы" здесь нет. Расстрелять эту скотину - сладкая, но несбыточная мечта. Затевать волынку с переводом в дисбат никто ему здесь не даст. Разве что залепить изо всех сил по морде. Вышибить кровь из маленького курносого носа, навешать фонарей, чтоб эти бледные глаза спрятались в щель и не выглядывали так нагло... И чтобы в санчасти этот мудак бормотал те самые слова, которые твердят запуганные "духи": "Споткнулся, упал"...

Свидетели, ч-черт! Два сержанта, четверо дружков этого типа, притащившиеся за своими вещмешками...

Глеб по очереди развязал все мешки, вытряхнул сухой паек. У всех оказалось явно больше нормы: по две-три банки тушенки, по две "одесских" и лишь "Каша перловая с мясом" была у каждого в единственном числе: этой безвкусной жирной смесью "деды" побрезговали.

Остапчук оказался не единственным обобранным.

- Вы, все... - бросил Глеб. - Заберите мешки. Стоять здесь, не трогаться с места. Баев, Дмитренко, собрать роту.

Шухер уже поднялся и "деды" наверняка попрятали свой "НЗ". Черт с ними. Наказаны будет хотя бы эти четверо. Хотя занимается поборами четверть роты, не меньше. Отвратительно - пятнадцать-восемнадцать мерзавцев держат в страхе пятьдесят человек, каждый из которых ни о чем другом не помышляет кроме как самому стать одним из этих мерзавцев. Кому нужна эта педагогическая поэма? Похоже, одному ему. Ладно. Пока она нужна хотя бы ему одному, пока он сам верит в то, что преступление не должно окупаться - он будет гнуть свою линию.

Излишек сухого пайка он сложил в кучку на траве. Что с ним делать - пока еще четко не знал. Будь он тем же идеалистом, каким был шесть лет назад - попытался бы вернуть это тем, у кого оно было отобрано. Сейчас он знал, что эта попытка ни к чему не приведет. Никто не сознается в том, что его ограбили.

По мере того, как строилась рота, решение выкристаллизовывалось. И было это решение таким, что самому Глебу о нем думать не хотелось.

- Рота, смир-на! - скомандовал один из взводных, Антон Васюк.

- Рота, вольно, - разрешил Глеб. - Передний ряд - сесть на землю.

Он хотел, чтобы видели все.

Четверо дедов навытяжку стояли перед ним. Он знал, какова будет степень унижения, которому он собирался их подвергнуть. Он знал, что покушается на большее, чем мародерские замашки четверых верзил, которые по воле советских законов попали в армию, хотя место им - в колонии для трудновоспитуемых. Он замахивался на традицию, на неписаный закон, местами ставший значительнее Устава. Ибо "дедовство" Анисимова и его дружков было "заслужено" годом беспрестанных унижений, в этом была даже первобытная справедливость: сначала ты прогибаешься, а потом пануешь над теми, кто прогибается под тобой. Получается, что капитан хотел лишить их "законного" удовольствия, хотя был бессилен избавить от "законных" страданий... Именно поэтому у него была репутация редкого стервеца, и именно поэтому он не собирался с этой репутацией расставаться.

- Мы торчим здесь со вчерашнего вечера, - сказал он. - Сухой паек выдали на одни сутки, всем - одинаковый. Но среди вас нашлись особенно голодные, вот они стоят. Я уж не знаю, у кого они все это отобрали, и спрашивать не буду. Все равно никто не признается, потому что вы все их боитесь, а кое-кто считает, что они в своем праве. Пусть

так. Но раз вы, мародеры, считаете себя в праве, то вам не в падлу сейчас будет сожрать все, что вы нахапали. Доставайте ложки.

Он увидел, как у Анисимова задрожали губы. А ты что себе думал, голубчик?

Глеб достал из кармана перочинный нож, взял первую банку с перловой кашей, поддел крышку в нескольких местах, потом взялся за нее пальцами и сорвал. Трюк был несложным, но неизменно производил впечатление.

- Жри, - он высыпал кашу в траву перед Анисимовым. - Что, аппетит пропал?

Точно так же он открыл вторую банку и вывернул ее перед Джафаровым. Сержанты уже поняли, что от них требуется и открывали банки одну за другой.

- Сожрать все до крошки, - велел Глеб. - Если кого-то вырвет, он уберет сам.

Следующие полчаса были кошмаром. Господи, подумал Асмоловский, когда-то я и в мыслях не мог так унизить человека. Когда-то я был ясноглазым мальчиком, который верил, что можно словами объяснить человеку, как это нехорошо - унижать других, отбирать у них еду, заставлять работать на себя, избивать ради своего развлечения... Когда-то я и представить себе не мог, с чем столкнусь в армии, которую считал самой лучшей в мире...

Скокарев плакал. Джафарова мутило, но он держался. Микитюка вырвало. Анисимов то краснел, то бледнел, но слопал все, что награбил.

Сопротивляться не попытался ни один: на этот случай здесь присутствовал взводный Сергей Палишко, сволочной нрав которого знали все.

Строй смотрел молча.

- Я заставлю это сделать каждого, кого поймаю за отбиранием чужих пайков! - отчеканил Глеб. - Он будет жрать все украденное с земли, как собака или свинья. Может, хоть тогда вы поймете, что крысачить - позор, и отдавать свое по первому требованию - тоже позор. Можете идти. Микитюк, возьми лопатку и прибери свою блевотину. Дмитренко, проследи.

- Воспитательная работа? - Асмоловский не заметил, как подошел капитан Деев, коллега-ротный.

- Да, - бросил он.

- А что случилось?

- Все то же самое. Одни грабят, другие молчат.

- А ты, значит, порядок наводишь, - заключил Деев. - Робин Гуд... хренов. Карась-идеалист. А ну, пошли, поговорим!

Путь их пролегал от лесной опушки до здания диспетчерской мимо группок солдат, сидящих прямо на земле. Те, что были поближе, вставали и отдавали честь, те, что были подальше, старательно не замечали.

- Ты хоть соображаешь, что делаешь? - тихо спросил Деев.

Он "тыкал" и учил жизни на правах старшего - не по званию, а по возрасту. В свое время Глеб служил взводным-двухгодичником под его командой, и уже тогда Виталий Деев попытался ему внушить, что армия и принципы лейтенанта Асмоловского есть вещи несовместные. Может быть, Глеб и сделал бы из этого практические выводы, но тут он встретил Надю, и эта встреча уже через два месяца превратилась в брак: Надя забеременела. Глеб любил ее, и нужно было жениться, и нужна была квартира, и был у него выбор: сто двадцать итээровских и жизнь в тещиной однокомнатной, либо же офицерская зарплата плюс дополнительные за прыжки с парашютом, казенные харчи и хоть одна, но своя комната в общаге. То есть, выбора фактически не было. А принципы? Да к чертям эти принципы, если из-за них придется хрен знает сколько лет вести полунищую и неустроенную жизнь советского инженера. Так он из двухгодичника стал кадровиком и тут оказалось. что с принципами расстаться не так-то просто. Принципы можно выдернуть из себя только вместе с ч а стью души, причем с той ее частью, которую Глеб полагал не худшей. Поэтому на вопрос Деева он ответил:

- Да.

- Ни хрена ты не соображаешь, - отрубил Деев. - Вот что ты будешь делать, если Микитюк сейчас пойдет и повесится?

"Спляшу качучу..."

- А что я буду делать, если пойдет и повесится Остапчук? - разозлился он. - Похороним и спишем, ага? Отправим домой в цинковом гробу: извините, мама, несчастный случай!

- Остапчук не повесится, с ним ничего особенного не сделали. - они встали возле дерева на краю аэродрома, где начиналась лесополоса. - Подумаешь, пару синяков поставили. Со всеми так бывает, понимаешь ты? Пришел в армию маменькин сынок, уходит мужчина. А ты им психику ломаешь. Ну, залупаются, суки - отведи тихонько в сторонку, дай разок по ушам.

- Осторожненько, чтобы следов не оставлять, - вставил Глеб. - Как Палишко...

- Да хотя бы как Палишко! Ты же поля не видишь! С Палишкой они хотя бы знают. как себя вести: ты не зарывайся - тебя трогать не будут. С тобой же - черт-те что. То ты из себя Сухомлинского строил, они на тебе верхом ездили, то ты озверел и в эсэсовца превратился...

- Я? - Глеб на секунду поднял голос, но тут же взял себя в руки. - Я - эсэсовец? Я ни разу за все время службы никого пальцем не тронул, сортир носовым платком мыть не послал. Я никогда не заставлял весь взвод отвечать за проступок одного, чтобы они все ему наломали... Я...

- Жопа бугая... - грубо прервал Деев. - Гуманист, бля... Он, видите ли, не бьет солдата... Он его берет и об колено ломает. Он не больше не меньше - весь армейский порядок хочет порушить, а вместо него построить свой, правильный. Ты понимаешь, что они все до одного тебя ненавидят? Ты понимаешь, за что они тебя ненавидят?

- Да.

- Ну так чего выебываешься?

- Я хочу, чтобы они вели себя как люди.

- И поэтому пусть жрут с земли как свиньи... - Деев сунул в зубы сигарету, чиркнул спичкой.

- Ты еще хуже, чем Палишко. - тихо сказал он. - Тот все делает своими руками, а ты хочешь остаться чистеньким...

- Ему нравится это, - Глеб старался не показывать, как он задет и обижен сравнением. - Он балдеет от свойе власти. Думаете, мне все это было приятно? Думаете, я ради удовольствия это сделал?

- Вот поэтому ты и хуже. Чего он добивается, понятно. Получит свое и успокоится. А ты - идеалист, а значит, не угомонишься, пока всех не подгонишь под свой идеал. Ты у них надежду отбираешь, Глеб! Надежду, что последний год они проживут как люди, а перед дембелем - как короли! Ты же хочешь их все два года продержать в скотах, да кто ты после этого?

- Я советский офицер, - сатанея, сказал Глеб. - И я знаю один закон: Устав! И они у меня будут выполнять этот Устав, я сказал!

- Тьфу! - Деев загасил плевком окурок, бросил, растер, развернулся и зашагал обратно на аэродром. Глеб достал пачку "Родопи", закурил, в одиночестве и молчании выкурил три сигареты, сжигая адреналин. Потом растер посделний окурок о ствол дерева и пошел в диспетчерскую - нечто вроде импровизированного офицерского клуба, где общались десантники и офицеры из персонала аэродрома.

В диспетчерской было тесно. Офицеры сгрудились вокруг радиоприемника, вещавшего новости крымского "Радио-Миг". Мощный приемник аэродрома без труда брал крымскую волну через сеть помех.

- Падение курса акций "Арабат-Ойл-кампэни". За прошедшую неделю акции этой крупнейшей в Крыму промышленной корпорации упали на десять пунктов. Аналитики Симферопольского делового центра опасаются, что это повлечет за собой обвал

нескольких корпораций и банков, державших акции "Арабат-Ойл". Новости спорта: Москва усиленно готовится к Олимпиаде. Тем временем число стран-участниц сокращается. О своем бойкоте этой Олимпиады заявили Соединенные Штаты Америки. Это связано с протестом против введения советских войск в Афганистан. Из Непала...

- Не очень-то их там и ждали... - высказался старлей Говоров.

- Тихо! - рявкнул Глеб.

- Из Непала вернулся известный альпинист Артемий Верещагин, - сообщила дикторша. - Новая вершина, которую избрали для себя он и его команда - Лхоцзе, один из наиболее сложных гималайских восьмитысячников. Если не возникнет каких-либо препятствий, крымская экспедиция отправится в Гималаи. Подъем на Лхоцзе по Южной стене станет новым словом в практике высотных восхождений. Бокс. В полуфинал ежегодного первенства Крыма вышли Антон Костопуло и Сулейман Зарифуллин...

Глебу неинтересно было, кто вышел в полуфинал первенства Крыма. Другим офицерам, видимо, тоже. Самое интересное - политические новости - они уже прослушали.

- Захарова на вас нет, - Глеб сел в сторонке и закурил. - Он бы вам вставил за вражеские голоса.

- Врага надо знать, - возразил Деев. - Вот, ты, Глеб, знаешь, что они нас там ждут не дождутся?

- С распростертыми объятиями, - усмехнулся Глеб.

- Не веришь - послушай новости в одиннадцать. Они так к нам присоединиться хотят, что аж гопки скачут.

- А мы здесь на кой тогда?

- Для проведения военно-спортивного праздника "Весна", - буркнул старлей Говоров. - Будем хороводы водить.

- А к чему вы так прислушивались, товарищ капитан? - поинтересовался лейтенант Палишко. - Хоце - это что?

- Лхоцзе, - с удовольствием поправил Глеб. Он рад был отвлечься от мрачных мыслей. - Гора - черт шею свернет. А Южная стена - так и вообще. По этому маршруту еще никто не поднимался. Крутизна неимоверная, скалы и льды... Хотя эти крымские ребята - крепкие парни. На К-2 есть почти такой же сложности маршрут, называется "Волшебная линия". Так они его прошли.

- Вот сколько я с вами служу, товарищ капитан, - вздохнул Говоров, - Столько на вас удивляюсь. Летом люди в Сочи едут, а вы - в какие-то горы. На свои кровные все покупаете... Возвращаетесь - худой, аж зеленый... Ну ладно, вы - чемпион Союза, кубок в штабу стоит... Но другие-то, хотя бы тот же этот, как его, у которого фамилия из кино... Ему чего не хватает? - а он в горы ездит, и выбирает, где покруче... Я понимаю - нехорошо, на этом Эвересте только ленивый не побывал, а наших, советских, не было. Надо, да. Престиж. Ну вас вот отобрали в команду, еще кого-то... А остальные? Они-то - зачем лазят?

- Толик, - нежно сказал Глеб, - Мне этот вопрос задавали тысячу сто сорок раз. И я всегда отвечал: "не знаю". Не знаю, понимаешь? Верней, знаю, но объяснить не могу. Не дано мне. Вот Высоцкий - один раз в жизни в горах был, а сумел объяснить. "Вершина", есть такая песня - знаешь?

***

28 апреля, 14-30, расположение 4-го батальона 1-й горноегерской бригады Корниловской дивизии

Кто здесь не бывал,
Кто не рисковал,
Тот сам себя не испытал,

Пусть даже внизу он звезды хватал с небес.
Внизу не встретишь, как не тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес

Песня плыла за окнами под аккомпанемент крепких форменных ботинок - вторая рота возвращалась со стрельб. Казалось, именно песня колыхала тяжелые черные шторы, одну из которых унтер Новак время от времени слегка приоткрывал, чтобы выпустить на улицу сигарный дым. Здесь он был единственным курящим.

На стене ровно светился слайд: белый клин на голубом фоне. Гора Лхоцзе, южная стена.

Обо всем уже поговорили.

- Повторяю еще раз, - закончил свою короткую речь Верещагин, - Мы идем на смертельный риск, и кончится наше предприятие неизвестно чем. Я никого не уговариваю, но начиная с этого момента отказываться уже будет поздно.

- Зачем все это повторять? - прапорщик Даничев вертел на пальце берет и беспечно улыбался. Верещагину захотелось треснуть его по шее, так как повторять следовало именно для таких, как этот - зеленых пацанов, не знающих цену ни своей жизни, ни чужой.

- Для очистки совести, - мрачно ответил он. - Все, господа. Расходимся. Благодарю за внимание.

Новак встал, точным щелчком выбросил сигару в сверкающую медью урну и первым вышел из конференц-зала. Он не сказал ни слова за все время брифинга, но в нем Верещагин был уверен более всего.

В дверном проеме Новак на секунду застыл и откозырял всем присутствующим. Потом развернулся на каблуках и... снова откозырял.

Глядя на унтера, даже человек сугубо штатский получил бы эстетическое наслаждение. А уж старые командиры - те, кто еще помнил Барона - и вовсе млели - так мгновенно и резко Новак застывал на месте, так великолепно быстр и плавен был взлет его ладони ко лбу, так неколебимо замирали два пальца возле лучистой кокарды.

Напротив Новака стоял командир горноегерской бригады полковник Кронин.

- Вольно, господа, - бросил он, прежде чем все успели вытянуться. - Не буду вас задерживать. Меня интересуете только вы, капитан Верещагин.

- Ну все, готовь задницу, - шепнул Артему поручик Томилин. - Сейчас тебе отольется наш гофкригсрат.

Офицеры и унтер-офицеры испарились из конференц-зала.

Заложив руки за спину, полковник прошелся по комнате, пересек луч проектора. Контрфорсы Лхоцзе поползли по складкам мундира, вершина царапнула нарукавный знак.

- Верещагин, я, кажется, передавал вам приказ явиться ко мне сразу по возвращении.

- Сэр?..

- Сейчас вы скажете, что не просматривали почту...

- Так точно, сэр!

- Я так и думал почему-то. А теперь вы мне объясните, что здесь происходило.

- Что именно, ваше высокоблагородие?

- Вот этот... съезд. Что вы тут обсуждали?

- Результаты разведки, господин полковник. Если вам будет угодно, я могу продемонстрировать все слайды с самого начала и объяснить...

-Tell the sailors about it*, Верещагин! Трех четвертей вашей постоянной команды здесь нет, вы их даже не позвали. Но зачем-то позвали Козырева и Новака, которые сроду никуда не ездили, а по скалам лазают только во время марш-бросков.

- Ваше высокоблагородие, при всем моем уважении к вам, я не могу беседовать в таком тоне. Скажите, в чем, собственно, вы меня обвиняете, и тогда я смогу либо защищаться, либо признать свою вину. Мы пока еще в армии Юга России, а не в...

- Вот именно, капитан! - полковник сел на стол. - Вот именно! Воссоединение начнется со дня на день, а тут самый... политически неблагонадежный из моих офицеров - находясь, между прочим, в отпуске! - шляется по территории полка и проводит тайные конференции за черными шторами. Чему вы улыбаетесь, черт вас подрал?

- Полицейская терминология вам не дается, господин полковник. При слове "неблагонадежный" вас так перекосило, будто вы надкусили лимон.

- Вас еще не так перекосит, когда я вами займусь! - пригрозил полковник. - Я еще помню, что вы говорили журналистам после К-2. Вам, похоже, нужно постоянно напоминать, что армия создана не для того, чтобы вы совершенствовали свое альпинистское мастерство, и, красуясь перед телекамерами, делали провокационные заявления.

- Сэр, я помню, для чего существует армия.

- И для чего же?

- В уставе форсиз сказано, что мы должны отражать вооруженные нападения на Крым или предотвращать их, сэр. Устав не регламентирует эмоций военнослужащего, бессильного отразить такое нападение или предотвратить его. Я волен чувствовать по поводу Идеи Общей Судьбы все, что угодно. Я волен говорить, что я чувствую, коль скоро меня об этом спрашивают.

- А если вам сейчас же придется отсюда отправиться на гауптвахту, как вы на это посмотрите?

- Я в отпуске, сэр. И воинских преступлений не совершал...

- Ну так и догуливайте свои отпуск! Оденьтесь в цивильное, катитесь на свою квартиру, и не показывайте здесь носа, пока отпуск не кончится.

Полковник вздохнул и как-то странно осел на столе, как будто из него вытащили невидимый стержень. Все его пятьдесят семь лет проступили на лице.

- Честно говоря, Арт, мне было бы куда спокойней, если бы вы сидели в своем Непале. А так - я не знаю, чего от вас ждать. Вы - темная лошадка, Арт.

Верещагин ничего не отвечая, выключил проектор и накрыл его чехлом.

- Я так и не могу понять, как вам удалось стать офицером, - продолжал полковник. - Вас должны были отсеять из армии еще до того, как вы стали действительным рядовым.

- Разве я плохой офицер? - спросил Артем.

- Вы хороший офицер, - согласился полковник. - Вы знаете дело. Умеете работать с людьми. Вы быстро соображаете и хорошо держите себя в руках. Но человека, который отказал вам в университетской стипендии, я считаю своим личным врагом. Короче, - он перешел на английский, и отчего-то вновь распрямился разгладился, как будто незримый стержень снова держал его позвоночник. - Вам осталось два дня. На третий день вы появляетесь к утренней поверке. Но эти два дня я не должен видеть вас здесь. Увижу - закатаю на гауптвахту в превентивном порядке, а там можете хоть подавать на меня в суд. Все, вы свободны, идите...

Верещагин сунул в карман коробку со слайдами, откланялся и вышел. Уже за дверями его нагнал голос полковника:

- И вашего Сэнда это тоже касается!

Еще в феврале Шамиль натурализовался как Шэм Сэнд. Многие в последние два года меняли свои имена на "яки"-лад. Армейцев это поветрие коснулось меньше, но в роте Верещагина все же было три случая: рядовые Иван Кассиди, Масуд Халилов и Петр Воскокобойников стали, соответственно, Яном Кэсом, Масхом Али и Питом Уоксом. Нет, определенная польза от такого сокращения имен, в общем-то, была: традиционно имя, фамилия и звание крымского военнослужащего были вышиты на клапане его кармана по-

русски и по-английски. Одно время татары требовали, чтобы и их язык был отражен, но командование здраво рассудило, что клапаны у карманов не резиновые. И без того грудь некоторых военных, носящих особенно витиеватые фамилии, украшают буквосочетания, при виде которых иностранных гостей начинаются семантические рудности. Например, сам Арт был помечен надписью "cpt. A. Verestshagin". На совместных учениях коллеги из иностранных армий очень быстро переходили на "Арт".

Расположение батальона пустовало: одна рота ушла в учебный центр, вторая несла охрану в Чуфут-Кале, тактическом центре Вооруженных Сил Юга России, третья была на стрельбах. Чудо, что удалось собрать всех. Если бы не удалось, Артем расшибся бы, пожертвовал кое-чем очень важным, но собрал бы. Жертвовать и расшибаться не придется. Очередное сегодняшнее чудо. Ему очень, очень нужен сегодняшний вечер, но завтрашний день еще нужнее... И если за сегодня весь запас чудес будет исчерпан - что делать завтра?

- Значит, встречаемся завтра? - Козырев ждал его у выхода.

- Как договорились.

- Чего Старик хотел?

- Пустое.

- Володя! - окликнул Козырева подполковник Ставраки. - Что у тебя в следующую субботу?

- Скачу в Карасу-Базаре для Волынского-Басманова.

- А кто?

- Африка.

- И как она?

- Упрямая старая коза, сэр. Губы - как подметки. Но прыгает неплохо. Рискните десяткой, если хотите. Для стоящих лошадей Басманов нанимает профессионалов.

- А какие шансы у Глагола?

- Фаворитом идет Джабраил, но чем черт не шутит... Попробуйте.

- Спасибо, - подполковник сделал пометку в талоне предварительных ставок и "заметил" Верещагина. - С возвращением, Арт. Зайдите, пожалуйста, к Старику, он очень хотел вас видеть.

- Я уже виделся с ним.

- Кончился ваш отпуск?

- Еще нет.

- Ну, так чего вы здесь торчите? Мешаете людям...

- Уже уезжаю, сэр.

- Вы хоть в бар вечером позовете по случаю возвращения?

- Завтра, ваше благородие.

- Ну, завтра так завтра... Ближе к людям надо быть, Верещагин. Проще, проще. Спуститесь со своих вершин. Люди на земле живут.

- Вас понял, сэр.

- Устарело, Верещагин! Теперь отвечают так: "Служу Советскому Союзу!"

-Я не знаю, кому вы служите, господин подполковник, - ответил Артем. - Я присягал на верность Крыму.

- России, Верещагин, России! А Россия - это СССР.

- Мое мнение по этому вопросу вам известно, Антон Петрович.

- Оно всем известно, Верещагин. Черт побери, я еще помню, как меня отымели за ваше телеинтервью. Знаете, за что вас не любят, Арт? За то, что вы всегда хотите казаться самым умным. Вот, у всех мнение такое, а у вас не такое... И ладно бы вы при этом помалкивали... Нет, нужно обязательно выступить. Вся армия шагает не в ногу. а капитан Верещагин - в ногу...

Артем не стал ему говорить, что за тогдашнее телеинтервью в первую очередь огреб он сам. И от Ставраки, своего непосредственного командира, в том числе. Не стал

доказывать, что Общая Судьба - это конец крымской армии, которая при всех своих недостатках двенадцать лет давала ему не очень сладкий, но верный кусок хлеба. Не Артем не вспомнил ни словом, как Ставраки три года назад поносил Лучникова и предлагал наложить взыскание на всех офицеров, читающих "Русский Курьер". Он просто откозырял и сказал:

- Честь имею, сэр.

- Вот таракан, - процедил Козырев, провожая артема до ворот. - Не мог не пнуть.

- Да бог с ним.- от Верещагинаподобные придирки уже давно отскакивали, не раня. Они были неизбежны, ибо он не всегда умел удержать язык за зубами, а декабрьские события вызвали и вовсе что-то вроде нервного срыва, когда он наплевал на все и начал, что называется, резать в глаза - а какой смысл сдерживаться, если приговор уже подписан?

Шамиль ждал капитана на полковой парковке, где хромом и черным лаком сверкал его "Харламов".

- Отчего загрустил,Шэм ? - спросил Верещагин. - Лично я намерен этот вечер провести с большой пользой для себя. Или тебе нечем заняться?

Шэм вяло улыбнулся.

- Ждать тяжело, сэр, - пояснил он. - Скорее бы...

Территорию полка "харламов" и джип-хайлендер покинули одновременно. На первой же развилке Шэм, махнув на прощанье рукой, повернул мотоцикл налево, к виноградникам Изумрудного. "Хайлендер" же поехал в нагорный дистрикт Бахчисарая, где снимал небольшую, "однобедренную" (1 bedroom) квартиру капитан Верещагин.

С порога, едва сбросив туфли, Артем кинулся к телефону. Быстрая фиоритура по кнопкам набора, увертюра длинных гудков...

- Полк морской пехоты, дежурный слушает, - яки-акцент грубого помола.

- Сообщение для капитана Берлиани.

- Джаста момент, сэр. Записуваю...

- Передал капитан Верещагин. В шесть часов сегодня я жду капитана Берлиани в "Синем Якоре". Записали?

- Так точно.

- Повторите.

- Капитан Берлиани мессейдж: сегодня в шесть капитан Вэри-ша-гин ждет в "Синим якорь".

- Большое спасибо, дежурный.

Не покладая трубки, он набрал новый номер.

- Четвертый полк, дежурная, - семитские обертоны.

- Поручика Уточкину, мэм.

- Кто?

- Капитан Верещагин.

- Минутку.

Дурацкая электронная музыка, сопровождающая переключение аппарата.

- Ее нет на месте, сэр. Она в увольнении.

- В Севастополе у матери?

- Да, сэр.

Опять чудо? Артем начал слегка беспокоиться - какое-то непомерное везение...

- Большое спасибо, леди.

Что теперь? Теперь - последний звонок... Верещагин набрал номер.

- Простите, - сказал по-английски светлый женский голосочек, щедро сдобренный акцентом - на сей раз немецким, - Господина Остерманна нет дома. Пожалуйста, оставьте свое сообщение.

- Это Верещагин, - сказал он автоответчику. - До четверти шестого я дома, с шести до семи - в "Синем Якоре", с восьми до десяти - в "Пьеро", потом до утра - в "Севастополь-Шератон". Жду звонка.

"И что теперь?" - он посмотрел на нераспакованный рюкзак. - "Нет, сначала обед. Потом - в банк... Дьявол, обещал же быть дома, ждать звонка... Ладно, в банк - по дороге в Севастополь. Пятнадцать минут форы. Спать хочется, смена часовых поясов, туда-сюда... Не дай Бог, господин Остерманн, стукнет вам позвонить в "Шератон". Я, конечно, отвечу, но - как там у Зощенко? - в душе затаю некоторую грубость.

Он выгрузил из бумажного пакета на стол свою добычу, трофеи из лавочки на углу: бекон-нарезку, пол-дюжины яиц, маленький пресный хлебец, пакет чая и итальянский сырный салат в полуфунтовой упаковке. Почти ровно на один обед. Пансионная, сиротская привычка: не делать ни запасов, ни долгов. Наверное, глупая. На каждый чих не наздравствуешься. Зато тратится масса нервов: все ли сделано, не осталось ли чего... Нужно разумнее распределять свою жизнь... Слишком много он попытался запихнуть в эти полгода, и что-то наверняка получится скверно, и, как обычно - самое главное.

Обидно.

Капитан встал у окна, выходившего на внутренний дворик доходного дома. Три часа дня. Чудесный солнечный afternoon, совершенно летняя жара. Очаровательный расхлябанный мальчишка пересекает двор, пиная ботинком пивную банку. Легкий жестяной звон... Старичок на галерее напротив не одобряет, на что мальчишка плевал: в двенадцать лет все анархисты. Мгновение застывает в памяти, как муха в янтаре... Пронзительное и краткое ощущение вечности разрушено молодецким посвистом чайника...

После обеда Артем вымыл за собой посуду и разобрал рюкзак. Покидая квартиру, вынес мусор. Это даже не привычка. Привычка - все-таки вторая натура, а это первая. Ни долгов, ни запасов. Глупость несусветная: почему-то его всегда бросало в дрожь при мысли о мусоре, воняющем в пустой квартире и вертящемся впустую счетчике... Как в рассказе Брэдбери: исправная система жизнеобеспечения - и три силуэта на обугленной стене. Вот почему-то думать о своем бренном теле, закатанном в снег, было не так страшно, как воображать завонявшийся в квартире мусор и какой-нибудь сиротливый пакет скисшего йогурта в углу холодильника. Квинтэссенция безысходности. Что за ересь лезет в голову...

Он запер квартиру, спустился в машину, бросил почту на заднее сиденье. Будет время - посмотрит внимательнее. Не будет времени - и ляд с ним.

Маленький джип-"хайлендер", попетляв бахчисарайскими улочками, выкатился на Севастопольский Highway и затерялся в потоке машин.

***

"Синий якорь" был севастопольским офицерским клубом. Капитан Берлиани, офицер морской пехоты, князь из старинного грузинского рода, один из лучших скалолазов Крыма и покоритель Эвереста - ничего не забыли? Да нет, вроде ничего - явился туда со свойственной ему пунктуальностью: опоздав ровно на пятнадцать минут. Верещагин подозревал, что и к воротам чистилища Георгий Берлиани придет с пятнадцатиминутным опозданием.

...Они познакомились в гимназии имени Александра II Освободителя благодаря доске объявлений. В наше вывихнутое время черт знает что может прийти в голову, так вот: объявление, вывешенное шестиклассником Берлиани, гласило: "Продам скальные ботинки, почти новые. Обращаться в 6-й класс. Берлиани". Реклама - двигатель торговли. Пятиклассник Верещагин прочитал объявление и обратился в 6-й класс. Сделка

состоялась: ботинки, из которых Георгий вырос, были обменены на две контрольные по латыни и две - по физике.

Разные силы могут породить и удерживать мальчишескую дружбу. По правде говоря, настоящая мужская дружба так же редко встречается, как и настоящая любовь. В свои четырнадцать лет Гия понял это достаточно четко. Богач, потомок старинного рода, наследник титула и состояния, он пользовался огромным успехом. Его жизнь и карьера были расписаны на много лет вперед: после гимназии должно было перед ним открыться Севастопольское Военно-Морское Офицерское Училище, затем - Академия морской пехоты в Аннаполисе, США, затем - лет десять службы и Академия Главштаба. Гия Берлиани должен был закончить свою карьеру по меньшей мере начштаба флота, "5-й дивизии" крымских форсиз. У него была машина, родители оплачивали ему просторную квартиру в престижном районе и регулярно переводили деньги на его банковский счет в Симфи. Вокруг постоянно крутилась шайка прихлебателей, готовых услужить чем угодно за право напиваться на вечеринках в его квартире, кататься с ним на его машине, донашивать за ним вещи из дорогих бутиков и брать у него в долг. Гия ненавидел всю эту толпу. В четырнадцать лет он был уже законченным циником. Ему нравилось издеваться над ними, помыкать и командовать. И, коль скоро они это позволяли, значит, они этого заслуживали.

Он был уверен, что после четырех вечеров, проведенных за контрольными, пятиклассник Арт Верещагин присоединится к ораве прилипал. Ничуть не бывало. В коридорах гимназии он ограничивался новомодным американским приветствием - "Хай!" Не пытался идти на сближение, не искал контакта, не спрашивал, например, нужно ли еще помочь с контрольными. Сделка совершилась, адью.

Один раз Гия случайно встретил его под Красным Камнем. Ну правильно, нужны же ему были горные ботинки. Георгий, как всегда, приехал на своей машине в компании вечных спутников. Арт был один. Он уже начал восхождение, шел на самостраховке - неумело, затрачивая минуты там, где Гия обошелся бы секундами. И, кроме всего прочего, сбился с маршрута. Ватага поприветствовала храброго восходителя веселым свистом и рядом остроумных замечаний:

- Эй! Тритон Тритоныч!

- Ботинки не потеряй!

- Эу, Тем, ты весь там, или только жопа?!

- А ну тихо! - скомандовал Георгий. - Сейчас я покажу класс.

Он переоделся, обвязался "беседкой", повесил на пояс крючья, закладки и карабины, ткнул одному из дружков страховочную веревку и прямо так, без разминки, пошел вверх - красиво, плавно и быстро, с нижней страховкой. Он догнал Верещагина, застрявшего на последних пяти метрах маршрута, в десять минут.

- Эй, пятиклашка! Ты с маршрута сбился!

- Спасибо, - сквозь зубы ответил Артем, против всех законов скалолазания перехватываясь за следующую зацепку правой рукой внахлест через левую.

- Ты лазаешь, как беременная корова, - сказал Гия.

Артем не ответил. Гия знал, что сейчас произойдет (сам он тоже отметился на этом месте два года назад): не сумев найти следующей зацепки, Артем устанет и сорвется.

- Слетишь сейчас. - сказал он.

Арт сжал губы в нитку. Сделал рывок, отчаянно царапнул пальцами по ржавому граниту, не дотянулся до зацепки и разом оказался тремя метрами ниже, повиснув на страховочной веревке. Георгий дал своему "оруженосцу" знак: отпустить немного веревку. "Парашютом" спустился к незадачливому скалолазу, переживающему острую боль в ободранных ладнях и коленях.

- Давай поменяемся веревками. Перейдешь на маршрут "маятником", - предложил Гия. На скале он держался как древесная лягушка и мог совершенно спокойно

добраться до Верещагина, пристегнуть его к своему карабину, самому пристегнуться к его страховке, вернуться на маршрут и закончить его.

- Пошел к черту, - ответил на такое великодушие хам Верещагин. - Мне от тебя, твое сиятельство, ничего не нужно, понял?

Георгий вспыхнул. Впервые он услышал свой титул, признесенный с интонацией ругательства.

- Ну ладно, - сказал он. - Ковыряйся дальше.

Верещагин ковырялся долго - Гия, закончив маршрут, уехал в другое место и не знал, когда закончился его поединок с Красным Камнем. Но осадок остался. Как это так: босяку, который учится в гимназии за деньги налогоплательщиков и за те же деньги живет в дешевом ирландском пансионе для гимназистов, ничего не надо от Георгия Берлиани, первого парня в Симферополе? Вранье! Ему, как и всем, надо, просто он ломается, набивает себе цену! Долбаный мобил-дробил... Гия свистнет - и он прибежит как миленький, нужно только немного приоткрыть щелочку в допуске к своему сиятельству...

На одной из перемен Гия нашел Артема в классе.

- Слушай, у тебя есть "Пушки Наварона"?

"Пушки Наварона" были у него самого, но нужен какой-то повод для завязывания отношений. Гия прикинул, что у скалолаза-самоучки не может не быть "Пушек Наварона". Небось, воображает себя капитаном Кейтом Мэллори, засранец.

- Есть, - отозвался Артем.

- Дай почитать.

- Приходи.

Георгий на миг потерял дар речи. Не "Когда принести", а "Приходи". Понял? Тебе надо, ты и приходи. До этого никто не приглашал Георгия к себе домой, тем более в пансион - кому охота позориться. Верещагину было охота. Годы спустя Георгий понял, что это был снобизм. Слово "сноб", если кто не знает, произошло от аббревиатуры "S. Nob" - "Sans Nobile", которой в Кембридже и Оксфорде помечали незнатных студентов. Так что Верещагин был снобом в первозданном значении этого слова. И Георгию это неожиданно понравилось. Общение с человеком, которому действительно ничего не нужно, оказалось комфортным. Кроме того, Георгию надоело таскать с собой под стены развеселую компашку. Как-то незаметно Артем вытеснил всех. Он стал напарником Князя по связке, и Гия с некоторой ревностью отметил, что технике Арт учится невероятно быстро. Меньше, чем за год он стал (Гия признал это лишь про себя и со скрипом) лучшим скалолазом, чем свой наставник. Они вместе тренировались, вместе ездили на уик-энды в скалы, вместе ненавидели превозносимого в гимназии Пушкина и читали опального Маяковского, вместе слушали "Битлз", "Роллинг Стоунз", Пресли и Чака Берри, вместе зачитывались Толкиеном и Ле Гуин, наслаждались Маклином, Флемингом и Форсайтом, продирались через Пруста и краснели над Миллером. Оба мечтали о гималайских восхождениях - нога русского альпиниста еще не ступила ни на один из восьмитысячников планеты, так что у них были все шансы оказаться первыми в своей деревне!

Окончив гимназию, Георгий на какое-то время потерял Артема из виду, скованный стальным распорядком жизни курсанта. Через год он, как и предполагалось, уехал в Аннаполис.

Он прожил в Штатах три года, осваивая военно-морскую премудрость, волочась за девушками и побивая в американский футбол команду Уэст-Пойнта (в составе команды Аннаполиса, естественно). С Артемом они переписывались и иногда перезванивались. Начались дипломатические осложнения с Турцией - Гия вернулся в Крым и получил звание офицера, а когда дипломатические осложнения перешли в войну - успел немножко повоевать. Сразу после войны Арт позвонил ему, и они встретились.

Мальчишеская дружба, как и старая любовь, не ржавеет. Но Артем и Гия уже не были теми мальчишками, какими переступили порог гимназии. А в Верещагине эта

перемена видна была особенно резко: он стал экстравертней, напористей и жестче. И одновременно - появилась в нем какая-то обтекаемость. Чем-то он стал похож на сверхзвуковой истребитель.

- Класс еще не потерял? - спросил Артем едва ли не с самого начала встречи.

Планы были грандиозны. Верещагин показал графики, полученные факсом из Непала и Индии. Если подсуетиться, можно было забронировать на 75-й год Аннапурну, зимнее восхождение, на 76-й - Канченджангу, на 77-й - Эверест. У Берлиани закружилась голова.

- У нас уже есть полкоманды. Отличные ребята, превосходно лазают. Но маловато experienca на льду. В этом году едем в Альпы, но это не совсем то. Ты можешь по своим американским каналам устроить экспедицию на Мак-Кинли? Совместно с янки, конечно. Посмотрим, наберемся опыта...

Гия понимал, что на этот раз он нужен Верещагину, что без него тот не обойдется. Его позвали не просто как друга - его позвали как влиятельного человека, сына главштабовского полковника, у которого все армейские тузы запросто бывают дома. Экспедиция в Гималаи - удовольствие не из дешевых. Победами на соревнованиях и рекордом скорости на Пти-Дрю Верещагин зарабатывал себе имя, под которое можно найти деньги. Но лучшая "крыша" - Главштаб. Военные - честолюбивый народ и видеть русский флаг в Гималаях многим будет приятно.

Итак, Гия наконец-то понадобился Верещагину как влиятельный, богатый и знатный человек. Это привнесло в их отношения нотку горечи и маленького тайного злорадства. Георгий понял, что мальчишеская дружба умерла. Они оба стали мужчинами, офицерами, ветеранами турецкой кампании. Мужчины должны были строить отношения заново. И это им удалось.

***

"Питер-турбо" Георгия вписался в парковочное место едва ли не впритирку - Берлиани был лихой ездок.

Артем, полировавший джинсами декоративный чугунный кнехт, поднялся ему навстречу.

- Привет! - он на секунду задохнулся в мощном объятии, тут же отстранился - не любил тесных телесных контактов. За одним исключением...

- Ох, я боялся, что ты не успеешь! - Князь отступил на шаг назад, оглядывая друга.

- Зря боялся.

- Зачем ты ехал вообще?

- А как я мог не поехать? Проел плешь всему Главштабу, а потом отказался? Да Старик убил бы меня на месте. Слушай, мы будем обсуждать все это на свежем воздухе или пойдем в клуб?

Клуб "Синий якорь", как и все остальные офицерские клубы Острова, представлял собой смесь бара, ресторана и игорного дома. Верещагин не любил офицерские клубы и крайне редко посещал их, ему не нравилась атмосфера табачных курений и мужской сплетни, перегара и крапленого азарта. Но по принципу прятания листьев в лесу, он счел офицерский клуб идеальным местом для дружеской встречи двух офицеров. Их диалог растворился в репликах понтеров и банкометов, соударениях биллиардных шаров, тихих блюзовых аккордах, англо-французской болтовне, перемежаемой беззлобным русским матом, и прочих звуках симфонии "Доблестное белое офицерство на отдыхе".

- Ты виделся с нашими?

- Только что.

- А наш общий знакомый тебе звонил?

- Еще нет. Может, он раздумал?

- Все может быть. Сколько у нас человек?

- Ты, я, Козырев, Шэм, Томилин, Даничев, Хикс, Миллер и Сидорук. Новак останется в батальоне.

- О чем с тобой говорил Старик? - спросил Георгий.

- Уже стукнули?

- Хикс беспокоится.

- Ерунда.

- Ты ему не нравишься.

- Я не целковый, чтобы всем нравиться.

- Он может нам испортить музыку?

- Вряд ли. Он... как тебе сказать? Старый служака английского образца. Эта ситуация, весь этот бардак - он просто не знает, как себя вести. Вот и нервничает.

- А ты не нервничаешь?

- Я знаю, как себя вести.

Георгий вздохнул.

- Арт, ты и в самом деле не сомневаешься ни в чем? Вот так железно во всем уверен?

- А ви шьто прэдлагаэте, Гиоргий Канстантинович?

- А в ухо? - грозно спросил Князь.

- А я с Месснером познакомился.

- Умыл. Что пить будешь?

- Пожалуй, ничего.

- Слушай, не позорь гороноегерскую бригаду.

- Да я уже пил. Сегодня утром. В Дубаи.

- Ты утром пил. А уже вечер...

- Так еще ночь впереди...

- Господин Верещагин! - крикнул бармен.

- Здесь! - Артем прошел к стойке и взял у бармена трубку.

- Это Остерманн, - сказала трубка без малейших признаков акцента. - Я волновался за вас, капитан. Как там Лхоцзе?

- Еще не упала.

- Очень рад. Ну, сколько человек участвует в экспедиции? Добавьте, разумеется, офицера связи - оборудование рассчитано на всех.

- Десять человек.

- Замечательно. Кстати, ваши вещи так и лежат в камере хранения на автостанции в Бахчи. Вы еще помните номер ячейки?

- Нет, откуда?

- Номер 415, код - Криспин. Очень легко запомнить - Шекспир, "Генрих Пятый", помните этот фильм с Лоуренсом Оливье?

- Помню. Спасибо, господин Остерманн.

- До завтра, - ответила трубка.

Князь ждал в некотором напряжении.

- Наш общий знакомый? - спросил он.

- Да, беспокоился о наших шмотках, что на автостанции в Бахчи. Ячейка номер 415, код - "Криспин". Очень легко запомнить - Шекспир, "Генрих Пятый" с Лоуренсом Оливье. Большой шутник наш господин Остерманн.

- Ячейка 415, "Криспин". Bugger all, чувствую себя последним идиотом. Во что мы все ввязываемся?

- Ничего, уже недолго осталось. Жизнь коротка, потерпи.

- Переночуешь у меня?

- Нет, Гия, сегодня я ночую в "Шератоне".

- У тебя дядя-миллионер в Америке умер? - спросил потрясенный Берлиани.

- I'm the man that broke the bank in Monte Carlo! - пропел Артем и добавил: - Я еще и ужинаю в "Пьеро".

- Мальчик мой, женщины, вино и деньги погубят вашу душу. Твоя царица, да? - Князь улыбнулся, показав чуть ли не все тридцать два превосходных зуба.

- Моя царица.

- Слушай, познакомь меня с ней, а?

- Отвяжись. Ты высокий и красивый. Ты у меня ее отобьешь.

- Это комплекс неполноценности. Когда будешь переключать передачи, возьмись за рычаг, а не за...

- Гия, твои шуточки отдают казармой. В них я слышу гнусную зависть человека, который никак не устроит свою личную жизнь.

Князь Берлиани вздохнул.

- Аристократия - анахронизм, - сказал он.

Георгий действительно был заложником вековых традиций. Как единственный сын в семье, он был обязан жениться и произвести на свет наследника. Десять лет назад, как ему казалось, он решил проблему, заключив помолвку со своей троюродной сестрой, княжной Екатериной Багратиони-Мухрани. Княжна влюбилась в него с первого взгляда - немудрено, девятилетним девочкам свойственно влюбляться в красавцев-офицеров. Кето предстояло окончить закрытую школу в Англии, на что ушло бы, как минимум, восемь лет. Георгий рассчитывал, что детская влюбленность Кетеван за это время остынет в холодных стенах школы-пансиона, задохнется в пыльных шекспировских шедеврах и усохнет в тенетах математических премудростей. Но его расчет не оправдался. И когда юная красавица вернулась из Соединенного Королевства, семья обрушились на князя: женись! Закавыка: имелась еще некая Дженис, американская знакомая, которая уже три года как жила в Крыму - вроде бы как своей самостоятельной жизнью, но очень сомнительно, что только должность крымского представителя BBDO соблазнила ее променять Балтимор на Симфи.

Верещагин, как истинный плебей, полагал всю проблему надуманной.

- Традиции и анахронизмы существуют постольку, поскольку мы их поддерживаем. Расторгни помолвку - и все дела.

- Меня распнут. - Князь немного помолчал.

- Пытаться сохранить этническую чистоту в условиях Острова - по меньшей мере неразумно.

- Мои родные думают решить проблему за счет Общей Судьбы. Должен же в Грузии остаться кто-то из Джапаридзе или Тцеретели.

- Тебе и в самом деле годится только аристократка?

- Не мне - этим бешеным бабам, моим теткам, и матери.

- А если никого не найдется?

- Тогда, может быть, они согласятся на мой брак с Дженис. - Князь снова показал зубы. - Ты думаешь, почему я вступил в ваш клуб самоубийц?

- С дальним прицелом... А если серьезно, Гия - почему?

Берлиани слегка задумался.

- Не знаю, Арт. Может, потому, что я все-таки солдат. А солдату неловко сдаваться без драки.

- "Я дерусь, потому что дерусь"?

- Что-то вроде.

- Подвезти тебя в верхний город?

- Ого! Твоя царица живет в верхнем городе? А где же твое классовое чутье?

- Она там гостит.

Они расплатились и вышли на набережную. В море отражался вечер, бриз ворочал трехэтажные облака.

Артем высадил Князя возле особняка его матери.

- Когда увидимся? - спросил Георгий.

- Завтра.

- Уже завтра... - Берлиани оттянул пальцем воротничок. - Ладно, до завтра. Чимборазо и Котопакси...

- Керос и Наварон, Гия.

Они засмеялись, и вечер улыбнулся им улыбкой их детства.

3. Кафе "Пьеро"

...Эта весна ужасна,
Эта любовь хороша...
Ю. Шевчук, "Глазища"

Севастополь, 28 апреля, 17-20

Девицы Бутурлины, Мари и Натали, пребывали в некоторой растерянности. Сложилась, знаете ли, несколько нештатная ситуация. Нет, то, что в гости к их экономке Анне Михайловне приехала ее дочь Тамара - мы вместе росли, знаете? Она была нам как сестра! - так вот, эта ситуация являлась вполне штатной. Но, видите ли, к Тэмми пришел ее молодой человек, капитан Вооруженных Сил Юга России, и вдобавок к тому - альпинист, который поднимался на Эверест вместе с Жоржем Берлиани (мечтательный взмах ресниц - ах, этот Жорж!). Конечно, такого человека никак нельзя не пригласить в гостиную. Девицы Бутурлины вцепились в капитана с двух сторон так, словно хотели препарировать его на предмет поисков пресловутой "военной косточки". Но не тут-то было: капитан оказался крепким орешком, и вдобавок - совершенно неинтересным типом. И как Жорж мог иметь дело с таким бесцветным человеком?

- Как вы относитесь к Идее Общей Судьбы, капитан? - Мари Бутурлина держалась в нарочито демократическом стиле и чай пила неформально, восседая на спинке дивана.

- Адекватно, мэм! - отсолдафонил Верещагин. В доме Бутурлиных он был не единожды, но дочерей хозяйки видел в первый, и надеялся, что в последний раз.

Мари встопорщила перышки.

- Что значит "адекватно"?

- Это значит "как прикажут", мэм.

- Мари, не донимай господина Верещагина своей Идеей. - Натали работала на контрасте, она была светская барышня. - Извините ее, капитан, она такая фанатка ИОСа, что порою кажется более "левой", чем сам Лучников. Знаете, ведь Андрей у нас бывает... Не часто, конечно, но так, иногда... Он любит сидеть в том самом кресле, в котором сидите вы...

Артем добросовестно изогнулся, чтобы получше рассмотреть кресло.

- Я все-таки не понимаю, - ершилась Мари. - Вы будете стрелять в советских солдат, если вам прикажут?

- Приказ есть приказ, мэм.

- Перестаньте меня так называть, мы не в казарме. Мне просто хочется знать, какие-то свои, личные убеждения у вас есть?

- Сейчас Мари начнет обращать вас в свою веру, - Натали томно закатила глазки. - Мне так надоели эти политические диспуты! Иногда я думаю: хоть бы скорее пришли Советы, тогда все, по крайней мере, перестанут спорить, хорошо это или плохо...

О да, подумал Верещагин, спорить действительно перестанут.

- Хватит об этом. Лучше расскажите немного о себе. Знаете, Тамара так мало о вас рассказывает. Кажется, вы только сегодня из Непала? Удивительная страна, не правда ли?

- Да, сударыня. Удивительная страна.

- Ваш загар совершенно великолепен. Мы еще не успели так загореть. Как называется гора, на которую вы поднимались?

- Мы не поднимались, мэм. Мы проводили экспедиционную разведку. Гора называется Лхоцзе.

- Наверное, альпинисты - это очень мужественные люди.

- Наверное, мэм.

- Знаете, все это так увлекательно, что когда-нибудь я все же соберусь и поеду в Гималаи.Что вообще в Гималаях опаснее всего? Лавины? Камнепады?

- Амебная дизентерия.

Мари разразилась хохотом, которому позавидовала бы любая портовая камелия с натруженными лопатками. Натали сделала вид, что ничего не заметила. Артем прикинул, не описать ли девушкам затруднения с диагностикой амебной дизентерии в горах - в общем-то, на большой высоте начинает нести многих, и поди ты разбери, от чего тебя несет... Но потом решил, что это будет перебор: в конце концов, он изображает бравого капитана, а не бравого фельдфебеля.

- Знаете, капитан, я всегда была поклонницей философии буддизма, - наконец нашлась Натали. - Реинкарнация, переселение душ... Как вы думаете, кем вы были в прошлой жизни?

Верещагин никогда об этом не задумывался.

- М-м... стыдно признаваться, но в горах я становлюсь гораздо более ревностным христианином, чем на равнине.

- Но все-таки, - не унималась Натали. - Неужели вас не заинтересовали обычаи непальцев?

Верещагин улыбнулся. В Непале улыбка - самый что ни на есть национальный обычай. Нет, их улыбки - это не американское холодное, фирменно-белозубое и стандартное, как пожарный гидрант keep smiling. Улыбка непальца щербата, темна и согрета солнцем, как молитвенный камень у дороги в Намчебазар...

- Да, обычаи у непальцев забавные, - с воодушевлением сказал он. - Знаете, я как-то битый час простоял на набережной, глядя, как сжигают покойников... Чрезвычайно занимательное зрелище... Дров там не хватает, и в реку часто сбрасывают недожаренный труп... Полгорода, что интересно, пьет из этой реки, давно уже должны вымереть от кишечных инфекций - ан нет. Река считается священной... Вот, что делает вера...

Мари поперхнулась, сдавленно извинилась и выскочила из гостиной, едва не сбив с ног Тамару, которая появилась (наконец-то!) с такой естественностью и грацией, словно это она, а не две светские лошади, была хозяйкой дома.

- Арт, это слишком, - заметила она.

- Что вы, что вы! - кисло возразила Натали. - Тамара, ваш кавалер необычайно интересный собеседник. Для человека своего происхождения он весьма оригинален...

Он решил отбить выпад.

- Кстати, мадемуазель, вы знаете, кто может считаться гражданином Непала?

- Нет, сударь...

- Любой, кто был зачат непальцем и непалкой.

Оставив Натали переваривать это пикантное сообщение, они покинули особняк. На выходе Верещагин слегка получил между лопаток.

- Вот тебе, - сказала Тамара, - Чтоб не задирался. Скажи, зачем тебе это понадобилось?

- Ненавижу безразличные расспросы. Месснеру за это хоть деньги платят...

- Сегодня они расскажут моей матери, какой ты солдафон. А завтра я по телефону в очередной раз услышу от нее, что ты мне не пара.

- Но ты же ей не поверишь...

- А какого черта? Если человек не умеет себя вести в приличном доме...

- Виноват, вашбла-ародь! Больше не повторится, вашбла-ародь!

- Когда ты начинаешь бравировать своим плебейством, ты просто ужасен.

Она поймала себя на том, что начинает испытывать раздражение уже в самом начале вечера - боже мой, а ведь только что была до умопомрачения рада его звонку и его появлению! Раздражение выплеснулось в вопросе:

- Ну, что у нас сегодня? Ужин во французском ресторане и ночь в мотеле? Ужин в китайском ресторане и ночь на яхте твоего друга? Ужин в турецком ресторане и ночь в твоей квартире?

- Не угадала. Ужин, для начала, в "Пьеро". А где ночь - увидишь.

- После ужина в "Пьеро" ночь можно провести только на заднем сиденье твоего "хайлендера". Тебе не кажется, что мы немножко не в том возрасте, чтоб тискаться на заднем сиденье автомобиля?

- С тобой я готов тискаться где угодно. Скажешь на заднем сиденье - будем на заднем сиденье.

- Не сомневаюсь. И все-таки, где ты взял деньги на "Пьеро"?

- В тумбочке.

- ???

- Это советский анекдот. "Где ты берешь деньги? - В тумбочке. - А кто их туда кладет? - Моя жена. - А кто ей дает деньги? - Я. - А где ты берешь деньги? - В тумбочке."

Она сдержанно посмеялась:

- Ну, а все-таки?

- Я снял все со своего счета.

- Ты с ума сошел?

- Я подумал - зачем советскому человеку счет в крымских рублях?

- А, перестань! Деньги бы обменяли по курсу, а так мы их проедим.

- Лучше их проесть, чем поменять по советскому курсу.

С этими словами они свернули в переулок Малый Арбат, ведущий к набережной Нахимова - и тем самым пересекли границу самого фешенебельного и дорогого района Севастополя.

***

Теперь представьте себе кафе "Пьеро" - полуподвал в двухэтажном особнячке на набережной, простая, почти незаметная вывеска - стилизация под "серебряный век", трагический черно-белый овал - лицо грустного клоуна, и вечер, упоительный севастопольский вечер...

Сроду Вертинский не бывал и не певал в этом кафе-шантане, но ушлые стилисты-рекламщики так много усилий приложили к тому, чтоб уверить в обратном туристов и местных, что в "Пьеро" народ валил валом, несмотря на космические цены. Денег в этом году севастопольцы не считали - к чему экономить бесполезные "тичи", когда вот-вот нагрянет Красная Армия, и принесет, кроме всего прочего, советский рубль - самую твердую в мире валюту, официальный курс которой не меняется вот уже двадцать лет!

Поэтому "Пьеро" был забит под завязку, и не закажи Артем столик заранее, свободного места они бы не нашли.

Тамара была здесь в первый раз. Это кафе-шантан находилось на верхнем пределе ее финансовых возможностей, и подбиралось к верхнему пределу финансовых возможностей Артема. Говорили, что получить здесь после легкого ужина с десертом счет

на миллион - обычное дело. Она села за столик и начала оглядывать стены, украшенные афишами и фотографиями Вертинского.

- С ума сойти! Он здесь выступал?

- Ни разу.

- Откуда ты знаешь?

- Просветил Гия Берлиани. В те годы этот бульвар еще не был построен. Вертинский действительно жил какое-то время в Севастополе, но тот дом был разрушен во время реконструкции.

- Жаль. Я думала, здесь все настоящее.

Арт пожал плечами.

- Кофе настоящий. Мороженое настоящее. Шансон настоящий. Чего ж вам боле?

- Да, ты прав. Здесь очень мило, - она была слегка разочарована.

Он улыбнулся.

- В Ялте, в "Невском Проспекте", за бешеные деньги сдается номер, где Высоцкий несколько дней жил с Мариной Влади. Никогда не понимал желания прикоснуться к знаменитости через то место, которое она почтила своим присутствием.

- Мало ли кто чего не понимает. Я, например, не понимаю желания прийти в такой дорогущий шантан в джинсах и пуловере на голое тело... Извини...

- Ничего... Ты сердишься, что меня так долго не было? Что я не взял отпуск вместе с тобой?

- Нет, уже не сержусь... Сначала хотелось удушить тебя, а потом я поняла... Мы ведь еще долго будем вместе, а в Гималаи тебя, скорее всего, больше не выпустят.

- Ты меня простила?

- Я боялась, что ты меня не простишь. Что больше не приедешь...

- Хорош бы я был, если бы не приехал! - он протянул руку через стол и взял ее ладонь, сжал осторожно и сильно. - Я полтора месяца с тобой не виделся. Как я мог не приехать?

Он приложил ее ладонь к своей щеке. Борода слегка кольнула руку.

- Как ты провела отпуск?

"Ужасно. Я, как идиотка, моталась в автобусе по всей Италии, и могла думать только о том, что ты с мной не поехал. Я три года копила деньги на этот круиз - и никакого удовольствия..."

- Неплохо. Только в Венеции шел дождь, все кошмарно затопило... Так что даже если бы ты поехал - все равно покататься на гондоле не вышло бы. А как ты съездил?

- Тоже неплохо. Уэмура собирается на Эверест в одиночку.

- Тебе все равно бы не разрешили.

- Да...

Ничто не делает мужчину таким привлекательным, как полуторамесячная разлука, подумала Тамара.

- There Beren came from mountains cold... - прошептал он. - And lost he wandered under leaves, and where the elven river rolled he walked alone and sorrowing. He peered between the hemlock leaves and saw in wonder flowers of gold upon her mantle and her sleeves and her hair like shadow following...*

...Они познакомились два года назад, на армейском рождественском балу.

Она к тому времени уже семь лет была военнослужащей - и этим все сказано. Вы знаете, что такое женщина-военнослужащая? Одно из двух: или это жена военного, или это любовница военного. Штатские не женятся на "форсянках". Особенно - на "Вдовах". Ну, какой штафирка примирится с прелестями армейской жизни: постоянным окружением толпы интересных мужиков, патрульными и тренировочными полетами, медицинскими проверками, тренировками, в конце концов - кругом такая масса штатских женщин!

Будучи женой военного, "форсянка" находится под непрерывным надзором. Не то, чтобы муж ревновал или шпионил - нет, просто ему постоянно невзначай о чем-нибудь сообщают. И ей, естественно, тоже. Карьерные амбиции мужа нередко упираются в аналогичную проблему его жены... Словом, или распадается семья, или женщина увольняется, едва закончится контракт...

Любовница военного... Это самый распространенный вариант. Даже "Вдовы", сугубо женская часть, не испытывают недостатка внимания со стороны мужчин-коллег. Аэродромная обслуга, охрана, коммандос из качинского полка специальных операций - вот далеко не полный список. Но никто из них не хочет жениться на военной. Кроме того, свою роль играют слухи о том, какое воздействие оказывают на женский организм вибрации при полетах на геликоптере.

А поскольку обета девственности ни одна из "Вдов" не давала, а знакомиться со штатскими особенно некогда, начинается связь с военным. Якобы тайная. Все о ней все знают и наблюдают с интересом, как за "мыльной оперой", которая разворачивается тут же, в натуре. Связь тянется год, полтора или два, а потом - с треском и болью рвется.

И тогда женщина решает: гори все огнем! Будем пользоваться мужчинами так, как они - нами. Берешь мужчину. Пользуешься некоторое время. Потом выбрасываешь. Если он обижен - извини, дорогой, это твои проблемы.

На армейском рождественском балу Тамара искала мужчину. Взять. Попользоваться. Выбросить.

Она была не кровожадна. Если ему это не доставит неприятностей - что ж, она не против. По правде говоря, ей все равно.

Офицер-егерь оказался весьма привлекательной мишенью. Он единственный на всем этом сборище не собирался флиртовать. Это был вызов. Вызов Тамара не могла проигнорировать.

Откуда ей было знать, что бронзовые глаза этого человека - ловушка, что его улыбка - капкан, а руки - оковы?

Откуда ей было знать, что и сам он найдет в ее глазах западню и не пожелает из нее выбраться?

Это тянулось уже два года, и одно ей было непонятно - отчего она еще не послала все к чертям? Отчего она выдергивает куски из своих выходных, проводя их в дешевых мотелях, дорогих гостиницах, на чужих яхтах, в туристических кемпингах, в конце концов - на его бахчисарайской квартире? Каждый раз в ожидании очередной встречи она готовилась произнести решающую фразу: "Арт, это все не имеет смысла, давай расстанемся, пока мы еще не совсем очертели друг другу, и в силах сохранить об этом только хорошие воспоминания..." Но, оказываясь рядом с ним, попадая в кольцо его рук, она забывала эту фразу, и вспоминала ее только тогда, когда на очередной постели они погружались в сонный эпилог свидания. В этот момент не хотелось говорить такие слова - вообще не хотелось портить этот момент какими-либо словами. И она засыпала, сказав себе: в следующий раз, как-нибудь в следующий раз, обязательно, но - в следующий раз... А в следующий раз все повторялось сначала.

Над столами плыли "Странники в ночи", несколько пар томно топталось перед пустующей эстрадой, Тамара считала секунды, в течение которых мороженое таяло в кофе. Глянцевый айсберг медленно погружался в дымящуюся черную лаву, распространяя по ее поверхности бело-бежево-смугло-коричнево-черные разводы.

"Если растает раньше, чем закончится песня,- скажу," - решила она, но на середине второго куплета увидела, что айсберг уже утонул больше, чем наполовину. Мгновенно она установила новый срок: второй припев, и горько посмеялась про себя над этой детской хитростью.

Когда песня закончилась, поверхность чашки была ровно-бежевой и гладкой. Тамара криво усмехнулась.

В этот миг из глубин чашки всплыл крохотный белый гладыш, выступил над поверхностью наглым пупырышком. "В следующий раз," - решила она и вздохнула с облегчением.

Кофе она, конечно, себе испортила, ибо сам смысл кофе с мороженым - восхитительный контраст между белой ледяной сладостью и горячей черной горечью. А так - получился кофе со сливками, то есть нечто крайне банальное и неромантичное.

Музыка стихла. На эстраде появился конферансье:

- Дамы и господа! Леди и джентльмены! Имею честь представить вам мадемуазель Нелли Данич!

Мадемуазель поприветствовали бурными аплодисментами.

- Ее называют нашей Камбуровой, - тихо сказал Арт.

Оркестр вразнобой настраивался. Мадемуазель - плоская до полной маскулинности блондинка в костюме Пьеро - раскланивалась с публикой.

- По случаю близкого воссоединения мадемуазель подготовила программу из замечательных песен на слова современных русских поэтов, - доложил администратор, хозяйским жестом похлопал Нелли по спине и удалился.

Оркестр взял мелодию, незнакомую Тамаре. Что-то древнее, темное и русское звучало в этих тактах, и наконец Тамара сообразила: гитара имитирует колокольный перезвон. Мелодия развернулась, пробуя силы, и грянула одновременно с мощным голосом певицы - Тамара даже удивилась, как в таком тщедушном теле может скрываться такой сильный голос -

Стоишь, плечами небо тронув,
Превыше помыслов людских,
Превыше зол, превыше тронов,
Превыше башен городских...
Раскрыты крылья слюдяные,
Стрекозьим трепетом шурша,
И ветры дуют ледяные,
И люди смотрят, чуть дыша
Ты ощутишь в своем полете
Неодолимый вес земли,
Бессмысленную тяжесть плоти,
Себя, простертого в пыли...

Досадуя на то, что так неудачно села и приходится выворачивать шею, чтобы увидеть эстраду, Тамара развернулась. Тоненькая певица и впрямь была хороша. Раскинув руки, закрыв глаза, она словно неслась над темным залом, хотя и не сместилась ни на миллиметр, и даже лицо ее было бесстрастно, как у танцовщицы фламенко, но летящий, зовущий, могучий голос передавал все: и дикую, необузданную энергию российских ветров, и синеву недосягаемых небес, и стремительный полет, и жестокое падение...

...И гогот злобного базара,
И горожанок робкий страх -
О, Божья и людская кара!
О, человек! О, пыль! О, прах!

Арт слушал так, как будто это последняя хорошая песня в его жизни. Чтобы вывести его их этого состояния, она наступила ему на ногу.

- В первый раз слышу такую аранжировку, - сказал он, когда песня закончилась, и взмокшая Нелли Данич смущенно поклонилась посетителям.

- Могу поспорить, что ты знаешь и поэта и композитора.

- Давид Самойлов и Сергей Никитин, - пожал плечами Арт.

- Если красные уволят тебя из армии, ты сможешь преподавать советскую литературу, - она взялась за шоколадный десерт.

- Вряд ли они захотят, чтобы я преподавал ту их литературу, которую знаю. Тебе понравилась песня?

- Очень... Что ты брал с собой в Непал? В смысле - книгу?

- "Звездный билет" Василия Аксенова.

- Советский?

- Да.

- Странно... - Тамара нарушила ложечкой причудливую постройку из шоколадного суфле: - Ты - против Общей Судьбы, а читаешь советских писателей и все понимаешь. А для меня советские книги все равно что про марсиан - а я за Общую Судьбу.

- Именно поэтому и за, - он вздохнул. - Послушай, политика - гиблая тема. Давай оставим ее.

- Почему? - пожала плечами Тамара. - Согласно ритуалу, мы должны о чем-то говорить. Почему бы не о политике.

- Потому что сегодня есть о чем поговорить, - он открыл мускат. - Я должен тебе кое-что сказать.

"Ду-дух"! - трепыхнулось сердце. Сукин сын, он собирается сам сказать ей то, что ему, видите ли, не хочется от нее выслушивать...

"Если сначала нальет в мою рюмку, значит, собирается бросить", - решила она.

Верещагин, выполняя все застольно-этикетные действия автоматически, налил себе примерно со столовую ложку, потом - наполнил ее рюмку, и лишь после этого - свою.

Как-то враз его ироническая улыбочка куда-то исчезла. Лицо стало серьезным и, кажется, даже немного печальным. Из-под стола появилась изящная коробочка, обтянутая синим бархатом. Арт нажал на кнопочку, крышечка отскочила, явив взору Тамары два золотых кольца, уютно поместившихся рядом, в мягких бархатных гнездышках.

Дешевая сценка из дамского романа. Ах ты ж господи...

Она закрыла крышечку и подтолкнула бархатный гробик к Верещагину.

- Это не имеет смысла, Арт. Я видела, чем кончают армейские семьи. Давай (пора, наконец-то!)... Давай расстанемся сейчас, пока мы еще не совсем очертели друг другу...

Арт, не пряча коробочки, откинулся на спинку кресла, глядя вверх, словно спрашивая кого-то: "Ну, ты видел такое?". Потом он занял исходную позицию и тихо спросил:

- Скажи, Тэм, я тебе не надоел?

- Мне следовало бы дать тебе по морде за такой вопрос. Конечно, нет.

- Тогда почему?

- Еще раз повторяю, для господ офицеров: это не имеет смысла! Какая разница, есть глупая бумажка под названием "свидетельство о браке", или нет ее, если мы все равно будем как и сейчас, метаться между Качей и Бахчисараем?

- Тамара, ты не знаешь... Вторжение - вопрос ближайших двух дней. Что бы там вы себе не придумали, вам не дадут остаться в армии. Мы оба станем "штафирками", причем на равных условиях.

- Откуда ты...? - ее сердце колотилось о ребра, как язык колокола... - Как ты можешь знать?

- Наши ребята несут охрану тактического центра. Не заткнешь же уши... На Одессу и Новороссийск тянутся колонны бронетехники. Какие еще нужны доказательства.

- Но... тогда сказали бы в новостях... Это должно быть согласовано с правительством...

Нет, кажется, сегодня без разговора о политике не обойдешься.

- Это НЕ согласовано с нашим правительством.

- То, что ты сказал...

- Военная тайна. Тэмми, ты умеешь хранить военные тайны?

Она поставила бокал на стол - рука заметно дрожала.

Он был спокоен. Как он может быть таким спокойным? Земля дрожит и уходит из-под ног, люди вокруг смеются и шутят, оркестр настраивает инструменты, на эстраду вновь выходит мадемуазель Данич, в мозгу - надраенными медными буквами - "ТИТАНИК", а он предлагает ей руку и сердце...

- Даже если ты прав, - сказала Тамара, - Тем более, если ты прав... все не имеет смысла.

Он снова поизучал потолок.

- Нет, что-то паршиво получается. Давай еще раз...

Оклеенная велюром коробочка снова оказалась перед ней. Кольца заиграли на бархатном ложе - золотые, пузатенькие...И еще раз повторяю: это бессмысленно...

- Ну и что! - его реакция напоминала взрыв гранаты в ДОТе: снаружи все цело, только в бойницах полыхнуло и погасло... - Ну и что! Черт возьми, у нас самая бессмысленная профессия, само существование нашего государства оказалось бессмысленным, и вообще рано или поздно мы все умрем, а вселенная взорвется! Ничто не имеет смысла, по большому счету, а ты вдруг начинаешь искать его там, где он нам нужен меньше всего. Давай хотя бы попробуем, а? Ведь нам почти нечего терять.

Она вздохнула, вытащила из гнезда маленькое колечко, взвесила его на ладони, со вздохом протянула ему. Когда безымянный палец оказался схвачен золотым пояском, несколько раз сжала и разжала кулак, проверяя, удобно ли. Кольцо не жало и не соскакивало. В этом - тоже весь Арт Верещагин: выяснить заранее, да так, чтобы она не знала, размер ее пальца, продумать момент объяснения...

- Знаешь что такое зануда? - спросила она. - Это мужчина, за которого легче выйти замуж, чем объяснить, почему не хочешь.

Арт кивнул.

- Я слышал эту шутку в несколько другой модификации.

- Ты никогда не останавливаешься, пока не добьешься своего?

- Сто двадцать пятая попытка удается. Как правило,

Он протянул ей руку, чтобы она надела на палец его кольцо, оглянулся:

- Гарсон!

Подошел изысканно-любезный официант, черно-белый и тонкий, как ласточка.

- "Новосветское" и фрукты. И две свечи.

- Вас можно поздравить?

- Да! - ответил Артем.

Через минуту стол украсился двумя восковыми Вавилонскими башнями. Официант чиркнул спичкой о ноготь, на верхушках башен проклюнулись огоньки на черных стебельках. Из ведерка со льдом торчала запотевшая бутылка "Нового Света". На этом же подносе теплилась янтарем вторая бутылка - "Ай-Петри" десятилетней выдержки, того самого купажа, который на прошлогоднем первенстве мира побил "Хеннесси".

- За счет заведения, - пояснил гарсон, расставляя на столе бокастые коньячные бокалы.

***

Зверь с двумя спинами метался по скомканному шелковому покрывалу, и огромная постель отеля "Севастополь-Шератон" была ему тесна. Зверь дрожал, стонал и вскрикивал, и затихал в последней блаженной судороге... И, вдохнув тишины, умирал, распадался надвое в шелковых синих сумерках.

Запах шалфея. Запах сухого степного лета. Она пользовалась маслами вместо духов - и в этом он тоже находил что-то особенное. Разве эти темные волосы могут пахнуть иначе? Разве можно представить себе эти серые глаза в собольей опушке ресниц - на другом лице? Разве такая женщина может носить иное имя? "Тамара" - алый бархат, серый дикий камень. Древнее, как пески Синая, как шатры Иудеи у той дороги, где Фамарь соблазнила собственного мужа, переодевшись блудницей (а вы думали, этот трюк выдумали дамочки из журнала "Вог"?).

Они познакомились два года назад на армейском рождественском балу. С первого взгляда на нее (полуоборот, темный гранатовый блеск сережек, темно-красное платье из "мокрого шелка") понял: это будет. И это будет больше, чем профилактика застоя крови в малом тазу.

После первого же танца, после минуты разговора: она. Та женщина, с которой он хотел бы каждое утро просыпаться в одной постели. Та женщина, чей цвет волос или глаз, или овал лица, или трезвый практический ум, или все это вместе он хотел бы видеть у своих детей.

Он встречался с ней два года, и никак не мог добиться ответа: а тот ли он мужчина, с кем ей хотелось бы просыпаться по утрам в одной постели?

(- Господи, ну почему ты из всего делаешь проблему? А просто трахаться ты не можешь?

- Нет, Гия. Просто трахаться я не могу.)

Он готов был добиться перевода в Качу, выдержать весь драконовский курс тренировок их коммандос, отказаться от грядущего капитанского звания, пройти via dolorosa новичка в другом роде войск, лишь бы оказаться рядом. Ты с ума сошел, говорила она, мне не нужны такие жертвы. Да какие, к черту, жертвы, а два года раз в две недели ночевать по отелям - это не жертва? Хорошо, давай поговорим об этом в следующий раз...

Артем был убежден, что здесь не обошлось без ее матери. Анна Михайловна была экономкой у Бутурлиных и принадлежала к породе потомственной врэвакуантской прислуги, в которой заискивание перед вышестоящими и презрение к нижестоящим сочетались в идеальной пропорции, как вода и спирт в хорошей водке. Она не одобряла того, что дочь пошла в армию, а не "подыскала себе хорошее место". Она не одобряла всего армейского вообще и Верещагина в частности. Может, Тамара не собиралась замуж потому, что не хотела ссориться с матерью.

Но день настал.

Правда, завтра не сулило им ничего хорошего.

Тем не менее, господа, капитан Верещагин был счастлив в этот вечер, последний вечер прежней своей жизни. Он накрепко запер дверь, за которой стояло будущее и вышвырнул ключ. Утром будущее все-таки высадит дверь прикладом, но к этому моменту все свое драгоценное настоящее Артем превратит в прошлое, целую ночь он будет превращать настоящее в прошлое, а когда закончит, завернет его в чистые холсты и положит на дно памяти, но не очень далеко - чтобы всегда можно было дотянуться, прикоснуться и наполниться теплом...

- Хочу быть *под*поручиком, - вполголоса пропел он, - Хочу быть ...

- Подполковником, - машинально поправила Тамара.

Он покачал головой.

- *Под*поручиком. *Под* хочу быть поручиком...

Тамара засмеялась, провела рукой по его груди.

- Это какое-то двусмысленное предложение...

- Это совершенно недвусмысленное предложение.

- Если бы у тебя на груди росли волосы, я бы вцепилась в них, и ты бы не хватал меня за попу так нагло.

- Тебе надо было познакомиться с Князем. Когда он чешет грудь, слышно в соседней палатке. Звук такой, будто медведь продирается через малинник.

Она представила, снова расхохоталась...

- Почему ты меня смешишь?

- Мне нравится, как ты смеешься. Заметь, я постепенно приближаюсь к своей стратегической цели. Ты уже сверху...

- Не дождешься!

- Посмотрим.

- Ты можешь думать о чем-нибудь другом?

- Конечно. На Восточном контрфорсе Лхоцзе есть лавиноопасный участок. Его можно обойти, но этот путь - триста метров по вертикальной стене. Лазание на высоте - дело проблемное, и я думаю, что лучше...

- Замолчи, или я выщипаю твою бороденку по волоску.

- Как ты непоследовательна...

...Шалфей, шелк, шепот...

***

Ну, вот мы и здесь, - в стерильно-чистой, просторной, хоть конем гуляй, ванной комнате отеля "Шератон". Верещагин чувствовал себя гунном, по ошибке попавшим в римские термы. Сидит гунн на краю ванны и снимает острейшим двойным лезвием варварскую бороду, стремясь соответствовать окружающей обстановке. Сегодня он наденет форму легионера... В том-то и закавыка, господа, что может и не надевать. Ибо сквозь дверь, сквозь балконные двойные рамы он слышит неумолчный басовитый гул, и отлично понимает значение этого низкого звука, опустившегося на сонный утренний Севастополь с небес.

Сеанс добровольной пытки - протирание одеколоном после бритья. Из зеркала смотрело почти незнакомое худое лицо. Посмотрите на это лицо и скажите - способен ли его обладатель на что-либо выдающееся? Да полноте, господа, это же Артюха Верещагин, звезд с неба не хватает, считает месяцы до отставки, потому как одержим дурацкой мыслью - нечувствительно превзойти философию. Но лямку тянет исправно, солдатики и унтера считают его командиром не то чтобы очень хорошим - ПРАВИЛЬНЫМ. Стрелок отличный, а в рукопашной не боже мой, но удар держит неплохо, на том и выезжает. Такими исконно офицерскими развлечениями, как выпивка и карты пренебрегает, и поэтому полезных контактов не завяжет никогда и карьеры не сделает. Что с него взять - интеллигент, чудак. И мало ли что он там думает про Общую Судьбу - а что он может? Да будь он хоть Юлий, мать его так, Цезарь - что может один человек против огромной империи, с которой в единодушном порыве желает слиться маленькая нахальная республика, где он имел глупость родиться?

А даже если и может - какое у него право решать за девять миллионов человек? Допустим, они хотят присоединяться - ну так и не хрен ли с ними? Какое тебе собачье дело до их дальнейшей Общей Судьбы - бери катер, сажай туда свою царицу и плыви на оном катере к такой-то матери. Чего проще?

Или у тебя есть варианты? Или ты думаешь, что послужишь к пользе Отечества? Три ха-ха. Любое выступление против СССР будет ничем иным, как коллективным самоубийством. Тебя будут писать через запятую с Чарли Мэнсоном - ты этого хочешь?

Впрочем, еще не поздно повернуть назад. Да, есть люди, которые не повернут - но ты тут уже будешь ни при чем. И что бы ни случилось - кто не вмешивался, тот не виноват. Не виноват рядовой немец, что его компатриоты отправили с дымом шесть миллионов евреев. Не виноват обычный американский гражданин в страшной гибели двухсот тысяч японцев. Не причастен к сталинскому геноциду против миллионов своих

сограждан простой советский человек. Что изменилось бы, попробуй они бороться и протестовать? Чего бы они добились, кроме неприятностей на свою задницу?

Арт Верещагин, ты смешон... Ты ломаешь голову так, как будто ты властен что-то изменить в этой жизни. У тебя есть волшебная палочка, по мановению которой исчезнет гул за окном? Нет? Тогда заткнись, встань, иди и делай что должен, и пусть будет что будет.

***

Ее разбудило ощущение пустоты, кошмарной холодной бездны справа и сзади, как будто она лежала на скальной полке, на самом краю, спиной к обрыву, а под ней были сотни и сотни метров леденящей пустоты...

Раньше между ней и пустотой была граница. Пять футов девять дюймов тепла, упакованного в плоть и кровь. Теперь эта граница исчезла, и пропасть распахнула свою пасть, тихо и плотоядно урча.

Этот звук выхватил ее из сна и погрузил в панику.

- Арт! - взвизгнула она, бросаясь вперед-влево, стараясь откатиться от пропасти. И тут же ощутила под собой реальную пустоту, уже просыпаясь, успела выбросить вперед руки и согнуть колени, которыми тут же коснулась близкого пола.

Он появился сразу же, сначала - черная тень на фоне яркого прямоугольника - двери в ванную, потом - бледная тень в растворе выгорающей ночи.

- Что случилось?

Она засмеялась над собой, вернее, попыталась - вместо смеха выплеснулся всхлип.

- Ты исчез... Я испугалась... Свалилась с кровати, как маленькая...

- Это бывает, - он осторожно усадил ее на постель, откинул ладонью упавшие на лицо пряди. - Все нормально, ты пришла в себя?

Она не знала, что ответить. Страх исчез, но тревога осталась. И была какая-то причина, что-то реальное...

Лицо Верещагина изменилось. Оно стало жестче, перестало походить на физиономию молодого и доброго пирата. Секундой позже она сообразила: исчезла борода.

Она коснулась ладонями его щек.

- Жаль, что ты побрился. С бородой ты казался моложе.

- Моложе?

- Да. Ты был похож на мальчика, который для солидности отпустил бороду.

- Спасибо, - он встал, как-то неуловимо оказался у окна. - Никогда не буду больше ее отпускать.

Он отдернул занавеску. Утренние сумерки сонно вползли в комнату. Предметы как будто отяжелели, обрели ту плотность, которую ночью обнаруживаешь только тогда, когда треснешься обо что-нибудь.

Голубой лужицей застыл на коврике шелковый халат. Тамара подняла его, погрузилась в прохладную ткань, затянула поясок. Тревога, которую она относила на счет своей наготы, не проходила.

Было что-то еще. Но что?

Гул. Низкий утробный гул, который она слышала во сне.

Она слышала его и теперь. Догадка оглушила:

- Арт!

Он повернулся к ней, кивнул.

- Ты уже поняла, да? Советские транспортники. Один из них выбрасывает десант где-то в районе военного порта. Выбрасываются с парашютами... Кто-то у них там любит дешевые эффекты.

Тамара подошла к нему, прижалась. Хорошо было бы еще уткнуться лицом в его плечо, но увы - они были почти одного роста. Ей не везло на высоких мужчин, хотя иногда она пыталась знакомиться с такими специально - девушке, вымахавшей под метр семьдесят семь, тоже хочется иногда ощутить себя маленькой и хрупкой. Но высокие атлеты или не клевали на нее, или оказывались на поверку такими, что не только в одну постель - в одной комнате находиться противно. Интересно, пытался ли Арт знакомиться с лолиточками, чтобы выглядеть на их фоне Гераклом? Вряд ли...

Они соприкоснулись лбами. От него пахло мятой (зубная паста) и алоэ (крем для бритья).

- А что это мы вскочили в такую рань? - он распустил поясок ее халата. - Нам что, делать нечего? Что мы, парашютистов не видели?

- Ты маньяк.

- Три раза поделить на полтора месяца - это раз в две недели.Я монах.

- Сначала я пойду и почищу зубы (Господи, мне страшно! Почему мне так страшно?).

- Это святое.

Потом они были вместе, и пока они были вместе, ей не было страшно. А тем временем пустой на три четверти отель "Севастополь-Шератон" начал оживать. Под их окном, пятью этажами ниже, располагалась смотровая площадка. Сейчас она заполнялась народом - персоналом в красных униформах и постояльцами в фирменных халатах. Все смотрели на запад - туда, где за темной черточкой советского транспортника тянулось многоточие розовых пятнышек - парашютных куполов, подсвеченых утренним солнцем.

* Дж. Р. Р. Толкиен, "Песнь о Берене и Лучиэнь"
Шел Берен от полночных гор -
Исполнен скорби, одинок.
Он устремлял печальный взор
Во тьму, ища угасший день.
Его укрыл лесной чертог
И вспыхнул золотой узор
Цветов, пронзающих поток
Волос летящих Лучиэнь.

4. Общая Судьба

Я приказал своим войскам,
Лихим наездникам, стрелкам,
Начав немедленно войну,
Занять соседнюю страну...

О. Туманян, "Капля меда"

Согласно плану Министерства Обороны СССР от 2-го февраля 1980-го года военно-спортивный праздник "Весна" начался 29-го апреля 1980-го года в 01 час 00 минут.

Согласо воле крымского народа, пожелавшего присоединиться к СССР, к этому времени на Остров прибыли первые представители советского народа - солдаты 9-й бригады спецназа ГРУ. Как и в Чехословакии, аэропорт захватили чисто и грамотно. Уже через полчаса садился первый "Антей" с десантниками из 104-й дивизии ВДВ, которые должны были взять контроль над двумя не менее значимыми аэродромами - Сарабуз и

Сары-Булат. Еще через полчаса в Саках с вертолетов высадились ребята из 40-й десантно-штурмовой бригады, так что и третий большой военный аэропорт Крыма смог беспрепятственно принимать транспорты из СССР.

Мирная интеграция к пяти утра шла на всю железку.

***

Для удобства большой комплекс сооружений военного назначения под Бахчисараем называют "База Чуфут-Кале". Хотя сама база Чуфут-Кале - далеко не самое заметное и не самое большое из них. Вырубленная в скале неподалеку от древнего пещерного города, ощетинившаяся антеннами, база в Чуфут-Кале выглядит довольно скромно по сравнению, скажем с учебно-тренировочным комплексом для резервистов, находящимся в полукилометре от нее, или расположением 4-го батальона 1-ой горноегерской бригады.

Великолепная весна хозяйничала в Крыму, и батальон она тоже не обошла своим вниманием. Все, что было в его расположении зеленого - аккуратные газоны, клумбы перед столовой, казармой и коттеджами для семейных офицеров - все затеплилось тюльпанами и одуванчиками. Соседство строгих голландцев и местной желтоголовой шпаны оказалось настолько трогательным, что убрать одуванчики никто не решился. По молчаливому сговору солдаты, занятые уборкой территории, и офицеры проверяющие их работу, игнорировали золотые цыплячьи головки.

В такие великолепные майские дни думать о плохом не хотелось. Поэтому, получив около часу ночи известия о начале вторжения, полковник Кронин не объявил тревогу и общий сбор, а просто заварил кофе (даже денщика ему жаль было будить по такому пустячному делу), оделся и поехал в тактический центр Чуфут-Кале к своему непосредственному начальству - полковнику Адамсу.

По логике вещей Адамс должен был быть генералом. Но - так сложилась неписанная крымская армейская традиция: до полковника дослужиться было сравнительно легко, а вот преодолеть ступень от полковника к генералу - чрезвычайно трудно. Дабы избежать путаницы, предлагали в тридцатые годы ввести звание "бригадный генерал". А то что это такое - батальоном командует полковник, полком - полковник, дивизией - тоже полковник! А генералов всего три, плюс один адмирал! Честное слово, господа, - возражали другие, не вижу в этом ничего плохого. Не хотите же вы брать пример с Франции, где генералов, ей-богу, скоро станет больше, чем солдат! Наше обилие полковников - не худшее бедствие, да и давайте вспомним, как сложилась такая ситуация: во время гражданской войны случаев проявить себя было более чем достаточно, а повышение в звании было едва ли не единственной заменой орденам, которых принципиально не давали на братоубийственной войне. Так что, господа, нам нечего стыдится своих полковников!

Итак, полковник Кронин поехал к полковнику Адамсу. На базу он прибыл как раз вовремя, а именно - в тот момент, когда связь поддерживал полковник Чернок.

Кронин вошел в штабное помещение, движением руки выгнал из кресла одного из дежурных лейтенантов и занял его место.

- Только что был высажен самолетный десант в Саках. На Качу идут вертолеты, - сообщил Чернок. (Дела! - подумал Кронин). Судя по всему, продолжал летчик, главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России генерал Павлович уже арестован. Во всяком случае его кабинет молчит, дома его нет.

- Возможно, у меня неполадки со связью, - сделал оговорку Чернок, - попытайтесь вы позвонить генералу. Я пока подержусь на этой частоте.

- Господин полковник, - раздалось приглушенно, - поступили сведения от американцев...

- Сбросьте на маниторы базы, - велел Чернок. - Ваш сын передает вам привет, господин Кронин. Боюсь сглазить, но парень стал отличным специалистом в своем деле. Мы, старперы, все еще воспринимаем компьютеры как некое колдовство, а молодежь пользуется электронным мозгом, как собственным...

- Дай Бог, чтоб не возникло соблазна заменять одно другим... - проворчал Кронин. Сейчас его больше интересовала американская сводка, чем успехи сына, в которых он не сомневался.

Сводка была довольно безрадостной. Красные уже успели блокировать две важнейшие авиабазы. Две эскадры находились у крымских берегов, и уж наверняка не за тем, чтоб провести военно-морской парад.

Полковник Адамс отодвинул телефон и повернулся к видеоглазу.

- Генерал не отвечает, - сообщил он. - Похоже, ваше высокоблагородие, вы правы. К сожалению.

- Плохо, - даже за шлемом было видно, как изменилось лицо Чернока.

- Саша, - спросил Адамс, - Вы предполагали нечто подобное?

- Предполагал, - кивнул Чернок.

- Они, кажется, обещали постепенное присоединение, - Адамс добыл из кармана портсигар, а из него - сигарету.

- Они ничего не обещали, - отрезал Чернок. - Как временно главнокомандующий, я хотел бы проконтролировать процесс... Считаю лишним напоминать, что если что-нибудь случится, то командование Вооруженными Силами Юга России ляжет на ваши плечи, Дуглас. Ответственность огромна, учитывая... всевозможные случайности. Я еще выйду на связь. Направляюсь на евпаторийское побережье, следите за поступающей информацией. Пока, Даг...

Чернок отключился.

- Предлагаю пройти в мой кабинет, - Адамс перешел на английский, свой - и Кронина - родной язык.

Кабинет командующего Южным Районом Обороны был настолько мал и забит разнообразной аппаратурой, что любой советский командующий округом постыдился бы его занимать. Но два полковника разместились там вполне комфортно.

- Я не пойму, Леон, зачем они все это делают. Выражаясь государственным языком, на кой ляд. Бросать такие силы в страну, добровольно заявившую о своем присоединении - это просто неэкономно. Не говоря уже о возможных осложнениях, - он вызвал на монитор разведданные последних недель. - На Евпаторию, Феодосию и Керчь готовится десант. Силами двух мотострелковых дивизий. Воздушных десантников при поддержке бронетехники высадили в Симфи, точно такая же картина - в Саках и Сары-Булате. Такое впечатление, что у них неправильные представления о наших намерениях...

- Меня гораздо больше удивляет поведение Саши, - заметил Кронин. - Он сильно обеспокоен. Как при Синопе. А Саша не беспокоится по пустякам.

- Колоссальная ответственность, Леон. Одна горячая голова, один случайный выстрел - и готов казус белли. Давай начистоту: наша великая Родина (говоря эти слова Адамс ни в коей мере не имел в виду старушку Британию, а самым искренним образом говорил об СССР) отличается большой любовью к разного рода военным провокациям.

Кронин задумался. Если советские солдаты начнут стрелять в его солдат - должен ли он отдавать приказ открыть ответный огонь? Он не сомневался, что такой приказ понадобится, ибо ни один из форсиз самовольно не поднимет оружия против советского бойца. Отдать такой приказ - и на какую кровь, на какую войну он обречет две стороны, желающие соединится мирно? Но видеть, как падают под пулями его мальчики и не отдать приказ "Огонь!" - способен ли он, Кронин, офицер и джентльмен, присягавший на верность народу Крыма - а значит, и матерям этих мальчиков - способен ли он на такую подлость во имя великой цели, торжества Идеи Общей Судьбы?

А скорее всего, даже не в нем дело. Его может и не быть в этот момент рядом. А младшие офицеры - как они разрешат эту дилемму?

Капитан Замятин... Вот, кто поломает голову, душу и сердце. Один из фантов ИОСа, блестящий офицер - променяет ли он своего друга, скажем, поручика Барлоу, на Идею? Подполковник Ровенский, аполитичный служака? Капитан Карташов? Поручик Шмидт? Капитан Верещагин?

Ему не давало покоя совещание, которое он застал в конференц-зале при спущенных шторах.

Войдя в свой кабинет, он нажал кнопку селектора и приказал дежурному офицеру поднять весь офицерский состав, и пусть зайдут к нему, как только будут готовы.

Когда офицеры собрались, полковник кратко ознакомил их с ситуацией.

- Хочу подчеркнуть, - напоследок с нажимом сказал Кронин, - огромную долю личной ответственности каждого из вас. Подчас избежать боя сложней, чем выиграть его. Ваша задача - проконтактировать с советскими войсками тихо и мирно.

- Господин полковник, - как только Кронин замолк, подполковник Ровенский поднял палец, - у вас есть основания предполагать, что это будет сложно сделать?

Полковник взвесил свой ответ и нашел его весьма нелегким.

- Господа офицеры, по последним сведениям, поступившим в тактический центр, крымские военнослужащие после сдачи подвергаются изоляции. Правомерно ожидать чего-то подобного и в отношении нас. Пусть для вас не будет неожиданностью, если к вам станут относится как к военнопленным. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я понимаю, в какую фикцию превращается в таком случае присяга и не настаиваю на безусловном ее исполнении. Иными словами, тот, кто хочет, может уйти из батальона. Дезертирством это считать я не буду.

Пауза застывшая после этих слов, хрустнула сухим голосом поручика Шмидта:

- Вы оскорбляете нас, ваше высокоблагородие.

- Прошу прощения, - произнес Кронин. - Значит никто из вас не отказывается от интернирования?

- Мы - офицеры форсиз, - подытожил подполковник Ставраки. - И останемся ими до тех пор, пока Крымская Армия существует. Давайте считать эту тему закрытой.

-Alright, - согласился Кронин. - Тогда приказ на сегодня: собрать личный состав и разъяснить им все, что я разъяснил вам здесь. И, как бы вам это ни было противно, господин майор, повторить прозвучавшее здесь предложение. После чего приступить к обычным дневным обязанностям. То же самое разъяснить второй роте, когда она вернется из тактического центра для отдыха.

Дальше все пошло своим порядком. Офицеры собрали унтеров, те солдат, в двух словах была обрисована общая картина и встречена нижними чинами с некоторым недоумением: ясное дело, советские коллеги должны будут на время поместить их в специальные учебно-тренировочные центры, чтобы дать возможность овладеть хотя бы самыми примитивными навыками солдат СССР. Опять же, заменить форму, переформировать, может быть... И какой дурак в такой ситуации будет сопротивляться?

С этим недоумением солдаты и разошлись - на учебу, на стрельбы, на отдых...

Центром оперативной информации стала караулка, где солдаты, несшие дежурство, слушали радио. Советский Союз, как назло, передавал "Лебединое озеро", которое никак не соответствовало сегодняшнему настроению солдат и унтера. Поэтому настройка была мгновенно переведена на "Радио-Миг". Под "Smoke on the water" расчертили листик из унтерского блокнота, достали кости и, благословясь, начали партию в американский покер.

Около одиннадцати утра передали, что советские уже в Бахчисарае.

В глазах проигравшего в пух и прах рядового Костюченко затеплилась надежда.

- Вот сейчас здесь будут... - сказал он. - И не доиграем...

- Бросай, - рядовой Хесс подтолкнул ему стаканчик с костями. - Меньше работай языком, больше руками.

Время шло, а надежды Костюченко не оправдывались. Он уже был должен Хессу тридцать четыре тичи, Смирнову - восемь и Андронаки - двенадцать с половиной, когда на дороге, петляющей между холмами, показалась голова советской танковой колонны.

Быстрее танков в батальоне оказались советские БМД, ехавшие от Почтовой. Свернув с дороги, машины начали окружать базу. Из люков выскакивали "голубые береты" и, рассыпаясь цепью, двигались к батальону короткими перебежками, время от времени залегая с оружием.

- Чего это они? - удивился Костюченко.

- Ты не отвлекайся, ты бросай.

Момент был драматический. После двух бросков у Костюченко имелась на руках пара шестерок. Столбики пар и троек уже полностью закрылись, спасти рядового могло только каре.

Костюченко принялся сосредоточенно громыхать костями в стаканчике.

- Паркинсон, - буркнул Хесс.

- Нервная дрожь, - поправил его Андронаки.

Костюченко шмякнул стаканчик донышком вверх, затаил дыхание, открыл кости...

- Ты гляди - покер! - поразился Новак.

Рык БМД приблизился и замер метрах в двадцати от КПП.

- Эй, на посту! - раздался крик со стороны советских. - Выходи по одному без оружия! Считаю до десяти, потом открываю огонь на поражение!

- Серьезные парни, - по-английски сказал Хесс.

- Раз... Два...

Новак, не вынимая сигары изо рта, вышел с поднятыми руками. За ним - Хесс, Андронаки, Смирнов и Костюченко.

От цепи БМД шло человек десять "голубых беретов".

- Ты не забудь, Костюк, с тебя сорок, - Сказал Смирнов.

- А в пересчете на рубли? - тихо спросил Костюченко.

- Shut up! - рыкнул Новак.

***

В изысканном языке Парижа, в пряных диалектах Лангедока и Гаскони, в подсоленном наречии Бретани и Нормандии насчитывается около шестисот слов, оборотов и выражений, которыми обозначается самая древняя из игр и те части тела, которые принимают в ней участие. И это кое-что говорит о французах.

В русском языке есть столько же, а то и больше выражений для обозначения выпивки, связанных с ней ритуалов и ее последствий. И это кое-что говорит о русских.

Русский человек не просто выпивает, он может принять, а может и врезать, может клюкнуть, а может дерябнуть, может хлопнуть, тяпнуть, дернуть, вздрогнуть, поддать, двинуть, опрокинуть, навернуть, бахнуть, выкушать, дербалызнуть, вжарить, хряцнуть, забухать, может на этом остановиться или напиться вдрызг, нажраться в дупель, набраться в стельку, накушаться в хлам, нализаться в дребадан, насосаться в пень, намазаться в сосиску, в полено, вусмерть, до ушей, до чертиков, до квадратных глаз, до зеленых веников, как зюзя, как падла, как сорок тысяч братьев, а поутру поправиться, похмелиться, заполировать или опять же принять...

Планируя праздник "Весна", спортсмены из Минобороны не учли одной особенности, вообще характерной для русских праздников - что военных, что спортивных. А может, чрезмерно положились на буржуазную умеренность Крыма. Зря они на нее положились. Население Острова, будучи на 30% не русским, в отношении выпивки

являлось русским поголовно. Пили не так чтобы много, но со смаком. 15% национального дохода составляло виноделие - так отчего бы и не пить?

И вот советский солдат, целенаправленно год-полтора выдкржанный "всухую", дорвался до гигантских бесплатных запасов качественного пойла. Налетай, братва!

И нужно признать, как это ни обидно, что советские офицеры порой тоже оказывались далеко не на высоте...

***

Евпатория, 29 апреля, 1130

- Где Помазуев и Гречкосий? - в сто сорок первый раз спрашивал у капитана Оганесова майор Беляев.

Капитан Оганесов , зам начальника штаба, пожимал плечами. Два комбата растворились, исчезли в туманной дали, сгинули в неизвестном направлении, и следы их были смыты прибрежной волной (поэтическая метафора).

Майор Беляев матюкнулся. Очень трудно командовать людьми, которые тебе в отцы годятся. Особенно трудно, если они на все уже забили хрен и хотят только одного: чтобы их оставили в покое.

- Сидят опять, нажираются в каком-нибудь кабаке! - ярился он. - Найди их, Леня, Бога ради!

Найди - легче сказать, чем сделать. В насквозь просоленной Евпатории приезжий и местный народ испытывал постоянную жажду и удовлетворял ее в небольших барах, винных погребах, открытых кафе, ресторанах, шантанах , борделях, казино, варьете и кабаре. Заведения питейного характера располагались на каждом первом углу, а питейно-увеселительного - на каждом втором. В этой ситуации майоры Помазуев и Гречкосий уподоблялись иголке в стогу сена, ибо зайти они могли в любое из этих заведений, а уж если они туда заходили, то оставались там до тех пор, пока их не выносили.

Освещая проблемы майора Беляева, придется прибегнуть к Евангельско-алкогольной терминологии. Майор был молодым вином, влитым в старые мехи. Чего Христос, если вы помните, делать крайне не советовал. Потому что или мехи лопнут, или вино испортится.

Амбитный и нестарый майор Валентин Беляев и несколько таких же амбитных, нестарых капитанов и лейтенантов, прямо со скамьи попали в 161-й полк - кто из училища, кто из Академии - заменив собой комполка, одного комбата и нескольких ротных, ушедших на пенсию.

В ближайшие годы такая же судьба ждала и остальных командиров подразделений. Но пока возрастной разрыв между старыми и новыми офицерами составлял пятнадцать-двадцать лет. То, что западные социологи называют generation gap. Обычно в армии смена поколений идет как-то плавно, но раз на раз не приходится... В 161-ом полку она происходила резко. Результатом этого был раздрай в работе: старики обижались на "пацанов", по-черному завидовали их здоровью, энергии и перспективам, "молодые львы" упрекали стариков в косности, устарелом мышлении и откровенном пьянстве.

Кстати, в противовес системе "никудышний командир-компетентный начштаба" в 161-ом полку была система "отличный командир- прескверный начштаба". Майор Жохов не просыхал бы круглые сутки, если бы человеку не требовалось определенное время на сон. А так он не просыхал в сутки только 16 часов. Поэтому Беляев сбагрил его местному комдиву, чтобы не путался под ногами.

Раз уж мы коснулись темы "зеленого змия" вплотную, то можно приоткрыть завесу над тайной исчезновения комбатов Помазуева и Гречкосия. Комбаты находились на улице Святого Креста в кабачке "Приют alkoholikoff", принадлежащем Жоржу

Александриди, поручику запаса, ветерану турецкой кампании, большому гурману и безбожному вралю. Правда, врал Жорж не по всякому поводу, а лишь относительно войны с турками. Все постоянные посетители "Приюта" знали его байки наизусть и делили на восемь. Поэтому на две новые жертвы хозяин накинулся с особым рвением.

Александриди усадил комбатов за лучший столик, налил им вина собственного изготовления, трехлетней выдержки, поставил по блюду с запеченной в тесте форелью и завязал непринужденный мужской разговор...

А Жоржево вино - и это знает каждый завсегдатай - обладает особыми свойствами. Подают его в трехпинтовых кувшинах и пьется оно, как вода. После первой пинты у тебя поет душа, после второй - звенит в ушах, после третьей ты хочешь пойти в туалет и обнаруживаешь, что ноги тебя не слушаются...

Ничтоже сумняшеся, под форель да под мужские беседы Помазуев и Гречкосий осушили по три пинты...

- Са ира, господа! - разглагольствовал Жорж. - И вот представьте себе: закончился минометный обстрел, мои ребята лежат, как трава, в живых осталось нас двое: я и Тимоти из Михайловки. И как раз на мой участок прется не меньше роты турок. Ах вы бастарди, скорпиос, вы думаете, Александриди побежит? Йоу, факимада, он не побежит! И я ложусь за пулемет, а заряжающим у меня - Тимоти из Михайловки...

- М-молоток, Жорка! - Помазуев хлопнул своего гостеприимного хозяина по плечу. - Ты м-молоток... Хочешь, я тебя к себе ротным возьму? Ничего, что ты белый... Ты по сути, по духу наш парень. Не то, что Ленька Оганесов, едри его мать... Он меня будет учить? - по тону было видно, что эта тема задевает Помазуева за живое. - Молоко на губах не обсохло, армяшка хренов! Я лучше вот Жорку к себе в ротные возьму!

- Но я же не умею прыгать с парашютом... - засмущался Александриди.

- Эт' ничего! - утешил его Гречкосий. - Не умеешь - научим. Не хочешь - заставим.

- Спасибо, - Жорж искренне пожал обоим гостям руки. - Спасибо!

***

- Ну, и хрен с ними, - сказал Беляев, в очередной раз услышав, что поиски оказались безрезультатными. - Андрюшко, отправляйся с батальоном на Северную Базу, в Суворовское, роты Пуртова и Афанасьева пускай едут в этот... как его... - он взглянул на карту, - Ак-Минарет. Я остаюсь здесь, первый батальон со мной, Кобиков, третий батальон - на Восточную базу. Если кто-нибудь случайно найдет комбатов - ко мне обоих.

***

Вы видели высадку 805-гоотдельного батальона плавающх танков на морской пляж?

Как, вы не видели высадки 805-го отдельного батальона плавающих танков на морской пляж?

Вы не видели, как тяжелые плосколобые амфибии с мощным плеском скользят в волнах? Вы не видели их медленного движения среди бурунов, влажного блеска их поплавков, их неумолимого приближения, их гиппопотамьей грации, вы не слышали их первобытного рокота в шуме волн?

Ну, тогда ничего вы не знаете о том, что такое танковый десант...

Это напоминает масовую высадку морских черепах на Сейшельских Островах, когда большие древние твари выбираются из моря на сушу, чтобы спариться и отложить яйца. К слову, сбрасывание танками поплавков здорово напоминало этот процесс. Половина населения Керчи столпилась на набережной, наблюдая, как, подобно морпехам

дядьки Черномора, танки выкатываются на пляж, троща гусеницами гальку, скидывают поплавки, выстраиваются в линию и едут в город...

- Какое зрелище, сигим-са-фак! - восхитился прапорщик Дементьев, наливая стопку водки прапорщику Андрощуку.

- Это да, - согласился Андрощук. - А потому что, это, армия! И порядок знают. Будем, - он поднял стопку.

- Будем! - чокнулся прапорщик Дементьев.

- Ты думаешь, - Андрощук выдохнул и закусил бутербродом с красной рыбой, - Думаешь, мы бы так не смогли? Смогли-и-и бы, и еще как! Делов-то...

- А вот мы в турецкую...

- Что вы в турецкую? - скривился Андрощук. - Воевали они... "Мы пахали", мля...

- Господин офицер! - Дементьев погрозил пальцем и налил еще водки, - Я вас попрошу!

- Да какой я, к херам, офицер, - вздохнул Андрощук. - Был бы я офицер...

- Но вы же прапорщик? - не понял Дементьев.

- Так и не офицер же...

- Разве в советской армии прапорщик - не офицерское звание? - удивился Дементьев.

- Да где там... А у вас что, офицерское?

- Конечно! - развел руками Дементьев. - Я, например, офицер запаса. Прапорщик...

- Везет, - загрустил Андрощук.

Как видите, интеграция в Общую Судьбу кое-где протекала очень мирно. Особенно мирно она протекала в баре STOPKA, хозяином которого и барменом был Николай Дементьев, прапорщик резерва Вооруженых Сил Юга России, а гостем и почетным посетителем - прапорщик Советской Армии Юрий Андрощук.

Командир взвода в 222-м танковом полку, Андрощук еще накануне отпраздновал успех мирного воссоединения, и весь путь на десантном корабле промучился жестоким похмельем. Заначку он сделать не успел, взять было негде, пришлось терпеть до самого Крыма.

Но уж в Крыму машина прапорщика Андрощука уехала не дальше первой же вывески с тремя заветными буквами: BAR. Это слово было написано более мелким шрифтом, чем название STOPKA, но Андрощуку в глаза бросилось именно оно.

- Стоп! - приказал он водителю. - Мне это... Отлить надо. Ты езжай, я вас потом догоню...

Таким образом прапорщик Андрощук встретился с прапорщиком Дементьевым, в очередной раз подтвердив истину, что только гора с горой не сходится, а человек с человеком - всегда пожалуйста...

Или вот вам пример полковника Афанасьева и полковника Ордынцева. При том, что один был советским полковником, а второй - крымским, оба довольно легко нашли общий язык. Конечно, беседа протекала не столь неформально, как в баре "Stopka", но вполне интеллигентно.

Полковник Ордынцев находился, как и все крымские военные, под арестом. Не желая эксцессов, Афанасьев оставил дроздовцев в их казармах и, в противоположность некоторым другим советским командирам, не стал "завинчивать гайки". Тем более, что ему как добросовестному офицеру, были симпатичны такие же добросовестные офицеры - полковник Ордынцев в частности. Поэтому он рассудил, что взять крымского комбрига с собой - хорошая идея. Полдня они таскались по всем расположениям подразделений бригады, а за полдень сели пообедать в придорожной закусочной - достаточно просторной, прохладной и приятной, чтобы вместить штаб полка.

Ордынцев испытывал двоякие чувства. С одной стороны, в эту дешевую пиццерию он зашел бы только если бы *очень* проголодался - изобилие острого кетчупа

гарантировало изжогу. С другой стороны, ему импонировала скромность полковника - в его положении (Ордынцев полностью отдавал себе в этом отчет) он мог бы зайти в любой, самый шикарный ресторан города и угоститься на любую сумму. Но нет - он выбрал дешевую пиццерию, весьма умеренно поел и выпил только безалкогольного пива, да еще и взялся за кошелек - расплатиться ему хозяин, конечно, не дал, что вы, как можно - брать деньги с советских офицеров! - но уже неамрение само по себе много значило.

Получив заказ - пропадай, печень! - Ордынцев и Афанасьев возобновили разговор о сравнительных достоинствах танков "Витязь" и "Т-72". Сошлись на том, что у Т-72 больше дальность прицельной стрельбы, зато на "Витязе" мощнее броня, что повышает шансы в ближнем бою. Потом перешли на организацию. Ордынцев настаивал на преимуществах бригадной, и Афанасьев спорил только для порядка: преимущества ему были очевидны. И не только бригадной организации - всего крымского образа жизни. Но здесь же, за этим столом, сидел полковой замполит подполковник Щусев, здесь же надулся, как мышь на крупу, командир отдельного 805-го батальона плавающих танков, крайне недовольный тем, что его отдали в подчинение Афанасьеву - при них распускать язык было чревато, поэтому Афанасьев приналег на пиццу, а разглагольствовал в основном Ордынцев.

К тому времени, как полковники и их "свита" покинули пиццерию, прапорщик Андрощук окончательно лишился возможности уйти из бара "STOPKA" своими ногами. Опираясь грудью на стойку бара, он изливал Дементьеву душу, жалуясь на нелегкую долю советских прапорщиков. К излияниям прислушивался еще один посетитель - среднего роста крепкий мужчина под сорок, явно ближневосточной наружности. По мелочам он не разменивался - купил сразу бутылку водки (которую Андрощук презрительно охарактеризовал как "чекушку") и пил маленькими порциями.

- Р'шите пр'ставиться... - заметил его советский недо-офицер, - Юрий Андр'щук, пр'щик!

- Очень приятно, - сдержанно ответил клиент. - Борис Фельдман.

- Это ничего...- милостиво кивнул Андрощук. - Евреи - тоже нормальные ребята. У м'ня один к'мандир от'ления был... Еврей... А-атличный парень! Н-ничего не имею против.

- Я рад, - Борис Фельдман незаметно показал кулак Дементьеву, который собирался что-то вставить.

- А вот еще был двух'дичник Жорка Ярош... тоже еврей... Так он про меня стишок сочинил, гаденок... "Вот какой-то прапорщук Андрощук... Банку водки в уголок поволок...", - процитировал он. - "Хочет он скорей набраться и тотчас с полка съебаться..." А тоже еврей! П-поросенок... Я, блядь, тридцать лет в армии! А он - стишок... Так что и евреи бывают... да...

Плюнув таким образом, причем совершенно незаметно для себя, в душу Фельдману - как видно, постоянному посетителю, потому что Дементьев, видя, как тот уходит, всполошился, а потом приуныл - Андрощук выпил еще одну "граммульку", которая оказалась роковой: он заснул мертвецким сном на табурете у стойки.

Полковник Афанасьев, которому доложили о таинственном исчезновении прапорщика Андрощука, послал в STOPKУ наряд патруля, который натолкнулся на надпись "закрыто" - Дементьев, лишившись собеседника и не предвидя других посетителей, решил устроить себе выходной. Часа через три он собирался вернуться и посмотреть, не пришел ли в себя Андрощук, удобно размещенный на раскладушке в подсобке, где сам Дементьев ночевал порой, когда тащиться домой ему было лень.

Андрощук проспал молодецким сном все десять часов, а когда проснулся, решил, что нужно было давно бросать пить.

***

У порога квартиры, которую Верещагин снимал на окраине Бахчисарая, он сказал: "Стоп!" как раз в тот момент, когда она уже собиралась шагнуть в открытую им дверь. После чего с самой серьезной миной взял ее на руки, перенес через порог и усадил в комнате на диван.

Вторым заходом он перенес через порог здоровенную спортивную сумку, которую забрал из камеры хранения на бахчисарайской автостанции.

- Чаю?

- Что?

- Будешь пить чай?

А почему, собственно, ей показался дикой мысль о том, чтобы выпить чаю? Мир может рушиться, разве это повод, чтобы отказываться от одного из немногочисленных удовольствий?

Артем набрал в чайник воды, поставил его на плиту.

- Есть, считай, нечего, - сказал он. - Можно сделать омлет или тосты по-французски. Что тебе хочется?

"Мне хочется, чтобы этот сумасшедший день скорее закончился. Мне страшно".

- Ничего...

Он расшифровал это по-другому.

- Да... Я тоже представлял себе сегодняшний день как-то иначе. Фрак, венчание в храме Святого Семейства и связка пивных банок на выхлопной трубе. Хочешь, я выгоню их всех их Крыма, и мы спокойно поженимся?

Она в первый раз слышала, как он говорит чепуху, чтобы отвлечь и успокоить ее... Как маленькую...

- Зачем ты вернулся?

- Что значит, зачем... Не могу я все время в Непале жить, я же не шерпа.

- Не валяй дурака.

- Я хотел тебя видеть, разве этого недостаточно? Быть с тобой. Жениться на тебе. Я не стал бы бежать, даже если... Нет, ну ты видела идиота? Один поставил чайник - на холодную плиту...

Он зажег газ, резким взмахом руки убил огонек спички и выбросил огарок в ведро.

- Нужно отлучиться на полчаса. Интересно, как там наши... И ваши... Я сейчас уйду и вернусь. Принесу погрызть чего-нибудь.

- Арт, я... Мне нужно быть в полку к полудню...

Он грохнулся перед ней на колени, тревожно заглянул в лицо.

- Ты серьезно? Тамара, крымской армии больше нет. Забудь.

- А ты собираешься вернуться в батальон?

- Да, собираюсь, но не сей же момент... Мой отпуск заканчивается на завтрашней утренней поверке. У нас еще одна ночь.

- Арт, повторяю: мне нужно быть в Каче в двенадцать ноль-ноль.

- Ты останешься здесь!

- Что за тон? Ты что, на плацу?!

Он застонал, возвел глаза к потолку.

- Тэмми, ты что, не поняла еще, что происходит? Это вторжение, а мы - враждебная армия. Я еще не знаю, как они с нами поступят и что нас ждет. Поэтому никуда не тороплюсь. Пока...

- А потом?

- А потом - увидим.

- Я не имею права дезертировать.

- Да какое это, массаракш, дезертирство! Нельзя дезертировать из армии, которой нет! Ты понимаешь, что тебя могут изнасиловать, избить, ограбить?

- Да с какой стати, Арт? - она даже расхохоталась. - Я что - кинозвезда? Или советские солдаты - сексуальные маньяки? Им бесплатно наливают в любом баре - надо думать, и в любом бардаке дадут бесплатно! Даже если мы военнопленные, зачем они будут нарываться на неприятности, они же подписывали Женевскую Конвенцию.

- Турки тоже подписывали! Спроси у своего комэска, как они ее исполняли!

Это был, в общем-то, удар ниже пояса. О том, что турки делали с пленными летчицами, предпочитали не упоминать в первую очередь сами летчицы. Командир эскадрильи "Вдов" Рут Голдберг - в том числе.

Но турки есть турки. Советские солдаты, виденные сегодня на улицах, вовсе не были похожи на ландскнехтов. Нормальные, даже несколько растерянные парни, уделявшие женщинам гораздо меньше внимания, чем женщины - им. Похоже, сегодня самый верный способ склеить девчонку - одеться "голубым беретом"...

- Мы ведь не совсем военнопленные. Мы теперь - советские граждане.

- Тэм, советские граждане - самые бесправные люди на свете.

Она вздохнула и откинулась на спинку кресла.

- Дай мне слово, - быстро заговорил он. - Пообещай мне, что останешься здесь и никуда не пойдешь.

- А ты?

- Это неважно. Тамара, я прошу тебя, дай слово! Пойми, я смогу... Я все смогу, если буду знать, что ты в порядке. Мне нужна эта уверенность, я без нее погибну.

Наверное, каждой женщине хочется слышать такую лихорадочную речь и видеть такой блеск в глазах. Но, оказывается, спокойно на это смотреть нельзя, и хочется остановить это любой ценой. Это все равно что видеть, как мужчина плачет.

- Хорошо, я согласна, слышишь? Я обещаю, я никуда не уйду.

- Ну вот и славно! - он вскочил, вышел в прихожую, обулся. - Сейчас я тебя с Князем познакомлю.

- Каким князем?

- С тем самым. Князь Берлиани. Капитан морпехов. Мой замком по морде.

- Что?

- Это советская шутка. ЗамКом По МорДе - "Заместитель Командующего по Морским делам". Мы вместе ходили на Аннапурну, Кинли, Эверест и К-2.

- А при чем тут морские дела?

- Ну, так он же морпех!

- А-а...

- Я скоро, - пообещал он и закрыл дверь.

Она подошла к окну. Через полминуты из-за угла выкатил его джип-"хайлендер". Больше машин на пустынной улочке не было. Коричневый джип, похожий на жука, исчез в конце улицы.

С ужасающей ясностью Тамара поняла: он не вернется. Разговоры про "Князя" - для отвода глаз. Он задумал что-то ужасное, он решился давно. Он умрет, а она остается в пустой квартире. В безопасности, как он думает. Можно будет еще уехать к матери в Севастополь... Впрочем, и там ее найдут. А Арт к тому моменту будет уже мертв...

Когда волна паники схлынула, она обнаружила в своей руке карандаш, а перед собой - листик бумаги. Да, поняла она, все правильно. Долг есть долг. Если он все же вернется - он будет знать, где искать ее. А она... Что бы там ни было, она должна быть в полку. Чтобы ни сделали с ее подругами и подчиненными - она должна быть рядом. Она - офицер, и она не побежит.

"Прости, Арт! Я должна вернуться. Долг есть долг. Я надеюсь, мы все же встретимся. Очень жаль, что обошлось без фрака и венчания, но это ничего не меняет. Твоя жена Тамара."

***

Утро было ветреным. Вдоль по Слащева стелился белый вихрь: облетала черешня. Надувной Рональд Макдональд рвался с привязей под треск флагов. Недавно открытая американская закусочная блестела, как операционное отделение Бахчисарайской земской больницы.

Он нашел там почти весь свой "клуб самоубийц".

- Ну, наконец-то! - сказал Князь. - Макдональдс окупил себя на год вперед - столько мы тут сожрали, пока ждали тебя... Не мог назначить в приличном месте...

- А мне что-нибудь оставили? У меня есть совершенно нечего, а все закрыто.

- Травись, - Князь толкнул к нему по столу пакет. Арт, не глядя, подхватил его и махнул рукой:

- Пошли.

Советских солдат не было видно - в этой окраинной забегаловке спиртного не подавали. На том и строился расчет.

Они расселись по машинам - четверо - к Верещагину, трое - к Князю. Один должен был подъехать прямо на квартиру.

Советская колонна БМД попалась им на площади Победы - колонна стояла, впереди была пробка. Кажется, задержка в пути не расстраивала никого, кроме раскаленного докрасна городового. Ругаясь и время от времени свистя, он пытался рассредоточить затор. Советские десантники - ошарашенно-веселые мальчишки - курили и общались, сидя на броне машин. С одной из БМД несся звон гитары и песня про новый поворот. Песню пели большим хором, состоящим из десантников и крымцев...Артем посигналил Князю, чтобы тот сдал назад, завертел руль и под всеобщее неодобрение объехал пробку по тротуару.

- Вот! Новый поворот! И мотор ревет! - орали вокруг машины, - Что он нам несет?! Пропасть или взлет?! Омут или брод?! Ты не разберешшь! Пока не повернешшь! За па-а-ва-а-рот!

Артем вырулил за поворот, отгородившись стеклом от идиотского советского шлягера. Так всегда в этой стране - в шлягеры попадает самая кретинская из песен, пусть даже вполне нормального бэнда.

Греческий квартал словно вымер - все побежали в центр, на Севастопольскую Улицу, смотреть на проход советских войск.

- Здесь что, Соловей-Разбойник поселился? - спросил Хикс. - Свист стоит на весь квартал.

- Fuck! - Верещагин бегом пересек двор и взлетел на галерейку.

- Чайник забыл выключить, - констатировал Князь. - Это называется "не привлекая к себе внимания".

- Хрен мы что к себе привлечем, весь город сбежался смотреть на советских десантников, - заметил Томилин.

Вопли чайника стихли.

Берлиани зашел в квартиру.

Верещагин у окна рвал на части листик. Аккуратно складывал пополам, рвал по линии сгиба, снова складывал и снова рвал... Лица его было не видно - он стоял спиной к двери.

- Что-то случилось, кэп? - спросил Даничев.

- Случилось, - Верещагин сунул обрывки в карман. - Ничего. Злее буду.

- Царица?

- Заткнись, Гия. Давайте садиться, господа. Шэм, запри дверь. Извините за недостаток посадочных мест, на такой кворум квартира рассчитана не была. Берите подушки с дивана и рассаживайтесь на полу, кто хочет.

- Может, сначала дождемся гостя?

Верещагин посмотрел на часы, взял с полки кистевой эспандер.

- Арт, я смотрю, у тебя яйца есть...- начал Козырев. - Что вы ржете, сигим-са-фак?

- Это истерика. - Верещагин сам с трудом удерживал смех под контролем. - Есть, Володя, есть.

- В холодильнике! - на хохочущее офицерство это подействовало совсем деморализующе. - Три яйца, черт вас возьми, похабники! Капитан, можно их сварить и съесть?

- Ты же из "Макдональдса", - удивился Верещагин.

- Он "бургеров" не ест, фигуру бережет, - пояснил отсмеявшийся Томилин. - Боится лошадке Басманова хребет сломать...

- Ей сломаешь, - весело отозвался Козырев. - Ненавижу Вронского, между прочим, с гимназии. Ляд с ней, с Анной, но зачем коня угробил? Хочешь быть жокеем - не разъедайся... Как вы думаете, кэп, скачки в суботу состоятся?

- Думаю нет, - сказал Арт. - Ни при каком раскладе. Бери яйца, Володя.

- Хотел бы я, кэп, как вы - жрать всякую дрянь и не набирать веса, - с некоторой завистью сказал Козырев, глядя, как Артем достает из пакета двойной чизбургер.

- Альпинизм сохранению фигуры способствует. Когда я вернулся с К-2, я мог снять джинсы, не расстегивая...

- Шамиль еще страшнее выглядел, - сказал Даничев. - Они у него держались, по-моему, на одном энтузиазме.

- Я бы сказал вам, господин прапорщик, на чем они держались. Но это будет нарушение субординации.

- Сказал бы еще тогда, - подколол Верещагин. - Вряд ли можно было упрекнуть тебя в том, что ты не умеешь держать язык за зубами.

- That's true, - согласился Шэм. - Надо было. Теперь поздно уже.

- Да, видок у тебя был... - покачал головой Даничев.

- А что это за история? - спросил Козырев.

- История жестокая, - Томилин почесал подбородок, который вечно выглядел небритым. - Сидим мы, значит, в штурмовом лагере - я и Князь - а Арт и унтер Сандыбеков выходят на штурм вершины. Часов в одиннадцать они на связи: есть вершина. Нам с Князем, понятное дело, тоже хочется, но пока штурмовая связка не вернулась, выходить нельзя. Значит, сидим и ждем. Ближе к трем видим обоих: идут по гребню, там были провешены перила... Дальше ты сам рассказывай. Что там у вас случилось?

- Перетерлась веревка, - спокойно сказал Верещагин. - Первым слетел я, вторым - Шэм. А там не вертикальная стена была, а такими ступеньками, с углом наклона, чтобы не соврать, градусов пятьдесят, и постепенно это все выполаживалось где-то до десяти градусов, и уже под таким уклоном площадочка длиной ярдов в сорок обрывается в пропасть. Тысяча футов вниз. И вот мы с Шэмом, связанные одной веревкой, считаем эти ступенечки, причем он считает головой.

- Челюстью, кэп, челюстью...

- А я думаю, успеем мы остановиться на этой площадочке внизу или так и проедем по ней до обрыва... А снег там плотный. Слежавшийся... И вот я скольжу, на ходу переворачиваюсь лицом вниз и зарубаюсь передними зубьями "кошек" и руками цепляюсь, как могу... Нога болит так, что сил нет, я ее сломал, когда падал, но как подумаешь про эти четыреста метров - упираешься и ею, жить-то хочется... Короче, не доехали мы до края, затормозили. Шэм лежит и не двигается. Я думаю - живой? А подползти посмотреть - сил нет. И тут унтер поднимает голову, выплевывает на снег кучку зубов и хрипит: "Сколько"? Я говорю: "Восемь". "Факимада, четыреста тичей!" - стонет Шэм и теряет сознание.

- Я этого не помню, - сказал Шэм. - По-моему, сэр, вы сочиняете. У меня и так с математикой плохо, а после такого падения все мозги были набекрень.

- А может, встали на место? - спросил Князь. - Ты вообще на редкость разумно действовал тогда. Я даже удивился.

Козырев не знал об одной шероховатости, которая была между Шэмом и Князем.

- Шамиль меня вытащил, - ответил Артем на незаданный вопрос. - Отдал свой ботинок, себе взял мой, треснувший... Его ботинок сработал как шина, так что он сумел впереть меня на гребень... А дальше мы ковырялись как-то, пока не подошли Князь и Том.

- Вы чертовы самоубийцы, - покачал головой Козырев.

- Кто бы говорил, - сказал Князь. - Смотрел я твою скачку на Кубок Крыма. Сколько ребер ты сломал, два?

- Одно. Два я сломал на Кубке Рождества.

- Бойцы вспоминают минувшие дни, - сказал Артем. - Твои яйца сварились, Володя. Шамиль, Сидорук, что там у нас в батальоне?

- Наших согнали на футбольное поле, где учебно-тренировочный комплекс...

- У советских поразительное пристрастие к спортивным сооружениям, - отметил Томилин.

- Их легко использовать и охранять, - пожал плечами Верещагин. - Это еще Пиночету нравилось. Главное - чтобы Новак сделал свое дело. Александру Владимировичу нужен будет тактический центр...

- А телевышка, судя по передачам, еще не занята, - заметил Козырев. - Они гоняются за фургонами ТВ-Мига, но не сообразили отключить трансляцию.

- Паршиво будет, если мы влезем туда как раз одновременно с ними. Или если они нас обгонят, - сказал Берлиани. - А техники? Ты думаешь, мы сами сможем запустить в эфир это дело?

- Техники...

Верещагина перебил звонок в дверь.

- Ага, это, кажется, они...

Арт метнулся в прихожую. Князь потихоньку достал свою "Беретту".

- Кто там?

- Простите, господа, мне нужен господин Верещагин. Это по поводу штурма южной стены Лхоцзе.

- И как же вы собираетесь штурмовать гору?

- Э-э... По восточному контрфорсу, - последовал ответ.

- Войдите, - Верещагин открыл замок.

На пороге стоял типичный керченский амбал (почему-то считалось, что самые здоровенные грузчики водятся в Керчи). Ростом под два метра и такого размаха в плечах, что Верещагин усомнился в возможностях своего дверного проема.

Как выяснилось, зря. Парень легко преодолел дверь, подал капитану лапищу, между пальцами которой была зажата офицерская книжка.

- Штабс-капитан Кашук, - детинушка продублировал голосом то, что было написано в книжке. - Батальон связи спецвойск ОСВАГ.

Верещагин вернул амбалу книжку и пожал протянутую ладонь.

Князь спрятал "пушку", остальные облегченно вздохнули.

- Капитан Верещагин, - представился хозяин квартиры. - Капитан Берлиани, штабс-капитан Хикс, прапорщик Даничев, подпоручик Козырев, поручик Томилин, младший унтер Сидорук, ефрейтор Миллер, унтер Сандыбеков.

- Очень приятно, господа. - Кашук умостился в кресло, которое до него занимал Верещагин. - Ну у вас и пароль. Ничего смешнее нельзя было придумать? Например, "У вас продается славянский шкаф"?

- Остроумно, - холодно сказал Верещагин.

- Вы получили кассету?

Верещагин пошуровал рукой в сумке, достал две запечатанные видеокассеты.

- "Empire Strikes Back", - удовлетворенно сказал Кашук. - А зачем вторая?

- Запасной вариант, - сказал Верещагин. - Для второй попытки, если у нас ничего не получится.

- А разве...

- Запас карман не тянет, господин штабс-капитан. К делу.

Кашук воздвигся во весь рост.

- Погодите, ваше благородие. Кажется, вы знаете больше меня...

- А вас это смущает?

- Смею вам заметить, что из всех присутствующих только я выполняю непосредственный приказ начальства. А вы все занимаетесь авантюрами.

Князь тоже поднялся. В ширину он не уступал ОСВАГовскому детинушке, хотя был на пол-головы короче.

- Чем бы мы ни занимались, господин Кашук, - когда Князь волновался, в его голосе прорезались кавказские интонации, - Мы тут соблюдаем воинскую субординацию. И подчиняемся капитану Верещагину. Поэтому не надо вести себя так, будто вы тут уполномочены руководить операцией. Вы - ценный, хотя и заменимый, технический специалист. Ваше сотрудничество играет большую, но не решающую роль.

- Осмелюсь добавить, - тихо сказал Верещагин (этот полушепот напоминал большинству присутствующих тихий шорох оползающего снега, который вот-вот перейдет в грохот лавины), - Что сейчас мы менее всего заинтересованы в слепых исполнителях приказа. Здесь будут действовать только сознательные добровольцы... Я все сказал. Перейдем к делу, или расходимся по домам?

- Как в восемнадцатом... - шепнул Даничев.

Да, подумал Верещагин, как в восемнадцатом. Бравые офицеры от безысходности лезут в бой и тянут за собой восторженных мальчиков, у которых офицерские погоны еще не успели залосниться на швах. Ну, точно как в восемнадцатом...

***

"Ужасы тоталитаризма" западный человек представляет себе убого. При слове "СССР" большинство европейцев и американцев начинают воображать многомиллионные лагеря за колючей проволокой, сырые застенки КГБ, оснащенные по последнему слову палаческой техники, многочисленные патрули на улицах и вездесущих стукачей, одетых в плащи и непременные шапки-ушанки.

Изображения этих же самых ужасов они требуют и от писателей - от Яна Флеминга до Эдуарда Тополя. В результате даже те щелкоперы, которые приехали из "отечества свободного" активно разводят в своих книгах "развесистую клюкву", которую западники поглощают с превеликим удовольствием, искренне веря, что это и есть русское национальное блюдо.

Даже те, кто активно сочувствует советскому народу, угнетенному правящей верхушкой, и представляет себе 1/6 суши более объемно, иногда впадают в оторопь при столкновении с некоторыми явлениями советской действительности.

Многие социологи, политологи и психологи, изучавшие события, которые имели место в Крыму 1980 года, по своей западной наивности потрясались: отчего последовал социальный взрыв, ведь крымцы были готовы к аншлюсу и представляли себе его последствия!

Так прогрессивный европеец или американец, везя в СССР нелегальную литературу, готов быть схваченным КГБ и подвергнуться самым жестоким истязаниям, но не готов обнаружить в своем общепитовском супе таракана.

Что ты мне рассказываешь про концлагеря и психбольницы? Обо всем этом подавляющее число населения не знает и знать не желает. С таинственным и ужасным КГБ сталкивался едва ли каждый сотый советский гражданин. А вот ты поживи двадцать лет на 18 м2 с женой, детьми и тещей, сортир общий на 12 комнат, ты постой с пяти утра в

очереди за маслом - "не больше пачки в одни руки". Ты приди 22-го апреля на "субботник" и отработай полный рабочий день - "добровольно" и бесплатно. Бесплатно, парень, без кавычек, это не ошибка наборщицы! Ты усвой, наконец, что ПИВА НЕТ. Пива нет, понимаешь?

Не понимаешь? Ну, тогда ни хрена ты не знаешь об ужасах тоталитаризма, и нефига размахивать последним "Курьером" со статьей господина Лучникова.

... Крымские егеря, в принципе, были готовы к тому, что их повяжут - "интернируют", как они выразились. Более или менее они были готовы к тому, что офицеров изолируют и запрут на гауптвахте. Скорее менее, чем более, они были готовы к тому, что им не позволят под честное слово остаться в казармах, а сгонят на огороженную сеткой футбольную площадку. Почти не готовы они были к тому, что их не будут кормить в течение ближайших трех суток (поваров заперли вместе с ними, вольнонаемные поварихи так и не показывались из коттеджа, в который их увели советские десантники). И уж совсем они были не готовы к тому, что им не позволят удовлетворять одну из самых базовых человеческих потребностей в специально отведенном для этого месте. Проще говоря, им не позволят пройтись тридцать метров до сортира, устроенного в учебно-тренировочном комплексе, чтобы тренирующимся не пришлось бегать от жилого комплекса.

- Вас тут четыреста человек народу, - пояснил советский десантник унтеру Новаку, выдвинутому солдатско-унтерским составом в качестве парламентера. - А нас - сорок. Если каждого водить в сортир под конвоем, мы тут все ноги собьем.

В ответ на предложение отпускать всех под честное слово советский лейтенант только рассмеялся и посоветовал оправляться на месте.

Крымцы были возмущены не столько оскорбительной сутью предложения, сколько выказанным недоверием. Ведь никто из них не собирался бежать, они согласны были примириться с изоляцией на этом пятачке, огороженном сеткой, с отсутствием пищи, с пренебрежительным обращением... Но недоверие их обижало. Разве присоединение к СССР не было доброй волей Крыма? Разве крымские форсиз в целом и егеря в частности проявили при сдаче хоть малейшие признаки экстремизма и конфронтации? Они полностью доверились советским солдатам - почему же те не хотят доверять им?

Новак прикинул обстановку. Дренажные люки представлялись единственным выходом из положения, но дело осложнялось солнечной погодой и постоянно увеличивающейся температурой. Скоро здесь просто будет нечем дышать.

- Петр... - обратился кто-то к Новаку, - Они не могут так поступать...

- Когда они входили в Чехословакию, - осклабился унтер, - они пользовались для этих целей подъездами домов. Дренажная система, по-моему, все-таки лучше.

Прогнозы унтера оправдались. Через час над стадионом распространилась неописуемая вонь, и Новак, как ему было ни горько, внес в это свою лепту, ибо деваться было некуда. Он, правда, на минуту подумал о том, чтоб отлить на столбик ограды, в самой непосредственной близости от сапог советского солдата, но отказался от этой мысли.

Некоторым утешением крымцам могло послужить то, что советские солдаты тоже не особо комплексовали. В их распоряжении был, правда, учебно-тренировочный сортир, но, поскольку было жарко, большинство десантников в неимоверных количествах поглощали пиво, которое через некоторое время требовало выхода. Посадочных мест в сортире было шесть, а желающих воспользоваться услугами заведения - гораздо больше. В результате стены из ракушечника скоро украсились живописными (как двусмысленно звучит это слово в данном контексте!) потеками.

Новак сидел на горячем тартане, подстелив под себя куртку, и курил сигарету за сигаретой. Время от времени он окидывал поле взглядом и определял градус, до которого

раскалилась людская масса. В тесноте, в жаре и вони эта масса довольно быстро приобрела характер критической. Под влиянием температуры шло броуновское движение умов. Новак криво улыбался: похоже, ротный прав. Еще немного - и они созреют. Как бы потом не пришлось сдерживать их, остужая самые горячие головы.

Его отделение гужевалось неподалеку. Четверо бывших караульных продолжало игру в кости, Вайль и Швыдкий слушали радио (тихонько, чтоб не привлечь внимания часовых), Вашуков лежал на спине и, похоже, спал, Ганжа и Искандаров принимали участие в оживленной дискуссии вокруг Идеи Общей Судьбы.

Новак еще раз окинул поле орлиным взглядом и углядел очаг начинающейся истерии. В руках товарищей по отделению Мясных и Меджиева бился рядовой Белоконь. Силовой захват и болевой захват не могли обездвижить и обеззвучить его полностью, так что он местами дергался и хрипел:

- Пустите, гады! Let me go, you bastards!

- Что случилось? - небрежно спросил Новак у коллеги, унтера Лейбовича.

- Этот кретин собирается лезть через забор и бежать в городок. Ему показалось, что он слышал там крик жены...

Сам Лейбович тоже держался несколько напряженно.

- А он соображает, что его просто застрелят?

- Он сейчас ничего не соображает...

Сквозь толпишку, сгустившуюся уже довольно плотно, продрался рядовой Масх Али с пластиковым пакетом, полным воды из фонтанчика (слава Богу, на футбольном поле была хотя бы вода!). Пакет был вылит на голову Белоконя и тот притих. Осторожно и медленно егеря разжали руки, Белоконь опустился на колени и разрыдался.

- Хватит реветь, придурок. - процедил Новак. - Не у одного тебя там баба.

- Ага, - прохрипел Белоконь. - Ты свою вывез!

- Потому что был чуть-чуть умнее тебя.

Новак оглядел всех собравшихся.

- Вот так и будем тут торчать, пока нас всех не погрузят в вагоны и не отправят в Союз, да? Или кто-то еще верит в сказочку про то, что советские солдаты возьмут нас в переподготовку?

Он швырнул окурок на землю и смачно растоптал.

- Я видел, как они ведут себя. В шестьдесят восьмом. Тогда я от них убежал. Но больше бегать не собираюсь.

- А что ты собираешься, Новак? - заорал Лейбович. - Что ты собираешься, такой умный? Ну-ка просвети нас!

- Не ори, Сол. Пока вы ссали в дренажную систему, я взял один квадрат резины и положил на один дренажный люк. Ближе краю. И сел на него. После темноты можно будет поднять решетку и попытаться выйти наружу.

Солдаты переглянулись. Дренажная система выходила на крутую стену под автобаном. Высота была метров пять, при известной сноровке можно легко спуститься и в темноте.

- Все не выберутся, - после полуминутного молчания заметил ефрейтор Валинецкий.

- А всем ли надо выбираться? - оскалился Новак. - Может, кому-то и здесь неплохо? Может, кто-то на все готов ради Общей Судьбы?

- Хватит трепаться, чертов чех! Что ты собираешься делать?

- Поднять своих "нафталинщиков". И если ты, чертов поляк, пойдешь со мной, у нас будут целых два отделения... Захватим оружейный склад и вдарим по здешнему конвою. А в это время остальные начнут холитуй здесь...

- С чего ты взял, что "нафталин" поднимется?

- Вечером прозвучит "Красный Пароль".

- Не засирай мне мозги! Кто его передаст?

- Капитан *обещал* мне, что вечером пройдет "Красный пароль".

- А как он это сделает? Он что, Господь Бог? - спросил какой-то рядовой из первой роты.

- Он - наш ротный, - ответил за Новака Искандаров. - Он сделает то, что обещал.

- Это война... - робко сказал кто-то из солдат.

- Война! - подтвердил Новак. - А ты думал, хрен собачий, что это пикник? A little party on a sunny day? Конечно, война. И нам придется воевать, если мы не хотим сгнить тут в своем дерьме... За каким шайтом вы записывались в армию, если не собирались воевать? Чтобы пощеголять в красивой форме?

- Офицеры, - напомнил Лейбович.

- Офицеры сейчас - мы. Ну, кто как? Или я бегу один?

- Не один, - Лейбович протянул ему руку. - Я вот что подумал: если "нафталинщики" откажутся идти, то и шут с ними. Мы прихватим парочку отделений отсюда и просто заберем у наших полуштатских оружие.

- Начинаем понемножку, с Богом... - Новак сверился с часами, - в половине десятого. Вернемся сюда я думаю... где-то в одиннадцать. Надо все продумать как следует. Кто идет, кто остается в команде прикрытия, как действовать, по какому сигналу...

- Тихо!!! - крикнул кто-то из рядовых. - Тихо!!! Они... Они убили полковника Чернока!

Лагерь всколыхнулся, люди сгрудились вокруг тех, у кого были приемники. Хозяева маленьких "Сони", "Панасоников", "Рапанов" и "Кенвудов", утаенных от конвоя, крутили настройку, стремясь поймать новости "Радио-Миг", идущие каждые полчаса. Полчаса висела напряженная тишина, лопнувшая потом яростными криками. Тут только советские солдаты поняли, что не все ладно, и начали стрелять сквозь решетку. Егеря попадали на землю, закрывая головы руками. После того, как огонь прекратился, шестеро так и не поднялись.

Смерть Чернока и эти шесть смертей убедили даже самых "задвинутых" на Общей Судьбе, что судьба эта достаточно печальная.

Историки нового времени отсчитывают момент начала Крымской Компании с момента гибели Александра Чернока. Но это, естественно, всего лишь повод к войне. Так называемый "казус белли". Правда, есть версия, что тут не обошлось без вездесущих спецслужб - как таинственного ОСВАГ, так и безжалостного КГБ. Но давайте оставим эти догадки авторам дешевых шпионских романов, жалким копировальщикам великих - Яна Флеминга, Алистера Маклина, Фредерика Форсайта и Гривадия Горпожакса. Нас, господа, интересует истина..

.

***

"Rent-a-carport" на окраине Бахчисарая. Артем бросил взгдяд в зеркало заднего обзора, потом осмотрелся по сторонам. Пустынно и тихо. Отлично. Просто замечательно.

В глубине гаража стоял советский армейский "ГАЗ". Козырев присвистнул. Верещагин запрыгнул в кузов, запустил руку в глубь накрытого брезентом ящика, что-то звякнуло.

- Ну, и мы с собой кое что принесли, - слегка обиженно сказал Князь.

- Этого даже у вас нет, - Арт вытащил автомат. - АК-74У.

- Я бы предпочел классическую модель, - Томилин принял из его рук оружие. - У этих и дальность, и точность прихрамывают.

- Они состоят на вооружении спецназа, - объяснил Верещагин.

- А мы - спецназ?

- Да.

- Час от часу не легче.

- А что еще там у тебя? - спросил Князь - Набор лазерных мечей?

Следом на свет появилась аккуратная связка камуфляжной полевой формы.

- Группа спецназа ГРУ, - осматривая знаки различия, сказал Арт.

- Hell's teeth! - изумился Хикс. - Настоящая.

- Да, пожалуй... В сумке у меня, кстати, документы. Тоже настоящие...

- А чего вся такая обшарпанная? И ботинки стоптаны немного...

- Интересно, далеко бы вы ушли в новеньких... - съязвил Кашук. - Эти советские бутсы - настоящие колодки для каторжников.

- Можно подумать, наши лучше... Тоже пока разносишь - хромаешь на обе ноги.

- Во всех армиях мира ботинки бывают только двух размеров - слишком большие и слишком маленькие.

- А самое главное: новенькая, с иголочки, обувь привлекла бы внимание, - снисходительно пояснил Кашук. - И форма, и обувь должны быть ношеными.

- Самое большое подозрение может возбудить знаете что? Что мы будем трезвыми.

- Дело, как говорится, поправимое.

- А это что - жвачка, чтоб не пахло изо рта? - Козырев заглянул в железный ящик. - Килограмма три. И взрыватели к ней. Вибрационные, радиоуправляемые, контактные, часовые...

- Вау! Пулемет!

- Гранат советских я здесь что-то не вижу...

Кашук воздел глаза к потолку. Эти мужланы и солдафоны, окружавшие его, явно не способны были оценить доставшиеся им блага.

- Вы хоть представляете себе, как было сложно обеспечить хотя бы это? - осведомился он.

- По гроб жизни будем благодарны ОСВАГ и вам лично... - елейным голосом сказал Князь.

- Быстрее переодеваемся, - перебил его Верещагин. - Если мы их опередим, возможно, удастся обойтись без драки.

- А мне как раз хочется подраться, - вздохнул Даничев.

- Капитан...- обиженно сказал Кашук.

- Старший лейтенант, с вашего позволения. В чем дело, прапорщик Кашук?

ОСВАГовец открыл рот, но забыл, что хотел сказать.

- Быстрее надевайте форму, прапорщик, - Верещагин снял рубашку. - У нас очень мало времени. Ваши трения с сержантом Берлиани должны закончиться здесь и сейчас. С этого момента вы - лучшие друзья. И называете друг друга "братишка".

- Это обязательно? - сдавленным голосом спросил Берлиани.

- Да, Гия. Обязательно. Давай порепетируем. Попроси прапорщика Кашука передать тебе твой подсумок.

- Я тебе... вам это припомню... товарищ старший лейтенант, - сказал Берлиани.

- Если будем живы, - согласился Верещагин. - Я жду.

Берлиани прочистил горло, смерил Кашука убийственным взглядом.

- Братишка... - процедил он сквозь зубы. - Подкинь мне патрончики.

- Всегда пожалуйста, - ехидно улыбнулся Кашук, протягивая сумку.

- Плохо, - покачал головой Артем. - Будем тренироваться.

5. Казус белли

Оккупация может потрясти и нас, и вас,
может привести к самому невероятному... к войне...

В. Аксенов, "Остров Крым"

Чтобы понять, как подействовала на Крым гибель Чернока, нужно понять, что Чернок означал для крымцев вообще и именно для армейцев.

"Арабы верят людям, а не социальным институтам". Русские, в общем, тоже. Социальная система или политический лозунг не существовали в отрыве от людей. Монархия была Николаем и Александрой, военный коммунизм - Лениным, индустриализация - Сталиным, изоляционизм и крымская реакция - Врангелем, демократия и парламент - Лучниковым-старшим, ИДЕЯ ОБЩЕЙ СУДЬБЫ - Лучниковым-младшим, покойным графом Новосильцевым и полковником Черноком.

Герой Турецкой Кампании, безупречный джентльмен, интеллектуал, Чернок был эталоном офицера. То, что делал он, не могло быть плохо или безнравственно в глазах армейца. То, что он примкнул к Общей Судьбе, реабилитировало Общую Судьбу для форсиз.

Смерть Чернока была для них смертью Идеи Общей Судьбы.

Крым был так потрясен произошедшим, что поначалу просто не знал, как реагировать. Новость передавалась из уст в уста. Ей не верили. Зачем убивать человека, открывшего вам двери и пригласившего в дом? Можно, конечно, сказать, что это случайное убийство. Но кто же ходит в гости с пистолетом - заряженным и снятым с предохранителя?

***

Крым, 29 апреля, 0630 - 1330

Расположение 1-го танкового полка 1-й мобильной бригады Алексеевской дивизии.

Если капитан Верещагин был склонен к некоторой рефлексии, что, в общем-то, свойственно русскому человеку, получившему хоть какое-то образование, то подполковник Брайан Огилви, командир 1-го танкового полка 1-й мобильной бригады Алексеевской дивизии был в первую очередь человеком действия. Его реакции частенько опережали мысль.

Была ли причиной тому его горячая ирландская кровь, разбавленная кровью украинских предков матери, но не ставшая от этого холоднее, или, может статься, виски "Лэфройг", составлявшее ему компанию на протяжении последних трех дней, но подполковник воспринимал реальность в масштабах локальных: есть лично он, Брайан Огилви, есть ребята из его полка - солдаты и офицеры, хорошие, но глупые, есть печальная перспектива провести остаток жизни за Полярным Кругом, и есть виски "Лэфройг", которое делает эту перспективу немного более размытой, а потому - не такой страшной.

Но, коротая вечера с "Лэфройг", подполковник забыл о подрывных свойствах этого напитка. До некоторого момента украинские гены, неторопливые и рассудительные, справлялись с ирландскими - горячими и решительными. Но чем больше подполковник пил, тем больше украинские гены вспоминали о предках-казаках, погибших, но не принявших крепостного права, введенного матушкой-Екатериной. В конце концов украинские гены утратили роль сдерживающего фактора и заключили с ирландскими генами союз.

Произошло это как раз в тот день, когда денщик, разбудив подполковника, уведомил его об открытии военно-спортивного праздника "Весна".

- Началось, - подполковник сел на кровати и тут же закрыл глаза. Казалось, что правое полушарие мозга объявило левому войну, и обе стороны перешли в наступление. Немного подумав, он крикнул:

- Кузьмук!

В дверях появился денщик - вахмистр Кузьмук. Огилви напряг интеллект, пытаясь вспомнить, зачем он задержал денщика.

- Кузьмук! - подполковник принял решение, - "Blow-up" со льдом, чистую рубашку, полевую форму, чашку кофе.

Подполковник никогда не признал бы себя алкоголиком, но без утренного "воскресительного" коктейля он был в последнее время недееспособен. Ледяной "Blow-up" оживил его ровно настолько, чтобы нашлись силы поднять себя с кровати, втащить в душ и врубить холодную воду. После двух минут стояния под ледяной россыпью струй подполковник был уже в норме и бритву держал твердой рукой.

Чистый, в новом обмундировании, сверкая ботинками и благоухая одеколоном, Огилви сел в свою машину и поехал в штаб дивизии. Командира дивизии он не застал: тот как поехал вчера вечером в Симфи по делам, так до сих пор и не вернулся. Как проходил разговор подполковника с начальником штаба полковником Кутасовым, что сказали друг другу двое офицеров - неизвестно, так как впоследствии оба никому не передавали содержание этого разговора. Известно лишь, что подполковник покинул кабинет в мрачном расположении духа, и всю обратную дорогу вел машину так, словно на всем Острове он был один, как Робинзон.

Штаб полка встретил своего командира веселой суетой. Готовились бумаги, звонили телефоны, везде, где были телевизоры, они работали, передавая радостные сообщения о ходе воссоединения Крыма с братским Советским Союзом.

Подполковник плюнул, развернулся и, на ходу расстегивая китель, направился в офицерский коттедж, где достал из бара бутылку виски, налил себе полный стакан, смешал виски со льдом, выпил и повалился на кровать.

Через какое-то время его разбудил Кузьмук.

- Что, уже? - прохрипел Огилви.

- Никак нет, сэр! - ответил Кузьмук. - Там пришли ротмистр Кретов и ротмистр Белоярцев...

- Ну? - подполковник приподнялся на локтях. - Гони их.

- Ваше благородие! - Белоярцев оттер денщика в сторону. - Извольте встать и выслушать! Только что советским истребителем был сбит вертолет полковника Чернока...

Три секунды понадобилось Огилви, чтобы окончательно вникнуть в смысл сообщения.

- Полный сбор, - наконец сказал он, - Все. Буду через пять минут.

В реальном времени все вышло несколько иначе, но в конечном счете весь полк был выстроен на плацу, а подполковник стоял перед строем, слегка раскачиваясь с пятки на носок и держа в руках черный танковый шлем. На его рыжую шевелюру падали прямые лучи полуденного солнца, а синие глаза горели, как две ультрафиолетовые лампочки.

Опять же неизвестно доподлинно, что именно сказал своим орлам подполковник Огилви. Но в общих чертах его речь запомнилась аудитории. Мы, сказал подполковник, считали советских солдат и офицеров за друзей. А они, оказывается, не считают нас даже за врагов. Для них мы - просто пустое место. Наш командный вертолет можно расстрелять ракетами без предупреждения, словно муху прихлопнуть. Ну, ладно же. Не хотите считать нас друзьями - посмотрите, какие из нас враги. По машинам!

Через полчаса в расположении полка было пусто, хоть шаром покати. Танковая колонна в сопровождении обеспечивающих машин двигалась в район сосредоточения. На головном танке, свесив ноги в люк, сидел подполковник Огилви, в руке была фляжка с "Лэфройг". Подполковник мучительно размышлял, что же ему делать дальше. Все больше

и больше собственная затея представлялась ему безумием, и только природное ирландско-хохлацкое упрямство мешало признать поражение.

Наконец он решил действовать по принципу "ввяжемся, а там видно будет". Встанем в поле лагерем и подождем, явится ли кто-нибудь по нашу душу. Пошлем разведку в Белогвардейск и Джанкой. Подполковник принял решение и запил его глотком виски. Все-таки он был пьяница, этот крымский танкист.

***

Крым, Белогвардейск - Джанкой, 1100 - 2100

Командир 217-го парашютно-десантного полка 104-й гвардейской воздушно-десантной дивизии тоже был наполовину украинцем, тоже подполковником и тоже пьяницей. Бывают в жизни совпадения.

На службу иные люди кладут жизнь. Подполковник Романенко положил на службу все, что мог, с прибором и без.

В тот момент, когда подполковник Огилви выводил свой полк в район сосредоточения, подполковник Романенко принимал хлеб-соль от городского головы Белогвардейска. Осушив стопарик чистой, как детские слезы, водки, Романенко выдохнул, занюхал кусочком каравая и произнес знаменитое "Русские после первой не закусывают".

Хотя нет - он это делал в тот момент, когда Огилви еще валялся на кровати. Когда крымский танкист уводил свой полк, торжественный банкет в ресторане "Таврида" был в самом разгаре, и подполковник Романенко возглашал тост в честь переименования Белогвардейска в Красногвардейск. Тост был встречен общим ликованием, несколько потускневшим после приказа Романенко снять "эту тряпку" со здания мэрии (имелся в виду российский трехцветный флаг) и повесить на ее месте красное знамя. За красное знамя выпили отдельно.

Солдатам и офицерам 1-го отдельного бронемобильного батальона и 1-го противотанкового дивизиона Алекссевской Дивизии ни выпить, ни закусить не предлагали. Приняв у них сдачу, их заперли на хоздворе, который наскоро обнесли колючей проволокой и оставили там под охраной роты капитана Суровцева. Жители Белогвардейска позаботились и об этой роте: грузовик безалкогольного пива и копченых сосисок, дар предпринимателей Белогвардейска, был предоставлен десантникам в полное их распоряжение.

В отличие от подполковника Романенко, для которого принятие ключей Белогвардейска, а затем и Джанкоя, было сплошным удовольствием, для майора Грибакова оно оказалось пахотой. Но майор не возражал. Он ни словом не обмолвился о том, что неплохо бы комполка самому заняться делами или хотя бы выделить кого-нибудь ему в помощники. Мотив его поведения был прост: Грибаков предоставил своему шефу возможность самому вырыть себе могилу. Надежную и глубокую. И когда подполковник Романенко в нее свалится, очень важно, чтобы на глазах у начальства оказался надежный и исполнительный офицер, который сумеет взять полк в свои руки.

***

Князь Волынский-Басманов, командир Марковской Дивизии, как раз скрашивал себе тяготы домашнего ареста, обедая с майором Жоховым, начштаба 161-го парашютно-десантного полка, когда в гостиную вошла жена князя Элен и тихонько сообщила супругу, что полковник Чернок погиб.

Князь получил от Чернока тяжелое наследство. Оно напоминало чемодан без ручки, внутри которого тикает бомба с часовым механизмом.

Короче: командир Марковской дивизии полковник Волынский-Басманов согласно боевому расписанию получил верховное командование.

Случись такая радость еще полгода назад, полковник был бы на седьмом небе. Но - ах, незадача! - в сложных перипетиях современной политики нередко случается так: вчера - на коне, а сегодня - под конем. Поэтому в переломные моменты лучше быть в стороне от всякого рода коней и прочих ездовых животных.

Придерживаясь этого приципа, Волынские-Басмановы пережили Грозного, Годунова, всех самозванцев, и даже Романовых. С Божьей помощью князь Волынский-Басманов надеялся пережить и эту власть.

И вдруг - командование... Вот только этого ему и не хватало. И без того полно проблем: унизительный домашний арест, этот уже напившийся майор, шаткая ситуация... Одно подозрительное слово - и князь отправится на гауптвахту штабной роты. И что есть командование в данной ситуации? Фикция. Никакой реальной власти. Зато реальна возможность попасть под огонь. Вон, Чернок летал - и долетался. Нет, благодарю покорно, мы уж как-нибудь так, потихоньку. Потерпим пьяного майора, поскучаем несколько дней дома. Незачем слушать паникеров, вопящих о катастрофе. Советские военные - не исчадия ада, а вполне нормальные люди. Взять, скажем, майора... Что, крымцы не пьют? Пьют! Простительная человеческая слабость. Разве в городе происходит нечто ужасное? Творятся разрушения? Имеются жертвы? Нет, все тихо и мирно. Ну, а если солдатики разграбят несколько жидовских или греческих лавчонок, то ничего страшного не случится. Даже их хозяева от этого не обеднеют. Если бы полковничье жалование князя составляло десятую долю от их доходов, он и в генералы бы не особо стремился.

Нда, конечно, лучше было бы, останься здесь советский командир полка, а не его начштаба. Тот набрался уж как-то очень быстро, скучно и безобразно. Командир, майор... Белов? Нет, Беляев... да, Беляев! - показался князю разумным молодым человеком. Контакт с ним пригодился бы. Интересно, он женат? Можно было бы даже, например, выдать за него младшенькую, Ивонн... Или средненькую, Арлетт... Или даже старшенькую, Полин... Дочерей у полковника было достаточно, чтобы завести полезные связи во всех слоях крымского высшего света, но раз такой поворот - то и в СССР наверняка есть своя "аристократия", среди которой ценится истинно дворянское происхождение.

Кстати, и сам Волынский-Басманов подумывал о женитьбе. Развод, конечно, плохо отразился бы на его репутации, но князя теперь больше беспокоило то, что на нем род Волынских-Басмановых прервется. Уж лучше развод.

Матримониальные планы отвлекли его и некоторое усилие потребовалось, чтобы вернуть мысли на прежнюю, тревожную дорожку. Случай с Черноком - это, повод к войне. И если где-то отыщется горячая голова, которая воспылает местью... Да, тогда новоявленному командующему не поздоровится.

Лучше забыть, решил он. Жена мне ничего не говорила, а если и говорила - то я не слышал.

- Еще кусочек пулярки? - спросил он у майора Жохова.

- Давай, - согласился начштаба.

***

- Факимада, - прошептал Шамиль, глядя, как на экране вспухает багровое облако, секунду назад бывшее командным "Дроздом" Чернока.

Остальные молчали.

Мерцали окна контрольных мониторов. По московскому каналу транслировали какой-то фильм. Татарское телевидение передавало спортивную программу.

- Кашук, - сказал Князь, - Ты записывал?

- Да.

- Прокрути это еще раз. Прокрути по всем каналам, чтобы все увидели...

- Нет, - отрезал Верещагин.

- Что значит "нет", Арт? - Князь вцепился в воротник своего друга-пехотинца.

- "Нет" означает "нет", Гия. Отпусти меня, пожалуйста. Мы не будем передавать запись гибели Чернока по всем каналам. Это все равно, что вывесить на телевышке Российский Флаг.

- А на кой пес мы еще сюда пришли? - прорычал Берлиани. - Чтобы отсидеться или чтобы поднять Крым? Вот то, что может поднять Крым, Верещагин! У тебя в руках бомба, а ты не хочешь пустить ее в ход! Ты трусишь!

- Я не трушу, Гия. Я ясно представляю себе задачу. Дождаться "Красного пароля". Если его не будет - передать самим. Точка.

- Капитан, - осторожно начал Даничев. - Что мы будем делать теперь, когда убит Главнокомандующий?

Капитан на секунду задумался:

- Да, это проблема...

- Кой черт "проблема"! Это полный краш! - Хикс стиснул кулаки.

- Нет, Ник, это именно проблема. Я уже думал об этом, - Верещагин беспощадно терзал кистевой эспандер.

- Ну так перестань дрочить и поделись своими драгоценными мыслями! - взорвался Князь.

- Хорошо, ваше благородие, - Артем отложил эспандер. - Существует иерерхия передачи командования, благодаря которой полковник Чернок и стал здесь за главного. Согласно этой иерархии, после смерти или ареста Главнокомандующего генерала Павловича, начштаба ВСЮР Каледина и командира ВВС Чернока старшим становится командир Марковской дивизии полковник Волынский-Басманов. Он, скорее всего, арестован, за ним следует командир нашей, Корниловской, полковник Адамс.

- То же самое, - буркнул Томилин.

- Да, не буду больше трепаться. В общем, первый же офицер штаба, которого мы освободим, например, Старик, сможет считаться командующим. Совершенно законно. Просто потому, что он единственный свободный офицер штаба.

- Мы договаривались не о "первом же офицере штаба", а об Александре Владимировиче, - заметил Хикс.

- Ну, что тут поделаешь, Миша, - Верещагин развел руками. - Так уж вышло, что командующий убит. Всегда найдется идиот, которому охота пострелять.

- Какого черта он летал? - процедил сквозь зубы Кашук. - Что на него нашло? Простите, капитан, но ваши соображения ошибочны. Чтобы отдать какой-либо части какую-либо команду по радио или телефону, сначала нужно назвать код для связи. Кодов у нашего неизвестного штабиста нет, и ни одна часть его не послушает, если даже ему удастся добраться до тактического центра или штабного вертолета... Так что все у нас пошло к чертовой матери.

- Коды есть у меня, - спокойно прервал его Верещагин. Он выдержал должную паузу, чтобы все сумели оценить новость, и объяснил: - Александр Владимирович подстраховался.

- Вот это номер! - Козырев потер подбородок.

- На всякий случай, господа: коды у меня в сумке на магнитофонной кассете с надписью "Let it be".

- Это значит, ты теперь можешь командовать сам. Если доберемся до тактического центра, - Князь рассуждал вслух, внимательно глядя на товарища. - А хоть бы и отсюда. Напольён Буонапартий.

- Гия, я с удовольствием уступлю эту честь тебе, - невозмутимо сказал Верещагин. - В конце концов, ты учился в Аннаполисе...

- Чур меня!

- Меня тоже. Я думаю, наш неизвестный штабист справится. Я надеюсь. Мне уж-жасно не хочется командовать всеми крымскими войсками. По правде говоря, я не очень четко представляю, как это делается.

- Делим шкуру неубитого медведя, - напомнил Козырев. - Может быть, "Красный пароль" еще и не пройдет?

- Тогда наша забота - сделать так, чтобы он прошел.

- Едрена вошь! А Германа все нет...

- Германа может не быть до завтра, - процедил Кашук. - И хорошо бы...

- Хорошо бы, - вздохнул Князь.

- Мечты мечтами, господа, - Верещагин открыл двери аппаратной, - А вы следите за мониторами внешнего наблюдения. И еще одно... Кашук, вы можете отключить все каналы, кроме Москвы? Лучше даже - перевести Москву на все каналы.

- Ничего проще.

- Делайте. У меня такое чувство, что скоро у нас будут гости.

- Господи, - Даничев замер, пораженный внезапной мыслью, - Старик! Бедный Старик... Там же погиб его сын...

- Царствие небесное, - сказал Берлиани. - На посты!

Когда они разошлись, на пульте у Кашука замигал огонек вызова...

***

Командный бункер тактического центра Чуфут-Кале застыл в молчании. Дежурные офицеры штаба смотрели на командира дивизии, а тот - на "заснеженный" экран, где еще секунду назад было лицо Чернока, а полсекунды назад - огненная вспышка.

- Ублюдки, - наконец прошептал Адамс.

- Сэр, на связи Бонафеде, - сообщил прапорщик Чешков.

- Да, - Адамс взял наушник.

- Дуг, у меня на прицеле их авианосец, - командир ракетной базы береговой обороны говорил ровно, как всегда. - Шваркнуть по нему?

- Не сходи с ума, - глухо сказал Адамс. - Поздно... уже поздно...

Он опустил наушник на пульт и закрыл глаза. Через полминуты заговорил - медленно, словно читал под веками бегущую строку.

- Сережа, свяжитесь с базами "Ковчег". Отдайте распоряжение от моего имени: укрыться по схеме "полная защита", не выходить на контакт с советскими частями, ждать дальнейших указаний. Ян, вызовите Бонафеде еще раз... Нет, не надо... Вызовите батальон РЭБ. Питер, вызовите штабы дивизий...

- Батальон РЭБ отвечает, сэр!

Адамс поднял наушник.

- Четыреста тринадцатый слушает.

- Говорит восемьсот пятый, - сказал Адамс. - Вызови командира.

- Сэр! - в дверях возник запыхавшийся охранник, - прибыл советский командующий дивизией генерал Грачев!

- Очень приятно, - Адамс отвернулся от микрофона. - Не впускать!

Лицо унтера вытянулось.

- Что не ясно? - крикнул капитан Замятин. - Режим защиты, сэр?

- Пассивный! И не дергать меня!

Красавец черный "мерседес" блестел у массивных ворот тактического центра Чуфут-Кале. Все его нутро пахло свежей натуральной кожей, руль был красиво оплетен этой кожей, и под руками советского генерала эта кожа поскрипывала так тихо и приятно, будто пела... Генералу, конечно, положен водитель, но такую машину грех не поводить самому... А магнитолка! А кондиционер!

Какой все-таки хороший сегодня день, мама дорогая! Как легко все удается, как весело складывается! Крымцы не сопротивлялись ни черта: сами, как зайчики, собрались на стадионах, сидели там смирненько... И кого мы только шестьдесят лет бздели, с кем готовились воевать! Можно просто приходить на базу, отдавать приказ, и они все сделают сами...

Экономилась масса времени и сил. Так было время с расстановкой побродить по симферопольским автосалонам и поискать то, о чем давно мечталось - "мерс", последнюю модель со всеми прибамбасами. И только после этого генерал Грачев поехал на "мерсе" принимать сдачу у командира Корниловской Дивизии.

Сначала все было как положено, их остановили на КПП и белогвардеец-сержант доложил по селектору. Грачев был в легком раздражении: мог бы и сразу пропустить - в конце концов, на этой базе хозяин теперь он, советский генерал. Ладно, если беляку так охота потешиться, построить из себя напоследок чего-то там, то шут с ним...

Генерал посмотрел на часы.

- Однако! - сказал он вслух.

Половина второго. А на три его пригласил обедать мэр Бахчисарая. И с обеда нужно сразу ехать на ужин к мэру Ялты.

...Массивные ворота тактического центра Чуфут-Кале ожили, створки поползли навстречу друг другу под рык сервомоторов.

- Не понял... - сказал Грачев.

Часовой посмотрел на него с удивлением. Он тоже не понял...

***

- Что вы там делаете? - спросил полковник Адамс, заметно волнуясь.

Ответ остался неизвестным, но полковник разволновался еще больше.

- Когда? - спросил он, дождавшись окончания довольно длинной реплики.

На сей раз ответ был коротким.

- Я даже не смогу снять с вас голову, если вы соврали, - сказал он. - Почему не сейчас, черт возьми?

Длинный ответ.

- Клаузевиц, мать твою, - сказал полковник в сторону. - Да, в этом есть резон. Но вы меня не убедили. Я приказываю вам сделать это сейчас.

На этот раз собеседник прокричал свой ответ, так что услышали двое дежурных офицеров:

- Сейчас - это невозможно, это полный крах, это гибель! Я не могу вам сейчас объяснить, просто поверьте и сдавайтесь!

- Нет уж, вы потрудитесь это объяснить! Хотя бы потому что я - ваш командир дивизии, черт вас побрал!

- Я не могу! У меня гости. Если вы меня не послушаете - всему конец, всему, понятно?

- Связь прервана, - зачем-то сказал Ян Лопатин, хотя все и так это видели по миганию красной лампочки...

- Son of a bitch! - полковник бросил наушник.

- Приказ по "Ковчегам" сэр...- начал Сергей Ушаков.

- Остается в силе. Закрыться, замаскироваться, никого не впускать, на связь ни с кем не выходить... Что еще?

- Остальные три дивизии не отвечают. Штабы замолчали.

- Shit... - полковник встал из кресла.

- Что мы делаем дальше, сэр? - спросил Лопатин.

- Дальше? Боюсь, поручик, что мы просто сидим и ждем.

***

Чуфут-Кале, тот же день, 1215 - 1630

- ...Как чего? - возмутился командир 102-ой воздушно-десантной дивизии генерал Грачев. - Там же пульт управления, система связи... Я не знаю, что еще! А он заперся и не хочет выходить. Это как понимать?

- Ну, и что мне - головой эту дверь прошибать? - сигарета в углу рта майора Ширяева поднялась градусов на тридцать. Майор чувствовал себя в своем праве - он был из спецназа КГБ и Грачеву не подчинялся.

- Слушай, майор, ты меня не зли! Прикажу - будешь и головой прошибать. Ты спецназ или кто?

- Спецназ, - подтвердил майор. - А не сапер. Дайте мне саперов, вскройте эту консервную банку - и мы с ребятами в два счета выковыряем вам вашего полковника, а так... Эту броню гранатой не возьмешь. Хотя, наверное, пробовали... - майор оглядел разрушения, царящие в ставке базы Чуфут-Кале. Разбитые компьютеры и телефоны, изуродованные столы... И целехонькая бронированная дверь в бункер.

- С ним есть какая-нибудь связь? - спросил Ширяев у безымянного штабного подполковника.

- По вот этому селектору.

Ширяев ткнул пальцем в кнопку, склонился над микрофоном.

- Господин полковник! Ваше благородие! С вами говорит майор Ширяев, командир батальона спецназа КГБ... Сдайтесь, пожалуйста. Вам ничего не будет. Если сдадитесь по-хорошему. Это же глупо - закупориться в бункере и сидеть там. Ничего вы там не высидите. Кроме своих яиц.

- Господин майор, - донеслось из репродуктора. - Ценю ваше чувство юмора, но сдаться не могу. Объект, доверенный мне, я могу сдать только по приказу моего командования. Либо генерала Павловича, либо полковника Чернока. Чернок убит, до Павловича я не могу дозвониться. Телефон в Главштабе не отвечает. Еще мне может отдать такой приказ наш премьер, господин Кублицкий-Пиоттух. Его кабинет тоже молчит. Как только я получу соответствующие распоряжения, я открою бункер. Вы, как человек военный, должны меня понять.

- Ваше благородие, они все уже сдались.

- Прекрасно! Пусть они мне сами об этом скажут.

- Упорный, как подшипник, - с уважением сказал майор. - Что делать будем? Товарищ генерал, может, звякнуть в штаб и попросить его начальство отдать ему приказ?

- Да что это такое, в конце концов! - Грачев бахнул по столу кулаком. - Мы что, уговаривать его должны? Майор, вы солдат или кто?

- Ну, тогда саперов сюда! Сколько там с ним народу, вы не знаете?

- Человек двадцать младших офицеров и низших чинов.

Ширяев поморщился и было отчего: штурмовать хорошо защищенный подземный бункер даже силами батальона - это не шутка. В подземельях численное преимущество не имеет никакого значения: один человек с автоматом из-за баррикады может уложить хоть роту.

- Может обратиться к нижним чинам? - предложил штабной подполковник. - Разагитировать их что ли...

- Валяйте, - великодушно уступил Ширяев. - Я не спец.

- Таких спецов, как вы, как раз в Афгане нехватка, - злорадно сказал Грачев.

- Если этот полковник чего-нибудь учудит, вместе туда отправимся. - Спокойно заметил Ширяев. - Ведь так, товарищ генерал? Ну, так вызывайте сюда саперов.

***

Западное побережье Крыма, 29 апреля, 11-15

Казачий городок Ак-Минарет стоит на берегу моря и каждому, кто проезжает или проплывает мимо, хочется там остаться, пустить корни, дожить до глубокой старости, умереть и быть похороненным на мысу, обнимающем бухту Узкую, где шепчет сухая пахучая трава и грустит на утесе аккуратненькая белая церковка.

Того же захотелось и старшему лейтенанту Афанасьеву, когда он с офицерами своей роты вошел в городок после принятия под охрану расположения казачьего разведбата (который служащие там казаки упорно именовали полком).

Они гуляли по просторным одноэтажным улочкам и отмечали полезные моменты, которые неплохо было бы ввести и в Союзе. Вот, например, велосипедисты не путаются под колесами водителей, а едут по тротуару, по специальной дорожке - круто! Или, скажем, полиэтиленовые кульки, которыми застелены урны - тоже круто! Или, к примеру, светофор срабатывает не по часам, а когда пешеход кнопку нажмет...

Но вот стоило ему задержаться, чтобы немного подкрепиться после сделанной работы (а принять батальон, чтобы все в порядке было - это та еще работа!), как городок окатил его ледяным презрением.

Офицеры разведроты и десантной роты Афанасьева зашли в небольшое придорожное кафе "Маруся'з драйв"и встретили там весьма сдержанный прием.

- Что надо? - спросила тощая бабешка лет сорока. Ее интонации весьма живо напоминали ненавязчивый советский сервис.

- А что есть? - спросил Афанасьев.

Баба ткнула пальцем в панель наверху, где было изображено нехитрое меню "Маруси": пирожки с творогом, пирожки с яйцами и пирожки с капустой, гамбургер, супергамбургер, гамбургер с сыром, жареная картошка и три вида напитков.

- Спиртного не держим, - процедила баба.

- Спасибо, нам не надо, - вежливо откликнулся лейтенант Пуртов, командир разведчиков.

Заказы тетка оформила споро, про деньги даже не заикнулась, но все посетители "Маруси" смотрели на советских офицеров так, что кусок им в горло не шел, поэтому они поспешили убраться из "Маруси" и съесть обед на улице, сидя на броне БМД.

Афанасьев жевал мягкую булку, переложенну. сочной котлетой, пил "Кока-колу" и отмечал изменения, которые произошли в городке с момента их появления. Еще десять минут назад было людно, а сейчас все попрятались. Казачки в джинсах и мужниных ковбойских рубашках загнали детей по домам. Афанасьеву стало обидно: не фашисты же в город пришли, в конце концов!

Он не знал, что весь Ак-Минарет видел по ТВ сцену гибели командного "Дрозда" с Черноком. Он не знал, что Чернок в казачьей среде - один из наиболее уважаемых армейских командиров. Он ничего этого не знал, и потому ощутил легкое раздражение. Ладно, почему есаул при сдаче волком глядел - понятно, но мирные-то граждане почему паникуют?

Афанасьев решил наладить с местным населением контакты. Причем начать с есаула.

***

Есаул Денисов разругался со всеми своими товарищами и подчиненными. Они были за Общую Судьбу, а он - против. Как можно соединяться со страной, где, считай, еще вчера ломали церкви и вешали священников, где крестьян морили голодом, где с казаками расправились так, что только кости хрустнули? Всего два поколения назад шла непримиримая, насмерть, война, в которой брат шел на брата, а сын - на отца. Младший

брат казака Петра Денисова, захватив его, раненного в ногу, выбил ему еще и глаз, зверски избил и (эту подробность Григорий узнал, когда вырос) изнасиловал его жену, бабку Григория. Ночью на станицу налетели врангелевцы, перебили красных казаков, а тех, кого захватили в плен (в том числе Денисова-младшего) связали попарно и побросали в Дон. Ожидавшего смерти Петра освободили. Жена вместе с детьми пристала к обозу, где везли раненого мужа, и таким манером их семейство оказалось в Крыму. Татарский поселок Ак-Минарет, где отыскавшие друг друга казаки поселились вместе, уже на памяти гришиного отца стал славным городком, живущим главным образом за счет добычи и обработки даров моря. И всю эту благодать, всю эту размеренную прибрежную жизнь, за которую деды платили своей плотью и кровью, всю эту свободу отдать обратно красным? Они говорят, это теперь другая страна! Ка-кая там, на хрен, другая? Люди, которые истребили девять миллионов своих земляков, еще живы, находятся на свободе, получают пенсию и воспитывают внучат. Я себе представляю, как они их воспитывают!

Случай с Черноком серьезно поколебал позиции сторонников ИОСа, но что-либо делать было уже поздно. Советские десантники хозяйничали на территории батальона, причем в отсутствие офицеров распоясались совершенно.

Подчиненные, запертые вместе с есаулом в подвале, признали его правоту, но это его не радовало.

Поэтому, когда ближе к вечеру его привели под конвоем в его собственный кабинет к командиру роты, есаул был готов плюнуть советскому лейтенанту в лицо и сказать все, что о нем думает.

А лейтенант настроился на душевную беседу, и даже выставил бутылку "Столичной", поддержав ее с флангов нарезанной колбасой "Салями" и банкой соленых корнишонов.

"Он думает, что я с ним водку пить буду!" - возмутился про себя Денисов. Но вслух ничего не сказал. Он ждал, что имеет ему сообщить "голубой берет".

- Садитесь, товарищ есаул, - сказал ему Афанасьев.

- Я вам не товарищ, - сказал казак. Но, тем не менее, сел.

- Да ладно вам обижаться! - старший лейтенант разлил водку по рюмкам ("МОИМ рюмкам!" - еще больше разозлился Денисов). - Как будто мы с вами нехорошо обошлись...

- А вы считаете - хорошо? - Денисов кивнул через плечо на конвоиров. Десантник жестом приказал рядовым убраться.

- Это все временно, - убежденно сказал старший лейтенант. - А будем дружить - я и вовсе освобожу всех из-под стражи, под честное слово. Казаки слово держат?

- Держат, - подтвердил есаул.

- Ну, и добро. Выпьем за мир и дружбу между народами?

Григорий Денисов покачал головой и к рюмке не притронулся.

- Ну что, ссориться будем? - обиженно сказал старший лейтенант. - Чего вы все здесь как каменные? Что мы плохого вам сделали? Вы человек военный, я человек военный. Вам приказали сдаться, мне приказали вас взять под стражу. Судьба наша такая.

- Ага, - согласился Денисов. - Общая. Только вы по эту сторону колючки, а мы - по ту, господин старший лейтенант.

- Я вам не господин, - отбил Афанасьев, - Значит, водочкой нашей брезгуете?

- По запаху слышу - дрянь, - подтвердил Григорий.

"Вот падла!" - разозлился в свою очередь старлей.

- Так вам "Смирновской" принести?

- Может, вы меня еще и моими штанами со своего плеча порадуете? - разгоревшийся есаул не обратил внимания на очевидный речевой ляп. Как, впрочем, и уязвленный старлей.

-Слушайте, вы! - с угрозой сказал он, забыв, что собирался наладить с есаулом мирные контакты. - Сами нас пригласили, а теперь...

- А я вас никуда не приглашал! - казак тоже взял повышенный тон. - А захотите отвалить - плакать не буду.

- Ах ты, казачья морда! - Афанасьев перегнулся через стол. - Когда Советская Армия приходит, она уже никогда не уходит, понял?

- Ну, так мы тебя за шкирку отсюда выкинем, щенок! - взбеленился есаул. - Сидит тут, понимаешь, за МОИМ столом, хлещет из МОЕЙ рюмки сивуху свою поганую, жрет колбасу из МОЕГО холодильника, и МЕНЯ же, понимаешь, оскорбляет! Выставил, понимаешь, свою глупую ряху... Да мать твою я имел прогребучим прогребом в душу, бога, трех святителей и двенадцать апостолов!

Лучше бы Денисов не произносил слов "глупая ряха". Потому что вытянутое лицо Афанасьева действительно выглядело глуповатым. И констатация этого факта приводила советского офицера в бешенство. Перегнувшись через стол, Афанасьев ударил с левой, поскольку был левшой, но казак легко сблокировал удар, перехватил кулак десантника и рванул его на себя. Старший лейтенант, опрокидывая водку, корнишоны и колбасу, перелетел через стол.

Дальше драка шла с переменным успехом секунд десять. Потом набежали десантники и произошло то, что всегда происходит, когда пятеро наваливаются на одного (если, конечно, это не китайский боевик): Григория смяли, повалили на пол и стали бить ногами.

На счастье есаула, Афанасьев отходил так же легко, как и заводился. Он остановил битье лежачего и приказал оттащить его обратно в подвал, отметив явный провал своих дипломатических усилий.

Есаул пострадал не так сильно, как можно было подумать, глядя на его разбитое лицо. И причиной тому, что он пролежал, отвернувшись к стене, не шевелясь и не говоря ни слова, целый час, были страдания не физические, но душевные. Есаул чувствовал себя униженным. А будучи человеком гордым, он не мог избыть душевную муку стоном или громким ругательством. Гнев его не находил себе выхода.

Поэтому казачьи офицеры, согнанные в подвал, были уверены, что их командир избит до полусмерти.

- Ни хрена себе, с батькой разобрались, - сказал молодой хорунжий Петров.

- Выбирай выражения, Стас, - одернул его подъесаул Голованов. - Никто с ним не разбирался. Его избили. В кровь, в лежку. Позвали, вроде бы для приватной беседы, и наломали.

- Такая у них, оказывается, манера беседовать. - вставил сотник Башенков.

- Делать что будем?

- В смысле - что делать?

- В смысле, едрить-его, что делать, если сейчас еще кого-то из нас поволокут?

-- Надо, господа, сделать так, чтобы никого никуда не волокли, - наконец-то подал голос Денисов. - Это, по-моему, самое верное

--

***

Ретрансляционный центр Роман-Кош, 1350

Гости нагрянули меньше, чем через полчаса. Две группы спецназа ГРУ на советских армейских джипах.

- Сэр? - раздался в "уоки-токи" голос Шамиля.

- Нет, - Верещагин, не отрываясь от мониторов, снял с предохранителя "беретту". - Еще рано.

- А когда будет не рано? - спросил Берлиани.

- Когда из машин выйдут все.

- Один стрелок останется.

Верещагин поднялся из кресла, сунул "беретту" в карман, бросив Кашуку:

- Заприте за мной дверь.

ОСВАГовец без единого слова выполнил приказание.

Капитан вышел из здания, где располагались технические службы, навстречу командиру спецназовцев - высокому старшему лейтенанту.

Ирония судьбы заключалась в том, господа, что на Верещагине тоже была форма спецназовца и погоны старшего лейтенанта.

Новоприбывший слегка удивился тому, что на телевышке уже кто-то есть.

- А где все? - спросил он.

- Кто "все"?

- Местные.

- Внизу.

- Чего-то я не понял, братишка. Вы должны были держать их здесь!

- На хрена они мне здесь нужны? Сдал их десантуре, и все дела.

- Ты вообще кто? - приподнял бровь старший лейтенант.

- Старший лейтенант Верещагин

- Не знаю такого.

- Девятая бригада.

- Ка-кая, на хрен, девятая? Вышку должны были мы занимать! Восьмая! У меня приказ!

- А у меня что, сонет Шекспира? У меня тоже приказ.

- Совсем охренел ваш Горобец.

- Гравец. Фамилия комбрига - Гравец.

Прибывший старлей немного успокоился.

- Ладно, Верещагин, где там твоя машина? Пошли, свяжемся с твоим начальством. Обсудим ситуацию.

- Машина улетела.

- Так вас сюда еще и по воздуху забрасывали?

- Чего только штабы не придумают, лишь бы друг другу свечку вставить.

- Так как же вы...

- Из аппаратной. Пошли.

Старлей сделал знак рукой, и двое из команды отправились за ним.

- Что у тебя за рация, Верещагин?

- У местной охраны взял, - Верещагин снял с пояса "уоки-токи" и нажал на кнопку. - Хороша штучка?

Они подошли к двери аппаратной. Верещагин поднес "уоки" к губам:

- Кашук, открой.

В замковом механизме что-то щелкнуло. Лже-спецназовец взялся за громоздкую ручку, повернул ее вверх и потянул дверь на себя.

Одновременно он сделал шаг влево, оказавшись между открывшейся дверью и стеной. Правая рука скользнула в кобуру и появилась оттуда с довеском.

А где твой черный пистолет? А вот он, мой черный пистолет...

"Стечкин", славный силой и точностью боя.

Было слишком поздно хвататься за оружие. Долей секунды хватило Кашуку и Хиксу, чтобы нажать на триггеры укороченных "Калашей". Что бы Томилин ни говорил об АК-74У, но свою задачу они выполнили. Двое спецназовцев повалились на пол, срезанные пулями.

Верещагин выстрелил еще раньше. Старший лейтенант не успел даже понять, что же случилось.

Пауза. Стоп-кадр.

Полсекунды Арт потратил на то, чтобы посмотреть в лицо убитого им человека.

Крупный план, Володя. Удивление и обида, угасающие в еще влажных серых глазах. Вопрос.

"...Почему я?"

Верещагину уже приходилось сталкиваться с этим вопросом. Внезапная лавина, отек легких, вылетевший крюк.

"...Почему я?"

Отлично, Володя. Просто замечательно. Переснимать не будем.

Все запомнили смерть полковника Чернока. Смерть страшную, публичную и нелепую, но во многом - случайную.

Очень немногие узнали о смерти старшего лейтенанта спецназа ГРУ Виктора Чернышова.

И тем не менее, именно с этой смерти нужно начинать отсчет дней войны. Именно старшего лейтенанта и двоих его солдат убили преднамеренно, беспощадно и быстро.

Именно с этой минуты ничего изменить было нельзя.

Поняли, мистер Гангут? Внесите это в сценарий, пожалуйста.

6. Айкидо

Симферополь, 1156

Востокова арестовали около полудня в его собственном рабочем кабинете.

...После расставания с "одноклассниками" и полковником Сергеевым он некоторое время колесил по городу, внимательно рассматривая происходящее. Раннее майское солнце устроило ослепительные игры на зеркальных стеклах небоскребов делового центра, на поверхностях луж, оставленных ночным поливальщиком улиц и на отражателях солнечных батарей. Во всем этом зеркальном великолепии отражались тысячи белых парашютных куполов. Небеса выглядели так, словно там кто-то дунул в гигантский одуванчик.

Поездив по Симфи и увидев, что народу на улицах прибавляется, он понял, что пора возвращаться, пока поток автомобилей не начал образовывать знаменитые симферопольские пробки... Которые сегодня наверняка превзойдут сами себя, поскольку в Симфи будут вводить танки.

Он подкатил к Главному Управлению ОСВАГ (ГЛУПОСВАГ в аббревиации остряков), оставил машину в служебном гараже, поднялся в свой кабинет, достал из мини-бара, замаскированного под папку-скоросшиватель, бутылку мартини россо и пузатенькую рюмашку, плеснул и сел, вытянув ноги на стол, полистывая вчерашний ("Последний", - с горькой усмешкой констатировал он) номер "Курьера".

Арестовали его через полтора часа.

- Плохо работаете, - бросил он ребятам в форме спецназа КГБ.

***

Ялта, тот же день, 1300 - 1500

Этот подвальчик открыл сам майор Лебедь. Открытие не осталось в тайне, и вскоре в охраняемый двумя лбами из третьего взвода подвал стянулся весь офицерский состав роты.

Чем же таким привлекло господ советских офицеров скромное заведение господина Янаки, составившего успешную конкуренцию и супермаркету "Ялта-Грейтест-

Маркет", и бардаку под названием "Лилит", и винному магазину "Пьяная Лавочка", и прочим многочисленным питейно-едально-шмоточно-развлекательным заведениям курортного мегаполиса?

Господин Янаки был владельцем оружейного магазина.

Майор, физическая потребность которого привела его в подвальчик под невразумительной вывеской "Дюрандаль", попал в офицерский рай.

Кинжалы, стилеты, кортики, тесаки, ножи всех форм и размеров хищно сверкали вдоль стен. Отдельный уголок был отведен рапирам, шпагам и эспадронам. Сомкнутым строем, в ряд стояли спортивные, охотничьи и боевые ружья и винтовки. На ложе из велюра цвета бордо располагались пистолеты и револьверы...

В соседнем помещении был оборудован тир для желающих опробовать покупку прямо на месте. Хозяин магазина, Лука Янаки, признался майору, что и сам не ложится спать, не положив в "яблочко" семь пуль из десяти.

- А если меньше, господин майор, верите - не могу уснуть! Ворочаюсь с боку на бок, мучаюсь, вздыхаю... Бывает, плюну на все, спущусь сюда, повешу свежую мишень, и...

О, майор понимал господина Янаки!

Они провели в этом подвальчике сорок пять минут, пролетевших как одна. Майор упоенно рвал мишень на куски из "кольта"-45. Господин Янаки высказал желание посмотреть на оружие Лебедя, и тот, вспомнив о боевых качествах своего "Макарова", внезапно ощутил себя Золушкой, не успевшей смыться с бала до полуночи. Поползновения господина Янаки он решительно пресек. Более того, объявил содержимое подвальчика конфискованным согласно советским законам. Господин Янаки отнесся с пониманием, на секунду куда-то исчез, а потом снова возник с толстой папкой в руке. Как понял майор, в папке была опись всего имущества лавки "Дюрандаль". Господин Янаки потребовал от майора расписки в том, что все описанное было принято Лебедем под свою ответственность в целости и сохранности.

Лебедь пожал плечами и дал расписку.

Увидев что майор не собирается пересчитывать описанное имущество, господин Янаки пришел в восторг от честности и благородства советского офицера. Подумать только, в таком важном деле ему поверили на слово! Не то, что наши городовые, которые только и ждут от него нарушений правил продажи оружия...

Польщенный майор ощутил острый укол стыда, и тут очень кстати вспомнил, зачем, собственно, спустился в подвал.

- А у вас тут есть... - поинтересовался он.

- Следующая дверь после склада, - любезно сообщил Янаки, пропуская майора в подсобное помещение.

Покинув гостеприимное помещение, отделанное розовым кафелем и благоухающее парфумом, Лебедь наказал господину Янаки уходить поскорее, и, кстати, передать ему код от складского замка.

Дождавшись ухода хозяина, майор быстро запер лавочку, и отправился на улицу - отловить более-менее трезвый взвод и оставить его на часах, собрав тем временем всех офицеров батальона.

Майор был щедр. Такие сокровища, как в той лавочке, не должны пропасть в хищных лапах армейских прапорщиков. Но позволить дуракам из других батальонов разграбить эту пещеру Али-Бабы он не мог. Майор был большим патриотом родного подразделения.

Когда в подвальчик спустился Глеб, пир офицерского духа был горой, а пороховой дым стоял коромыслом.

- "Макар" - говно, - излагал старлей Говоров. - Из "Макара" с пятидесяти даже сигаретную пачку не пробить.

- Херню порешь, - возразил Деев. - Плохому танцору яйца мешают. Я из "Макара" во что угодно попаду, во что ты из самой лучшей здешней пушки промажешь.

- А спорим?

- А спорим! На что?

- На ящик водки!

- Разбивайте, товарищ майор!

- Подождите, товарищ майор! - сказал Деев. - Я спорю, что не только Говоров, а вообще никто здесь, кроме вас, во что я скажу, не попадет.

- А ты попадешь?

- А я попаду!

- Со скольких попыток?

- А хоть обойму пусть расстреляют!

- Разбиваю, - сказал Лебедь. - Говоров, ты наплыл.

- Посмотрим, - нахохлился старлей. - Посмотрим.

- Товарищ майор, а какая пушка самая лучшая?

- Из здешних? Или вообще? - уточнил майор.

- Ну, хотя бы из здешних.

- По мне - "кольт"-сорокопятка. Бьет... - майор не нашел слов для высказывания своих чувств.

- На слонов собираетесь охотится, товарищ майор? - Глеб оценил обстановку. Небольшой тир с обитыми пробкой стенами был занят четырьмя новоиспеченными ковбоями, поэтому остальные теснились в коридоре "подсобки", используя в качестве мишени связку сплющенных коробок из под патронов, приготовленных бережливым хозяином для отправки в утиль.

- А ну как срикошетит... - предположил Глеб, оглядывая оштукатуренные стены подсобки.

- Да ну, Глеб... - майор в который раз щелкнул чем-то в своем "слонобое". - Ты за кого держишь своих боевых товарищей? За вахлаков, которые в ящик попасть не могут?

Глеб уже совсем собрался ответить, но тут после очередной серии выстрелов раздалось отчаянное "Твою мать!", и в торговый зал ил коридора ввалился белый, как горячка, лейтенант Васюк. Рука его разжалась, пистолет выпал.

Все, кто находился в зале, тут же почти вынесли его обратно в коридор - так им хотелось посмотреть, что же случилось...

Трое бледных офицеров прижимались к стене. У одного была подозрительно темна штанина.

Инцидент исчерпывался следующим: лейтенант не подрассчитал, что в обойме "Беретты" девять патронов, а не семь. После того, как семь выстрелов были сделаны, он хохмы ради еще раз нажал на спуск, направив ствол в сторону друзей...

- Везучий ты, Васюк, - прокомментировал майор. - И ты, Слесаренко, тоже везучий.

Деев глухо зарычал и, сграбастав Васюка за грудки, двинул им об стену.

- Десантура, ешкин хвост, - продолжал майор. - Элитные, едрень, войска! Меня одно интересует Васюк: ты что, не знал, сколько в "Беретте" патронов?

- Забыл, - прохрипел Васюк.

- Отпусти его, Дей, - посоветовал Лебедь. - Пусть живет.

- Убью, гад! - просипел Деев.

- Зачем убивать? Мы ему наказание получше придумаем, - майор улыбнулся, сигарета в углу его рта приподнялась градусов на сорок. - Приказом по батальону лейтенант Васюк лишается права выбирать себе личное оружие. Пусть ходит с табельным.

Соломонов суд майора встретил всеобщее одобрение.

- Советское оружие - самое лучшее оружие в мире! Не дрейфь, Васюк! Советское - значит отличное! Пятилетке качества - рабочую гарантию...

Глеб осмотрел витрины. Конечно, это все отдавало мародерством, но с другой стороны, майор был прав - все равно все разворуют прапорщики из снабжения. Поискав на витринах, он нашел "Смит-Вессон". Оружие, с детства знакомое по книжкам, выглядело впечатляюще, словно специально для него, Глеба, здесь было положено. Видимо, какой-то подарочный вариант - с хорошо отполированной рукоятью из сандалового дерева, с серебряной инкрустацией. Асмоловский понял, что не расстанется с этим револьвером ни за что. Пошарив на другой полке, нашел коробку соответствующих патронов, забил семь их в барабан и направился в тир. Двумя выстрелами он попал в "молочко", третий, уже пристрелявшись, уложил в "восьмерку", и намеревался четвертую пулю послать в "яблочко", когда кто-то похлопал его по плечу.

- Ну что, товарищ ковбой? - справа от него скалился капитан Деев. - Выбрал себе игрушечку? В тире по мишеням сажать всякий может. Пошли на улицу, постреляем хотя бы с пятидесяти метров.

- Ты спятил? - спросил Глеб. - На улице стрелять?

- Да тут, на заднем дворе, и нет никого... Все наши пошли. Ты что, здесь будешь торчать?

- Буду. Не говори мне под руку.

- Ну и хрен с тобой. Сиди тут, рак-отшельник.

Глеб сделал еще один выстрел и опять попал в "молочко". Тогда он разозлился и вообразил на том месте, где краснел кружок "яблочка", физиономию Деева.

Капитана Деева он не любил. Он вообще мало к кому из сослуживцев испытывал приязнь - на интеллигента, погруженного в армейскую среду, действует выталкивающая сила, какая и не снилась Архимеду. Виталий Деев был воплощением этой армейской Среды. Есть такая работа - Родину защищать. Для кого работа, а для кого и призвание. Похоже, Дей на полном серьезе считал, что его предназначение - делать из юношей настоящих мужчин путем выколачивания из них всего человеческого и вбивания всего армейского.

Асмоловский разозлился, вообразил на месте "яблочка" физиономию коллеги-ротного и положил все оставшиеся пули в пределах восьмерки.

На душе было все так же мутновато. Глеб сорвал с себя наушники и вышел в разгромленный торговый зал. Суки, грабите - грабьте, так не бейте же стекла!

С внутреннего двора доносились хлопки выстрелов, и он все-таки пошел туда.

Товарищи офицеры стреляли по голубю, чистившему перышки на верхушке трубы, торчавшей с соседнего двора. Спокойствие голубя, не соотносившего странные хлопки со своей персоной, говорило о качестве стрельбы красноречивей всяких слов. Когда все, кто был во дворе, расстреляли патроны, Деев обернулся к майору.

- Ну что, Сан Иваныч? Моя взяла?

- Подожди, - сказал майор. - Мы как спорили? Что все не попадут, а ты попадешь. Давай, выполняй. Не сможешь - боевая ничья.

- Я не смогу? - усмехнулся Деев. - Я из "Макара" эту пташку завалю, как обещал!

Он поднял пистолет, прицелился. Глеб посмотрел на обреченную глупую птицу, на хищный прищур Виталия, и ощутил почти непреодолимое искушение что есть силы врезать по этому прищуру. И непреодолимое отвращение к себе - знал, что не врежет.

Бичом ударил выстрел. Голубь вскинулся, завалился на спину и, планируя, как кленовое семечко, медленно упал в соседний двор.

- Класс! - выдохнул кто-то. Благоговейная тишина не была больше нарушена ничем. Деев, самодовольно улыбаясь, отсалютовал Говорову пистолетом.

- Ты промазал, - внезпано сказал Глеб.

- Что? - не понял Деев.

- Ты промазал.

- А чего голубь свалился? - удивился наивный Васюк.

- У него шок.

Смех, который рассыпался вслед его словам, обескураженная физия Деева - все это немного его утешило. Немного.

***

Ретрансляционный центр на горе Роман-Кош, тот же день, 1330 - 1345

- Мы не можем брать пленных, Гия...

- О, черт! - простонал сквозь зубы Козырев... - Ой, да что ж ты делаешь!

Хикс делал то, что был должен делать: срезал с него брюки, чтобы как следует наложить повязку на рану, которую Верещагин по причине спешки просто прижал перевязочным пакетом. Голая спина штабс-капитана блестела от пота, как и побелевший лоб Володьки. Анальгетик, видимо, еще не подействовал, ничего не попишешь - кровь нужно остановить, каких бы мучений это Володьке ни стоило. А кровь течет, как будто губку выжимают, и перевязочный пакет уже пропитался насквозь, и руки Хикса в ней по самые запястья...

Здесь все делали то, что должны были делать. Один Георгий не знал, что ему делать со взятым в плен спецназовцем.

Вслед за Артемом он вошел в здание административного корпуса.

- Помоги мне притащить это кресло в генераторную, - сказал ему Верещагин.

- Ты что... - не понял Георгий, - Ты собираешься положить Володьку ТАМ?

- Есть другие предложения?

- Здесь! В комнате отдыха! В любом из кабинетов!

- И как ты объяснишь советским, почему он ранен? С кем, по-твоему, мы перестреливались?

- Ты что, хочешь сказать, здесь еще кто-то будет?

- Может быть, и нет. А может быть, да.

- Из-за твоего "может быть" Козырев должен провести оставшийся день в одной каморке с трупами?

- Гия, мне это решение нравится не больше, чем тебе. Но другого выхода у нас нет.

- Спрячь его в аппаратной, если тебе так хочется его спрятать.

- Тратим время, - Верещагин снял с кресла матрас, оставив голый никелированный каркас.

- Почему? - Крикнул Георгий. - Чтобы не нервировать твоего осваговца?

- Нет, - Верещагин обернулся. - Но если советские здесь появятся, офицеры захотят получить доступ в аппаратную. И я дам этот доступ. И хватит трепаться, в конце концов!

Берлиани выругался по-грузински и подхватил никелированный мебельный скелет. В коридоре он встретил Сидорука, разматывающего пожарную "кишку". Нужно отовсюду смыть следы крови. Чтобы никто не узнал про маленькую комнатку в замке Синей Бороды. Пятнадцать трупов и один раненый. Пятнадцать человек на сундук мертвеца...

Пригнувшись, он вошел в дверь генераторной, бухнул железку в угол. Рядом Артем разложил матрас. Удобное ложе для Володьки. На трупы, в конце концов, можно не обращать внимания. Володьке, прямо скажем, будет не до них...

Он уже не стонал, притих. То ли вошел в ступор от боли, то ли подействовал морфин, который вколол Верещагин.

Вколол не раньше, чем разделся. Правда, разделся он довольно быстро. Не запачкать одежду кровью чертовски важно, потому что в ближайшее время действительно Бог знает, кто на них может свалиться, и все следы нужно как можно быстрее уничтожить

- но КЕМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧЕЛОВЕК, который способен помнить об этом, видя, как от боли корчится его товарищ?

О, нет, он очень умело ввел морфин, у него была легкая рука, и в его глазах темнела отраженная боль, но Георгий знал: кто бы из них ни упал раненый, Арт действовал бы точно так же: он все равно сначала вспомнил бы о том, что следы необходимо уничтожить, а концы - спрятать в воду...

- Нести его? - спросил Хикс. Томилин стоял на подхвате...

- Погодите, - сказал Верещагин. - Мы ничего не забыли?

Забыли, подумал Георгий. Ничего, сейчас он вспомнит...

- Твой пленный, Гия. Где он?

-- Здесь, - Князь кивнул на дверь в генераторную.

Спецназовец был связан и еще не пришел в себя - Берлиани очень крепко гвазданул его по голове...

- Это хорошо, - сказал Арт. - Хорошо, что он здесь...

- Ты что, - Берлиани сглотнул, - И впрямь собираешься...

- Мы не можем брать пленных, Князь.

"Лучше бы я его убил, - подумал Берлиани. - Лучше я сам, в бою, чем Арт - вот так, сейчас, полуобморочного, как барана..."

- Ты не можешь так поступить, - прошептал Георгий.

Артем снял свой "Стечкин" с предохранителя. Поднял голову, посмотрел на Берлиани. Показал на распростертое у стены тело Даничева.

- Могу.

- Это подло.

- Сейчас идет подлая игра. И я буду самым подлым человеком на свете, если это поможет мне выиграть.

"А все-таки ты болтаешь. Тянешь время".

- Ты не должен этого делать! Мы солдаты, шени деда, а не шкуродеры! Есть Конвенция и мы должны ее соблюдать!

Верещагин наклонился к сброшенной одежде, вытащил из кармана своих брюк "Беретту" и протянул ее Георгию рукоятью вперед.

- Останови меня.

Не оглядываясь, он вернулся к пленному, связанному по рукам и ногам, приходящему в себя и пытающемуся поднять разбитую голову.

Пленный был, наверное, их ровесником, рыжим парнем с вытянутым крестьянским лицом, на высоком лбу выписан наследственный авитаминоз...

...осторожно, даже как-то нежно Арт прижал его голову к полу, к каменной плитке, приставил дуло "Стечкина" к затылочной впадине, задрал куртку спецназовца. накрывая его голову и свою руку, и плавно, как учили на занятиях по стрельбе, нажал на спуск...

Тело рванулось один раз. Арт поднялся, на куртке спецназовца начало проступать темно-красное пятно.

Берлиани как стоял, уронив руку с пистолетом, так и продолжал стоять.

Артем прошел мимо него.

- Несите Володю, ребята. У нас все готово.

- Погоди, - Георгий сглотнул. - Нужно их чем-нибудь закрыть.

- Верно. Ту ковровую дорожку, что мы убрали из коридора... давай развернем ее...

***

По долгу службы Востокову приходилось бывать и в камерах смертников. Та, в которой его поместили сейчас, была самой комфортабельной из всех виденных и

известных понаслышке - с приличным туалетом, душевой кабинкой, удобной откидной койкой, журнальным столиком, креслом и телевизором. Окон не было - камера находилась в подвале, на одном из скольких-то подземных этажей этой таинственной дачи, - но на недостаток свежего воздуха и света жаловаться не приходилось: прогулки ему разрешали. Небольшой дворик, обнесенный трехметровой стеной, бассейн, шезлонги... В Москве еще стоял холод, загорать не получалось, но вода в бассейне была соленой и подогретой. Настоящая морская вода.

Неподалеку от бассейна по просьбе Востокова и его персонального охранника майора Ковалева расстелили широкий спортивный мат. Об этот мат майор уже успел удариться четыре раза, пытаясь запомнить прием, демонстрируемый Востоковым.

- Теперь моя очередь, ваше благородие, - сказал Ковалев, поднимаясь.

- Ваше высокоблагородие, - поправил Востоков, становясь в стойку.

- Извините, если что не так... - благодушно улыбнулся Ковалев. - Ну, давайте!

Востоков кинулся - вихрь крепких и быстрых кулаков. Ковалев ловко парировал удар ногой, поднырнул, перехватил кулак и бросил Востокова, как только что Востоков бросал его. Но Востоков на вершок отклонился, и энергия его ударов, помноженная на энергию Ковалевского броска, пошла по другой траектории. Майор оказался вовлечен в орбиту собственного захвата, и вновь припечатался спиной к мату. Востоков довел прием до конца, вывернув ему руку и зафиксировав ее в том положении, в котором хотя бы один дополнительный ньютон, приложенный в точке фиксации, приведет к вывиху предплечья из локтя.

- Так нечестно, вашсокобродь! - прохрипел Ковалев. - Этот контрприем вы мне еще не показывали!

- Суть айкидо, - Востоков отпустил майора, и часовой на стене облегченно вздохнул, опуская автомат, - Суть этого единоборства, Эдик, в том, что не бывает в нем раз и навсегда застывших комбинаций приемов и контрприемов. - Кувыркаться ему надоело и он сел, не прекращая наставительной речи. Майор Ковалев устроился напротив, только набросил на голые плечи камуфляжную куртку.

- Вы очень хорошо освоили каратэ, вернее, его местную модификацию, и вашу борьбу под названием "самбо". Но айкидо - это шаг вперед. Когда нет возможности на силу ответить силой, следует пользоваться слабостью - этот принцип дзю-до был взят Уэсибой с самого начала. На протяжении боя айкидоист не думает о том, какой прием провел противник, и каким контрприемом надо отвечать. Он думает, КУДА противник приложил силу и КАК этой силой воспользоваться. Заметив, что я прикладываю силу, вы применили захват, который успели запомнить. И все свое внимание сосредоточили на том, чтоб провести этот прием правильно. А нужно было только почувствовать, КАК я бью и пропустить мимо себя мои удары. Если бы тот, первый "моваши" вы не парировали, а *пропустили* над собой, *добавив* чуть-чуть собственной силы - вы бы швырнули меня, как тюк...

- Попробуем еще раз? - азартно подался вперед Ковалев.

- Пожалуйста, - пожал плечами Востоков. Они стали друг напротив друга: Ковалев - в спецназовскую стойку, Востоков - просто так, слегка ссутулившись, как плохой ученик у школьной доски.

Ковалев, слегка подрагивая бицепсами, ждал удара. И Востоков ударил - быстро, как молния. Майор угрем выскользнул из-под удара (говорят, в средневековой Японии ученики фехтовальщиков должны были руками ловить угрей, стоя в горном потоке), перехватил востоковское запястье... Слишком сильно подавшись при этом вперед. Мгновенная подсечка - и майор вылетел с мата.

-Ядит-твою силу! - с трудом удержав равновесие на краю бассейна, Ковалев повернулся. - Ну, а теперь-то вы меня на чем поймали, Вадим Васильевич? Что я не так сделал?

- Поспешили перейти от обороны к агрессии, - улыбнулся Востоков. - Если бы вы ограничились тем, что ушли из-под удара...

- Вы бы добили меня вторым... Или третьим... Вашу мать, по этой борьбе тот, кто нападает, тот и проигрывает!

- Именно так, Эдик! Именно так!

- Так что же делать?

- Не нападать.

- Тьфу ты, зараза... специально придумали борьбу, чтобы отучить людей драться?

- Для майора вы быстро соображаете, - щедро улыбнулся Востоков.

- Айкидатель хренов... Выходит, для, скажем, спецназа или десантуры эта борьба ни к чему?

- Отчего же... У нас ее изучают. И спецназ, и десантники, и морпехи, и просто пехотинцы... Рукопашным боем у нас овладевают во всех родах войск.

- Но ведь нападать-то нельзя...

-Да. Поэтому, кроме айкидо, изучаются и каратэ, и самбо. - Востоков надел свитер и расслабленно опустился в шезлонг. Ковалев не мог успокоиться и мерил шагами дворик.

- Вот так, всех и учите? Во всех родах войск? И танкистов, и летчиков?

- Совершенно верно. У нас маленькая армия, товарищ майор. В сто с лишним раз меньше вашей. Мы не можем позволить своему солдату или офицеру быть *просто* пехотинцем, или *просто* артиллеристом. 0н должен уметь как можно больше.

- Не больно-то это вам помогло, - Ковалев сел в шезлонг напротив, достал из кармана папиросу и зажигалку:

- Будете?

- Спасибо, не откажусь. Знаете, я надеюсь, что эти умения все же не пропали даром. Вот, вы заинтересовались. Кто-то еще в вашей армии непременно заинтересуется... И не только в армии... Крым многому вас научит. При всем своем желании ваша страна не сможет оставаться той, которой была.

Ковалев посмотрел на него серьезно и сочувственно.

- Не знаю, вашсокобродь, - печально сказал он. - Вот, прибалтов мы присоединили, западенцев, молдаван - и всех под свою гребенку причесали. Всех! И чехов, и поляков, и венгров, и немцев даже. Аж на Кубу залезли. И никто не пикнул. А мы - какими были, такими и остались. Отчего вы думаете, что мы вас не переделаем, а наоборот?

- Мне так кажется, Эдик. Крым слишком свободен, слишком... карнавален, необуздан...

- Вы еще скажите, что присоединение Крыма - это разработанная ОСВАГом военная операция с целью развалить Союз...

Оба посмеялись удачной шутке.

- Знаете, Эдик, что сказал нам Морихэй Уэсиба, когда мы, шестеро крымских стажеров, в первый раз сели в его зале на татами? Запомните, вам это понравится: "Цель айкидо - позволить вашему противнику идти туда, куда он хочет, делать то, что он хочет и упасть там, где он хочет".

- Восток, - Эдик затянулся и откинулся на льняную радугу шезлонга. - Восток - дело тонкое...

***

Не самообладание, а именно спокойствие...

Он не сомневался, что, едва надобность в нем отпадет, Видное Лицо прикажет отправить его в расход, и майор Ковалев, не задумываясь, выстрелит ему в затылок. Да и

это, впрочем, неважно. Он знал, на что идет. И зачем. Дурацкий пафос... Удивительно лишь спокойствие, с каким он ведет последние ходы своей партии.

Нет, конечно оставался простой физиологический страх - перед смертью, перед болью... Тело - это всего лишь плоть и кровь, и для него естественно хотеть жить. Подавлять страх такого рода - один из профессиональных навыков. Но вот другой, гораздо сильнее терзавший страх - что все, проделанное в последний год, окончилось ничем, что он не сумел, облажал, запорол дело - этот страх ушел, потому что дело фактически было сделано. Начиная с этой минуты, как бы события ни развивались, по какому бы пути ни пошли - они придут к итогу, который спланировал он, Вадим Востоков. Правда, в своем театре одного актера он же - единственный зритель. Что ж, как зритель искушенный, он может оценить игру и искренне поаплодировать: браво, Вадик! Бис!

Нет, на бис он, скорее всего, не выйдет...

Допросов третьей степени с применением наркотиков и пыток он тоже боялся не больше, чем просто физиологически. Редкое для разведчика удовольствие: он наконец-то может говорить правду. Исчерпывающе точная информация все равно никак им не поможет. Наиболее потрясающая ее часть вообще такова, что в нее никто из этих асов шпионажа и контршпионажа не поверит. Будут думать, что он обладает хитрой методикой сокрытия данных, сопротивления наркотикам... Экая чушь...

Аристократ, подумал он, истинный аристократ при прочих равных имеет одно преимущество: ему есть что защищать и тогда, когда пали все бастионы, которые занимает человек: общество, государство, семья, религия... Проще всего было бы назвать это честью, и, как всякое упрощение, это неверно, ну да ладно: пусть уже будет честь. "Жизнь - государю, сердце - даме, честь - никому" - этот девиз Афанасий Востоков получил от самого Петра Великого. Тогда он еще не был дворянином, он был купеческий сын, и наверняка отец его счел, что эти шесть слов - неважнецкая плата за бесценные сведения о землях Дальнего Востока, за истрепанные карты, доставленные в Петербург, за три цинготные зимы, состарившие двадцатишестилетнего Афанасия до срока и сведшие его в гроб на тридцатом году. Сохранился портрет, написанный вскоре после возвращения: дряхлый беззубый старец в мундире поручика. Шесть слов и удар шпагой по плечу от Государя Императора. За одну жизнь - это много или мало?

Афанасий Востоков счел, что достаточно. Удар шпагой был формальностью: отправляясь в этот поход с Берингом, купеческий сын Востоков уже был дворянином. Жизнь - государю, сердце - даме, честь - никому.

В разведке направо и налево приходится торговать своими принципами. Но не честью - хотя это трудно объяснить, многие полагают, что принципы и честь - одно и то же.

Реплика Андрея при их расставании свидетельствовала, что с ролью Востокова в этом деле ему все ясно. Нет, Андрюша, рыцарь Общей Судьбы, ясно тебе далеко не все. Да, Востоков не поморщился, когда его назвали предателем - но единственно потому, что был в двадцать раз большим предателем, чем думали все они, вместе взятые: Андрей, полковник Сергеев, Видное Лицо и иже с ними...

Он вел свою игру, странную шахматную партию, видимой целью которой был проигрыш белых, окончательный и бесповоротный разгром, но при этом игроки, склонившиеся над доской, должны быть уверенны, что он ведет свое костяное войско к победе.

Их было четверо, и один из них был уже мертв.

Когда они начали осознавать неизбежность аннексии? Год назад? Два? Три?

Они проигрывали вариант за вариантом, сопоставляли сведения, которые получали по своим каналам - разведчик, военный, промышленник, дипломат - и куда ни кинь, выходил клин. Все варианты были плохи - кроме одного, который был совершенно безумен...

За его осуществление и взялись. И тут же с размаху воткнулись в Лучникова и его Идею. В него нельзя было не воткнуться, как в Севастопольской бухте нельзя не заметить кита, окажись он там. Масштабный человек, оверман. Естественно, в него воткнулись и те, другие, с той стороны.

Идея Андрюшки, рыжего Луча с самого начала казалась именно тем, чем и оказалась впоследствии - чумой на корабле. Кто прозрел сейчас - а кому это с самого начала было ясно. Именно потому, что поначалу ее никто не воспринимал всерьез. Над Гитлером тоже хихикали, и что с этими весельчаками стало? Подтрунивали и над большевиками... И здесь высоколобые эксперты-политологи с умным видом вещали: да, интересная идея, забавный такой вывих карнавального сознания, не более того. Идиоты! Эта Идея не могла не иметь успеха в Крыму - шестьдесят лет в страхе перед СССР, передышка была отыграна "холодной войной", с юга скалилась Турция - член НАТО, между львом и крокодилом Крым и выживал. Беготня по лезвию бритвы - национальный вид спорта. Шаткое равновесие неопределенности - усталость накопилась в трех поколениях. Как тяжко жить в подвешенном состоянии - знают преступники в бегах и солдаты перед боем.

И в семьдесят третьем дали по зубам крокодилу, да так, что он долго не мог откашляться. Радовались до беспамятства, забыв, что есть еще Север. Уже не тот Север, которого они боялись при Бароне и Лучникове-старшем, тот был молодым, голодным и агрессивным, а этот - разжирел, зажрался и стал туповато-злобен. Но не стоит, ей-право не стоит выплясывать на носу у постаревшего дракона. Ему же достаточно просто щелкнуть пастью...

А дракон приоткрыл один глаз и тихо, молча следил за этими ритуальными плясками, выбирая себе приманку, ибо летать и охотиться ему было лень. А лучшая приманка - рыцарь: он прет на дракона с копьем наперевес, а за ним прет толпа крестьян и горожан: поглазеть на зрелище и активно присутствовать при дележе драконьих сокровищ. Комплексный обед с подогревом.

Дракон выбрал, и на шее Лучникова щелкнул карабин поводка. Поводок был длинным, Луч мог резвиться на нем вволю, не чувствуя натяжения. Обкладывали справа и слева, умело: вот вам "Волчья Сотня"... А вот вам женщина Таня... Вот вам две пули в Париже... А вот вам одна - в колеса "жигули-камчатки".

Дальнейшего успеха не предвидел никто, даже Востоков. Оккупация Острова была предрешена - он это знал. Но СОС не планировался как самостоятельная политическая сила, в его победу на выборах не верил даже Союз. И старичок Бакстер, как думали там, гонял свою красавицу "Элис" зря - Остров не был напуган ИОСом, не "поправел" и не дал формального повода для вторжения.

Еще круче: СОС так резко пошел в гору, что с некоторых зрителей слетели шапки. Как вводить войска в страну, которая присоединяется добровольно? Мировая общественность может не так понять. Востоков слегка замандражил: без военного вторжения их план рушился. Но только слегка: чтобы СССР не удержался от любимого аттракциона "танковая атака"? В это верилось с большим трудом.

Но он подстраховался. Осторожно продвигал наиболее экстремистски настроенные элементы советской верхушки и одновременно -подсиживал "партию мирного аншлюса" - и, в частности, Марлена Кузенкова. Смерть Марлена Михайловича была событием печальным, но случилась как нельзя кстати: к нему начали было прислушиваться, а мирное присоединение Крыма перехерило бы все планы.

И вот настало время вводить на шахматное поле новую фигуру: легкую, но подвижную и сильную. "Слона", которым нужно сделать решительный ход. "Слона", которого несведущие в шахматах люди называют "офицером".

***

...В библиотеке особняка Берлиани было тепло и горел камин, далеко за дверью шумела вечеринка в честь храбрых восходителей, а за окном бесился декабрь.

- В Уэльсе теплые дожди
По крышам шелестят!
Подруга, ты меня не жди -
Я не вернусь назад!
Стакан зажат в моей руке,
Изломан песней рот:
Мы в придорожном кабачке
Встречаем Новый Год!

- ...От кого прячемся, господин штабс-капитан?

- Так... От всех понемножку, господин полковник...

Рядом с ним на столике стояла бутылка "Солнечной Долины", на коленях лежала книга, которую он заложил пальцем, доставая из столика второй бокал. "Красная ракета над Нанга-Парбат" - прочитал Востоков.

- Я слышал, у вас проблемы, - полковник сел в соседнее кресло, вытянул ноги. - С финансированием новой экспедиции, - уточнил он, поймав неприязненный взгляд.

- Есть немножко, - Верещагин кивнул.

- Почему? Ведь предыдущие экспедиции были вполне удачными... Или я ошибаюсь?

- Нет, сэр. Вы не ошибаетесь. Но дело в том, что Южная Стена Лхоцзе - это маршрут на порядок сложнее всего, что мы делали до сих пор. А Министерство Обороны готово дать деньги только под гарантию успеха не меньше чем семьдесят процентов.

- Вы просили еще деньги под одиночное восхождение на Эверест, - сказал Востоков.

Верещагин смотрел прямо ему в глаза и молчал.

- Вы просили деньги под это восхождение, но вам не дали. Финотделу нужно паблисити. А труп, вмерзший в лед - очень плохая реклама.

- Да, сэр, - кивнул Верещагин. - С Лхоцзе то же самое.

- Ну, может, мы придумаем что-нибудь, - Востоков пододвинул к себе малахитовую пепельницу, постучал сигарой о ее край.

- Альпинизм всегда интересовал меня как спорт, требующий от человека странного сочетания качеств: оголтелого романтизма, и одновременно - почти бухгалтерского прагматизма.

- Нет, господин полковник, здесь нужно совсем другое сочетание качеств: ослиная выносливость и ослиное упрямство. Упрешься - и идешь. А какие качества нужны, чтобы работать одновременно и на ОСВАГ, и на Идею Общей Судьбы? Ведь сдохнете в какой-нибудь секретной каталажке, как партайгеноссе Мюллер...

Да, подумал Востоков. Да, черт возьми!

- Я не говорил вам, что я из ОСВАГ.

Верещагин не ответил на эту реплику.

- А вы не верите, что Советский Союз станет немножко счастливее и свободнее, когда мы к нему присоединимся?

- Вы же не спите с трипперной проституткой, чтобы заразить ее своим здоровьем...

- Хм! Очень образно и очень по-армейски.

- А я вообще большой бурбон.

- Двойной?

- Тройной.

- Мы с вами однокашники, - Востоков изобразил голосом ностальгию. - Третья Симферопольская... В старые добрые времена мы не очень-то жаловали отличников из простонародья... Всех этих старательных отпрысков вахмистров и армейских старшин... Знаете, как мы таких называли?

- Мобил-дробил... - Верещагин не скрывал неприязни.

- Вас тоже так называли?

- Конечно.

- И Георгий?

- Нет...

- Вы должны были нас ненавидеть... Обеспеченные, сытые, хорошо одетые - вам приходилось добиваться всего того, что нам доставалось даром. Знаете, как-то в драке я оборвал одному такому мальчику воротничок... И мальчик заплакал. Я привык к тому, что воротнички пришиваются к форме незаметно, сами собой, а он каждый вечер делал это сам. Я бы ни за что в жизни не стал плакать из-за порванного воротничка, потому что я не пришивал его каждый вечер потайным швом...

- Если вас мучает комплекс вины, господин полковник, обратитесь к психоаналитику. Или к священнику.

- Не дерзите.

- Это почему? Что вы мне можете сделать? Не дать капитана? Плевал я на это звание - оно ничего не будет стоить к лету.

- Вы верите в нашу победу на выборах?

- Я не хочу об этом думать, - резко ответил Верещагин.

- Есть еще такая птица - страус, - подковырнул Востоков.

Верещагин, сжав губы, какое-то время уничтожал его глазами. Потом медленно сказал:

- Может быть... народ, который делает свой выбор... исходя из результатов автомобильных гонок... заслужил то, что получит.

- Уж вы-то такой глупости сделать не могли... - Востоков отхлебнул "Солнечной Долины", - Вам все досталось потом и кровью, вы пробивались как танк - и тут все насмарку из-за вот такого вот богатенького сукина сына...

Ему удалось добиться своего - пробить защитный панцирь.

- Богатенький сукин сын здесь ни при чем, - Верещагин отложил, почти отбросил книгу. - Просто мы все здесь зажрались, вроде той лисички, что приставала к дрозду: сперва накорми меня, потом напои, потом насмеши, а потом напугай. А моя бабка и одна из моих теток погибли в немецком концлагере, а мой отец - в советском. Я не торгую свободой.

- Господин штабс-капитан, мы, кажется, не туда забрели. Если говорить о демократии, то СОС одержал победу на демократических выборах.

- Я не произносил слова "демократия". Я сказал "свобода".

- Вы читали последний хит - "The Dead Zone"? Или бульварной литературой пренебрегаете?

- Не пренебрегаю. Читал. Пустить в ход L1A1 против Лучникова - только рейтинг вам прибавлять. Зачем вы завязали это разговор, господин полковник? Вряд ли для того, чтобы меня подразнить - не такой же вы дурак... Вы весь вечер присматривались к Князю, а потом вдруг выловили меня в библиотеке - зачем? Что вам нужно от Георгия?

- Ничего... пока. Вернее, я не решил, от него или от вас.

- От меня вам ничего не перепадет.

- На что спорим? Десять минут - и вы будете мой. С потрохами и ботинками.

- Это серьезный разговор?

- Это вербовка, господин штабс-капитан. Я вас вербую.

- Ну-ну. Бог в помощь.

Востоков встал из кресла, подошел к двери и запер ее на два оборота. Ключ положил на журнальный столик.

- Не будем беспокоить Всевышнего, я и один справлюсь. Позавчера, - "Солнечная долина" полилась в бокалы, - Крым действительно потерял последний шанс на сохранение своего суверенитета. Единственный человек, который мог бы предотвратить оккупацию Крыма, советский дипломат Марлен Кузенков, трагически погиб во время шторма на Арабатской Стрелке. Теперь не имеет значения, победит СОС на выборах или нет. Весной Крым будет оккупирован. В самом худшем варианте это выглядит так: превентивная бомбардировка аэродромов и военных баз... Даже если мы задействуем все системы ПВО и все самолеты... Вы помните численность нашей авиации?

- Двести тридцать машин...

- Двести сорок пять: только что прикупили эскадрилью "Харриеров". СССР сосредоточит на побережье свыше тысячи самолетов, транспортники я не считаю. Они просто вобьют нас в землю. Затем будет морской и воздушный десант. В победу над СССР не верит никто. Эта крупная и мелкая политическая сволочь сейчас присоединяется к СОС по одной простой причине: боится войны, которая неизбежна и исход которой предрешен... - Востоков закурил.

Верещагин допил вино залпом и налил себе еще.

- Есть только одна возможность выиграть эту войну, - фраза осторожно вылетела вместе с дымом. Востоков ждал, что Верещагин подхватит мысль.

- Никто не решится, - штабс-капитан не отрывал от него взгляда. - Никто не решится начать войну первым. Кублицкий-Пиоттух - не того склада человек.

- Послушайте, Артем... Можно мне называть вас так? Так вот, Артем, на этом наш разговор можно закончить, если он вам не нравится.

- Я пока еще не знаю, нравится он мне или нет.

- Хорошо, продолжим... С победой СОС на выборах и просьбой о присоединении к СССР сценарий несколько изменится. Бомбить нас не будут: зачем громить страну, которую можно захватить целой... Воздушный и морской десант силами трех-четырех дивизий, изоляция регулярных частей... Чешский сценарий. Армия входит в страну, которая не сопротивляется. Плохо организованная, непрофессиональная, деморализованная армия... К ночи первого дня вторжения, я думаю, она будет разорганизована и деморализована вконец. Проще говоря, пьяные солдаты и офицеры займутся грабежами. Как французы в Москве 12-го года. Только еще хуже - с поправкой на нищету и непрофессионализм...

Востоков глотнул дым и медленно выпустил его через ноздри. Он ждал развития темы.

- А... они что-нибудь знают о шестидесяти тысячах резервистов, которые сидят по домам со своим оружием?

- Хороший вопрос, Арт. Очень хороший вопрос.

- Как насчет хорошего ответа?

Востоков покачал головой.

- Ответ я дам своему человеку. Тому, кто будет моим с потрохами и ботинками.

- А что я буду иметь с того, что стану вашим? Я слышал, что тем, кого вербуют, предлагают разные хорошие вещи... Деньги, дом в Чикаго, много женщин и машин...

Востоков покачал головой.

- Вы не продаете свободу. Я не покупаю. Есть вещи, которые не делаются ради денег. Сколько вы рассчитывали получить за одиночное восхождение на Эверест?

- Чертовски много. Вы можете пообещать мне это? Полной мерой?

- Пожалуй, могу.

- И каковы шансы?

- Те же, что и на Эвересте. Пятьдесят процентов зависит от того, насколько вы правильно все сделаете... пятьдесят процентов - дело случая.

- Не велик ли процент риска, Вадим Петрович? Для такого серьезного дела.

- А я не рискую, Арт. - Востоков растер окурок в пепельнице, взгляд между ними был как страховочный канат. - С того момента, как мой человек вступает в игру, мои шансы на успех равны девяноста девяти процентам, а шансы на выживание - одному. Независимо от успеха или провала моего человека.

- Независимо от моего успеха или провала...

- Да. Вы хотите услышать ответ? Или вы его уже знаете?

- Наверное, знаю... Не представляю, как это возможно скрыть...

- Дело техники. Они знают, что у нас есть ополчение, но не знают, насколько это совершенный, отлаженный и готовый к работе механизм. Но ему нужно дать старт в определенный момент. Пистолет без триггера не стреляет... Вы согласны стать триггером, Арт?

- Почему я, а не Георгий?

- Потому что "В Уэльсе теплые дожди" он впервые услышал от вас.

- Не понимаю...

- Неважно. Вы согласны?

- Согласен.

- Даже не просите время на раздумья?

- А чего тут думать? Я все равно не разгадаю вашей игры - не хватит информации. Остается верить вам на слово или не верить. Могу еще кинуть монетку.

- Кидайте.

- Не буду.

- Почему?

- Слушайте, я вижу, как все идет на три буквы. И ничего не могу сделать. А вы предлагаете сделать хоть что-то - так лучше делать, чем сидеть на жопе и ждать, что будет!

- Хорошо. Ваши мотивы мне нравятся.

Осваговец встал из кресла, открыл дверь в библиотеку.

- Долгое отсутствие может показаться хозяевам невежливым. Напомните мне в конце, что нужно встретиться и поговорить... Кстати, о чем?

- Вы обещали оказать посильную помощь в организации штурма Лхоцзе, господин Востоков. Вы меня сильно обнадежили. Могу я поделиться этой радостью с Георгием?

- Нет, пожалуй, еще рано. Это так, предварительные наметки. Лучше вообще никому ничего не говорить. Чтоб не сглазить.

Он первым вышел в ярко освещенную гостиную, в запах хвои, в новогодний смех и в песню:

- Что же за всем этим будет? - А будет апрель...

- Будет апрель, вы уверены? - Да, я уверен...

У княжны Багратиони-Мухрани прекрасный голос, отметил Востоков, присоединяясь за роббером к компании полковника Константина Берлиани.

***

- Хорош грустить, ковбой, - сказал майор Лебедь. - Труба зовет.

- Что случилось?

- Да пес его знает. Велят брать батальон и двигаться к телецентру Роман-Кош. Ты знаешь, где это?

Глеб представления не имел.

- Иди, собирай роту, - майор расстелил на витрине карту. - Ага, вот! За десять минут доехать можно.

- А что случилось-то?

- Да ничего не случилось. Нужно занять телецентр и перевал Гурзуфское Седло.- Майор загнал сигарету в угол рта. - Черт их поймет.

Через полчаса Глеб стоял перед строем мрачных сержантов. Группка рядовых толкалась неподалеку, но в целом было собрано не более 30% личного состава.

- Или через 15 минут тут будут все, - ярился Глеб, - Или я с кого-то своими руками оборву нашивки. Бардак, а не рота! Нас зачем сюда послали - водку пить? Есть в строю хоть один трезвый?

Трезвых не было.

- Ладно, цвет советской армии, - оскалился капитан. - Я вам еще устрою кабацкую всенощную. Кваснов, что у тебя торчит из кармана?

Потянув за белый краешек, он извлек на свет кружевной лифчик.

- Не маловат? Кваснов, я тебя спрашиваю!

- Я... сестре, товарищ капитан.

Глеб скомкал лифчик и швырнул его в ближайшую урну.

- Чтобы через полчаса мне тут была собрана рота!

- Ничего, - утешал себя Кваснов, шагая по улице к бару, где он рассчитывал найти свое отделение, - у меня в запасе еще два есть.

Ефрейтор Шерстилов сочувственно вздохнул. Пока офицерский состав хозяйничал в оружейном салоне, сержанты и ефрейторы растащили магазин "Виктория'с Секрет". У всех дома были сестры, матери, возлюбленные или даже жены, поэтому никто не пренебрег заграничными трусами и лифчиками. Кроме того, что-то можно будет сдать в комиссионку по приезде домой и поднакопить таким образом, скажем, на магнитофон или модную куртку... Впрочем, магнитофон или модную куртку можно было бы достать и здесь - но не факт, что дадут вывезти. Дед рассказывал, что в сорок пятом солдатам разрешали отправить домой посылку весом в пять килограммов, а офицерам - десять.

Шерстилов, в полном соответствии с лозунгом, висевшим в актовом зале части, продолжал славные боевые традиции своего деда. В программе у него стояли еще джинсовый костюм, модные "лунные" сапоги из болоньи, плейер, о котором по их городу ходили легенды, что вот есть в Москве такие крохотные магнитофончики с наушниками, которые можно слушать прямо на ходу, кассеты к нему, потому что обычные бобины тут не годились, замшевый пиджак, сапоги "гармошкой" для мамы, часы "Сейко", сигареты "Кэмел", пяток бразильского кофе - на продажу, фотоаппарат "Поляроид" и к нему пластины, для брата - кроссовки "Адидас", спортивный костюмчик "Адидас", да и вообще побольше всякого "Адидаса", рубашку с отливом, или даже две - одну себе, другую - на продажу. Нет, три: одну - себе, другую - бате, хоть он и сука, и бросил мать, но пусть знает, что Шерстилов - добрый и не злопамятный, третью - на продажу...

А тут капитан, гад, велит собирать народ и двигать на какую-то гору. Где, может статься, будут стрелять. И даже, вполне вероятно, в него. Гады, пока он будет там кровь проливать, они же все тут растащат!

Удрученный столь горькими мыслями, ефрейтор Шерстилов шел по улице и не смотрел по сторонам. Возможно, тот старшина, который вел БМД по той же улице, был удручен еще более тяжкими мыслями... Во всяком случае, он тоже не смотрел по сторонам. В результате Шерстилов ощутил жестокий удар в спину, и раньше, чем успел почувствовать боль, увидел стремительно приближающуюся разбитую витрину, острые осколки которой, торча из прочных пазов, придавали ей сходство с акульей пастью. Если бы не эта чертова витрина, Шерстилов отделался бы только переломом лопатки. А так - он влетел в нее со всей скоростью, которую способен развить восьмидесятикилограммовый парень, ударенный и отброшенный восьмитонной машиной. Один из осколков резанул его через внутреннюю сторону бедра -глубоко и быстро, как сабля. Шерстилов истек кровью раньше, чем прибыла санитарная машина.

БМД, ведомый задумчивым старшиной, остановился в конце улицы, упершись в бетонную стену одного из зданий. Старшина находился в таком состоянии, что своими ногами из машины выйти не мог.

7. Сентиментальный марш

- Павел Андреевич, вы шпион?
- Видишь ли, Юрий...

Фильм "Адъютант его превосходительства"

Господи, помоги мне написать хороший диалог!
- Капитан Асмоловский, - представился Глеб.
- Старший лейтенант Верещагин.
- Знаменитая фамилия, - улыбнулся Глеб.
- Черт бы ее подрал! - с чувством сказал старлей.

Глеб его понимал. Шуточка на тему "Уходи с баркаса" сама просилась на язык, и такие шуточки должны были уже изрядно поднадоесть обладателю знаменитой неудобной фамилии.

- Значит, что у нас тут? Определимся, - Глеб прошел за ним по коридору в святая святых - аппаратную телепередающего центра.
- Сколько вас здесь остается? - спросил старлей.
- Два взвода. Третий будет находиться на перевале Гурзуфское Седло, - сообщил Глеб.
- Разумно. Как долго вы здесь будете?
- Неизвестно. Сутки - точно.
- Мнда... - Верещагин побарабанил пальцами по спинке стула, на котором сидел "верхом".
- А что, будем мешать?
- Скажем так: на вас рассчитано не было. Мы тут уже настроились приятно провести время... Короче, нужно как-то устраиваться. Поскольку мы пришли раньше, административный корпус остается за нами, мы там ночуем. Яки?

Глеб не наблюдал специально за здоровенным светло-русым очкариком, который сидел за пультом. Если бы он за ним наблюдал, то заметил бы, как у того напряглась спина.

- Яки - это что такое? - спросил Асмоловский.
- Яки - это здесь так говорят. Как в Америке - "О-Кэй".

Он проследил вопросительную паузу и пояснил:

- Давно тут сидим... Знаете, на чем горит разведчик? На мелочах. Так что мы еще какое-то время будем больше похожи на крымцев, чем на наших. Вы не удивляйтесь, если что-то будет не так. Спрашивайте прямо - я или прямо отвечу, или честно скажу, что не имею права отвечать или не знаю.
- Административный корпус... - напомнил Глеб. - Что еще?
- Я хотел сказать, что там смогут ночевать ваши офицеры, места хватит. В комнате отдыха будем отдыхать все вместе, опять-таки веселее... Но вот куда я категорически не должен никого пускать - это генераторная, - он показал прямоугольничек на плане, - И сама вышка. Не взыщите, приказ звучал именно так.

И тут Глеб мельком обратил внимание на небольшой экран, который передавал новости "ТВ-Миг".

Он на секунду оторопел, а потом оглянулся на старлея.

- Передаете? - потрясенно спросил он.

- Нет, зачем?- отозвался технарь. По всем каналам идет Москва. А это мы только смотрим ... - он усмехнулся и добавил: - И пишем.

- Орел наш, благородный дон Рэба, озабочен знать, что говорят и думают *новые* подданные короля... - весело и зло откомментировал старлей.

Щелк! Протянулась ниточка - нет, еще не симпатии - узнавания. Словно два волка, оказавшись в одном лесу, еще не знают, как относиться друг к другу, но определяют в воздухе запах брата по крови.

По голосу старлея было слышно, что к "орлу нашему" он относится без всякого пиетета. Глеб почуял родственную душу. Кто думает, что цитата - это всего лишь пижонство, бравирование читанными премудростями, тот ошибается. Это пароль, по которому отличают своих.

- Пойдем покурим? - предложил он старлею.

- Спасибо, я не курю, - ответил тот. - Но все равно выйдем.

- Вас тут, я смотрю, мало, - сказал Глеб.

- Хватит, - отозвался спецназовец. - Здесь очень разумно все устроено. Надо будет - остановим на дороге хоть роту.

Глеб оценил лично его возможности. Старлей не выглядел человеком, способным остановить роту. Он вообще не выглядел военным человеком. В камуфляже он смотрелся так же нелепо, как и сам Асмоловский.

После короткого молчания старлей добавил:

- Ваши люди пьют...

Это было нечто среднее между вопросом и утверждением. Глеб промолчал.

- Многие, - голос старшего лейтенанта таил некоторое осуждение. - Это может создать проблему. Мне, конечно, все равно... Я только хочу предупредить: у меня и моих ребят приказ стрелять на поражение, если кто-то попытается приблизиться к телевышке, войти в аппаратную или генераторную.

- Понял, - сказал Глеб.

- Я все понимаю, товарищ капитан. В других частях творится то же самое, вы ничем не хуже прочих. Но и вы меня поймите: у меня приказ.

- А офицеры могут ходить сюда? - спросил он.

- В аппаратную - нет, - сказал старлей. - И пусть поаккуратней пользуются сортиром. Нам еще несколько дней тут сидеть. Если возникнут какие-то вопросы ко мне, и я буду в аппаратной - только тогда и только вы можете войти. Договорились?

- По габарям. - согласился Глеб.

- И пей круг - улыбнулся старлей.

Они посмеялись. Потом капитан протянул руку.

- Глеб.

- Артем, - представился старлей.

***

- Какая сволочь полезет в запретную зону, спецназовцы пристрелят без предупреждения, - с удовольствием объявил Глеб строю. - И я им только спасибо скажу. Потому что вас сюда прислали не водку пить. Увижу кого пьяного - дам в ухо. На территории не гадить, ходить в кусты. В аппаратную и генераторную не соваться. На постах нести службу согласно УГиКС, буду проверять лично. Вопросы есть?

Вопросов не было.

- Разойдись, - приказал он.

Пятнисто-зеленый строй распался. Солдаты и сержанты разошлись - кто на посты, кто на отдых. Офицеры поспешили в комнату отдыха, где имели место мягкие диваны и конфискованные у солдат спиртные напитки.

- Товарищ капитан, а почему это рядовые спецназовцы ходят в сортир сюда? - спросил лейтенант Палишко. - Я захожу, а там грузин этот кабинку занял.

- Оставь их в покое, Сережа, - посоветовал Глеб. - Им здесь еще несколько дней сидеть.

- Да не в том дело! - горячо поддержал Палишко Васюк. - Обидно же, товарищ капитан: мы, десант, опять вроде как дерьмо, а они - войсковая элита. Кто им такое право дал?

- Васюк, - Глеб начал слегка закипать, - Сколько у тебя солдат на момент тревоги было в лежку? Сколько ты свой взвод собирал? Не знаешь? Я тебе скажу: сорок две минуты! И двое до сих пор не стоят на ногах! Так кто тут дерьмо, а кто войсковая элита? Ты видел среди них хоть одного пьяного?

- Разведка - уважительно протянул Петраков. - Дрючат их там...

- Я не понял, а кто вам мешает нормально себя вести? - взорвался Глеб. - Тебя, Вова, кто-то за грудки берет, руки выкручивает: грабь, тащи, что плохо лежит, наливайся водкой до ушей?! Что тебе мешает вести себя как офицер, а не как прапор вонючий?

- Знаете что, товарищ капитан? - лейтенант Палишко даже встал. - Вы мне, пожалуйста, не читайте морали! Один раз в жизни я за границу попал, думал, хоть три месяца поживу, как человек, и что? Дулю тебе с маслом: иди, сиди на какой-то вонючей горе, ни жратвы приличной, ни шмотьем разжиться - и еще спецназ тут ходит, нос выше этой вышки дерет! М-мудаки гребаные! Вы, товарищ капитан, человек городской, вам всегда было во что одеться-обуться, у вас и центральное отопление, и теплый сортир с ванной. А мы с бабкой в деревне на двенадцать рублей жили. Я для того, может, и стал офицером, чтобы, наконец, нормальную жизнь увидеть!!! Хватит с этих белых, они шестьдесят лет с трудового народа кровь пили - теперь пускай поделятся. Никто тут никого не грабит, все законно!

В дверях кто-то вежливо откашлялся.

Палишко и Глеб отступили друг от друга, словно их застигли на чем-то недозволенном.

Спецназовский рядовой с татарской физиономией прошел через комнату и поставил в холодильник ящик пива. Это был тот самый парень, которого Глеб отрядил вниз с ребятами сержанта Козленко - за выпивкой и едой. Верещагин растолковал, что не все и не везде брать можно: некоторыми магазинами владеют иностранные компании, у которых достаточно сил, чтобы попортить кровь нашим дипломатам, а на черта нам международный скандал? И сам же великодушно отрядил в проводники рядового Сандыбекова.

- Ну-ка, дай одну банку, - приказал Шамилю лейтенант Палишко.

Парень достал банку и поставил ее на стол перед лейтенантом.

- Открой, - велел лейтенант.

Алюминиевая крышечка щелкнула, вспух над банкой пенный султанчик.

Палишко взял банку левой рукой, а правой врезал рядовому под дых.

- Ты разрешения спрашивай, когда к офицерам в комнату заходишь, скотина.

Рядовой переводил дыхание, согнувшись пополам.

- Не слышу ответа! - Палишко взял парня за шиворот.

- Палишко! - крикнул Глеб. - Оставь его в покое!

- Настоятельно советую выполнить требование вашего командира, - послышался голос от двери.

Офицеры развернулись и встретились взглядами с тремя черными зрачками. Два принадлежали старшему лейтенанту спецназа ГРУ Артему, а один - пистолету Стечкина.

- Оставьте в покое моего солдата, товарищ лейтенант, - голос старлея звучал ровно, будто речь шла о банальном вопросе вроде распределения постов, словно и не в его руке застыл "Стечкин".

- А если нет? Убьете меня? - спросил Палишко. - Вас за это по головке не погладят, товарищ старший лейтенант.

- Я прострелю вам ногу, товарищ лейтенант, - так же спокойно ответил старлей. - Может быть, мне за это объявят порицание. Но вы на всю жизнь останетесь калекой.

Рядовой высвободился из рук Палишка и вышел за дверь. Старлей спрятал пистолет в кобуру.

- Товарищ капитан, товарищи лейтенанты, - спецназовец подошел к холодильнику, достал початую бутылку "Учан-Су" и налил в стакан пузырящуюся игривую жидкость. - Мои солдаты будут ходить по территории куда им нужно идти. Они будут заходить в эту комнату, не спрашивая ни у кого из вас разрешения. Они будут пользоваться санузлом наравне с вами, и если это кому-то кажется оскорбительным, он волен справлять нужду в кустах. - Артем допил и поставил стакан на поднос. - Это первое. Своих солдат вы можете бить сколько вам угодно. Моих извольте не трогать. Это второе. И третье. Товарищ лейтенант, сейчас вы пойдете со мной и извинитесь перед рядовым Сандыбековым.

- Да пошел ты, знаешь, куда! - взвился Палишко.

- Сергей, ты пойдешь и извинишься! - сказал Глеб.

До ледяного спокойствия старлея ему было далеко. Хватит, по горло сыт он художествами своих солдатиков и офицериков.

- Товарищ капитан! - Палишко обернулся к нему за помощью, - Да как же это так... Спецназу из нас можно веревки вить, так получается? А мы и слова не скажи?

- Ты дерьмо и трус, Палишко, - с расстановкой сказал старлей. - Во-первых, ты дерьмо потому, что самоутверждаешься за счет рядовых, которые не имеют права тебе ответить. Во-вторых, ты дерьмо потому, что боишься признать свою ошибку. И в-третьих ты дерьмо потому что перебздел и просишь защиты у своего капитана. Ты позоришь десант, Палишко, ты позоришь армию, ты позоришь всю свою страну.

- Палишко, пойди и извинись перед рядовым, - не глядя в глаза ни ему, ни Артему, сказал Глеб.

- Товарищ капитан...!

- Ты первым распустил руки, ты и выпутывайся! - крикнул Глеб. - Любишь трепаться и размахивать кулаками - отвечай за свой треп и свои дела! Почему я должен вечно разгребать за вами дерьмо?! Почему я должен покрывать ваши пьянки, блядки, отлучки, драки? Не хочешь извиняться - получишь по морде от меня. Ты что еще не понял, что неправ? Что ты повел себя как неблагодарная свинья? Тебе это разъяснить популярно?

Палишко беспомощно оглянулся по сторонам. Старлей сделал приглашающий жест в сторону двери. Казалось, что от напряжения в комнате звенит воздух.

Палишко стоял несколько секунд, сжимая и разжимая кулаки, потом выдохнул и направился к двери.

- Черт, - Петраков взял со стола банку пива и отхлебнул. - Нехорошо вы поступили, товарищ капитан. Теперь они нам на шею сядут и ножки свесят.

- Нечего задираться, - бросил Глеб в ответ. - Ребята вообще нам ничем не обязаны. Они здесь в своем праве, могли бы спокойно всех нас выгнать за ворота... Нет, пустили сюда, поставили пиво за свой счет...

- Я не о том, - Петраков жестикулировал банкой. - Серега неправ, и неправ круто. Козел он, в общем, чего там говорить... Но это наше дело, семейное. Лучше бы вы ему сами по шее дали и заставили извиниться. А так получается нехорошо...

- Да, это я сглупил... - согласился Глеб. - Ладно, сделанного не воротишь.

- А ты слышал, как он разговаривает? - зампотех Стумбиньш, молчавший во время всего разговора, теперь взял слово. - Прямо лорд английский, а не офицер спецназа.

- Это точно, - согласился Васюк. - Товарищ капитан, вы заметили?

- Что я заметил? Что человек нормально говорит по-русски, а не матюкается через слово? Это я заметил.

- Рыбак рыбака видит издалека, - подмингул Стумбиньшу Петраков.

Вошел мрачный Палишко. Рванул дверцу холодильника, выхватил две банки с пивом, одну вскрыл и осушил залпом, после чего швырнул ею в стену, вторую начал пить не спеша, устроившись на диване.

- Знаете, на кого он похож? - спросил Васюк. - Да на белого офицера, как их в кино показывают. Такой чистенький, вежливый, а палец в рот не клади!

- Ну, и не клади, - сказал Глеб.

- Муд-дак! - с выражением процедил сквозь зубы Палишко.

- Это ты о себе? - спросил Стумбиньш.

- Что, заставил он тебя перед рядовым извиниться? - подначил Петраков, - Может, ты татарина еще и в попку поцеловал?

Вторую пустую банку Палишко швырнул в него.

- Ша! - закричал Глеб, вставая между ними. - Палишко, сидеть здесь! Петраков, ты, кажется, начкар, так какого черта ты тут делаешь? Бегом в караулку, а потом проверишь посты! Е-мое, как вас спецназовцы могут уважать, когда вы собачитесь, будто базарные бабы?

- Я вот что думаю, - Стумбиньш часто сообщал свои рассуждения без всякой связи с предыдущим разговором: - Питание этой телевышки идет по кабелю отуда-то из Ялты. Или там Гурзуфа. Электростанция должна быть - зверь. В генераторной, как я понял, запасные генераторы. На случай если ток отключат, а что-то нужно срочно передать в эфир... Сейчас они не работают. Тем не менее. Эти ребята постоянно мотаются туда и обратно. Зачем?

- Карл Янович, - устало сказал Глеб. - Я так думаю: это не наше дело.

***

Убитые спецназовцы лежали чуть ли не вповалку на полу, возле одной из машин. Их накрыли чем-то, но Козырев знал, что они здесь, и этого было достаточно, чтобы добавить еще балл к общей хреновости его состояния.

"Скоро и я... как они..."

- И думать забудь, - сказал Верещагин, проследив его взгляд. - Володя, все будет хорошо. Ты у нас еще выиграешь "Триумфальную Арку". Хватит туда коситься.

Он закончил заправлять шприц, надавил на поршень, чтобы выпустить воздух, протер Козыреву руку ватным тампоном и умело ввел иглу в вену. Мертвенный, дрожащий свет галогеновой лампы потеплел. Боль слегка утихла - начал действовать анальгетик.

- Арт... Почему ты все время приходишь сам?

Верещагин не ответил. Вместо ответа он распечатал салфетку и протер раненому лицо. Салфетка оставляла после себя приятную свежесть... Такая маленькая, чепуховая приятность, но вдруг оказывается, что совсем не лишняя, когда секунды сливаются в кошмар.

- Действует? - спросил Артем.

- Да...

- Очень хорошо.

Анальгетик экономили и вводили ровно столько, чтобы Владимир мог терпеть боль молча. Дверь в генераторную не пропускала звуков - наверняка во время работы всех этих агрегатов здесь стоял адский шум, потому и звукоизоляция была отменной. Но случайный стон, вырвавшийся тогда, когда кто-то входит в генераторную или выходит из нее, мог погубить их всех. Они часто ходили туда-сюда, это был не только полевой госпиталь или мертвецкая, здесь они сложили и то, что могло их выдать: крымское

обмундирование, крымское оружие, документы... Этакая комнатка с секретами... Причину экономии морфина Владимир понимал четко: он может оказаться не последним раненым. Если что-то пойдет не так, здесь будет бойня...

- Кровь уже не течет, - ободрил его Артем. - Рана не воспалилась, температуры у тебя нет.

- Что там... с ногой?

- Я не настолько силен в медицине, чтобы сказать точно... Подожди настоящего специалиста, яки?

Владимир попробовал улыбнуться ему в ответ. Бедный совестливый убийца Арт Верещагин... Приходит сюда просить прощения у мертвого Даничева и еще живого Козырева... И все же не забывает снимать комбинезон всякий раз, когда берется за перевязку - чтобы не заляпать его кровью...

- Хочешь коньяку? "Ай-Петри" десятилетней выдержки...

- Нет...

Артем вытер руки влажной салфеткой и надел комбез.

- Арт... Не уходи...

- Тебе страшно здесь одному?

- Нет... Просто плохо...

- Ну, Володя... Ты ведь жокей. Сколько раз ты себе ломал ключицы?

- Четыре. Это... совсем другое. Я... больше не сяду... в седло.

- Да ну тебя.

- Сустав... Подвижность не восстанав... ливается.

- Кто тебе сказал такую чушь? С чего ты решил, что это сустав?

- М-м...

- Еще морфина?

- Да. Арт, представь себе, что ты больше никогда... Не сможешь подняться... на гору... Ты... представлял?

- Конечно. Все люди стареют. Рано или поздно приходится бросать спорт.

- Нет, сейчас... Господи... Арт, сделай люфтэмболию... Я не смогу так жить. Я не буду жить калекой.

- А ну, хватит молоть ерунду! Ты за кого меня держишь? - Артем показал ему кулак. - Вот тебе мое слово: ты выберешься отсюда, и еще до конца года сядешь на лошадь. Ты немного потеряешь квалификацию, потому что долго будешь на отдыхе, и поэтому тренер даст тебе самую безнадежную скотину из всех, кто у него есть. А на середине дистанции эта тварь вспомнит молодость и придет первой, и тренер отматюкает тебя, потому что он сам поставил на фаворита из своей же конюшни.

- Хреновый из вас пророк, господин капитан. И в скачках вы ни черта не понимаете...

...Верещагин действительно мало что понимал в скачках. Но он немножко понимал в огнестрельных ранах, и знал, что Козырев прав: подвижность сустава не восстановится. Какой там конный спорт, парень до конца жизни проходит с костылем, если вообще сумеет встать на ноги.

Лгать ему было противно, а делать при этом вид, словно он не понимает, что Козырев видит его ложь насквозь, было противно вдвойне.

Реплика про люфтэмболию ему совсем не понравилась. Володя, будучи в здравом уме, никогда не заговорил бы об этом. Значит, он устал и сдают нервы. Артем решил - будь что будет, нечего жаться. Полные дозы морфина. Пусть подпоручик немного отдохнет...

Он сделал еще одну инъекцию и присел на стальную трубу каркаса от кресла. Сами по себе эти железки не были приспособлены к человеческой заднице и долго там высидеть было нельзя. Но наркотик действовал быстро.

Владимир больше не пробовал с ним заговорить. После укола он отвернул лицо в сторону, ожидая, когда придет сон. Артем боялся представлять себе, как он здесь коротает часы в компании пятнадцати мертвецов, страдая от боли и слабости, одиночества и страха... И вина, которую испытывал капитан, заставляла его приходить сюда, кропотливой и осторожной работой заглушая свой собственный страх и успокаивая свои натянутые нервы. Все они знали, что одно неверное слово - и все полетит к черту. Поэтому неукоснительно следовали его указаниям: сводили общение с десантниками к нижней границе необходимого, держались осторонь и все время были начеку. Ему было сложнее: взяв на себя роль буфера между своими ребятами и десантурой, он почти все время находился среди "голубых беретов" или поблизости. Он смеялся их шуткам, отвечал на их вопросы и задавал свои, смотрел в оба глаза, перенимая типично советские манеры и отказываясь от наиболее характерных крымских. Труднее всего было сохранять естественность. От него не требовалось особенного актерства или перевоплощения, он давно заметил, что практически любая промашка будет прощена тому, кто делает ее с самым непринужденным видом. Он умел существовать в чужой и даже враждебной среде, фактически, он занимался этим всю жизнь. Полная естественность, которую дает стопроцентная уверенность в себе, была его доспехом и его стрелами. Это спасало его в гимназии, в армии, в офицерском училище... Это спасало его и сейчас. Странности, если их кто-то заметил, были отнесены на счет особенностей подготовки спецназа и снобизм офицера элитных войск.

Он готовился к этому долго. Он знал, что должен говорить в тех или иных наиболее распространенных случаях, как себя вести... Конечно, настоящий спецназовец раскусил бы его через минуту... Но настоящие лежали здесь, укрытые брезентом. Здесь же лежал Даничев, которому больше ничего не нужно. И Володя, которому нужен в первую очередь морфин. Эти люди поверили ему, и вот куда он их привел. Куда он приведет остальных?

И было еще одно. Артем вспомнил, кто такой капитан Глеб Асмоловский, следовательно, Глеб мог вспомнить, кто такой капитан Верещагин. Альпинистская братия достаточно хорошо знает выдающиеся имена из числа своих. А Глеб Асмоловский - это, как ни крути, было выдающееся имя.

Оставалось надеяться на плотность железного занавеса и на удачу. И верить в то, что, если, не дай Бог, придется стрелять, он сможет поднять оружие на Глеба.

***

- Из чего у тебя нервы, Арт? - спросил Князь. - Как ты сохраняешь хладнокровие?

- Хладнокровие? - Артем взял его за руку и положил его ладонь на свое запястье.

- Ничего себе... - Князь прикинул частоту пульса. - Ты надеешься дурить их до вечера, когда пойдет "Красный пароль"?

- С Божьей помощью я надеюсь дурить их и дальше. При хорошем раскладе - всю ночь, пока мы будем забивать эфир помехами.

- You must be crazy.

- Варианты, Гия! Ты предлагаешь с ними драться? Их здесь рота, Князь! Семьдесят человек! И хорошо, что не батальон, как они планировали поначалу...

- Батальон поместился бы здесь только при условии, что все выдохнут и не будут вдыхать, - сострил Кашук. - А вообще, товарищ старший лейтенант, вы играете на грани фола. Когда вы брякнули "яки", я чуть не поседел.

- Я подумал, что так будет лучше... Чем кто-то из наших сболтнет что-то и нужно будет выдумывать - лучше сразу втюхать им правдоподобную легенду.

- Яки, Арт, - уступил Берлиани. - Но зачем ты задрался с их лейтенантом? Шэм бы не рассыпался, если бы обошлось без конфликта.

- Вы неправильно рассуждаете, князь, - заметил Кашук. - Нам необходимо было поставить их на место. Иначе через час они бы оказались здесь, а мне они здесь совсем не нужны, и тем более они мне не нужны в генераторной.

Всех передернуло при мысли о том, что будет, если хоть кто-то из десантников проникнет в генераторную.

- Не представляю, как это у нас получится...- простонал Берлиани.

- Все просто. Говори поменьше, веди себя понаглее, и никому даже в голову не придет, будто что-то не так.

Верещагин ошибался. Глебу очень быстро пришло в голову, что тут нечисто.

***

Так не бывает, подумал Асмоловский. Ну, совпадение это. Полный тезка знаменитого крымского альпиниста... "Знаменитый альпинист" - само по себе смешно. И фамилия не такая уж редкая. Нет, ну как это все-таки бывает...

Они сидели на смотровой площадке телевышки, рассматривая покрытые лесом горы. Ближайшие вершины были пологи, поросли редким лесом, похожим на вытертый каракуль, витиеватая дорога переползала через Гурзуфское Седло. Вдали сияло море, в ложбине между двух холмов развалился сонный Гурзуф, и Глебу казалось, что он чувствует запах воды.

Глеб из последних сил сопротивлялся чувству созерцательного покоя, но примерно с тем же успехом, с каким кусок сахара может сопротивляться действию горячего чая. Так накрутив людей, нужно бросать их в бой, иначе дело кончится все той же пьяной расслабухой. Офицеры имели хоть какое-то развлечение: в комнате отдыха был телевизор. Солдатам же ничего иного не оставалось, как трепаться, спать, травить анекдоты, играть в интеллектуальные игры ("очко" на пальцах) и на гитаре... Ну и, конечно же, пить. Голь, хитрая на выдумки, прятала спиртное в самых невероятных местах, и, несмотря на обыски с конфискацией, количество пьяных оставалось стабильным. Больше того - конфискованное пойло делили офицеры. Надежда была только на то, что запасы пойла все-таки конечны, а здесь, слава Богу, достать негде...

- Извините за дурацкий инцидент, - сказал старлей. - Я должен был предоставить это вам...

- Да нет, все нормально. Сергей был неправ.

- А что, собственно... послужило причиной?

- Мать его в детстве ушибла - вот, что послужило причиной... Вы читали "Момент истины"? Помните, там армейский капитан возмущается в душе, когда СМЕРШевцы угощают его консервированными сосисками?

- Ну, помню... - мрачно сказал старлей.

- Вы таким, как Палишко - что гвоздь в заднице. Крутые, блатные, по заграницам ездите, куда ни сунься - везде командуете... Он, бедняжка, свои погоны пердячим паром зарабатывал - так оказывается, что даже спецназовский рядовой главнее его. Вот он и вызверился, дурашка...

- Понятно... А вам, товарищ капитан, такие как мы - как?

- Мне? Ну, меня, если честно, все это тоже немножко коробит. Ведь и мы не рассчитывали, что здесь уже кто-то есть. Ладно, замяли.

Он открыл пиво.

- Дрянное здесь пиво, кстати. Это уже пятая банка, а градуса не чувствую.

- Товарищ капитан, посмотрите на процент алкоголя...

- Епрст, - Глеб засмеялся. - Безалкогольное пиво... А ребята там матюкают белогвардейскую пивоваренную промышленность... Нет, ну надо же... Это к вопросу о сосисках из банки... Слушайте, я хочу вас как специалиста спросить... Ну, вот знаете -

писатели часто прокалываются на мелочах, особенно когда пишут про то, чего не знают... Вы, как разведчик, на чем-нибудь Богомолова поймали?

- Как разведчик - нет, - все так же мрачно ответил Артем.

- А кстати, Артем, вы сами часом не белогвардейский шпион?

- Конечно, шпион, - согласился Верещагин. - И на чем же я прокололся? У нас по системе "Атлас" мускулы не качают, на серфинге не катаются и по методике Табуки аппендикс не вырезают, так?

- Не-а. Вы на самом деле известный белогвардейский альпинист.

- Угу, высоко забрался, - старлей из-под ладони обозрел окрестности. - Вечные льды и снега Монблана.

- Я серьезно. У вас где-то здесь есть почти полный тезка. Два года назад он поднимался на К-2. Знаменитое было восхождение - не слышали?

- Не интересуюсь альпинизмом. А что, у нас об этом писали?

- Не помню, кто писал. Кажется, поляки. Я думал, сдохну от зависти...

Глеб повернулся к морю спиной и посмотрел на скальный взлет Роман-Кош, над которым на тридцать метров поднималась телевышка. Верещагин и Роман-Кош. Верещагин и Лхоцзе. Интересно, что он чувствует сейчас, этот белогвардеец? Все, для него границы закрыты. Стирай с карты Гималаи. Год назад Тамм получил добро на эверестскую экспедицию, Глеб поехал на Памир - проходить отборочные, и когда прошел - был без водки пьян от радости. Эверест, недостижимый и вечный - Господи, если не подняться - то хоть рядом постоять! Очередь им приходилась на 82-й год, поначалу выпало на 81-й, но японцы уговорили поменяться - у них было столетие Токийского университета, хотели отметить. Тамм уступил, и Глеб готов был сгрызть ногти до локтей: еще один год ожидания! Он с ума сходил - так что же чувствует тот, для кого Гималаи теперь закрыты навсегда? Глеб с ним не поменялся бы местами...

Пятидесятиметровому крымскому ретранслятору было далеко до Останкинской телебашни, но крымцы очень остроумно решили проблему, расположив его на плече самой высокой горы. Держась за скалы при помощи стальных тросов, вышка была надежно застрахована от ветра. А ветер здесь не стихал ни на минуту.

Глеб разглядывал почти отвесный гранитный скол, идущий вровень с вышкой почти на треть ее высоты, мысленно прокладывал маршруты - совершенно несерьезная стена, но здесь можно проложить парочку изящных, хоть и коротких.

- Жаль, галош нет, - вырвалось у него.

- Галош???

- Я занимаюсь скалолазанием, - немного смущенно признался Глеб. - Галоши - идеальная обувь для восхождения по отвесной скале.

С некоторым удовольствием он отметил, что невозмутимый старлей удивился.

- Никогда бы не подумал, - сказал он. - А хотите слазить на самый верх? Подняться над вершиной?

- Ну, хоть так, - согласился капитан.

Лестница изгибалась по квадрату сечения башни пролетами под углом около 60 градусов, потом, выше второй смотровой площадки, вела вертикально вверх, проходя внутри своеобразной "трубы", сваренной из железных прутьев.

Внизу осталась вершина горы и "рога" ретрансляторов. "Труба" закончилась, дальше ремонтникам или монтажникам уже нужно было бы работать со страховкой. Дул довольно крепкий и холодный ветер, железные штанги отзывались на его порывы низким гулом, который слышишь не ушами, а всем телом. Мерное раскачивание телевышки было сродни морской качке. Глеб высунулся из "трубы" по пояс, ухватился руками за секции металлических конструкций и огляделся.

Горы шли с востока на запад, на юге полмира захватило море, а на севере зеленел лес. Это была прекрасная земля, РУССКАЯ земля, которая наконец-то стала СОВЕТСКОЙ землей. И это бескрайнее небо, в котором он сейчас находился и которым

дышал, наполняло его какой-то надеждой. Казалось, что все в этом мире еще может стать прекрасным, если к этому приложить хоть немного усилий.

Внезапно тугое, распирающее чувство полета сменилось другим - всеохватной тревогой, дрянным предчувствием, которое высасывает из сердца радость, а из рук - силу. Глеб понял, что пора спускаться, что светлая нота безнадежно испоганена невесть чем.

Старлей ждал его на площадке.

- Что-то случилось? - спросил он. - Вы очень быстро спустились, Глеб.

- Какое-то чувство мерзкое появилось... - капитан сел рядом с ним на железо.

- Это, наверное, электромагнитное излучение, - ответил Верещагин.

- Да, может быть... Давай на "ты", Артем.

Ветра не чувствовалось - от него защищала скала. Прогретый солнцем металл вызывал приятные воспоминания: вот так же, как эта площадка, выглядела детская горка во дворе, где рос Глеб. Только там металл был отполирован до блеска детскими штанами, а здесь - башмаками технарей. Ну, и пулемета на этой детской горке не было...

Глеб запрокинул голову, посмотрел в решетчатый колодец... На секунду перспектива стальных ферм, расчертивших небо на треугольники и квадраты, дрогнула, Глебу показалось, что верх - здесь, а там - низ, и он вот-вот сорвется туда, в кошмарный бесконечный полет... Даже чувство гравитации изменило. Он вздрогнул и опустил голову. Проклепанный теплый металл был таким великолепно-вещественным, ощутимым...

- Ага, - сказал Артем. - Пробирает. Похоже на гравюры Эшера, верно?

- Я не знаю, кто такой Эшер.

Внизу, возле зачехленных БМД, о чем-то разговаривали десантник Рабинович и один из спецназовцев, Миллер.

Одно из смутных подозрений оформилось в уме Глеба.

- Артем, Миллер - еврей?

- Нет, немец, а что? Ты имеешь что-то против евреев?

- Да нет, ничего. Просто я подумал, что евреи в спецназе не служат. И немцы тоже.

- Чего бы это им не служить в спецназе?

- Ну, вроде как ваша подготовка - это военная тайна, а немец или еврей - нынче здесь, завтра - там.

- Глеб, мы - спецназ. Если кто-то из нас захочет отвалить, он в ОВИР не пойдет. Перейдет пешком, и никакой Карацупа не остановит.

Звучало ужасно логично. Но ведь именно логика чаще всего чужда армейским уложениям.

Нет, даже в этот момент Глебу не пришло в голову, что Верещагин - не тот, за кого себя выдает.

Пришло - мигом позже.

Т-твою мать...

Ерунда, сказал он сам себе. Бред. Не может быть.

Слишком много военных-однофамильцев, сказал ехидный внутренний голос. На одного больше, чем нужно.

ЕРУНДА!

Как все честные люди, Глеб плохо владел лицом.

- Эй, товарищ капитан, с вами все в порядке? - спросил старлей.

- Да, спасибо... Артем, а у тебя здесь случайно нет родственников?

- Знаешь, очень даже может статься, что и есть, - на лицо спецназовца легла какая-то тень. - Мой отец жил здесь четыре года. Вполне достаточно, чтоб завести ребенка, э?

- Когда это было?

- Во время Второй Мировой, когда же еще...

- И как это случилось?

- Он воевал под Одессой... Попал в плен, оказался где-то на побережье, в концлагере... Оттуда они сбежали на самолете. Пять человек. Сюда, в Крым.

- Ого! Ну, а дальше что было?

- Он воевал в Италии и в Греции. В составе английских бригад. Двое его товарищей там погибли, двое вернулись вместе с ним в СССР.

- И что случилось потом?

- А что потом могло случиться, Глеб? Это и случилось.

- Извини...

- Не за что.

- То есть, тебе наверняка не известно, есть у тебя здесь кто-то или нет.

- Не знаю. Отец ничего не рассказывал про Крым.

- Когда нечего рассказывать - тогда, как правило, и треплются.

- Да, это верно. И вот это к вопросу о консервированных сосисках и о "Моменте Истины". Не люблю я эту книгу, Глеб. Она здорово написана, там нет проколов, и именно поэтому я ее не люблю...

***

- Зачем ты потащил его на вышку? Зачем стал с ним болтать? Какого черта тебе от него было нужно?

Гия Берлиани рвал и метал, пользуясь тем, что из аппаратной не проникал наружу ни один звук.

- Его нужно пасти, Георгий, - ответил Верещагин. - Нужно контролировать. Он здесь самый умный. И кое-что подозревает.

- Подозревает? Я удивляюсь, как меня еще никто из них не назвал "Ваше благородие"!

- Гия, в день нашего возвращения из Непала по радио и по ТВ нас упомянули в программе новостей.

- Просто замечательно! Он слышал?

- Я не знаю. В какой-то момент он изменился в лице и начал рассказывать мне про моего однофамильца-альпиниста. Я закосил под полного идиота.

- Это было наверняка несложно.

- Князь, а ты больше никаких альпинистов- однофамильцев не вспомнил? Это Глеб Асмоловский.

- Тот самый?

- Да, тот самый!

Глеб Асмоловский, "снежный барс", на счету которого - четыре советских "семитысячника", первое восхождение на Хан-Тенгри в альпийском стиле, и орден, пожалованный ее величеством королевой Англии за спасение двух ее подданных на пике Победы. Подданные имели неосторожность выскочить на штурм вершины без рюкзаков и палаток, налегке. Так нередко делают, но именно в этот день и именно этим подданным не повезло: они не рассчитали времени, заблудились, не нашли палатку и начали потихоньку замерзать. Конечно, вышла спасательная группа, но холод убил бы англичан раньше, чем группа добралась бы до них. Глеб Асмоловский совершил невозможное: ночью поднялся один по очень крутому и сложному маршруту, нашел англичан, отпоил теплым кофе с коньяком и выдал им свой спальный мешок, где оба слегка отогрелись. Этого было достаточно, чтобы протянуть время до появления спасательной группы.

Вот так, капитан Верещагин. Ты мечтал пожать руку этому человеку - теперь сбылась мечта идиота.

- Это называется "не повезло", - Кашук встал из кресла. - Я отлучусь на минутку, господа. То ли это пиво, то ли это нервы, но мне ужасно нужно пойти помыть руки.

- Дьявол! - когда за Кашуком закрылась дверь, Гия треснул кулаком по столу. - Здесь сотни советских капитанов! Почему черт сюда принес именно этого!?

- Я знаю... Попаду в ад - спрошу у черта, почему он принес сюда именно этого... Гия, мы должны выиграть с теми картами, которые нам сданы.

- Это уж да, - сказал Князь. - Это точно... Только знаешь, что мне все больше лезет в голову, Арт? Что нас сюда послали именно затем, чтобы мы прокололись.

- Типун тебе на язык, - отвернулся Арт. - У нас все прекрасно получится. А вообще-то надо понемножку начинать их поить, чтобы меньше думали. Так что пусть Миллер подменит Дядю Тома - нам понадобятся самые крепкие головы. Знаешь, у Глеба есть гитара.

- Вы с ним уже по имени?

- Княже, мы с ним на "Ты".

***

Интересно все-таки работает подсознание. Когда Глеб принес гитару в комнату отдыха, первое, что запели офицеры, было "Ваше благородие, госпожа разлука".

Грузин Берлиани, вернувшись с поста, с удовольствием подпевал. Вообще, напряжение слегка спало, чему немало помог коньяк "Ай-Петри".

"Это не фокус", - подумал Глеб, - "Они тут смотрят наше телевидение. Нужно что-нибудь другое".

Но подсознание работает по-своему. Пальцы сами собой взяли хрустальный ре-мажор:

Надежда, я (па-па, па-пам!)
вернусь тогда (па-па, па-пам!),
Когда трубач (па-пам!)
отбой (па-пам!)
сыгра-ет,
Когда трубу к губам приблизит
И острый локоть отведет...

Спецназовский старлей подпевал тихо, но с чувством. Берлиани был на высоте: выводил приятным баритоном партию второго голоса, чисто и точно, куда тому Кобзону:

Надежда, я
Останусь цел -
Не для меня
Земля
Сыра-я...

Глеб играл от всей души. Он совсем уже забыл о первоначальной цели, с которой взял в руки гитару. Он играл и пел для Нади, для своей Надежды, которая его не слышала, не могла слышать, но он знал, что где-то там, за морем, она думает о нем и ищет его лицо на экране телевизора среди лиц сотен других десантников, одинаковых, как гвозди с выкрашенными в голубое шляпками.

...И комиссары в пыльных шле-мах
Склонятся молча надо мной (Тррам-тррам!).

- Артем, а эту знаешь? - он взял аккорд: - "Покатились всячины и разности, поднялось неладное со дна.... Граждане, Отечество в опасности! Граждане, Отечество в опасности! Граждане! Гражданская война! Был май без края и конца, жестокая весна..."

Пальцы Верещагина жестко легли на струны.

Полусекундный обмен взглядами показал, что Верещагин разгадал игру Глеба. Разгадал по всем пунктам, до канвы.

- Не надо, Глеб. Эта мрачная. Давай тогда лучше "Гусарскую". "Славно, братцы-егеря..."

- Хорошо тут у вас, - вздохнул майор Лебедь. - Просто курорт...

- А у вас как? - спросил старлей.

- А у нас нормально. Какого черта Глеба на эту горку загнали, если вы здесь уже сидите.

- Это вы в штабе спросите. Вы снимать ребят пришли?

- Какое там, - Лебедь скривился. - Приказа не было. А что, мешают ребята?

- Да шумно...

- Ничего не попишешь, старлей. Приказа не было.

- Ну, и Бог с ним.

- Товарищ майор, можно вас на два слова? - Глеб отложил гитару.

- Можно на сколько угодно, - майор плеснул себе коньяка. - Пойдем покурим.

Они вышли на свежий воздух и встали там же, у ограждения.

- Мне они не нравятся, - сказал Глеб.

- А мне показалось как раз наоборот, - майор посмотрел на него. - Ты и гитарку взял, и песенки петь начал...

- Я думал... - Глеб осмотрел землю под ногами, словно там валялись нужные ему слова. - Понимаете, когда мы улетали и сидели на аэродроме, передавали крымские новости... Можете смеяться, но там сказали, что из Непала вернулся известный крымский альпинист Верещагин. Капитан крымской армии.

- Так, - сказал Лебедь, призадумавшись. Потом оглянулся.

Спецназовский старлей о чем-то беседовал с длинным костистым мужиком по прозвищу Дядя Том.

- Товарищ старший лейтенант! - окликнул его майор. - Вы не подойдете на минутку?

Старлей что-то быстро сказал Дяде Тому, тот кивнул в последний раз и исчез в служебном здании - длинном приземистом каменном корпусе, большая часть которого была закрыта для советских десантников.

- Я вас слушаю, товарищ майор.

- Вы не могли бы показать нам свои документы?

- Нет проблем, - старлей вытащил из нагрудного кармана офицерскую книжку и протянул ее майору.

Достаточно потрепанная, с отметкой о повышении в звании, с фотографией не последнего времени - с тех пор старлей немного отощал. И загорел, отметил Глеб. Неужели в Крыму сейчас можно так загореть?

Книжка была настоящей.

- Спасибо, товарищ Верещагин, - майор вернул книжку.

- Может, свяжетесь с моим начальством? - спросил участливо старлей. - майор Варламов, подполковник Стеценко, Симферополь, штаб второго батальона восьмой бригады спецназа ГРУ.

- Да нет, пожалуй.

Старлей слегка задумался.

- Знаете, мне все-таки хотелось бы, чтобы вы связались с моим начальством. Я вижу, возникли какие-то подозрения. Пойдемте в аппаратную. Или вы хотите связаться из вашей машины?

- Нет, нет... - майор сделал отрицательный жест рукой.

- Я могу идти? - спросил старлей.

- Да, пожалста, - ответил майор.

Верещагин ободряюще улыбнулся Глебу, повернулся на каблуках и легко взбежал по железной лестнице на первую секцию телевышки, где сидел один из его наблюдателей - тот самый татарин, который послужил причиной инцидента...

...Ноги у него подкашивались. Шамиль, оторвавшийся от пулемета, вытер лоб.

- Кэп... - тихо сказал он. - Я думал, что все...

- Я тоже, - Артем сел на лестницу. - Еще три часа - и я начну курить...

***

- Ерунда это, Глебка, - голос Лебедя звучал уверенно. - Книжек про шпионов ты обчитался. Совпадение, однофамилец. Не пудри мне мозги.

Глеб смутился.

Его поколению была чужда та атмосфера шпиономании, в которой выросли их отцы. Слишком часто государственные службы кричали "Волки!". Теперь, если даже волки и появятся, никто не почешется. Доводы майора показались убедительными: шпион, прикидывающийся спецназовцем? Под своей настоящей фамилией и именем? Бред. Если бы это был шпион, ни у кого и мысли бы не закралось о его подозрительности.

"И все-таки", - зудел внутренний чертик, - "Это же совсем несложно - скрутить их, десятеро на одного, и посмотреть, что же на самом деле они держат в генераторной. В крайнем случае - можно просто извиниться... Ну, будет скандал. Ну, вломят мне пизды... Отоврусь - лучше перебдеть..."

Одного грана решимости порой бывает достаточно, а порой не хватает...

Глеб отпасовал.

- Так ты за гитарку взялся, чтобы проверку усторить? - майор засмеялся. - Ну, и как, выдержали ребята проверку?

Глеб махнул рукой.

- Ну, ты артист! - Лебедь допил коньяк, сунул Глебу пустой стакан и хлопнул капитана по плечу. - Семь часов вечера, а жарит, как... Я в позапрошлом году в Сочи ездил, вроде там не так жарко было, как здесь... Тут мандарины растут?

- Не знаю, - Глеб достал сигареты, склонился к майорской зажигалке, вытер пот. - Тут, по-моему, все растет.

- Да, богатая земля. Жалко...

- Чего вам жалко, товарищ майор?

Лебедь посмотрел на него как бы оценивая.

- Сам знаешь, чего. Ты в колхозе бывал?

- Как все, в летних лагерях.

- Ну, и как впечатления?

- Богатые. В смысле, впечатления.

- Ну, вот и здесь будут такие же... богатые.

- Почему нас не снимают и не меняют?

- А, пошли они, знаешь куда! Почему так выходит, Глеб: как генерал - так непременно последний дурак и сволочь?

- Принцип Питера.

- Объясни, интеллигент.

- Извините, товарищ майор. Уровни некомпетентности... В общем так: окончил я институт, пошел двухгодичником, лейтенантом. Тут я все понимаю, служу хорошо, остаюсь в армии, дают мне старшего лейтенанта. Я опять служу хорошо, меня повышают в звании, дают капитана. Вот тут я уже ничего не понимаю, потому и остаюсь на этом уровне. Мой уровень некомпетентности.

- Неправильный твой принцип, - майор выпустил тугой клуб дыма. - Я знаю одного мужика, он как в лейтенантах был дурак, так и в полковниках теперь дурак. А в рязанском вместе учились. А я - все еще майор. Потому что главной науки не освоил: жопу начальству лизать. А ты... Тебе, Глеб, и майора не получить.

- Спасибо за деловую характеристику.

- Думаешь потому что слишком много. Думаешь, думаешь... Башку себе продумаешь до лысины, а толку не будет.

- И что я, по-вашему, думаю?

Майор, прищурившись, выпустил через ноздри последнюю струю дыма, раздавил окурок об ограду и бросил под ноги.

- А думаешь ты, капитан, вот что: и на хрена ж мы сюда приперлись, когда и без нас тут хорошо было? Влезли в рай своими сапогами и топчем. Вот ты о чем думаешь. А об этом - нельзя думать солдату. Солдату вообще думать вредно, иначе вот в такой ситуации он может... Неправильно поступить, в общем, может. И если это с тобой случится, Глеб, лично мне будет жаль. Потому что, хотя офицер ты и хреновый, но человек - хороший.

Майор почти незаметно оглянулся.

- А старлей - правильный хлопец, вовремя тебя остановил. Я ведь тоже эту песенку знаю... Ты проверки устраивай, но и свою ж башку не подставляй. И вообще, давай лучше, спой безо всяких проверок, для души, что-нибудь свое...

О, это искушение, наивысшее признание для творческого человека - когда просят спеть "что-нибудь свое". Не из вежливости и не из лести, а потому, что людям действительно приятно слушать твое...

Незаметно все перебрались на улицу, здесь же оказалась гитара, и не только офицеры, но и солдаты обступили Глеба плотным кольцом. Тихо, ребята, капитан будет петь свои песни...

Вот ведь странно, подумал Глеб, подкручивая колки, им это действительно нравится, хотя написано вроде бы для совсем другой аудитории - Глеб не сочинял ни блатных песен, ни солдатских, Глеб ясно понимал, что его песни - это такой Зурбаган, убежище загнанного интеллигента, но вот почему-то ребятам интересно было слушать про горы, про пересекающий пустыню отряд крестоносцев, про скорых на руку ковбоев, про пиратов...

Он проверил балладный лад аккорда, бегло тронул струны...

- Пустые бочки вином наполню, расправлю вширь паруса-холсты...
Прости-прощай, ничего не помню, рассвет настал, небеса чисты.
Начну с рассвета, пойду к закату - там, на закате, уже весна.
*Покуда плыть хорошо фрегату, пирату жить хорошо весьма.**

Зачем-то это было нужно им всем, вырвавшимся из казарменной тупости и притащившим ее с собой сюда, в эту жемчужную страну. Какой-то отклик находила в них тоска баллады, какой-то проблеск мысли и чувства появлялся на лицах, когда они шевелили губами, беззвучно подпевая:

- Восток горячий хрустит поджаристо, где-то слышен металл...
Но ты, Мария, не плачь, пожалуйста. Час еще не настал...
Из бури выйду, из драки вылезу, сколь меня ни трави.
Одно лишь есть, чего я не вынесу - это слезы твои.
Но час еще не настал...

***

Надо отдать сукину сыну должное - песенки сочинять он умел...

Георгий Берлиани, князь, сразу невзлюбил этого тощего офицеришку. А когда оказалось, что из-за него все их дело может полететь к черту, так и вовсе возненавидел. Но не мог не признать, что песня его волнует и тревожит - а как же иначе, подумал он, ведь у каждого мужчины есть женщина, к которой можно обратить эти слова, а если ее нет, то и не мужчина он вовсе, и даже не человек, а так - недоразумение... Зачем этот хрен умеет петь такие прекрасные слова? Чтобы мы поверили, что они тоже люди - не хуже нас? Как можно служить в советском десанте и петь:

- Повис над морем туман безжалостный, белый, как молоко...
Но ты, Мария, не плачь, пожалуйста, - смерть еще далеко.
Ничто не вечно, бояться нечего - сядь, смолчи, пережди.
Не верь прохожему опрометчиво, все еще впереди...
Да, смерть еще далеко...

Кой черт далеко - здесь, в двух шагах, у каждого из них в кармане. Арт слушает, как завороженный. Как кролик перед удавом. Не отлипает от советского капитанишки. Капитанишка наступил на его самую любимую мозоль и артистически на ней танцует, хотя и сам этого не знает.

-...И пусть вовеки не быть возврату, и все кругом застелила тьма -
Покуда плыть хорошо фрегату, пирату жить хорошо весьма.
Никто стихии не одолеет - ни я, ни люди, ни корабли,
Но я не сгину, покуда тлеет во мгле страданья огонь любви.
И я мечтаю, чтоб он пожаром стал и объял бы моря...
Но ты, Мария, не плачь, пожалуйста, - это просьба моя.
Одна, но есть еще и вторая - к концу последнего дня
Скажи священнику, умирая, о том, что помнишь меня...
Да, смерть еще далеко...
Все еще впереди...
Не плачь...

На этой ноте отзвенела гитара, закончилась песня, завершился день. Все было предрешено и необратимо, записано в господень organizer. И необратимость будущего, сама мимолетность последнего мгновения тишины делала его, это мгновение, нестерпимо прекрасным и светлым. И каждый вобрал в себя света сколько смог, предчувствуя наступление ночи, и не ожидая от нее ничего хорошего чисто инстинктивно, хотя и думая, что рационально. И это последнее мгновение они все прочувствовали, попытались слегка затормозить и просмаковать, как бывалый курильщик смакует, растягивая, последнюю сигарету, если знает, что впереди - долгие дни без курева.

Потом Лебедь сказал:

- Ну, спасибо, капитан. Поеду водка пить, земля валяться.

Все начали расходиться. Майор сунул руки в карманы и зашагал вниз по склону, к перекрывшим дорогу БМД. Глеб, сунув гитару Васюку, решил его проводить до машины.

- Не бери дурного в голову, а тяжелого в руки, - сказал ему Лебедь на прощание. - Пока. Завтра я вас сменю.

Его "Уазик" выехал за ворота и покатился по "серпантину" обратно, в Гурзуф.

* Стихи М. Щербакова. Конечно, где-то это свинство, и следовало бы мне самой сочинить стихи для Глеба, но лучше я не умею, а хуже - не хочу. У Стругацких Банев тоже сочинил песню Высоцкого, массаракш.

8. Непонятности

Над всей Испанией безоблачное небо...
Сигнал к началу войны 11936 года в Испании.

29 апреля, Москва,1946

Иконостас был собран в полном составе.

Пренеприятнейший (который, разумеется, себя пренеприятнейшим не считал, а полагал, напротив, милейшим человеком и радетелем о благах державы) слушал Маршала с пристальным вниманием. Остальные, напротив, занимались кто чем - рисовали в блокнотах чертей, что ли? За исключением Молодого, который молодым, конечно, тоже не был. Было ему хорошо за пятьдесят, но, как доказал в своей впоследствии подтвердившейся лжетеории Эйнштейн, все в мире относительно. Относительно самого Пренеприятнейшего и особенно - относительно Генерального, Молодой был еще каким молодым!

- Так тебя понимать надо, что наши войска Крым заняли? - спросил Пренеприятнейший.

- Территория Восточного Средиземноморья контролируется, - подтвердил Маршал.

- Тогда пора, вроде, приступать ко второй части плана, - "Пренеприятнейший" обратился к "Видному липу". - Пора ведь? Это по вашей части, товарищ К?

- Ох, пора, - кряхтануло Видное Лицо. - Сколько там, на Острове, задержано белогвардейцев?

- Тысяч пятьдесят, - сказал Маршал.

- Так, стало быть, потребуется пятьдесят эшелонов, - навскидку сказало Видное лицо. - Так это ж чепуха, капля в море.

- Не следует забывать, что будут новые... поступления, - напомнил "Окающий". Кстати, говорят, что этот... Лучников у тебя на Лубянке?

- А кто говорит? - перехватил вопрос "Замкнутый".

- Да... Слухом земля полнится, - отшутился "Окающий".

-Ай-яй-яй, ... (отчество "Окающего"), да как же вы разным глупостям-то верите? Нет у меня никакого Лучникова. В бегах Лучников...

- Ничего... - отрубил "Пренеприятнейший". - Поймаем! И не таких ловили...

"Видное лицо" ничем себя не выдало. Ловите, братцы, ловите! Может, и впрямь кого поймаете... - он представил себе, какими эти две рожи будут завтра - Маршал и "Пренеприятнейший". И "Окающему" тоже перепадет говна-пирога...

Уже сейчас он наметанным ухом подмечал неуверенные нотки в голосе Маршала. Остальные не подмечали, а если и подмечали, то относили на счет своей значительности. Но мгновениями его охватывал холод: а что, если не рассчитал? Если крымцы и впрямь окажутся сущими бабами и позволят себя отыметь ни за так, за здорово живешь? Ох, и думать об этом не хотелось.

- Все-таки не хотелось бы никакого насилия, - тихо вставил Молодой.- Как-нибудь помягче, что ли. Какой-нибудь консенсус найти...

- Любишь ты... (имя Молодого), всякие мудреные слова, - шутливое неодобрение сквозило в словах "Окающего", но звучало оно где-то на грани, на которой, при желании, могло сойти за настоящее.

На том и строились отношения, пронизанные страхом и ненавистью: на игре оттенков, на тончайших непонятностях и двусмысленностях, где каждый шаг можно было истолковать так - а можно и этак, и все старались употреблять слова, смысл которых был не менее, чем трехзначным - чтобы в случае чего, отпереться: нет, я ЭТОГО не говорил, а если и говорил, то СОВСЕМ ДРУГОЕ имел в виду, а если и ЭТО имел в виду, то хотел уж точно ТРЕТЬЕГО, а ЧЕТВЕРТОЕ сделал, а ПЯТОГО ждал, а ШЕСТОЕ...

- Народной любви хочет... - буркнул "Пренеприятнейший", - Девка красная...

Краем сознания "Видное лицо" отметило эту реплику "Молодому", но ход его размышления не прерывался.

Если верить Востокову, Чуфут-Кале начал сопротивляться еще днем. Да, очень кстати какой-то болван сбил Чернока, очень кстати. Теперь - добиться от Востокова "Красного пароля", наверняка ребята из Чуфут-Кале постараются сами передать "Красный пароль", но - чем черт не шутит, вдруг у них не получится?

Без сомнения, Маршал рассчитывает на то, что Чуфут-Кале будет раздавлен в ближайший час. Спит и видит, как туда подвозят тяжелые тонны взрывчатки и равняют скалы с землей - вместе с вырубленной в них военной базой и ребятами, ее защищающими. Неожиданно Видное Лицо прониклось к этим белогвардейцам теплой симпатией. Держитесь, ребята, держитесь! Вам бы только до утра досидеть, а там уж - поднимется весь Крым... И идиот-Маршал, а вместе с ним и его шеф, Пренеприятнейший, на утреннем заседании полетят из Политбюро вверх тормашками. А на их место сядет он - Миротворец, Воссоединитель, умница, красавец, страж правды и порядка - только бы все получилось как надо! Но вся прелесть ситуации заключается в том, что даже если не все получится как надо, то он, Видное Лицо, ничем не рискует. Востокова и Сергеева - в расход, от мертвых никто ничего не узнает - и голова цела.

Маршал опять что-то трепал: об авианосцах "Минск" и "Киев", взявших под контроль Феодосийскую и Севастопольскую бухты, о двух мотострелковых дивизиях, высаженных в Севастополе, Керчи и Феодосии, о "голубых беретах", контролирующих аэродромы... Честно говоря, Маршала бы уже сейчас здорово тряхнули, если бы о Видное Лицо, оторвал от стула задницу и сказал, все, что ему стало известно по секретным каналам - от полковника Сергеева и других агентов в Крыму. Но ему не нужно было, чтобы Маршала тряхнули, а Пренеприятнейший, в свое время торопивший начать присоединение, и торпедировавший кузенковскую идею мирной, постепенной ассимиляции, остался цел. Ах, Марлуша, знал бы ты, в чью дудочку играешь... Он вспомнил доклад Сергеева: что Марлен нес в свой последний вечер в гостинице Третьего Казенного Участка, какую-то бредятину об Основополагающей... Он потом прослушал записи, а сейчас вдруг неожиданно подумал, что Марлен был, в сущности, прав - наверное, допился до настоящих откровений. Основополагающая крутит нас всех, вопреки разуму и воле - вот ведь, и полтора месяца назад в этом кабинете было принято самое кретиническое из решений, возможных в данной ситуации: оккупировать Крым. Причем вдвойне кретинизмом было маскировать эту оккупацию под военно-спортивную игру. Еще бы бантики десантникам налепили и танцевать приказали! И сам он, "Видное Лицо", голосовал ЗА этот идиотизм - а попробовал он проголосовать против, или еще того хуже: встать и сказать: что за бред вы несете, товарищи?! И сколько еще народу в этом кабинете было ПРОТИВ? Молодой - тот наверняка. Этот всегда в душе против всяких оккупаций. Но голосует исключительно ЗА - консенсус-то ему нужен в первую голову с нами! Окающий - скорее всего тоже против: привык харчиться из крымских супермаркетов, ездить под предлогом переговоров в Ялту. "Замкнутый" - по большому счету, тоже ПРОТИВ - присоединение Крыма играет на руку только Пренеприятнейшему, а зачем Замкнутому такой конкурент, если Замкнутый - без пяти минут Генеральный, и

только дожидается какого-нибудь сердечного приступа. Один Пренеприятнейший - ЗА: еще бы, шило в жопе, не терпится потеснить Замкнутого на его посту. Но ситуация такова, что высказаться ПРОТИВ оккупации Крыма - значит быть ПРОТИВ генеральной линии. И выходит, что Пренеприятнейший один, вооружившись Генеральной - ЗА, а за ним разная мелкая сошка вроде Седого, Тихого, Незаметного, Тугодума... И вот - они уже большинство голосов, а тебе ничего не остается, как и свой голос прибавлять к этому венику, и получается - ЕДИНОГЛАСНО. Все как один - а на самом-то деле, и впрямь ОДИН!

Через полчаса он с величайшим облегчением покинул кабинет и расположился в утробе черного "ЗиЛ"а, известного в народе, как "членовоз".

- На дачу, - коротко приказал он водителю. Тот, небольшим кивком обозначив понимание, тронул "членовоз" с места.

- Из аэропорта не звонили? - спросил он.

- Никак нет.

Значит, позвонят с минуты на минуту.

Они уже выехали из города, когда запищал аппаратец. "Видное лицо" сняло трубку.

- Да... - сказало оно.

- Объект прибыл в Шереметево-2, - сообщила трубка.

- Доставьте в "Матросскую Тишину", - распорядилось "Видное лицо".

- Он... я прошу прощения, только он, похоже, немного "того"...

- Того, сего, - раздраженно бросило "лицо". - В "Тишину", а там посмотрим...

Бросив трубку, "Видное лицо" задумалось. Слишком гладко все выходило. Слишком просто. А опыт учил его в таких случаях начинать сомневаться. Как говорят, идеологические враги и противники, "бесплатный сыр бывает только в мышеловке". Это они, гады, правильно говорят.

И по всему выходило, что Востоков предлагает именно бесплатный сыр. Вот так просто, ни за хрен ни про хрен отдаст "Красный пароль"... Ежели у него душа взболела за родной Крым, что ж он Лучникова-то не пристрелил, как только у того башка начала в сторону "Общей судьбы работать? Нет, дождался оккупации. Чего ему ловить в этой войне?

Так и не ответив на этот, в который раз задаваемый, вопрос, "Видное лицо" откинулось на подушки..

- Слышь, Николай, - окликнул он водителя, - а поставь-ка мне музычку!

- Какую, (отчество-имя "Видного")?

- А вот эту, "мани-мани-мани"...

- "Аббу" - уточнил Николай.

- "Аббу", "Аббу", - согласился властелин.

Шофер ткнул кассетой в магнитолу, и "Видное лицо" отдалось голосам суперзвезд-миллионерш, поющих о тяжелой жизни женщины в мире капитала..

"I work all night, I work all day to pay the bills I have to pay"...

***

Они подъехали к "Даче" - трехэтажному сооружению за забором в славненьком сосновом лесу. Повинуясь кодированному радиосигналу, поднялись ворота, "Членовоз" въехал в гараж. "Видное Лицо" выбралось из машины, с хрустом потянулось и шагнуло в лифт. Облицованная карельской березой лестница Иакова вознесла его на третий этаж, в кожаные покои с рабочим столом времен Елизаветы (только запамятовало, которой).

Оно село за чудище на четырех львиных лапах, пододвинул к себе пепельницу, достал из ящика стола трубку "Данхилл", набил ее табаком и, нажав рычажок на лапе пепельницы-черепахи, прикурил от огонька, вырвавшегося из черепашьей пасти. В

Кремле он трубку не курил: это не одобрялось. Трубка раз и навсегда зафиксировалась в сознании старичков с образом Вождя и Учителя - зачем нервировать старших товарищей?

Насладившись несколькими затяжками (разве курильщикам сигарет понять всю степень этого наслаждения, этого всеобъемлющего наполнения сладкой горечью, этого парения души?), оно нажало на кнопку селектора и выдохнуло с дымом в раструб микрофона:

- Востокова сюда, быстро!

Здесь Видное Лицо было Аладдином, а все прочие - рабами лампы, и стоило ему только щелкнуть пальцами, как все появлялось. Так же и Востоков возник в проеме двери - меньше, чем через минуту. Конвоир скрылся - но Видное Лицо знало, что незримо он здесь, стережет, хранит его драгоценную для государства жизнь и фиксирует, падла, каждое слово. Ежели бы не держало его Видное лицо крепко на крючочке - так, мелочь, в одном крымском притоне нюхнул парнишка кокаину, но рядом, конечно же, оказался кто положено, и аккуратно это заснял на пленку, равно как и последующие развлечения с двумя мулаточками, - то быстро все сведения из этого кабинета просочились бы наверх, к Пренеприятнейшему. Только крючочек держал крепко, и был такой крючочек у каждого кто нес на этой даче свою нелегкую, секретную и архиполезную для страны службу...

Востоков так и не сбрил свою ветхозаветную бороду, как советовало ему Видное Лицо. И вообще, белогвардейская сволочь всем своим видом показывала, что играет не последнюю скрипку в этом политическом оркестре. "Ла-адно", - подумало В. Л. - "Еще побреют тебя, контра. Так побреют, что на всю жизнь запомнишь..."

- На заседании Политбюро сказали, что Крым контролируется, - сообщил он вместо приветствия. - Это значит, что твои егеря еще не почесались. Так что давай, выкладывай свой пароль.

Востоков улыбнулся.

- Бумагу и перо, - попросил он.

- Держи, - Видный пододвинул к нему и то, и другое. Перо дрогнуло на бумаге, полетели размашистые угловатые буквы - кардиограмма грядущей войны.

"Видный" посмотрел на часы. Сорок минут до начала программы "Время", еще тридцать пять - до прогноза погоды. Успеем...

***

Тот же день, Джанкой, 2005

В ночной клуб "Golden Jankoy" майор Грибаков приехал позже всех офицеров и получил, пожалуй, самое большое удовольствие из всех посетителей. Ибо кроме тех номеров, которые откалывали девочки на сцене, он мог полюбоваться на то, что творили в зале "господа советские офицеры", и одно другого стоило.

Подполковник был уже хорош. Он лежал головой на длинном фарфоровом блюде, и на этой голове вместо фуражки красовался чей-то лифчик, а фуражка подполковника была надета на голову несчастного кабанчика, которого по случаю воссоединения с СССР закололи и запекли целиком. Розовый пятачок кабанчика жалобно смотрел из-под козырька на красный нос подполковника. В общем эффект был такой, словно перед подполковником поставили зеркало.

Замполит, подполковник Ирхин, нежно обнимал мэра и пытался петь с ним дуэтом:

- И Родина ще-едро поила м-меня-а березовым со-оком, березовым со-око-ом!

Мэр слов не знал, поэтому замполит пел соло, дирижируя себе рюмкой, в которой березовый сок не был даже проездом.

Рыжая дива в одних сапогах и более ни в чем, демонстрировала джигитовку на начальнике автобронетанковой службы майоре Суткине. Класс джигитовки показать не получалось: руки майора подкашивались, он тыкался лицом в пол и норовисто храпел.

Если бы майор Грибаков видел фильм "Гибель богов", он ощутил бы легкое беспокойство, проведя нехитрые параллели. Но майор не был знаком с шедевром Висконти и не знал, чем иной раз заканчиваются вечеринки с девочками.

Официант быстро очистил для него участок банкетного стола и принес чистый прибор. На столе перед майором оказались холодные закуски, горячие закуски и водка в графине. Грибаков плотно закусил, умеренно выпил, отодвинул прибор, поблагодарил официанта и начал смотреть стриптиз, на который до этого не обращал особого внимания, ибо голой девичьей ляжке не жравший целый день мужик без колебаний предпочтет куриную.

Стриптиз майору Грибакову понравился, но от персонального танца и сидения на коленках он отказался. Предстояло еще дождаться капитана Вакуленко, отправленного днем принимать сдачу 1-го бронетанкового полка, который торчал где-то в районе сосредоточения на плановых маневрах. Вакуленко уехал в четыре, а сейчас было восемь, и вестей от капитана не поступало - наверное, заблудился в этих степях. Майор решил посидеть в кабаке еще немного, а потом выйти с Вакуленко на связь и спросить, какого, собственно, черта...

***

Выйди майор Грибаков на связь с Вакуленко раньше он, возможно, смог бы помочь капитану в том трудном положении, в котором тот оказался.

Ибо в северокрымских степях Вакуленко не заблудился, а аккурат вышел со своей ротой в район сосредоточения, где и обнаружил танкистов. В чистом поле стояли танки и машины обеспечения, строгий порядок которых сразу показывал, что командир свое дело знает туго.

Ничего худого не думая, а думая о том, как бы поскорее принять полк да поехать пожрать чего-нибудь, капитан Вакуленко подкатил на своей командирской БМД к КПП (шлагбаум и три танка) и крикнул дежурившему на нем младшему унтеру:

- Открывай!

- Момент! - крикнул в ответ унтер, но открывать шлагбаум не стал, а снял с пояса какую-то хреновину и сказал в нее:

- Ваше благородие, тут рота советских десантников. Пропустить?

Вакуленко, в принципе, мог бы разозлиться или насторожиться, но мужик он по натуре был не злой и не подозрительный. Докладывают по начальству - все правильно, порядок есть порядок.

Хреновина (эх, нам бы такие!) прогундела в ответ что-то трехсложное и солдатик, нахально улыбнувшись, повернулся к капитану и посмотрел ему прямо в глаза.

- Запрещено пускать, ваше благородие, ТОВАРИЩ капитан, - сказал он. - Wait a bit.

Только тут капитан Вакуленко приметил, что пушки всех трех танков нацелены на машины его роты и почувствовал себя неуютно.

- Позови своего командира, - сказал он сердито - с этим недоумком разобраться можно и потом, а начать лучше сразу с главного.

- Момент, - отозвался унтер, снова включил свою хреновину и сказал:

- Товарищ капитан требует господина подполковника, сэр.

Хреновина опять прогундела что-то, переданное дежурным как

- Обождите, сейчас они придут.

Они действительно пришли - трое коренастых офицеров в серой форме. Один из них, шевелюра которого сверкала на солнце, как моток медной проволоки, вышел вперед и сказал:

- Подполковник русской армии Брайан Огилви. С кем имею честь?

Капитан Вакуленко, уже слегка заведенный, ответил довольно резко:

- Капитан СОВЕТСКОЙ армии Петр Вакуленко. Вы что это себе позволяете?

- Цель вашего прибытия? - спросил наглый нерусский офицер русской армии.

- Что за допрос, ёк-макарёк? - разозлился Вакуленко. - Сдавай быстрее мне свой полк, вот я за чем прибыл.

Двое младших офицеров за спиной подполковника расхохотались, тот укоризненно посмотрел на них через плечо, после чего снова воззрился на Вакуленко. Капитан не выдержал взгляда, едкого и синего, как медный купорос. Он отвел глаза и тут только понял, что влип.

- Вы хотите взять нас в плен? - уточнил рыжий подполковник. - Капитан, вы считать умеете? Пересчитайте мои танки и прикиньте, кто кому тут должен сдаваться в плен.

Танки уже разворачивались в линию за спиной рыжего. Строй БМД стоял перед ними как мишень для новичка-стажера, в первый раз выехавшего на учебные стрельбы.

- Вы что, охренели тут все? - севшим голосом спросил Вакуленко. - Вы драться будете?

- Если вы поведете себя разумно - не будем, - заверил его Огилви. - Сложите оружие и сдайтесь.

Вакуленко прикинул шансы. Если он не подчинится, их раскатают в плоский блин. Белякам даже стрелять не придется: восьмитонную БМД танк сомнет, как козу бык.

- Хер с вами, сдаемся, - сказал он.

***

Тот же день, Москва, 2035

Ниночка собралась замуж. Не ахти, какое событие в масштабах страны: миллионы девушек ежегодно выходят замуж с большим или меньшим успехом. Но Ниночка была потерей не для двух-трех парней, вздыхавших о ней со школьной скамьи, о нет! Ее замужество будут оплакивать толпы мужчин - с южных гор до северных морей. Все те, кто каждый вечер прикипал к экранам телевизоров в ожидании программы "Время", будут вздыхать о ней, безвременно покинувшей голубые экраны. И не потому, что так хочет муж, а потому, что ей, Ниночке, работа на ЦТ осточертела окончательно.

Ниночка правила бал. Уже было заказано свадебное платье, уже заканчивались оговоренные Законом два месяца, которые она обязана была отработать после заявления об уходе, уже сданы были в ЗАГС паспорта.

Сегодняшний день был днем последнего Ниночкиного эфира.

В связи с этим девушка чувствовала себя несколько раскованно.

Была и еще одна причина - ее жених являлся сыном не кого-нибудь, а члена Политбюро, не будем говорить кого.

Вот это и послужило собственно, причиной странного инцидента...

Чтобы взбодриться перед эфиром, Ниночка решила перехватить кофе. Заехала к себе домой, велела таксисту ждать, на скорую руку вскипятила кружку воды, насыпала в чашку бразильского, супердефицитного растворимого кофе, налила воды, как любила - немного. Чтоб крепко было, густо. И присела - дать отдых гудящим ногам.

А любимая кошка Мымра из-под нежных мест: "Вя-а-а-а!" А импортный кофе на кремовую юбку: л-ляп!

Мать-перемать!

А таксист ждет, а счетчик крутится, что надеть, черт его возьми, все или грязное, или мятое, или придется делать новый макияж...

Нет чумки на эту Мымру!

Правда есть новый брючный костюм.

А товарищ Лапин личным распоряжением запретил женщинам появляться на телевидении в брюках!

Правда, брюки-то весьма относительные. Брюки-юбка. То есть, в общем-то юбка, только сшитая между ног. Такой красивый костюм, и брюки-юбка из плиссированного кримплена, по щиколотку. Авось телевизионные менты и не поймут, что это брюки.

Надела. Выскочила на улицу, хлопнулась в такси (Боже, сколько накрутило!): гони!

Погнал, как мог, в московских пробках, подкатил к стеклобетонной Китайской стене Останкинского телекомплекса, содрал, скотина, пятерку, а на вопрос о сдаче так посмотрел, что Ниночка только рот открыла.

Это ее окончательно достало.

Повернулась пятой точкой к большому и равнодушному миру, пошла в двери, предъявила пропуск. А ушлые менты взяли и заметили брюки.

- Нина Сергеевна, в брюках, вы же знаете, нельзя.

Господи, да сколько можно: всю жизнь нельзя да нельзя!

- Значит, в брюках нельзя? А с голой жопой - можно?

Менты разулыбались: шутит известная телеведущая, да по-простому так шутит, по-народному!

- Насчет жопы, Нина Сергеевна, в приказе ничего не сказано!

- Ах, не сказано...

Вдохнула воздуха, как перед нырком в холодную воду, и сняла брюки!

Вестибюль остолбенел. Произошедшее было настолько невероятно, что никто не отреагировал. Даже менты стояли с раскрытыми варежками, пока Ниночка проходила к лифтам.

Хотя к лифту была очередь, в кабине Ниночка ехала одна.

Надела злосчастные брюки, подбодрила себя: а, что в самом деле, мне сделают? Не уволят же, в самом деле - сама ухожу! Единственное, что могут придумать - это оставить еще на две недели. Но это им и в голову не придет. Посадят на 15 суток? Смешно! Что скажет будущий свекр, член Политбюро (про себя Ниночка именовала его просто Член), узнав, что его невестку хотят посадить на 15 суток? Много чего интересного скажет, даже для тренированных ушей служителей закона.

Она вошла в студию, села в кресло гримера, и та профессионально-четкими движениями поправила ей грим.

В студии шушукались - видно, новость уже поднялась из вестибюля.

- Ну, Нинка, ты даешь, - бросил напарник, диктор-мужчина.

- Мне, Игорек, нечего терять, кроме своих цепей, - бравурно ответила Ниночка, хотя было ей, мягко говоря, не по себе.

И точно - в самый разгар эфира в студии появился товарищ Лапин, аж красный от злости. В священный ход эфира он вмешаться не мог, и поэтому все время слонялся за камерами, вне зоны видимости зрителя, но в зоне видимости Ниночки.

Чего добивается, старый дурак? - подумала Ниночка. - Хочет, чтобы я от волнения у китайского коммуниста Хай Жуя буквы перепутала? Наверное, таки хочет...

Когда она закончила чтение своего фрагмента (уже и забыла, о чем, профессиональное заболевание: через глаза к языку, минуя мозги, идут слова, и ты уже не воспринимаешь их смысла, только каким-то седьмым чувством фиксируешь: тут логическая пауза, тут некоторый напор, а тут, наоборот, приглушеннее...), пошла видеовставка, потом читать начал Игорь, и она, пользуясь тем, что глазок на ее камере

погас, послала товарищу Лапину нежную улыбку. Не расслабляться! - по предварительной читке Ниночка помнила, что у ее напарника очень короткий фрагмент...

Она придвинула к себе очередной листок, мгновенно ухватила взглядом первый абзац, подняла глаза на вспыхнувшую красным камеру и, словно по памяти, начала:

- В зоне Восточного Средиземноморья продолжается военно-спортивный праздник "Весна"...

***

"В зоне Восточного Средиземноморья продолжается военно-спортивный праздник "Весна"..., - бодрым голосом сказала телекурва. Ее изображение погасло, но голос остался витать над ландшафтами Крыма, заключенными в мерцающий аквариум дряхлого "Электрона".

- Хана Крыму, - мрачно сказал Дим Шебеко, запив свои слова горьким зеленым чаем.

Группа C_2H_5OH поднесла к губам свои пиалы, словно повторяя жест гуру и тем самым подтверждая молчаливое с ним согласие: хана Крыму.

Экран демонстрировал восторженных крымцев, забрасывающих цветами советские танковые колонны.

- Вот пиздеж! - возмутился гитарист Гарик.

- Нет, Гарик, - покачал головой Дим Шебеко, - это не пиздеж. Это они там, в Крыму, все с ума посходили.

- Бен-то наш там! - напомнила Галка.

- Бену точно хана, - сказал в углу мрачный кто-то.

"Комубежаловка", столпившаяся на телевизионной кухне, единодушно возмутилась: Бену хана? Ну, нет! Если кому и хана, так точно не Бену! Не такой наш Бен, чтоб ему так просто была хана!

- А вот Лучу хана, - тихо сказала Галка. И, несмотря на тихость, эту фразу услышали все, и умолкли: да, о Луче-то мы и забыли! Как же так? Ему - хана? Он же был первый застрельщик соединения, какая же ему может быть хана?

Но Дим Шебеко со своей мудростью, присущей ему как гуру, видимо понимал больше, чем все остальные, и поэтому печально кивнул одними ресницами.

- Лучу хана, - согласился он, и запил эти слова зеленым, как вселенская тоска, и крепким, как водка, чаем...

***

Лучников вынырнул из ступора в самолете где-то над Украиной. До этого ему было как-то все равно: вот Сергеев сажает его в черный "пикап" с затемненными стеклами, вот они несутся обратно в Симферополь тем же путем, каким он ехал к собору - зачем он ехал туда? Чтобы похоронить Кристину? Но когда они выезжали, Кристи была еще жива... Так зачем же он ехал? - вот они погружаются в самолет, явно правительственный и явно советский - а какая разница? - вот, на диване по правую руку от него полковник Сергеев, а по левую - Петр Сабашников... А он здесь зачем? Вот экран, программа "Время", ежевечерняя советская брехня, промывка мозгов - но неожиданно для себя он обнаружил, что ему как бы приятно промыть мозги, что ему ХОЧЕТСЯ забыть сегодняшний день и увидеть его заново - буркалами советских телекамер. Зачем же здесь Петр? Он тоже арестован? А почему, собственно, "тоже" - разве арестован, например, Лучников? Он вообразил, как пристает к Сергееву с вопросами: я арестован? А по какому праву? На каких основаниях? - и показался в этой ситуации сам себе невообразимо смешным: этакий кролик, качающий права перед удавом. Впрочем, на удава полковник Сергеев походил мало. Совсем не походил он на удава. А походил он на уставшего до

предела мужика, самому себе надоевшего и самому себе противного. Чем вы занимались целый день, мон колонель, что так противны самому себе? Неужели возили нас, одноклассников, чартерными рейсами в Москву?

"В зоне Восточного Средиземноморья продолжается военно-спортивный праздник "Весна", - сказала Татьяна Лунина. Танька, а ты что там делаешь, в этом ящике? А чей же я крест видел на мысе Херсонес - это была одна из твоих очаровательных шуточек? Поверь, Танька, я безумно рад, что ты жива - такая, понимаешь, оказия: оказался вообще без бабы! Некого трахнуть в трудную минуту, кроме самого себя - давай договоримся, когда меня отпустят, я приду к тебе на пистон!

Лучников расхохотался от своих мыслей, и сквозь слезы смеха увидел, что девка на телеэкране, только что сменившая собой крымские - виноват, господа! - уже советские пейзажи, ничуть не похожа на Лунину. Только рыжеватый цвет волос и модная в этом сезоне прическа "каре". Облажался значит. Но это ничего. Мадмуазель "Время", а как вы насчет пистона?

По экрану поплыли титры прогноза погоды. Мадмуазель "Время", невидимая и бестелесная, вещала дождь, снег и град, циклон и антициклон, переменную облачность, солнце, воздух, воду и прочие чудесные вещи.

- Успокойся, Андрей, - сказал Сабашников. Голос вернул Лучникова в реальность, как бы припечатал к сиденью тяжелой, но мягкой и теплой Петькиной ладонью. Хотя Петр его и пальцем не коснулся.

Лучников успокоился и совершенно спокойно отметил, что в "Прогнозе Погоды" упомянули и Крым. Конечно, под советским кодовым названием, но упомянули.

- В районе Бахчисарая ожидается внезапный шквальный ветер с дождем и градом. Серьезной опасности подвергаются виноградники. На Северном Кавказе...

Полковник Сергеев как-то встрепенулся, словно у него внутри развернулся давно проглоченный и забытый аршин. Надо же, как беспокоит полковника судьба бахчисарайских виноградников...

***

То же время, хребет Бабуган-Яйла, гора Роман-Кош.

- Сделай погромче, - сказал старший лейтенант спецназа капитану десанта.

Глеб сделал погромче.

В комнате отдыха матово серебрился экран. Из динамика доносилось монотонное журчание московской речи - кажется, эту респектабельную даму зовут Ангелина Вовк? Ла-ла-ла...надои...лал-лал-ла...центнеров с гектара...тонн угля...металлопроката и стали...

Женское бубнение сменилось мужским. Новости культуры... Премьера оперы "Чио-Чио-Сан" в Большом... Новый фильм Станислава Говорухина - "Место встречи изменить нельзя"...

Время - враг решимости... Так, кажется, говорили арабы. Дикторы программы "Время" сейчас были личными врагами Верещагина.

На экране появилась женщина... Нет, это не Ангелина Вовк. Совсем молодая, даже ужасный советский стиль официального костюма не мог добавить к этим двадцати пяти годам хотя бы три...

- Продолжается военно-спортивный праздник "Весна" в зоне Восточного Средиземноморья...

- Интересно, что врать будут, - Стумбиньш включил погромче звук.

На экране несколько смущенный командир десантников принимал букет от девушки в мини-платьице. Симфи, отметил Верещагин. Ландшафт изменился: Бахчисарай.

- Радостной новостью приход советских войск стал для тех узников режима, кто томился в застенках за свои политические убеждения. Сегодня утром в числе других был освобожден товарищ Игнатьев, генеральный секретарь коммунистической партии Восточного Средиземноморья...

Во весь экран крупным планом - мурло Игнатьева-Игнатьева, выходящего из самолета "Як-40" (где кожанка? Где черные джинсы? На экс-волчесотенце был советский серый пиджак, серая рубашка и галстук). Увидев репортеров, Игнатьев устремился к ним, споткнулся и распростерся на земле. После секундной заминки он встал на четвереньки и взвыл:

- Целую тебя, благословенная русская земля!

- Цезарь, твою мать... Маймуна веришвили, - пробормотал князь.

- Новости спорта, - сообщила красавица.

- Что там про "Спартак", товарищ капитан?

- Тихо!

И наконец прозвучало долгожданное:

- О погоде. По сведениям Гидрометцентра...

Полился "Ливерпуль". Верещагин внезапно вскочил, чуть ли не по ногам кинулся к выходу, выбросился на улицу.

- Поплохело товарищу старшему лейтенанту, - успел он услышать за спиной.

Ни черта ему не поплохело. Во всяком случае, не от водки...

Он был... в ужасе?

Нет, в панике.

От того, как просто это будет сделано... И от того, как легко это предотвратить...

Зайти в аппаратную, выстрелить Кашуку в затылок и повернуть рубильник , все тут на хрен обесточивая. И нет никакой войны. Есть девять миллионов человек, которых постепенно превратят в рабов - но зато все они останутся живы.

Какое право ты имеешь за них решать? Кто тебе его дал?

А у кого я должен спрашивать? Покажите мне уполномоченного по правам решать за людей!

Ход истории сопротивлялся вмешательству. Под ботинками Артема скрипел гравий. Ограда на краю площадки над обрывом схватила пальцы холодом.

Он стоял там, закрыв глаза, шепча наизусть первое, что пришло на ум - "Генрих Пятый", сцену за сценой, и не слышал, как в связный и ладный рассказ о взаимоотношениях России и небесной канцелярии вклинилась совершенно несуразная фраза:

- В районе Бахчисарая ожидается внезапный шквальный ветер с дождем и градом. Серьезной опасности подвергаются виноградники...

***

- Я про-шу тебя про-стить, как буд-то псису в небо от-пус-тить! - пропел на мотив "Ливерпуля" Васюк.

Глеб чувствовал, что уже пьян. Пили весь вечер по уезде майора, пили и пели.

Он уже пьян, а еще не ответил на один важный для себя вопрос: что же ему не нравится в сложившейся ситуации?

Ему не нравится старлей, это понятно. Хотя и не совсем правильно. Ему не нравится, что старлей ему нравится. И ему не нравится, что ему не нравится, что старлей ему нравится... Тьфу, пропасть!

Не так он себя ведет. Он ходит, улыбается, разговаривает НЕ ТАК. Давай присмотримся, сказал себе Глеб. Вот он стоит в дверях комнаты отдыха, опираясь одной рукой о косяк, небрежно и расслабленно. Хотя и не совсем расслабленно: пальцы барабанят по кобуре. На другом боку, кстати, тоже кобура, но это как раз не удивительно: Глеб, к примеру, сегодня тоже о двух шпалерах. Не в этом суть. Суть в том, КАК он стоит. КАК он улыбается и говорит. КАК смотрит. Харизма харизмой, но, встретив его на улице в штатском, Глеб поклялся бы, что он - иностранец. Не спрашивайте, почему. Наши люди в булочную на такси не ездиют.

Глеб вспомнил, как сдержанно старлей пил. Ладно, он на посту, не заливать же до полной неподвижности. А что он сказал, когда Глеб спросил его, прослушивают ли они эфир? "Орел наш, благородный дон Рэба озабочен знать, о чем думают его новые подданные" - сказал Верещагин. Ему и в голову не пришло, что я могу быть стукачом. Или он настолько блатной, что может не бояться стукачей? Старший лейтенант спецназа... да нет, не может он быть таким блатным. Такие блатные так себя не ведут. Такой блатной человек не может не показать, как он велик, и какое все вокруг быдло. Старлей же был подчеркнуто корректен. Правильно сказал зампотех - английский лорд, а не старлей спецназа ГРУ.

- Добрый вечер, дорогие товарищи... Предлагаем вашему вниманию вторую серию телевизионного художественного фильма "Рожденная революцией"...

***

Кашук поднес к губам "уоки-токи":

- Эм-Си.

- Понял, - коротко отозвался Верещагин. Повернулся к вышке - знал, что сейчас Дядя Том смотрит на него - и поднял руку, показав пальцами "Викторию".

- Yeah! - выдохнул Шамиль.

- Полчаса - и где-то здорово запахнет нафталином, - с удовольствием заключил Томилин.

***

Тот же день, Евпатория, 2140

- Очень мне непонятно, ваше благородие, товарищ комбат, как это вы не признаете очевидных вещей. Разве можно говорить, что все крымские девушки красивей всех советских? Посмотрите, какой пэрсик - Жорж кивнул на экран, где шла программа "Время".

- Они там все такие, - промычал майор Гречкосий. - Это в телевизоре! А ты бы в село поехал!

Последующие пять минут прошли в ожесточенных спорах о женской красоте. Хозяин кабачка поднял бокал за прекрасных дам. Все временно замолчали, пия вино. На полбокала Жорж Александриди, хозяин и бармен питейного заведения "Приют alkoholikoff", а также подпоручик резерва Вооруженных Сил Юга России, поперхнулся.

- Я что-то не понял, - сказал он, повернувшись к своему вышибале. - Это оно, сори мач?

- По-моему, оно, чиф, - ответил ему Нурмухтаров Мустафа Ахмед-Оглы, вышибала и официант, параллельно - ефрейтор резерва тех же Вооруженных Сил того же Юга России.

***

Тот же день, Москва, 2140 - 0550

Ниночка мимоходом удивилась: какие, к чертям, виноградники? Сроду в программе "Время" не упоминались ни виноградники, ни бахчи, ни сараи. Но удивиться сильнее не было времени: в бумажке сказано "виноградники", значит, виноградники. На Кавказе - солнечно, в горных районах неожиданные снегопады, в Узбекистане...

Совершенно автоматически она дочитала текст, звукач подержал музыку несколько минут и показал рукой: все, отключаю студию. Все облегченно вздохнули.

- Нинка, что это за бред про виноградники? - возмутилась старшая звукорежиссерша Лариса.

- Тут написано! - Нина подняла бумажку.

- Раньше не было, - Лариса вгляделась в распечатку. Впрочем, ничего удивительного: прогноз погоды менялся иногда в самый последний момент, его просто приносили и клали на стол.

- При чем тут виноградники! - заорал Лапин. - При чем тут виноградники, когда она голая ходит по телецентру!

- Не голая, а в трусах и в блузе! - поправила Ниночка.

- Молчать мне тут! - рявкнул Лапин. - Пр-роститутка!

- Сам молчи, старый козел, - с удовольствием сказала Ниночка. - А насчет "проститутки" я скажу товарищу А. Ему вряд ли понравится.

- Да кто ты такая! - взвился Лапин. - Кто ты такая товарищу А?

- Я его будущая невестка! - отчеканила Ниночка. - И попрошу вас мне не тыкать. Тем более, что сегодня я увольняюсь.

Лапин остался стоять соляным столбом, а Ниночка вышла из студии, гордая своей победой, спустилась на лифте, прошагала, не спеша и с удовольствием, два километра до метро, спустилась на станцию подземки и поехала домой.

Возле ее подъезда стоял синий жигуль, "шестерка". К соседям в гости кто-то приехал, решила она, не узнав машину. Но оказалось, не к соседям.

- Нина Сергеевна? - раздалось из открытого окна машины.

Из ведомства жениха, ясно. Только зачем приехали? Передать, что сегодня любимого не будет? Мог бы и сам позвонить...

- Да? - откликнулась она.

Открылась задняя дверь.

- Не согласитесь ли вы сесть на минуточку в машину? - спросили интеллигентным голосом.

- Пожалуйста... - она подошла к жигуленку и, не скрывая своего раздражения, опустилась на кожаном сидении рядом с мужчиной, одетым в плащ цвета капустного листа. На передних сиденьях размещались еще двое - один в пижонском замшевом пиджаке, другой - в легкой куртке, худые колени оформлены в джинсы.

"Капустная" рука протянулась перед Ниночкой и хлопнула дверями.

Джинсовые ноги давнули на педали, повернулся ключ зажигания.

- В чем дело? - взвизгнула Ниночка, порываясь открыть дверь, но запястья ее тут же оказались в крабьем захвате "плаща".

- Спокойно! - сказал он. - Мы ненадолго, это здесь недалеко. Скоро вернемся... да не дергайся ты, дура!

Имя товарища А, всесильного члена Политбюро, известного нам как Пренеприятнейший, не произвело на похитителей никакого впечатления. За неприметным синим "жигуленком" сомкнулись бесшумные ворота одного из "КБ" на окраине Москвы. А в Ниночкиной квартире всю ночь бесплодно звонил, доводя до исступления кошку Мымру, телефон.

Ближе к утру жалкую и измученную Ниночку вытряхнули из того же синего "жигуленка" где-то в Мытищах. Полночи ее допрашивали под яркой и жаркой лампой, до которой телевизионным софитам было ох, как далеко, кололи в вену что-то, от чего путались мысли и добивались одного: кто велел передать в эфир про чертовы бахчисарайские виноградники? Муж? В смысле - будущий муж? При чем тут муж, стонала Ниночка, при чем тут муж, когда бумажка просто лежала на столе, в папке "к эфиру", понимаете? А почему вы нас пугали товарищем А? А кем мне еще вас пугать, когда вы ведете себя как бандиты? Кто вы вообще? Не ваше дело. Ваше дело - отвечать на вопросы, пока мы задаем их по-хорошему. Значит можно и по-плохому? О, боже, но я же не сама придумала эти виноградники! Не вы сами - а кто? Да не знаю я! Понимаете, не

знаю! Уберите иглу! Уберите иг... иг... ик! Не-е я-а готовлю эти сведения в эфир! Спросите у выпускающего реда-актора-а-! Уже спрашивали, он не знает. А если он не знает, от-ик!-ккхуда мне знать?

Вторую половину ночи ей просто не давали спать. Она не знала, что двое высоких чинов обсуждают сейчас видеозапись допроса.

- Да ни хрена она не знает, - вынес свой вердикт Первый Майор (поверьте мне, этот Майор был куда более высоким чином, чем простой армейский майор!).

- Может, просто ловкая, курва,- возразил второй. Он, кстати, тоже был майор, но во всем подчинялся первому. - Подготовленная.

- Да ну! - отмахнулся Первый Майор. - Сам посуди: кто же подставит хорошего агента вот таким дуриком. Да ее и проверяли сто раз: сначала перед тем, как на телевидение взять, потом - перед свадьбой. Обычная мышка, давай отпустим.

- Может, лучше того... - Засомневался Второй Майор. - Для верности. Сверхдоза алкоголя.

- Не-ет, это лишнее. Подписку о неразглашении возьмем - и все. Зачем портить коллеге из КГБ свадьбу?

Видимо, был в этих словах какой-то чрезвычайный смысл, если оба майора искренне, красиво и по-мужски расхохотались.

Утром Ниночке под локти подсунули бумажку. Слезящимися глазами она разобрала только крупный заголовок: ПОДПИСКА О НЕРАЗГЛАШЕНИИ. И, нащупав пальцами перо, которое пододвинули к ней по столу, накарябала подпись.

Ее сунули в машину и позволили задремать. Сквозь закрытые веки она различила свечение близкого рассвета. Значит - уже утро... - и тут ее поглотил темный полиэтиленовый мешок. Со страшной отчетливостью она представила себе: сейчас этим мешком ее задушат и бросят в воду. В Москву-реку. Или в Яузу...

Ее выпихнули из машины, она завопила из последнего воздуха, услышала сквозь вопли удаляющийся мотор, ощутила, что руки свободны и сорвала мешок с головы.

Она не понимала, где находится... Шагнула два раза, подломились колени, и она рухнула на асфальт, ободрав ладони. Полежала несколько секунд, тупо оглядывая сереющие на фоне тусклого неба силуэты крупноблочных панельных чудищ. Что это за район?

Она поднялась, как во сне пошла вперед. Когда совсем рассвело, приблизилась к автобусной остановке. Вывеска была изуродована, на ближайших домах отсутствовали указатели. Под стеной дома дворничиха с метлой загоняла непокорную лужу в люк.

- Что это за район? - квелым голосом спросила Ниночка.

- Мытищи! - искоса глянув, процедила дворничиха. И с невыразимым презрением, которое редко в России распространяется на пьяных мужчин, но почти всегда касается пьяных женщин, бросила: - Закусывать надо было!

Ниночка, сраженная этим унижением, снова опустилась на колени и зарыдала в голос, обхватив руками телеграфный столб.

9. "Красный Пароль"

Було то військо волонтири -
То всяких юрбиця людей,
Мов запорожці-чуприндири,
Що Їх не втне і Асмодей.
Воно-то, начебто, негарне,
Як кажуть то - "нерегулярне",
Та до війни самий злий гад...

І. Котляревський, "Енеїда"

29 апреля, Крым, 2140 - 0005

"Добрым словом и револьвером", - говаривал неглупый мужчина Эл Капоне, - "Можно добиться значительно большего, чем просто добрым словом".

Но бывают, бывают такие слова, которые приводят в действие не только револьверы, но и значительно более тяжелое оружие.

И люди живут себе, не зная, что детонатор подсоединен к заряду, таймер включен и время пошло.

Время, вперед! "Та-ам, там-там-там-там-тара-а-ам!"

В 21-40, 29 апреля 1980 года Крым и Союз продолжали жить своей обычной жизнью, не зная, что жребий уже брошен. Так семеро жителей Хиросимы ранним утром спешили на работу по мосту...

***

Прапорщик Андрощук проснулся в подсобном помещении бара STOPKA со страшной головной болью и ощутимыми позывами на рвоту. Сортир... Где-то тут, подумал он, должен быть сортир. Проклятый керченский прапор напоил вусмерть, белогвардейская морда... Который час? Сколько времени он тут провалялся? Вставит ему комбат, ох, вставит, засадит аж по рукоятку...

Прапорщик, пошатываясь, выбрался в длинный коридор, в конце которого слышались голоса. В баре, насмотря на комендантский час, было полно народу.

Чтобы попасть в сортир, помнил Андрощук, нужно пересечь зал...

Он вышел в зал и забыл, что его тошнит. Ему резко захотелось в туалет совершенно по другому поводу.

Зал был битком набит белогвардейцами. Самыми что ни на есть белогвардейскими мордами, вооруженными до зубов - у каждого автомат, на поясе - по пять обойм и пять гранат. Некоторые белогвардейские морды были прехорошенькими. Этакие, прямо скажем, белогвардейские мордашки.

Одна из белогвардейских мордашек сделала большие глаза и толкнула в плечо стоящего рядом офицера, который что-то толковал собравшимся. Офицер обернулся и прапорщик узнал в нем утреннего еврея Фельдмана.

Рука прапорщика, повинуясь военному рефлексу на офицерский просвет, дернулась вверх - отдать честь. Потом рука вспомнила, что а) на голове нет фуражки; б) в данной ситуации более уместен другой жест. Она поднялась выше, к ней присоединилась вторая.

- Разумно, - кивнул еврей Фельдман. - Гавриков, обыщите его...

- Мне... - Андрощук почувствовал, что если раскроет рот, то все, что он донес до зала, здесь же и выплеснется. На его счастье, Фельдман прочел все это у него на лице.

- Гавриков, отведите его в сортир и обыщите!

После того, как Андрощук был обыскан, помочился, проблевался и умылся, его ввели обратно в зал.

Фельдман в общих чертах знал историю появления здесь советского прапорщика, так что перешел прямо к делу: куда и с какой целью следовал батальон?

Ответы выскакивали из Андрощука со скоростью шрапнели. Большинство из них были однообразны: не знаю. Он действительно много не знал: был нелюбознателен от природы, да и не отличался большим умом. Но одно-то он помнил точно: часть должна была взять под контроль всех белогвардейцев в городе! То есть, все военные объекты и персонал на них. Откуда, едрена мать, эти-то взялись?

***

У каждой маленькой страны, окруженной недружелюбными соседями, есть проблема: необходимо держать большую армию. В соотношении с населением Крыма Вооруженные Силы Юга России составляют довольно весомую часть: на девять миллионов жителей приходится пятьдесят тысяч с хвостиком кадровых военнослужащих.

Но есть еще и те части, которые в докладе одного высокого чина ОСВАГ, последний год работавшего на КГБ, именовались "территориальными формированиями"...

...Пройдитесь по улицам Симфи, Джанкоя или Керчи в час пик. Отыщите в толпе взглядом мужчину от 20 до 40 лет, хорошо одетого, коротко подстриженного, с прямой спиной, упругой походкой и жесткой складкой у рта. В девяти случаях из десяти это - офицер запаса. Загляните в кафе студенческого кампуса или бар, где проводят время рабочие. Выберите парня с мускулистыми предплечьями, уверенной осанкой и такой же короткой стрижкой. С той же вероятностью вы наткнулись на солдата или унтер-офицера-резервиста.

В большинстве стран мира, где армия формируется из наемных служащих, существует одна проблема: это - очень дорогая армия. Страны же, которые исповедуют принцип всеобщей воинской повинности, вынуждены иметь дело с большим количеством отребья, которое попадает в доблестные ряды защитников Родины. Крымская армия на сорок процентов состояла из резервистов. И если вы думаете, что в резерве служили всякие вахлаки, которые просто не смогли отвертеться от призыва, вы глубоко заблуждаетесь.

Дело в том, господа, что крымское налоговое законодательство, будучи до анархии либеральным в сфере бизнеса, становилось прямо-таки драконовским, когда дело шло о движимом и недвижимом имуществе. Но в стальных клещах закона была слабина для тех, кто готов отдать жизнь за свою страну. Служащие резерва Вооруженных Сил Юга России имели налоговую скидку в 50%. Поэтому любой крымский домо-, земле, и судовладелец имел две заветные мечты:

а) пройти по конкурсу в резерв ВСЮР;

б) родить и вырастить сына, способного пройти по конкурсу в резерв ВСЮР, ибо в резерве можно служить только до 45 лет.

Свое личное оружие и форму резервисты хранят дома, доставая ее каждую пятницу. Раз в год - трехнедельные сборы. По уставу ВСЮР оружие должно храниться в сейфе, каковой житель Крыма покупает за свой счет. Впрочем, это не так уж накладно - чаще всего сейф покупается у другого резервиста, вышедшего в отставку.

Неудивительно, что имущественный и образовательный ценз у рядового состава крымского резерва был достаточно высок. Старые врэвакуанты находили в этом еще одну славную традицию Добровольческой Армии, напрочь отметая тот факт, что под конец Гражданской эта армия давно перестала быть добровольческой, и всех там стригли под одну гребенку - и рабочих, и крестьян. Сам же Барон, подписывая Указ о создании Резерва Вооруженных Сил Юга России, заметил, что резервистам есть, что терять, и это ему нравится.

Что же касается кадровых военных, то они относились к резервистам с той долей легкого презрения, с которой кадровики всего мира смотрят на резерв. Крымцы именовали своих резервистов "нафталинщиками" - мол, все время между сборами их форма хранится в нафталине, хотя это чушь - кто же станет класть в нафталин форму, которую достает раз в неделю?

Борис Фельдман, владелец швейной мастерской, субподрядчик известного продавца готового платья - сети магазинов "Panкратов", был офицером резерва Вооруженных Сил Юга России. Из чего можно ясно заключить, что он был плохим евреем

- какой же хороший еврей регулярно нарушает Шабат на протяжении вот уже двадцати лет?

Борис Фельдман служил в регулярных частях и к тридцати годам понял, что выше капитана ему не подняться. Антисемитизма в Крымской Армии нет, что вы! Просто еврей получает продвижение медленней русских, татар и англичан. Хочешь стать в тридцать лет подполковником - мотай в Израиль.

Фельдман не хотел в Израиль. Он там был, когда ездил в отпуск и ему там совсем не понравилось. Его родным языком был русский, у него была жена-татарка, и главное - здесь, в Крыму, никто не взрывал автобусов с детьми и не устраивал Йом-Киппур. Фельдман вышел в отставку, получил своего капитана, записался в резерв и купил мастерскую.

Но год назад мысли об Израиле начали посещать Фельдмана с назойливостью торговых агентов. Крым заговорил об Идее Общей Судьбы. Сначала Идея маячила неверным призраком, соблазняя умы горстки интеллектуалов. Потом о ней заговорили везде и Фельдман забеспокоился. Потом Идея приобрела характер навязчивой, а потом Лучников выиграл Антика-ралли. Фельдман, слушая разговоры работниц мастерской, менеджеров "Панкратова" и знакомых в STOPKE понял, что настало время собирать чемоданы. Когда СОС с триумфом выиграл выборы, Фельдман во второй и в последний раз в жизни напился до бессознательного состояния. Наутро, выпив содовой и приняв холодный душ, Борис занялся оформлением визы для Фариды и двух малолетних бандитов, которых Фарида ему родила. Он отвез их в Израиль и поселил, а сам вернулся в Крым - продавать мастерскую. Мастерская не продавалась. Дураки проголосовать за СОС нашлись, а дураков инвестировать в советскую экономику четыреста миллионов рублей не было. Фельдман сатанел день ото дня, поверяя свои печали хозяину STOPKи прапорщику Дементьеву. Дементьев сочувственно качал головой, подливал водки и вызывал такси.

Фельдман сам не понимал, чего он ждет. После того как Дума подала заявление о присоединении к СССР, нужно было сваливать сразу же, немедленно. Но вот эта вечная еврейская привычка чего-то дожидаться, это вечное колебание заставляло его сидеть на месте. Да и израильская виза немного успокаивала (Фельдман родился не в Союзе и питал на этот счет какие-то иллюзии).

Вот таким образом капитан Фельдман, командир добовольческого батальона Дроздовской дивизии ВСЮР, дождался сначала интервенции, а потом - "Красного пароля".

***

Мыс Фонарь, тот же день, 2240 - 0035

А теперь пойдет речь о подвиге лейтенанта Агеева, который с одним взводом мотострелков всю ночь удерживал батарею против превосходящих сил крымцев, за что и был по возвращении на Родину награжден медалью "За отвагу".

Спекулянты от истории и дешевые беллетристы, паразитирующие на мумиях великих, на полном серьезе доказывают, что Наполеон-де проиграл сражение под Ватерлоо по причине разыгравшегося насморка.

Был у Наполеона насморк в те дни, не было его - всяко Бонапарт прогадил Ватерлоо не поэтому. Зато доподлинно известно, что лейтенант Агеев не лег этой ночью спать и не пропустил атаку керченских резервистов именно по причине только что залеченного триппера. Вернее, по причине тяжелой рефлексии, вызванной последствиями этой неопасной, но очень вредной болезни...

Агеева и его взвод начальство отправило на мыс Фонарь, охранять батарею береговой артиллерии, прикрывающую Таманский пролив. Другой офицер был бы сильно

расстроен таким назначением, не дающим возможности прошвырнуться по здешним магазинам, но не Агеев. Расстроить Агеева сильней, чем он уже был расстроен, никто не сумел бы. Лейтенант пребывал просто в депрессии...

А в чем, собственно, дело? А дело в том, что всего лишь два месяца назад молодой лейтенант женился. Молодая всем была хороша и крепко любила своего избранника, да вот незадача - в полку, где Агеев оказался по распределению, не было свободной квартиры. Поэтому молодые решили так: юная жена поживет со своей матерью, а лейтенант с первой же зарплаты снимет в городе N какую-никакую комнату.

И тут лейтенанту повезло несказанно. В городе N отыскалась дама, которая из года в год сдавала комнаты молодым офицерам. Цена была вполне сносной, а главное - главное! - в комнате была огромная и на удивление прочная двуспальная кровать.

Это обстоятельство, равно как и приход в полк свежих кадров в лице Дмитрия Агеева, следовало отметить. И Агеев, всячески стремясь наладить контакт с будущими сослуживцами, устроил вечеринку...

Набрался Дима неимоверно быстро, поскольку выпить с ним хотел каждый, а приглашено было двадцать два человека, умножить на пятьдесят грамм - вот уже и литр десять. Тут полковник свалится, не то что лейтенант... Дима уже и блевал, и терял сознание, и наконец наступил длительный период забытья, по истечении которого Агеев обнаружил себя на собственной двуспальной кровати рядом с голой девицей поведения, что называется, в весе пера.

Лейтенант быстро вытолкал девицу, на которую в трезвом виде и смотреть-то не хотелось, прилег обратно, и слегка задумался - было у него с ней что-то ночью или не было?

Через два дня характерные симптомы подтвердили: было.

Лейтенант ударился в панику, и сдуру рассказал все коллеге-взводному.

- Вот, понимаешь, болит...

- Иди к врачу, дурилка, - посоветовал коллега, а сам пошел по гарнизону - разносить сплетню.

В результате молодая жена, прибыв на место дислокации мужа, почти сразу же узнала о его грехопадении, закатила скандал и уехала к родителям. Агеев лечился от триппера, слал милой жалобные письма и коротал одинокие ночи на несуразно большой проклятой двуспальной кровати...

Примирения с супругой он не достиг, хотя от триппера излечился. А тем временем неумолимо приближался день Д, приближался, и, наконец, настал, и Агеев, напоследок послав жене душераздирающее письмо, отправился со своим взводом по маршруту Новороссийск-десантный корабль-Керчь-мыс Фонарь.

И на марше, и на корабле, и на белогвардейской батарее тяжкие думы продолжали терзать Дмитрия. Уснуть он не смог. Мысль о том, как он сам, своими руками по-дурному загробил возможное семейное счастье, продолжала терзать его даже месяц спустя. Агеев не спал, бродил вдоль ограждения и услышал в каких-то двадцати метрах возню... Характерный щелчки подсказали: режут колючую проволоку.

- Тревога! - заорал Агеев во весь голос. - Все по местам! Тревога!

Он расстегнул кобуру, выхватил пистолет и выстрелил вверх. Враждебная темнота за проволокой ответила троеточием автоматной очереди. Пули разорвали воздух над головой Агеева. Пригибаясь, лейтенант помчался к БТР.

Из караульного помещения высыпали солдаты.

- По машинам! - кричал лейтенант. - По машинам, огонь!

Убедившись, что его поняли, Агеев забрался в БТР, слегка рассадил бок о край слишком узкого люка, матюкнул конструкторов, врубил "массу", затем включил свет, пролез на место стрелка и вторично матюкнул конструкторов, попытавшись зарядить крупнокалиберный пулемет КПВ. Пулемет не заряжался, тугая пружина не поддавалась,

как Агеев ни налегал. Снаружи началась перестрелка. Агеев сплюнул на пол и зарядил спаренный с крупнокалиберным ПКТ.

Длинная очередь, выпущенная по нападавшим, поразила нескольких и заставила отступить остальных. Агеев слышал пронзительный крик с той стороны - значит, самое малое один ранен. По броне БТР застучали пули и Агеев выпустил еще одну очередь - но на этот раз, кажется, взял слишком высокий прицел.

Новый град пуль, ударивший в БТР, показал, что в дело вступил вражеский пулемет. Агеев, закусив от напряжения губу, начал поворачивать башню, пытаясь отыскать пулеметчика.

***

- Оттуда молотит, сучий потрох, - рядовой Щербачев ткнул пальцем в силуэт БТР. - Двенадцать человек завалил, пятерых - насмерть...

- Сожгите его к такой-то матери...- приказал Григорьев расчету "милашки". - Всех их спалите, к чертям собачьим.

- Есть! - сказал младший унтер Хогарт.

ПТУР "Милан" установили на машине, зарядили и выпустили первую ракету. Один БТР загорелся сразу же. Второй - после выстрела второй ракетой.

Третьего выстрела сделать не удалось. Крупнокалиберные пули ударили в установку и в окруживших ее людей.

Лейтенанту Агееву удалось-таки зарядить КПВ.

Подпоручик Григорьев извилисто выматерился, взял гранатомет "Карл Густав" и приказал двоим ополченцам ползти следом. "Густав", здоровенное одоробло, во время всего маршрута молотил его то по голове, то по ногам. Но перебросить эту дуру на одного из рядовых Григорьеву и в голову не пришло: поединок между ним и неизвестным ему советским стрелком приобрел личный характер. Прижимаясь к земле, ползком, он подобрался на расстояние, с которого не боялся уже промахнуться. Моля Бога лишь о том, чтобы пулеметчик его не заметил, а остальное он сам уже проделает на "ять", Григорьев зарядил гранатомет, встал на колено, вскинул трубу на плечо и выстрелил.

БТР дернулся от взрыва, из силового отделения повалил дым. Советские солдаты начали выскакивать из обоих люков, бегом кинулись ко входу в подземный каземат, ополченцы открыли по ним автоматный огонь. Загнав советских в укрытие, ополченцы бросились преодолевать "полосу отчуждения", и кое-кому даже удалось проникнуть внутрь укрепления, за линию, очерченную тремя горящими БТРами, когда заговорили пулеметы в бронеколпаках, прикрывавших батарею с суши...

Атака захлебнулась. Григорьев, матерясь, отвел людей в мертвую зону.

***

Главнокомандующий
Евпатория, в тот же день, 2330

Сон командира Марковской Дивизии, неспокойный, тяжелый и гнетущий сон, какой всегда наступает после обжорства и попойки, был прерван самым дерзким и беспардонным образом. Князя Волынского-Басманова попросту трясли за плечо.

- Ваше высокоблагородие, проснитесь!

- А? Что? О, господи, поручик, в чем дело?!

Это выглядело продолжением сна: его тряс за плечо собственный адъютант поручик Гусаров.

- Какого дьявола, поручик? - Князь резко сел и застонал: в затылок ухнула похмельная боль. Он пошарил руками вслепую, нашел, нажал... Свет ночной ламы оттеснил темноту от постели. Князь сунул ноги в тапочки.

Бред какой-то. Откуда здесь взялся Гусаров, которому полагалось быть на гарнизонной гауптвахте вместе с прочими офицерами? Почему адъютант в полной полевой форме и с оружием? Почему от поручика несет пороховой гарью?

Наиболее сюрреалистичной деталью этой картины было разорванное ухо Гусарова. Князь Волынский-Басманов не одобрял возникшую в армии моду на серьги и увлечение своего адъютанта этой модой. Видимо, кто-то из красных не одобрял этого еще более решительным образом.

- Красный пароль, ваше!

- Какой... Что? Красный пароль?

- Так точно, ваше высокоблагородие. Согласно боевому расписанию, вы теперь командуете Крымской Армией.

Князь Басманов подавил приступ тошноты, основной причиной которого было все то же спиртное. Основной. Но не единственной. Полковника слегка мутило и от страха.

Черт возьми, он знал, что это плохо кончится. Он предвидел. Ему снились собаки.

- Простите, поручик, тут же была охрана... И советский майор...

Гусаров широко улыбнулся (губы, заметил князь, тоже разбиты) и показал князю кулак. На костяшках пальцев была кровь.

- Повязали всех. Нам даже стрелять не пришлось! - похвалился он.

"Дурак!" - подумал князь.

- Майора мы связали и заперли в кладовке, - продолжал Гусаров. - Одевайтесь, господин главнокомандующий, полковник Шеин ждет вас...

"Уж этот ждет - не дождется", - печально и зло подумал князь, надевая камуфляжные штаны. - "Этого хлебом не корми - дай повоевать. Господи, за что такое наказание?"

Они проиграют войну с СССР, сомнений в этом нет. Даже победа в драке за город, даже полное уничтожение советской группировки в Крыму - выигрыш временный. Раньше, играя в штабные игры, разрабатывая планы взаимодействия, он знал, что делать: просить помощи у НАТО, давить на ООН... Но сейчас, когда присоединение официально произошло - это бесполезно. Это теперь внутреннее дело СССР. Выступление крымских войск - мятеж. А он - командир мятежной армии. Если это не вернейший путь на эшафот, то более верного пути туда он не знает...

Князь застегнул портупею, сбрызнул лицо одеколоном и выпил стакан "Учан-Су". Затем поцеловал бледную Елену и спустился вниз, к своему командному "Владыке".

***

О да, полковника Шеина действительно можно было не кормить хлебом - да и вообще ничем - на учениях, штабных играх и маневрах. Армия была его хлебом, сложная и опасная мужская игра, для которой он не нашел бы столько слов, сколько француз находит для любви, а русский - для выпивки, но это не мешало ему отдаваться своей игре, пьянеть от нее и знать ее до тонкостей.

Полковник избежал ареста, поскольку с утра находился по личным делам в Саках, а на обратном пути услышал по радио известие о смерти Чернока. Эту новость слышали многие, так что движение на дамбе на какое-то время остановилось: все нажали на тормоза и попытались осмыслить услышанное.

- Ужасно, сэр! - обратился к Шеину мужчина, чей темно-синий "ягуар" встал с шеинским "руссо-балтом" окно в окно. - Таких провокаций можно было ожидать от кого угодно - но от господина Чернока?! Подвижника Общей Судьбы?

- Угу, - Шеин был занят своими мыслями и сделал свои выводы.

Первый: теперь армией командует его непосредственный начальник, князь Волынский-Басманов.

Второй: инцидент с Черноком нужно немедленно обсудить в штабе дивизии.

Третий он сделал в Евпатории после нескольких предварительных звонков в штаб: может, не стоит ему торопиться со сдачей? Советские командиры, занявшие кабинеты офицеров штаба, были вполне вежливые, но какие-то... нервные.

Шеин решил осмотреться и принять решение вечером. Осматривался он сначала прогуливаясь по улицам в штатском, а потом - смотря телевизор.

Вот тогда-то он и услышал "красный пароль".

Имея в своем распоряжении три штурмовых батальона резервистов и два батальона ополченцев, он рассчитывал на успех. Красные порядком облегчили ему задачу, разместив пленных на городском стадионе, который и сам Шеин, и большинство резервистов знали, как свои пять пальцев, регулярно посещая его и болея за "Ахиллес" - футбольный клуб сухопутных войск.

(Во время атаки на стадион центрфорвард "Ахиллеса" подпоручик Стрежнев был тяжело ранен в живот, а через день умер в госпитале. Невыход команды в финал чемпионата Крыма 1981 года болельщики приписывали именно этому обстоятельству...)

Резервисты и освобожденные марковцы атаковали сначала Восточную базу в Каменоломне, где держали на гауптвахте всех пленных офицеров и были дивизионные склады. Полковник Шеин спланировал атаку настолько тщательно, насколько позволяло беспощадное время. У него была только одна попытка, и удалась она полностью. Оставшийся вместо комбата Гречкосия капитан Кобиков растерялся и счел бой проигранным, едва он начался.

На этом ее благородие госпожа Удача решила закрыть Шеину кредит. Да и эффект внезапности был утерян. Пока шла драка за стадион и базу в Каменоломне, майор Беляев привел батальон в состояние боевой готовности и даже попытался предпринять вылазку в Суворовское.

Будь радиостанции полка работоспособны, десантники мобилизовались бы еще раньше: получив сигнал тревоги из Ак-Минарета, где еще в десять часов вечера казаки из взвода спецопераций, пользуясь расхлябанностью охраны, развинтили оконные рамы танкового бокса, где их держали, и напали на караульных, сняв их так быстро и бесшумно, что в полусотне шагов, возле оружейного склада, точно такие же часовые так ничего и не услышали и не сообразили - пока не пришел их черед. Связист штаба успел добраться до рации - когда исход короткого боя между десантниками и казаками был уже понятен - но связь не установил: на советских рабочих частотах стоял такой хай, словно транслировали свадьбу самого Сатаны.

И если бы каждое ругательство, отпущенное связистами по адресу радио-диверсантов, превратилось в пулю, то суммарный вес свинца намного превысил бы вес того, кому он предназначался.

Ладно, скрипнул зубами Беляев, оружие есть, боеприпасы есть - отобьемся. До утра досидим, а там помощь придет.

Тут надо заметить, что НИ ОДИН из советских командиров, застигнутых этой внезапной ночной атакой, в первые часы и помыслить не мог о том, что справляться от начала и до конца придется самому, что советские войска по всему Крыму связаны боями, что к полудню и небо над Островом перестанет принадлежать Советскому Союзу, что никто не придет на помощь. Каждый думал, что его неудачи в этом районе - случай единичный, невезение, досадное недоразумение. Майор Беляев крепко рассчитывал на своих десантников, но еще больше - на то, что к утру прибудет помощь.

***

Тот же день, Джанкой, 2230-0345

- Стрільба, товаришу майор!

Как будто Грибаков и сам не слышал, что это стрельба, а не марш Мендельсона.

Он вскочил с постели и надел куртку. Кто стреляет? Зачем стреляет? Какая, на хрен, сволочь, срывает процесс мирного воссоединения? Пьяные солдатики расшалились, не иначе, - подумал он.

Два разрыва гранат опровергли это предположение.

Грибаков выбежал в коридор и увидел, что оборона идет уже полным ходом. Десантники заняли позиции у окон и лупили из автоматов по улице. Улица отвечала тем же.

Организация обороны была стихийной: комбат капитан Юшко, проснувшийся раньше, отдал несколько толковых распоряжений, и сейчас сержанты метались по всему зданию, собирая своих бойцов. Вмешаться на данном этапе означало еще больше усилить неразбериху, и Грибаков ограничился тем, что вызвал к себе связиста Симоненко и поручил ему вызвать 2-й и 3-й батальоны полка, занимавшие казармы танкистов на другом конце города.

Симоненко пошел выполнять приказ и вернулся через пять минут..

- Что такое? - грозно спросил Грибаков.

- Товарищ майор, связи нет.

- Что значит, нет связи?

- Помехи на частотах, товарищ майор. На обеих.

- И на резервных?

- И на резервных.

- Ты связист или кто? - рассердился Грибаков, - Или через десять минут будет связь, или...

Какие кары обрушатся на голову связиста, майор сказать не успел. Входная дверь вылетела от взрыва гранаты. Следом влетела еще одна. Шестеро десантников были убиты осколками на месте. Одиночные выстрелы и короткие очереди по окнам превратились в свинцовый шквал. С крыши раздались ответные выстрелы советских АГС.

В фойе вбежал солдат в серо-зеленом, *не нашем,* камуфляже. С воплем "Ура!" он полоснул из автомата "широким веером", но особого эффекта эта очередь не имела, так как все, кто был в фойе, уже лежали на полу.

Победный крик стих, когда грохот выстрелов из автомата сменился одиноким звонким "Клац!". Штурмующий большевистскую твердыню внезапно сообразил, что у него кончились патроны и он вдобавок остался совершенно один. Его рот и глаза испуганно распахнулись, и тут почти все, кто находился в комнате, открыли по нему огонь...

Волна идущих на приступ откатилась. Во дворе и в здании остались трупы - в зеленой советской камуфляжной форме и серо-зеленой крымской.

Грибаков поднялся с пола, отряхивая колени, после чего взял за грудки поднявшегося Симоненко.

- Связь мне! Связь, понял!

Десантники начали собирать раненых и оттаскивать их в безопасное место. Подсчет убитых дал неутешительные результаты. Среди погибших оказался и подполковник Романенко. Граната влетела в окно той комнаты, где он спал на кожаном диване богатырским сном.

Грибаков полагал, что этот штурм далеко не последний. Он хотел вообще, по возможности, избежать нового штурма. Нужно забирать людей и пробиваться в казармы, к батальонам Малышева и Касторова. Гуртом, как говорится, и батьку бить легче.

- Товарищ майор, рация того... повреждена, - доложил Симоненко.

"Убью гада", - подумал Грибаков.

- У нас что, одна рация?

- Остальные... Во дворе, в машинах... Товарищ майор...

Грибаков стиснул кулаки.

- Мы в штабе, маромой! - заорал он. - Как, по-твоему, их командир связывался с казармами!? Позвони по телефону, мудак!

- Й-есть! - пискнул Симоненко и побежал в кабинет белого комдива.

Грибакова охватил мандраж. Он еще надеялся, что эта ночная перестрелка - дурацкая случайность, просто кто-то чего-то недослышал и недопонял. Но по всему было видно, что надежды эти не оправдаются.

- Товарищ майор, к телефону, - сказал Симоненко. - Капитан Малышев.

Грибаков схватился за трубку, как блокадник за кусок хлеба.

- Малышев? - заорал он. - Что у тебя? Освободили всех пленных? М-мать их... Что делать будем, капитан? Вот и я так думаю. Что Касторов? В живот? З-зар-раза... Вакуленко не вернулся? Слушай, что у тебя со связью? Тоже помехи... Нет, комполка теперь я. Откинулся Романенко. Значит, будем пробиваться...

Согласовать план действий они не успели. Начался второй штурм.

Примерно то же происходило везде, где стояли части Советской армии, заброшенные в Крым. Потрясенные крымским вероломством десантники и мотострелки дрались отчаянно, но бестолково. Никакой возможности скоординировать действия не было: все рабочие частоты кто-то старательно забивал помехами.

В Каче солдаты полка спецопераций перебили охрану и вырвались на свободу.

В Саках резервисты и освобожденные ими егеря отбивали авиабазу.

В Евпатории ополченцы освободили пленных и взяли в окружение 161-й парашютно-десантный полк.

В Ак-Минарете командир роты казачьих резервистов и командир разведбата есаул Денисов поносили друг друга последними словами: не зная, что разведчики уже освободили себя сами, резервисты кинулись на штурм и в стычке со своими погибло два десятка человек.

В Севастополе шли уличные бои, в которых ни одна из сторон не могла взять верх.

В Симферополе резервисты натолкнулись на спецназ и были выброшены из города.

В Керчи была почти без боя отбита батарея береговой обороны на мысе Ак-Бурун. После сражения крымцы освободили порт и судостроительный завод.

В Ялте командир 104-й дивизии ВДВ генерал Грачев вместе с батальоном охраны пробивался на восток, к Гурзуфскому Седлу.

В Белогвардейске капитан Суровцев приказал перебросить через ограду, к штурмующим, труп командира бронемобильного батальона капитана Велецкого, забитого насмерть, объявил пленных заложниками и пригрозил, что будет убивать офицеров по одному каждую минуту, если беляки не отступят.

***

Капитан Суровцев убил Велецкого сразу после того, как началась стрельба и расположение части, занятое ротой Суровцева, оказалось в осаде.

Капитан, в отличие от своих сослуживцев, не был ни напуган, ни потрясен внезапным вероломным нападением белых резервистов. Вадим Суровцев с детства

усвоил, что белякам верить нельзя. Этому учил его отец, а отца - дед, который прошел через врангелевскую контрразведку и чудом спасся во время наступления красных на Александровск (ныне - город Запорожье). Недели, которые он провел, избитый и израненный, в подвале тюрьмы, впечатались в его память так же прочно, как рубцы от белогвардейской плетки - в его спину. Вадим в свое время много слышал от Нестора Суровцева про тот подвал, и белых ненавидел активно.

Поэтому когда в городе началась стрельба, и расположение части попробовали взять штурмом (Суровцев отбил штурм - нечего делать), он не гадал, кто бы это мог быть. Он решил распросить людей компетентных. А буде компетентные люди откажутся его консультировать, Вадим Суровцев вспомнит дедушкины рассказы и применит к белячкам их же собственные методы.

- Парфенов! - крикнул он сержанту, - А приведи ко мне белого комбата.

Подполковника Велецкого привели меньше чем через минуту - Суровцева в роте старались не сердить. Тот, кто сердил его, имел обыкновение ходить в синяках от частых случайных падений на лестнице.

- По документам, - Суровцев постучал пальцем по папке, - У вас все на месте. Кто только что штурмовал расположение части?

Велецкий промолчал. Пусть советский командир немножко напряжет мозги и найдет в сейфе досье на резервистов части.

- Молчишь, сука? - Суровцев вытащил из ножен десантный нож. Белый комбат не выглядел героем. Капитан был почти уверен, что ему не придется пускать нож в ход.

- Раздевайся, - сказал он.

Подполковник Велецкий действительно не выглядел героем. Ему было сорок шесть, он уже начал лысеть, носил усы щеточкой и, сколько ни тренировался, не мог ничего поделать с "пивным" брюшком.

Но, тем не менее, Вильгельм Велецкий был гордым человеком. Гордость не является исключительной привилегией людей с волевыми подбородками.

- Я не понял, товарищ капитан, вы "красный" или голубой? - спросил он.

Суровцев завелся с пол-оборота.

Он не посчитал Велецкого серьезным противником. И поплатился за это серьезным ушибом коленной чашечки. Велецкий наверняка успел бы нанести и более сильные повреждения, пока капитан света белого не видел от боли, но тут на шум прибежал сержант Парфенов и ударил белого комбата прикладом "калаша" по затылку.

Когда Суровцев немного остыл и перестал топтать ногами тело на полу, приводить в чувство и допрашивать дальше было уже некого. Капитан вытер со лба пот, показал на тело и велел сержанту:

- Снять с него одежу и перебросить через забор. Передай, что будем убивать по одному каждую минуту, если они не отступят. И расстреляем всех, если начнется штурм. И приведи ко мне кого-нибудь из ротных...

***

Пока белые организовывали отступление, Суровцев твердо выполнял свое обещание. Отступление длилось четырнадцать минут...

К трем часам ночи в Белогвардейск прибыл эскадрон бронетанкового полка под началом ротмистра Черкесова.

Огилви, выслушав по радио доклад о ситуации в Белогвардейске, проклял нафталинщиков-резервистов и скомандовал штурм.

Выжидание осточертело горячему потомку кельтов. Он был готов к решительным действиям, каковых предпринять не мог, поскольку танки при осаде зданий в городе ну совершенно бесполезны. Кутасов пообещал выкурить 217-й полк из Джанкоя, чтобы Огилви разделался с ним на просторе в чистом поле, и подполковник ждал, пока в

тупую голову советского командира придет мысль двинуться на юг (потому что все остальные пути к отступлению были закрыты танками). Тогда красные окажутся зажаты между танками Огилви и Черкесова, как мокрая простыня между раскаленными роликами гладильной машины. Но для этого нужно, чтобы Белогвардейск, hell damn it, был свободен!

- Проломите танками ограду! - настаивал он, - И ни черта они не успеют!

- Опомнитесь, сэр! - кричал на одной ноте с ним Климов, командир батальона резервистов. - Несколько гранат в подвал - и все!

- Да не с ума же они сошли!

- А я говорю, что там заправляет настоящий маньяк! Спросите вашего ротмистра, если не верите!

- Сэр, - Черкесов взял у Климова микрофон. - Требование об отступлении было нацарапано ножом на груди у подполковника Велецкого. Я думаю, человек, ставящий ультиматумы таким образом, вполне способен убить всех пленных. Просто из принципа.

Подполковник Огилви сдал назад и отменил приказ о штурме. Стиснув зубы и прищурив глаза, он посмотрел в сторону пленных советских десантников.

Никакого особенного антагонизма между крымскими танкистами и пленными десантниками не наблюдалось. Обе стороны восприняли происшедшее как "дело житейское". И когда танкисты изъявили желание изучить БМД, десантники охотно согласились - тем более что в процессе изучения танкисты угощали пивом.

В настоящий момент одна из БМД проявила норов, и теперь два танкиста и десантник-водитель ковырялись в моторе, пытаясь разобраться, что к чему.

Подполковник наблюдал за ними с полминуты. Мысль осенила его как раз в тот момент, когда непокорная БМД завелась...

Потом он увидел, что поручик Белоярцев смотрит туда же.

Они переглянулись.

- Я готов поспорить, сэр, - сказал Белоярцев, - что вы думаете о том же, о чем и я...

***

Тот же день, то же время, Керчь

Всякая чепуха порой приходит в голову перед началом боя.

Капитан Фельдман вдруг очень остро ощутил, что у него уже два месяца не было женщины.

Конечно, он ощутил это не просто так. Он это ощутил, глядя на прапорщика Андрееву, переодевавшуюся после рейда в город за советской формой и "языками".

- Ой, не могу! - заливалась фельдфебель Кошкина. - Как этот сержант говорит: "Девушка, вы почему гуляете в комендантский час?" А я ему: "Собаки гуляют, я работаю!" А он мне - "Может, пойдем к нам в машину, поработаем?" А тут подходит сзади Фариз и его по голове тюк!

- Кошкина, хочешь увидеть своего сержанта голым? - спросил подпрапорщик Рудаков, бросая на пол ворох советского обмундирования.

- Хотела бы - уже увидела.

Все военнопленные - семнадцать человек - были раздеты донага и заперты в бойлерной. Раздеты - потому что крымцам нужна была советская форма: иного способа проехать около двадцати километров, не перестреливаясь с советскими постами, которые наверняка будут, Фельдман не знал. Донага - потому что на охрану он мог отвести не больше двух человек, а у голого, как правило, особенно резко пропадает желание нападать на охрану и бежать. Психология, мать ее так. Война-разбой, пардон за прямоту...

Конечно, так просто захватить семнадцать пленных - пять патрулей и двух праздношатающихся - не удалось бы, не окажись у Фельдмана под началом бойцов, наличие которых в батальоне он сначала расматривал как издевательство над армией, а сейчас готов был поклониться им в ноги.

Батальон капитана Фельдмана был первым добровольческим батальоном, где наравне с мужчинами служили женщины.

Крымские феминистки долго боролись за право женщин служить в резерве. До тех пор "прекрасный пол" брали в войска только на профессиональной основе и на очень огрениченное число специальностей. Если девушке по здоровью или по подготовке не удавалось стать летчиком, она могла выбирать между должностью штабного секретаря и оператором зенитно-ракетных комплексов, диспетчером полетов или сестрой милосердия. Налоговая же скидка - лакомый кусочек, которым приманивали народ в резерв - оставалась недоступной: на армейцев-профессионалов эта льгота не распространялась. Что и возмутило феминисток. Феминистки боролись-боролись, и Главштаб сдался. Решено было - пока в экспериментальном порядке - создать в ОДНОЙ дивизии ОДИН добровольческий батальон с участием женщин.

Это и был батальон капитана Фельдмана. Что называется, еврейское счастье.

Узнав, какой сюрприз преподнесло ему командование, Фельдман пережил сложную гамму эмоций. Но выбора у него не было.

Три месяца он выслушивал от товарищей-офицеров шуточки на тему гаремов. По окончании периода тренировок шуточки прекратились. Батальон с участием женщин наголову разбил в тактической игре чисто мужской батальон. Свою роль сыграл эффект недооценки противника, чем и пытались оправдываться коллеги. Полковник Ордынцев дал довольно жесткую отповедь: плохому танцору кое-что мешает. Фельдман пожимал плечами: а чего они ждали? Три месяца девочки (он их теперь называл с теплом - девочки) рвали жилы в тренировочном лагере, бегали с полной выкладкой, ползали на пузе, стреляли из всего, из чего пехотинцу положено стрелять, водили машины, рыли окопы и учились рукопашному бою. Если противники ждали, что они двумя руками свою задницу найти не смогут - значит, сами дураки.

Но у "солдата в юбке" есть еще одно неоспоримое преимущество, которое Фельдман только что оценил в полной мере. Такого солдата действительно можно одеть в юбку (покороче) и блузку с вырезом (поглубже) и отправить на улицу - приманивать патрули. Этот ход подсказала прапорщик Андреева, вне службы - офицер полиции. Сама она неоднократно работала "подставой" - и встреча с Андреевой кончилась для трех серийных насильников и двух грабителей в Арабатской каторжной тюрьме.

В отличие от болтливой Кошкиной, Андреева переодевалась молча. Фельдман, не вовремя вторгшийся на склад бара, деликатно отвернулся. Но успел разглядеть достаточно. Под своей военной формой Андреева, наследница амазонок, носила кружевное белье...

Капитан Фельдман вспомнил Фариду...

Потом вспомнил инструкцию, строго-настрого запрещавшую сексуальные отношения между военнослужащими, один из которых находится в непосредственном подчинении у другого...

Потом он вспомнил о неминуемом смертельном риске и плюнул на Фариду и на инструкцию.

- Мэм, - спросил он, повернувшись, (Андреева была уже в футболке, на складе остались они одни) - А-а... э-э... Что это там у вас?

- Где, сэр? - приподняла бровь Валя Андреева.

- Здесь, - Фельдман слегка оттянул ворот своей тишэтки и показал на левое плечо. Андреева повторила его жест и как бы с удивлением глянула на кружевную лямку своего бра.

- Это такая портупея, сэр...- игриво ответила Андреева. - Я пользуюсь дополнительным вооружением.

- Э-э... довольно крупного калибра, - польстил Фельдман. - И бьете из него наповал.

- Ну, вы ведь тоже вооружены. Хотела бы я знать, чем...

- Обрезом, - быстро сказал Фельдман.

Прапорщик Андреева покраснела и рассмеялась. Капитан тоже перестал закусывать губы, удерживая улыбку.

- Что, если мы... когда все закончится... поужинаем вместе? - спросил Борис.

- С одним условием...

- ?

- Потом вместе позавтракать.

Она застегнула пояс с кобурой, заправила волосы под шлем и вышла вслед за командиром.

- Может, дадите мне разведчиц? - спросил подпоручик Батищев. - Очень эффективно работают.

- Потому и не отдам, - усмехнулся Фельдман. - А впрочем... забирайте Кошкину и Андрощука. Он уже вполне созрел и готов сотрудничать.

Прапорщик действительно созрел. У него был выбор: поехать с Батищевым в Синягино или быть запертым без одежды в холодной бойлерной. Он выбрал поездку в Синягино.

***

То же время, батарея береговой обороны на мысу Фонарь

Лейтенант Агеев очень быстро научился использовать минуты затишья для дела. У него осталось двадцать два человека, трое из них были ранены. У него была превосходная позиция - настоящая крепость. Наконец, у него здесь были пушки. А почему не использовать их - использовал же он вражеские пулеметные точки! Интуиция подсказывала быстрее что-то придумать - иначе белые придумают раньше...

Белые придумали раньше. Они начали палить по бронеколпакам ПТУРами. Пулеметы замолчали один за другим, один из пулеметчиков погиб на месте, другой был серьезно обожжен и кричал, пока не потерял сознание. Не дай Бог такую смерть, подумал Агеев, бросая орудия и спеша вниз, туда, где беляки прожигали теми же ПТУРами дверь в каземат.

За дверью открывался короткий коридор, который поворачивал на 90 градусов влево, а потом - на те же 90 градусов вправо, наподобие знака интеграла, но с прямыми углами. Преимущества такой планировки беляки смогли оценить в полной мере, когда первого, кто сунулся, просто вышвырнуло свинцом из коридора. Стрелять из двух амбразур можно было не глядя, наугад - узкий коридор простреливался только так, а если бы белые все же вышибли их оттуда, им пришлось бы атаковать еще один такой же поворот с такой же амбразурой.

Беляки, сунувшись раз и ошпарившись, отступили и дали Агееву передышку. Что дальше? - подумал он. Думай, Димоха, думай, тут уже не семейное счастье - жизнь на волоске!

Он точно знал, что разбил их ПТУР из КПВ. Другого у них не было - какое-то время они пробовали забросать казематы гранатами. Теперь ПТУР откуда-то появился -

значит, к ним пришло подкрепление. Логично? Логично. Откуда? Что за подкрепление? Явно не большая группа - иначе был бы еще один ПТУР и кое-что посерьезнее гранатометов. Логично? Логично. Значит, самое вероятное - эта группа из Синягино или с другой батареи, на мысе Ак-Бурун. Ту батарею они уже взяли и теперь притащились сюда. Логично? Логично, мать ее так, эту логику. Значит, в лучшем случае их там рота. Против роты он какое-то время продержится, особенно если установит здесь, у амбразуры, крымский ручной пулемет - здесь как раз есть такой и немерено к нему патронов, настоящий арсенал.

Продержаться до утра, а там обязательно прибудет помощь. Не может быть, чтобы ее не было!

И лишь одно беспокоило лейтенанта. Такие укрепления - вроде барсучьей норы...

- Здесь должен быть подземный ход, - он невольно процитировал любимый фильм. - Соломатин, Корбан, бросьте все - ищите его!

***

- Я знаю тип этих укреплений. Сам строил на Ак-Бурун, - объяснял Григорьеву и прибывшему из Синягино Батищеву один из рядовых. - Там как пить дать есть подземный ход на случай если главный вход завалит или что-то еще...

...Раз на раз не приходится, подумал Батищев. В Синягино взяли батарею без боя - охрана спала, единственный трезвый - рядовой Баранаускас - отвлекся на разведчицу, командир был пьян. Зато здесь потеряли уже тринадцать человек и ПТУР. Хорошо мы батареи береговой обороны строим, на совесть. Сами потом взять не можем.

- И куда ведет этот ход? - спросил он.

- А шайт его знает! Каждый раз в другом месте. Это же от местности зависит, не везде одинаково строят. Я просто говорю, что он есть.

- И то хорошо. Так, сейчас пойдем в поселок, расспросим пацанов...

- Кого? - замученно спросил Григорьев.

- Мальчишек. Эти точно знают, где ход.

***

То же время, Джанкой

Грибакову не удалось соединить свой батальон с батальонами Малышева и Касторова. Танки надежно перекрывали все пути, и ни гранатометы, ни "Малютки" их броню не пробивали. Послать на верхние этажи домов людей с гранатометами не давала белогвардейская пехота.

Оставалось только пробиваться на юг, в этот Сары-мать-его-Булат, куда они прилетели вчера утром, и там ждать, когда их эвакуируют самолетами или теми же самолетами подбросят помощьт.

Колонна, состоящая из БМД и гражданских машин, в которых разместили раненых, покатила на юг, к вокзалу.

О карьере уже не думалось. Грибакову хотелось пить, хотелось спать, хотелось выйти отлить (что на простреливаемых улицах было рискованно делать), но командовать ему уже совсем не хотелось. Он готов был снять с себя эту шапку Мономаха и переложить ее на другую голову, покрепче. Но такой головы рядом не было, и майор Грибаков, проклиная все на свете, тащил свой командирский крест по улицам Джанкоя в южном направлении.

Ему не нравилось, как легко у них получается продвигаться. Создавалось такое впечатление, что их специально пропускают к вокзалу, имея какой-то дальний план.

Но ничего поделать было нельзя. Малейшая попытка свернуть в сторону пресекалась белыми решительно. Танки стреляли и попадали очень метко, а терять по одной БМД за каждый разведывательный рейд Грибаков не мог.

Ладно, подумал он. На вокзале засада - это и ежу ясно. Это все равно что вы сами мне сказали: там - засада. Ладно, еще посмотрим, кто кого. Мы - десант, поняли? "Ты ударишь - я, бля, выживу, я ударю - ты, бля, выживи!"

***

Порт в Керчи или Севастополе - это город в городе. Причем кажется, что город этот выстроили не то древние циклопы, не то инопланетные гигантские чудовища. Ничто здесь не рассчитано на человека, он теряется в огромных формах. Краны, погрузчики, платформы - все на слоновьи масштабы. В складах можно без проблем разместить стадо динозавров. Рельсы, вагоны, крытые погрузочные платформы, цистерны, шланги диаметром с жерло корабельной пушки и кабеля толщиной в руку, краны, контейнеры, мешки, тросы, штабеля леса, кучи угля и руды, металлические болванки, бушели зерна, галлоны воды, опреснительные установки, кнехты, насосы, компрессоры, машины, танкеры, сухогрузы, контейнеровозы, пассажирские лайнеры, яхты, баржи, лихтеры, сухие доки, катки, разобранные машины - все это образует причудливый лабиринт порта, его улицы, площади, аркады, тупики, повороты, проспекты и подземки. Это город в городе и здесь можно воевать неделями...

Задача связывать боем силы красных в районе порта и судоремонтного завода.

Силы: одна рота ополченцев.

Противостоящие силы - батальон мотострелков.

Преимущества: знание местности. Половина фельдмановского батальона - портовые или из доков.

Недостатки - численное превосходство противника.

Раскладец...

Полковник Ордынцев, командир бригады, не мог выделить им в помощь ни одного человека.

На практике "связывание боем" обернулось несколькими попытками прорыва - со стороны красных - и пресечением этих попыток - со стороны белых.

Фельдман держался только благодаря нерешительности советского командира. Умело перебрасывая людей туда-сюда, ему удалось создать эффект присутствия в порту, как минимум, батальона. Атаковать равными силами на плохо знакомой местности красные не решались.

Но рано или поздно, понимал капитан, случится то, что должно случиться. Они перехватили уже троих разведчиков - но будут посланы и четвертый, и пятый, и кому-то из них удастся проскочить, рассмотреть позиции и сообразить, что батальоном тут и не пахнет...

- Топаз-12 вызывает Топаз-2, - бормотал связник.- Топаз-12 вызывает Топаз-2. Прием.

- Топаз-12, Топаз-2 слушает...

- Сэр! - Фельдман взял наушник с микрофоном. - После рассвета они точно поймут что к чему. А может, и раньше. И тогда нам не устоять. Их трое против одного нашего.

- Ваши предложения?

- Я могу отступить к судоремонтному заводу и закрепиться там.

- Они смогут вас обойти и попасть в город?

- Да, сэр.

- Тогда это исключено. Держите их в порту сколько сможете до приказа к отступлению.

- Вас понял, сэр, - капитан отложил наушник.

- Отходим? - спросил поручик Северин.

- Стоим.

Через час начался штурм - тот самый, решительный, которого Фельдман так опасался. Кто-то из советских разведчиков понял, в чем хитрость и, вернувшись, доложил командиру.

Ожесточенная атака перешла в ближний бой, а потом - и вовсе в рукопашную. И в пылу этой рукопашной один из советских мотострелков, не помня себя от ужаса и ярости, сцепился с одним из крымских резервистов.

Его товарищ, пробегавший мимо, не долго думая, всадил крымцу штык между лопаток. Короткий и тонкий крик заставил обоих оцепенеть.

- Баба... - просипел тот, что нанес удар. - Ой, мамочки...

- Сволочи! - заорал кто-то совсем рядом. Они даже не успели развернуться - ударила очередь.

- Валя! Валя, погодите... Дышите, Валя! Дышите же, мать вашу так! - Фельдман не сообразил передать ее кому-то другому, он просто никого вокруг не видел. Он забыл про все - помнит только расположение санитарной машины.

Поняв, что не донесет, положил на кучу гравия, разорвал тишэтку. Женщина захрипела, глаза остекленели. Рана была маленькой, но сильно кровоточила. Кружевной бра пропитался кровью насквозь и в редких отсветах пламени (горели БТР и "Святогор") казался черным.

- Никаких баб, - прошептал Фельдман, раздирая упаковку перевязочного пакета. - Всех к черту из батальона. Завтра же... Кибенэ мат...

Это были его последние слова. Шальную пулю справедливо называют дурой, а это была всем дурам дура - если бы капитан донес Андрееву до санитарной машины, ее удалось бы спасти.

Фельдман погиб сразу же, Андреева истекала кровью еще пятнадцать минут. В сутолоке боя ее просто не заметили...

***

То же время, батарея на мысе Фонарь

Что-то в этом было от процесса рождения: ползешь по каменной кишке, упираешься в стену, утыканную металлическими скобками, делаешь по ним два шага вверх и снова оказываешься в каменной кишке, снова ползешь вперед и упираешься в стену со скобками, но на этот раз видишь над собой квадратный колодец, откуда тянет свежим воздухом и слышатся голоса...

Рядовой Корбан быстро пополз задом вперед, пока ноги не провалились в ту, первую дыру, встал на одну из скобок и приготовился стрелять.

Сердце колотилось так, что едва не заглушало шорох: в колодец кто-то спускался.

Миша Корбан не видел, куда стрелять. В этой темноте он мог полагаться только на слух и ждал момента, когда ноги спускающегося вниз человека коснутся пола.

Есть!

Он нажал на спуск. Когда стих звон в ушах (стрельба в подземелье - то еще разлечение) он не услышал ни криков, ни стонов. Убил сразу наповал? Тогда кричали бы наверху, не один же он здесь...

Потом был звук - падение, и не просто падение: кругленький железный предмет был брошен с ускорением и быстро катился в мишину сторону.

Обмирая, Корбан понял: граната.

Неизвестно как, но в кромешной темноте он увидел ее: почти цилиндрической формы, вся в частых глубоких насечках, как ананас...

Он должен был разжать руки, падать вниз, бежать... Но не мог сдвинуться с места.

Граната остановилась перед самым его носом, перекатилась с боку на бок и... покатилась назад.

Коридоры запасных выходов из батарей береговой обороны запроектированы с легким наклоном в сторону "улицы".

Именно в тот момент, когда Миша осознал избавление от неминуемой смерти, он был как никогда близок к тому, чтобы напустить в штаны. Все мускулы расслабились разом. Он не спрыгнул в нижний коридор - он рухнул туда, закрывая руками голову.

Граната разорвалась прямо под задницей у беляка, который ее бросил. Стряхнув с себя осколки и бетонную крошку, Миша услышал крик...

***

Невезение заразно, а инициатива наказуема, - подумал Батищев.

Невезением он заразился от Григорьева, не иначе. Инициативу проявил рядовой Карастоянов, который без приказа бросил гранату и подорвался на ней.

Карастоянова вытащили из колодца на страховочной веревке - страховка оказалась толковой мыслью. Молодец Кошкина. Кто бы еще подсказал, как попасть в казематы, раз их защищают...

- Еще пять минут - и нам этот ход до жопы. Какие мысли по этому поводу?

- Я полезу, - Кошкина бросила шлем.

- Прапорщик, не дури!

Она уже исчезла в колодце. Светлые волосы плыли вниз...

- Кошкина! Кошкина, твою мать!!!

Кошкина остановилась на третьей снизу ступеньке.

- Какого черта? - Ефрейтор Шеховцов спустился следом за ней.

- Не топчись по пальцам, - прошипела она и разрядила одну гранату. - Лови!

Попасть по мелькнувшей в темноте руке довольно трудно. Миша уже сориентировался: здесь слишком мало места, чтобы размахнуться как следует. Граната покатилась обратно, рядовой Корбан спрыгнул вниз, чтобы не задело случайным осколком.

Взрыва не было. Был мягкий прыжок и девять выстрелов подряд: пробираясь на четвереньках по коридору, Кошкина палила в темноту перед собой, чтобы не дать ему высунуться.

Остановившись на краю второго колодца, она зубами выдернула чеку второй гранаты и бросила ее вниз.

Вскочить в каземат батареи Корбан успел, а закрыть за собой дверь - нет. Взрывной волной его швырнуло вперед. Следом из подземного хода выскочила сумасшедшая баба с гранатой в руке.

- Не стрелять! - сообразивший что к чему сержант Собакин успел перехватить за ствол автомат рядового Абдуллаева и направить очередь в потолок. Ствол мгновенно раскалился, Собакин заорал, вырвал автомат и швырнул его на пол.

- Яки! - сказала сумасшедшая баба. - Правильно. Умираю я - умирают все. Оружие на пол.

Из-за ее спины уже лезли вооруженные беляки.

Батарея сопротивлялась еще полчаса. Ее сдали только тогда, когда раненый Агеев потерял сознание.

В любом несчастье, говорят французы, ищите женщину.

10. Вдовы

Товарищи женщины! Революция освободила вас. Вы все будете свободно трудиться и у каждой будет отдельный супруг...

Фильм "Белое солнце пустыни"

Остров Крым, обособившись от континента, все шестьдесят лет представлял собой конечный пункт для многих беглецов и выселенцев. Армяне и греки бежали сюда от турок, цыгане и евреи - от немцев, румыны - от русских, а русские - от советских.Две мировые войны сильно перетряхнули шейкер Европы, в результате чего крымское население представляло собой интересный коктейль.

А поелику армия отражает то общество, которое она призвана защищать, то крымские форсиз были весьма неоднородным институтом.

Конечно, основу его составляло то, что некогда было Добровольческой Армией. Со временем изменялись уставы, организация и вооружение, форма и знаки отличия. Что-то из прежнего опыта отбрасывалось. что-то из нового опыта усваивалось. Но неизменным оставалось деление сухопутных войск на четыре дивизии: Марковскую, Дроздовскую, Корниловскую, Алексеевскую. Неизменной оставалась разница между званиями в пехоте, кавалерии, пересевшей на танки, и казачьих войсках.

Однако англо-крымцы тоже внесли лепту в традиции форсиз. Именно из их поселений пришло и утвердилось в армейском языке чопорное обращение "Сэр". Как раз в сороковых англо-крымцы внезапно вспомнили о своей исторической родине и сформировали несколько полков в составе британской армии. Хотя англичане были костяком этих частей, там служили и русские, задетые тем, что Крым стоит в стороне от праведной драки, и евреи, у которых кто-то из родственников погиб в газовой камере. В этих частях попадались даже советские военнослужащие, бежавшие из плена в.

Тогда же, во Вторую Мировую, был сформирован летный полк "Вдов". Инициатором его создания была беженка Юдифь Губерман, всех близких которой сожрала Треблинка. Целый год Юдифь доказывала военному начальству, что, коль скоро женщин в этой войне разрывают бомбами и загоняют в печи наравне с сильной половиной человечества, то пора дать им возможность расквитаться. Юдифь поддержало множество других беженок и она добилась своего, став первым командиром женского полка пилотов-бомберов. Почти все в полку были мстительницами - за себя и родных. Самолеты назывались в честь погибших и без вести потерянных в сумеречном гетто, которое раньше называлось Европой. Летчики-мужчины окрестили весь полк "Вдовами". Женщины вывели это название на фюзеляжах самолетов.

Но тут Британии изменила военная удача, ей пришлось покинуть восточное средиземноморье. Пока шли дискусии, перебрасывать ли "Вдов" в Северную Африку, Гитлер решил напасть на Крым, непотопляемый авианосец союзных войск. Так "Вдовы" получили боевое крещение. Юдифь Губерман погибла в одном из первых боев, но летчицы сполна рассчитались за своего командира: через неделю после нападения нефтяные разработки Плоешти превратились в огненное море.

В свою очередь, крымские коммандос-добровольцы отлично показали себя в Греции и в Италии.

Война закончилась, но начальству было жаль расформировывать отлично подготовленные и проверенные в боях части. Они стали основой двух знаменитых качинских формирований: вертолетного полка (да, "Вдовы" первыми освоили винтокрылое детище Сикорского) и полка спецопераций. Название "Вдовы" сохранили,

хотя многим оно представлялось такой же нелепостью, как и корниловский шеврон с черепом и скрещенными шпагами.

Когда в одном небольшом городке на берегу благодатного моря сосредотчено, с одной стороны, пятьсот крепких и отчаянных ребят, а с другой стороны - сто пятьдесят решительных женщин, деловые отношения между ними неизбежно окрашиваются в тона агрессивного флирта. Качинцы редко женились на "Вдовах" (а те, кто решался на такой поступок, делались объектом добродушных и однообразных острот на тему раннего ухода в мир иной), но часто заводили с ними романы. Тамара, встречавшаяся с корниловцем, а не с коммандо, выглядела белой вороной.

Подпоручик Езерский, ни разу не приударивший ни за кем из "Вдов", тоже выглядел белой вороной среди своих. Но его это мало беспокоило. Весь свет ему застила Зиночка, танцовщица из ночного клуба "Мисс Баттерфляй". Больше того - их страсть была взаимной.

Посему увольнительную длиной в сутки, начавшуюся в шесть утра 29 апреля, подпоручик и Зиночка решили провести вместе.

Продуктами и шампанским Зизи запаслась заранее, с учетом повышенной потребности во всем этом молодых организмов, занимающихся приятной, но интенсивной физической деятельностью. Утром зиночкино крохотное бунгало отправилось в автономное плавание, которое до следующего утра не должен был прервать ни Бог, ни черт, ни Общая Судьба.

Прошло утро и день, наступил вечер, в Каче высадился вертолетный десант - батальон под командованием майора Колыванова, усиленный ротой спецназа (командир - капитан Таранович), полк спецопераций заперли на хоздворе, а "Вдов" зачем-то вывезли в Севастополь, взбудораженный городок наконец-то успокоился и затих, но все это прошло мимо Езерского и Зизи, предававшихся любовным утехам. Их кораблик стоял на якоре в голубой лагуне, временно неподвластный политическим ветрам.

В это же самое время еще один офицер - советский майор Михаил Колыванов - также переживал острый припадок влюбленности. И кто будет смеяться - получит в морду. Едва увидев ее на КПП, где пятеро солдат уже тянули спички, а шестой и седьмой держали молча вырывающуюся женщину, майор понял: моя! Одним грозным "отставить" он пресек этот разврат. Пусть развлекаются, но не на том лужку, где пасутся командиры.

Она оказалась третьей из летчиц, оставленных в полку. Остальных увезли в Севастополь спецназовцы.

Майор отвел ее в облюбованный им домик и оставил там под наглядом доверенного сержанта.

Потому что первым делом - самолеты...

Здесь, в Каче, был еще и учебный центр для пилотов ВВС Крыма. Кстати, инструкторами-пилотами вертолетов были, обратно же, бабы, и майор нашел в этом рациональное зерно: мобилизует. Стремишься распушить хвост и показать все, на что способен. Опять же, выговор от мадам получать никому не хочется...

Бункера для учебных самолетов были выстроены и оборудованы по последнему слову техники. Склад боеприпасов тоже содержался в образцовом порядке. Майор вспомнил советские аэродромы и поежился. Хорошо, что эти ребята своей волей сдались. Доведись с ними воевать - мы бы их, конечно, победили, но и они ж нам кровушки бы попортили!

Майор методично обошел весь учебный центр и везде расставил посты. Но, честное слово, никогда еще аккуратному и исполнительному Михаилу Колыванову так сильно не хотелось покончить с делами побыстрее!

Потому что девчонка - до последнего нерва, до сладкого сжатия в паху он чувствовал это - была как раз тем, чего он всю жизнь ждал, о чем мечтал годы армейского гусарства и неудавшегося супружества. Общепринятой красоты в ней не было, шика тоже,

но скульптурная лепка бедер, темные волосы и серые дымчатые глазищи лишили его покоя и пропал, пропал майор!

И, осматривая холодные бункера, гнезда боевых драконов, он согревался, пробуя на вкус и смакуя ее имя: Тамара...

***

Ближе к вечеру Дмитрий Езерский и Зиночка решили сделать паузу подлиннее. Даже в автономном плавании нужно иногда сменять вахтенных.

Они неплотно перекусили (подпоручик планировал еще один заход на цель), и Езерский решил во время ужина слегка нарушить автономность их плавания, включив телевизор.

Все могло перевернуться в этом мире, но пропустить еженедельную программу о скачках подпоручик, страстный игрок, не мог никак.

Но, видимо, мир таки перевернулся, потому что по всем каналам шла только Москва!

Езерский слегка обиделся. Он, конечно, симпатизировал Общей Судьбе, но не настолько же, черт возьми, чтобы пропускать "Ипподром"!

Он перебрал все варианты настройки, в точности повторяя действия и испытывая эмоции героя советского анекдота "Я т-те пощелкаю!", и уже положил палец на кнопку отключения от сети, когда прозвучала сакраментальная фраза о виноградниках, которую вы, дорогие читатели, должны уже знать наизусть.

***

...Тамара встала и пошла мыться в душ. Она проделывала это четвертый раз за вечер, и знала, что самое большее через час ей захочется мыться еще.

Где он мог спрятать пистолет?

Она нашла маникюрные ножнички, но не знала, сумеет ли с нужной силой вогнать никелированные кончики в бритый затылок, и хватит ли сил потом перерезать себе вены. Если не хватит - лучше не думать, что тогда случится.

Даже если она оденется в его комбез, ей не удастся пересечь территорию базы. Он на голову выше и вдвое шире, так что вид у нее получится далеко не естественный.

Пустые банки из-под джин-тоника тоже не годились в качестве орудия убийства. Майор пил только те, что открывал сам. Не доверяет женщинам. И, в общем, правильно делает.

Тамара с отвращением натянула черное кружевное белье. Черт бы его подрал, она покупала этот комплект не для того типа, который сейчас храпит на ее постели!

Нет, уже не храпит. По шевелению в комнате она поняла, что тип проснулся.

Он сидел на краю кровати и ел сладкую кукурузу.

- Есть хочешь? - он сделал широкий жест в сторону столика.

- Спасибо, - она села, подцепила ложкой (вилки и ножи майор тоже предусмотрительно спрятал) консервированный ананас из банки, надкусила водянистую сладкую мякоть.

Ананасы из банки, видимо, представлялись майору вершиной "шикарной жизни", как и баночный джин-тоник.

- Ты чего вскочила, Томка?

- Ходила в душ.

- А-а... Значит, анекдот: женился чукча на француженке. Его спрашивают: ну как оно ничего? А он говорит: хорошая женщина, только грязная очень. Как грязная, спрашивают? А вот так: два раза в день моется... Не смешно?

- Смешно.

- Что-то ты, подруга, смурная какая-то, - озаботился майор. - Ну, чего грустить-то? Не бойся, не брошу. Не поедешь ты на стадион.

Вот обрадовал-то!

- А я, между прочим, почти в разводе, - интригующе сообщил майор. - Может, того, распишемся? Если, конечно, не поставят вас на особое положение.

Тамара расхохоталась. Уже второе брачное предложение за сутки! Да-а, поручик Уточкина, вы зря времени не теряете! Редко какая "вдова" может провести в постели с мужчиной больше одной ночи подряд, а уж получить при этом два предложения руки и сердца! Как же вы, такая разбитная "вдовушка", упустили столь потрясающую возможность на КПП - там было целых семеро крепких парней! Что ж вы запищали, как голенастая тинэйджерка, которую на школьной танцплощадке прижали в углу? Нет, блядовать так блядовать, по полной программе!

Она вообразила себе жизнь с этим майором Мишей, ежедневное лицезрение его сатиновых трусов... О, Господи!

Это даже не было изнасилованием - вот, что самое страшное. Нет, самое страшное - что она не могла решить, что хуже - изнасилование или вот так...

Она сама пошла за ним. Ни словом не обмолвившись о том, что не хочет его, что для нее он - только меньшее зло, что ее тело еще хранит другое тепло...

Она плакала. Он утешал, как умел, а умел он довольно неуклюже. И ни взглядом, ни жестом не дала она ему понять, что он ей противен, что она всего лишь подчиняется... Улыбалась и старалась понравиться.

Выбор был - он или те семеро.

Но если семеро - ты всего лишь физически слабее. Это может случиться с каждым. Семеро скрутят кого угодно. А вот идти за спасителем в свою комнату, давясь своим трусливым согласием, и покорно снимать с себя одежду, и переодеваться в черное кружевное белье от "Лиз Шармель" - бра без бретелек, узкие трусики, чулочный пояс... Да, это и есть настоящий позор.

Тогда почему же она сейчас сидит на заднице и жрет ананасы из банки вместо того, чтоб врезать этому козлу стулом по голове?

- Ну, вот, Томка, ты и развеселилась. - обрадовался Миша. - Я когда тебя увидел, сразу понял, что ты - славная девчонка. С огоньком. Может, еще того... Покувыркаемся?

Сказать "да". Пусть подойдет поближе. И черенком ложки - в глаз.

Во дворе раздался топот сапог, потом забарабанили в дверь. Майор дернулся к подоконнику, потом повернулся к двери:

- Кто там?

"Ах, вот, где ты прячешь пистолет..."

- Товарищ майор, тут какая-то херня творится. Связь не работает, со штабом бригады контакт утерян...

- Так надо меня среди ночи поднимать? Сами справиться не можете?

- Никак нет, товарищ майор! На всех частотах сплошной шум.

- Так позвоните в штаб по телефону, козлы!

- А как?

- Откуда я, на хер, знаю как? Томка, как отсюда... - он осекся.

В лоб ему смотрело дуло "Макарова".

Тамара демонстративно щелкнула предохранителем, передернула затвор.

- Прогони их, - тихо сказала она.

- Дура, положи пистолет.

- Прогони их!

Секунды три майор колебался, потом крикнул:

- Через полчаса я приду, уходите!

Тамара криво улыбнулась, услышав на лестнице топот ног.

- Дура, - как-то печально сказал майор. - Я же с тобой по-человечески. Не дури, Томка, положи пистолет. Ничего тебе не будет. Я обещаю.

- Заткнись. Ложись лицом вниз, руки на голову.

Майор встал в полный рост, скрутил кукиш и предложил:

- Выкуси.

Она слишком поздно поняла, что он провоцировал ее, прощупывал. Искал предел ее решимости. Он не подчинится, надо стрелять, потом выбежать в холл, и попытаться прорваться к машине. Если надо будет - проложить туда дорогу пулями. Она не совсем ясно представляла, что будет делать после того, как истратит здесь весь боезапас, но первый пункт программы уже сам по себе выглядел неплохо.

Ее палец напрягся на спусковом крючке, и в это время майор своим кукишем ударил ее по руке, держащей пистолет. Выстрел ушел в пол, а майор второй рукой врезал Тамаре по скуле.

Ее голова еще раскалывалась от малинового звона, когда майор повалил ее на постель и сорвал бра. Одной рукой он схватил ее за грудь, а другой - ударил по второй щеке. От боли Тамара не могла даже заплакать. Она не успела заметить, когда он вошел, и словно сквозь вату услышала:

- Товарищ майор, что случилось?

- Нечаянный выстрел! Ничего страшного, валите отсюда!

Он выполнял свою работу так, будто рубил дрова: ритмично, сильно, с характерным хриплым сопением. Тамара попыталась укусить его в лицо, но он даже не стал размениваться на третью оплеуху - просто прижал ее голову предплечьем и держал так, пока не кончил, рыча сквозь зубы.

Тамара чувствовала себя так, словно по ней проехал бульдозер. Цыпленок табака.

Майор встал, подобрал с пола пистолет. Потом натянул комбез, сел у окна, закурил.

Тамара собирала себя по частям. Повернуть голову. Подтянуть руку. Опереться на локоть. Сесть.

- Ну что, позвать ребят? - спросил майор. - Всю роту? Или только взвод?

- Если ты считаешь, что не справился, давай. Если на одну женщину вы можете только взводом... Но первый, кто попробует, недосчитается пары яиц, понял?

Майор неожиданно улыбнулся.

- Ты мне такая даже больше нравишься. Люблю смелых.

- Ты лучше убей меня, bastard. Потому что рано или поздно я тебя все равно убью.

- Ох, не смеши меня, Томка. - Он встал. - Ладно, пойду посмотрю, что там у них со связью. Ты не будешь искать, чем меня зарезать?

Тамара плюнула ему в лицо. Плевок не достиг цели - девочки из приличных врэвакуантских семей не умеют правильно плеваться. Слюна упала на штанину.

- Слижешь, - сказал майор. Это был не вопрос, а утверждение.

- Пошел на х...

Следующая оплеуха была ленивой, но от этого не менее тяжелой. Тамара обнаружила себя лежащей почти под креслом.

Внутри поднимался истерический смех и вой, но она загнала его обратно. Не слыша собственных слов, сказала:

- Дурак. Ты можешь меня бить, пока не отлетит голова. Ты можешь позвать всех своих холуев. Но я сама для тебя больше ничего не сделаю.

- Посмотрим. - Майор поднял с пола ее бра, вытер им штанину и бросил бра ей в лицо. Потом натянул куртку и вышел за дверь.

Она плакала долго, вжимаясь в подушку опозоренным своим разбитым лицом, плакала до дрожи, до пронзительного тягучего чувства в паху, плакала со слезами и без слез, а потом снова потящила в ванную изгвалтованное тело.

Самое обидное - то, что она могла легко всего этого избежать. Стоило только остаться с Артемом, в его бахчисарайской квартире.

Сейчас она уже с трудом могла вспомнить причину, по которой сорвалась и поехала сюда. Каждый человек хотя бы раз в жизни бывает таким дураком, что остается только диву даваться. Но одни расплачиваются за это дешевле, а другие - дороже. Кажется, Тамара относилась ко второй категории.

Хотелось почувствовать себя не дезертиром, прячущимся по углам, а офицером, который делит с армией поражение. Всю жизнь она пробивалась, не желая, чтоб ей делали скидку на пол. Она стремилась доказать, что может все не хуже любого мужика. И тяготы плена "Вдовы" перенесут наравне со всеми, потому что они - такие же солдаты и офицеры, как и все.

Разница оказалась лишь в том, что, скажем, поручика батальона технического обслуживания Дементьева никто не порывался растянуть на полу караулки, а на поручика Уточкину нашлись аж семь желающих.

Лучников, подумала она, я надеюсь, что тебя сейчас трахают в жопу бейсбольной битой.

Тамара завернулась в простыню, нашла сигареты, но закурить не смогла: майор унес зажигалку. Предусмотрительный майор.

В комнату кто-то заглянул. Шаги Миши Колыванова Тамара уже научилась отличать от всех других, поэтому, не оглядываясь, определила: не он.

- Get out! - сказала она, не оборачиваясь. Тот не двинулся с места.

Она повернулась и произнесла уже по-русски:

- Пшел вон!

Рядовой смерил ее взглядом, особо задержавшись на лиловых уже скулах, потом гоготнул, и лишь тогда закрыл дверь.

Обозначил статус. Она - шлюха майора. Его игрушка - пока еще любимая и неприкосновенная, но приподнятая над положением полковой девки лишь командирским капризом. "Наступит и наш черед", - вот, что говорил этот взгляд и эта усмешечка.

Надо что-то делать. Найти хоть какое-то оружие, пробиться на аэродром или погибнуть. По крайней мере, от пули, а не от...

Маникюрныые ножнички. Что можно сделать с их помощью? Майора уже не зарежешь, он теперь будет подпускать ее близко только для одной цели, и ничего острого взять не позволит. Что можно учинить, кроме самоубийства - довольно болезненного и вовсе не привлекательного?

Можно погасить свет. То есть, свет можно погасить и так, но при помощи ножниц можно погасить его радикально, во всем коттеджике для одиноких офицеров. А в темноте - врезать этому, у дверей. Как следует, чем-нибудь очень тяжелым. Легкий плетеный стульчик для этого не годится, фуршетный столик - тем более. Что-нибудь более основательное.

Душ.

Она пошла в ванную. Попыталась свинтить опору, на которую вешался душ. Если это удастся, у нее будет вполне приличный стерженек из никелированной стали, с треугольным тяжеленьким навершием. Вот только чем воспользоваться в качестве отвертки? Собственные ногти для этого не годились, маникюрные ножнички с запасом проворачивались в головке круглого винта. Нужно что-то более широкое.

Она вернулась в комнату в поисках подходящего инструмента. Ложка? Возможно.

Винты не поддавались. Наверное, слегка приржавели от влаги...

Уксус. Но его нет.

Лимонная кислота.

Тамара выжала на болты пол-лимона, оставшиеся от вечернего пиршества. Получится или нет?

Первый болт поддался минут через десять.

Через полчаса она имела в руках вожделенный дрючок.

Теперь ножницы.

Тамара помнила, что если обмотать рукоятки ножниц сухой тканью, ее вроде не должно ударить током. Но кто его знает, как оно получится на самом деле. Конечно, майор будет здорово недоволен, когда обнаружит в облюбованной комнате кучу горелого мяса, но ее это вряд ли утешит.

В общем, попробуем.

Она обмотала руку простыней и, разведя кончики ножниц, сунула их в розетку.

Ну, конечно. До двух дырок одновременно они не достают.

Тамара чертыхнулась, но вспомнила, как можно выйти из положения: просто развинтить ножнички.

Этот винтик брался уже и ногтем.

Разомкнув ножницы на две половинки и сведя их концами вместе, она снова обернула руку тканью, перекрестилась и сунула в розетку хромированные кончики.

Раздался треск, полетели синие искры, завоняло паленым пластиком. Тамара ощутила сквозь ткань, как мгновенно накалились колечки ножниц, и отдернула руку.

Комната ухнула во тьму.

Тамара отшвырнула ножнички, кинулась в душ и замерла там с поднятым орудием возмездия.

Но десантник оказался сообразительным парнем и в дверь входить не стал. Он оставался в коридорчике.

- Эй, ты! - крикнул он. - Где ты там! А ну, встань у окна, чтобы я тебя видел!

Тамара не отзывалась. Она тоже умеет вызывать людей на провокацию.

- Вылезай, красавица! - он попытался поймать ее на лесть. - Вылезай, курва!

Она улыбнулась. Ну, иди же сюда, дурачок, иди, мой сладкий.

- Если найду, дам в глаз! - пообещал он. - Слышишь, блядь?

Ну, иди же!

Он сделал шаг. Потом - еще один. И третий.

Последний.

Уловив движение сбоку от себя, он поднял руку, защащаясь. Но тяжелая железная пластина ударила его по руке и предплечье сломалось с глухим треском. Автомат выпал. Тамара еще раз ударила - по голове. Тебе бы сразу стрелять, глупенький, а ты решил, что справишься с бабой голыми руками.

Против лома нет приема.

Он успел крикнуть - вот, что плохо. Надо делать все очень быстро, снять с него комбез, чтоб не бежать до аэродрома в трусах. Забрать автомат и патроны. Ей-богу, пара голых сисек - совсем не то оружие, которое она хотела бы использовать против десанта.

Перед тем, как выбежать из комнаты, Тамара не отказала себе в удовольствии врезать лежащему по яйцам. Она не помнила, был он среди тех, кто хотел поиметь ее в самом начале. Может, он вообще не интересовался женщинами. Может, у него были другие сексуальные предпочтения. Честно говоря, ей было наплевать.

Она выскочила из темного коттеджика, и побежала в сторону аэродрома под прикрытием живой изгороди. Мелкий гравий, которым была усыпана дорожка, колол босые ноги. Она решила бежать под кустами, по траве. Те, кто бежал навстречу, не заметили ее, когда она упала и прижалась к земле под низкими ветками жасмина.

Да ее, собственно, никто и не искал, поняла она. На базе творилась какая-то беготня, но к ней эта беготня не имела отношения.

Она поползла по траве, проклиная все на свете, а мимо нее по дорожке пронеслись два БМД. В сторону аэродрома, черт бы все это подрал. Что их так всполошило?

Она не проделала и четверти пути, когда с аэродрома раздались автоматные очереди. Тамара решила плюнуть на все и бежать.

Выросшего перед ней десантника она заметила слишком поздно. Откуда взялся?

- А ну, стой! - он попытался схватить ее за плечо, она увернулась и короткой очередью прошила его грудь.

Падая в кусты жасмина, он смотрел на нее с удивлением ребенка, которому протянули пустой фантик от конфеты.

Она отшатнулась в другую сторону, ноги подкосились. Но никто не бежал на выстрел, никому она была не нужна. И слава Богу.

Тамара встала, стараясь успокоиться, чтоб не дрожали ноги. Подошла к телу, оттащила его в сторону, под куст. Потом огляделась, забросала гравием темные пятна на дорожке. Подобрала автомат и запасной рожок с патронами.

К архитектору жилого городка для "Вдов" она уже успела проникнуться искренней благодарностью. Это, наверное, был эстет, помешанный на зеленых насаждениях, что сейчас весьма кстати. Откуда же выскочил этот парень? Из клуба?

Она нырнула в заросли и под прикрытием зелени подошла к темному клубу. Светилось только одно окно - бильярдная. Десантников не было видно. Тамара раздвинула ветки и подошла к крыльцу. Держа автомат наизготовку, да так, чтоб он не брякнул о другой, боком (не терять из поля зрения дорожку) поднялась по лестнице и толкнула ногой дверь.

***

Тот же день, тремя часами раньше.

Десантник на КПП полка спецопераций изумленно таращился на белого офицера, который требовал, чтобыего пропустили в лагерь для интернированных.

"Пьяный, что ли?" - подумал солдат.

От офицера действительно попахивало вином, но и по запаху, и по виду судя, он был не настолько "поддавши", чтобы проситься под арест.

"Просто псих", - догадался солдат и облегченно вздохнул.

- Товарищ старший лейтенант! - крикнул он. - тут к вам их благородие пришло!

Старший лейтенант Гуков, уже успевший раздобыть подборку "Хастлера" за два года, и обложившийся ею по периметру, был ужасно недоволен тем, что его оторвали от разглядывания веселых картинок, по сравнению с которыми Playboy - это приложение к "Мурзилке".

- Чего надо? - спросил он у беляка.

- Товарищ старший лейтенант, моя часть находится на казарменном положении. Я пришел в свой полк.

"Вот зараза!" - подумал Гуков. Оформляй его, время трать...

- Завтра приходи.

- Согласно приказу я должен находиться в расположении части круглосуточно.

Парень - хуже триппера, пристанет - не отцепится, понял Гуков. Это, стало быть, тот самый, которого утром недосчитались.

- Как фамилия? - спросил старлей.

- Подпоручик Езерский.

- Андрющенко, - Гуков пальцем подозвал ефрейтора, - отведи подпоручика к остальным.

И лейтенант вернулся к "Хастлеру".

Он думал, что решил проблему, а на самом деле создал ее.

Импровизированный концлагерь уже успел пропахнуть тем, чем пахнут все концлагеря: человеческими испарениями, человеческими испражнениями и человеческой тоской. К пополнению компании все присутствующие отнеслись равнодушно.

Доложившись по форме полковнику Александрову, Езерский нарвался на холодную отповедь.

- Где вы изволили шляться, господин подпоручик? Впрочем, можете не отвечать. Круги под глазами, запах винного перегара... Новосветское брют? Господин подпоручик прощался со свободой в лучшем борделе...

- "Красный пароль", сэр! - шепотом выкрикнул свое единственное оправдание бедный подпоручик.

...В половине одиннадцатого вечера окончательно стемнело, и бойцы роты "Тень" начали пробираться через колючую проволоку. Примитивное заграждение было преодолено очень быстро, а для снятия часовых качинцы обычно использовали гитарные струны, о чем красные не знали и при обыске этих струн, находящихся в голенищах ботинок, не нашли. После короткого "соло" лагерь бросился за ограду, причем большинство бойцов было вооружено только "спаренной ручной установкой" - двумя крепкими кулаками. Многим этого хватило . Качинцы были злее, лучше подготовлены, их элементарно было больше, чем спецназовцев и десантников, вместе взятых.

Хотя, конечно, не обошлось без жертв.

В числе убитых оказался и подпоручик Езерский. Командир роты спецназа капитан Таранович, дрался с отчаянием обреченного и хотел лишь одного - прихватить как можно больше белых гадов с собой. С Езерского он начал, напав первым и ударив подпоручика ножом в горло. Следующим номером намечен был полковник Александров, оказавшийся ближе всех, но здесь произошла осечка: быстро поняв, что в ближний бой с огромным Тарановичем соваться нечего, полковник без лишних мудрствований метнул нож. Так капитан подал своим солдатам последний в жизни пример.

Закончив на территории своего полка, крымские спецназовцы начали готовить рейд на аэродром и военный городок "Вдов". Нужно было сообщить соседкам о "Красном пароле"...

***

Разгромленный бар требовал осторожности передвижения. Кругом валялось битое стекло, ходить босиком было опасно. Но выбора Тамара не имела: вперед и вверх, как поет любимый бард Артема.

Вспомнив о Верещагине, она почувствовала горечь. Конечно, Тамара была реалисткой, и знала, что только в кино герой бросается на помощь возлюбленой, расшвыривая по пути батальоны врагов. Но, черт возьми, Арт даже не попытался ее догнать по пути в Качу. Хотя знал, какой трассой она поедет, и знал, какие пробки на дорогах из-за перемещения советских войск. Надо признать честно: ее несостоявшийся муж - заносчивый и самовлюбленный тип, как и все мужики.

Тамара поднялась на верхний этаж. Еще на лестнице она услышала стоны, но не ускорила шаг: она стремилась держать под контролем все три двери, ведущие с маленькой галерейки, соответственно, в бильярдную, комнату для карточных игр и комнату психологической разгрузки. Ей совсем не хотелось, чтоб оттуда неожиданно выскочил молодой человек с автоматом.

Поэтому она толкнула ногой по очереди обе закрытые двери, перед тем, как войти в бильярдную.

В карточной никого не было. Свет Тамара не зажигала, чтоб не привлекать внимания, но ни движения в темноте, ни дыхания она не услышала. В комнате психологической разгрузки кто-то лежал на диване. Миндально желтела кожа, казалось, что нагое тело висит в темноте. Сомнений не было - женщина. Тамара подошла поближе, вгляделась в лицо при скудном свете, ползущем в двери бильярдной...

Это была Фатма Фаттахова, и, сначала показалось, что она мертва. Тамара потрогала ее плечо - ничего похожего на могильный холод. Кожа была прохладной, но резиновости мертвой плоти в ней не было.

- Фатма! - тихо позвала Тамара. - Очнись, Фатма! - она похлопала ее по щекам. Голова бессильно мотнулась. На щеке блеснула дорожка слюны. Выдох мощно отдавал перегаром.

Тамара выругалась и подобралась к бильярдной. Набралась духу и вошла туда, вернее, впрыгнула, тут же прижавшись спиной к стене и водя автоматом из стороны в сторону.

Никого. Нет, один человек в комнате был.

На зеленом сукне бильярдного стола лежала Рахиль Левкович, привязанная за руки и за ноги к медным скобам, на которых крепились сетки для луз. Лицо штабс-капитана Левкович распухло и почернело, Тамара узнала ее только по роскошной гриве черных волос, коротко подстриженных, но таких густых и вьющихся, что кроме "афро" у Рахиль не получалось никакой прически.

Рахиль была в сознании и узнала Тамару, ее грудь колыхнулась в судорожном всхлипе, а глаза закрылись.

Ни окликнуть ее, ни что-то сказать Рахиль не могла: рот летчицы был заткнут полотенцем и затянут ее собственными трусиками.

Тамара развязала черное трико, отбросила трусы и полотенце в угол.

- Мне нечем разрезать веревки, - сказала она. - Сейчас я спущусь и принесу стекло.

Рахиль, казалось, не слышала. Тамара испугалась, в своем ли она уме.

Она быстро спустилась по лестнице, подняла с пола первый попавшийся осколок и отступила, не сводя со входа глаз. Потом вспомнила еще кое о чем.

Наверх она поднялась с недопитой бутылкой анисовой водки. Разрезала капроновую сетку, стянувшую руки Рахиль, ткнула ей в ладонь бутылку. Приняв другую руку, помогла сесть и занялась ногами.

Рахиль осушила бутылку в три глотка, как гренадер.

- You should better bring the water, - сказала она.

- Извини.

Рахиль слезла со стола, постояла, шатаясь, опираясь на один из углов, потом подошла к окну.

- Там Фатма, - сказала Тамара.

- Я знаю, - отозвалась Рахиль. - Бедная дурочка думала, что если не будет сопротивляться, ее оставит себе кто-то один. Напоили вусмерть.

На спине и бедрах Рахиль темнели продолговатые синяки.

- Что с тобой сделали, - ужаснулась Тамара.

- После четвертого мне стало все равно, - пожала плечами Рахиль. Теперь она подошла к пирамиде с киями и выбрала один. Самый толстый.

- Надо его обломать, не знаю, хватит ли у меня сил. Наверное, положу его одним концом на кресло и поставлю на вот это место ножку стола.

Приводя свой план в действие, Рахиль продолжала рассказывать:

- Они решили меня расшевелить, и стали тушить сигареты... - она показала покрытые язвами предплечья. - Хотели заставить меня кричать.

- У меня есть автомат, - сообщила Тамара. - Зачем тебе эта дубинка?

- Ничего, пригодится...

Ей просто нужно что-то делать, поняла Тэм. Хоть что-нибудь...

Левкович навалилась всем весом на бильярдный стол, кончик кия хрустнул. Остальное Рахиль доделала руками. Теперь у нее была удобная дубинка длиной примерно с бейсбольную биту.

- В конце концов им все надоело, и они привязали меня, чтобы поиграть в "гусарский бильярд". Так они это называли. Я уже почти ничего не чувствовала.

Рахиль пошатывалась не столько от слабости, сколько от выпивки. Видимо, ее тоже поили насильно.

- Ты не знаешь, что там за стрельба? Почему они разбежались?

- У них начались неполадки со связью. Это все, что я знаю.

- А-а... Слушай, отдай комбез. Не могу ходить голой.

- У меня под ним ничего нет.

- Ну, и хрен? Кого тут стесняться?

- Тогда он и тебе ни к чему.

Рахиль сорвала с окна портьеру и завернулась в нее.

- Я сейчас пойду поссать и поблевать, - доверительно сообщила она. - Ты попробуй что-нибудь сделать с Фат.

Тамара кивнула.

- Дать тебе автомат? - спросила она.

- Пока не надо. Мне бы этот дрючок удержать... Как тебе удалось вырваться? - спросила Рахиль, выходя.

- У меня был всего один.

- Повезло. Бери Фат и пойдем в сортир.

- Иди сама.

- Дура. Если кто-то придет, в сортире лучше обороняться. Здесь входов до хрена, а в сортире только один. Второй этаж деревянный, а первый каменный. Здесь окна, а там их нет...

Тамара поняла, что Рахиль права.

Они вместе вошли в соседнюю комнату, взяли за руки неподвижное тело Фатмы и поволокли его вниз по лестнице. При каждомс шаге пятки девушки гулко ударялись о деревянные ступени.

- Ш-шайт, я надеялась тут положить ее и отдохнуть, - просипела Рахиль.

- Пошли! - Тамара сделала шаг вперед.

Когда они дошли до выхода, все три успели порезаться. Но даже боль не привела Фатму в чувство.

- Мешигинэ гоим хазерем поц, - процедила Рахиль, увидев разгром, учиненный в туалете.

Пришлось оторвать от ее хламиды кусок и вытереть грязный пол, прежде чем класть на него Фатму. Тамара занималась уборкой, а Рахиль стояла на стреме. Вернее, сидела на стреме - стоять у нее не было сил.

Тамара швырнула грязную тряпку в кусты. Потом приняла у Рахиль оружие и встала возле входа сама.

- Блевать буду, - сообщила Левкович и бросилась в кабинку. По кафельному полу за ней тянулся кровавый след.

Тамара переключилась на то, что происходило снаружи. Автоматные очереди стали ближе. Слышались крики. Ее побег был все еще не обнаружен, или десантникам было не до того. Надо как можно скорее привести Фат в себя, иначе им не удастся никуда уйти.

После того, что она увидела, ей было жаль, что первого десантника она оставила в живых.

Стоны, доносившиеся из кабинки, смолкли. Вместо них послышался шум воды. Выйдя к умывальнику, Рахиль долго мыла голову, потом полоскала рот, потом набирала в мыльницу воды и обливала свое тело. Розовые струйки исчезали в решетке стока.

- Все болит, - пожаловалась Рахиль. - Как хорошо быть пьяной, а? Море по колено. Фат начала шевелиться, я постою на часах, а ты помоги ей проблеваться. Сигареты есть?

- Нет.

- Погано.

Тамара отдала ей оружие и подошла к Фатме. Та и вправду шевелилась, обводила потолок мутным взглядом, стонала и пыталась встать. В кабинке Фат быстро поняла, что от нее требуется, но рвать ей было нечем.

Тамара поднесла ей воды в мыльнице. Запах и привкус мыла быстро возымели свое действие: Фатму скрутило в спазме. После того, как желто-зеленая, едко пахнущая слизь и белая пена уплыли в глубины канализации, Фат обвела помещение более осмысленным взглядом. Посиневшие губы шевельнулись:

- Тамара...

- Еще воды?

Фатма покачала головой и ее снова скорежило.

Выстрелы сменились взрывами. По улице пробежали несколько "голубых беретов". Правда, в данный момент это название не очень подходило: беретов ни на ком не было, большинство были голыми до пояса, а один - только в трусах.

Рахиль внезапно закричала и нажала на триггер. Очередь скосила раздетого, и швырнула его на гравий. Тамара бросилась к подруге, оттолкнула ее от дверного проема и подхватила свой автомат. В дверь ударили пули, не нанося прямого вреда женщинам, откалывая кусочки кафеля и покрывая зеркала паутиной трещин.

- Свет! - крикнула Тамара, надеясь, что Фатма ее услышит.

Свет в сортире погас.

Тамара на коленках подползла к двери, высунулась ровно настолько, чтоб можно стало вести огонь и стриганула пулями в одну из теней на дороге. Послышался вскрик, снова ударили очереди, короткие и прицельные. Солдаты отползли под прикрытием кустов, а потом поднялись и... побежали.

Тамара не поверила своим глазам. Она осторожно вышла из дверей, подкралась к телу на дорожке... "Берет", молодой парень с бритой головой и птичьими глазами - круглыми, серыми и без ресниц - лежал на боку и часто дышал, зажимая рукой живот. Лицо его было таким бессмысленно жалким, что Тамара захотела нагнуться к нему и посмотреть нельзя ли чем-то помочь.

- Отойди, - услышала она сзади.

Прицельным одиночным выстрелом в голову Рахиль добила парня.

- Ты идиотка, - устало сказала Тамара. - Ты выдала нас своей пальбой, мы ввязались в перестрелку, потратили патроны. а новых не достали. Его друзья унесли и автомат и обойму. Ты что, не соображаешь, что стрелять можно только по одиночкам?

Она поменяла рожки автомата и отступила снова вглубь аллеи, к клубу.

Свет опять горел, в дверях стояла Фатма с дубинкой в руке.

- Я услышала, как вы собачитесь, - сообщила она. - Хуже базарных баб.

- Тихо! - прошипела Рахиль.

Она направила автомат на дорожку, по которой, почти не шурша гравием, приближались пока еще невидимые люди. Тамара подняла автомат, но не видела, куда стрелять. Паника охватила ее: они были уже здесь - но где?

- Выходите с поднятыми руками и бросайте на землю оружие. - послышался голос. - И без глупостей: первая же граната, если что, - ваша!

По каким-то еле уловимым интонациям в голосе Тамара поняла, что это - свои, крымцы.

- Мы "Вдовы"! - крикнула она. - Поручик Уточкина, штабс-капитан Левкович, подпоручик Фаттахова.

- Все равно выходите по одной, если есть оружие - бросьте.

Фонарик загорелся в конце тропинки и осветил ее. Тамара вступила в полосу света, положила автомат на гравий и опустила руки. За ней то же самое сделала Рахиль. Фат не рассталась с дубинкой, но ребята посмотрели на это сквозь пальцы.

Загорелся другой фонарик, и при свете его показался говоривший: среднего роста худой мужчина, силуэт и профиль которого в луче света показались Тамаре такими

знакомыми, что у нее захватило дух: неужели ожила безумная мечта, отдающая внимательным чтением дамских романов? Но мужчина повернулся к свету лицом и очарование-наваждение рассеялось.

- Бурцев, ты, что ли? - спросила Рахиль.

Со всеми офицерами из спецназа, вплоть до подполковника, она была на "ты".

- Там больше никого нет? - спросил Бурцев, оглядывая женщин.

Тамара сделала отрицательный жест. Только сейчас она ощутила, как болят израненные стеклом и гравием ноги.

- А в помещении клуба?

- Тоже никого, - ответила за нее Рахиль.

- Хорошо, вернитесь туда. Если хотите, можете взять оружие. нам нужно еще закончить здесь... Где остальные женщины?

- Всех вывезли в Севастополь, - сказала Рахиль. - Мы остались случайно.

- Я понял, - сдержанно ответил Бурцев.

- Что ты понял? Что ты понял, факимада?! - закричала Рахиль. - Думаешь, нам хотелось остаться? Думаешь, нас спрашивали?

- Успокойся, Рахиль! - испуганно осадил ее Бурцев. - Ничего такого я не думал. Я... сочувствую вам. Я понимаю...

- Ни черта ты не понимаешь, - отрезала Рахиль. - И кончим этот разговор.

- Я не против, - обиделся Бурцев.

***

Такой подлости от женщин в целом и от Тамары в частности майор Колыванов не ожидал. Многие говорили ему, что ждать от бабы благодарности и честности - пустое дело, и, вроде бы, жизнь не раз подтверждала это... Но дураки, досадовал Колыванов, учатся только на своих ошибках.

Почему она взъелась на него? Разве он ее не спас? Разве не по-человечески обошелся? Разве хотел того же, чего остальные - всемером на круг? Ведь нет же, добро сделал и добра хотел в ответ, тепла, нормального отношения... А она, оказывается, только и ждала, пока он покажет, где его "шпалер". И второй раз он обошелся с ней по-божески, когда отобрал пушку - ведь мог бы и в самом деле позвать ребят и устроить ей египетские ночи. Нет, пожалел. Покорен был этим отчаянным протестом: не тряпка, настоящая женщина, рассчитывал все наладить... Наладил один. Гришке Семанцеву руку сломала и голову развалила, стерва. Ладно, где-то сержант и сам виноват: позор, что так дал себя поймать. Хоть и бабы, но все же офицеры и чему-то они научены.

Но когда их всех перестреляли и похватали, когда двое качинцев держали его за руки, а третий бил по ребрам и по морде - ведь не вступилась. Стояла и смотрела, дрянь. Ладно, двух других летчиц отделали по первое число. Озверели ребята. С цепи сорвались. Не всякий может удержаться, когда такой соблазн: делай что хочешь, и ничего тебе за это не будет... И зудит бес: попробуй, ведь, может статься, в жизни никогда такого больше не будет, и с женой своей ты этого не сделаешь... И отставать от других не хочется... Но с Тамарой-то всего этого не было! Это он, Михаил Колыванов, лично постарался, чтобы с ней такого не было!

Ну, подумал он, жив буду, не забуду. Ни одна баба от меня ни добра, ни доверия не увидит. Потому что знаю я теперь, во что оно обходится: в поломанные ребра и разбитую морду.

Глубокая ночь над Качей скрывала творившуюся в городке суматоху. Качинские спецназовцы готовили рейд на Севастополь, чтобы освободить пилотов. Десантники, посаженные на тот же хоздвор, куда они днем загнали качинцев, и не помышляли о побеге. Придут наши, тогда и посчитаемся. А в том, что они придут, сомнений не было.

Поручик Бурцев разбирался в управлении советской БМД, но мысли его блуждали где-то в жилом городке "вдов", среди "живой изгороди", там, где он увидел в луче фонаря черноволосую женщину в комбезе советского десантника.

11. Кольт майора Лебедя

Господь создал людей сильными и слабыми. Полковник Кольт уравнял шансы.
Эпитафия

Гора Роман-Кош, хребет Бабуган-Яйла, 30 апреля, 0225 - 0540

- Товарищ капитан, проснитесь! Вставайте пожалуйста, товарищ капитан!

Глеб продрал глаза, сел и хмуро спросил:

- В чем дело?

-Товарищ майор приехал, товарищ капитан.

Взгляд на часы:

- Третий час ночи, какого хрена... - Глеб не мог прийти в себя. Во рту было сухо и гадостно, как в заброшенной выгребной яме, голова гудела и слегка подводило живот. Он не так много выпил, как мало съел. А смешивать коньяк с водкой и пивом, закусывая фисташками и картофельными чипсами... Б-р-р!

Он встал, расправил затекшее от спанья в кресле тело, надел куртку и пояс и пошел в сортир.

Облегчившись, помыв руки, лицо и сполоснув рот, он чувствовал себя уже почти человеком. Для окончательного пробуждения необходима была сигарета.

На дворе творилось неописуемое. Там, где еле хватало места для неполной роты, толпилась половина батальона. Среди БМД сиял черным лаком "Мерседес".

- Что такое, что за херня? - спросил Глеб.

- Сами удивляемся, что за херня, товарищ капитан, - ответил Петраков. - В городе был бой. Наших вышибли. Грачев приехал, видите.

- Ах ты ж, господи, - Глеб затоптал "бычок" - Я думал, только Спас, а тут весь иконостас. А где товарищ майор?

-Где-то здесь, - Стумбиньш с трудом подавлял зевоту. - Они пробивались вместе.

-Откуда пробивались? Куда пробивались?

- Из Ялты - сюда, если я правильно понял, - зампотех, в свою очередь, достал сигарету.

- Трам-тарарам, - с чувством сказал Глеб. - Артем, а ты что думаешь? Что произошло?

- Не иначе как вторжение марсиан, - сказал Верещагин. - Не задавайте идиотских вопросов, Глеб, и не получите идиотских ответов. Конечно, это местные.

- Этого быть не может! - сказал Петраков. - Местные за нас. Они сами нас позвали!

- Ну, тогда остаются только марсиане.

- Хватит глупых шуток, - оборвал Стумбиньш. - Что мы будем делать?

- Что товарищи командиры скажут, то и будете.

К ним приближался штабной полковник.

Черт, подумал Глеб. - Черт, черт, черт. А так все хорошо начиналось. Цветы летели на БМД, девушки вешались на шею. За один день людей достали до того, что они за оружие взялись...

- Товарищи офицеры, где здесь можно спокойно поговорить? - спросил штабной полковник.

- В комнате отдыха, - быстро ответил Глеб.

- Очень хорошо, - полковник развернулся.

На "военный совет в Филях" не позвали ни капитана, ни старлея.

***

- Артем, ты что делать собираешься?

- Выполнять приказ. У тебя какой приказ? Занять эту гору и держаться на ней. Ну, так вот сиди и не рыпайся. И я буду сидеть и не рыпаться. Будем оба выполнять приказ.

А спецназовец перестал выглядеть вечным победителем, отметил Глеб. Если днем он походил на немца в июле 41-го, то ночью больше напоминал немца в июле 42-го. Капитан разглядел и красноватые глаза, и нервное постукивание пальцами по кобуре. Хотя лицо по-прежнему оставалось доброжелательно-непроницаемым.

- Пойдем выпьем кофе, - предложил старший лейтенант.

- Что?

- А что еще делать?

Они перебрались в кабинет и дернули "эспресо" из кофеварки.

- Шамиль, - приказал Верещагин татарину, - завари для товарищей командиров.

Глеб ухватился пальцами за притолоку двери и подтянулся на одной руке.

- Дернул черт заснуть, - пожаловался он. - Теперь глаза слипаются. Как ты?

- Это дело нужно перетоптать, - с видом знатока ответил старлей. - Накатывает волнами. Если каждый новый приступ сонливости переносить на ногах, то все яки.

Согревая ладони о стакан, Глеб сел прямо на стол и начал перебирать канцелярские принадлежности. Кабинет начальника службы охраны, как и всякий кабинет, нес на себе отпечаток личности своего хозяина. Глеб попробовал представить себе этого человека. Большой раздолбай, судя по всему. Бумаги свалены в порядке "свой поймет, чужой не догадается", канцелярские принадлежности разбросаны без лада по ящикам стола, четыре маркера запиханы в стаканчик для карандашей, хотя у них есть своя подставочка... Творческий человек.

Капитан взял со стола штучку непонятного назначения и неприятного вида, щелкнул два раза хромированными клыками.

- И на кой вот эта вэшчь? - спросил он.

- Скрепки выдергивать, - Верещагин бросил в его сторону быстрый взгляд и снова уставился в окно.

- С ума сойти. Только для этого? И больше ни для чего? Что, ножиком скрепку нельзя отогнуть?

- Общество потребления, Глеб. Нужны рабочие места, нужно что-то делать из отходов пластика и стали, нужно давать работу куче рекламных агентств... Здесь масса народу занята тем, что придумывает, как бы получше сделать, а потом получше продать ненужную вещь. Конечно, можно скрепки вытягивать ножом, можно ножницами, можно ногтями или зубами. Можно пиво разливать в канистры, а пирожки заворачивать в газеты, а пластиковые пакетики стирать и сушить на прищепке. Но это - общество потребления, и они ни за что не откажутся от вот таких штучек. Покупай больше, работай меньше, жри слаще. Вот такая теперь у них философия.

- Слушай, ты! - Глеб смял в руке пластиковый стаканчик. - Ты, конечно, великий специалист по "их нравам". Прям-таки наш замполит Захаров. Я понимаю - заграночки, разведка, то да се... Но скажи - неужели это нормально, что я, офицер Советской Армии, сыну своему кроссовки купить не могу? Что, так трудно выпуск кроссовок в стране наладить? Ладно, "жрите больше" - это философия глупая и неправильная, я согласен. Но почему нельзя жрать столько, сколько надо, не больше и не меньше? Почему у нас только Москва жрет от пуза, а в глубинке - шаром покати? Почему они при своей отсталой системе так с жиру бесятся, что придумали машинку для выдергивания скрепок, а мы со

своей передовой системой сидим голые и босые? Давайте мы немного поживем в обществе потребления, а там уж сами решим, хорошо это или плохо.

- Глеб, ну вот если я тебе скажу, что плохо - поверишь?

- Да чем, чем плохо, скажи мне?

- Да тем, что никто уже не хочет ни за что бороться. И когда приходит хана - в лице нас с тобой, Глеб! - все сидят, сложив ручки на животе, и ждут, что кто-то их выручит. И я не буду их за это осуждать. Понимаешь, трудно человеку подыхать с оружием в руках за то, чтобы кто-то через год купил себе новый автомобиль.

- Да что ты такое городишь, Артем! Ты вспомни, за что воевали наши отцы - за то, чтобы мы пожили наконец-то по-человечески! Ты никогда такого от своего отца не слышал, Верещагин?

- Нет, Асмоловский. Никогда.

- По-твоему, подыхать, чтобы дети жили по-людски, глупо? А подыхать непонятно вообще ради чего - не глупо? Зная, что ни тебе, ни твоим близким от твоей победы ни холодно, ни жарко, и кто от нее выиграет - так это бровеносец наш, который очередную цацку на грудь себе повесит. Вот я думаю, что ты неправ. Они тут очень быстро взялись защищать свое общество потребления. А мне ради чужого ордена погибать офигенно не хочется.

Шамиль, молчаливый свидетель диалога, расставил на маленьком подносе семь стаканчиков с кофе, туда же пристроил стеклянную посудину из кофеварки, изячно этак утвердил поднос на правой руке, метрдотельским жестом поправил воображаемую "бабочку" и направился в комнату отдыха.

Через минуту он вернулся.

- Капитан... - секундное замешательство, - Товарищ капитан, товарищ старший лейтенант... Вас просят зайти...

***

..Князь откровенно зевал.

- Слушай, я уже носом клюю, - пожаловался он. - Долго мы еще будем вилять, как маркитантская лодка? Почему десантники снимаются и идут вниз? Здесь будет что-нибудь или нет?

- Будет, - пообещал Артем. - Бери Миллера, Сидорука, Хикса. Возьми всю взрывчатку, какая осталась. Спустись вниз и взорви эстакаду за Чучельским, на двести девяносто второй.

- Ничего себе! ЗА Чучельским, а не НА Чучельском?

- Да, ЗА, а не НА.

- Зачем, ты мне можешь объяснить?

- Сейчас сам все поймешь. Кашук, связь со штабом бригады.

- Десять секунд, - из бесчисленных рукояток на пульте штабс-капитан выбрал нужные и привел в одному ему понятное положение. - Наденьте наушники. Нажмите на эту кнопку.

Иметь в своем распоряжении самую мощную в Крыму станцию иногда полезно. В штабе бригады ситуацию с Грачевым узнали через двадцать секунд - ровно столько времени понадобилось Верещагину на то, чтоб ее изложить.

Война в горах имеет свою специфику. Перекрыв дорогу, втиснутую между обрывом и крутым склоном, взвод при наличии достаточного количества боеприпасов может держать а хоть полк. Двести девяносто вторая трасса, соединявшая Симферополь с Гурзуфом, была одной из трех, ведущих из столицы на Южный берег. По ней и собирался отступать (эвфемизм слова "драпать") в Симферополь генерал Грачев.

Но!

За Чучельским перевалом дорога раздваивалась. Одна из трасс вела в Симферополь, а вторая - в Национальный Парк, где и заканчивалась тупиком. Оттуда, правда, можно было повернуть и выехать к Изобильному, все на ту же двести девяносто вторую. Но их уже будут ждать, ждать возле хребта Конек, потому что по разваленной дороге, где не пройдут БМД, пройдут "Бовы". Срежут путь, пока красные будут делать петлю от национального Парка, устроят засаду или встретят ударом в лоб.

Что и изложил в своем кратком сообщении командиру 1-го горно-егерского батальона капитану Карташову капитан Верещагин.

То, что Карташов оказался его знакомым по офицерскому училищу, было даже не везением, а просто закономерностью. В пределах бригады практически все офицеры друг друга знают если не по имени, то хотя бы в лицо. Ровесники с вероятностью в 70% вместе учились в Карасу-Базаре. Офицеры штаба бригады знали Верещагина, он знал их, а с командиром батальона, Максом Карташовым, они даже какое-то время жили в одной комнате общежития. Хотя друзьями не были. Чисто деловые отношения: одолжи бритву, не видел мои часы, твоя очередь убирать, e - функция от d или от t? Между ними было много общего - возраст, социальное положение, перспективы по службе - но они все же слишком сильно отличались друг от друга, чтобы мирное соседство переросло хотя бы в приятельство. Максим не разделял увлечения скалолазанием, не углублялся в психологию или военную историю дальше, чем того требовала программа и не любил заумную музыку "Пинк Флойд".

Услышав коллегу на частоте штаба бригады, Карташов был слегка ошарашен, и в ситуацию вник не сразу.

- Ты там что, со всей своей ротой? - не понял он.

- Я здесь один. Почти один. Долго объяснять.

- Две сотни десантников и один ты? - не понял Карташов.

- Да, где-то так. Они принимают меня за своего.

Это было настолько невероятно, что Карташов заподозрил ловушку. Но Верещагин с самого начала говорил по-английски, что ему вряд ли позволили бы, говори он под дулом.

- Как вы там оказались, сколько вас там вообще?

- Семеро.

- Что вы там делаете?

- Солдат, не спрашивай. Теряешь время, Максим! Тебя ждет засада, это раз, я свяжусь позже, это два. Конец связи.

Он снял наушники.

- Кашук, можно сделать так, чтобы я с ним связывался по "уоки"?

- Вы можете связываться со мной, а я подключу игрушку к пульту.

- Годится. Делай.

- То, что вы задумали - безумие.

- Вся эта затея - безумие. Но не можем же мы сидеть на своей жопе, пока ребята будут их гнать.

- Почему бы и нет? - пожал плечами Кашук. - Один батальон роли не сыграет.

- Откуда ты знаешь, сыграет или нет? Кто дал тебе какие-то гарантии? Я хочу выгнать их отсюда. Рано или поздно кто-то из них сообразит, что здесь - самая мощная радиостанция в Крыму. Я еще удивляюсь, как меня не попросили попытаться выйти на штаб дивизии. Я полдня и ночь провел на нервах, все, больше не могу. Нужно выпереть их с горы и возвращаться в батальон. Мы свое дело сделали.

- Не выходите отсюда, - попросил Кашук.

Артем, не отвечая, встал, подошел к двери.

- Не открывайте двери никому, даже родной бабушке, - повернулся он, взявшись за ручку.

- Вы думаете, что это пройдет гладко?

- Алеша, если это пройдет гладко, я влезу на вышку и спою "Te deum".

***

Ялтинско-Алуштинская Агломерация, 2230 - 0315

Почему все пошло криво?

Майор Лебедь снова и снова задавал себе этот вопрос и не мог найти ответа.

Единственной воинской частью, контролирующей район Ялтинско-Алуштинской Агломерации, был его батальон - если не считать комендантской роты генерала Грачева, надумавшего оставить на один вечер свой штаб в Симферополе и развлечься в благодатной Ялте.

Городской голова (сам он предпочитал называться мэром и по-русски почти не говорил) был в восторге от Общей судьбы и закатил офицерам банкет. В момент начала военных действий генерал Грачев сидел с городским начальством за ужином в ресторане "Невский Проспект ", и ел устрицы с лимонным соком. Буржуйские разносолы, надо сказать, ему впрок не пошли. Когда в десять вечера половина персонала ресторана и гостиницы ворвалась в банкетный зал, одетая в камуфляж и с оружием в руках, устрицы внутри генерала настойчиво запросились обратно.

Пьяную комендантскую роту застали врасплох, а комдива едва не взяли в плен. И Грачеву пришлось признать, что если бы не ребята из батальона Лебедя, то ему показали бы, почем фунт гороху.

Но майор взял дело в свои руки. Резервисты были выбиты из "Невского Проспект а", после чего батальон начал отступать из города. Одно было плохо: упустили пленных. Нужно было сделать ноги быстрее, чем эти пленные разберут оружие и соберутся в погоню.

Через Ялту до Массандры они прошли, как пьеса Софронова через цензуру - почти без потерь. Видно было, что крымцы не хотят начинать драку в городе. Но погоня следовала за ними по пятам. Арьергард отстреливался почти непрерывно. Самое обидное - то, что, насколько майор смог заметить, эти нападающие были просто бандой вахлаков. Правда, очень большой бандой. И очень хорошо знающей эти места бандой. Они следовали за батальоном на своих вислозадых машинах, находили какие-то грунтовые дороги в горах, где БМД проехать не могли, выезжали на трассу впереди батальона и устраивали засады. Нанеся быстрый удар, они снова исчезали, а десантникам оставалось только подсчитывать раненых и убитых. На рожон эти гады не лезли, предпочитали нападать из-за угла, и майор, скрипя зубами, признавал, что эта тактика принесет им успех, если десантники не покинут как можно скорее трижды проклятую курортную зону, перевалив через Гурзуфское Седло.

Возник один неприятный вопрос: кто должен остаться в арьергарде, дав товарищу генералу и своим боевым друзьям возможность добраться до Симферополя?

Как командир, Лебедь должен был ответить на этот вопрос. Впрочем, он мог утешать себя тем, что арьергард не будет так однозначно брошен на растерзание: задержав противника на сколько надо, ребята могут отступить на Роман-Кош, а там, он видел, просидеть можно долго. Да и спецназ поможет. И с боезапасом у Глебовых парней и спецназовцев получше, чем сейчас у Лебедя... В том, что еще до утра помощь прибудет и мятеж подавят самым решительным образом, майор не сомневался.

Очередная засада была устроена в Никите, куда они свернули, сброшенные с Никитского перевала. Сукины дети со снайперскими винтовками заняли десятка два точек и планомерно расстреливали всех, кто высовывался. Дураков было мало, и тогда мерзавцы палили просто по БМД, и винтовочные пули пробивали-таки алюминиевую броню, и иногда в кого-то попадали. У мерзавцев не иначе как были приборы ночного видения. У мерзавцев было до хрена - и больше! - патронов. У мерзавцев была связь. Если бы у

майора была хотя бы связь! Если бы он мог хотя бы нормально командовать своим батальоном! Но все частоты - две основные, две резервные - были забиты помехами. А впереди - м-мать его! - еще Гурзуф!

Дорога от Ялты до Гурзуфа, которую крымский водитель промахивает за двадцать минут с учетом автомобильных пробок, заняла у батальона шесть часов. За это время Лебедь потерял еще четверть личного состава.

Поэтому, когда его еще и на Седле встретили огнем, подбив из гранатометов два БМД, он был готов лично рвать на куски сволочей-белогвардейцев. Он приказал вычистить весь склон над дорогой.

Ребята выскочили из БМД и кинулись наверх пешим строем. Поднявшись метров на сто, они угодили под ураганный автоматный огонь. Несмотря на достаточно ясную лунную ночь потребовалось некоторое время, чтобы разобрать, что свои лупят по своим: роту капитана Деева принял за авангард наступающих беляков взвод лейтенанта Васюка из роты капитана Асмоловского. Пятеро ребят погибли...

Майору Лебедю в этот день положительно не везло.

Теперь он помогал Глебу в организации засады и искренне надеялся, что белым гадам на этот раз икнется. Рота Асмоловского, свежая и полностью укомплектованная боезапасом, задаст им шороху. А потом они спокойно оторвутся и уйдут отсюда. Преимущество в скорости у них есть, а на закуску белякам можно оставить несколько приятных сюрпризов.

В организации засады активно участвовали и спецназовцы. По крайней мере, трое из них. Майор знал, что, в отличие от десантников, они никуда отсюда не уйдут. Если Грачев не собирался делать из арьергарда смертников, то начальство Верещагина, видимо, напрочь забыло о старлее. А он, как тот хлопчик, который дал честное слово, никуда не двинется без приказа. Обсуждение этого вопроса было давно закончено.

Если бы майор знал, о чем думает Асмоловский, он бы отматерил капитана и приказал ему думать о деле.

Потому что капитан, покончив с устройством засады, переключился на свой больной вопрос: "А не засланный ли казачок". Он уже и сам себя ругал на чем свет стоит, но эта мысль не давала ему покоя. Свежей пищей для нее стала оговорка Шамиля. Даже не оговорка - так, чепуха собачья. Но Глеб готов был поклясться, что Шамиль, сказав "капитан", обращался не к нему.

Скатился вниз грачевский "мерседес" в сопровождении БМД охранной роты. Из машины вышли двое: подполковник и полковник. Генерал остался внутри.

Лебедь откозырял вышедшим.

- Ave, Caesar! Morituri te salutant, - полушепотом прокомментировал Верещагин.

- Только цезаря что-то не видать, - так же тихо ответил Глеб. - Даже выйти не соизволил, сука.

Подполковник дал им знак подойти.

Смешно - они, не сговариваясь встали по ранжиру: полковник, подполковник, майор, капитан и старший лейтенант...

***

"Флеш-стрит", - подумал Артем.

Подполковник и полковник пожали ему, "смертнику", руку. Большая честь. Странно, но они выглядели совершенно нормальными людьми. Артем легко мог представить любого из них в крымской форме со знаками старших офицеров. Подполковнику Семенову очень пошли бы черные марковские погоны.

"Скатертью дорожка", - подумал он.

- Скатертью дорожка, - тихо сказал Глеб.

Они втроем стояли у шлагбаума, загораживавшего въезд к ретрансляционному центру. Был час рвущихся сумерек, обманный час, сонный и тяжелый час. Самое подходящее время для быстрого удара исподтишка.

Стоял час Быка, и нестихающий ветер выл над Роман-Кош.

***

Генерал Грачев за годы армейской карьеры научился чувствовать опасность задницей. И сейчас его задница просто-таки свербила от дурных предчувствий.

Нет, не имелась в виду совершенно реальная возможность налететь на белогвардейскую засаду. Опасность была не военная, а чисто армейская, карьерная, если можно так выразиться.

Это лейтенант может шутить "дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут". А генералу это очень некстати. Тем более, что сейчас появилось много вариантов южнее Кушки, и ну его на фиг ехать туда командовать хотя бы и армией. Вторжение в Крым было звездным часом Грачева, реальным шансом сделать еще один шаг к маршальским звездам. А тут какие-то мудаки этот шанс серьезно подпортили.

Грачев знал, как вставит ему Москва за начало незапланированных военных действий. А уж как вставят, если он провалит и ответный удар - и сказать невозможно. Так вставят, что лучше бы ему в Москву не возвращаться.

Террористы - вот, кто его беспокоил. То есть, ясно было, что никакие это не террористы, а самые что ни на есть регулярные войска Острова Крым, террористы не носят погон и не ездят на сочлененных транспортерах. Но, поскольку Остров присоединился, то на его территории действуют советские законы. А по советским законам эти ребята - террористы. Сепаратисты, вот они кто. Мысленно составляя доклад в Москву, Грачев порадовался удачной формулировке: бандформирования вооруженных сепаратистов.

Стоп, машина!

Перед ними был тупик. В свете фар белым по красному - старый знакомый "кирпич".

Грачев вышел из машины, огляделся. Семенов услужливо обшаривал фонариком местность. Сержант и двое солдат из взвода охраны тоже шастали лучиками по стенам ущелья, держа автоматы наизготовку. Коротенькая колонна из пяти БМД замерла.

В небе бледнели последние звезды, но горы были черны. Видимость - паршивей некуда. Ну, так в чем заминка? Не в правилах же крымского дорожного движения... На карте грунтовая дорога обозначена, и мостик обозначен...

Грачев подошел под "кирпич", как раз и воспрещавший въезд на мостик.

Хороший такой подвесной пешеходный мостик.

Внизу между камней сочится тощенькая речонка, обозначенная на карте как "Сухая Альма". Нда, водички в этой Альме действительно маловато... Зато камней - хоть гробницу Хеопса громозди. Как на подбор камешки: здоровенные такие клыкастые булыганы. Естественная баррикада. БМД не пройдут, даже если и берег не был бы таким крутым...

Грачев поднял говову, прочитал на венчающей мостик арке: "Крымский национальный парк". Хмыкнул.

А выдержит ли мостик БМД? С виду он, конечно, поганенький. И, судя по "крипичу" не должен выдерживать даже гражданские машины. Оставляйте, господа-товарищи, свой транспорт здесь, на крутом бережочке, и трюхайте на пленэр пешим дралом. Чтобы не засирать природу выхлопными газами...

- Это что же у нас получается? - спросил он вслух. - Дорогу взорвали... Здесь мостик этот...

- Можно еще на юг свернуть, товарищ генерал...

И верно: от мостика вела еще одна дорога. Согласно карте - на юг, к хребту Конек и поселку Изобильное. Изобилие Грачева мало интересовало. Его интересовало - выдержит ли этот мостик БМД. В "Мерседесе" он почему-то был уверен.

- Товарищ генерал, ну как, поворачиваем? - спросил командир комендантской роты старший лейтенант Шамотин.

- Я т-те поверну... - сказал Грачев. Ситуевина - хоть монетку кидай. Через Изобильное - час ехать, не меньше. Конечно, майор с ребятами постарается задержать беляков... Но ведь эти суки каждый камешек здесь знают. Обойдут майора - как нечего делать. Время дорого. Нет, этот обоз нужно бросать.

Через мостик...

Короче, надо попробовать.

В любом случае, беляки погонятся за колонной, а не за одинокой гражданской машиной. И ты ж попробуй догони "мерс" на хорошей дороге. А дороги здесь хорошие...

Грачев сел обратно в "мерседес", подозвал Шамотина.

- Значит так, товарищ старлей. Ты теперь всеми командуешь. Поворачивай на юг и езжай в обход. Все равно здесь БМД не пройдут.

- А может, попробуем, товарищ генерал?

- Я т-те попробую... У тебя раненые, Шамотин! Если мостик хрястнет - они по камушкам прыгать будут? Отставить разговоры, товарищ старший лейтенант!

- Есть, товарищ генерал.

- Семенов, - Грачев хлопнул полковника по плечу. - Давай, поехали.

***

- Больше ничего? - спросил Карташов.

- Ничего, - ответил Артем.

А что он еще мог сказать? "Там есть один капитан, не убивайте его, пожалуйста?"

Он мог бы, правда, напомнить Карташову, что роту, сидящую в засаде, не обязательно уничтожать или загонять на гору. Лучше всего - выгнать батальон Лебедя с горы, заставить его отправиться вслед за Грачевым и разбить под Изобильным. Но он посчитал, что такую элементарную вещь Карташову разжевывать не надо. Он помнил Карташова по Карасу-Базарскому офицерскому училищу и считал за парня неглупого.

И атака на засаду действительно прошла без сучка и задоринки. Горные егеря обстреляли склон из минометов, умело изобразив постепенную пристрелку. Им удалось спровоцировать ответную стрельбу из АГС, и вот тут уж минометы обрушили огонь на советские расчеты безо всякой игры в прятки. Огонь, корректируемый крымским наблюдателем, был точен и беспощаден. При желании, горные егеря могли бы, ни шагу не делая, загнать десантников наверх, под прикрытие каменных стен...

Но в планы егерских капитанов это не входило. Загнать красных на отличную, хорошо укрепленную позицию, и потом ее атаковать равными силами? Ну, нет...

Никто из них не собирался мешать отступлению. Напротив: это отступление нужно было форсировать.

Верещагин радовался, что майор Лебедь хороший командир. Плохой командир собирался бы, как вор на ярмарку. А у майора все было готово в считанные минуты.

И когда последний БМД исчез за поворотом, оставив "спецназ" в "арьергарде", Артем длинно выдохнул и перекрестился.

- Тут кто-то, - раздался ехидный голос из "уоки-токи", - обещал влезть на вышку и спеть "Te Deum".

- Рано, Алеша. Еще рано.

- А когда будет не рано?

- Когда раздавим их у Изобильного.

***

Капитан Карташов просто обалдел, услышав в самых общих чертах, что здесь делает Артем и КАК он это делает.

Верещагин о многом умолчал, а Карташов, в свою очередь, многое додумал. Картина, сложившаяся в его мозгу, вполне его устраивала, и ему даже в голову не пришло уточнить детали. Он знал, что Адамс после гибели Чернока заперся в бункере Тактического центра. Он знал, что батальон, где служит Арт, охраняет ТЦ. Скорее всего, Арт был в это время в бункере и Адамс поручил ему... что? Наверное, передать "Красный пароль". Каким-то образом он выбрался с командой людей, которым доверял - и...

- Арт, а где ты достал спецназовскую форму, оружие и машину?

- Скажу, что в одном гараже нашел - поверишь? - спросил Верещагин.

Он уже успел сменить форму спецназовца на форму корниловца, его люди взорвали дорогу за Чучельским и добирались до хребта Конек, нужно было делать все быстро, быстро, быстро, так что Максим, который вполне мог проанализировать происходящее, не стал этим заниматься: некогда. Почему обычный ротный получил задание, более подходящее для спецофицера-качинца или ОСВАГовца, где он раздобыл советское оружие и обмундирование, как ему удалось с таким успехом играть в спецназовца - все эти вопросы пришли уже ПОТОМ, и хорошо ПОТОМ. А сейчас была куча проблем, требовавших немедленного решения. Например, доставка раненых в ялтинской госпиталь и засада на хребте Конек...

Володю Козырева, уже три часа не приходившего в сознание, и тело Даничева положили в санитарную машину, Артем слегка успокоился - одной проблемой меньше и, кажется, Володька все-таки выживет. Именно в таком порядке. Сволочь я, подумал Верещагин. Такие дела кого угодно превратят в сволочь.

Максим Карташов решил бросить все силы на ушедший советский батальон и не занимать людей охраной вышки. Хватит и одного взвода, усиленного половиной команды Верещагина. Остальные отправятся в погоню за советским батальоном.

- Максим, дай мне минометы, - попросил Артем.

- Арт, ты что несешь? Там будет, если тебе верить, целый батальон - как я могу отдать минометы?

- Хорошо, а как мне прикажешь крутиться здесь с одним взводом? Один взвод - это значит, большая часть периметра будет прикрыта только святым духом.

- Я не понимаю, зачем тебе перекрывать периметр. Даже если они вернутся - извини, я в это не верю, - как они смогут напасть на тебя со стороны вершины или со стороны обрыва?

- Я бы смог. Ладно, не хочешь минометы - оставь мне еще один взвод. Всего один взвод, Макс!

- "Всего один взвод"! Всего тридцать человек, а в целом - шестьдесят пять... Извини, жирно. Один взвод егерей. Три машины.

Верещагин беззвучно выругался. Офицеры из ялтинского батальона смотрели на него косо: им предстояло брать в ловушку две сотни советских десантников, а этот тип будет сидеть тут в полнейшей безопасности. На самый крайний случай ему оставили целый взвод - и он требует себе еще минометы? А рожа не треснет? Ход их мыслей был Артему вполне ясен, но от этого не становилось спокойнее.

Он попытался затоптать свое дурное предчувствие. Старая альпинистская привычка шептала, что тебе обязательно понадобится на маршруте то, что ты, положившись на волю случая, решишь оставить внизу. Да, вероятность того, что майор повернет обратно к Роман-Кош, ничтожно мала. Но если он все же повернет? Максим что, рассчитывает, что с одним взводом Арт удержит батальон? Минометы - и нет никаких проблем. Два взвода - и он бы оценил свои шансы продержаться до подхода ялтинцев как пятьдесят на пятьдесят.

- Что ж, будем надеяться на святой дух, - сказал он.

- Этот твой парень, Берлиани, говоришь, уже подобрал место для засады и провел рекогносцировку? - спросил Максим.

- Да.

- Он вообще что-нибудь соображает в горной войне? - процедил один из ялтинских поручиков.

- Соображает, - подавляя раздражение, ответил Артем.

- Тогда не будем терять времени, - оборвал Карташов. - Мухамметдинов!

- Да, сэр? - откликнулся с одной из машин взводный из резервистов.

- Остаешься здесь со своим взводом. Господина капитана слушаться как родную мать, понятно?

- Понятно... - без всякого энтузиазма отозвался взводный.

В зябком предутреннем полумраке Верещагин разглядел его лицо: большие, даже слегка навыкате глаза, упрямо сжатые губы и заботливо выпестованные усики. Двадцать два-двадцать три года, не больше. И явно недоволен тем, что все остальные отправятся на горячее дело, а он останется здесь, на горе, под командой подозрительного капитана.

Артем понимал его. Не так давно, в турецкую кампанию, он сам был еще моложе и зеленее и носил погоны офицера-стажера. Его прикрепили в качестве помощника к взводному (сейчас он, убейте, не вспомнил бы его фамилию), и командир сформулировал боевую задачу предельно просто: не путаться под ногами. Ну, особенно путаться и не пришлось. Их батальон угодил под турецкий минометный огонь, взводный погиб в первый же миг, и в последующем яростном наступлении было больше страха, чем геройства. Артем бежал-полз-опять бежал сам и гнал "свой" взвод вперед, а не назад, только потому, что впереди была "мертвая зона", а позади - огненный визжащий ад. Эта атака спасла ему жизнь, принесла боевую награду и напрочь излечила от жажды боевой славы.

Он надеялся, что подпоручику повезет больше, чем повезло ему тогда, а ему повезет больше, чем тогда повезло его взводному.

..."Бовы", слегка вихляя тяжелыми задами, с рычанием перевалили через Гурзуфское седло и исчезли за поворотом.

- Как тебя зовут? - спросил Верещагин.

- Подпоручик Мухамметдинов, - с вызовом ответил ялтинец.

- Ну что ж, подпоручик Мухамметдинов, будем организовывать оборону.

****

Главнокомандующий
Евпатория, 0100 - 0240

Отражение атаки минометным огнем в переводе с русского на русский - это взрывы, стоны и крики, крошево тел, выпущенные кишки, оторванные конечности, скрип земли, песка и известки на зубах, выбитые стекла, кровь из ушей, визг мин и лязг осколков.

Резервисты кинулись в атаку, а попали в пекло. Тут нужно быть уже обстрелянным профессионалом, чтобы понять: останавливаться, а тем более отступать в такой ситуации - вдвойне губительно. Нужно бежать вперед и встретить врага лицом к лицу, не позволяя ему убивать тебя на расстоянии...

Штурмовую команду для следующей атаки Шеин приказал сформировать из ветеранов турецкой кампании. Отправил на крышу высотного дома снайперов - подавить вражеские минометы. Собрать, по возможности, всех раненых - доносящиеся с передовой стоны и вопли не способствуют укреплению боевого духа..

Волынский-Басманов, прибывший на место, схватился за голову.

- Кто уполномочил вас начинать боевые действия, Шеин?! Вы с ума сошли? Присоединение к СССР одобрено Думой, это мятеж!

- Я действую строго по уставу, сэр. По уставу, который предписывает мне начинать боевые действия по "Красному паролю".

- А вы не задумывались, кто передал этот пароль? Напрасно, милостивый государь, напрасно! У кого есть полномочия для его передачи? Я скажу: у Верховного Главнокомандующего. Главком Павлович был... изолирован еще днем, начальник Главштаба - тоже. По боевому расписанию командование принял Чернок, но Чернок был убит, и теперь главком - я. А я такого приказа не отдавал!

- "Красный пароль" был передан из Москвы, сэр... - тихо сказал адъютант.

- Молчать! - резко обернулся к нему Василий Ксенофонтович. - Молчать, пока вас не спросят. Дисциплину забыли?! Мы должны думать не только о себе, Шеин, но обо всей нашей стране, о России. Да, господа, о России, которой вновь угрожает кровавая гражданская война. Ибо в сложившейся ситуации наши действия нельзя назвать иначе как "мятеж".

- Возможно, - холодно ответил Шеин. - Но менять что-либо уже поздно. Капитулировать нельзя, можно только победить или погибнуть.

***

Евпатория, 30 апреля, 0400 - 0800

- Уходить нужно, товарищ майор... - сказал ефрейтор Зимин.

- Спасибо, ефрейтор, я как-нибудь сам решу, что нам делать. Можете идти.

Беляев высоко оценил мужество и прекрасную подготовку Зимина, одного из шестерых посланных на разведку и одного из двоих вернувшихся, принесшего самые полные сведения. Он был даже готов представить Зимина к награде, но не собирался выслушивать от него советы и замечания. Даже правильные.

Действительно, надо было уходить. Помощь не придет, это ясно. В штабе дивизии или ничего о них не знают, или там свои проблемы.

Но куда уходить? Где прорывать кольцо окружения? Первоначальным планом было снестись с двумя другими батальонами, ударить одновременно, соединиться и уходить в Саки, к авиабазе.

Вернувшиеся разведчики принесли невеселые вести: два других батальона уже не окружены, а разбиты и захвачены в плен. Беляки кругом, их полно, они тоже подтащили минометы и орудия, и если еще не стреляют, то лишь потому, что чего-то ждут.

Беляев нутром чуял, что сейчас ему предложат сдачу. Он посмотрел на изящный телефонный аппарат, украшение стола, и, словно разбуженный его взглядом, телефон зазвонил.

- Майор Беляев слушает.

- Полковник Волынский-Басманов говорит. Товарищ майор, как вы себе представляете свое положение?

- Не дождетесь.

- Через сорок минут завершится эвакуация прилегающих районов и вы будете атакованы.

- Зачем вы мне это рассказываете?

- Странный вопрос, товарищ майор. Это мой родной город, я не хочу развалить его до фундамента, пытаясь вас отсюда вытурить или убить. Уходите лучше сами.

- А вы будете нас ждать на дороге?

- Майор, мне очень жаль, но у вас нет выбора, - крымский комдив бросил трубку

Сука, подумал Беляев. Зачем он позвонил? О моменте начала штурма, видимо, не врал: эвакуация мирных жителей действительно шла полным ходом, и собственные

подсчеты майора показывали, что все будет закончено в пределах часа. Но трудно было представить, чтобы враг врагу звонил исключительно по доброте душевной. Хотя... Этот комдив, насколько его помнил Беляев, тот еще жук. Вполне в его характере и на елку влезть, и яйца не ободрать. На случай если победит Союз - он всеми силами содействовал и предупреждал. На случай, если победит Крым (если хоть на полсекунды допустить, что такое возможно) - он стремился избежать жертв и разрушений.

Беляев вспомнил нервный тон князя и решил ему поверить.

***

Лампочка на пульте не горит, стало быть, микрофон не включен и можно спокойно валять дурака.

- Привет, привет всем, кто слушает нас сегодня! Начинаем нашу передачу для любителей утренних боевых действий! У микрофона ди-джей Шэм, самый клевый яки-бой от Бахчи до Керчи. По просьбе моего большого друга Алексея Кашука я поздравляю всех советских солдат со вторым днем пребывания на нашем чудесном Острове. Специально для них новейшие хиты сезона: писки, трески и визги на всем раочем диапазоне. Особое внимание прошу обратить на нюансы хрипов. Они, эти самые нюансы, чуваки, звучат очень даже круто...

- Большое спасибо, что ты подменил меня, - Кашук занял свое место, которое нельзя было оставлять ни на минуту, вот беда, каждый раз приходилось просить подмены, чтобы выйти в сортир... - Унтер, тебе не хочется есть?

- Можно сообразить кофе.

- От кофе на голодный желудок меня тошнит.

- Если пуля попадет в пустой живот, то шансов больше, чем если она попадет в полный живот. От того, что дерьмо смешивается с кровью, бывает перитонит.

- Благодарю за краткое знакомство с инфекционной медициной. Неужели твой капитан думает, что нам все же придется вступить в бой?

- Вам, господин штабс-капитан, не придется. А что, не терпится послушать "Te Deum" в его исполнении?

- У меня здесь, в этой каморке, очень мало развлечений.

- Сэр, честно вам скажу: нашему капитану медведь на ухо наступил. Так что его пение - это плохое развлечение. Хотите, я спою?

- Иди, унтер.

***

Майор Лебедь остановил колонну возле указателя "Национальный парк", венчавшего совершенно декоративный висячий мостик, явно не предназначенный для проезда БМД. И обычных машин тоже, о чем совершенно недвусмысленно сообщал дорожный знак. Мог и не сообщать - все равно мостик был выведен из строя. Какая-то добрая душа взорвала у дальнего конца гранату, тросы, на которых мостик висел, лопнули, и теперь желающие переправиться могли прыгать по камешкам.

Майор совершенно ясно понимал, кто это проехал здесь на "мерсе", а потом приказал взорвать мост. Сука штабная...

Здесь был перекресток трех дорог. По одной они приехали. Вторая лежала перед ними, совершенно недоступная. Третья прямо-таки просилась, чтобы они свернули и поехали по ней. Аккуратный указатель возвещал: "Изобильное". То есть, именно там можно было вернуться на двести девяносто вторую...

- Не нравится мне это, - вслух сказал майор.

Капитан Деев, капитан Асмоловский и старший лейтенант Говоров ждали следующей его реплики.

- Что скажете, ребята? - спросил майор.

- А чего тут думать, ехать в Изобильное, больше-то деваться некуда. На пятках сидят.

Глеб покачал головой.

- Товарищ майор, это скверно выглядит. Сначала разрушают дорогу за Чучельским... Если они хотели нас запереть, то почему не ПЕРЕД Чучельским? Как будто хотят, чтобы мы сюда свернули. Мы же с местностью не знакомы, не знаем, что здесь БМД не пройдут... На карте-то грунтовая дорога и мост обозначены...

- Заманивают, значит... - майор оглянулся. - Интересно, кто... И куда... И зачем...

Глеб встретился с ним глазами, и лицо его было бледно.

- Товарищ майор... - сказал он. - Я только что подумал... Это ведь и радиостанция тоже... Можно было бы пробиться сквозь помехи... А они даже не предложили...

- Кто про что, а шелудивый про баню... - зло сказал Лебедь.

- Слушайте! - Асмоловский схватил его за рукав. - Дураки мы! Боже, какие мы дураки! Кто ставит помехи?

- Самолеты РЭБ, - пожал плечами Говоров.

- Какие самолеты? Где ты видел самолеты? Где ты их слышал? Наши патрулируют небо, какие тут могут быть самолеты? Ну, подумайте же вы! Напрягите свои мозги!

- М--м! - Лебедь треснул себя кулаком по лбу. - Глеб, ты молодец, а я долбоеб.

- Все мы долбоебы, - беспощадно признал Деев.

- Поворачиваем? - спросил Говоров.

- Поворачиваем! - майор принял решение.

***

"С этим грузином", - подумал капитан Карташов, - "хорошо на пару дерьмо есть. Он первый закончит".

Но эту мысль он вслух не высказал.

- Дайте им еще немного времени, капитан Берлиани, - миролюбиво сказал он вместо этого. - Это ведь только по нашим расчетам они должны быть здесь. А кто знает, сколько времени уйдет на самом деле...

Берлиани снял с пояса "уоки-токи".

- Базовый лагерь вызывает вершину, - сказал он.

- Вершина слушает, - откликнулась машинка голосом Шамиля.

- Шэм, дай Артема.

- Да, Гия...

- Арт, пошли кого-нибудь на вышку осмотреться. У тебя могут появиться гости.

Карташов поморщился. Ох, уж эти аристократы-врэвакуанты... Гонору - выше потолка, а доходит до дела - паника...

- Хорошо, Гия. У тебя все?

- Все. Конец связи.

Князь повесил рацию на пояс. Вооружился биноклем ночного видения и в сто двадцать пятый раз осмотрел дорогу.

- Пошлите туда взвод, капитан, - сказал он. - Хотя бы еще один взвод...

- Не паникуйте, капитан, - поморщился Карташов. - Вот прямо сейчас я должен перекраивать засаду и посылать взвод на помощь вашему другу? Помощь ему совершенно не нужна. Нам бы кто помог.

Берлиани символически сплюнул и больше не приставал. И слава Богу, подумал Карташов.

Через семь минут один из дозорных вышел на связь.

- Едут, сэр!

Карташов покосился на Берлиани. Грузин слегка опустил голову, как бы признавая свою неправоту.

- Все по местам!

Все и так по местам, чего там. Врагов пока не слышно и не видно - небо сереет, но в горах еще все черно, и даже в приборе ночного видения дорога пуста. Но уже отзывается глухим тяжелым гулом земля, и сердце дрожит не от страха и не от хорошей боевой злости - но от предощущения будущего страха и злости. Войны могут быть более или менее грязными, более или менее кровавыми, более или менее безобразными, и много здесь накручено - политика, экономика, национальные амбиции и личные качества полководцев, техника и организация, пропаганда и агитация, но в конечном счете все сводится к первобытному: вот ты, и вот я, и попробуй ты взять мою жизнь, а я попробую ее не отдать, и взять твою, и здесь, где мы сцепимся, воя от ярости и страха, уже не важно, кто из нас прав, а кто - еще правее, мы выясняем вечный мужской вопрос: кого и почему жизнь любит больше...

Через десять минут склон взорвется атакой, и рухнет в пыль, корчась, первый смертельно раненый, и покатится вниз по склону горящая БМД, и люди оглохнут от выстрелов, сливающихся в сплошной рев. Через семнадцать минут сражение закончится, и все вместе начнут вытаскивать раненых из горящих машин, и младший унтер Сидорук вместе с последним раненым погибнут от взрыва сдетонировавшей в огне гранаты.

Через полчаса станет ясно, что эти восемь машин - не авангард бегущего из Ялты батальона, а остатки комендантской роты генерала Грачева, который оставил своих солдат и офицеров, положившись на скорость "мерседеса" и прочность подвесного мостика...

Через сорок минут крымцев, организовавших новую засаду, одолеет беспокойство: что-то десантников долго нет, не случилось ли чего...

Через пятьдесят восемь минут Верещагин выйдет на связь и запросит помощи...

***

Глеб отобрал три десятка ребят, которые не спекутся - да нет, никто из десантников бы не спекся, преодолев бегом почти километр по сорокаградусному склону - но Глебу нужны были такие, у которых даже дыхание не собьется, чтобы после этого броска вступить в драку.

И когда беляки ответят на огонь АГС, когда лобовая атака свяжет их боем, Глебовы тридцать человек скажут свое слово. Они траверсируют крутой склон над дорогой, выберутся на площадку, в тыл к белякам, и вступят в рукопашную. Пусть их благородия сами понюхают, каково оно - драться с невидимым, вездесущим, неизвестно откуда взявшимся противником. Пусть нажрутся грязи. Пусть посмотрят, мать их, что такое десант...

Глебу остогадело быть отступающим и обороняющимся. К черту. Теперь он будет нападать сам. Теперь он посчитается с крымцами за все. И ответит, наконец, на свой проклятый вопрос. Потому что если ответ "Нет", то он найдет тело спецназовского старлея где-то на этих камнях. А если "Да"...

Капитан Асмоловский не знал, какой ответ ему понравится меньше.

Добежав до края обрыва, рядом с которым стремилась в небо ажурная стальная башня, Асмоловский подал знак: ложись! Ближе, не выдав себя шумом, подойти было невозможно. А когда внизу начнется стрельба, белякам будет некогда прислушиваться.

...Так, пулеметное гнездо на вышке они сохранили. Правильно, позиция хорошая, простреливается почти весь склон... Подвижная тень на площадке великовата для одного человека. Двое.

Бинокль в утренней мгле - как мертвому припарка. Это туман или облака? Если вы не знаете, чай это или кофе, то какая вам разница? Большая, господа офицеры. Если эта хрень - туман, то с первыми лучами солнца она рассеется. А если облака - то нет.

Что это за темные пятна? Машины... Сколько? Три... Три машины - это, считай, взвод. Три машины - три пулемета. Еще один - на вышке. А минометы, гиены войны, кошмар этой ночи? Нет, вроде не видно их задранных к небу рыл. Или он ошибается? Нельзя ему ошибаться...

Казалось, что никогда не кончатся минуты между исчезновением в дымке посланного к комбату с результатами разведки рядового и началом далекой, хорошо слышной в тумане стрельбы.

О! Пошла писать губерния: оживилась вышка, затарахтели пулеметы на машинах... Фонтанчики взметенной земли вырастают рядочками, словно кто морковку сажает: АГСы пошли в ход. А, заткнулся один из пулеметов... Получи, фашист, гранату!

- Пошли, ребята! - сказал он.

Страшновато, когда под ногами обрыв и камешки, стронутые твом ботинком, растворяются во мгле раньше, чем ты слышишь далекий стук... Да ладно, ребята, ничего страшного, какие-то там шестьдесят градусов, всего двадцать метров влево, пройти - что помочиться... Вот она, сваренная из труб оградка, вмурованная в гранит скалы, вот я перебрасываю через нее ногу, и чувствую всем своим бренным телом несуразную свою огромность и беззащитность перед лицом пулемета, который, по счастью, нацелен не в меня, и исправно молотит в сторону, прямо противоположную той, откуда пришли мы...

Пробежка... Здание передающего центра... Уф, есть, "мертвая зона" достигнута! Следующий! Пошел, пошел, пошел!

Тра-та-та! Очухались ребята на вышке, пулеметчик головы не может поднять от своей машинки - зато подключился заряжающий, и... твою мать!

Наблюдатель, оставленный ими наверху, дал ответную очередь, но - гадство! - одного из наших, Баева, успели срезать, едва он ногу перенес через забор. Глеб высунулся из-за угла, поднял автомат, нажал на спуск: жрите, сволочи! Грызите пули, если вам так нравится!

Перебежка, угол гаража, барабанная дробь пуль, попадающих в стальную площадку... Не пробиваются толстые железные листы, но плотность огня хорошая, и хрен вы развернете пулемет, гаврики! Хрен вы поднимете башку, хрен вы вообще что сделаете, потому что Степцов и Зурабов уже бегут, тарахтя ботинками, вверх по железным ступеням, и падает убитым парень-заряжающий, а пулеметчик, видя, что дело кисло, бросает пулемет и начинает отстреливаться, тоже наматывая пролет за пролетом, затрудняя стрельбу что Прохорову, сажающему с вершины горы, что преследователям, а потом и вовсе швыряет свой автоматик вниз - патроны кончились у нас, жалость-то какая! - и продолжает лезть наверх, словно это ему поможет... Уж больно быстро он лезет, что твой орангутан, и не по лестнице, а по наружным фермам, "волчьим ходом", красивым и техничным... Еще один скалолаз... Но что там с ним будет - уже плевать, главное - пулемет заткнулся, и беляки со своих оборонительных позиций ужже бегут сюда - пока что просто узнать, что случилось, а вот трах-тах-тах! - и нет друга ситного, и нет у вас здесь тыла, братцы, один сплошной фронт! Будете на том свете - спросите у Гитлера, как оно воюется, на два фронта-то...

Бежите? Бегите, ребятишки!

Глеб подал знак - все назад! По укрытиям!

Все попрятались.

...И тогда под ноги первому из бегущих он швырнул гранату...

"Ба-бах!" оказался значительно громче, чем Глеб ожидал...

***

Старший унтер Сандыбеков сам не знал, зачем, собираясь, ха-ха, на дело, он взял да и сунул в карман карабин.

Он не знал, зачем вообще взял на Роман-Кош свое скалолазное снаряжение. Конечно, не исключено было, что придется, может быть, чуток проявить мастерство... например, организовать отступление, спускаясь со скалы дюльфером... Но вот зачем он таскал в кармане карабин?

Бросив свой пулемет, отстреливаясь от наступающих, он бежал вверх по решетчатым ступенькам телевышки. У него остался один путь к отступлению: вверх. Он задержался лишь на секунду: "закрыл за собой дверь".

Теперь у него осталось ровно тридцать секунд. Тридцать секунд с того момента, когда он утопил стерженек детонатора в массе пластиковой взрывчатки и сорвал предохранитель.

Выпустив последние патроны, он швырнул автомат вниз, перепрыгнул с лестницы на железные фермы и полез по ним вверх - правильнее будет сказать "пошел", ибо Шэм передвигался по вертикальным конструкциям быстрее, чем иной человек - по ровной земле.

Если бы не пули, попадание которых в металл рождает в нем протяжный звук, и слегка нервирует, если бы не реальная опасность взрыва, это лазание вообще было бы детской забавой.

Сегодня днем, распределяя взрывчатку по крепежным болтам, они с Хиксом проявили скорее скупость, чем щедрость. Им совершенно не нужно было своротить вышку - достаточно как следует пугнуть тех, кто попытается влезть на нее - на тот случай, если дела пойдут совсем плохо...

Если они переборщили со взрывчаткой...

Если он не успеет добраться до верха и защелкнуть карабин на тросе...

Если... Ой, мама! Пятьдесят метров вниз - падать будет больно...

Хитрожопые краснопузые... Обошли, ф-факимада... Ничего, на хитрую жопу есть хер с резьбой.

Растяжка...

Парень на вершине горы едва не задел очередью по ногам... Одиночными стреляй, кретин! Нет, учиться тебе уже поздно...

Брезентовая тесьма плотно обхватывает руку... Страшно! А вдруг он все-таки разобьется?

Лязг карабина о сталь, щелчок...

И взрыв!

Молния блеснула внизу, звуки перестали существовать, вышка содрогнулась, Шэм сорвался и полетел вниз, заскользил по тросу на петле карабина, отчаянно пытаясь развернуться лицом к стене, в которую вмурована была растяжка: на такой скорости приложись спиной, не сумей самортизировать ногами - швах!

Сейчас пригодился бы опыт прыжков с парашютом... жаль, взять его негде...

Развернулся он в последнюю секунду перед столкновением, принял удар на ноги... Бисмалла!

Так, если этот парень наверху не отвлекся на взрыв и не принял это скольжение за падение, то он просто перегнется через край и снимет неудачливого Тарзана пулей... В сторону! Траверс! Ноги болят, ш-шайт, как болят ударенные ноги! Траверс!

А теперь - вверх, почти по отвесной скале, три метра - ерунда, он профессионал!

Так, мальчик действительно решил, что он просто свалился. Мальчик занят, он расстреливает наших ребят, которые пытаются отступсить под прикрытие каменных построек. Старший унтер Сандыбеков зол, как сам Иблис. Он с удовольствием спустил бы мальчика с горы без карабина и петли, но ему нужен еще автомат и патроны. Так что Шэм в три хороших прыжка оказывается рядом с парнем в десантной форме, и очень аккуратно вгоняет нож ему в затылок, под край шлема...

Автомат Калашникова-74. Как выразился господин Томилин - классическая модель. И в самом деле, лучше, чем АК-74У. И еще четыре рожка с патронами.

Будем жить...

Он нашел подходящий камень, принял упор, перевел автомат в режим "стрельба одиночными" и начал...

***

Не сразу Глеб понял, что там так взорвалось. Глянул наверх и ужаснулся...

Беляки заминировали вышку. Заряд рассчитали точно: самой вышке ни чича не сделалось, но площадку, где был пулемет, и куда - Господи Христе! - поднимались Зурабов и Степцов, ее сорвало с крепежных болтов напрочь. Теперь она валялась внизу, согнутая, как засохший лист, словно листы железа имеют свойство засыхать... А лестница, крепившаяся к ней одним краем, ходила вверх-вниз, как нелепые гигантские качели, и было что-то жуткое в ее движениях...

Обоих рядовых разбросало кусочками в радиусе сорока метров от вышки. Пулемет зашвырнуло почти ло линии вражеских сочлененных транспортеров.

Вторым ударом стала смерть Прохорова. Или не смерть... По-любому, автомат на вершине горы поменял хозяина, и это было им уже совсем ни к чему - они ведь должны были не дать белым зацепиться за эту площадку, отступить сюда... Вот зараза, уже двое тратят патроны лишь на то, чтоб заткнуть этого стрелка с вершины горы...

А все три белогвардейские машины уже горят, и белогвардейцы бегут сюда, и будет у нас тут сейчас не легкий бой, а тяжелая битва...

Глеб Асмоловский не знал, один он остался в живых или есть еще кто-то. Кто-то стреляет - значит, кто-то есть, никого не видно, значит, все в укрытии, стало быть, набегающих беляков можно угостить еще одной гранатой, а чем их угощать дальше - неясно, патроны в АК закончились. И он бросил еще одну гранату, и кто не успел упасть до взрыва - я не виноват, а сам опять нырнул за угол, перебросил "калаш" за спину и вытащил пистолет. Цель - добежать от гаража до административного корпуса. Программа-минимум. Вперед!

На Верещагина он налетел почти сразу же. Не сразу, правда, узнал: просто взял на прицел крымца, тоже перебрасывающего автомат на спину - ха, патроны кончились! - и тут крымец посмотрел ему в глаза...

Он выстрелил. Подавив в себе изумление, потрясение, вину, оставив один гнев, он выстрелил. Выпустил пулю, как в зеркало, в изумленное, потрясенное, виноватое лицо. В свое преданное доверие.

Но слишком много времени - десятую долю секунды! - Глеб затратил на то, чтобы стереть из памяти лицо противника, забыть, что он человек.

За это время беляк слитным движением, виденным ранее только в кино про ковбоев, выдернул из кобуры шпалер, и бабахнул, не целясь, навскидку...

Пуля толкнула Асмоловского - словно кувалдой загатили по плечу, он упал на одно колено и все-таки выстрелил... Хотел выстрелить еще, но рука не слушалась. Странно, но боль казалась вполне терпимой, он выносил ее без стона или крика, но тем не менее она висела на плече жерновом и гнула к земле все ниже, и ниже, а этот говнюк, не размениваясь на второй выстрел, пнул ногой и выбил "макар", заодно опрокинув противника наземь, перешагнул через него и исчез в застлавшей глаза черноте...

***

Верещагин очень хотел бы, чтоб здесь, в гараже, куда их загнали в конце-концов красные, оказался Лучников. Чтобы великий теоретик Общей Судьбы послушал, как кричит раненый в живот человек, как воняет пороховая гарь и как выглядят разбрызганные по стенке мозги.

Изначально не было шансов. Потому что советские десантники приняли единственно верное решение в этой ситуации: отвлечение пулеметного огня на атакующих под прикрытием БМД, обход, удар в спину.

Это разом сводило на "нет" все преимущества крымских егерей в позиции и вооружении.

Взрыв на вышке, Шамиль с заряжающим, скорее всего, убиты.

Отчаянная схватка закончилась тем, что их отбросили с позиций. Все три "Бовы" разнесли гранатами. Егеря отступили вверх по склону. И здесь их встретили... наверняка автором идеи был Глеб, все здесь рассмотревший... У него уже не спросишь. Хотя замысел в общих чертах удался. Будь у них здесь минометы... Тогда можно было бы оставить тыл не на Шэма с заряжающим, а хотя бы на отделение. Можно было бы отразить нападение пулеметным огнем. Ах, как растравляет душу сослагательное наклонение...

Ну что, Карташов? Что, сволочь? Как насчет минометов?

Верещагин отбросил пустую обойму, сунул руку в подсумок... Пусто.

Интересно, предложат им сдачу или разнесут всех гранатами?

Он вспомнил, как обещал спеть "Te Deum". В данной ситуации, пожалуй, более уместно было бы "Miserere". Кстати, что там с Кашуком? Бежал? Закрылся в аппаратной?

Он жалел о том, что не оказался настойчивее. Надо было брать Карташова на горло. Тогда не погиб бы взвод. Тогда они сумели бы отбросить десантников...

Дьявол! Теперь красные закрепятся здесь и продержатся до морковкиных заговен... Интересно, они уже сообразили, в чем тут дело?

Вполне возможно. Среди них есть люди, способные складывать два и два.

Если судить по Глебу...

...Верещагин успел раньше. Кристобаль Хозевич любил успевать раньше... Посмеемся вместе, Глеб, мы ведь оба любим Стругацких... Все дело в том, друзья мои, что Арт уже больше двенадцати часов готовился выстрелить в капитана Асмоловского и знал, что сделает это, если течение боя закрутит их в одном водовороте...

А Глеб, если и готовился к чему-то подобному, то имел на это значительно меньше времени.

Но, тем не менее, тоже выстрелил. Уже отброшенный пулей, нажал на триггер, а потом упал, и Артем выбил у него пистолет ногой, перешагнул через его тело и подбежал к Томилину, который истекал кровью и истек, пока Артем донес его до гаража...

- Сэр! - крик прозвучал ему в спину. Площадка простреливалась уже насквозь, он упал на живот и пополз...

Под Глебом уже была лужа крови. Артем измазалсяв ней весь, пока дотащил раненого до гаража. Он очень надеялся, что его видели - это давало хоть какие-то гарантии на то, что им предложат сдачу вместо того, чтобы забросать гранатами.

- Мухамметдинов! - Арт бросил подпоручику санитарный пакет. - Перевяжи.

Он перезарядил автомат и включил "уоки".

- Вершина вызывает базовый лагерь. Гия, вы скоро?

- Арт, мы летим! Продержитесь еще полчасика!

- Не выйдет. Нет, сколько сможем - продержимся... Патронов не хватает. В случае чего - я сдамся.

- Арт!!!

- Прощай, Князь. Кашук! Этим приказом я отменяю все последующие, от кого бы они ни исходили. Вы открываете дверь только одному из офицеров капитана Карташова и только если наши возьмут гору. Вы поняли?

- Да, сэр...

- Прощайте. - Артем взял рацию за антенну, размахнулся и ударил ею о стенку.

***

- Сдавайтесь, беляки! - крикнул майор.

- Много чести, - пробурчал Деев.

Он был недоволен результатами штурма. На одного убитого крымца приходилось по десантнику. Можно было бы обернуться и лучше.

По-хорошему, не стоит брать пленных. Одна граната в этот гараж - и все, хана. Братская могила.

Да. И для капитана Асмоловского - тоже.

А если белые врут? Если он уже мертв?

- Даю минуту! - крикнул майор.

***

Страх появился позже, когда немного отпустила усталость. В тот момент страха не было - было просто сомнение относительно своей способности встать, открыть рот и что-то сказать. Он чувствовал себя оловянным болваном на морозе: тронь - рассыплешься.

Он устал.Пусть это закончится - как угодно, но закончится...

От него больше ничего не зависело. Почти ничего: собственная бренная жизнь и жизни этих семерых - шесть резервистов изз Партенита и Никиты и Глеб.

Через сорок минут здесь будет Карташов со своими. А красные через какое-то время окажутся в той же ситуации, в которой сейчас находятся они: три патрона на шесть человек. Шесть человек, четверо из которых - резервисты, не кадровые военные. Их ждут дома матери, жены, дети. У кадровиков тоже есть семьи, но кадровик хотя бы в теории знает, что в своей постели он может не умереть...

Нет мне оправдания, подумал он. Удержи я гору - и нашим не пришлось бы ее штурмовать. Сколько жизней можно было бы спасти...

- Ваше благородие, - прохрипел Мухаммеддинов, слегка стуча зубами, - Мы ведь не сдадимся... Мы умрем, но не сдадимся...

- Заткнись, челло. - Артем щелкнул обоймой "беретты", которая, как он ни щелкай, пуста и пустой останется. - Не болтай глупостей. Через сорок минут здесь будут наши. Нет смысла умирать, если очень даже можно жить.

"Но что может произойти за эти сорок минут? Как минимум, они захотят узнать, где наши и сколько их. Как минимум."

Он обменялся короткими взглядами со всеми, кто находился в гараже.

Он решил рискнуть.

- Мы сдаемся. У кого-то есть белый платок? Или придется задействовать подштанники?

Платок нашелся у одного из рядовых. Не очень белый, но вполне годный для того, чтобы выбросить его вместо позорного капитулянтского флага.

- Выходи по одному, бросай оружие, руки за голову, становись к стене. Офицеры - первыми.

Мухаммеддинов поднялся с пола. Длинно и прерывисто вздохнул.

Артем отстегнул пояс с кобурой и ножом, бросил его за дверь, шагнул в дверной проем. Собственные руки показались ему невыносимо тяжелыми, а чужие, быстро обшарившие тело - отвратительно огромными.

- Лицом, - сказал майор.

Рядом уже обыскивали подпоручика.

Верещагин повернулся к Лебедю лицом. Выдержал стальной жесткости взгляд.

- Ах, сука... - сказал за спиной майора Палишко. - Ну и сука...

- Сними шлем, - медленно и спокойно проговорил Лебедь.

Мухамметдинова и рядовых посадили на земле в ряд. Вынесли двоих не способных идти раненых. Вынесли Глеба.

- Это ты вытащил его? - спросил майор.

- Я его и подстрелил, - Артем не собирался покупать себе прощение. - Мне нужен был заложник.

Он сумел отрешиться, и это ему нравилось. Жаль, что надолго жтого состояния не хватит...

Ветер звенел в растяжках и фермах телевышки.

Майор сделал шаг вперед и поднял нож. Артему стоило некоторого усилия не шевельнуться, когда лезвие скользнуло по подбородочному ремню.

- Сними шлем, - повторил майор.

Артем снял шлем, бросил его на плитку.

В плечи, в локти и запястья, выворачивая руки за спину, тут же вцепились несколько пар рук.

- Так куда же подевался наш доблестный спецназ? - спросил майор, - Или ты на полставки? Сегодня - спецназовец, завтра - врангелевец?

- Корниловец, - поправил Артем.

- Добро, корниловец. Да, я ж забыл, ты еще и альпинист... И швец, и жнец, и в дуду игрец. Что ж ты здесь делаешь, альпинист?

- Я здесь живу, товарищ майор. Вот в этой стране.

Лебедь расстегнул кобуру.

- Сволочь, - его рубленое, топорное лицо наконец-то дрогнуло. - Ты с Глебкой пил, песни пел, а настал час - пулю в него всадил. Вы здесь только так и умеете: из-за угла, исподтишка...

Верещагин улыбнулся самой скверной улыбкой, какую смог изобразить.

- Давай, расскажи мне, что такое честная драка. Расскажи, как храбро вы кидали за колючку тех, кто не собирался с вами воевать. А знаешь, кто вышвырнул тебя из Ялты, как бродягу из бардака? Резервисты, нафталинные вояки, которые берут в руки винтовку раз в месяц. Воюйте и дальше так, мне это нравится.

Майор выдернул из кобуры "Кольт" и ткнул стволом пленнику в подбородок.

- Скажи еще что-нибудь, - почти прошептал он.

Верещагин с трудом унимал дрожь.

- Мать твоя шлюха, - процедил он.

Щелчок предохранителя заглушил все остальные звуки во вселенной.

Потом изнурительно длилась одна секунда.

Стреляй! Да стреляй же ты, сволочь, сил нет это терпеть!

Кто бы мог подумать, что у "кольта" такой люфт на триггере...

А потом майор опустил пистолет.

- Легкой смерти ищешь? - спросил он. - Вот тебе, - "кольт" обозначил на левой руке майора отрезок до середины плеча. - Выкупил я тебя на корню, капитан Верещагин. Дурак, думаешь я пальцем деланный? Это ведь вы с самого вечера засирали эфир помехами, так? Ну вот, теперь ты, если хочешь жить, помехи уберешь.

- Товарищ майор, если бы меня не держали за руки, я бы тебе показал то же самое. А так придется сказать на словах: хер тебе, понял? Меня зовут Артемий Верещагин, мой личный номер 197845 \XD, и на этом вся наша любовь заканчивается.

- Посмотрим, - майор отступил на шаг. - Палишко, дай ему как следует. Шеломом по алейхему.

Палишко поднял шлем, взял его за кромку и с размаху, с разворотом корпуса ударил им Верещагина по лицу.

Слепящая вспышка, кружение земли, хруст сломанной переносицы...

Он повис на руках у десантников, не в силах понять, где верх, где низ... Отпустили - стало понятно: низ - это то, что притягивает к себе неудержимо, встречает твердью подломившиеся колени и жадно пьет кровь, капающую меж пальцев. Низ - это спасение, нужно только провалиться дальше, еще дальше, ниже уровня земли...

"Я устал... Бог мой, как я устал..."

12. Вопрос времени

- Тебя как?.. Сразу прикончить, или желаешь помучиться? - спросил унтер.
- Лучше, конечно, помучиться - ответил рассудительно Сухов.
В. Ежов, "Белое солнце пустыни"

Стиферополь, 30 апреля, 0500-0700

В Симферополь въехали осторожно, снизив скорость до сорока километров в час. Быстрее ехать было просто опасно: улицы походили на черт-те что, как в хронике про "их нравы", где прогресивные студенты, выражая свой протест, сжигают машины и бьют камнями стекла. Как будто в Симфи этой ночью куролесило миллиона два прогрессивных студентов...

Но, кажется все было слава Богу: на каждом углу стояли наши блок-посты, десантники исправно отдавали честь, а над зданием Главштаба, где Грачев расположился со штабом дивизии, пламенел красный флаг.

***

- Товарищ генерал! Связь с командным пунктом в Одессе нарушена, связь с подразделениями дивизии - тоже!

- Товарищ генерал, ночью было совершено нападение! По предварительным данным...

- Товарищ генерал! Командир бригады спецназа...

- Товарищ генерал!..

Грачев следовал за охранниками, прокладывавшими путь сквозь толпу, как торговый корабль за ледоколом. Перед самой дверью кабинета его все-таки перехватил адъютант его начштаба:

- Товарищ генерал, есть вариант решения проблемы со связью.

- Какой?

- Позвонить по телефону в Одессу или любой интересующий нас город.

- Отлично.

- Полковник Савкин спрашивает, вызывать ли самолеты для подавления помехопостановочной авиации противника?

Шило в жопе у этого Савкина, подумал Грачев. Вызвать истребители - значит , придется объяснять про террористов. А к объяснениям Грачев пока не готов.

- Не надо. Вызови всех в кабинет на утреннее совещание. Савкина - первым. И кофе мне. Всем кофе, но мне - первому.

Генералу ужасно хотелось спать. Ничего, после утреннего совещания он тоже завалится на пару часиков. Больше нельзя - надо что-то думать с этими сепаратистами.

Черт, замкнутый круг. Тактический центр надо давить как можно быстрее. Для этого надо попросить разрешения в Одессе. Для этого надо позвонить в Одессу, а тогда придется рассказывать очень неприятные для себя вещи - что налетели невесть откуда соловьи-разбойники и вломили Советской Армии такой пизды, какой она не получала с сорок первого года. И на карьере это скажется довольно грустным образом.

В кабинете собрались штабисты дивизии.

- Только что, - начал Грачев без предисловий, запивая каждую свою реплику обжигающим "Нескафе" - На наши войска было совершено нападение. По всем

населенным пунктам, где они были расквартированы, по всем направлениям. Я слушаю нашу доблестную разведку: кто бы это мог быть?

С места поднялся командир разведывательного батальона, майор Корж.

- Товарищ генерал, за время вашего отсутствия произошло два чрезвычайных происшествия. Первое: по шестому каналу телевидения прошел сигнал тревоги, известный нам как "Красный пароль". Это произошло в 21.36 по местному времени. Второе: во время ночного нападения несколько человек были захвачены в плен. По их словам, они - резервисты вооруженных сил Крыма. Насколько я понял, ими командуют из тактического центра Чуфут-Кале, что под Бахчисараем.

- Так-так, - Грачев поставил чашечку на стол. - Очень интересно. Но тогда вопрос: кто же захватил телевышку, чтобы передать "Красный пароль"? И почему местное телевидение к этому моменту еще продолжало работать?

Корж посмотрел на своего командира, как учитель на двоечника.

- Товарищ генерал, шестой канал - это не местное телевидение. Это Центральное телевидение СССР.

- Что-о?

- Сигнал был передан во время прогноза погоды в программе "Время". Из Москвы.

- Еб твою мать, - сказал Грачев, садясь.

Из Москвы. Это означает, что там на высшем уровне продолжает действовать крымская резидентура. Это означает, что со своим вторжением СССР попал, как кур в ощип, в заранее спланированную и тщательно подготовленную операцию. Это означает, что ялтинское нападение - не вылазка отдельной экстремистской группировки, и не запоздалая попытка генералитета исправить положение, а начало войны.

Грачев посмотрел на карту Крыма, висящую на стене. Это была красивая объемная карта с подсветкой, и на ней сам генерал вчера обозначил расположение советских частей в Крыму. Красные флажки, как бородавки, усыпали центр Крыма, побережье, все промышленные и деловые города, Северный Укрепрайон.

- Полковник Ефремов, вы сегодня же двинетесь в Бахчисарай маршем, всем полком. - сказал он наконец. - Ваша задача: выбить экстремистов из тактического центра Чуфут-Калэ. По возможности, уничтожить их всех. По дороге разделитесь, один бвтвльон повернет на Ялту, к Гурзуфскому седлу. Там сейчас наши закрепились, держатся из последних сил.

- Слушаюсь, товарищ генерал... Только разрешите доложить...

- Разрешаю.

- Проблема с бензином стоит очень остро. По состоянию на данный момент я смогу привести в действие... хорошо, если треть машин.

Грачев перевел взгляд с него на генерал-майора Сухарева. Ну-с, что скажет наше ЧМО? Как снабженец предлагает решить проблему с бензином? И почему она вообще возникла, эта проблема?

- Товарищ генерал, - процедил Грачев. - Как так вышло, что две трети машин растратили весь запас бензина по дороге из аэропорта в город?

Ефремов откашлялся, прочищая горло, потом выпалил:

- Многие машины при погрузке в самолеты не были дозаправлены после марша. Те, что были дозаправлены, в основном сейчас на ходу.

Грачев ждал, не отрывая взгляда. Ну, что ты еще будешь врать, голубь наш сизорылый? Ведь даже в недозаправленной БМД бензина хватит, чтобы объехать весь Крым по периметру. Давай, договаривай...

- Кроме того, многие мои люди не получили еды и сухих пайков. - выдавил из себя Ефремов. - С утра в столице наблюдался дефицит бензина, и местные граждане склонили многих водителей к обмену бензина на продукты.

Две трети личного состава воруют бензин, вздохнул Грачев. И мы собираемся воевать. Да наши деды в гробу бы перевернулись, узнай, что их наследники толкают бензин на вражеской территории в обмен на жратву. В их бытность таких гавриков, если находили, мигом ставили к стенке. К сожалению, сейчас эту проблему должным образом разрешить было трудно: две трети личного состава к стенке не поставишь.

- Короче, достаньте мне бензин где хотите. - процедил он. - Слышите, Сухарев? Или через полтора часа все машины заправлены, или от вашего звания остается ровно половина. Догадываетесь, какая? Все, совещание окончено, все свободны, кроме товарища полковника - он кивнул на Ефремова.

- Короче, вот какие дела, - Грачев нашел на карте Гурзуфское Седло. - Вот это место. Вот здесь дорога развалена, БМД не пройдут. Здесь, где я проехал - тоже не пройдут, пешеходный мостик, его и на карте-то нет... Только наши м-мудрецы обозначили... Так что вот по этой дороге пошлешь батальон, из Бахчисарая в Ялту.

Полковник Ефремов мог бы возразить...

Он мог бы сказать, что посланный батальон не успеет. Что майора спасут только вертолеты - ударные, которые врежут по врагу с воздуха, и транспортные, которые эвакуируют батальон. Но вертолеты Грачев вызывать не станет, в том-то и штука... Вызвать вертолеты - сообщить в Одессу, что здесь творится, рискнуть карьерой. Нет, на такое Грачев неспособен... Зато очень даже способен прихлопнуть подчиненного, высунувшегося с неуместной инициативой.

Поэтому Ефремов промолчал.

- Да, - вспомнил Семенов, когда Ефремов уже собрался выходить, - тут крутится этот ГРУшник, Резун... Требует встречи...

- Через час, - сказал командир дивизии. - Или даже полтора...

Проводив полковников, Грачев вернулся к дивану, снял ботинки, фуражку и китель, ослабил галстук и вытянулся на мягком замшевом пузе импортной мебели. У него есть полтора часа, чтоб восстановить силы. Этого мало, но что поделаешь, командовать дивизией - это не в бочку пердеть.

Звонить в Одессу он не собирался. Не такой дурак. В Одессу он позвонит победителем, а пока обрыв связи ему на руку.

Грачев не думал, что это задание будет особенно сложным. Батальон Лебедя выкинули из Ялты потому, что нападение было подлым и неожиданным. На этот раз неожиданно будут действовать они, советские десантники. Конечно, война переходит в плоскость партизанской. Даже с уничтожением тактического центра или его захватом. Но партизаны - это несерьезно. Несерьезно как в прямом, так и в переносном смысле. "Партизанами" в СССР называли резервистов, а какие резервисты вояки - всем известно. А в прямом смысле... Вы скажите мне на милость - где тут можно партизанить? Крым урбанизирован донельзя, города друг к дружке так и липнут, все леса объявлены национальными парками, их за день можно пересечь пешком. Прогадали вы, ребята, со своим "красным паролем", и я вам это докажу...

С этой мыслью он уснул. Разбудил его Семенов, как они и просил, через полтора часа. В спину полковнику дышал спецназовец Резун.

- В чем дело? - строго спросил генерал, незаметно всовывая ноги в туфли. - Почему ворвались без спроса?

- Товарищ генерал, - сдерживая какие-то сильные чувства, сказал разведчик, - Я знаю, как снять помехи...

***

Хребет Бабуган-Яйла, гора Роман-Кош, то же время

Если утро начинается с бульдозерного рева дрилл-фельдфебеля: "Па-адъем, дурье стоеросовое!", и на улице ноябрь, и за ворот сыплется ледяная пакость, а впереди - марш-бросок, - пешком пятьдесят километров за день, таща на себе палатки, оружие и жратву, и ночевать придется где-нибудь в жидкой рощице, а назавтра - бросок обратно, в тренировочный лагерь - такое утро называется мерзким.

Если утро начинается с того, что ветер обрывает растяжку палатки, и нужно выползать наружу крепить ее и заодно отлить, и не видно ни щелочки в плотных тучах, уже третий день, и двигаться невозможно - ни вверх, ни вниз, и еда кончается, и топливо кончается, и ты уже насквозь больной, и Дядя Том насквозь больной, и понятно, что вся предыдущая работа на маршруте пошла псу под хвост - такое утро называется отвратительным.

Но если для начала тебе зацеживают твоим же шлемом по морде, и сразу ломают нос, и моментально заплывает глаз, а тебе добавляют прикладом под дых и ты оседаешь на неверных коленях, мир сужается до кольца рифленых подошв - бруклинский топот, восемьдесят процентов, - и нет дыхания, нет сил, нет злости - только облегчение, когда подошвы утверждаются на земле, потому что пришло время для рук: эти крепкие руки без всяких церемоний рвут с тебя куртку, а потом плотно стягивают за спиной запястья брезентовым ремнем от автомата - вот такое утро уже ни в какие ворота не лезет...

И ведь это еще начало. На нем выместили далеко не всю злость и усталость, накопившуюся у десантников за эту безумную ночь. Далеко не весь страх, которым здесь уже пропитался воздух. И еще майор хочет задать несколько вопросов, а лейтенант Палишко - сравнять счет за унижение, которое он пережил, извиняясь перед Сандыбековым.

Артем кисло усмехнулся про себя. У него нет столько рук, ног и ребер, чтобы удовлетворить всех жаждущих мести. Спасение - вопрос времени. Они продержатся не больше трех часов. Продержусь ли я? Сука лейтенант. Голова болит, зрачки расходятся... Майор на вид не дурак. Удастся ли заговорить ему зубы? Берем худшее: не удастся. Тогда что? Тогда вот что: я называю код, они пытаются открыть аппаратную и ни черта у них не выходит. Они тащат меня к переговорнику, я честно прошу Кашука отключить помехи, а он, мерзавец, не слушается. Какой недисциплинированный Кашук, ай-яй-яй... Нужно забить им баки, чтобы они не сразу вывели меня в расход. Три часа, не больше. Вопрос времени.

Майор быстрым шагом подошел к группе пленных, сидевших на земле.

В СССР считается, что сдача в плен есть проявление трусости, а стояние до последнего и геройская смерть - напротив, проявление мужества.

У западных вооруженных сил свое мнение по этому вопросу. Согласно ему, выживший в плену солдат обходится казне дешевле, чем убитый. Выжив в плену, человек может бежать и вновь вступить в ряды. Может не бежать и подрывать вражескую экономику необходимостью себя кормить, одевать, лечить и охранять. Может после войны быть обменен на вражеского пленника и принять участие в мирном строительстве в качестве исправного налогоплательщика, либо остаться в армии, сэкономив стране расходы на обучение зеленого новобранца. Словом, в мире чистогана, где все, даже человеческая жизнь, измеряется деньгами, солдат не обязан оставлять последний патрон для себя.

Крымская точка зрения на этот вопрос являла собой причудливую смесь российского героического раздолбайства, азиатского башибузукства и англосаксонского прагматизма. Держись до конца, гласил неписаный кодекс чести, но раз уж совсем подперло - попробуй сохранить себе жизнь. Только не унижайся до того, чтоб вымаливать ее: честь дороже. И пусть твои пленители знают, что держать тебя на поводке - занятие тяжелое и неблагодарное. При первой возможности, если не дал слова - беги. Но если дал слово не бежать - держи. На допросе назови свое имя и личный номер, ничего больше. Но

на всякий случай, для успокоения совести, знай: тебе доверено ровно столько военных секретов, сколько ты можешь рассказать без особого вреда для государства.

Подпоручик Мухамметдинов, еще прошлым утром бывший относительно мирным студентом Алуштинского Экономического Колледжа, понял, что расскажет все. Последние два часа были для него настоящим адом. Несколько человек погибли на его глазах, одного он убил сам, и только чудо избавило его от смерти. Быстрая кулачная расправа над подозрительным капитаном сломала подпоручика. Кроме этого странного Верещагина он был здесь единственным белым офицером, и когда двое - майор и лейтенант - направились к нему, все его мысли были заняты одним: убедить их, что он здесь случайно.

- Палишко, Васюк, - сказал майор. - Здесь есть кто-то из той группы?

Под пристальным взглядом лейтенанта подпоручик побледнел.

- Не-а, - сказал Палишко. - Только тот покойник. Вот, смотрите, - он протянул майору идентификационный браслет.

"На нем ваше имя и личный номер", - вспомнил Мухамметдинов проповедь дрилл-унтера. - "На случай, если дело пойдет плохо - группа крови. И на случай, если дело пойдет совсем плохо - вероисповедание. Так что сейчас по списку скажете мне, в кого вы верите..."

- Константин Томилин, 714006\VS, нулевая, православный, - прочитал майор. - Как его остальные называли?

- Костя, - прапорщик шмыгнул носом. - И Дядя Том. Я еще спрашивал у него, - кивок назад, - почему Дядя Том, он объяснил - потому что фамилия...

- Значит, настоящая... - рассудил майор. - Не хотел бы я, чтоб меня под выдуманной фамилией похоронили. Надень ему обратно, Сережа. - майор потянул ид-браслет Палишке.

- Ну, а ты что мне скажешь? - его зрачки уперлись в подпоручика.

- Ахмат Мухамметдинов, 800512\YH.

- Откуда?

- Из Ялты.

- Да хоть из Магадана! Вы нас гнали?

- Д-да...

- Сколько вас?

- Человек триста...

- Батальон?

- Д-да...

- Где они?

- Не знаю...

Палишко вернулся, гадко улыбаясь и поигрывая шлемом.

- Еще один герой нашелся?

Ахмат почувствовал, как немеют губы.

- Я правда не знаю! - быстро крикнул он. - Он... вызвал их сюда.

- Кто?

Ахмат кивнул на Верещагина.

- Давно?

- Нет... Не знаю, я не смотрел на часы. Мы еще там были, пока не... Не отступили.

- Минут сорок, - прикинул майор.

- Уходим? - спросил Васюк.

- Куда? Ялта вся под ними. Закрепимся здесь и вызовем помощь.

- Как?

- Кверху каком. Что ты знаешь про вот это вот? - Майор обвел рукой окружающее.

- Ни хрена он не зна... - сказал Верещагин. Конец фразы смял ботинок рядового Анисимова.

- А ты молчи, - майор даже не оглянулся. - Палишко, отведи его в кабинет, чтобы не маячил.

Подозрительного капитана уволокли прочь. Он успел сказать подпоручику что хотел: держаться версии "ничего не знаю". Глупо, решил Ахмат. Во-первых, он человек и ему страшно. Во-вторых, он и в самом деле ничего не знает, и жалеет об этом, потому что у него даже нет сведений, которыми можно заплатить за избавление от побоев.

- Еще раз: что ты знаешь про помехи? - спросил майор, присаживаясь перед подпоручиком на корточки и пристально глядя ему в глаза.

- Ничего, - покачал головой поручик.

- Так уж и ничего? Послушай, Палишко, этого орла: вышка работает на всю железку, а он ничего не знает. Отвечай быстро, где все это включается, где выключается?

- Там комната есть... - сказал Ахмат. - А может, и не комната... Но это все заперто. Человек. Он сидит, включает и выключает...

- Что, до сих пор сидит?

- Да, наверное... Я его видел один раз. Такой высокий, в очках.

- Был такой, - согласился майор. - Значит, никуда не делся, сидит там?

Ахмат кивнул.

- А какие-то запасные системы... Кабеля, люки?

- Я ничего не видел. Некогда было...

- Верю, верю. И как же с ним связывался твой командир? Как он вызвал помощь?

- У него был уоки-токи...

- Что?

- Рация.

- Такая? - Майор показал "уоки" убитого Томилина, раскуроченную пулей.

- Да, сэр...

- Н-непонятно... - Майор осмотрел игрушку. - Что-то ты врешь. Радиус действия у этой штучки - семь километров. Они бы уже здесь были... Что-то ты врешь...

- Я правду говорю! - Мухамметдинов не на шутку испугался.

- Значит, связывался по такой штучке?

- Он ее об стенку разбил.

- Это он зря. Ну ладно, подпоручик. Сиди смирно, не дергайся - останешься жив.

Ахмат кивнул. Он хотел остаться в живых. Очень хотел.

***

Да...

О дальнейших событиях известно только в самых общих чертах. Те их участники, кто остался в живых, предпочитают помалкивать, потому что история приключилась уж больно безобразная. Хотя главного, самого факта, имевшего место быть, не замолчишь - огласка была широкая. Даже не то слово...

Жестокость на войне - дело скорее обычное, чем из ряда вон выходящее. Жестокость противника обеими воюющими сторонами всячески педалируется, а жестокость своих - замалчивается, отметил честный Оруэлл, вспоминая войну в Испании. А историю пишут победители.

Но вот как раз этот момент и победитель обошел стороной. А на прямые вопросы отвечал: в каждой роте нашего батальона состоит на вооружении огнемет - для того, чтобы сжечь заживо стрелка в ДОТе, который иначе - никак не взять. Будут еще какие-то вопросы о жестокостях?

Поэтому придется реконструировать события, отчасти руководствуясь логикой происходившего, отчасти - немножко фантазируя...

...Его привели в кабинет, посадили на стул.

- Кто ты? - спросил майор.

- Артемий Верещагин, 197845\XD.

- Да хоть папа римский. Сигнал к началу боевых действий - твоя работа?

- Какой сигнал?

- Товарищ майор, можно я ему врежу? - спросил Палишко. Верещагин его не видел, он стоял сзади, но голос лейтенанта выдавал нетерпение.

- Ты там часом не облизываешься, товарищ лейтенант? - спросил Арт. - Небось, в детстве котят мучил?

Удар был воистину палаческим - под лопатку, в нервный узел. Лейтенант в свое время натренировался на "молодых".

Руки моментально отнялись, налились жидким азотом от ногтей до хребта. Ткнувшись головой в колени, зажмурив глаза, Арт грыз губы.

- Этому у вас учат, товарищ майор? - выдохнул он, распрямившись наконец. - Или... талант-самородок?

- Палишко, не трогать! - гаркнул майор. - Пока я не скажу! Ты что, не видишь, что он нарочно тебя выводит?

Арт почувствовал теплую влагу на спине, чуть ниже средоточия боли. Значит, не кулаком, если рассекли и одежду и кожу.

Мгновенный ужас: он понял, что терпеть это - невозможно. Это выше всех человеческих сил. Через какое-то время он расскажет все, он видел это ясно, как падающий с обрыва человек видит камни под собой. Это - свершившийся факт, только отсроченный во времени. Вопрос в одном - насколько отсроченный. Сколько он сможет отыграть. И хватит ли отыгранного времени Карташову, чтобы пройти четыре километра, отделяющие его от вершины? Вся подлость ситуации - в том, что этого не узнаешь, пока не пройдешь весь путь до конца...

- Слушай сюда, - сказал Лебедь. - Ты дурил нас полдня и ночь. Ты навел беляков на нашу засаду. Твой человек забивает эфир помехами. Из-за тебя мы здесь в окружении. Ты уже вот так наработал на девять грамм, и если хочешь к стенке - так прямо и скажи. Не хочешь - отвечай на мои вопросы. Код от замка в аппаратную?

...И главное - решаться нужно будет каждый раз...

- Шесть цифр из десяти.

Новый удар швырнул его на пол и развернул лицом вверх. Палишко стоял над ним, и пряжка ремня, обмотанного вокруг ладони, поблескивала тускло, как чешуя копченой скумбрии.

- Мы с тобой не в спортлото играем, - пояснил лейтенант, поднимая опрокинутый стул. - Садись.

Арт перевернулся на живот, подтянул колени, упираясь лбом в пол, рывком поднялся и сел, умудрившись не промахнуться мимо стула.

Почему-то вспомнился лондоновский "Мексиканец". Потом вспомнился собственный поединок с дрилл-фельдфебелем Сахно. В своем роде это тоже был вопрос времени: ему засчитали победу, потому что после трех минут боя он все еще стоял на ногах. Хотя - с вывихнутой рукой - был уже не боец, и изначально понимал, что выиграть вчистую не мог, а - только так, протянуть время, пользуясь то ли даром, то ли проклятием стайерской выносливости.

Его очень трудно было послать в нокаут. Поэтому случалось побеждать более сильных, более быстрых: его на дольше хватало.

На это Арт и понадеялся: что его хватит на более долгий разговор, чем они думают.

- Наверное, в десанте совсем плохо с кадрами, если таких, как ты, берут офицерами, Палишко... - прохрипел он на мучительном выдохе. - Твое место в стройбате.

Ждал нового удара - и не ошибся.

- Товарищ майор, - выдохнул он, справившись с тошнотой. - Уберите идиота. Я собираюсь кое-что сказать, но он так машет руками, как будто у него тик. Он сбивает меня с мысли.

- Палишко, выйди ненадолго... - тон Лебедя не оставлял места возражениям, хотя лейтенант явно собирался возражать.

Сколько? Минут десять? Еще семнадцать раз по столько? Да он спятит.

- Говори, что хотел, - майор стоял в позе "вольно", заложив руки за спину. - Только не тяни.

- Сдайтесь, товарищ майор.

- Что?

- Я серьезно. Спасите жизнь себе и своим людям. Сдайтесь. Вы окружены и вам не уйти.

Майор молчал.

- Я знаю, на что вы рассчитываете... Но посудите сами... Если я - и в самом деле то, что вы думаете, я продержусь столько времени, сколько мне нужно...

- Не боишься?

- Боюсь я или нет - моя забота. Если я - совсем не то, что вы думаете, то техник просто не доверил мне код от замка. Я его не знаю. Я не говорю, что я самый крутой и мне на все наплевать... Но если вы продолжите меня бить - вам просто не будет в этом пользы. Послушайте... С этой горы нет выхода. Боеприпасы у вас на исходе, помощи ждать неоткуда. Сдайтесь. Это разумно. Ничего постыдного здесь нет. Вы сделали уже все, что могли. Никто не сможет вас осудить. Последний долг командира - сохранить жизнь своим людям.

- Красиво излагаешь, собака... - майор закурил. - Последняя, черт. Выход, говоришь? Разумный? Шваль подзаборная, ты на себя посмотри, скотина! У тебя ж рожа как вареник с вишней! Это кто тут меня на понт берет, всякие страсти мне рассказывает? Кто кого в плен взял? Встречное предложение, беляк: ты говоришь код от замка, а мы не расписываем тебя под хохлому. Лейтенант!

Палишко вбежал - готовность номер один.

- Александр Иванович, ты же военный... - Верещагин глотнул кровь, желудок тут же откликнулся спазмом. - Ты же знаешь: каждый делает свою работу и не лезет к соседу - так в нашем ведомстве заведено. Я сделал свою работу. Я не знаю кода.

- Врет? - спросил майор у Палишко.

- Пес его знает. При мне он кода не набирал, связывался по своей говорилке.

- Где говорилка?

- Разбил, - честно сказал Арт.

- А если поискать? - Палишко оказался не таким уж и дураком. Если поискать, особенно если поискать в генераторной - найдется...

- Ты делаешь ошибку, товарищ майор, - Артем постарался говорить как можно ровнее, не давая зубам выстукивать партию ударных из "Болеро".

- Это ты ошибку делаешь, белячок, - майор встал. - Мы три часа продержимся, а ты - нет.

- Я попробую.

- Попробуй.

- Товарищ майор! - вбежал запыхавшийся Васюк. - Там... в генераторной... Пойдите посмотрите...

- Глядеть в оба, - приказал Лебедь охранникам.

"Генераторная... Все. Конец..." - Артем закрыл глаза.

Берем худшее: майор НЕ пристрелит его, когда вернется...

Страх - физиология. Бояться уже поздно. Все уже необратимо и бояться бесполезно. Почему же я боюсь?

Майор вернулся черный от гнева, губы сжаты в ледовую трещину, лицо неподвижно... Молча схватил он пленника за волосы и за ворот, сорвал со стула, вышвырнул из кабинета, одним пинком бросил по коридору вперед, Артем споткнулся, упал, майор вздернул его на ноги и снова толкнул. Новое падение. Ванька-встанька. Нельзя позволить ему гнать меня пинками до генераторной, я же человек, а не баран... Вырваться, не вставать на ноги, упасть... Майор схватился за ремень, стянувший запястья, рванул на себя до заплечного хруста: не то что встанешь - вскочишь...

Генераторная. Полуподвальная комната. Тяжелая дверь. Семь ступеней вниз.

- Ты, падла, Галича любишь? - майор подтащил его к одному из мертвецов, челюсть разворочена пулей, глаза распахнуты. - Может, ты и Высоцкого любишь? - второй мертвец, запекшаяся на груди кровь, смертная мука на лице. - Они здесь гнили все время, пока ты с нами песенки пел? Пока ты меня сдаться уговаривал? Да плевать мне теперь на этот код - я тебя, сука, и без кода на куски порежу! Как тебя - соломкой или кубиками?

Падение на закоченевшего мертвеца было как падение на бревно с неспиленными ветками. Потом на горле захлестнули петлю и дернули назад и вверх. Серия затрещин и хуков, лейтенант держит, мордатый рядовой отмеривает справа и слева, тьма сгущается до полной кромешности, и даже борьба за воздух переходит в стадию последних судорог - но тут хватка петли слабеет. Падение. Не хочется потешать их, но тело дрожит и корчится на бетонном полу, и скотская усмешечка кривит мурло лейтенанта...

- Код! - снова закричал Палишко пленнику в лицо. - Код, сука!

- К-х-акой?!

- Код! Цифры! Дверь в аппаратную, пидор!

- Ноль восемь ноль шесть двадцать четыре.

Они переглянулись.

- А если подумать? - спросил майор.

- Нет. Этот... Я закодировал... Ирвин и Мэлори... Эверест... Восьмое июня двадцать четвертого года.

Палишко выскочил из генераторной. Арт перекатился к одному из агрегатов и сел, привалившись спиной к станине. Отдых будет коротким.

Вернувшегося разъяренного лейтенанта майор остановил жестом.

- Ты часом ничего не напутал? - спросил он, подходя вплотную. - Может, ты не тех альпинистов зашифровал?

- Я - тех... Вот кого зашифровал Кашук - не знаю. Он же ни черта не понимает в альпинизме.

- М-мудила! - Палишко пнул беляка ногой в бедро.

- Я же сказал... Я приказал переключить код и не говорить мне...

- Как еще можно отключить помехи? - спросил майор. - Ток? Электричество? Где-то здесь?

- Не знаю!

- Кабели?

- Должны быть. Копайте, ребята, копайте...

Лебедь узнал цитату, выматерился.

- Палишко, "говорилку", - майор бегло изучил приборчик и перевел рычажок настройки в режим "прием". "Игрушка" молчала.

- Скажи, чтоб он, кто там есть - открыл дверь. Или тебя убьют.

- А если там нет никого?

- Скажи, - в голосе майора прорезалась вороненая сталь.

Арт пожал плечами. Майорский ноготь передвинул рычажок на "передачу".

- Кашук, откройте дверь, - попросил Артем.

- Прикажи, - Палишко ткнул ему носком ботинка в голень.

- Это приказ, Кашук. Откройте им дверь и сдайтесь. Иначе меня убьют.

Приемник издевательски потрескивал. Сквозь открытые двери доносилась еще очень далекая стрельба.

- Он твой, - сказал майор Палишке. - Через полчаса помехи должны исчезнуть, - и вышел.

***

Стиферополь, 0700-0715

Спецназ ГРУ был послан в Крым, чтобы захватить кое-какие важные военные объекты, кое-какие архивы и кое-каких людей. Оставив политических деятелей на откуп "Альфе", ГРУшники охотились на высшие военные чины, и особенно - на руководителей крымской разведки.

Но у майора Варламова и подчиненного ему капитана Резуна было особое задание. Около года назад один из сотрудников КГБ, в свое время завербованный ГРУ, начал выходить на контакт с высоким чином ОСВАГ. Высокий чин, как это ни странно, прямо-таки напрашивался на вербовку. Сведения, которые он передавал, были выше всяких похвал. Кроме того, чин был активистом Союза Общей Судьбы.

Что-то здесь настораживало, что-то выдавало явную подставу, тот самый мед, которым пахнут липкие ловушки для мух.

И вот в решающий момент чин ускользнул из рук ГРУ и сдался спецназу КГБ, а Сотрудник тоже исчез где-то в недрах Лубянки. Майору Варламову и капитану Резуну пришло распоряжение: искать следы таинственной деятельности Высокого Чина. Искать ловушку для мух.

Когда прошел "Красный пароль", оба офицера ГРУ (спецназовская форма была только прикрытием, со спецназом они уже расстались) сделали стойку. Потому что если это не след, то что тогда след?

Но след вел в Москву, а их прислали для оперативной работы в Крыму. Поэтому Варламов ограничился тем, что сообщил по инстанции и позволил себе... скажем так: немного отпустить поводья. А потом началась перестрелка с резервистами, поднявшимися по "Красному паролю", пошли помехи, потерялся в Ялте Грачев, но по большому счету все это было уже не его, Варламова, дело. Как и многие офицеры, майор вел дела по принципу "прокукарекал, а там хоть не рассветай".

Но Резун был не из тех, кто делает карьеру задницей. Владимир решил раскручивать порученное ему дело. Конечно, игра требовала определенной тонкости - узнай Варламов, что капитан химичит у него за спиной - и Володе бы не поздоровилось. Но в тонкой ведомственной игре Владимир уже собаку съел и от всей души надеялся не подавиться хвостом.

В конце концов, какие ставки? Два лишних шага вверх, два вниз - в случае неудачи. А в случае успеха - головокружительные перспективы. Он, младший офицер, отправленный сюда в качестве "куда пошлют" для Варламова, распутает дело, которое два месяца разрабатывал целый отдел... Ради этого стоит побегать.

Итак, "Красный пароль", переданный из Москвы. Резун лично видел программу "Время" и ошибки здесь быть не могло. Но сразу за "Красным паролем" - дикие, кошмарные помехи на всех наших рабочих частотах. Вопрос: откуда они знают наши частоты?

Рабочая и резервные частоты определяются в течение сорока восьми часов перед операцией методом случайного тыка. Самое вероятное место утечки информации - полк.

Интересная складывается картина, товарищи. Некий высокий чин ОСВАГ завербован КГБ. Через какое-то время после этого происходит воссоединение, а вечером

дня "М" по ЦТ передают сигнал "к атаке" для свежеприсоединенных крымцев. И они, родные мои, начинают драться, благо наши части воюют в полный разброд из-за отсутствия оперативной связи. Связь - это грязь, как говорят военные, но без нее - никуда, узнать рабочие частоты за сорок восемь часов и передать в батальон РЭБ - это надо успеть. А какая организация в Крыму обладает достаточной для этого мощью, товарищи курсанты? Осведомительное Агентство, отвечает Вовочка Резун. Правильно, Вова, а теперь дополнительный вопрос: не приводит ли тебя в ужас тот факт,что в каждом полку сидит агент ОСВАГ? Нет, товарищ преподаватель, не приводит. Потому как агентов ОСВАГ в полках нет. А есть мирные стукачи, все как один, работающие на Комитет Глубинного Бурения. То-то во всем этом видна рука Москвы, как говорят наши идеологические противники. Кстати, куда запропал сегодня днем Высокий Чин, за которого нам с товарищем Варламовым еще будет взъебка? А запропал он все в том же, глубинно-бурильном направлении, и все ниточки у нас аккуратно завязываются в узелок.

И тут Зиночка Кибрит решительно трясет завитком каштановых волос, выбившимся из прически и тихо восклицает:

- Не знаю, ребята! Уж как-то слишком все просто получается!

Ага, слишком все просто, вторит ей Вовочка Резун. Или он совсем дурак, этот Высокий Чин, или я ничего не понимаю. Варламов, например, все понимает: "Красный Пароль" - дело московской агентуры ОСВАГ. Но где кончается ОСВАГ и начинается КГБ? Где полиция, а где Беня? Почему по ЦТ, ведь внедрить агентуру на ЦТ гораздо сложнее, чем подделать прогноз погоды и прокрутить его в Крыму на той же частоте, в то же время. Да хороший агент стоит роты спецназа, которая необходима, чтобы взять приступом РЦ на Роман-Кош и передать "красный пароль" оттуда. Но роты нет, штурма тоже нет. На Роман-Кош сидит группа наших из 8-й бригады и муха у них не еблась...

Ночью в штабе царил переполох из-за того, что пропал Грачев. Комдив закатился в Ялту гулять и испарился вместе с сапогами и комендантской ротой. Отражением атаки противника руководил (и хорошо руководил!) начштаба полковник Савкин, он умудрился даже собрать в боеспособную единицу те части мотострелков, что стояли в городе (а это было наверняка непросто - Резун на собственном опыте знал, что такое советские танкисты, так вот - мотострелки еще хуже).

Грачев появился под утро, ворвался в город на свежекраденном "Мерседесе". От роты охраны ничего не осталось, а если что и осталось, то оно сильно отстало, поскольку "Мерс" развивает по хорошей крымской дороге сто шестьдесят, а БМД-1 - ровно на сто меньше. Грачев собрал заседание штаба и Резун дорого бы дал, чтобы его послушать.

К тому времени, к утру, то есть, у Владимира появилось, что сказать комдиву, и он ждал в приемной, пока заседание закончится.

И когда притомленные бурной ночью полковники разошлись, он предстал перед красные очи Грачева и сказал фразу, которая должна была принести ему майорские звезды:

- Я знаю, откуда идут помехи.

Но майорские звезды не спешили падать на погоны капитана Резуна. Поелику ни Грачев, ни его верный личарда полковник Семенов Резуну не поверили.

А ведь как все просто! Ну, где, где еще можно установить передатчики такой мощности, чтобы накрыть сетью помех весь Крым? Да, обычно такие штуки устанавливаются на самолетах-постановщиках помех, потому что чем выше генератор радиоволн, тем проще им достигать цели. Но все аэродромы заняты советскими частями и ни один самолет, кроме наших МИГов, не поднимался в воздух! Да и невозможно установить на самолете передатчик такой мощности.

Но военные - народ консервативный. Привыкли - самолет. Да и некогда было особенно задумываться. А ответ лежал на поверхности: телевышка! Простая, обыкновенная телевышка. Мощности которой достаточно, чтобы ретранслировать сотню телеканалов на четыреста километров вокруг.

А посчитайте-ка, ребята, куда достанет телевышка с высоты 1600 над морем. Далеко ведь достанет.

- Исключено, - Грачев махнул рукой. - Помехи идут с самого вечера. Всю ночь. А вышку всю ночь контролировали спе цназовцы и десантники. Спецназ, кстати, ваш, восьмая бригада.

- Фамилия командира группы? - быстро спросил Резун.

Грачев вскинул на него грозный взгляд: ты еще здесь? Но тон капитана ГРУ ясно говорил: отступать он не намерен, хоть позади и не Москва.

Резун все тщательно обдумывал и был уверен, что прав. На девяносто процентов был уверен.

Семенов наморщил лоб.

- Сейчас вспомню... Старший лейтенант... Характерная фамилия...

"Лошадиная", - вспомнилось Владимиру.

- Верещагин, - щелкнул пальцами Грачев. - Довольны?

Он надеялся, что теперь настырная спецура уберется с его глаз долой.

Но настырная спецура не убралась. Настырная спецура, умело сдерживая возбужденную дрожь в руках, подняла телефонную трубку и, сверившись со списком телефонов на столе, позвонила туда, где находился штаб восьмой бригады спецназа ГРУ.

И на его вопрос ему совершенно однозначно ответили, что офицера по фамилии Верещагин в бригаде нет, а на вышку посылали группу под командованием лейтенанта Никитина.

- Повторите, пожалуйста, еще раз, - злорадно сказал Резун, нажимая кнопку SP phone.

Через десять минут в его распоряжении были три вертолета: два Ми-24 и один Ми-8. Правда, этих веротлетов предстояло еще дождаться...

Генерал мысленно материл выскочку. Пришлось-таки позвонить в штаб фронта и получить вздрючку за сепаратистов - как будто он, Грачев, их здесь разводит в инкубаторе... Нет, но "спецназовец" каков! Ах сука! Так значит, вот из-за кого Павла Андреевича сначала чуть не убили, а потом Маршал его по телефону выдрал, как щенка... И ведь ни сном ни духом не сказал бы - спецура как спецура, ничем не хуже этого вот, Резуна... Грачев надеялся, что Резун зацапает стервеца живьем и все его кишки намотает на локоть.

***

- Ну что?

- Ни фига, блядь... Лей воду. Все, перекур, ребята, отдохнем.

Вода - это хорошо. Перекур - это тоже хорошо.

- Сам лейтенант участия не принимает. Не хочет ручки утруждать товарищ командир. Всю грязную работу за него Анисимов делай, а ему - благодарность в приказе, как же, добыл важные сведения, майор Пронин. Что, съел, генералиссимус? Не колется белячок? Вот те хрен, чтоб голова не болталась.

- Упертый попался до невозможности его благородие.

- Чего делать будем, ребята?

Того, кто задает вопрос, зовут Савой, или Саввой, фамилия - Анисимов. Отлично поставленные прямые в корпус и напаянная оловом пряжка ремня.

- А чего делать? Месить его, гад, пока не запоет.

Ощущения возвращаются, рвущие клещи... Спина горит, бедра горят - словно кто-то высыпал корзину угольев. Не стонать. Не дергаться. Может, выдуришь еще одну каску воды...

- Сдохнет.

- Не сдохнет. Он крепкий.

- Ну, значит, не запоет. Это спецназ, Серый. Боец. Кулаки сбитые - видел?

Доброе слово и кошке приятно - но не в такой обстановке.

- Надо чего-то думать, - сказал Вован. - Потому что из-за этой Зои, гад, Космодемьянской нам всем впарят как я ебу. А устал же, гад, так, что сил нет.

Избивать человека - действительно не такая уж легкая работа. Недаром коллективное бессознательное рисует палача здоровенным парнягой. От ударов руками по лицу страдает в основном лицо, но и руки тоже побаливают.

И главная сложность заключается в том, что бить человека столько, сколько нужно, не получается. Он теряет сознание, и с каждым разом все труднее приводить его в чувство.

Или, допустим, не теряет сознание - но пребывает в близком к обмороку состоянии "грогги". Плывет, как говорят боксеры. Опытный глаз различит - но откуда у этих мальчишек опыт...

- Надо по-другому как-то, - выдвинулся Серый. - Потому что мы его скоро убьем на хрен...

- Можно, гад, зажигалкой прижечь. Или сигаретой... - без особого энтузиазма предложил Вован. - Откуда я знаю! Что я вам, гад, инквизитор?

Так, появилась творчески мыслящая личность... Черт бы ее взял.

К запаху табачного дыма примешивается запах паленой кожи.

Чьей? Арт ничего не почувствовал.

Трусливый торг с собой: все, пора открывать карты, пора пасовать... Нет, нет, еще немного! Пока еще ничего не происходит, пока идут одни разговоры, пока через затемненное сознание сочится время - можно потянуть еще немного...

Немного - это очень много... Ты дотянешь до того, что тебя просто забьют насмерть!

Заткнись, говно, ответил он тому, кто выл и метался внутри. Ты что, еще не понял, что тебе конец? В любом случае. Тебя не оставят в живых, если наши возьмут вышку. Тебя забьют насмерть, если будешь молчать. Тебя передадут в руки военной разведки, если ты заговоришь и они вызовут помощь...

Куда ни кинь - всюду клин, да не просто клин - осиновый кол. Но третий вариант - возможность пожить подольше...

Значит, сейчас. Когда придет лейтенант, ты расскажешь ему все.

С этой мыслью Арт снова "поплыл", утлая скорлупка сознания заплясала на волнах боли, еще недостаточно истрепанная, чтобы дать течь и потонуть в беспамятстве...

***

Анисимов взял бычок, посмотрел на тлеющий кончик и решительно погасил окурок о тыльную сторону своей ладони. Не поморщившись.

- Ты чего, Сава?

- Ничего, - солдат надел ремень. Покосился на дверь. Приниматься за работу ужасно не хотелось. Дерьмовая это работа, собачья. Пусть летюха сам ею занимается. Лучше бы он, Анисимов, вниз пошел, там хоть настоящее дело, аж сюда слышно. А то без него разобьют белых, вернется он домой, девки спросят - чем занимался? И что, он пойдет рассказывать, как геройски они втроем одного пиздили? Тьфу, да пошло бы оно все на хрен.

- Остап! - обратился он к рядовому Остапчуку, своей любимой боксерской груше. - Давай, придумай что-нибудь.

Из корпуса вышел Палишко.

- Анисимов, скоро ваш перекур закончится?

- Так точно, товарищ лейтенант!

- Майор вот-вот вернется. Что делать будем, рядовой? Твои предложения.

- Вон, Генка сейчас что-нибудь придумает, - ткнул пальцем Анисимов.

- И что же это он придумает?

- Я попробую, товарищ лейтенант, - почти уверенно сказал Генка.

- Что ты попробуешь? - переспросил лейтенант.

- Понимаете, товарищ лейтенант, - заторопился Генка. - Ну, то есть, я думаю, что он сам не знает, какой код там включил этот. И приказов этот тоже не слушается, так? То есть, он будет что угодно говорить, этому все равно. Но он же говорит в эту штуку, то есть, тот, который там, его слышит, так?

- Ну, - сказал лейтенант. - Короче!

- Нужно, чтобы он кричал.

Молчание. Никто не понял или не захотел понять. Генка поторопился довести свою мысль до слушателей.

- И сказать этому, который там, что мы не перестанем, пока он не откроет. Так?

- Ты... - лейтенант запнулся. - Ты соображаешь, что говоришь?

Генка посмотел в его глаза и понял, что лучше бы он откусил себе язык. Лейтенант выглядел каким угодно - не не успокоенным и не довольным.

- Ты соображаешь, что говоришь?! - он сгреб рядового за грудки.

- Да! - пискнул Генка. Руки лейтенанта разжались.

- А ты знаешь, как это сделать?

- Да, - мертвым голосом ответил рядовой.

- Делай, - сказал Палишко. - Давай, командуй, только быстро!

Рядовой Геннадий Остапчук показал на корпус:

- Мне туда на минуточку...

"В сортир, что ли?"

- Иди.

Гена, начитанный мальчик с развитым воображением, пошел не в сортир. Он думал над решением проблемы и вспомнил, что видел на столе в кабинете подходящую вещь.

В корпусе было полно народу. Тяжелораненые, хрипевшие и стонавшие на полу, но больше молчащих - измученных болью, ослабевших от потери крови - наглядные пособия на тему "Почему нужно побыстрее отключить помехи и вызвать помощь".

- Остап, ты куда? - спросил кто-то.

- Приказ! - бросил Генка.

Чем-то это было хорошо: не оправдываться на окрик, а внушительно бросить: "Приказ!"

Он обшарил стол и нашел то, что нужно. Ручки и карандаши уже растащили, в известных целях помылили и бумагу, но на эту штучку никто не позарился - назначение ее было неясно. Генка при всей своей начитанности сам не знал, как она называется и для чего нужна, но выглядела она как самое то, что надо. Может быть, и делать ничего не придется - пленник посмотрит на заходящие друг на друга хромированные клыки, два снизу и два сверху, посмотрит и испугается холодного стального блеска... Испугается так, как боится его сам Гена.

У Гены Остапчука было очень живое воображение.

Арт Верещагин ничего не мог об этом знать и, следовательно, не принял в расчет. Фортуна улыбнулась ему кривой ухмылкой: как раз тогда, когда он решил заговорить, Палишко запаниковал.

Лейтенант сделал рейд по окрестностям, прислушался к перебранке минометов и АГС внизу, за жидким горным леском. Он был в тревоге. Приемлемого выхода из положения не наблюдалось. Может быть, вражина и в самом деле не знает кода. Что же - сидеть и ждать белых?

Во время посещения корпуса он подошел к толстой железной двери, наугад потыкал в замок. Ударил в сталь кулаком, матюкнулся. Каменная кладка, цемент - нашему

не чета. Вмуровано мертво. Граната не берет - пробовали. С гранатометом тут не пристроишься: планировка не та.

Он пощелкал рычажком на "говорилке", подавил в себе желание отматюкать того, кто засел за железной дверью. Не поможет. Ладно, открывать он не хочет. Но пусть выключит помехи. Если пройдет то, что предложил Остапчук - может, и выключит. Всего делов: нажать пару кнопок...

А вдруг там и нет никого?

Ну и хрен ли? Мозгами пошевели: Верещагин и его кодла здесь охрану несли. Охрану. Должны знать все входы и выходы. Должен быть другой способ заткнуть вышку. Палишко не особенно рубит в технике, да ему и не надо задумываться, что это за способ. Пусть беляк сам расскажет.

Он расскажет.

Лейтенант вернулся в генераторную. Пленные и двое рядовых, что их стерегли, проводили его почти одинаковыми тревожными взглядами. Пленные... что-то такое подумалось, связанное с пленными, мелькнуло в башке и ушло сразу же. Ладно, вспомнится.

Беляк лежал на полу, закрыв глаза - с понтом, без сознания. Но Палишко знал, по дыханию слышал, что гад притворяется.

- Ну? - спросил лейтенант. - Будем столбами стоять или как? Анисимов, развяжи ему руки...

***

Так. Уже лучше.

Не успел он обрадоваться пульсации крови в кончиках пальцев, как его подхватили под руки, перетащили на останки кресла и привязали к ним. Просто и без затей - перекинув локти через спинку кресла, тем же ремнем от автомата привязали запястья к ее стальной поперечине. Руки тут же оказались вывернутыми, как на дыбе - спинка была слишком широкой. Поперечины сиденья врезались в зад. Придумали же кресло, скоты... Дизайнеры, мать их...

Мордатый рядовой Микитюк, великий мастер хука справа, вытащил нож.

Арт закрыл глаза. На холодную сталь было страшно смотреть. Чувствовать - еще страшнее, хотя нож только разрезал горловину тишэтки. Мокрая ткань треснула от рывка в две стороны - с отвратительным, нервным звуком. Футболку стянули на локти.

Затравленный ужас забился, заметался в голове. Что они собираются делать?

Какая разница, ты, кретин? Говори! Говори сейчас же, пока они еще не начали!

Палишко достал "уоки", включил рычажок в режим "передачи".

- Слушай сюда, - сказал он в микрофон. Его подражание майору выглядело бы смешно... если бы не было так страшно. - Твой командир просил тебя отключить помехи. Ты не послушался. Сейчас он тебя еще раз попросит. Хорошо попросит.

Парень с лицом херувимчика достал из кармана скрепковыдергиватель.

Артем решил, что наконец-то выпал из окружающей реальности, но секунду спустя убедился в обратном: реальность осталась прежней и приобретала все более скверный оборот. Зачем парнишке скрепковыдергиватель? Он собирается расшивать документы? Ох, вряд ли. В советском десанте канцелярскому делу не учат.

Дешевая сценка из дешевого шпионского романа. Гребаное казино Рояль.

От запредельно страшных ситуаций сознание дистанцируется. Человек наблюдает как бы со стороны: это происходит не с тобой, не здесь и не сейчас. Потому что в противном случае это НЕПЕРЕНОСИМО страшно, впадаешь в ступор и не можешь ни двинуться, ни слова сказать - завораживающий ужас уничтожения...

А бывает - мозг работает с чеканной четкостью, и в последние секунды ты просчитываешь ситуацию до конца и в примирении с неизбежным черпаешь неизмеримые силы.

Вот! Вот она - правда, а остальное - художественный вымысел: Верещагин получил оружие.

Месть была его единственным утешительным призом. И не такой он был человек, чтобы отказываться от этой возможности.

Холодные и острые "зубы" сомкнулись, еще не причиняя боли, на козелке уха.

- Слушай внимательно, - сказал лейтенант Кашуку. - Проси!

"Уоки" ткнули чуть ли не в зубы.

- Кашук! - Арт собрался с силами, чтобы говорить как можно четче: радио искажает звуки.

...Стонов он, наверное, не удержит. Человек слаб. Но кричать не будет.

...В конце концов, миллионы людей прокалывают уши. Говорят, там мало нервных окончаний.

- Сделай так, чтобы они не ушли отсюда живыми!

Клац!!!

Последние слова он почти выкрикнул: перед глазами разорвалось красное, сердце прыгнуло к горлу, рывок, хруст...

***

Рядового Анисимова вырвало.

***

- Это первая просьба, - сказал в микрофон "уоки-токи" Палишко. - Не отключишь через десять секунд - будет вторая. Совсем другая, ты мне поверь...

Мать твою так... Что же будет, если пацан доберется туда, где много нервных окончаний?

Прикосновение стали к груди.

Что Кашук понял из сказанного? Так ли он понял?

- Ну что, козел? - сказал Палишко. - Что, мудила? Помнишь, как ты ходил тут и задирал нос? Все вы тут задирали нос - и твой грузин, и твой татарин... Думаете, лучше нас, белая кость, да? Вот теперь ты покричишь, а они послушают...

Самое трудное, подумал Арт - это говорить четко и связно. И говорить то, что нужно.

- Палишко... Насчет стройбата - я был неправ...

- Ну?

- Ты не доживешь до следующего утра.

- Посмотрим, блядь, кто не доживет.

Он увидел, как сузились глаза херувимчика - за миг до того, как маленькие стальные челюсти снова щелкнули.

На этот раз пацан сделал все медленно...

Он выдохнул, чтобы не оставить себе воздуха на стон - но недооценил свои легкие. Воздух там остался. Там его оказлось до черта...

- Кашук, убей этих ублюдков! Прикончи их! - он не знал, удалось ли ему это произнести. Он не знал, жив ли Кашук и слышит ли. Но прокляни Господь его душу, если он услышал - и не понял.

***

...Теоретические познания в области допросов третьей степени Остапчук почерпнул, в основном, из книжек о пионерах-героях. А в книжках о пионерах-героях редко пишут, например, что от сильной боли человека рвет. Что "обливаться холодным

потом" - это не образное выражение, оно как нельзя более соответствует реальности. И уж тем более не пишут, что иногда, к вящей потехе экзекуторов, может не выдержать сфинктер мочевого пузыря.

Но там не пишут и еще кое о чем.

...О том, что странный ток пронизывает губы и пальцы, когда железо преодолевает упругое сопротивление плоти...

...Об ужасе и восторге, слитых воедино.

...О чувстве полной, безраздельной власти над жизнью и смертью...

О том, как это просто, мамочки мои, как просто, и как...

ЗДОРОВО!

Конечно, Генка когда-то фантазировал на эти темы. В воспаленном детском мозгу проносились временами видения собственной героической смерти: вот он, Генка Остапчук, истерзанный, но гордый, стоит у щербатой кирпичной стены, в разорванной рубахе и со связанными за спиной руками. Вот он бросает в лицо палачам: "Нас много! Всех не перестреляете!" или еще что-нибудь такое, не менее героическое. Вот грохочет залп, и он падает, обливаясь кровью... От этих видений у маленького Генки что-то щекотно сжималось в животе, и это чувство заставляло его долго и сладко плакать.

Реальность оказалась грубее и жестче. Впервые столкнувшись с насилием, Генка понял, что не может сопротивляться. Получить пряжкой ремня по хребту или по жопе - в этом не было ничего героического. Просто больно и стыдно.

Но он никогда не думал, что сладкое чувство возникнет снова - и в таких обстояиельствах. Конечно, безобразный жалкий беляк - неважная замена тому же Анисимову. Или гаду Джафарову. Но так легко представить кого-нибудь из них вот здесь, на этом кресле, и так это замечательно, что аж дыхание временами перехватывает.

А вот вам всем! Думали, Генка - маменькин сынок, сявка? А вот он делает то, что им слабо, он здесь оказался незаменимым - не товарищ лейтенант, не "деды"-дуболомы, которые умеют толлько кулаками махать, а он, Генка!

Он уже набил руку. Захват. Щелчок. Рывок. Тихий хриплый вой. Вот так, господин офицер, ты сделан из такого же мяса, как и все люди. Пауза. Дать время осознать боль. Ругань. Ничего так матерится благородие. Умеет и по-нашему, и по-ненашему. Захват-щелчок-рывок...

Настал момент, когда и стоны и ругань стихли. Беляк свесил голову и тупо уставился на свой живот. Генка взял его за подбородок, поднял голову, заглянул в лицо. В сознании, хотя глаза уже мутные-мутные...

- Принеси воды, - скомандовал Генка тому, кто первый откликнется.

- Й-я пойду! - быстро вскочил Скокарев. "Дедушка"-второгодок, ха!

***

Кашук слышал и понял.

Он мог снять контрольные наушники. Но не сделал этого, хотя хотел это сделать больше всего на свете.

Для него, электронщика милостью Божией, переключить пульт так, чтобы он принимал сигнал непосредственно с "уоки-токи", было плевым делом. Контрольные наушники подтверждали, что все прошло как надо. Для верности Кашук задействовал все армейские частоты, которые знал, полицейскую, службы спасения 777, пожарную и одну коммерческую, которую ловили приемники крымской бронетехники и (он это знал) любили слушать радисты.

Вы хотели шума на весь Крым, господин Востоков? Вы его получите.

- Где этот гребаный майор? - прошептал осваговец. - Он обещал вернуться через полчаса - ну, и где он?

Майор не появлялся. Кашук сплюнул в корзину для мусора, посмотрел на часы.

Длилось семнадцаать минут.

Ужас.

Безысходность.

Наушники замолчали наконец - лейтенант отключил "уоки". По логике вещей - все еще могло кончиться хорошо. По меньшей мере - для него, а разве этого мало?

Он не камикадзе. Он не борец за идею. Он просто солдат, просто выполнял приказ. Он хочет остаться в живых, а для этого нужно не дать отключить помехи, не дать красным вызвать помощь. И не поддаваться глупому порыву выйти отсюда с жалкой "береттой" о последних семи патронах.

Он очень надеялся, что молчание рации означает - Верещагин умер.

Зря он на это надеялся.

Что-то щелкнуло в наушниках, и знакомый голос сказал:

- Ты еще там? Продолжаем разговор...

***

Главнокомандующий
Евпатория, 0530 - 0850

- Они проследовали на северо-запад! - доложил, откозыряв, командир разведвзвода.

- Слава Богу! - Главнокомандующий перекрестился.

Шеин неодобрительно покосился на него. Это, конечно, хорошо, что красные, сами того не зная, выбрали худший для себя вариант отступления. Повезло. Но командир не должен играть в такую орлянку. Командир должен уметь принимать соответствующие решения быстро. Князю Басманову, с сожалением отметил он, не хватает вот этой самой быстроты и жесткости, он слишком подвержен колебаниям.

Шеин одернул себя. От таких мыслей очень близко до реального мятежа, которым его пугает Басманов. Положение действительно скользкое, и, может быть, даже хорошо, что князь мыслит стратегически, в конце-концов, он - главком... Но по-главкомовски правильно было бы оставить евпаторийские дела на него, Шеина, а самому заняться установлением связи с другими дивизиями и превращением отдельных очагов сопротивления в единый крымский фронт...

- Итак, Дэвидсон, - сказал князь. - Что мы решаем с Дэвидсоном?

- Что мы решаем с Ак-Минаретом, разберемся для начала.

- По-моему, с Ак-Минаретом все ясно. Предупредим Денисова и отправим за ними в погоню батальон "Воевод", усиленный эскадроном "Витязей".

- Почему не "Святогоров"? - возразил командир бронемобильного батальона капитан Папагос. - Танки и "Воеводы" не смогут их нагнать.

- Они их нагонят, потому что им просто некуда будет деться, - сказал князь. - Ак-Минарет наш, Денисов их встретит. Преимущество в скорости не так важно, как преимущество в броне и вооружении. Почему я должен объяснять вам такие элементарные вещи? Так что там с Дэвидсоном?

- Пока что они держатся, - сказал Шеин. - Я совсем недавно выходил на связь. Силы находятся в равновесии, система обороны на авиабазе построена очень разумно, и им удается отбивать все атаки. Хреново будет, если к красным придет подкрепление или у Дэвидсона кончатся боеприпасы. И то и другое вполне реально.

Князь понимал, что полк Беляева был не единственным советским формированием в Крыму.

- Передайте Дэвидсону, что в течение двух часов помощь к ним выйдет, - сказал он. - В самом крайнем случае, если кончатся боеприпасы - пускай сдаются, чтобы выиграть время.

- Они не сдадутся, - подал голос Лобанов.

- Почему это?

- А вы не знаете? - спросил Шеин. - Красные допрашивают наших с пристрастием.

- Бросьте! - отмахнулся князь. - Какой-то любитель золота разорвал Гусарову ухо - и уже вся дивизия в панике.

Брови Шеина поползли вверх.

- Гусаров здесь ни при чем, - сказал полковник. - Красные пытают кого-то из наших и передают это по радио.

- Что?

- Это так, сэр, - подтвердил Лобанов. - Один из радистов случайно услышал на общеармейской частоте... Скоро узнали все, не только радисты...

- Когда это было?

- Почему "было"? - мрачно усмехнулся Шеин. - Хотя, возможно, уже и "было". Штабс-капитан, включите радио...

Лобанов включил, повертел тумблер настройки. Нашел.

С минуту они слушали молча...

- Первый... сигнал... - Лобанов говорил так, словно в горле внезапно пересохло, - был зафиксирован сорок минут назад. Потом был... перерыв. И вот...

- Выключите это! - князь подскочил к радио и выдернул вилку из розетки. - Что, радистам нечего больше делать, кроме как следить за этим... гиньолем?

- Теперь вам понятно, почему Дэвидсон не сдастся? - спросил полковник.

- Да, черт возьми. А вы не подумали, что это может быть провокация?

- Чья?

- Ну, хотя бы тех неизвестных, кто передал "Красный пароль"! - князь даже не предполагал, как он близок к истине.

- Побойтесь Бога, ваше сиятельство... - проговорил Шеин. - Побойтесь Бога. Я был бы рад, если бы это оказалось провокацией. Как я был бы рад...

***

Лейтенант Сергей Палишко ощутил острую потребность выйти на свежий воздух. У него была уважительная причина - нужно пойти в БМД, послушать, сняты ли помехи. Была и настоящая причина: желудок плясал краковяк.

Поначалу ему это даже нравилось, казалось хорошей мыслью - и рассчитаться за все, и побесить белую сволочь, и задание выполнить. Теперь он понимал, что зашел слишком далеко.

Но при всем понимании этого Палишко не мог остановиться. Срок, отпущенный майором, истек. Там, внизу, шел бой, и канонада теперь звучала ближе... Или Палишке так казалось?

Уже совсем рассвело. Висели мокрые облака, шел гаденький дождик.

Лейтенант залез внутрь БМД, снял с рации наушники, покрутил ручку настройки...

В уши ему тут же вонзились мерзкие звуки, которые, собственно, и именуются помехами. Палишко уже знал, что на остальных частотах будет то же самое, но покрутил настройку дальше...

Потом матюкнулся, снял наушники. Так и знал. Так и думал, что ничего не выйдет. Времени у них мало, вот что. Вся игра здесь идет на время, Верещагин не боится ни хрена, потому что знает - если продержится... мать-перемать, час он уже продержался! - то его освободят.

Лейтенант выбрался из БМД. Хотелось закурить, но было нечего. У всех уже закончилось. Может, есть у пленных?

Пленные...

Как там говорил этот гад? Последний долг командира - сохранить жизнь своим людям?

Дураки! Идиоты! Да он же сам, сам сказал, как его расколоть!

Палишко засмеялся.

- Анисимов! - крикнул он.

Анисимов, который после своей позорной "поездки в Ригу" отправился сторожить пленных, обернулся на оклик.

- Давай сюда, в подвал, этого подпоручика!

- Нет! - Ахмат завопил, резво отползая назад. - Я все сказал, что знаю! Не надо!

Чтобы привести его в чувство, Анисимов два раза пнул его в бок. После этого подпоручик уже не кричал, а только всхлипывал.

Неправильный конус Роман-Кош все больше и больше становился похож на фатальную воронку. И не чего-нибудь, а мясорубки...

***

Вот и все...

А ты что, раньше не знал, что у поражения вкус блевотины?

Погружение в боль было полным. Он прогибался под ее весом, красно-коричневая тьма под давлением в тысячу атмосфер превращала каждый удар сердца в неодолимый труд. Эта завеса отгородила его от всего происходящего, избавила от всех мыслей и ощущений.

И когда ему дали отдохнуть, когда тугая пелена боли истончилась и порвалась, он пожалел об этом до слез.

Он плакал, проклиная неторопливую смерть.

Они ждали, пока он окончательно придет в себя. Пока поймет, что на коленях перед ним стоит бледный до зелени подпоручик, а к затылку подпоручика приставлен пистолет. Пока снова научится разбирать человеческую речь и выслушает условие. Пока наберет воздуха в грудь и ответит...

И когда он получил возможность сдаться, сохранив лицо (Что? Что сохранив?), он пожалел только об одном: почему ему не дали такой возможности раньше?

- Здесь, - сказал он, - убитые... спецназовцы... люк...

Палишко, не веря своим ушам, убрал пистолет от затылка Мухамметдинова и приказал оттащить мертвецов в сторону.

Ну, он там и был. Квадратный люк, дверь к сердцу подземных коммуникаций Роман-Кош.

- Ты... - Палишко не находил слов. - Ты что же... Все время... Здесь... Ах ты...

- Да, - еле слышно, почти как вздох. - Развяжи... меня...

- Сволочь... - лейтенант все смотрел на квадратный проем в полу. Мысль о том, как все было просто, у него искры из глаз высекала.

Гад, гад! Сколько времени ушло! Опять всех нагрел! И опять остался чистеньким - не струсил, не сломался - пацана-резервиста пожалел!

Палишко развернулся, приставил ствол пистолета ко лбу подпоручика Мухамметдинова и выстрелил в упор.

- Вот тебе, - сказал он в невероятной тишине, которая наступила после того, как тело подпоручика упало на пол и по мокрому бетону поползли во все стороны алые разводы.

- Вот тебе... - зачем-то повторил лейтенант.

- Зачем... - полувнятный хрип, казалось, исходил уже не от человека.

- Зачем? - переспросил лейтенант. - Потому что раньше надо было просить. Я тебя все равно убью, но ты перед смертью себя проклинать будешь, что все сделал не так - вот почему!

Его колотило. Он бесился еще и потому, что белячина, кажется, отключился снова, рано, нет, не вовремя! Он должен видеть этот пистолет, почувствовать вкус метала, и звук его о зубы, и пороховую вонь во рту, и вот тогда - только тогда! - он получит свою пулю.

- Смотри на меня! Смотри, гад!

Арт не слышал его. Начался бред. Сначала в бреду открылась дверь и появился майор Лебедь. Потом в бреду майор лупил лейтенанта по морде.

Ради такой картины Верещагин даже поднял голову, хотя это стоило ему судороги. Но последнее удовольствие в жизни случается не каждый день и пропускать его нельзя, даже в бреду.

- Т-товарищ майор?! - обиженно просипел лейтенант.

- Что это за филиал гестапо? - Лебедь от гнева забыл железное правило: не распекать и, упаси Боже, не бить офицера при солдатах.

- Товарищ майор, вы же сами сказали...

- Я СКАЗАЛ, ЧТОБЫ ТЫ УСТРАНИЛ ПОМЕХИ, ЕБ ТВОЮ МАТЬ! - прогремел майор. - Я не сказал, чтобы ты устраивал здесь мясорубку!

- Товарищ майор...

- Я уже два года товарищ майор! Какого хрена было нужно это делать? Какого, я спрашиваю?

Арт не понял, почему он лежит на полу. Потом сообразил: майор разрезал ремень, который удерживал его на кресле.

- Ты сам виноват, - почти шепотом сказал Лебедь. - Можно было не доводить до этого.

Артем не спорил. Во-первых, спорить с галлюцинацией глупо, во-вторых, майор прав. Можно было до этого не доводить. "Умереть тяжело и достойно" - ложь. В боли и в смерти нет достоинства.

Почему нужно и в бреду видеть эти рожи? Почему он не бредит кем-то более приятным - Тамарой, к примеру? Нет, не надо.

Какое-то движение позади и внизу, в люке. Голоса, шаги, стук... Потом - глухой подземный взрыв, и генераторная погрузилась во тьму, изредка озаряемую синими сполохами.

Потом он оказался на том самом матрасе, где лежал раненый Володька. Руки были свободны, но на этом приятные новости заканчивались. Он хотел попросить, чтобы его не оставляли здесь одного с мертвецами и синими искрами, но не смог издать ни звука.

Как он был жесток с Володькой... Как больно. Как скверно. Как безнадежно...

Его донимал холод, а за ним приходила новая судорога. Даже от боли он страдал меньше.

И вместе с тем он был странно спокоен: от него больше ничего не зависело, оставалось только ждать, что произойдет раньше: его спасут или истлеет его жизнь.

***

Бывают на свете идиоты, но Палишке можно давать Нобелевку за отменную дурость. Если выпутаемся, подумал майор, ей же ей, он до старости в лейтенантах проходит. Я ж ему устрою веселую жизнь.

Пока что атаки белых удавалось отбивать. Пока что. Белые не экономили пули и мины, но берегли людей. Майор был вынужден беречь все. Тем не менее после второй атаки белых он узнал, что половина боеприпасов уже ушла.

Во время затишья корниловцы помахали белым флажком и послали парламентера.

Офицер в чине штабс-капитана смотрел на Лебедя как Сталин на врага народа. В руке у него была мини-рация. Точь-в-точь такая, как у тех диверсантов. Может, он и был из них - майор видел всех мельком и припоминал с трудом.

- Когда мы начнем штурм, - сказал беляк. - Мы не будем брать пленных, если не прекратится вот это, - он щелкнул рычажком рации и Лебедь, услышав, обмер.

Заставь дурака Богу молиться - известно, что получится. Лебедь не хотел войны без правил, а усердный Палишко все к тому подводил. Комбат рванул наверх лично, а когда прибыл, узнал, что уже поздно. Хренов радиолюбитель в кураже застрелил пленного. Ладно, это можно свалить на потери в бою или попытку к бегству, но на фига ж ты, сука, придурок такой, учинил здесь инквизицию на дому, как ты теперь следы заметешь? Кто знает? Да весь белогвардейский батальон - тебе мало? Помехи отключил? Агромадное тебе спасибо, вовремя! Теперь придумай, как нам выдержать еще один штурм, прежде чем прибудет помощь! Не можешь? Так что ж ты можешь?

Пулеметная очередь... Началось... Фоном - еще один, новый звук: клокочущий гул вертолетных винтов...

Вертолеты?!

Майор пулей вылетел из помещения. В пологом ущелье действительно наводили порядок вертолеты: два МИ-24 поливали склоны из пулеметов. МИ-8 шел сюда, видимо, на посадку.

Ребята! Родные наши!

Склон, удерживаемый красными, выдохнул: "Ура-а!", словно камни запели осанну. Майор внезапно обнаружил, что орет сам.

И тут же крики радости сменились воплями гнева: с позиций белых, казалось бы, подавленных пулеметным огнем с воздуха, шваркнули в небо четыре стрелы с дымными хвостами. Три взорвались, "поймав" инфракрасные ловушки. Четвертая попала в Ми-24...

Удар! Вертолет, дымясь, ахнулся на склон Чучели. Какое-то время он катился вниз, ломая лопасти и кроша корявые горные деревья, потом его падение, вроде бы, затормозилось у скального обрывчика, а потом неумолимая гравитация взяла свое и вертолет, свалившись на камни, взорвался.

Лопасти МИ-8 молотили уже над площадкой. Шасси коснулись бетона.

Из кабины на землю спрыгнул первый десантник. Майор чуть не проглотил язык.

По площадке навстречу Лебедю шел целый и невредимый Верещагин в советской форме...

Вот так люди и становятся заиками.

Со второго взгляда было и ежу понятно, что парень ну ничем не похож на Верещагина. Не темно-русый, а светло-русый, ниже ростом и шире в плечах, сероглазый и склонный, скорее, к полноте.

- Явление третье, - сказал он, подойдя вплотную к майору. - Те же и спецназ.

И голос у него был другой.

- Капитан ГРУ Владимир Резун. Ну, что у вас здесь творится?

***

Хер знает, что у них здесь творится.

Володя Резун вникал в положение и тихо сатанел. Что за сборище идиотов эта армия! Группа диверсантов забивает баки роте десанта целые сутки, а когда десантники начинают понимать, в чем дело, им приходится, теряя людей и попадая в окружение, штурмовать все ту же гору, которую они, будь поумнее, могли бы взять без боя. Так ведь и после этого, запершись в аппаратной, беляк удерживал помехи целых полтора часа!

- Значит, он там? - капитан ткнул пальцем в сторону двери. Лебедь молча кивнул.

Через пять минут спецназовцы закончили с аппаратной. В отличие от крымской, их пластиковая взрывчатка больше напоминала толстую изоленту, которую они наклеили по периметру двери, вминая в тоненькую щель. Взрывник прикрепил детонатор.

- Штурмовая команда - приготовиться, - сказал Резун. - Остальные - вон отсюда.

От взрыва дрогнуло все помещение. В коридоре сорвались и упали на пол несколько секций подвесного потолка. В ближайших комнатах треснули ртутные лампы.

- Брать живым! - проорал Владимир, не слыша собственного голоса.

Ныммисте и Зайченко горели рвением выполнить приказ, но ничего у них не получилось. Видимо, крымец ждал атаки, держа в руке гранату с сорванным кольцом. Взрыв, которым вынесло дверь, оглушил его и рука разжалась...

Это была неудача. Это была большая неудача, что Алексей Кашук, 779612\WS, вторая группа крови, православный, погиб. Он мог бы рассказать очень много интересного...

- Кто из ваших плотнее всего с ними контактировал? - спросил Резун у майора.

- Капитан Асмоловский. Он ранен.

- Тяжело?

- Достаточно...

- Мы заберем с собой всех тяжелых раненых. Сколько их?

- Одиннадцать человек. А остальные?

- А что остальные? Вертолет не резиновый, товарищ майор. Мы же вообще не знали, что вы здесь и что вас целый батальон. Нам и в голову не приходило, что если на горе наши, помехи могут продолжаться.

- Черт бы его подрал, этого Палишко... - процедил Лебедь. - Что же нам теперь делать?

- Ждите, - только и мог сказать Резун. - Вы же вызвали помощь? Ждите.

- Боеприпас на исходе.

- Мы оставим... сколько сможем.

- Сколько там вы сможете...

Майор чего-то недоговаривал, как-то колебался.

- Ну, что случилось-то? - спросил спецназовец. - Что вы тут думаете - сказать-не сказать?

Лебедь решительно тряхнул головой.

- А ну, пошли, - сказал он. - Вы - разведка, теперь это ваша забота...

***

- А ведь он умирает... - Резун положил ладонь на шею белогвардейца. - Пульс слабенький, как пиво из бочки. Конашевич, доктора!

Прежде, чем длинная фигура спецназовского медика склонилась под притолокой, Резун уже успел отложить в сторону куртку пленника. Взгляд, который он затем кинул на майора, был таков, что Лебедь поспешил сказать:

- Я этого не делал. И не приказывал.

- Что у нас тут? - спросил врач. - Володя, здесь до хрена раненых...

- Валера, это важнее, - тон не терпел возражений. - Посмотри...

Врач смерил майора тем же самым взглядом.

- Да не я это! - Лебедя бесила необходимость оправдываться. - Летеха, дурак, перестарался.

- Зачем вам это было нужно? - процедил сквозь зубы Резун. - Знаете такую басню - беда, коль пироги начнет печи сапожник? Добывать сведения - это работа военной разведки, майор. Причем мы обходимся без палачества.

- А когда мне было вас дожидаться? - взорвался Лебедь. - Учить - все умные. Что ж ты, такой умный, уложил второго, который в аппаратной сидел? У нас патронов - кот

больше бы нагадил, беляки со всех сторон, помощь во как нужна, а тут прилетают какие-то... И учат, едренть. Ты не учи, ты вытащи нас отсюда!

Эту тираду капитан не удостоил ответом.

- Валера, что с ним? - повернулся он к доктору.

- Болевая эйфория, скорее всего, - врач уже шарил в сумке, уже вытаскивал шприцы, иглы, какие-то ампулы... - Шок. Вряд ли что другое. Крови потеряно мало, от столбняка мальчик, я надеюсь, привит... Товарищ майор, и кто же из ваших кадров такой... любознательный?

- Я хотел, чтобы он двери открыл! - голос Палишки был готов сорваться на визг. - А он не открывал! И это не я, это Остапчук! А если он двери не открывал!

Резун пошел на придурка, сжимая кулаки. Если и этот беляк умрет, то все планы на хрен... Как обидно - из-за недоумка-десантника.

- Выберешься отсюда живым, лейтенант Палишко, быть тебе в стройбате! - прошипел он в мятущиеся глазенки. - Вот тебе мое слово, и за этим я прослежу лично!

- Да что я такого ему сделал! Он даже не крикнул ни разу как следует!

- Пошел вон, - устало сказал майор. - И чтобы я тебя не видел.

- У меня есть знакомый, - врач разорвал перевязочный пакет, - который кричит раньше, чем ему сделают больно... аргументируя это тем, что потом будет поздно. Иногда... кажется, что это очень разумная линия поведения.

***

- Ну что, Гестапо? Плохи наши дела?

- Что? - не понял Генка Остапчук.

- Ща поймешь, - Анисимов дал ему по уху.

- Ты что? - ошарашенно спросил Скокарев.

- А что?! Нас из-за этой падлы вниз послали, вот что! Вставай, Гестапо, хватит валяться.

Вован усмехнулся. И как ему раньше в голову не приходило: ГЕнка ОСТАПчук - Гестапо...

- Спецназовцы улетели, нас одних бросили... - Анисимов тряхнул Остапчука, подняв его с земли. - Нам теперь одним отбиваться, перебьют всех, как цыплят, и все из-за этой гниды...

Остапчук вырвался из рук сержанта, отбежал немного вверх по тропинке.

- Не трогай меня! - закричал он. - Приказ был! Я что, для себя...? Мне что, больше всех надо? Вы же сами... Ах вы!..

К несправедливостям мира, обрушившимся на Генку, зуботычина добавила еще одну. Скотина Анисимов! Как будто он сам не принимал в этом участия! Как будто это Генка все выдумал!

Ничего, сказал он себе, утираясь, мы еще посмотрим, кто здесь гнида, товарищ "дед"...

Над головами спускавшихся к передовой десантников два вертолета разорвали наползающий облачный фронт...

Анисимов погиб в бою. Странное дело: пуля поразила его в спину.

Генка Остапчук остался жив, и, хотя Скокарев и Воронин загремели в госпиталь, липучая кличка "Гестапо" не оставила рядового ни в лагере для военнопленных, ни в последний год службы. "Духи", которых он гонял с особенной изобретательностью и жестокостью, считали авторами этой клички себя...

***

Ретроспекция

Чимборазо и Котопакси...

- Выбирай! Выбирай, Гия! Ты что, уснул, Князь?!

Он спохватывается и начинает выбирать. Веревка ложится змеиными кольцами...

Вершина Сокола. Поднимались без крючьев, на одних закладках. На скорость. Потом целую неделю оба двигались с непринужденной грацией голема из Б-фильма. Все болело.

Но это потом, а пока - восторг, сладкое вино победы.

- Смотри, вон наша домашняя флотилия! - Арт (тогда еще Тем - ник он сменил после того, как прогремел бестселлер Берджесса) показывает пальцем на одно из суденышек, деловито перепахивающих Судакскую бухту. - "Ивица". А вон там - "Злата". "Марты" что-то не видно...

Они ужинали и ночевали у деда Ковача. Ивица, троюродная сестра Артема, строила Князю такие глазки, что великолепная паэлья не лезла в горло. Князь так и не понял, что за кошка пробежала через год между Артом и его родственниками. Но это была кошка очень злая и очень черная - с момента окончания гимназии Арт ни разу не ездил в Судак и не звал Князя на Сокол.

...Керос и Наварон...

- Ты его знаешь?

- Конечно, знаю... Вадим Востоков, полковник ОСВАГ.

- О чем он тебя спрашивал?

- Об Эвересте. Меня сейчас все спрашивают об Эвересте, надоело, слушай...

Он немножко кривил душой. Ему не совсем надоело... Ему, по правде говоря, даже было приятно...

Если не упоминать один маленький эпизод...

...О котором спокойно можно промолчать.

А вы знаете, что такое холод? Вы выключаете на ночь батарею, утром ежитесь при плюс четырнадцати и говорите, что вам холодно...

Так вот, холод поселяется у тебя в сердце и никуда не хочет уходить. Ты пытаешься с ним бороться, пытаешься делать какие-то движения, но при каждом шаге твои ноги пронзает такая боль, что ты воешь и воздух царапает воспаленную глотку...

И тогда ты сдаешься на милость холода, который принесет хотя бы краткое облегчение и покой...

Но тут появляется кто-то... Очень упорный кто-то... Очень настроенный не дать тебе умереть...

Игла входит в шею, и с дозой стимулятора возвращается жизнь, а с ней - боль.

- Князь! Гия! Вставай! Ну, подними свою жопу, шени деда, я же тебя не утащу, такого кабана!

Не надо меня никуда тащить. Мне было так хорошо умирать, пока ты, дурак, не появился тут.

- Давай, холера, вставай! Ножками топай, спускайся, замерзнешь ведь к гребаной матери!

И замерзну. И хорошо. И не трогай меня.

Оплеуха справа... Слева... Снова справа... Травмированные холодом нервные окончания реагируют запоздало, но остро.

- Мне... холодно...

- Холодно тебе? Ах ты скотина! Давай двигайся - и не будет холодно!

- Мне... больно...

- Больно? Ты слабак, Князь. Дешевка. Аристократ хренов. Привык, что все на блюдечке, прямо в ручки, тепленьким... И чтобы при этом все хвалили: ах, какой упорный, ах, какой умный, ах, какой смелый! А Эверест - не Главштаб, сюда на папином загривке не въедешь! Шьто, абыдно, да? - зачем он так, я же говорил по-русски лучше него, когда мы пришли в гимназию! - Настоящий мужчина, дитя гор... А на самом деле - пшик,

копейки не стоит. Обиделся? Ну, дай мне в морду, если я не прав! Только я прав, а ты утрешься и останешься здесь сидеть... А я спущусь вниз и скажу, что дешевый пижон Гоги Берлиани похоронил вместе с собой все наши надежды.

Это было невыносимо. Он слабо взмахнул рукой, чтобы дотянуться до ненавистного лица, до заиндевевшей бороды - Санта Клаус хренов! - врезать по этой морде так, чтобы сосульки полетели во все стороны.

- Слабо! - прохрипел Арт. - Тебе всегда было слабо. Ты все делаешь на три четверти, а дальше кривая вывезет. Вот она я, эта кривая. Я лучше. Я умнее, я сильнее, я тебе дам сто очков вперед, и все равно обойду на финише. Я тебе отдал Эверест, бездарная ты тварь. Подарил его, ленточкой перевязал -бери! И ты все облажал! Да лучше я замерзну тут на хрен с тобой, чем скажу твоему отцу, что его сын - слабак и дешевка. Но и замерзну я не потому что у меня кишка тонка встать и двигаться, а потому что я того хочу, а чего я хочу - то я делаю. Я мужчина, а ты - так, недоразумение. Холодно тебе? - Арт стянул через голову анорак. - На, подавись!

Рванул застежку пуховки как кольцо гранаты, высвободился, бросил шуршащий пухлый ком к ногам Князя. Зубами сорвал перчатки и швырнул их в снег, потащил кверху свитер.

- Не сходи с ума... Что за... стриптиз...

Свитер полетел ему в лицо самым оскорбительным образом. Арт начал расстегивать рубашку, и это отняло намного больше времени, потому что пальцы замерзли и не гнулись. И за это время Георгий выслушал о себе много интересного, и обида в нем прямо закипела. Убить гада. Догнать и убить. Сначала силой засунуть в его поганые шмотки, а потом убить.

Арт бросил рубашку - туда же, Князю в лицо. С каким-то отстраненным любопытством Георгий ждал - снимет он нижнюю рубашку или нет. Снял. Боже, подумал Князь, с этого ненормального станется убить себя. Если холод режет сквозь всю экипировку, то каково же стоять на морозе полуголому?

- Надень, - прошептал он. - Христа ради, надень.

- Черта с два.

Столько сознания своего превосходства... Превозмогая боль и слабость Георгий поднялся, с ворохом тряпья сделал шаг вперед.

- Надень!

Арт отступил на два шага.

- Черта с два! Я сказал, что замерзну здесь с тобой - значит, так и будет!

Речь его становилась невнятной - зубы стучали, голос срывался на хрип.

- Надевай! - зарычал на него Князь. - Черт с тобой, недоумок, я иду! Я уже иду, не собираюсь тут с тобой замерзать, я с тобой срать рядом не сяду теперь, так что одевайся!

Вниз они спустились вместе, оба потеряли перчатки, и как отогревали руки - это была отдельная баллада в двух частях. Конечно, все обиды закончились раньше, чем они спустились в базовый лагерь. Слова, которые Артем бросил в него, были просто словами, призванными разбудить хоть какое-то человеческое чувство, а что у нас лежит на поверхности и просыпается от первого же пинка? Гнев. Искренне ли он думал то, что говорил? Георгий старался забыть об этом. Скоре всего, так же искренне, как искренне Князь тогда хотел его убить. Арт сказал бы что угодно, лишь бы поднять его на ноги и заставить идти. И сколько здесь было от их мальчишеской дружбы, а сколько - от типично верещагинского прагматизма (замерзни Георгий - и Артему действительно лучше бы не появляться в Крыму) - Князь не хотел знать.

Пять лет он мечтал отблагодарить тем же. Сделать для Артема что-то невероятно благородное, спасти его жизнь, причем с таким видом, словно ему, Георгию-победоносцу, это раз плюнуть...

Вертолеты, загруженные на пределе своих возможностей, обогнули склон горы...

***

А что было делать? Играть в "Триста спартанцев"? С их мизерным количеством боеприпасов? Положить здесь всех, сколько их осталось от батальона, и погибнуть самому?

После того, как спецназ улетел, бросив их (спасибо, хоть раненых забрали!), майор не мог заставить своих людей идти в последнюю безнадежную атаку. И не хотел.

- Что же мне теперь делать, товарищ майор? - паниковал бледный Палишко.

"Застрелиться".

- Вы же... Вы сами мне приказали, товарищ майор!

- Я ЭТОГО тебе не приказывал.

Колыхаясь под ветром, скрипела искореженнная лестничная секция...

"Да, ЭТОГО ты ему не приказывал. Ты же не виноват, что он такой дурак. Не придумай он этого дурацкого фокуса с рацией - и беляки ничего бы не узнали..."

Самое трудное было - сказать им, что Верещагина нет на Роман-Кош, его забрал спецназ. Секунд пять казалось, что грузин (Берлиани. Капитан Берлиани) застрелит его, наплевав на статус парламентера.

Они согласились принять сдачу батальона. Без эксцессов. За одним исключением - лейтенант Сергей Палишко. На него законы военной этики не распространяются.

- Вы меня убили, товарищ майор... Это вы меня убили!

"Нет. Это он тебя убил".

Все было зря. Три часа отчаянного сопротивления - впустую. Помехи сняты, батальон - не спасен... Боевая ничья.

Последний долг командира - сохранить жизнь своим людям. Так, кажется, сказал Верещагин. Сам он не сумел это сделать. Все пошло на хрен, на удивление глупо все сложилось...

Он же знал, чем для него обернется сдача. Струсил? Не сумел покончить с собой? Или просто не рассчитывал на такой поворот событий? На ТАКОЙ, пожалуй, никто не рассчитывал. А как можно просчитать действия дурака?

Палишке не хватило духу застрелиться. Ему не хватило духу умереть стоя, глядя убийце в лицо. Белогвардейский сержант (Унтер. Здесь сержант называется унтером) поставил его на колени и выстрелил в затылок.

(Это вы меня убили, товарищ майор!)

"Нет. Это он тебя убил".

***

- Ваше благородие, штаб... - связист протянул Карташову наушники с закрепленным микрофоном.

- Яшма-1 вызывает Яшму-4. - услышал он.

- Яшма-4 на связи.

- Доложите обстановку, четвертый.

Карташов доложил обстановку, потом минут пять выслушивал шепот наушника. Потом сказал:

- Слушаюсь, - и передал наушник связисту. Жестом подозвал к себе Сандыбекова. После трех штурмов сержант остался цел и невредим, но взгляд у него был - впору выходцу с того света.

- Найдите мне Хикса и Берлиани, - попросил Карташов.

Сержант исчез.

Через минуту оба оставшихся члена "психкоманды" оказались у штабной машины.

- Только что меня вызывал штаб бригады. Поступило распоряжение: направить столько людей, сколько смогу, на бахчисарайскую трассу. Там будет сражаться ваш батальон, Хикс. Вы мне тоже нужны там.

Оба офицера молчали. В бою погибли пятеро офицеров-ялтинцев и Хикс с Берлиани сейчас командовали взводами. Так уж сложилось. И некогда было перестраиваться. Их ждала трасса Бахчисарай-Симфи, их ждал бой, а потом - еще один и еще один, они начали эту войну и они должны ее закончить...

-- Есть, ваше благородие, - ответили они едва ли не в унисон.

13. Война

Кому война, а кому - мать родна.
Русская народная пословица

В принципе, всю эту длиннючую главу можно и не читать, если вас не интересует чисто военный аспект, если не волнует вас судьба майора Беляева, не интересно, как закончился этот день для подполковника Огилви, и не хочется знать про сражение у Семи Колодязей.

Короче, если вы не военный маньяк - пролистывайте себе эту главу спокойно и читайте дальше.

Как развивались в этот день военные события? Почему удача была на стороне крымцев, а не советских? Каким образом форсиз удалось так быстро восстановить контроль над Островом и подготовить контрудар? Обо всем этом написаны сотни монографий и книг, самая знаменитая из которых - "Спусковой крючок: битва за Остров Крым".

Дело в том, объясняет ее автор, что на протяжении многих лет крымцы готовились именно к этому. Военный сценарий "Все плохо" обыгрывался так и сяк, и форсиз хоть и ругали кретинов, которые сидят в штабах и выдумывают такие сценарии, а все ж таки исправно эти сценарии отрабатывали - штурмовали собственные военные укрепления, обороняли собственные города и освобождали заложников.

Советская же военная доктрина носила исключительно наступательный характер и мало изменилась со времен Второй Мировой - малой кровью на чужой территории. И при этом советский мотострелок стрелял два раза в год, а советский танкист-резервист учился вождению на воображаемом танке, искусно имитируя губами звук мотора. Большинство солдат, выброшенных на Остров, было мальчишками-срочниками от 18 до 20 лет, профессиональных унтер-офицеров практически не было, так что сержанты (а любой милитари вам скажет, что сержант есть столп армии) - это были те же мальчишки, с тем же близким к нулю не то что боевым - учебным опытом.

Конечно, десантников готовили лучше, и из советских войск на Острове только десантников можно было считать полноценными солдатами - имелась там еще морская пехота и спецназ, но это, согласитесь, капля в море так ведь и десантников не тренировали на такие нештатные ситуации.

Но более всего подгадила советским войскам подготовка офицерского состава. Армия мирного времени - это вообще ужас. Армия мирного времени в тоталитарной Империи на стадии загнивания - это тихий кошмар.

Когда решающим фактором офицерской карьеры становится умение выпивать с нужными людьми...

Когда оная карьера оказывается единственной мотивацией офицера, и продвигаются только те, кто умеет хорошо угостить и правильно дать в лапу...

Когда, наконец, вся война, замаскированная красивыми словами, представляет собой хорошо организованную аппаратную интригу, что понятно и ежу - тогда не ждите победы с такой армией в такой войне!

Как же так, спрашивали у него советские офицеры, когда десять лет спустя он читал лекцию в Академии Генштаба, по всему ж выходит, что мы вам тогда должны были навтыкать. Не могли не навтыкать!

Конечно, отвечал он, должны были. И навтыкали бы, если б не одна глобальная, стратегическая ошибка: когда готовишь вторжение, нужно готовить именно вторжение, а не пикник на лужайке. Нужно было выбрать что-то одно. Избери вы путь мягкого, законного, постепенного присоединения; или же следуй вы первоначальному плану - с превентивными бомбежками и жесткой оккупацией - у форсиз не было бы шансов. Нельзя в этом деле быть немножко беременным. Сейчас мы шаг за шагом разберем каждую военную операцию советских войск против форсиз, раз уж вы меня об этом просите, но прежде постарайтесь усвоить: война была проиграна Советским Союзом в тот день, когда главком подписал план "Военно-спортивного праздника "Весна".

Итак, что мне бросилось в глаза сразу же, буквально при первых же разговорах с ветеранами кампании - и с пленными советскими офицерами, и с теми из ваших, кто стал частью программы "Дон", и с крымцами ? Во многих случаях единственное, чего вам не хватало - это инициативы. И в первую очередь ее не хватало командирам на уровне батальона и полка. Многие склонны переоценивать роль радиодиверсии с разрушением связи. Но замечу, что в первые часы войны связи не было и у крымцев. Тем не менее, младшие командиры, собрав свои подразделения, успешно сами себе ставили боевые задачи и решали их. Или хотя бы пытались решить. Обучение и воспитание младшего офицера форсиз имело целью в идеале - как там у Стругацких? - "Бойцовый Кот есть тактическая единица сам по себе". Даже резервист, а как же.

...Он вышел из-за кафедры, одетый подчеркнуто не-по военному: в потертые джинсы и раздолбайский черный свитер на голое тело - только дорогие и ухоженные замшевые туфли отличали его от рядового московского итээра.

Щелкнул включатель проектора, высветилась карта. Крымский комдив достал из кармана световую указку и с красным лучом в руке стал похож на рыцаря Джедай - как раз сейчас идут по столице на большом экране "Звездные войны" и генералы, посещая с внуками сеансы, диву даются: эту сказочку у нас столько лет запрещали? Да тьфу ты!

- У нас шутят, что Сила похожа на тряпочку для мела, - лектор поднял с полочки названный предмет. - Имеет темную сторону, светлую сторону и находится неизвестно где...

Легкий хохоток - словно сквознячок из открытой форточки. Чувствовалось, что господину полковнику не впервой овладевать вниманием аудитории, удерживать его, то предельно концентрируя информацию, то разбавляя ее шуткой. Наверное, точно так же он читал эту лекцию где-нибудь в Лэнгли или в Сандхерсте. Пес войны. Злой дух. Враг номер один - здесь, в сердце Москвы, в Академии Генштаба, читает лекцию по поводу своей клеветнической книжки, а советские генералы - каждый годится ему не в отцы так в дядья - старательно конспектируют или, напротив, готовят каверзные вопросы.

- Таким образом, большинство ночных боев, имеющих целью освобождение своих же военных объектов, крымцами было выиграно...

***

Белогвардейск, 30 апреля, 0330 - 0415

Спектакль разыграли на славу. Баррикаду белых ополченцев смели, ворота части открылись перед БМД капитана Вакуленко. Если бы Суровцев знал, что капитан - единственный представитель ВДВ СССР в этой колонне, он бы стоял до последнего.

Капитан Вакуленко не собирался героически погибать. Он вообще не собирался погибать за два года до пенсии, имея жену и троих детей. Узнав про "подвиги" Суровцева он здорово испугался, как бы белые не решили взять око за око и зуб за зуб. Вакуленке совсем не хотелось, чтобы кто-то замордовал его до смерти и перебросил к Суровцеву через забор, нацарапав на груди ультиматум. Тем более что гибель эта будет совсем зряшной, так как Вадим на такой ультиматум просто положит.

Когда Суровцев понял, что его обманули, было уже поздно. БМД въехали во двор, навели пушки и спаренные с ними пулеметы на советских десантников, после чего из-за ограды кто-то через "матюкальник" предложил сдаться.

Суровцев хотел застрелить предателя Вакуленко, но тот нырнул в люк БМД, словно его за ноги сдернули. В ответ на выстрел капитана застрочил пулемет на головной машине, и Вадим Суровцев упал с перебитыми ногами. Остальные солдаты и офицеры не стали искушать судьбу и сдались.

***

- Сколько человек он убил? - спросил Белоярцев.

- Четырнадцать, сэр. Комбата, всех ротных командиров и несколько командиров взводов. - ответил Климов.

- Расстрелять, - предложил ротмистр Черкесов.

Предложение было одобрено.

Капитана Суровцева усадили под стеной. Солдаты подвесили бы его за ноги, но офицеры приказали обойтись без лишних зверств.

Такой формальностью, как пять холостых патронов для половины расстрельной команды, пренебрегли. Грех убийства капитана Суровцева взял бы на свою душу каждый.

***

Белогвардейск, 30 апреля, 0430-0630

Ранним утром остатки 217-го парашютно-десантного полка вступили в Белогвардейск. Город не предвещал ничего дурного. Хотя кругом виднелись следы боя, возле казарм стояли целехонькие советские БМД, на одной из которых сидел живой и здоровый Вакуленко.

"Отбились, слава тебе, Господи!" - подумал с облегчением Грибаков. Наконец-то измученные беспрерывным боем солдаты получат хоть какой-то отдых, раненых можно будет напоить и сменить им повязки, а сам Грибаков хотя бы по-человечески, без суеты сходит "побеседовать с белым братом".

Он подъехал поближе, открыл люк и выбрался на броню.

- А где Суровцев? - спросил он у Вакуленко.

Последним словом Грибакова стало имя капитана Суровцева, услышав которое, ополченцы и танкисты напрочь забыли о приказе взять батальон в плен. Ураганный огонь, открытый из всего, что способно стрелять, превратил машины Грибакова в решето, а людей - в изуродованные пулями тела.

В живых осталось только 43 человека, и все они были ранены. Уничтожение остатков 2-го и 3-го батальона получило в крымских масс-медиа название "белогвардейской бойни".

Через час в город вошел бронетанковый полк Огилви. Позади у подполковника была бессонная ночь, а впереди - бой за Сары-Булат. Фляжка "Лэфройг" сиротливо забилась в самый глубокий карман его комбинезона и валялась там невостребованной.

Подполковник собрал всех бывших пленных и на скорую руку назначил командиров. Убитых ротных он заменил взводными, взводных - прапорщиками и

унтерами, унтеров - ефрейторами, и в целом получилось как бы нормально. Город он решил оставить на ополченцев.

Выстроив батальон и дивизион на плацу, он оглядел это "боевое формирование" и сказал краткую речь:

- Я тридцать лет думал, что служу в армии. Оказалось - нет. Оказалось, у нас тут отделение Союза Общей-fuck my life -Судьбы. Девятьсот здоровых мужиков позволяют сотне ублюдков держать себя в подвале, а их командиру - убивать своих офицеров по одному. Я бы за таких солдат не дал и рубля, но полковник Кутасов рассудил иначе. И ради того, чтобы спасти ваши головы, погибло полсотни казаков. По-моему, каждый из погибших парней стоил девятерых таких, как вы. На штурм Сары-Булата я бы лучше пошел с ними, чем с вами. Но вы еще можете меня убедить в том, что вы - солдаты, крымцы и алексеевцы. По машинам!

Огилви вернулся в свою машину и пригубил, наконец, "Лэфройг".

С того момента, как он увидел лужи крови на площади, ему хотелось набраться до свинячьего визга. Но было нельзя.

***

- Нам долго вспоминали "Белогвардейскую бойню": четырнадцать человек с нашей стороны, около полутора сотен - с вашей. И мы не снимаем с себя этого греха: батальон майора Грибакова был расстрелян жестоко, даже не получив предложения о сдаче. Но если бы не те четырнадцать трупов, ополченцы и танкисты не открыли бы огонь, услышав "А где Суровцев?". Так что в конечном счете тем лучше для самой же армии, чем меньше в ней серийных убийц...

... Но мы отвлеклись. К семи часам утра форсиз сформулировали для себя основную стратегическую цель: аэродромы. На тот момент уже были освобождены Кача и Багерово. Вернее, Багерово и не было занято, про него просто забыли, и эта забывчивость стоила советской армии Керченского Плоуострова. Целями первоочередной важности стали Сары-Булат, Бельбек, Саки, Сарабуз и Аэро-Симфи...

Я дорого бы дал, чтобы точно узнать содержание телеконференции командиров дивизий и начальников штабов, но в общих чертах мы можем считать, что речь там шла именно об аэродромах и укрытиях "Ковчег"...

***

Джанкой-Евпатория-Феодосия-Чуфут-Кале, 30 апреля 1080 года, 0840 - 1030

- Итак, господа, кто же из нас все-таки приказал передать в эфир "Красный пароль".

- Не я, - сказал Шевардин.

- И не я, - решительно отрекся Кутасов. - Мы полагали, что это ваш приказ, Василий Ксенофонтович...

- Нет, я здесь ни при чем. - Князю стало жарко и он расстегнул воротник. - Адамс?

- Нет, сэр. Мне жаль, но это не я.

- Странно, я грешил на вас...

- Почему?

- Потому что у вас в оперативном подчинении находится батальон радиоэлектронной борьбы. И у вас самый простой доступ к ретрансляционному центру на Роман-Кош.

- Nevertheless, я здесь ни при чем. Да так ли уж это важно?

- Однако, полковник! Мы ведем необъявленную войну вот уже восемь часов - и, оказывается, неважно, кто ее начал!

- Перейдем к более насущным вопросам, господа, - оборвал их Кутасов. -- Мы должны наконец принять решение по "Ковчегам". Давно рассвело, красные могут поддерживать свои войска авиацией. Важно им помешать. Небо должно быть чистым.

- Конечно, полковник. - Василий Ксенофонтович постарался придать голосу металлическое звучание. - Но здесь очень важна своевременность. Если "Ковчеги" начнут действовать слишком рано, их собьют по одному. Я бы не рискнул выпускать их, не имея возможности поддержать истребительной авиацией...

- ...Которая не взлетит, если небо будет "красным"! - перебил его Адамс. - Hell's teeth, мы бы и сейчас могли ввести в дело вертолеты, чтобы поддержать атаку на советский танковый полк!

- Что-то вы слишком вольно распоряжаетесь вертолетами!

- Капитан Голдберг выходила с нами на связь и сказала, что готова выделить уже сейчас двенадцать машин с экипажами.

Чертова баба, подумал Басманов.

- Мисс Голдберг не подчиняется вам, полковник! - громыхнул он. - И мы не можем сейчас вводить в бой вертолеты. Не раньше, чем освободим Бельбек!

- А Бельбек мы не освободим, если танковый полк дойдет до него и ударит нам в тыл! Достаточно ввести в бой "Ковчеги"! - настаивал Адамс.

- Дайте мне подумать пять минут! - взмолился князь.

- У нас нет пяти минут! - отрезал Кутасов. - Господин главнокомандующий, возьмите себя в руки! "Ковчеги" нужны не больше, чем на полчаса и только в Южном районе - связать боем патрульные самолеты на то время, пока вертолетчики и корниловцы не разделаются с танковым полком, который прет на Бельбек.

- Разве нам не хватит "Кудесников", чтобы очистить небо?

- Не хватит, - уверил его Клембовский. - Большая часть комплексов ПВО привязана к аэродромам и контролируется красными. Полковник Адамс прав: нет смысла беречь резервы. Они неминуемо атакуют нас с воздуха, если мы не атакуем в воздухе их.

- Хорошо, - вздохнул Басманов. - Мое "добро" и код. Пусть "Ковчеги" поднимаются.

***

- Проект "Ковчег" - двенадцать скальных укрытий для самолетов вертикального взлета и посадки "Си-Харриер", последней на тот момент английской разработки. Вам о них ничего не было известно, а это значит, что кто-то в Главштабе еще понимал, что такое "секретность". В общем, когда патрульные самолеты обнаружили, что не все в Крыму слава Богу, им не удалось вернуться и доложить об этом...

Лектор ошибся. Один самолет все-таки вернулся.

***

30 апреля, Крым, 1045

Непыльная работенка - патрулировать крымское небо. Вылетаешь, делаешь несколько кругов в заданном квадрате, улетаешь. Завтракаешь, куришь у столовой, перемигиваешься с девчатами из обслуги, идешь на второй вылет. Опять - несколько кругов, и возвращаешься домой.

Правда, не обошлось без ЧП: вчера, например, какой-то долбень ухитрился врезаться в вертолет. А другой долбень, уже из местных, решил на своем "дрозде"

полетать по побережью. Ему живо показали, почем фунт гороху, и больше уже никто не высовывался.

Так что капитан Александр Головин не нервничал, начиная утренний вылет. Лазурное побережье, шагреневые горы, шуточки в эфире.

А это что? Епрст! Три чужих объекта на радаре... Нет, четыре! Пять, черт возьми!

Не веря своим глазам, капитан направил самолет ниже. Уже можно установить визуальный контакт... Где они, черти?

- Третий, я первый, - сказал он. - Видишь что-то на радаре?

- Так точно, первый.

- Снижаемся.

"Объект" оказался на дистанции визуального контакта, вихрем пронесся мимо "МиГ"а, капитан не сразу рассмотрел, что же это такое...

- Саша, "Харриеры"! - выкрикнул потрясенный ведомый.

Головин и сам уже узнал силуэт, похожий на кита-нарвала. Он заложил вираж - самый крутой, на какой только был способен МиГ. "Харриеры" - значит, "Харриеры". Кто взлетит, того и будем бить.

Он был наслышан про этот новый английский истребитель. Говорили о нем совершенно фантастические вещи - чуть ли не задом летать может. Херня это все, усмехнулся в усы бравый капитан. Главное - чтобы горел он, как и все остальные.

- Днепр-два, видим чужих, летим. - доложил далекий голос командира патруля из соседнего сектора.

Головин оценил обстановку: пять "Харриеров" против трех "МиГ"ов - надо скорее идти на сближание с соседним звеном.

- Днепр-один, атакуем и отходим в квадрат пятнадцать... - сказал он.

- Есть, - слаженно отозвались ведомые.

Они круто забрали вверх, и вовремя: в наушниках Головина прозвучал сигнал радиолокационной установки, сообщивший, что по нему выпущена ракета. Советский летчик отстрелил ловушки мимоходом, и лишь краем сознания отметил другой сигнал - вражеская ракета ушла за обманкой. Он завершил "мертвую петлю" - слабо вам так, шакалы? - и оказался в хвосте у противника. А вот теперь ты, дружок, готовь попку...

"Харриер" на стал демонстрировать никаких фигур высшего пилотажа. Он просто РЕЗКО ЗАТОРМОЗИЛ НА МЕСТЕ, как будто это был не реальный воздушный бой, а мультяшка. Мимо него проскочила ракета, выпущенная МиГом Головина, а за ней - и сам советский самолет. Капитан был так потрясен увиденным, что поначалу даже не испугался, когда его машина дернулась и пошла вниз.

- Твою мать! - услышал он в шлемофоне. И увидел, как один из ведомых - МиГ лейтенанта Зорина - распадается на две части. За мгновение до того, как вспыхнули топливные баки, отлетел "фонарь" и пилот вместе с катапультным креслом вылетел из зоны взрыва.

Пытаясь выровнять самолет, Головин видел, как не повезло Зорину: парашют загорелся.

- Днепр-один, первый, я подбит, теряю высоту, ухожу домой, - сказал он. - Третий сбит, это "Харриеры", ребята!

- Поняли тебя, уходи. Сейчас мы им вставим. - донеслось из эфира.

"Вставьте им, ребята, - подумал он, направляя полет искалеченной машины к "дому". - "Вставьте и за меня, и за Юрку. А я, даст бог, вернусь, и еще добавлю."

Он начал сливать керосин, облегчая самолет. Никак не мог понять, в чем дело: ощущение было, словно попали в двигатель из пушки, но инверсионный след не был отмечен черным дымом. Двигатель просто не работал, как будто на него порчу навели.

Он тянул кое-как, "на честном слове и на одном крыле". В принципе, можно было бы и катапультироваться, но сработало воспитание советского пилота: сам погибай, а

машину спасай. Да и не так вроде все паршиво, нигде не горит, и, кажется, удастся дотянуть до Бердянска...

- Дайте полосу! - зарычал он, когда его запросили с аэродрома. - Полосу, растак вас перетак! Капитан Головин, тридцать третья истребительная!

- А почему сюда?

- Подбили меня!

- Кто?

- Конь в пальто! Или ты даешь мне полосу, курва, или я так долбану ракетами...!

- Вас понял, - ошалевший диспетчер транспортного аэродрома постарался расчистить место для посадки как можно скорее.

Самолет приземлился неуклюже, дав небольшого "козла", но из многих вариантов приземления подбитого самолета этот был лучшим. Головин откинулся в кресле, перевел дыхание, вытер лоб и открыл "фонарь".

Он уже не спешил. Спустился по крылу, не дожидаясь, пока подадут лестницу, с удовольствием ощутил под ногами твердую землю, прошелся взад-вперед по полосе, снял шлем и подставил лицо майскому ветру с родными аэродромными примесями, спокойно встретил бегущих к нему работников аэродрома, с достоинством извинился - нервы. Те покивали: понимаем, бывает.

Закурить есть?

Он попыхивал сигареткой, поддавал ногой придорожные одуванчики и радовался жизни. Просто ловил кайф от того, что может вот так идти на своих двоих, пинать одуванчики ботинком и смотреть, как разлетаются парашютики семян, дышать воздухом... Чтобы понять, какой это кайф, надо очень близко познакомиться с курносой.

Правда, капитан даже не подозревал, насколько близко он был с ней знаком.

Он обогнул свой самолет и увидел торчащий из сопла хвост "Сайдвиндера".

Что он почувствовал? Ну, как вам это понятно объяснить...

Ноги подкосились, он сел на свежую аэродромную травку и прикурил одну сигарету от другой...

***

- Около десяти утра у Сак сложилась угрожающая ситуация. Если бы в свое время командир 161-го полка не принял роковое решение идти в Ак-Минарет, ситуация была бы просто катастрофической. Выбитый из Севастополя танковый батальон, два мотострелковых батальона, рота спецназа - все это присоединилось к 40-й десантно-штурмовой бригаде, осадившей авиабазу... За вами был перевес сил, даже если считать идущую егерям на помощь бронетанковую бригаду. 161-й полк мог остановить ее по дороге и связать боем. Но он выбрал другую дорогу, повернул в Ак-Минарет... Я понимаю, что это решение казалось на тот момент единственно верным... Но именно поэтому его нельзя было выбирать! Единственно верное решение на 100% просчитывается и твоим противником тоже. А если просчитывается - то именно от него противник и подстраховывается в первую очередь. Идти в Саки в обход озера Сасык - я поступил бы именно так, и так поступил Булатов. Избирать предсказуемый ход - означает уступать инициативу. Уступил инициативу - наполовину проиграл. Да, обход вокрег озера был решением рискованным. Но *правильное* решение оказалось гибельным.

***

Евпатория - Мирный, 30 апреля 1980 года, 0940 - 1205

- Товарищ майор, а если в Ак-Минарете то же самое, что в Евпатории? - спросил Оганесов.

- Леня, ты можешь что-то с этим сделать?

- Нет.

- Ну, и заткнись.

Оганесов высказал то, что давно мучило майора Беляева. Но он предпочитал не забивать себе голову бесполезными колебаниями и опасениями. Чей Ак-Минарет, выяснит разведка. Наш - хорошо. Не наш - отобьем. Других вариантов нет.

- Смотрите, товарищ майор!

С легким стрекотанием небо пересекал маленький, почти игрушечный самолетик с радужными знаками на крыльях.

"Белый самолет-разведчик", - Беляев вскинул бинокль, сожалея о потерянных в Евпатории зенитных установках.

- Неделю увольнения тому, кто собьет! - заорал он.

Солдаты и офицеры открыли по самолетику пальбу. Но запас летучести у таких крошек, как правило, велик. Этот самолетик не был исключением. В мотор или в блок управления никто не попал, "Стрела" ушла впустую, не поймав тепловую сигнатуру крохотного моторчика...

Самолетик растворился в тумане, вставшем к утру над озером Донузлав. Стрельба стихла. Беляев помянул мать.

Колонна продолжила свое движение по трассе. На окраине поселка Мирный они увидели контрольно-пропускной пункт: несколько БТР и караул.

Колонна встала.

- Морпехи, черные береты, - сказал Оганесов.

- Сам вижу. Пойдем, поговорим.

Командира морских пехотинцев звали Александром Коцубой, он был в звании капитана и через каждые два слова говорил "на", не развивая тему дальше. Видимо, нередко попадал в дамское общество и рефлекторно отсекал нецензурный хвост паразитного выражения:

- Со вчерашнего полдня тут, на, сидим. Скучища смертная. Послали, на, захватить базу гидросамолетов. Ну, захватили, на...

- Так это не ваш самолетик тут летал? - невинно спросил Беляев.

- Нет, наши, на, все здесь. Двенадцать штук, как один.

- А летчики?

- Тоже, на. Нормальные ребята. Сидим, на, водку пьем.

- Водку, на, пьете? - Беляев пришел в бешенство. - Нас только что из Евпатории вышибли! Раненых полроты, а вы тут с ними водку пьете?

- Так кто ж знал? - оскорбился капитан. - С кем тут воевать? Одна рота охраны, рота обслуги, на, и экипажи - вы что, на, смеетесь?

- Слушай, капитан, мне не до смеха. - сказал Беляев. - Нам нужно, раз - людей, два - взрывчатку, если она у вас есть, три - за нами погоня. Здесь мы их не задержим, хотим перерезать дамбу.

- Дамбу? - Коцуба присвистнул. - Да вам атомная бомба нужна. Здесь поперек пятьдесят метров в самом узком месте.

- Послушайте, у них же должны быть глубинные бомбы... - Оганесов в бинокль рассматривал покачивающиеся на воде самолеты. - Это же противолодочная авиация.

- Точно, - Коцуба ударил кулаком в ладонь. - Есть, на, такие. Глубинные бомбы, здесь, на складе. Ну, ты голова! Тебе в "Что? Где? Когда?" играть надо!

- А он играл, - небрежно похвастался Беляев.

Сорок минут десантники и морпехи копали землю в самом узком месте на дамбе и погрузчиками укладывали глубинные бомбы вперемежку со взрывчаткой, сапер из Коцубиной роты монтировал детонаторы и разматывал провод "адской машинки". Взрыв должен был если не вовсе перекрыть дорогу, то серьезно ее попортить.

Пока шли саперные работы, Беляев вызвал к себе сержанта Ахмерова, командира отделения разведчиков. Убедившись, что поблизости нет Лени Оганесова, майор начал разговор.

- Ахмеров, ты помнишь, как Овсепяна инвалидом сделал?

- Помню, товарищ майор.

- Кто тебя тогда отмазал?

- Вы, товарищ майор.

- Так вот, Рашид, пришло время долг отдавать. Возьмешь машину, поедешь по дамбе, узнаешь, все ли там чисто. Если чисто - даешь три ракеты и едешь дальше - до Громова. Если кто-то есть - одну и деру. Задание ясно?

- Так точно, товарищ майор!

БМД Ахмерова укатила по дамбе на самой большой скорости. На противоположный конец дамбы они выехали с ветерком, проехали немного по дороге, осмотрелись... Кругом было чисто, вражеских машин не наблюдалось. Засаду Ахмеров исключил, поскольку спрятаться здесь было негде, голая степь. Он достал ракетницу и сделал три выстрела. Потом снова забрался в люк и хлопнул водителя по спине:

- Вперед.

Они почти доехали до Громова, когда увидели впереди на дороге беляков, вернее, два десятка вражеских боевых машин.

- Назад! - заорал Ахмеров. Машина начала разворачиваться и получила в борт ПТУР "Милан". Сдетонировал боезапас, и душа сержанта Ахмерова отправилась к Аллаху, в которого сержант не верил...

Сотник Башенков выругался со всей изобретательностью, которой славились казаки. Он не собирался отправлять экипаж БМД к праотцам, ему нужен был "язык". Но кто ж знал, что "милашка" угодит в "карусель". Это рулетка...

- Давайте- ка прибавим ходу, - сказал он, закончив тираду. - Сдается мне, они в Мирном не засидятся...

***

Князь Волынский-Басманов задумался. Не о проблеме "Ковчегов" - для него этой проблемы не существовало. Он задумался об истории с "Красным паролем". Мерзкая получается история. Похоже, комдивы убеждены, что приказ все-таки отдал он, Главнокомандующий. Хороши дела... Ему против его воли упорно навязывают роль главаря мятежников. Но КТО? Черт возьми, и до полного ареста Генштаба, и до гибели Чернока он был не последней скотинкой в крымской армии! И приказывать ему могли считанные единицы людей! И вдруг бац - появляется Мистер Икс, который перепахивает всю историю на свой манер. Очень мило!

Князь Волынский-Басманов возненавидел Мистера Икс заочно, но сильно. Почти так же сильно, как любил себя - а себя он любил! И сейчас надо было вытаскивать свою задницу из этой мясорубки.

Что ж, у него давно было слабое сердце. Даже особено притворяться было не надо: пот на лбу уже выступил, вполне натуральный пот, сердечко от горестных раздумий застучало сильнее, и даже зеленый интерн услышит в его ритме всхлипы и хрипы. Осталось только обратить внимание на свое состояние.

От стола, за которым проходила телефонная конференция, он повернулся к креслу Шеина.

- Так что там... у нас... в Саках?

- Булатов не успевает, - коротко ответил Шеин.

***

Саки, 0830 - 1030

Если что-то должно случиться, оно случится обязательно...

Могло прибыть подкрепление к красным. Могли у Дэвидсона кончиться боеприпасы. Произошло и то, и другое.

Остатки десантного батальона и полроты спецназа, отступив из Качи, добрались до Сак. К ним прибавился мотострелковый батальон, выброшенный из Севастополя. Атака, предпринятая ими совместно, была отбита крымцами с большим трудом. Красные наступали так ретиво, что местами бой перешел в рукопашную.

Отбив красных, командир егерского полка подполковник Дэвидсон выслушал неутешительные новости от начальника склада боеприпасов прапорщика Игонина: следующую атаку, по всей видимости, придется отбивать штыками.

Три часа назад на помощь из Евпатории была послана бронемобильная бригада подполковника Булатова. Опасаясь засады, Булатов пошел в обход озера Сасык. Дэвидсон и сам поступил бы так же. Но осторожность Булатова теперь могла обойтись Дэвидсону дорого...

- Готовьтесь, господа. - сказал он офицерам. - In any case нам осталось полчаса. Молитесь и раздавайте гранаты.

***

- Бригада только что вышла на связь! - доложил Лобанов. - В Саках будут через десять минут!

- Слава... Богу... - выдохнул Волынский-Басманов.

Окинув критическим взором его бледное лицо и влажный лоб, Шеин встревожился:

- Вам плохо, ваше высокоблагородие?

- Пустое... - князь задохнулся и рванул ворот...

Начштаба высунулся по пояс в коридор и заорал:

- Медик!

В его голосе гремели властные модуляции, выработанные за годы службы младшим офицером. Медик не мог не появиться на такой зов. Медик не мог не сказать, что состояние князя крайне серьезно и его следовало бы госпитализировать.

Князь держался мужественно, отдавал сквозь таблетку последние распоряжения:

- Передайте командование Адамсу. И обязательно доложите мне о ситуации в Саках. Окажите Булатову любую помощь, любую... Нам нужен аэродром...

***

Саперные работы еще не подошли к концу, когда на майора Беляева свалились две новости: одна хорошая, другая - плохая.

Плохая заключалась в том, что на дороге показались преследователи.

Хорошая - в том, что плохую новость сообщили по радио, а значит, восстановилась связь.

- Черт, самолеты взорвать не успеваем, на..., склад боеприпасов - не успеваем... - то ли потому, что капитан Коцуба нервничал, то ли потому, что дам здесь не было, паразитное выражение он начал приводить без купюр.

- Ну, и пес с ними! Отход! Ничего, капитан, доберемся до места, свяжемся со штабом дивизии - и кончатся все наши мучения...

Коцуба и Беляев были все-таки хорошими командирами. Отход не превратился в паническое бегство, все вовремя оказались на дамбе, и даже успели снять экипаж одной из БМП, прикрывавшей отход и подбитой.

Правда, перенервничал и напартачил взрывник: крутанул машинку слишком рано, пока головные танки и БМП белячков еще не доехали до места Х. Взметнулся кверху столб воды и грязи, камни застучали по броне БМД... Но они приносили куда меньше вреда, чем белогвардейские пули и снаряды. Сработай взрывник как полагается - и беляки еще долго вылавливали бы из воды раненых и убитых, и было бы им не до драки. А так они с дороги принялись молотить их своих пушек и пулеметов. Десантники и морпехи отступили по дамбе - но едва они добрались до противоположного конца, как пушки и пулеметы ударили уже с другого берега: Афанасьев таки не удержал Ак-Минарет. Две головные машины загорелись, экипаж одной их них выскочил и попрыгал в озеро, водитель второй решил проблему радикальнее: направил БМД в озеро целиком.

В третьей ехал Беляев, командная машина которого была подбита еще в Евпатории.

- Стреляй! - заорал майор в шлемофон. - Стреляй, козел!

Стрелок не отзывался. Майор добрался до него и увидел, что парень убит.

- Ну, курвы! - зарычал он, выбросил труп с места наводчика, сел за пушку сам и открыл огонь.

А стрелял майор неплохо...

Когда с обеих сторон было подбито по 7-8 машин (за Беляевым числилось две), неприятель дрогнул. Подобрав уцелевших, беляки ретировались.

Майор сильно сомневался, что это полная и окончательная виктория. И, чтобы подтвердить либо развеять сомнения, выслал очередной разведдозор. На сей раз, учтя отрицательный опыт покойного Ахмерова - две машины, одна из которых должна держать вторую в поле зрения и, в случае чего, успеть смыться.

От колонны отделились БМП и БМД, покатили вперед. Остальные занялись ранеными.

***

- Они две машины в разведку послали, - доложил урядник Федотов.

- Первую пропустить, - распорядился Башенков. - Атаковать тогда, когда покажется вторая.

- Есть!

Ловушка была расставлена: на улицах спрятались танки, на окраине у дороги укрыли две "милашки".

Машина десантников въехала в Знаменское и добралась до центральной площади, где ее окружили танки. Морпехи попробовали было повернуть назад, но две ракеты пресекли на корню их намерение предупредить товарищей. Причем одна из ракет попала как раз в головную часть, развоторив рацию...

***

Знаменское, 1030

- "Оказалось в этой банке не мясо. Оказалась в этой банке салака..." - процедил сквозь зубы Оганесов.

Если он имел в виду, что они ожидали встретить в Знаменском БМП, а встретили танки, то попал в самую точку. Форменная салака.

Какой-то морпех выпустил очередь из пулемета в ближайший танк. Геройский поступок, но глупый. Кроме нескольких царапин на броне, танк никаких повреждений не понес, и ответного огня не открыл, а просто тронулся с места и наехал на БМП. Пнул ее носом и вмял в строй "соседок", сделав вдвое уже, чем планировали конструкторы. Экипаж еле успел выскочить.

Беляев выругался в последний раз и открыл люк БМД. Выразительным жестом бросил на землю автомат, вытащил пистолет и швырнул туда же.

- Сдаемся! - крикнул он.

Откуда-то сзади на броню головного танка влез усатый мужик с подбитым глазом.

- Кто такие?

- Командир 161-го гвардейского парашютно-десантного полка 102-й гвардейской Свирь-Петрозаводской воздушно-десантной дивизии майор Беляев.

- А, так это твой старший лейтенант у меня на гауптвахте загорает, - весело сказал мужик. - Командир казачьего полка Марковской дивизии есаул Денисов. Извиняй, что не так длинно.

***

- Бронемобильная бригада Алексеевской Дивизии оставила Белогвардейск около половины восьмого утра и была в районе Сары-Булата через час с небольшим...

***

Местность неподалеку от Сары-Булата, 30 апреля 1980 года, то же время

- Что это такое? - спросил подполковник Огилви у штабс-капитана Дановича.

Штабс-капитан переадресовал вопрос унтеру Зарайскому.

- "Язык", ваше благородие! - пожал плечами Зарайский.

- А по-моему, задница, - прокомментирвал подполковник. - Где вы его откопали?

- В кустах, ваше благородие. Справлял нужду. Большую. - Унтер улыбнулся, - Очень большую.

- Шутки в сторону, унтер, - одернул подчиненного Данович. - Продолжим допрос. Сколько "Градов" и сколько минометов? Каков боезапас? Он это может нам сказать?

- Сколько "Градов"? - унтер подкрепил вопрос подзатыльником. - Отвечать!

- Товарищи! То есть, господа! - толстый прапорщик переводил мокрые глаза с одного офицера на другого. - Я не знаю ничего! У меня жена, дети... - он зачем-то полез в карман, - Панченко моя фамилия, из снабжения, а больше - ничего... Господа офицеры... Ваше благородие!!!

- Прапорщик, - Данович скривился. - Ты можешь отвечать по существу, дубина? Сколько "Градов"?

- Н-никак нет, ваше благородие! - Панченко наконец-то нашел в кармане искомое и теперь тыкал его штабс-капитану. Это оказалась фотография полненькой миловидной женщины с двумя детьми по бокам. На фоне моря.

- Он еще и пьян? - Огилви повел носом. - Унтер, что за дерьмо вы сюда притащили? Больше прапорщиков "языками" не брать. И других засранцев - тоже не брать.

- Я к таким и в перчатках больше не притронусь, - пообещал унтер Зарайский. - Давайте, я лучше сам доложу. "Градов" там я насчитал пять, минометов - одна батарея, гаубиц-две. Лупят по Сары-Булату так, что только пыль летит. Наши, понятно, тоже в долгу не остаются. Но надо быстрее, потому что боезапас там на подходе. Вот я на карте отметил, что и как. В соприкосновение мы не вступали. Хотя очень хотелось. Потому что может это они - по радио?

- Вряд ли, - возразил Данович. - Им развлекаться некогда. Хотя, может быть, и они. Учитывая, что мы видели в Белогвардейске...

- Взять бы вот этого, - процедил Зарайский, слегка встряхивая пленника за шиворот, - Посадить перед микрофоном и пощекотать ножичком...

- Отставить, унтер! - рявкнул Огилви, видя, что прапорщик закатывается в обморок. - Ведите его к Галяутдинову, оформляйте и занимайте свое место в строю!

При слове "оформляйте", ошибочно принятом за "расстреляйте", прапорщик спекся окончательно. В полное сознание он пришел только день спустя, в лагере для военнопленных.

Незадачилвый "язык" перестал интересовать офицеров раньше, чем отзвучало "Да, сэр!" унтера Зарайского. Офицеры склонились над картой, обсуждая план взятия Сары-Булата.

План был прост, как постные блины. Ничего более сложного не было времени выдумывать: штурм авиабазы, на которой закрепились белые, уже начался.

Обе стороны дошли до той стадии ожесточения, когда человек не задумывается ни о чем, а просто палит по всему, что движется. И белые, и красные знали, что это последний штурм: на то, чтобы провести или выдержать следующую атаку, сил не хватит. Минометный обстрел занял пятнадцать минут, потом в пролом фронтом около 150 метров устремились БМД, а навстречу им дымными султанами рванули ПТУРы. Две машины загорелись, остальные преодолели полосу препятствий. Десантники, выскочив из машин возле вражеских окопов, бросились в жестокую рукопашную. Отряд штурмового резерва развернул вторую волну атаки, и белые неизбежно должны были быть сметены этой волной...

Рядовой Андрей Матюшенко из минометного расчета, оглохший от почти непрерывной стрельбы, измученный запахом пороховой гари и предельно уставший, все же сумел различить в орудийном громе какой-то посторонний лязг и скрежет...

Он оглянулся и прямо над собой увидел громаду пятидесятитонной махины, пушечное жерло и тяжелые резные траки...

В одуряющем ритме своей смертельной работы солдаты расчета не обратили внимания на его вопли - они их не слышали, - дергания за рукава и толчки. Они заметили танк только тогда, когда он шандарахнул из своей пушки по БМД. Минометный расчет бросился врассыпную, и вовремя: танк тронулся с места и покатил вперед, утопив их орудие в каменистой крымской земле.

Рядовой Андрей Матюшенко в панике не сориентировался и попал под следующий танк. Поначалу он не мог сообразить, что такое опрокинуло его на землю и держит за правую ногу. Он рванулся, попробовал освободиться, но тут стало темно, и, увидев над собой заляпанное грязью железное брюхо, Матюшенко все понял и закричал, прижимаясь к земле и весь скукоживаясь, чтобы не отдать железной твари больше ничего, кроме зацапанной ею ноги. Боль пришла не сразу - поначалу мозг отказывался воспринимать такое количество боли, врачи называют это шоком, но танк переползал

через ногу солдата целую вечность, и за это время Матюшенко успел вспомнить, как в его детстве отец, везя их на машине куда-то, раздавил щенка. Маленький лохматый дурачок не старше двух месяцев от роду сам кинулся под машину, под заднее колесо, точно как Матюшенко сейчас, и папа его даже не видел, но они с мамой, сидя на заднем сиденье, ощутили мягкий и страшный толчок и короткое содрогание гибнущего собачьего младенца - сквозь машину, сквозь всю резину и сталь женщина и ребенок почувствовали это и вскрикнули оба, одновременно оглянувшись назад, на распластанное по дороге тельце... И тут танк наконец-то съехал с него и пришла боль - такая, которая не оставляет места ничему, кроме себя, и рядовой Андрей Матюшенко потерял сознание.

Младший унтер Ставро, водитель танка, ощутив перекат одного из траков через живое и зная, что он сбил человека, выметнул себе на колени все консервированные спагетти в томатном соусе, что он съел в Белогвардейске.

Это был первый человек, которого - как он думал - он убил. И никакого боевого воодушевления при этом не почувствовал. О Господи, где же взять силы убить еще нескольких, едва ли не глядя им в лицо?

Силы он нашел. Они все нашли - и вторая цепь атакующих десантников полегла почти полностью. Большинство тех, кто был в первой, погибло, когда в рукопашную вмешались белогвардейские (из Белогвардейска) ополченцы.

...Подполковник Огилви обнаружил, что впадает на короткое время в какую-то прострацию, как бы выключается на секунду-другую, и, когда возвращается, ему требуется время, чтобы снова включиться...

- Что вы сказали, Белоярцев?

- Вас вызывает штаб, сэр.

Огилви взял наушник из рук поручика.

- Что теперь, Олег? - спросил он. - Прикажете штурмовать Симферополь?

- Не сейчас. В каком состоянии аэродром?

- Awful. Здесь все разворочено. Начальник БТО говорит, что починят, самое быстрое, к полуночи.

- Тогда пусть начинают сейчас. Выходили на связь корниловцы. Скоро Адамс подтянет к Симферополю полк. Я дам вам их частоты, скоординируете действия.

- А как он там... вообще?..

- Постучите по дереву, Брайан: мы их гоним!

- Отчего коммандер такой озадаченный? - спросил Кретов у Черкесова.

- Дал зарок не пить, пока не раздолбаем всех краснопузых, - Черкесов употребил это антикварное словечко с некоторым смаком. - Видно, Кутасов сказал ему, что это будет еще не скоро.

***

- Скоординировав свои действия, Корниловская и Алексеевская дивизии начали готовить ударные группы для броска Сарабуз - Симферополь, Почтовая-Симферополь и Перевальное-Симферополь. Одновременно в Симферополе готовился к выходу парашютно-десантный полк, задачей которого был захват Бахчисарая и удержание аэродрома Бельбек...

***

Новое сообщение из Одессы, из штаба фронта, Грачев выслушал, постепенно меняясь в лице. Из истребителей, патрулирующих небо Крыма, вернулся на базу один? Повторите еще раз - ОДИН? Да быть того не может!

Грачев был полностью, абсолютно уверен, что аэродромы находятся под его контролем. То, что сообщали из Одессы, было... просто невозможно!

- Рябов! - скомандовал он майору из штаба, - Обзвони мне сейчас все аэродромы. Быстро. Пусть доложат обстановку - как там, что там...

Аэро-Симфи, два батальона спецназа ГРУ - все на месте, все в порядке. Бельбек, батальон майора Исламова - в-вашу мать, мы тут еле держимся! Помощь! Помощи нам! Саки, сороковая штурмовая бригада - на авиабазе беляки, но мы их сейчас оттуда выбьем, они уже при последнем вздохе. Сары-Булат? Молчание... Кача? Кача не отзывается, но там ведь и нет самолетов, кроме учебных. Но не могли же учебные самолеты и разведывательные вертолеты начисто вымести из крымского неба все грозные МиГи! Качу тоже занесем в черный список.

- Ты за кого меня держишь? - орал на Рябова Грачев. - По-твоему, откуда эти "Харриеры" взялись? Их вообще, по данным разведки, в Крыму нет! А вот такая у нас разведка! Их нет, а они, понимаешь...

Короче, так! Захват тактического центра из задачи номер один превращается в задачу номер ноль. Обезвредить, на хрен, все крымское ПВО, все радарные станции. И сразу - на Бельбек. Отстоять аэродром любой ценой. О чем вы говорите, ребята, это делается даже не одним парашютно-десантным полком: одним батальоном!

И начинается дичайшая карусель в штабе сто второй ВДВ, полковники орут на майоров, майоры - на капитанов, капитаны - на лейтенантов, те - на сержантов, сержанты - на рядовых: почему машины к выходу не готовы? Где бензин? Что за бардак? Уже час, как надо быть готовым, а полк не кует и не мелет.

И потный полковник Ефремов в третий раз выходит из кабинета Грачева и берет за грудки полковника Сухарева, и тот корежится от разных неприятных слов, но ни черта не может сделать, поскольку интенданты всегда воровали, воруют и будут воровать. И если бы в русском языке было не три времени глагола, а, как в английском, штук девять, да еще какой-нибудь плюсквамперфектум, то и тогда глагол "воровать" в сочетании с существительным "интендант" звучал бы и грамматически, и фактически правильно.

К восьми часам полк более-менее готов на выход. Более-менее - потому что приблизительно сорока человек солдатиков недосчитались, горючки в каждую машину залито на треть, БМД забиты награбленным добром, и если пошуровать, то можно найти что угодно - начиная с картофельных чипсов и заканчивая золотыми украшениями от Картье. Но - приказ есть приказ, его не обсуждают, а - что? Правильно, выполняют. И полк, хоть какой, но готов к выходу.

- Вот эт' я понимаю, - говорит Грачев и жмет руку Ефремову. - Эт' по-нашему. Ну, вперед, ребятки!

И механизированная колонна выползает из города и тянется по шоссе на Бахчисарай.

***

Тактический центр Чуфут-Кале, 30 апреля, 1050-1100

- Так, я переключаю их на вас.

- Переключайте, Ян.

Полковник Адамс надел наушники.

- Яшма - центр слушает, - сказал он.

- Говорит... э-э, неважно, кто. Симферополь. Сейчас в городе готовится к выходу на Бахчисарай парашютно-десантный полк. Командует полковник Ефремов. У них легкая заминка с топливом и личным составом, но минут через сорок они все-таки смогут выйти. В районе Почтовой они разделятся, один батальон повернет на юг, к Скалистому, чтобы въехать в Бахчи по семьдесят девятой вспомогательной.

- А кто вы, собственно, такой?

- Ах, господин полковник, ну зачем вам это знать? Достаточно того, что я говорю правду. Так вот, по моим сведениям, после того, как этот полк выйдет, в городе останется всего два мотострелковых батальона, один батальон советских десантников, одна рота спецназа КГБ "Альфа" и часть бригады спецназа ГРУ. ГРУшники большей частью в Аэро-Симфи.

- Откуда вам все это известно? Вы сами, простите, не из ГРУ?

Вкрадчивый рассмеялся.

- Ой, нет! Но я отвечу на ваш вопрос честно: наши коллеги из ОСВАГ, зная о сроках вторжения, начинили "жучками" здания Главштаба, центральный офис ОСВАГ и Министерство Обороны. А каналы связи любезно вывели на нас. При условии, что мы будем передавать вам услышанную информацию. Код восемьсот одиннадцать. Ну, теперь вы мне верите?

Адамс поморщился.

- Пока вы нигде не соврали, - сказал он.

- Мы постараемся откопать еще кое-какие сведения, которые вас заинтересуют, полковник. - пообещал Вкрадчивый. - Шалом.

- Только МОССАДа нам и не хватало, - пробормотал Адамс, отключая связь. - Как будто мало того, что мы впутались в грязные игры ОСВАГ.

- Все-таки целый полк, Даг, - с сомнением сказал Кронин. - Удастся ли нам его остановить, пусть даже этот тип сказал правду?

- Не остановить, Леон, - поправил Адамс. - Остановить его мы как раз не сможем. Уничтожить.

***

Саки, 30 апреля 1980 года, то же время

Полковник Борисов, командир 40-й десантно-штурмовой бригады, дал сигнал "К атаке!". Он был уверен, что на этот раз все выгорит. Последний штурм беляки отбили чуть ли не святым духом, но на этот раз им и святой дух не поможет. Никакой святой дух не может помочь, если нет патронов и гранат, мин и противотанковых ракет. А у беляков все это вышло. Во время последней атаки они не стреляли очередями, и одиночные выстрелы становились все реже...

Но даже если бы у десантников тоже закончились боеприпасы, если бы мертвым грузом валялись у пулеметов вылущенные ленты, если бы автоматы годились только в качестве дубинок или больших рукояток для штык-ножей, то и тогда Борисов гнал бы десантников все в новые и новые атаки. Речь шла не о любви к Родине и не о воинском долге. Речь шла о представлении к званию генерал-майора, которое уже ушло в Москву, в Минобороны на подпись, и которое погорит синим пламенем, если он не отобьет у белых Саки.

На последнее предложение о сдаче беляки ответили отказом.

И десантники бросились в очередной штурм, и встретили очередную стену отчаянного сопротивления, но уже была она хрупка, эта стена, и они проломили ее. Крымцы делали последние выстрелы и падали, бросали последние гранаты и падали, наносили удары штыками и падали, падали, падали...

Но в какой-то момент, неразличимый в угаре сражения, десантники увидели, что падают уже они, что невидимая смерть хлещет по их спинам, и жалкие девять грамм свинца уже для них оборачиваются невыносимым грузом...

Булатов атаковал сороковую бригаду классически, как в учебнике. Три механизированных клина врезались в кольцо окружения на авиабазе и рассекли его, "Витязи" расстреливали советские танки из пушек с большого расстояния, "Воеводы"

поливали все вокруг свинцом, сминая и расшвыривая БМД и БМП как спичечные коробки.

Полковник Борисов увидел, что генералом ему стать разве что посмертно. Он предпочел остаться живым полковником и сдал "сводную" бригаду Булатову.

Подполковник Дэвидсон был ранен в бою, но нашел в себе силы встать навстречу своему спасителю, и даже осторожно обнять его (хотя эту русскую фамильярность вообще не одобрял).

- Спасибо, Павел Сергеевич, - сказал он.

- Don't mention, - отозвался Булатов.

***

- Нужно отметить, что большая часть вины за поражение 30-го апреля лежит на ваших интендантах. Даже самый лучший солдат не может воевать без боеприпасов. Даже самый авантажный танк никуда не уедет без горючего. Из чего исходили те, кто рассчитывал количество боеприпасов и топлива для четырех брошенных в Крым дивизий? Опять-таки из предположения, что Крым сопротивлятся не будет.

- Но... разведданные... - прорезался голос с места.

- Значит, мы и здесь вас переиграли.

- Вы что, считаете себя таким хорошим полководцем? - возник второй голос.

- Сыграем в war game? На самом деле в большинстве случаев не нужно быть великим полководцем. Нужно просто знать дело. Военное правило гласит: следует полагаться не на то, что враг не пришел, а на то, что ты ждешь его; следует полагаться не на то, что враг не атакует, а на то, что ты неуязвим. Откуда?

- Мао? - предположил кто-то.

- Почти. Сун Цзы. Продолжим. Разгильдяйство отдела разведки на тот момент не поддается никакому описанию. Начнем с того, что аэродром в Багерово, где базировались учебно-боевые самолеты "Стриж", не был захвачен 29-го апреля по одной причине: его не внесли в список военных объектов. Цена такой забывчивости - потеря 222-го танкового полка и в конечном счете - Керченского полуострова в сражении у Семи Колодязей...

***

- Здесь погреба есть? - спросил Агафонов у мэра Семи Колодязей.

- Какие погреба? - не понял тот.

- Обыкновенные! Под землей которые! Где картошку зимой держат!

- Я полагаю, что есть, - кивнул ошарашенный мэр. - Но зачем это вам?

- Чтобы никого случайно не поубивало! Залезьте в эти погреба и сидите, пока здесь не закончится, понятно? Передайте быстро по всему поселку, чтобы никто не показывал на улице носа!

Не дожидаясь ответа, он повернулся на каблуках и зашагал на позицию.

Три подбитых танка, притащенных на буксире, окапывали, создавая подобие ДОТов. Он вспомнил, как были потеряны эти машины: невесть откуда взявшиеся белогвардейские самолеты ударили по их колонне на дороге.

- Суки, - полковник сплюнул в аккуратно подстриженный газон. Он бы с удовольствием плюнул в небо, если бы не знал, что пользы в том не будет.

Он шел вдоль канала, по берегу которого и проходила одна из укрепленных линий.

Тот бой был кошмаром. Еть-копать, все это утро было кошмаром и вся вчерашняя ночь. Но тот, закончившийся три часа назад, бой - особенно.

...Человеку молодому, здоровому физически бывет особенно болезненно и несносно сознание своей беспомощности, когда его свалит внезапная хворь или рана.

Тело, совсем недавно повиновавшееся тебе беспрекословно, выходит из подчинения, резко ограничивая меру твоей свободы пределами пространства, которое оно занимает лежа. Старик или ипохондрик, привыкший к болячкам, способен в этой ситуации на большую твердость духа - такое ему привычно и он знает, что можно этому противопоставить. А вот здоровяк, внезапно свалившись, нередко ломается психически.

Нечто подобное произошло и с Агафоновым - его полк, совсем недавно бывший единым организмом, слаженным оркестром, разваливался на куски, и полковник не знал, что этому противопоставить. Он не остановился бы ни перед какими мерами, вплоть до публичных расстрелов, но видел, что и это не поможет, и знал, почему - он и сам утратил кураж, он больше не был ни в чем уверен. Даже злости не было - одна усталость и обреченность.

С того момента, когда он увидел самолеты...

Конечно, не в них дело, точнее - не только в них... Но и в них - тоже.

Он увидел самолеты и понял, что небо потеряно.

Этого не могло быть. Такая огромная страна, такая огромная армия, такая мощь, как же так, почему в небе спокойно чувствуют себя белые?

Он решил, что сходит с ума. Но в своем уме или нет- он должен был что-то сделать, впрочем, ребята и сами знали, что делать. "Шилки" сбили один самолет, но радоваться было нечему: не успели они дойти до Новониколаевки, как появилась дюжина белогвардейских учебно-боевых "Жаворонков", и у каждого под крыльями было два блока НУР, а в каждом блоке - по тридцать две ракеты. Подсчитывать, сколько это всего, не обязательно: от "Шилок" просто ничего не осталось, а остальные могли только грызть локти. Зенитные пулеметы подбили двоих, но те удержались на лету, и, видимо, допиликали как-то до близкого аэродрома. Ребята с "Шилки" перед тем, как погибнуть, сбили еще одного, но здесь не футбол и не будешь утешаться тем, что размочил счет: за белыми, кроме "Шилок" остались тринадцать танков, семь БТР и три самоходных гаубицы.

Не успели они вытащить раненых и обожженных, взять поврежденные, но хоть на что-то годные машины на буксир и тронуться, как их догнали передовые отряды белогвардейской бронекавалерийской бригады. О дальнейшем Агафонов вспоминать не хотел. Они отбились, и хоть отступили - но все же не бежали.

...В том-то и весь ужас, что до бегства оставалось совсем немного. Хватало всего, чтобы продолжать драться - боеприпасов, горючего, оружия... Не хватало духу. Агафонов смотрел в глаза солдат на позиции - и не видел в них решимости умереть здесь, но позиции не оставить.

Он запретил болтать о том, что сообщили вернувшиеся с Парпачского Перешейка и Арабатской Стрелки разведгруппы: везде был противник, везде он открывал огонь на поражение. Белые отбили Феодосию и Стрелку, единственное, что Агафонов мог попытаться сделать - это удержать Керченский полуостров до подхода своих из-за Тамани. Они ведь подойдут! Не могут не подойти!!!

Теоретически... Да, теоретически он мог разбить этого Ордынцева... Соединиться с остатками тех, кто ушел из Феодосии... Вернуть Керчь, окопаться на перешейке...

Теоретически он мог и в космос полететь вместо Гагарина...

Этот поселок назывался Семь Колодезей, и здесь они устроили рубеж обороны. С двух сторон их прикрывал канал, с третьей - Апашское соленое озеро, с четвертой наступал подполковник Ордынцев.

Накануне Агафонов и Ордынцев пили вместе. Агафонов должен был Ордынцева арестовать, а этого ему делать не хотелось, так что он целый день таскал подполковника за собой в штабной машине, пообедал и поужинал с ним вместе, и все это считалось как бы домашним арестом. В конце концов, где арестованный будет под более надежным присмотром, чем все время на глазах у тюремщика? Вдобавок, Агафонов взял с Ордынцева слово, что тот не сбежит. Они сидели вместе в ордынцевсокм кабинете,

слушали "битлов" - оба оказались любителями - и расстались в самых лучших чувствах, слегка омраченных стыдом тюремщика поневоле.

Интересно, что испытывает он сейчас, этот белогвардеец. Наверное, теперь ему стыдно.

А впрочем, какая разница...

Он вышел на связь с 229-м полком, чтобы услышать мрачные новости: от полка остался, от силы, батальон, и этот батальон загнан в порт Феодосии, где и будет отстреливаться до последнего патрона. 224-й мотострелковый полк обнадежил: они собирались пробиваться с Арабатской Стрелки, - но Агафонов не рассчитывал и на них. Он почти осязаемо чувствовал, что сегодня ранним утром что-то переломилось, и переломилось в пользу белых. Командующие дивизиями "Несокрушимой и Легендарной" упустили какой-то момент, когда не поздно было собраться и ударить, и дело даже не в помехах, которые утром забивали весь диапазон, а в том, что... Агафонов не мог это определить, но линия разлома проходила и через него, она проходила через кажого, вплоть до последнего первогодка. "Дух относится к телу как три к одному", - чеканно сформулировал Наполеон. Этой ночью был сломан дух советского войска.

Атака началась в три пополудни. Агафонов отметил качество работы артиллеристов: лупили точно по позициям пристрелка заняла считанные секунды. Надо думать, ребятам на учения отпускают не по три снаряда в год. Полчаса, прикинул Агафонов, а потом они пойдут в атаку.

Через полчаса Агафонов увидел, что оказался прав. Он думал об Ордынцеве лучше.

Все должно было решиться именно сейчас. Нужно только втянуть в бой как можно больше белых, заставить их наступать по всей позиции.

А тем временем танковая рота капитана Сторожихина тихо-онечко обойдет озеро и ударит белым в тыл...

***

- Полковника Агафонова многие ругали за то, что он оставил Семь Колодезей без резерва. Действительно, поселок мог стать ключом к Керченскому Полуострову, и тогда весь ход войны сложился бы иначе... На первый взгляд именно так и кажется. Но после более пристального рассмотрения видно, что вины Агафонова в потере поселка и полуострова нет. Он делал все возможное. Почти наверняка он предполагал нечто подобное со стороны Ордынцева. Все решилось банальным численным превосходством: бронекавалерийский батальон, усиленный двумя танковыми эскадронами. Естественно, у Щелкино роту смяли и на плечах у нее въехали в тыл.

Инстинктивно или сознательно - полковник Агафонов принял мудрое решение. Зачастую резервы, оставленные для затыкания бреши в обороне, только продлевают агонию. В большинстве случаев - лучше быстро проиграть, чем медленно выиграть. Оперативный риск хорош именно тем, что в случае провала сопротивляться становится решительно невозможно... В результате - меньше жертв и разрушений.

- Ишь, какой хитрый! - бросил один из генерал-майоров.

- Когда мы начнем говорить о плане "Морская звезда", вы увидите, что мы поступили именно так.

- Ну так если бы мы знали, что Крым остался без резервов...

- Правильно. Поэтому мы приложили все усилия, чтобы вы об этом не узнали. Но давайте поговорим об операции "Морская Звезда" потом... Сейчас закончим "разбор полетов" за 30 апреля.

Говоря о войне, Сун Цзы говорит о пяти вещах: Небо, Земля, Путь, Полководец и Закон. Земля и Небо - условия местности и метеоусловия - в данном случае не давали ни одной из сторон значимого преимущества. За исключением, пожалуй, того, что крымцы

превосходно знали местность, а многие советские младшие командиры не получили сносных карт. Самое лучшее, что было в планшетах у советских командиров - это карта с двухкилометровым разрешением, в принципе неплохая, если бы не ряд вопиющих ошибок: так, пешеходный мостик через Сухую Альму в районе Национального Парка был обозначен как нормальный мост, а мост через пролив между морем и озером Донузлав - не обозначен вовсе. Впрочем, это относится скорее к Закону.

Закон - это командные цепочки, управление, снабжение, связь. О снабжении я уже сказал, связь на какое-то время удалось разрушить, после чего управление превратилось в фикцию. Нам удалось поставить советские дивизии именно в те условия, в которых они не привыкли драться: в условия избыточной свободы.

Парадоксальным образом нам сыграло на руку то, что ваши спецслужбы арестовали и вывезли всю верхушку: правительство, Главштаб, некоторых высших командиров. Иными словами, избавили от балласта, который мог бы сковать инициативу армии.

Что же касается советского руководства... Его поведение было... скажем так: предсказуемым.

***

Москва, 30 апреля, 1930-2050

И вновь собрался весь иконостас, правда, уже несколько в ином составе, нежели в прошлый раз. Прошлое заседание было, так сказать, камерным, а сегодняшнее выглядело намного значительнее - уже хотя бы потому, что во главе стола сидел, сверкая пятью звездами Героя Советского Союза, сам Генеральный.

Именно ему предстояло открыть собрание. Тихий и собранный референт распахнул синюю папку, положил ее на лакированную столешницу и отошел на полшага назад, серой тенью нависая над своим подопечным, готовый перевернуть прочитанную страницу или вовремя подсказать непонятное слово. Генеральный водрузил на нос мощные очки, черепаховая оправа которых по тяжести и по внушительности и в подметки не годилась знаменитым бровям и, прочистив горло иерихонским звуком, начал читать, тщательно пережевывая каждое слово:

- Дорогие товарищи! На повестке дня внеочередного заседания Политбюро ЦК КПСС стоит вопрос о присоединении братского народа Восточного Средиземноморья к дружной семье народов Советского Союза. Отдельные враждебно настроенные элементы хотят сорвать мирное присоединение нового региона к СССР. Экстремистская вылазка так называемых форсиз ставит под удар процесс мирного соглашения. В связи с этим необходимо обсудить ряд вопросов, касающихся как военного, так и внутриполитического аспектов. Слово предоставляется Маршалу Советского Союза...

К Маршалу референта не прилагалось. Он сам раскрыл свою папку - не синюю, а защитного цвета. Блеснул тисненый золотом герб Советского Союза - земной шар в клещах хлебных колосьев, стянутых кумачовым транспарантом. Маршал тоже прочистил горло - но уже отрывисто, по-военому четко, и отбарабанил:

- По данным нашей разведки, военная группировка экстремистов, называющих себя егерями-корниловцами, насчитывает около трех тысяч человек. Их центр располагается в городе Бахчисарай, а командный пункт - в скальной крепости Чуфут-Калэ. Около половины - кадровые военные, другая половина - резервисты, поднятые по тревоге. Сепаратистам удалось привести в действие зенитные установки и поднять в воздух самолеты. Имеются потери в летных частях СССР. Сбито около восьми самолетов...

Идиотская формулировка - "около восьми самолетов" - вызвала у Видного Лица оскомину. Хотя бы здесь, хотя бы при своих можно точно сказать - сколько самолетов сбили крымские сепаратисты?

- Что значит, поднятые по тревоге? Кто эту тревогу передал? - спросил Пренеприятнейший. - Чем там занимается наша военная разведка?

- Главное Разведуправление Генштаба не обнаружило источник этой информации, - заявил Маршал, как-то очень пристально глядя на Пренеприятнейшего. - Но нам удалось установить, что нас направили на ложный след. Мощная резидентура врага скрывается на нашем телевидении, и не исключено, что сепаратистами Восточного Средиземноморья завербован кое-кто из сотрудников Комитета Государственной Безопасности.

Когда взорвалась эта бомба, все обернулись к Пренеприятнейшему, который слегка изменился в лице.

- Такими заявлениями не бросаются, товарищ маршал Советского Союза, - сказал он.

- Мы осуществляем самую тщательную проверку, - заверил его Маршал. - И ее результаты станут известны Политбюро незамедлительно, как только мы их получим.

- Дальше, - попросил Окающий.

- Самое плохое в сложившейся ситуации, - сказал маршал, - это захват сепаратистами Симферополя. Города и аэродромы юго-западного района теперь находятся полностью под их контролем. Тем не менее, в ближайшее время очаг сопротивления будет подавлен. Сейчас готовятся к выходу еще два десантных корабля, которые под прикрытием эсминцев и торпедных катеров подойдут к Севастополю и высадят морской десант. В настоящее время идет подготовка к переброске двух дивизий ВДВ в заданный район. Но все это будет проделано лишь после того, как аэродромы и расположения воинских частей подвергнутся бомбардировке. Рисковать не будем, сделаем все наверняка. Полностью подготовка к массированному авианалету завершится завтра в 8 утра.

- В 6 утра, - негромко, но весомо сказал Замкнутый. Маршал сделал пометку в папке.

- Хорошо, - сказал Скрытный, - Очень хорошо. Но не может ли так случиться, что наши самолеты встретят в воздухе... э-м-м.. превосходящими силами?

- Формирования сепаратистов обладают довольно мощным зенитным вооружением, - признал Маршал. - Но расположения своих частей сепаратисты никак не смогут прикрыть с воздуха. При достаточно массированной атаке... У них просто не хватит самолетов. А зенитный огонь нам удастся подавить бомбометанием с большой высоты.

- Но ведь такая бомбардировка не исключает... случайных жертв среди мирного населения... - вставил Молодой. - Не хотелось бы, знаете ли... Все-таки, воссоединение есть воссоединение. Крайние методы... крайне нежелательны.

- Есть возможность избежать этого, - сказал Пренеприятнейший. - В нашем распоряжении находятся лидеры Зоны Восточного Средиземноморья, деятели парламента и правительства этой страны. В том числе - и небезызвестный Андрей Лучников. Если бы он согласился выступить по телевидению с обращением к народу Восточного Средиземноморья и дать от нашего имени гарантии... Короче, учитывая его авторитет, особенно в армии... его могут послушать.

- Последний доклад, который вы нам представляли - там, кажется, Лучников был упомянут? - спросил Окающий.

- Так точно! - отрапортовал Пренеприятнейший.

- И там было сказано, что народ... Восточного Средиземноморья не будет сопротивляться? - ядовито спросил Маршал.

- Такого там не было сказано, - заявил Пренеприятнейший. - А если и было, то говорилось это, опять же, со слов Лучникова. Давайте послушаем его самого.

- Пригласите, - кивнул Окающий.

***

- Слушайте меня сейчас, - сказал Сергеев, когда они шагали по просторному коридору, - и слушайте внимательно. От этого зависит множество человеческих жизней. В первую очередь - вашего товарища Вадима Востокова. Имейте в виду, счет для него пошел уже на часы, и если вы не сделаете все как надо... Что бы вам ни предлагали - не соглашайтесь! Будут угрожать, уговаривать, настаивать - не соглашайтесь. Иначе конец Востокову, конец - хотя вам это безразлично - мне, конец многим крымцам - и военным, и невоенным, конец всему.

Дверь открылась.

- Добрый день, товарищ Лучников, - сказал Окающий. - Мы рады вас видеть и приветствовать в вашем лице народ Восточного Средиземноморья, пожелавший порвать с капиталистическим прошлым и идти в светлое будущее плечом к плечу...

- На гавно, - вставил внезапно проснувшийся Генеральный. Все обмерли.

- Гу! - продолжил Генеральный.

- Нога в ногу, - поддержал Окающий (все с облегчением вздохнули). - Но возникли некоторые проблемы с отдельными воинскими подразделениями, которые не хотят признавать Советскую Власть. Если я не ошибаюсь, Марлен Михайлович Кузенков именно с ваших слов писал о том, что присоединение будет мирным?

Лучников молчал.

Пренеприятнейший становился все неприятнее и неприятнее. Он как-то странно ерзал, и смотрел на Луча кислотным взглядом. Зато его референт или помощник - ого, еще один знакомец! Тот самый, "Банный" - он был, как будто спокоен и даже доволен.

- Ну, так почему же они сопротивляются? - раздраженно спросил Пренеприятнейший. - Ведь все ж уже было решено, вы сами согласились присоединиться...

- Где договор о присоединении? - спросил Лучников. - Кто подписал его с вашей стороны? Кто - с нашей? Кто гарантировал нам соблюдение Советской Конституции?

- А, вот вы о чем! - протянул Окающий. - Ну, так это недолго. Это мы быстро... Если дело только в том, чтоб подписать договор...

- Подотритесь своим договором, - бросил Луч. - Хотите быть честными задним числом? Не получится.

- Как вы здесь разговариваете! - заорал Пренеприятнейший. - Здесь вам что, бардак?

- Я бы предпочел бардак, - ответил Андрей.

Собрание возбужденно зашумело. Но тут Замкнутый легонько откашлялся, и все стихли.

- С гражданином Лучниковым все ясно, - сказал он. - Можно его увести. Если ему все равно, сколько случайных жертв будет среди мирных жителей, он нас не интересует...

Глаза Замкнутого смотрели из кожистых складок, не мигая, и этот игуаний взгляд превращал вино в уксус. Лучников с трудом выдержал этот взор, и нашел в себе силы сказать:

- Нет.

Замкнутый сделал легкую отмашку рукой, не удостоив его более ни словом.

***

Видное лицо владело собой так, как полагалось владеть собой члену Политбюро. И все же холодные мурашки бегали у него между лопатками, а под ложечкой отчаянно сосало. Получилось, думал он, Господи, ети его мать, получилось! Война таки началась, и Маршал с Пренеприятнейшим огребли первую порцию недовольства - надо сказать, довольно щедрую. Более того, ГРУшники уже напали на след, и надо его запутать. Обрубить концы. Вывести из игры тех, кто слишком много знает - Востокова и Сергеева.

- Да-а, хорош фрукт этот ваш Лучников, - протянул Замкнутый. - прямо Врангель какой-то. А вы нам его представляли как прогрессивного человека...

- Будем надеяться, что хотя бы товарищ Игнатьев не подкачает, - вздохнул Молодой.

- Главное, чего паниковать-то? - спросил Пренеприятнейший. - Четыре тыщи бандитов, эка невидаль. Да мы их в два счета по стенке размажем. Правильно, товарищ Маршал?

- Только имейте в виду, - сказал Замкнутый, - Что у нас тут, оказывается, есть и внутренний противник. Расселся прямо под носом, на ЦТ. А кое-кто (многозначительный взгляд на Пренеприятнейшего) его прозевал. Ну да ладно. Решаем с этой бомбардировкой - кто "за"?

Руки одна за другой поднимались над столом. Рубленая ладонь Пренеприятнейшего, пухлая ладошка Молодого, морщинистая длань Скрытного, теперь очередь его, Видного Лица, затем - костлявая лапа Замкнутого и дальше, дальше...

Единогласно!

14. ГРУ

- Разведчик либо сдается сразу, либо не сдается вовсе...
фильм "Семнадцать мгновений весны"

30 апреля 1980 года, Симферополь, 9-30

Капитан Верещагин умер и попал в ад.

Ад был шумным и железным, он тарахтел и вибрировал, и каждая рана, до последней ссадины, отзывалась на эту тряску.

Ощущения как-то разбежались с реальностью, и он все не мог вспомнить, откуда он слетел, что так побился и ободрался, и если он находится в госпитальной палатке, то где, черт возьми, Шэм - надо сказать ребятам, чтобы они нашли его...

Трясло и болтало, ревело и стрекотало над головой. Он не в аду и не в палатке, а в вертолете...

Вибрация пола отзывается болью...

Blackout.

Взгляд вправо: ряд подошв, немудреный орнамент рифления... Какие-то очень неприятные воспоминания связаны с этими рифлеными подошвами.

Redout.

Вгляд влево. Заострившееся бледное лицо. Кровь на губах.

Имя. Он должен помнить имя..

Глеб.

Он вспомнил. Не только имя - все, что происходило в последние сутки и часы.

Blackout.

Длинный коридор, полный людьми в форме. Его несут на руках, сцепив кисти в "замки" шесть человек.... Гул многолюдья стихает, отрезанный дверью. Казенный строгий кабинет, светло-серая мебель, корешки папок-фолдеров, маркированные орлом.

Главштаб.

Его тянут, переворачивают, снимают одежду. Ткань, присохшую к ране, отдирают резким движением.

Blackout.

- Тофариш капитан, он уше очнулся, - прозвучало над самым ухом.

Обладатель странного акцента выглядел так, словно его с головой макнули в пергидроль и оставили так на сутки.

- Хорошо, Энью, посадите его.

Офицер, среднего роста, капитан. Ненамного старше Верещагина или даже его ровесник, но светло-русые волосы уже успели изрядно поредеть надо лбом. Говорят, что так рано лысеют от большого ума.

Еще один офицер. Краповый берет, майорская звезда. Сорок пять или около того.

Тупое безразличие обреченного. Снова кресло. На этот раз - более высокое и удобное. Всем органам чувств будто сбили настройку - наверное, какой-то мощный наркосодержащий анальгетик. Нагота. Полная беззащитность. Наручники. Шансов нет.

Новый раунд...

Нет. К черту. Он сдастся, и как можно скорее.

- Давай знакомиться, - сказал капитан спецназа. - Капитан Резун, майор Варламов. В дальнейшем просто гражданин капитан и гражданин майор.

Верещагин посмотрел в лицо сначала одному, потом второму. Жесткие и спокойные лица. "Ты попался", - говорили эти лица, - "Ты принадлежишь нам каждым волоском, ты полностью в нашей воле, и ты расскажешь все, что знаешь. Мы даже не торопимся, не форсируем события - настолько мы уверены в том, что ты уже сломан". Шевельнулась полузадушенная злость.

- ГРУ или КГБ? - спросил он.

- А какая тебе разница?

Никакой.

- Встречный вопрос: спецвойска ОСВАГ или армейская разведка?

- Горная пехота.

- Не надо пудрить мне мозги, - гражданин капитан остановился у него за спиной, положил руки ему на плечи. Артем непроизвольно дернулся.

- Это правда, - сказал он. - Первая горноегерская бригада. Капитан Артемий Верещагин, номер 197845\XD.

- Извини... Не хотел, - спецназовец убрал руки. - Твой "смертник", - он достал из кармана идентификационный браслет Верещагина, снова просмотрел гравировку на пластине. - Группа крови - А, вероисповедание - римский католик. Как тебя угораздило?

Он не сразу понял.

- Что?

- Я спрашиваю, почему ты вдруг католик?

"Кажущиеся глупыми, не относящиеся к делу или малозначащие вопросы - один из видов психологического давления, который особенно хорошо работает с неподготовленными людьми..." - далее инструкция предписывала не отвечать даже на такие вопросы, ибо рано или поздно из тебя, сбитого с толку, автоматически выскочит ответ на важный вопрос...

Ерунда. Они все равно получат все свои ответы.

- Моя мать была католичкой.

- Ага, - сказал Резун. - Почему "была"? Она что, умерла?

- Да.

- Так ты, значит, сирота. - Спецназовский капитан уселся на стол, покачивая ногой. - Ну, расказывай, сиротинушка, как оно все было-то.

Давай, сказал себе Артем. Сразу все. Так будет лучше, чем цедить по слову.

- Вчера поздним утром группа из десяти человек в форме советских спецназовцев поднялась на армейском грузовике ГАЗ-66 на гору Роман-Кош и заняла телецентр. Дождавшись появления группы настоящего спецназа, мы уничтожили ее и свалили трупы в генераторной. Туда же положили наших, погибших в бою. Навели везде порядок. Потом появился батальон под командованием майора Лебедя. Места не хватало, и две роты вернулись в Ялту. Осталась рота капитана Асмоловского. В 21-40, как было приказано, мы включили генератор помех. В 3 часа ночи или что-то около этого на гору поднялся батальон Лебедя. Их выбили из Ялты. Они начали отступать по северной трассе. Меня и моих людей оставили в арьергарде. Мы сдали ретрансляционный центр нашим войскам. Остались там для охраны. Мне придали взвод резервистов... Ближе к утру вернулся Лебедь, батальон не смог отойти по северной трассе... Они взяли гору... Уничтожили наш взвод... Все.

Верещагин закрыл глаза и опустил голову. Тошнило. Нос был забит кровавой пробкой, и, несмотря на анальгетик, сломанные ребра делали каждый вдох мучительным.

Резун склонился к нему.

- Нет, не все. Послушай, друг мой... Вытаскивая тебя с Роман-Кош, мы потеряли боевой вертолет. А я до сих пор не знаю, стоишь ты того или нет. И если не стоишь, то какой мне смысл защищать тебя и дальше, давать обезболивающее, перевязывать? Да сдохни ко всем чертям! Единственный для тебя путь остаться в живых - быстренько убедить меня в том, что ты достаточно ценный кадр, чтобы взять тебя в Москву. Так что не надо врать, что ты простая армейщина, а шкуру тебе попортили только потому, что десантникам хотелось поиграть в индейцев и Зверобоя.

Артему стало почти смешно.

- Но это правда. Это все правда. Спуститесь вниз, в первый отдел, найдите мое дело. Это правда.

- Но ведь не ВСЯ правда, - заговорил майор. - Где ты взял эту форму, - он швырнул на пол, к ногам Верещагина, десантный комбез, - и эти документы?

- Мне... не нравилось, как... оно все идет, и тогда я пришел к... одному человеку... Ему тоже не нравилось... как оно идет. Мы поладили. Он дал мне форму... и документы. Не знаю, где он их достал. Он дал мне ваше оружие и "ГАЗ". Мы с утра приехали на вышку, выгнали персонал, встретили группу настоящих спецназовцев... Я уже рассказал.

- Фамилия "одного большого человека"? - сквозь зубы процедил Резун.

- Востоков.

- Кто назвал тебе эту фамилию?

- Он сам. Вадим Востоков, полковник ОСВАГ, координатор по России...

- Ты врешь. Тебе назвали эту фамилию, чтобы ты перевел стрелки. Так ты и этого делать не умеешь.

- Я не вру. Я звонил ему по телефону Фредерик 478-98-22, там всегда отвечал автоответчик на имя Остерманна... Я назначал встречу.

Резун поднял трубку, набрал номер. В наушнике зачирикал женский голосок, интонации которого Артему были давно знакомы.

Резун положил трубку, закрыл ладонью глаза, потер большим и средним пальцами виски.

- Ты думаешь, я тебе поверю? - спросил он.

- Проверьте. Есть у вас скополамин?

- У нас есть кое-что получше, друг мой. Хар-рошая газорезка. А начну я с твоих ног.

Арт опять прикрыл глаза, словно задумался. Резуну уже приходилось, и не раз, видеть этот жест - человек смотрит в себя, как сдавшийся командир - на свои укрепления в последний раз. Дальше - опущенная голова и согласие на все.

Беляк поднял:

- Я буду громко кричать.

Резун удержал себя в руках легко. Профессионально.

- Послушай... - голос его упал почти до шепота. - Не наступай второй раз на те же грабли. Потому что второй раз будет больнее. И намного, намного унизительнее. Ты что, еще ничего не понял? Ты один. Тебя все бросили. Подставили, понимаешь? Чтобы ты своей башкой отвечал за выходку какого-то генерала. Никто тебя не выручит, никому ты не нужен.

- Я знаю...

- Ну так чего ломаешься? Думаешь, геройски выглядишь? Дерьмово ты выглядишь. А когда за тебя возьмутся по-настоящему, будешь выглядеть еще дерьмовей.

- Я знаю. Берись за свою любимую газорезку, ублюдок. Заставь меня "петь".

- Тебе этого хочется?

- Нет. Совсем не хочется. Но я правду говорю. А ты не слушаешь.

- На "вы" со мной! - спецназовец взял его за подбородок, вздернул голову. - На "вы" и "гражданин капитан", и больше вежливости в голосе. Понял?

- Да.

- Скажи: "Так точно, гражданин капитан".

- Так точно, гражданин капитан.

- Вот так, друг мой, - удовлетворенно протянул Резун. - Продолжаем разговор. Перечисли, пожалуйста, поименно всех членов вашей группы. Имена и звания. Чтобы доказать, что ты понял.

- Я, - сказал Артем, - поручик Томилин. Прапорщик Даничев. Штабс-капитан Кашук...

Он запнулся.

- Мы слушаем, - сказал майор.

Чем закончилась эта ночь? Кто проигрывает?

Гия Берлиани, Хикс или Шэм на этом самом кресле. Володька с его раскуроченным бедром...

Нет.

- Я помогу тебе, - сказал гражданин капитан, - Ты забыл упомянуть здоровенного грузина по имени Георгий и по кличке Князь. Маленького рыжего парня по прозвищу Кикс. Рядового-немца и рядового-татарина. И одного хохла - Сидоренко или Сидорчука. И того парня, который был ранен и которого вы держали в генераторной.

- Я их не знаю. Их... прислали.

- Врешь. Из рук вон плохо врешь. Так не делается. Понятно, друзей закладывать не хочется. Только учти - ты никого из них не спасешь, а себе сделаешь хуже. Мы ведь все равно их найдем...

"Бог в помощь".

- ...Так что давай. Рассказывай. Имя командира, давшего тебе задание...

- Я действовал... по собственной... инициативе...

Владимир начал злиться, но не столько на этого упрямого дурака, сколько на собственное ощущение, что он чего-то недопонимает.

Штука в том, что парень вел себя нетипично. Это не сдача и не окончательный слом - но это и не вранье профессионала. Больше того: как раз профессионал бы валялся сейчас у них в ногах, на ходу выдумывая фамилии товарищей по группе, командира, который дал задание, подробности порученного дела... Это, конечно, тоже все было бы брехня - но брехня правдоподобная, на проверку которой ушло бы много времени.

Но если он не профессионал - откуда ему известна фамилия Высокого Чина? Какой лапши он хочет тут навешать? "Действовал по собственной инициативе" - похоже, что от боли и от лекарств он плохо соображает.

- Ты опять врешь, - сказал он. - Но я тебя сейчас даже пальцем не трону. Мы просто выйдем из комнаты и подождем, пока наркотик перестанет действовать. И вот тогда ты начнешь говорить правду, да так быстро, что можно будет к тебе динамо подключать. У тебя есть желание продолжать разговор сейчас и заработать новую порцию анальгетика?

- Есть.

- Очень хорошо. От кого из своих командиров, как и когда ты получил приказ подстраховать передачу "Красного пароля" и провести радиоэлектронную диверсию?

- Мои командиры были не в курсе. План разработали я и Востоков. В назначенный день он позвонил мне и сказал взять машину и экипировку из rent-a-carport в Бахчи. Сказал, что ключи от гаража в ячейке на автовокзале. Назвал номер. Прислал человека...

- Заткнись, - устало сказал Владимир. - Ныммисте, возьми его и пристегни за руку к батарее. Когда закончится действие обезболивающего, - обратился он к пленнику, - скажи сержанту, он меня позовет.

- Когда закончится действие обезболивающего, ты сам прискачешь, гражданин капитан.

- Посмотрим, - сказал Резун.

Майор вышел, не говоря ни слова. Белобрысый сержант вытряхнул Артема из кресла, как ворох тряпок. Наручники защелкнулись на запястье и на батарее. Верещагин сел, закрыл глаза и привалился затылком к стене. Ему было почти смешно.

- Правду говорить легко и приятно... - сообщил он в спину спецназовцу.

Тот не отреагировал.

***

30 апреля 1980 года, тактический центр Чуфут-Кале, 1045

У Тамары начались месячные.

Конечно, если бы они НЕ начались, было бы значительно хуже. Ей совершенно не улыбалось продлевать род майора Миши Колыванова, равно как и делать от майора аборт, так что да здравствуют лунные циклы, приливы и отливы! Вот только ужасно противно ноет спина.

Ко всем прочим medicines в аптечке вертолета добавилась коробочка тампонов.

Тактический центр сдержал обещание: ни одного МиГа над побережьем не было. Они совершенно спокойно долетели до Чуфут-Кале и приземлились на бетонной площадке, умостившейся на горе, как сковородка на самодельном каменном очаге.

Подтянутый, чисто выбритый, но бледноватый от ночных бдений адъютант провел их вниз, в бункер - познакомить с планом и диспозицией предстоящей атаки.

- Штабс-капитан Левкович, командир эскадрильи, - представилась Рахиль.

- При Бельбеке вы нам крепко помогли, - в смуглом усатом подполковнике Тамара узнала Ровенского, командира батальона, где служил Арт. - Спасибо.

- Ну, это было не так трудно. Танк может сделать вертолету гораздо меньше гадости, чем вертолет танку, - улыбнулась Рахиль.

- Теперь будет сложнее.

Это Бахчисарай, подумала Тамара, тактический центр, и Арт должен быть где-то здесь. В одном из боксов, где готовится к выходу боевая техника, или уже на позиции, или... О третьем "или" думать не хотелось.

Шестерых вертолетчиц ознакомил с боевой задачей сам командир дивизии. В кабинете находился еще один военный в чине полковника. Тот самый Кронин, Старик, потерявший сына в спровоцированном красными инциденте...

- И помните: вы представляете собой очень большую ценность. - сказал Адамс напоследок. - Не рискуйте понапрасну.

Кронин вздохнул.

- Пока мои парни не слышат, скажу: лучше я потеряю два взвода, чем одну вашу машину.

- Такая машина при хорошем экипаже стоит больше, чем два взвода, - наершилась Рахиль. - И мы вам это докажем.

***

119-я трасса, неподалеку от Почтовой, 1125

- И что у нас получается? - Князь вгляделся в карту. - Получается, что там вот-вот завяжется драка, и мы как раз в нее встрянем. Отлично. Просто лучше не бывает.

- Вдарим сзади. И - смерть врагам. - командир взвода резервистов Василий Хрисанопуло впечатал кулак в ладонь, показывая, как это будет.

- Sure, - после короткой и мрачной паузы согласился Берлиани.

Относительно этого боя, кроме общего плана, у него был и свой собственный план.

Шамиль, лежавший с биноклем на вершине холма, скатился-сбежал-слетел вниз.

- Едут, - сказал он.

- Действуем, как договорились, - напомнил Князь офицерам-резервистам.

***

Симферополь, тот же день, то же время

- Фу, Володя. Газорезка... Дешево. Непрофессионально.

- Да, товарищ майор, я уже понял. Думал взять его на понт. Так перетак этих десантников, всю малину изгадили.

- Сам виноват. Тоже мне мальчиш-кибальчиш.

- Да нет, просто нарвался на идиота. Это называется "Не повезло". Я надеюсь, что беляки его уже расстреляли. Он свою пулю честно заработал.

- Что будешь дальше делать?

- Что и сказал. Подожду, пока у него в башке прояснится от анальгетика и попробую поговорить еще раз. Ведь интересный типчик, а, товарищ майор?

- Куда уж интереснее... Как ты считаешь, где он врал, а где говорил правду?

- Имена, которые он назвал - правда. Все они убиты, он это знал, и не рисковал. Скорее всего, вся история - правда. Но вы точно заметили - не полная. Иногда он ведет себя как разведчик, а иногда как идиот. Откуда он знает Востокова, к примеру? Такое имя не ляпнешь наугад.

- Мне интересней другое. Почему он так легко назвал Востокова и аж заскрипел на составе группы?

- По-моему, это как раз элементарно: Востоков ему никто.

- А они - кто? Брось, Володя, это только в кино бывает, когда друзей не выдают ни под какими пытками. А они даже не друзья: группа.

Резун не нашелся, что ответить.

- Я схожу в госпиталь и поговорю с ранеными, которых мы вывезли с Роман-Кош, - сказал он наконец. - Потом зайду в архив, посмотрю его личное дело.

- Сомневаюсь я, что оно там есть. Дела этих лежат в архиве ОСВАГ.

- Ставлю свою "Волгу" против ушастого "жопера", что он не из ОСВАГ.

- Давай, давай...

***

Тот же день, 1140, район Почтовой

Говорят, нет ничего хуже, чем ждать и догонять.

Они ждали. Ждали, затаившись в холмах чуть севернее Почтовой, нервы на взводе и пальцы на спусковых крючках. Один батальон с небольшим "довеском" - против полка.

Новак проснулся от тычка в бок. Он сам попросил солдата-резервиста разбудить его наименее церемонным и наиболее эффективным способом. Отказать себе в удовольствии поспать хоть полчаса он не смог.

- Авангард, - сообщил резервист, хохол из Бахчисарая, хозяин табачной лавки. - Три БМД.

- Пропустим, - решил Новак.

Колонна бронетехники показалась на дороге. Ползла вперед цепочка панцирей защитного цвета - правда, здесь этот цвет не был защитным, в Крыму камуфляж имел серо-желто-бурую расцветку.Темно-зеленый был чужд здешним холмам, выбеленным солнцем гранитным обрывам и высоким сухим травам.

Рядовой Костюченко, покерный долг которого за время ожидания увеличился еще на сорок пять тичей, поднял гранатомет на плечо.

- Стрелять, когда я скажу, - предупредил унтер. - Не раньше.

Он приник к цейссовскому биноклю. Нужно, сказал капитан Замятин, дождаться момента, когда зенитки поравняются с ориентиром - дорожным знаком "возможны оползни". И тогда...

- Огонь! - скомандовал он.

Костюченко нажал на спуск - и головная машина колонны проломила ограждение и скатилась, дымя, в кювет.

Плохо. Нужно остановить колонну, перегородить дорогу.

Костюченко и Андронаки перезарядили гранатомет - а в холмы уже ударили первые очереди. Советские десантники пока еще не могли понять, кто в них стреляет и откуда, поэтому те, кто сидел на броне, просто соскочили и лупили наугад по окружающим кустам и вершинам холмов.

Второе попадание из гранатомета было более удачным - БМД встала как раз поперек дороги, десантники посыпались из нее как горох. Новак прижал к плечу приклад М-16 и открыл огонь по этим камуфляжным комбезам, ненавистным с 68-го года.

На несколько секунд им пришлось залечь - их засекли, и их каменный гребень оказался под жестоким автоматным огнем. В ответ из лощины ударили "Кесари".

Начался поединок артиллерии: из-за рельефа местности крымские "Кесари" не могли отъехать на предельную для них дальность, где они стали бы неуязвимы для

советских "Конкурсов". А били они не по БМД, а по зенитным установкам на буксирах. Два залпа - и ЗУ превраились в груду хлама.

И в россыпи огней непрерывно отстреливаемых инфракрасных ловушек над дорогой пошли вертолеты, и БМД были их главной целью, коль скоро экипажи "Кесарей" благополучно уничтожили зенитки.

Новак отшвырнул пустую обойму и вставил в магазин новую. Андронаки со снайперской винтовкой делал свою работу: офицеры, унтеры, гранатометчики.

Вертолеты развернулись и полетели параллельно дороге, укладывая снаряд за снарядом в удивительно уязвимые БМД.

Единственное, что могли сделать покинувшие машины и уцелевшие десантники - это кинуться в отчаянную атаку на враждебные склоны холмов.

И они это сделали.

***

Симферополь, тот же день, то же время

Наука умеет много гитик. Советская наука диверсии и шпионажа - очень много. Но особенно мил Владимиру Резуну был тот раздел оной науки, который требовал работы с документами, архивами, открытыми источниками, скрупулезного сбора фактов и делания выводов... Любил Владимир всякие такие головоломки и загадки, ловил момент, когда все факты и фактики выстраиваются в единую картину, и единственно верное решение молнией, извините за банальность, пронзает сознание... А поскольку Володя любил и умел работать головой, постольку этих сладких моментов откровения в его жизни было не так уж мало.

И это свое умение Володя очень ценил. Ибо работа разведчика - не крушить кулаком челюсти, как это показывается в кино, а делать тайное явным. И здесь много званных, но мало избранных...

- Как живете, караси? - спросил Резун.

- Хорошо живем, мерси. - В тон ему ответил Сагабалян.

Кадровый отдел Главштаба располагался в подвале и тоже находился в ведении спецназа ГРУ. Лейтенант Сагабалян, начальник тамошней охраны, явно спал до прихода Владимира. И явно пил до того, как лег спать.

- Ну, здесь было ночью, - сказал он. - Ты дрался?

- Не пришлось.

- А меня вот, - Сагабалян продемонстрировал руку на перевязи. - Комбат отправил сюда. А тебе чего здесь?

- По делу.

- По большому или по маленькому? За бумагой?

- Вот поэтому ты, Ованес, все еще в спецназе, а я уже в Аквариуме.

- Было бы чему завидовать.

Владимир подошел к картотеке, занимавшей целую стену.

Спецвойска ОСВАГ или корниловцы?

- Ладно, - сказал Владимир себе под нос, - Попытаем счастья... Попытка - не пытка, правда, батоно Лаврентий?

- Чего? - окликнул его Сагабалян.

- Это я не тебе! - Владимир прошелся вдоль выдвижных ящичков и выдвинул первый. "А-М".

- Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, то вот эти цифирьки - личный номер. Ха, мальчики, да вы здесь все не по фамилиям, а по индексам номеров... - Он засунул ящичек в ячейку, вытащил другой "М-Х". - Ну-ка, XD, встань передо мной, как Лист перед Вагнером... Ага!

Он вытащил нужную карточку.

- Сектор М, номер 214. Полезная вещь - бюрократия...

Личное дело Верещагина находилось именно здесь. Ничего странного: на многих разведчиков заводят липовые дела, многие из них тихо-мирно служат в армейских частях у черта на куличках, по меньшей мере, числятся там. "Мертвые души".

Резун открыл папочку, полистал...

- Ой, как интересно...

- Что? - спросил Сагабалян.

- Это я не тебе. Ой, какой же я дурак... Или это не я дурак?

Он сунул папку под мышку. Вышел из архива и поднялся в лифте на восьмой этаж, где обосновались спецназовцы. Нашел уединенный кабинет, выгнал резавшихся в карты рядовых и сел в кресло, снова открывая папку.

Так, значит, вот как ты выглядел, друг мой, пока тебе не починили рожу. Ничего, приличный молодой человек. С таким можно оставить свою сестру наедине...

Тысяча девятьсот сорок девятый год рождения. Двадцать третье декабря, Судак. Мать - Марта Ковач, иммигрантка, Румыния, 39-й год. Отец... опаньки!

Отец - Павел Верещагин, иммигрант, СССР, 41-й год.

Это уже интересно, товарищи. Иммгрант, сорок первый - или дезертир, или побег из плена... Что, в конечном счете, тоже считается дезертирством по советским законам - раз бежал из плена, неча сидеть в стане идеологического противника: топай в штрафбат и искупай вину кровью...

Еще один любопытный фактик: в пятьдесят первом году счастливый отец семейства оставил молодую жену с ребенком на руках и... вернулся в СССР. Дальнейших сведений о нем нет... Еще бы они были!

Слова "Симферопольская Гимназия имени Александра II Освободителя" Резуну ничего не сказали. Иначе он задался бы вопросом: почему парнишка из такой небогатой семьи попал в такое престижное учебное заведение? И почему по окончании столь престижной гимназии юноша поступил в армию?

Так, карьера... На третий год службы, будучи уже младшим унтером, получил предложение идти в офицерское училище. В двадцать лет - победа на крымских соревнованиях по скалолазанию. В следующие два года - еще две. В двадцать три года был мобилизован в качестве офицера-стажера, участвовал в боевых действиях Турецкой Кампании. По окончании войны получил полноценный офицерский чин. Через год - повышение. В семьдесят шестом дали поручика.

Ого! За время службы его благородие четырежды проверялся ОСВАГ. Ну да, лучше перебдеть, чем недобдеть. А то окажется, что парень был завербован СМЕРШем еще в материнской утробе...

Психологический профиль... Глубоко копают. Личностный тест Айзенка, показатели интроверсии, показатели экстраверсии, показатели шизоидности, показатели истероидности, параноидности... Ладно, все равно я в этом ни хрена не понимаю. Хм, энергичен, но сдержан... Ровен в общении с подчиненными и товарищами по службе, близких контактов не поддерживает... Волк-одиночка... Отрицательные черты: скрытен, но бывает резок в высказываниях... Проявляет склонность к нарушению субординации...

Что, настолько, что самостийно решил связаться с Востоковым?

Увлечения: советская авторская песня... Однако! История, военная история, философия, психология... Альпинизм и скалолазание - это мы уже знаем. Пти-Дрю, где это? Мак-Кинли, Маттерхорн, Эйгер. Четыре гималайские экспедиции. Фильм "Волшебная линия". Видимо, после Канченджанги начальство решило, что мужик дозрел до роты. Звание штабс-капитана и рота. И в этом году, в феврале - капитанские погоны.

Резун швырнул папку на стол.

Это не легенда, это херня собачья. Таких легенд не бывает.

Стены кабинета молча с ним согласились.

- Здесь воняет, - сказал он.

В комнате действительно воняло - винным и табачным перегаром - но Владимир имел в виду не это. Он имел в виду дело. Дело, которое выглядит так, словно его специально склепали и подбросили в архив, чтобы поиздеваться над Володей Резуном. Дело, которое смердит дешевым шпионским романом, написанным, к тому же, юной барышней.

- Вы мне кого подсунули? - вслух спросил он. - Ладно, допустим на пять минут, что это правда. Я - Востоков, и веду какую-то игру с КГБ. В нужный момент нужный человек поддержит меня действиями своей группы, подстрахует... Тихо и чисто... Кого мне найти на эту работу? Кого задействовать? Уж конечно, профессионала, мать вашу. Спеца из качинских или из ОСВАГ. Который не запорет дело, не засыплется, не попадется... А если попадется - сумеет уничтожить все улики, а в случае необходимости - сможет покончить с собой... Почему же Востоков выбирает для этой миссии явного непрофессионала? Человека, который напартачил и наляпал - при всем старании не мог не напартачить! Человека, который, непонятно на что рассчитывая, сдался в плен, и теперь продолжает валять самого глупого дурака?

Или же дело обстоит совсем наоборот: Верещагин ДЕЙСТВИТЕЛЬНО профессионал. Настолько крутой, что умело сымитировал почерк любителя, как наемный убийца экстра-класса "косит" под уличного грабителя-мокрушника? Но тогда почему его досье сляпано как будто на вкус шестиклассника? Оно должно быть абсолютно серым, совершенно незаметным досье... Таким, какое положено заводить на "мертвую душу", агента в армии.

Стоп! Востоков все-таки не совсем идиот. Если бы он хотел иметь в своем распоряжении профессионала-разведчика, он бы его имел. Владимир пошарил в кармане, достал пачку сигар с мундштуками, закурил, встал у окна, прикоснувшись лбом к стеклу...

А поредело в наших рядах. Всего час назад тут был настоящий муравейник, полк готовился к выходу на мятежный Бахчисарай. Теперь замусоренная и пустая площадь Барона выглядела пугающе просторной, а фигурки спецназовцев на постах - жалкими и сиротливыми.

К черту. Думаем дальше. Востоков хотел непрофессионала. Он получил непрофессионала. Непрофессионал намусорил так, что в глазах рябит.

Значит, Востоков хотел, чтобы он намусорил.

Вы болван, Штюбинг!

Все сделано так, чтобы привлечь к этой акции внимание. И человек выбран под эту функцию. Подарок для прессы, готовый национальный герой либо же национальное пугало. Мертвый герой даже лучше чем живой: жрать не просит. На мертвое пугало можно повесить значительно больше собак, чем на живое.

Владимир любил моменты истины, когда разгадка белым магнием вспыхивает в мозгу.

Но сейчас он был ей не рад. Такая разгадка пахла переводом в армию и ссылкой в самый дальний и зачуханный гарнизон. Такая разгадка грозила оттяпать стоящим слишком близко людям не только пальцы, но и головы. В жопу такие разгадки.

Потому что если он, Володя Резун, придет с такой разгадкой к вышестоящему начальству, он получит офигенного пенделя под зад. Начальство в эту оперетту не поверит.

Последняя разгадка заставила его застонать и ударить кулаком в оконный переплет: на то и был расчет Востокова! Ах, как он, наверное, хихикал в свою бороду, составляя этот план! Сколько изящества в этой нарочитой грубости, как тонко это шито белыми нитками!

Он шагнул к столу, еще раз перелистал досье, остановил взгляд на фотографии последних лет... В прямом и даже несколько глуповатом взгляде - фотографируясь на документы, все выглядят глуповато, - ему почудилась насмешка.

***

Район Почтовой, тот же день, около полудня

Ужасно обидно умирать, когда уже видно, что ты победил.

Новак лежал, прижимая ладони к горящему животу. Бедром он чувствовал, какая мокрая под ним земля. Кровь уходит быстро. Слишком быстро. Хесс не успеет привести медика.

Ниже по склону кто-то метался в траве и стонал. Наверное, тот хитрый сукин сын, который успел-таки бросить гранату, уничтожившую почти все его отделение. Хесс так и не получит с Костюченка свои деньги.

Удивительно, какие глупости лезут в голову перед смертью. Он должен бы подумать о Магде... Они расстались не в добрых чувствах, и этого уже не поправишь.

Он обещал Чеславу роликовую доску... Хотел научить Стефана каратэ. Мальчишки вырастут без отца - паршиво...

Но если бы ты мог выбрать, спросил он себя, если бы можно было вернуться на сутки и выбрать - пойти ли за капитаном и сдохнуть здесь, на этом склоне, или остаться в вонючем лагере, и отправиться в другой вонючий лагерь куда-нибудь в Казахстан - что бы ты выбрал?

Он не успел ответить.

***

"Это не он", - сказала себе Тамара.

Она понимала, что его нет там, внизу, в этом свинцовом аду, она видела горящего "Бову" и фигурки, срезанные автоматными очередями, и твердила себе: "Это не он".

Выстрел за выстрелом в грязно-зеленую колонну: с каждым выстрелом уменьшается число врагов, увеличиваются шансы ребят внизу и лично его шансы.

Пилот - белая кость войны, он не сидит в окопе, не мерзнет в засаде и не обливается потом на марше, он (или она) делает чистую, как многим кажется, работу. Грохот взрывов, свист пуль, кровь, крики, рвущаяся ткань жизни - все это там, внизу, и даже белый хвост "Стрелы" кажется совсем неопасным, если, конечно, она летит не в тебя, и не твоя машина содрогнется конвульсивным лязгом и пойдет вниз, выходя из повиновения, не в твои ноздри шибанет запахом горелого пластика и краски, и не твой боезапас сдетонирует, когда машина грянется оземь... Но эта возможность - часть работы, и оставлять ее за кадром, в офсайде сознания - дело привычное.

Рахиль поднялась чуть повыше, осматривая поле сражения.

- Два десятка машин драпают! Третья, за мной!

Тамара бросила машину в погоню за уходящей группой, держа машину так. чтобы Рите было не очень трудно целиться.

Один раз было по-настоящему страшно: когда выпущенная "Стрела" поймала ловушку слишком близко от вертолета. Машина чуть не завалилась набок, Тамара ее еле удержала.

Колонна беглецов налетела на другую, неизвестно откуда взявшуюся крымскую часть. Всего где-то рота. Надо ребятам помочь. Свести численное превосходство советских десантников на нет. Чем их меньше - тем больше шансов у егерей. Пусть хоть у кого-то будет больше шансов.

Тамара сделала заход вдоль колонны, следом за Рахилью. Развернулась, пошла в обратную сторону.

"Ворон, ворон, что ты делаешь? " - вспомнилось, запелось: - "Рою ямку! - На что роешь ямку?"

Шарррах! Вертолет резко ухнул вниз. Томительно долгие доли секунды гравитации не было, машину начало крутить. Граната, поняла Тамара, с трудом удерживая управление. Все, полетали. Садимся. Вон на тот холмик, и дай Бог, чтобы повезло мордой к дороге - еще постреляем...

Сотрясение... Скольжение полозьев по траве... Уф-ф, остановились... Если бы не шлем, можно было бы утереть пот.

- Стреляй, Рита! Стреляй, Ритуля, милая!

Вертолет затрясло от выстрелов авиапушки. Тамара не сразу ухватила закрепленные под панелью "МАТ" и дополнительную к нему обойму: руки дрожали, и не только от стрельбы.

Бегут сюда. Ну уж нет. Второй раз ни за что вы меня не возьмете, лучше пулю в башку.

Она выпрыгнула из вертолета, перекатилась, сняла автомат с предохранителя. Не давать им поднять башки, чтобы Рита могла стрелять по колонне.

Очередь из "МАТ" опустошила магазин за секунду. Идиотка, у тебя что, патронный завод здесь? Режим "стрельба одиночными". Шлем высунулся - по шлему! А не высовывайся...

"Когда больше крыть нечем, пилот кроет "МАТом" - шутили в войсках.

Когда что-то внезапно и сильно изменилось, она не сразу поняла, в чем дело. Оглохла? Ее контузило?

Нет. Вертолет Рахили исправно шумел, садаясь у дороги. Она с ума сошла? Или ее подбили? Почему стихла стрельба?

Тамара со всей скоростью, на которую была способна, подползла к вертолету.

- Что случилось, Рита?

В глазах стрелка и подруги стоял туман усталости и облегчения.

- Они только что сдались. Наши передали по радио прекратить огонь.

О'Нил расстегнула подбородочный ремень и сбросила шлем. Каштановая коса вырвалась на свободу. Рита встала из кресла, шагнула на землю и обняла Тамару, смеясь и плача.

...Кровь и копоть - вот что такое война вблизи. С высоты птичьего полета все выглядит гораздо безобиднее. А внизу - кровь и копоть.

...Она не обращала внимания на приветственные крики, обращенные к ней. Она вырвалась из леса цепких мужских рук - ее собирались качать, надо же! - она пробиралась среди всей этой толпы, страдающей и ликующей, мимо медбратьев с раскладными носилками и раненых, уложенных рядком на земле, советские вместе с крымцами, мимо выстроенной в затылок колонны пленных и белобрысого унтера, переписывающего их пофамильно в блокнот, мимо горящих БМД, мимо похоронной команды, складывающей трупы в пластиковые мешки, мимо остывающих "Воевод", мимо грузовика "тойота", в который сносили трофейное оружие и боеприпасы, мимо седого полковника Кронина и троих пленных офицеров, мимо, мимо, мимо - пока ее не окликнули по имени.

Унтер Сандыбеков был знаком ей немного лучше, чем другие друзья Артема, и он узнал ее первым. Ей потребовалось некоторое время, чтобы распознать в мрачном, как февральская ночь, мужчине вечного зубоскала Шамиля.

- Тамара Андреевна! Госпожа поручик!

- Шэм...

Он подошел к ней, пряча глаза.

Сердце ахнуло и провалилось.

- Где Артем, Шамиль? Унтер, где твой командир?

- Мэм... - он осекся, сжал губы, хрустнул пальцами...

- Отвечай, отвечай же, Шамиль!

- Мэм... Он... Он попал в плен. Ничего страшного, мэм.

- Где? Когда?

- Сегодня ночью... На Роман-Кош...

Догадка отозвалась в ней такой болью, что ноги подкосились. Казалось, что ее крестец кто-то выжимает, скручивая, как мокрую простынь. Это было так скверно, что... что почти хорошо. И рыдание вызвало судорогу, отвратительно близкую к оргазму по силе, только шло это не снизу вверх, а сверху вниз, ледяным острием - от гортани к паху.

- Мэм! - утнер подхватил ее на руки, явно не зная, что делать. Но он быстро сориентировался, вдохнул поглубже и рявкнул во всю мощь унтерских легких:

- Медик!!!

***

Симферополь, 30 апреля, 1150-1315

Капитан Верещагин был очень далек от идеи насмехаться над ГРУ. Его бил озноб. Сидеть становилось неудобно, лежать - тоже: руку приковали довольно высоко от пола. Артем понимал, что все-таки свалится, но пока что он сидел, обхватив колени рукой и сохраняя остатки тепла между бедрами и грудью.

Он думал, почему же изменил свое решение и все-таки начал сопротивляться.

Они с Востоковым старательно обходили эту тему: что будет, если он провалит задание и попадется. Верещагин не собирался проваливать задание и попадаться. Тем более он не собирался попадаться, выполнив задание. Но ведь Востоков - профи. Он должен был понимать, что ни один из вариантов развития событий исключить нельзя. Он это понимал, и все же не затрагивал этой темы. И тогда Артем сам поднял вопрос...

"Пойте, капитан. Спасайте свою жизнь".

Он знал, почему Востоков обратился к нему, к непрофессионалу. Но был слишком глуп или слишком труслив, чтобы додумать это дело до точки. Предпочитал прятать голову в песок...

Спасайте свою жизнь, капитан, если сможете...

Пойте. Рассказывайте все, как на духу. Это не страшно.

Потому что вам никто не поверит.

Вернее, поверят. Но не сразу.

О, Господи!

Они все равно это сделают. Наркотики, боль, унижение - изо дня в день. Они это сделают просто для того, чтобы гарантировать успех. Он не вымолит пощады и не купит ее.

Ну и черт с ними. Артем лег на левый бок, лицом к стене, и попробовал заснуть. Удалось: сутки без сна - лучше всякого наркотика. Ему снилось, что он в палатке в одном из промежуточных лагерей на Эвересте, мокрый и замерзший после этого случая с Георгием, и тощее пламя еле-еле лижет донышко котелка, где они растапливают снег, чтобы напиться...

Он проснулся от боли. Затекла рука, пришлось встать, но чтобы опереться спиной о стену - не могло быть и речи. Артем стоял на коленях, прислонившись к стене лбом, прижавшись грудью к холодной батарее - пока не отошла кисть. Тогда он сел и прислонился к стене боком. Чтобы не думать только о боли, вспоминал стихи и солдатские маршировки, иногда молился шепотом, иногда матерился. Была мысль вывести сержанта из себя, чтобы тот измолотил его до потери всех чувств. Он орал на выцветшего спецназовца и ругал его самыми черными ругательствами. Сержант сидел на стуле неподвижно и смотрел на Артема своими вареными глазами. Из-за этих глаз хорошее, в общем, лицо казалось страшным.

Он думал, что у него есть опыт. Ему случалось обмораживаться и разбиваться, была трещина в лодыжке и перелом предплечья, был скверный случай с взорвавшейся

газовой горелкой ... И всегда выход был только один: встань и иди. Как бы хреново тебе ни было - встань и иди. Боль - та цена, которой ты купишь себе жизнь.

Но как, черт побери, паршиво, когда никакой ценой ты себе жизнь не купишь. Как паршиво, когда нельзя встать и некуда идти. Как паршиво, когда знаешь, что дальше будет только хуже, и речь пойдет даже не о сроке сдачи: он уже сдался, и не об условиях: условия ставят они, и не о том, что ему удастся сохранить: ему ничего не удастся сохранить...

Наконец он снова впал в забытье и оставался там до тех пор, пока новая инъекция не вогнала его в химическое бодрствование.

Спецназовский капитан снова желал побеседовать.

"А все-таки, сволочь, не я тебя позвал, а сам ты прискакал".

- Энью, оставь нас вдвоем.

На этот раз капитан не предложил ему перебраться в кресло. Сел туда сам, закурил. Достал из кармана еще одну сигару - дешевую "Тихуану" с мундштуком.

- Будешь?

- Нет.

- Ладно, хватит выебываться.

- Я не выебываюсь, ублюдок. Я просто не курю.

В лицо Верещагину полетело что-то большое, зеленое и прямоугольно-крылатое. Он успел заслониться рукой. Предмет, которым в него швырнули, оказался легким и спокойно упал к ногам Артема, шевельнув страницами.

Папка-сшиватель. Досье под номером 197845 \XD.

- Слушай, ты! - спецназовец чуть ли не наехал на него креслом. - Мне очень не нравится, что ты держишь меня за полного идиота. Представь себе, я догадался спуститься вниз и найти твое личное дело. Представь себе, я его прочитал.

Арт ждал вопроса.

- Допустим, я тебе поверил, - сказал Резун. - Допустим, ты - действительно обычный ротный из четвертого батальона горноегерской бригады. Обычными ротными мы не занимаемся, но в порядке исключения я тебя выслушаю. Когда ты вышел на контакт с Востоковым?

Артем следил за прихотливой игрой дымной пряди, рождающейся на красно-сером столбике пепла.

- Когда ты вышел на контакт с Востоковым?!

Тамара в "Пьеро" была одета в красное платье и серый жакет... Где она? Что с ней?

- Отвечай, скотина! Почему вдруг замолчал?

- Передумал...

У советского капитана были серые глаза, а рисунок радужной оболочки напоминал изморозь на стекле.

- Не самый подходящий момент, - сказал он. - Понимаешь ли, друг мой, я как раз решил выслушать тебя внимательно, и не стоит меня разочаровывать.

- Знаю. У тебя есть газорезка.

- Не в ней дело.

- И это знаю. Вы не занимаетесь простыми ротными. Если ты притащишь в Москву простого ротного, что с тобой будет?

- Ты что, меня пожалел? - Владимир засмеялся. - Ты себя пожалей!

- Оснований не вижу. Простой ротный отправится в лагерь для военнопленных.

- Вот тебе! - Резун продемонстрировал тот же жест, что и майор Лебедь. - Никакой ты не военнопленный, понял? Это - советская территория, а ты - изменник Родины, статья шестьдесят два, расстрел. Если тебя пожалеют - десять лет. А пожалеют тебя, если ты согласишься сотрудничать.

- Иди в жопу.

- Лучше не бросайся такими выражениями. Там, куда ты попадешь, тебя могут понять очень буквально.

- Хорошо, тогда иди во п...у.

Оплеуха отбросила бы его влево, если б не наручники.

- Я пытаюсь тебе помочь, - умело дозируя злость, сказал спецназовец. - А ты занимаешься показом своей крутости. Знаешь, как ломаются такие? С треском. Тебя выпотрошат как цыпленка, есть масса способов, и перебирать их будут, пока не найдут нужный. Но к тому времени ты будешь уже никакой. Полуидиот со сгнившим от всякой химии нутром, не говоря о прочем.

- Так что ж ты вокруг меня пляшешь вместо того, чтобы применить все эти безумно эффективные методы?

- Да потому что жалко мне тебя! Жалко мне дурака, которого втянули во все это, а потом вышвырнули, как использованный гондон.

- Жалко у пчелки в попке, товарищ капитан. Речь идет о твоих драгоценных погонах. Ты крутишься тут, пытаясь понять, что я такое, сколько стоит моя голова и не стоит ли она тех же десяти лет. Потому что обычному ротному, которого втянули, использовали и выбросили, полагалось бы уже подыхать от отчаяния и валяться у тебя в ногах. Но у людей разный запас прочности. Может, у меня он чуточку повыше? Или меня, как и тебя, научили разным таким штукам? Кто я такой - спецагент, валяющий дурака, или дурак, валяющий спецагента?

- Ты - просто дурак. Досье агентов выглядят иначе.

- Ага. Так выглядят досье простых ротных. Уж конечно, каждый простой ротный в Крыму может почти сутки морочить голову целой роте десантников. Каждый ротный имеет в своем распоряжении классного радиоспеца. У каждого крымского ротного на чердаке валяется краповый берет, чего уж там. Я - самый типичный капитан форсиз, типичнее некуда.

- Час назад ты пел по-другому.

- Час назад ты мне не верил.

- Я и сейчас тебе не верю, сволочь. Тебя взяли в дело, чтобы ты засыпался, попался, запел и впутал в это КГБ. Ты - обманка, пустышка, нулевой вариант. И молчишь ты только потому, что набиваешь себе цену, разве не так?

- Браво, маэстро! Значит, ты потерял вертолет ради того, чтобы захватить пустышку? Поздравляю с огромной победой! Да за пустышку тебе не то, что майора - полковника дадут!

Резун снова ударил его по лицу. На этот раз - для симметрии? - по левой щеке, так что он долбанулся головой о батарею. Носом опять пошла кровь.

Он почему-то засмеялся.

- Чего ржешь? - спросил Резун.

- Хоть ты... Иванов-седьмой... а дурак!

Спецназовский капитан оттолкнулся ногой от стены, отъехал в центр комнаты, положил руку на спинку стула, оперся на предплечье подбородком, закурил и задумался.

После третьей сигары капитан Владимир Резун принял решение.

Черт с ними, с майорскими погонами. В следующий раз.

В Москву пленник попасть не должен.

План действий, на удивление простой и изящный, был выработан быстро. Варламова в него лучшше не посвящать: еще решит рискнуть и связаться с этой фальшивкой. А если у него не выгорит, на кого он укажет как на главного виноватого? Отож.

Держать его в бессознательном состоянии. При наличии шприца из индивидуального пакета и бутылки "Смирнофф" сделать это было очень просто.

Верещагин, увидев иглу, попробовал сопротивляться. Резуну не понадобилась даже помощь сержанта Ныммисте. После инъекции он подождал минут десять и, убедившись, что мертві бджоли не гудуть, покинул кабинет.

Хорошая легенда для продажи была готова. Задачу облегчило то, что большая ее часть была правдой. А еще задачу облегчила неожиданная помощь капитана Берлиани.

***

Район Почтовой, 30 апреля, 1230

- Это мы еще посмотрим, - прорычал Князь. - Ну-ка, включи эту холеру, штабс!

- Ваше благородие, - тоном возражения произнес Хикс. - Я не знаю, как к этому отнесется полковник Кронин...

- Чихал я, сигим-са-фак, на полковника! Это не полковник выволок меня с того света на Эвересте, ясно?

Хикс ругнулся и включил советскую рацию.

- Вам за это врежут по голове. И мне тоже, - печально сказал он.- Не стоит так поступать, Георгий.

- А как стоит, ребята? Как стоит? - Берлиани сжал кулак. - Вы слышали, что сказал этот? (Небрежный кивок в сторону советского полковника). - Пока мы будем искать Кронина, спрашивать разрешения, то да се, Артема отошлют в Москву. И все.

- Да почему обязательно в Москву? - недоумевал Хикс. - Colonel Yefremov очень хочет домой, поэтому вешает нам на уши дерьмо. Чтобы мы поскорее его обменяли. Все очень просто. Скальпель Оккама.

- Десантный ножик Оккама, - буркнул полковник Ефремов.

- What do you mean? - вскинулся морпех. - Что ты хотел сказать, а?

- Ара, генацвале. Догадайся с трех раз.

- Откуда он знает фамилию? - спросил Берлиани у круга егерей. - Откуда? Откуда ты знаешь фамилию?

- От верблюда. - съязвил полковник. - Читал в приказе. Черным по белому. Передать. Капитана. А. Точка. Верещагина. В руки. Гэ. Рэ. У! - каждую фразу полковник подтверждал тычком пальца правой руки в ладонь левой. Словно расставлял точки в приказе. - Ты знаешь, что такое Гэ-Рэ-У, кацо? Или тебе рассказать?

-He's got you, - тихо сказал Хикс. - Он понял, где на тебя можно давить.

Полковник не расслышал его слов, но общий смысл просек и решил дожать.

- Нашим его не раскололи, крепкий орешек оказался. Ничего. В ГРУ и не такие пели, кацо.

- Он может на меня давить, да? - переспросил Князь. - Может, ничего не скажешь. Может...

- Главштаб на связи, - сказал Хикс.

Князь вцепился в наушники.

- Алло? - услышал он. - Волга-один слушает. Прием.

- Капитан Берлиани, морская пехота, Остров Крым! - отрывисто сказал Князь в микрофон. Из наушника в ответ не донеслось ни звука.

- Слушай меня внимательно, и передай своим командирам. Полковник Ефремов у нас в руках. Офицеры его штаба - тоже. Мы предлагаем обмен. Человека за человека. У вас наш офицер, капитан Артемий Верещагин. Верните его. Мы вернем вашего полковника. Я жду вашего ответа пять минут.

- П-подождите немножко, - потрясенный связист на том конце провода надолго умолк.

Князь отключил рацию, чтоб не могли взять на пеленг.

- Я даже боюсь представить, чем это для вас кончится, Георгий.

- Миша, - тихо сказал Берлиани. - Вот послушай, Миша, как это было. Я скис на спуске с Эвереста. Я сидел жопой в снегу и отказывался встать. Шамиль пробовал тащить меня, ругал, бил по морде - я сидел, как пень, и хотел только одного - умереть. Тогда Шэм ушел... Я бы умер быстро, мороз был, начиналась метель... Меня опять начали трясти, я решил, что вернулся Шэм... Но это был не он. Арт поднялся сюда от штурмового лагеря, и все повторилось: он тряс меня, сделал укол, просил подняться и идти... До лагеря было не так уж много, я бы дошел, если бы нашел в себе силы встать... Физических сил мне хватало, но я... я просто сдал.

- И что? - спросил потрясенный штабс-капитан.

- Понимаешь, он ЗНАЛ, чем сможет меня поднять. Я не буду повторять тебе, что он мне сказал и что сделал. До сих пор стыдно. Но я встал и пошел. Ковылял за ним и все на свете проклинал. Но мы дошли. И теперь я жив. Ты понял?

Хикс вздохнул и тут засигналила рация.

- Я слушаю, - сказал Георгий, нацепив наушники.

- Можете подавиться Ефремовым, беляки, - услышал он чей-то незнакомый, не связиста, голос. - Не получите вы своего Верещагина. Он уже в Москве. А вам скоро пиздец придет.

- Держите его, guys! - успел крикнуть англо-крымец, когда князь выскочил из БМД и бросился на полковника.

Предупреждение несколько запоздало: Князь успел вцепиться Ефремову в горло. Общими усилиями удалось не допустить нарушения Женевской Конвенции. Хотя Ефремов потом кашлял еще около получаса.

***

Симферополь, 30 апреля, 1310

- Вот такие пироги, - майор Варламов положил телефонную трубку. - Вова, а в руках-то у нас не абы какая цаца. Только что Грачеву предложили полковника Ефремова в обмен на твоего орла.

- Ефремова?

- Полк уничтожен. Разбили вдребезги, к едреной фене. Встретили на марше. Спаслось тридцать человек. Ефремов захвачен в плен.

Он вперил в Резуна внимательный взгляд. Ожидал, скажет ли капитан то, о чем майор уже наверняка думает.

Пора убегать. Уходить, спасаться. Мотострелки не удержат город, если белые пойдут в наступление. В лучшем случае - смогут прикрыть отход командиров и спецназа.

Слишком долго Грачев тянул. Он и теперь будет тянуть, цепляться за соломинку, удерживать город и тогда, когда это потеряет смысл... Резун знал характер комдива.

Он отошел к окну, закурил. Далеко вверху собирались тучи. Плотный облачный фронт царил над городом.

На улице было пусто. Еще вчера Симфи напоминал военизированный карнавал, а сегодня словно вымер. От вчерашнего празднества остались только сиротливые разноцветные флажки и такие же сиротливые красные флаги.

Так вам и надо, идиотам, злорадно подумал Резун. Будете знать, как заигрывать с этой властью. Эта власть, братцы мои, не шутит, а сразу ставит раком.

Он докурил и выбросил сигару в форточку. На душе было гадко.

Варламов еще раз позвонил в аэропорт и долго с кем-то ругался. Потом положил трубку.

- Сказали, до трех ни один самолет не вылетит, - сообщил он. - Грузят мебель и автомобили для товарищей начальников.

- Пашин "мерседес"?

- Забирай выше. Намного выше. Так что сидеть нам тут...

Варламов был рад случаю прокатиться в Москву и оттарабанить туда заодно свой новоприобретенный "Рено". Пленник пришелся кстати, и даже попытку влезть поперед батьки в пекло он Владимиру простил.

Резун прислушался к шуму в коридоре.

- Мне здесь не нравится, - сказал он. - Десантники на взводе, могут натворить дел...

- Да брось ты, - отмахнулся Варламов. - Ну, напьется Грачев. Звезд у него теперь прибавится, только вот в размерах они будут поменьше. Он теперь грабежом займется, карьера-то накрылась, так что нахапать надо побольше. Короче, веселая будет жизнь.

Резун ничего не ответил, направился к двери.

- Ты куда? - спросил Варламов.

- Пойду проверю Ныммисте на его боевом посту, - сказал Владимир.

***

Скалистое, 30 апреля, штаб горноегерской бригады, 1340

- Сегодня я слышу эту фамилию слишком часто! - разозлился Кронин. - Запомните, Берлиани: в первую очередь у вас были обязательства перед армией, перед страной, перед морской пехотой, и лишь потом - перед вашим другом. Вы не имели права выходить на связь с советским командованием! Вы не имели права предлагать пленника к обмену. И вы не имеете права заявлять, что это ВАШ пленник. У нас тут не Грузинское царство, слава Богу!

Берлиани был аж бронзовый от гнева, но помалкивал. Он понимал, что неправ. Но признавать эту неправоту не желал. В конце концов, Кронин - не его командир, и если бы не лично он, Георгий Берлиани, то Кронин до сих пор прокисал бы на гауптвахте своего же полка. И гораздо больший вклад в освобождение полковника внес Арт. Так что Кронин может, как минимум, не говорить про своего офицера через губу.

Берлиани понимал жестокую логику войны: капитан выполнил свою миссию. Теперь он - отработанный материал. Он не интересует своих командиров, и, по идее, не должен интересовать своих подчиненных, перешедших под руку Хикса. Он понимал эту логику, но не мог ее принять.

- Уезжайте, капитан, - примирительно сказал Кронин. - Вы выполнили свой долг, и мы вам благодарны. Но теперь вам нечего делать здесь. Поверьте, все будет хорошо. Мы готовим рейд на Симферополь, и если Верещагин жив, мы обязательно вытащим его. Разведка сообщает: в последние часы НИ ОДИН самолет не стартовал из Аэро-Симфи. Его не отправили в Москву. Возвращайтесь в полк и займитесь своим делом. И запомните: до военного трибунала вам было - как это по русски? - рукой достать. Если вы вернетесь и станете выполнять свой долг, вы принесете больше пользы всем. В том числе - и своему другу.

Когда брифинг для младших командиров закончился, в штабе остались только Кронин и Ровенский.

-Это сводит с ума, - вздохнул Старик.- Дел столько, что не знаешь, за что браться. Готовим штурм. Ведем два десятка мелких драк одновременно, стоит затихнуть в одном месте - начинается в другом. Полно раненых. Продолжают сползаться резервисты, приводят пленных. А я тут должен разбираться с этим... рыцарем в тигровой шкуре.

Ровенский не ответил. Это было явным признаком того, что он с чем-то не согласен.

- Вы с чем-то не согласны, подполковник?

- Сэр, вы имели право снять с Берлиани голову. Но не при всех. Вы, наверное, не понимаете, что означает фамилия "Верещагин" для младших командиров и рядовых.

- Для меня она означает изжогу, - скривился полковник. - Черт возьми, что происходит? Почему всех заботит судьба этого авантюриста, но никого не волнует судьба операции в целом?

- Операцию в целом мало кто видит. Солдату нужен простой и понятный символ того, за что он сражается. Причина, по которой он ненавидит врага и человек, за которого он согласен умереть. Верещагин - уже легенда.

Полковник в двух словах высказал свое мнение о легендах вообще и об этой - в частности.

- Вы можете думать что хотите, но не высказывайте этого на брифингах, - предостерег Ровенский. - Вы теряете авторитет.

Кронин вспыхнул.

- Вот мой авторитет! - он постучал согнутым пальцем по своему погону. - И этого должно быть достаточно! Не хватало еще мне заискивать перед подчиненными ради дешевой популярности. Что я - говорун из Думы?

Ровенский не ответил.

Полковник посопел.

- Собачья работа, - пожаловался он. - Но вы-то хоть понимаете, как все это глупо?

- Понимаю, - искренне посочувствовал Ровенский. - Но и вы поймите. С легендой нельзя бороться. Но ее можно использовать.

- Делайте это сами. - Кронин отвернулся к окну. - Я не понимаю, как он вообще стал офицером. Людей с такими взглядами я бы отчислял еще на первом курсе юнкерского. И пожалуйста, позвольте мне не слышать этой фамилии хотя бы до вечера.

***

Симферополь, 30 апреля, 1405

"Неправильно это" - к такому выводу пришел рядовой Мельник, когда пропал кураж.

Он без особого сочувствия относился к крымцам. Все-таки свинство это: сначала сами присоединились, а потом вдруг напали. Понятно, что не все они гады, есть очень даже ничего, и во всем виноваты недобитые белогвардейцы, которые мутят народ. Понятно, что за гибель полка надо отомстить так, чтоб у белых в ушах зазвенело. Понятно, что ГРУшникам давно надо было дать по мозгам, чтоб не зарывались.

Но вот сейчас, собравшись почти целым взводом замочить одного врага, как-то нехорошо они выглядели. Как-то слишком походили на киношных эсэсовцев.

Мельник еще не видел войны. Когда он летел сюда в чреве "Антея", он верил байкам, что никакой войны не будет, а будет пьянка и гулянка с девочками. И слова замполита про то, что враг не дремлет, воспринимал как обычно - то есть, пускал побоку.

Поначалу казалось, что так оно и есть: девчонки, танцы, бары... Так, как вчера, Мельник никогда в жизни не гулял, и, наверное, уже не погуляет. Аж до сих пор голова гудит.

А все-таки вышло, что прав был замполит. Враг не дремал. Война началась, а сам Мельник еще не сделал ни одного выстрела...

Но открывать свой счет одним истерзанным пленным почему-то не хотелось. Кроме того, Мельник слабо верил, что это - тот самый человек, который начал войну. Был бы он еще генерал - тогда понятно...

Он внезапно почувствовал глубокое отвращение и к себе, и к прочим "мстителям". Откуда вообще пошел этот шухер - замочить беляка? Что, делать больше нечего?

Но поганые миазмы паники уже пропитали насквозь все здание Главштаба и всех, кто там находился. И, как нередко бывает в таких случаях, кое у кого зачесались

руки, слишком короткие, чтобы дойти до реальной причины всех неурядиц, но достаточно длинные, чтобы дотянуться до ближнего сучка и закрепить на нем вечно голодную петлю.

А когда озверевшая паника начинает размахивать дубинкой, здравому смыслу лучше прикрыть голову и опустить ее пониже. Поэтому Мельник, вытянув из каски помеченную крестом бумажку, беспрекословно присоединился к двум десяткам добровольцев, поднявшихся на восьмой этаж, где спецназ держал пленника.

Акция планировалась недолго, но слухи распространялись быстро. Они не встретили в коридорах и одного человека. Никто не рискнул встать на дороге у линчевателей.

Кроме сержанта Ныммисте.

Энью Ныммисте понимал и исполнял приказы буквально, потому что стремление к совершенству было его натурой. Присущая потомкам викингов педантичность и аккуратность досталась Ныммисте в двойном размере. При полном равнодушии к коммунистическим идеалам и холодной неприязни к советскому строю Энью, тем не менее, стремился в спецназ - потому что там служат лучшие из лучших, а значит, ему там место. Он досконально овладел техникой рукопашного боя, мог стрелять с обеих рук навскидку и метать нож на звук, и так же безупречно чистил картошку, срезая с нее шкурку тоненькой непрерывной ленточкой от одного полюса к другому. Если бы ему приказали - он бы не менее педантично, по сантиметру, снял с пленника кожу. Любить этого человека у него причин не было. Но Энью получил другой приказ - пленника нужно стеречь, и чтоб ни один волос не упал с его головы. Энью Ныммисте был намерен приказ выполнить. Любой ценой.

Но даже совершенные люди имеют физические потребности. Приняв во внимание тот факт, что белогвардеец прикован к батарее и лежит, не шевелясь, уже больше двух часов, ключ от наручников находится у сержанта в кармане, а у дверей стоят двое ребят из его отделения, Ныммисте приказал одному из них занять свое место, дал ему свой пистолет, а сам отправился туда, куда даже царь, по непроверенным данным, ходил пешком.

Десантники давно хотели выяснить, кто лучше - они или спецназ ГРУ. Вот и предоставился случай.

Они поднялись по пожарной лестнице в полном молчании. Рядовой Керимов, стоявший на посту, не сразу понял, в чем дело, а когда понял, было поздно. Но главное - он был не готов поднять оружие на своих. И не верил, что те поднимут оружие на него. И, в общем, не ошибся: они справились голыми руками. Спецназ крепок, но и десант кое-чему научен...

Второй охранник вскочил и поднял автомат, но секундное колебание стоило и ему нокаута.

Обнаружив, что заочно приговоренный нетранспортабелен, солдаты обшарили связанных стражей и не нашли ключа от наручников. Произошел короткий диспут, в котором половина участников стояла за то, чтоб "кончить гада" прямо здесь, а вторая половина - за то, чтоб оттащить его вниз, где советский суд Линча, самый гуманный суд Линча в мире, приведет в исполнение коллективный приговор общими усилиями. Большинством голосов победили вторые. Один ефрейтор взял пистолет сержанта, встал на колено, примерился к тому месту, где браслет наручника соединялся с цепью и выстрелил.

Будь наручники сделаны из обычной стали, одиссея капитана Верещагина закончилась бы. Но наручники, спроектированные для спецназа, перебить пулей нельзя. Вся сила выстрела обрушилась на цепь наручников, пороховые газы обожгли пленнику руку, Верещагин, вырванный из забытья резкой болью, заорал, вскочил и ударил ефрейтора локтем в глаз. Это исчерпало все его силы, он опять упал, на него обрушились все те же рифленые подошвы, от которых он даже заслониться толком не мог, но две секунды для сержанта Ныммисте он выиграл.

А Ныммисте за две секунды успел многое. Он расшвырял тех, кто был в коридоре, ворвался в кабинет, схватил стул и пошел молотить тех, кто увлеченно работал ногами. Он двигался быстро, наносил резкие и сильные удары, а десантура никак не могла реализовать свое численное превосходство - в комнатке было тесно.

Но когда из коридора поднаперли новые, сержант решил прибегнуть к огнестрельному оружию. Комплексов "свой-чужой" у него не возникло, а если это даже и произошло, то они были подавлены самой природой Энью, стремившейся к совершенству и крайне уязвленной тем, что двое его подчиненных обгадили порученное дело. Стоя над пленником, сержант намеревался не подпустить к нему никого, и пустить в ход любые меры. Он уже успел подобрать свой "Стечкин" и выстрелил трижды: в бедро одному самодеятельному палачу, в плечо - другому и в ногу - третьему.

Скуля и воя, они отступили. Отползли, поджав хвост. Как и всякая толпа линчевателей, они были трусливы. Как и все опричники всех времен, они готовы были убить, но не спешили умереть. Ныммисте шагнул вперед, прикрывая беляка собой, и вознамерился перейти в наступление. Он знал, что один решительный человек погонит толпу легче, чем, скажем, другого решительного человека.

- Назад! - заорал вдруг кто-то. - Назад, падлы!

Десантники расступились, сквозь них прорвался парень с автоматом. Сержант в первый момент решил, что к нему пришла помощь, но быстро понял, что ошибся.

Не боясь попасть по своим, десантник выпустил Ныммисте в грудь короткую очередь. Эстонец рухнул на пол, под батарею, свалился прямо возле крымца... И едва ли не раньше, чем он упал, пуля из его пистолета вышвырнула десантника в коридор, угодив тому точно между ключиц.

Не сразу Мельник понял, что сержант не мертв. Одна из пуль прошила его правое плечо, но он перехватил пистолет и теперь стрелял с левой, закрывая беляка собой и одновременно опираясь на него спиной, и следующей мишенью был Мельник. Дуло "Стечкина " показалось рядовому с колодец, и хотя оно плясало в руке сержанта, Мельник знал, что в этой тесноте он не промажет.

Он и не промазал.

***

- Я с тобой, - внезапно сказал Варламов.

Резун мысленно чертыхнулся, но не нашел причины возражать.

Они спускались на восьмой этаж, когда услышали выстрелы: сначала одиночные: раз, два, три, потом - автоматная очередь, потом - одиночные: четыре, пять, шесть, (дверь лифта открылась) семь.

"Все", - подумал Резун. - "Готово".

Охраны на этаже не было. Должны были двое стоять у лифта, двое у дверей. Но не стояли.

- Твою мать, - дрогнувшим голосом сказал капитан. Варламов выбежал на лестницу и во всю глотку заорал:

- Тревога!

Расстегивая на ходу кобуру, Владимир кинулся в КПЗ - так он про себя окрестил кабинет, где они держали пленника.

Подоспели шестеро спецназовцев, спешивших на выстрелы. Десантники, увидев их, кинулись по коридору к пожарной лестнице. Трое остались лежать на полу. Один развернулся и поднял автомат.

Резун снова выматерился - уже искренне. Среагировал рефлекторно: его "макар" грохнул даже быстрее, чем он успел об этом подумать.

Это стало сигналом для спецназовцев. Из десантников до пожарной двери не добежал ни один. Уцелели только те, что сами упали на пол и сложили на затылке руки.

Резун переступил через труп, шагнул в комнату и выматерился в третий раз.

Белогвардеец был жив. При виде Владимира он оставил попытки добраться до ножа, принадлежавшего покойному Энью Ныммисте.

Кто-то, видать, крепко молился за капитана Верещагина. Рационального объяснения такому везенью Резун придумать не мог.

- Уматываем отсюда, - сказал майор Варламов. - Едем в аэропорт.

***

Полевой госпиталь в районе Почтовой, 30 апреля, 1415

- Слушайте, какого черта! У меня здесь куча сложных ранений, руки по локоть в крови, я заполнил использованными перчатками целый ящик и вышел, черт возьми, покурить, а вы предлагаете мне возиться с бабой, упавшей в обморок?

- Я не предлагаю вам с ней *возиться*, Женя! - отчеканил подполковник Ровенский. - С кем вы *возитесь* - это ваше личное дело. Я всего лишь прошу вас привести ее в себя и убедиться, что это не аппендицит, не сердечный приступ, не что-то еще, из-за чего мы потеряем пилота. Вы представляете, сколько стоит жизнь пилота? От вас требуется только подойти и посмотреть, что с ней...

- Будь по-вашему, - врач полкового мобильного госпиталя растоптал окурок, - где она?

Доставая из кармана новую пару запечатанных стерильных перчаток, он прошел за Ровенским в машину, в которую Шамиль принес Тамару. Подполковник остался снаружи.

- Все в порядке, - сообщил врач, выходя. - Обычные месячные, обычный обморок.

Он достал сигарету.

- Огня.

Ровенский вынул зажигалку, подпалил "Житан".

- Спасибо, - врач затянулся.

- А что с ней? Почему это...

- Тяжелый стресс. Женщинам на войне не место.

- А кому на ней место?

- Да, в точку... Мне страшно думать, что будет после Симферополя. Меня уже тошнит от вывороченных кишок.

- Работа у вас такая.

- Угу. Убирать за вами дерьмо.

Опять несколько вдумчивых затяжек.

- И кому бы в голову пришло, а? - через паузу спросил доктор. - Подполковник, вы верите в то, что рассказывает Хикс?

- Я уже не знаю, во что верить. Эта история - яма с пауками, док. Не суйтесь. Не надо.

- Это вам ОСВАГовец сказал?

- Какой ОСВАГовец?

- Да шляется тут... И таскает к себе в машину всех участников истории... Живых, я имею в виду. Приходил в госпиталь к Миллеру, очень жалел, что тот уже не может дать показания...

- Где дерьмо, там и мухи.

- Игорь, а ведь вам вся эта история не нравится...

- А кому она может понравиться, док? Черт возьми, мы деремся с десяти вечера, а я до сих пор не могу понять, за что мы деремся. Почему нужно было допускать это

блядское вторжение? Вот, вы говорите, что разгребаете за нами дерьмо, а ведь нам приходится разгребать за политиками...

- Да, это более грязная работа, - усмехнулся врач.

Подполковник сбил пепел, оставалось еще на две затяжки.

- Это девушка Артема, - сказал он внезапно, без всякого перехода.

Доктор ошарашенно посмотрел на него.

- Откуда вы знаете?

- Раза два видел их вместе в Бахчи. Неординарная женщина, такие запоминаются...

Дверь госпитального автобуса открылась и оба офицера умолкли и смутились, словно мальчишки, пойманные взрослым за разучиванием матерных слов.

- Спасибо, док, - сказала Тамара. - Спасибо, ваше благородие.

Она оглянулась - нет ли где-нибудь поблизости Шамиля. Невыносимо было смотреть на эти джентльменские рожи. Невыносимо было видеть на них этакое понимающее сочувствие. Засуньте себе в жопу ваше сочувствие. Каждый сочувствует и думает себе две вещи. Первая: "Слава Богу, что не я", вторая - "Неплохая задница". О, Господи Христе, как плохо-то...

- Тамара! - окликнула ее Рита.

Она вяло махнула рукой, направляясь к машине. Скорей бы уже подогнали буксир. Кто это там с Ритой? Что за тип в морской форме?

- Поручик Уточкина?

- Так точно, - ответила она. Менее бодрым голосом, чем хотелось бы.

Он достал из кармана офицерскую книжку, протянул ей, привычным жестом раскрывая:

- Капитан второго ранга Уильям Флэннеган. ОСВАГ. Могу я с вами поговорить?

15. МОССАД

Вышли мы на дело -

я и Рабинович...

Песенка

Из Главштаба смывались со страшной скоростью. Сражение между спецназом и объединенными силами десантников-мотострелков быстро приобрело новый размах и переросло в солдатский бунт. Никто уже не вспоминал, из-за чего дерутся. Резуна захлестнул ужас ребенка, решившего пошалить со спичками и вдруг оказавшегося в горящей квартире. Тут уже не до майорского звания - унести бы ноги.

Варламов так и не догадался, что тут к чему. Больше был занят спасением своей шкуры, своего "рено" и своей надежды на полковничьи звезды. "Надежду" быстро отстегнули от батареи, свезли на лифте в гараж, по пути наскоро одевая в спецназовскую форму с оторванными знаками различия, Резун приковал его к себе наручниками - рука к руке - и "рено" рванул от Главштаба к аэропорту быстрей, чем заяц от орла.

Удерживать скорость удалось недолго. Сначала они притормозили, объезжая скопления машин и советской боевой техники, брошенной без капли топлива, потом

несколько раз останавливались по требованиям патрулей, потом начали кружить, а потом и вовсе заблудились.

А ведь сам виноват. Соображать надо было, кого на пост ставить. Одному Ныммисте могло прийти в голову развязать настоящее сражение из-за этого недоумка. Один Ныммисте понимал приказы так буквально. Вот и погиб ни за понюх, чухонец белоглазый. Русский парень уже давно въехал бы, что к чему...

Пока суд да дело, атмосферный фронт добрался до Симфи. Брезентовой плотности тучи обложили столицу Крыма по всем правилам, замкнули кольцо, а потом разверзлись хляби, и начался совершенно тропический дождь.

Варламов чертыхнулся, в очередной раз обнаружив рукотворный тупик на одной из надземных развязок. В аэропорт им нужно успеть как можно раньше. Потому что самолеты не резиновые, а когда десант и мотострелки поймут, что их просто здесь бросили, ГРУшные корочки начнут производить совсем не то впечатление, которого хотелось бы.

- Не нравится мне этот "фольксваген" - пробормотал майор.

В зеркале заднего обзора действительно появился "фольксваген" черного цвета. Они натыкались на него слишком часто, чтобы эти встречи были случайными.

Черный "пассат" развернулся поперек эстакады, загородив им выезд. С другой стороны его загораживал белый трейлер-"Форд".

- Охотники за машинами, - предположил Резун.

Эта методика была уже отработана, как он заметил: один офицер угонял машину, товарищи садились в нее, колесили по городу и присматривали транспорт для остальных. Иногда забирали со стоянок и паркингов, иногда преследовали аборигенов и, если тачка нравилась, перегораживали ей путь и под дулами автоматов выгоняли всех из машины. Сегодня, правда, преследовать было некого: аборигены попрятались. Но вот ведь - нашлись флибустьеры на черном "фольксе"...

Легко и просто. Но не на этот раз. На этот раз у них здорово вытянутся рожи, когда Варламов предъявит им свою офицерскую книжку.

Он с опозданием пожалел, что взялся вести сам. Конечно, не майорское это дело - вести машину и разбираться с угонщиками. Но сидеть ухо в ухо с человеком, у которого еще не засохла на бинтах своя и чужая кровь - это еще более не майорское дело.

Он подрулил к "фольксвагену" не спеша, давая понять, кто здесь хозяин. Приготовил "корочку", чтобы показать ее в окно. Стекло опустилось, майор поморщился, когда на руку ему упала ледяная капля. Рука мгновенно покрылась гусиной кожей. Майор увидел, как открываются дверцы и появляются ребятки в форме ВДВ. Да, таких наглых рях он еще не видел в жизни, хотя перед его глазами за годы службы в ГРУ прошла отменная коллекция подонков. На одном голубой берет сидел как-то странно...

- Освободите проезд, - приказал он.

Тот угонщик, что сидел на водительском месте, уже вышел из тачки и стоял, лениво облокотившись на крышу машины - черную и блестящую, как новая галоша. Словно и не лупасил по мосту ливень, а ярко пригревало солнышко. Второй так же расслабленно сидел боком на переднем кресле.

- Нам кое-что нужно, - сказал стоящий.

- Обойдетесь, козлы. - Отрезал Варламов. Из кармана он извлек офицерскую книжку, и предъявил ее в развернутом виде. - Читать умеете? Так что читайте и пи...уйте отсюда. Я из ГРУ.

- Иди ты! - притворно удивился сидящий. - А я из МОССАДа.

Майор понял, что это не шутка только тогда, когда заметил ствол пистолета с глушителем.

То есть, слишком поздно.

***

Верещагин видел, как майор запрокинул голову и спецназовские мозги брызнули во все стороны. Резун чертыхнулся и рванул застежку кобуры.

Сейчас, подумал Верещагин, надо попробовать двинуть ГРУшника в висок и отобрать шпалер.

Надо попробовать.

Он знал, что не получится. И все же попробовал. И не особо удивился, когда Резун перехватил его руку и почти небрежно двинул ему локтем под ребра.

Воздух обрел консистенцию и вкус силикатного клея. В голову уперлось железное, твердое и холодное - ствол "Макарова", на что спорим?

- Твою мать, - сказал ГРУшник,- Твою мать, твою мать... Что же делать... А ну, вылезай!

Резун выволок пленника из машины и, прикрываясь его телом, сделал шаг назад. Налетчики обходили машину с двух сторон. Резун отступал, пока не уперся спиной в трейлер.

- Отпусти его, - сказал один из них, со странно сидящим беретом. Берет сидел так из-за длинных волос, схваченных в пони-тейл на затылке. - Оставь его нам, садись в машину и уматывай.

- Иди на хер, - ответил Резун. Единственной гарантией его жизни был заложник.

- А если он сам нам не нужен? - как-то вкрадчиво спросил волосатый. Другой, стриженый так коротко, что можно было назвать его и бритым, осторожно лавируя между машинами, обходил сбоку.

- А вдруг нам просто надо, чтобы он не попал в Москву? Положим вас обоих, и все.

ГРУшник усмехнулся. Такими обещаниями на бросаются, их сразу выполняют.

- Валяйте, - бросил Резун. - А я посмотрю.

Это не КГБ. Люди из КГБ действительно изрешетили бы их обоих здесь. Но если не КГБ - то кто?

Беляк не пробовал вырваться или напасть, он отступал, закрывая Резуна собой, так как, похоже, сообразил, что теперь они в одной лодке.

- Мужик, мы не хотим крови. Отпусти его - и мы уйдем. Попробуешь упрямиться - получишь пулю.

Хороший русский язык, но интонации не советские. ОСВАГ? Вряд ли, похоже на питерский акцент. Тогда кто?

- Ты вообще поосторожнее со своей пушкой, - продолжал волосатый. - Вот, смотрю, весь люфт на спуске выбрал - разве это дело? Ты же можешь нечаянно выстрелить человеку в голову. А если ты нечаянно выстрелишь человеку в голову, я обижусь. А когда я обижаюсь, я начинаю палить куда ни попадя.

Так, хорошо. Парни блефуют и убивать его пленника никто из их не собирается - ни волосатый говорун, отвлекающий внимание, ни молчаливый бритый убийца. Резун на всякий случай отпустил немного спусковой крючок. Если крымец нужен им живым, его смерти не простят.

И не допустят.

***

Что это за типы - Артема не интересовало. Но он не хотел попадать к ним в руки. Он вообще не хотел попадать ни к кому в руки.

Он был все еще слишком пьян, чтобы разобраться в ситуации. Но от людей в советской форме он не видел за последнее время ничего хорошего и испытывал к ним сильную неприязнь. Конечно, в Москву его везли не на пряники, но и нападающие казались тем самым хреном, который не слаще редьки.

Холодные струи дождя делали свое дело: он трезвел достаточно быстро, чтобы начали слушаться руки и ноги.

Ему стало весело. Отвратительное веселье человека, который понимает, что вряд ли положение сможет ухудшиться - хуже вроде некуда. Веселье висельника.

***

- Ты, стой на месте! - крикнул Резун бритому. - Или я стреляю!

- Валяй, - так же равнодушно ответил волосатый. - А мы посмотрим.

Патовая ситуация.

Резун посмотрел в глаза волосатому. Окинул мгновенным взглядом бритоголового. Тот тщательно выцеливал его голову, но не стрелял - боялся попасть в заложника.

Однако рано или поздно патлатый отвлечет его внимание и бритый выстрелит.

Капитан ГРУ Виктор Резун ужасно не хотел умирать, пройдя земную жизнь только до половины. Этот мир забит подонками, которым отлично подошла бы квартирка площадью в два квадрата, почему же он, отличный парень Володя Резун, должен занять их место? Сознание вселенской несправедливости пронзительно визжало в мозгу, мешая соображать. Еб, должен же быть какой-то выход!

И тут крымский офицер совсем сдал. Повис на Владимире мертвым грузом, обоих сразу же повело в сторону.

Мужчина весом в семьдесят килограмм не кажется крупным, пока его не нужно удерживать одной рукой. Резуну пришлось опуститься на колено, чтобы не потерять "живой щит".

Ах ты, черт!

Будь трижды проклят тот час, когда Володю осенила гениальная догадка насчет телевышки. Будь проклят тот день, когда он попал в этот Крым! Будь проклят этот человек!

- Я убью его, - безнадежно сказал Владимир. - Один шаг и я стреляю! Бросайте оружие!

Корниловец, заваливаясь набок, выскальзывал из захвата.

Выход! Выход...

- Верещагин! Верещагин, сволочь, очнись! Не смей терять сознание! Очнись, падла, застрелю!

Капли вбивали в землю. Перспектива была задернута плотным хрустящим целлофаном. Белой трещиной прошла молния - никак, Господь снимал батальные сцены с фотовспышкой. Шандарахнуло... Люблю, блядь, грозу в начале мая... В конце апреля... Нет уж, ну ее - весной...

Ах, гадство!

Привычной тяжести ножа на левом бедре не было. Боковым зрением Владимир уловил блеск клинка: Верещагин отводил руку для удара, который нельзя было парировать, от которого некуда было уклониться.

Резун поднял "Макар" и пальнул в бритоголового. Длинноволосый выстрелил одновременно с ним, бритый упал, перекатился, снова прицелился - из-за машины. Одновременно Верещагин ударил ножом туда, где, по его расчетам, должна быть голова Резуна. Слишком слабый и медленный удар, чтобы достичь цели. Достаточно опасный, чтобы заставить Владимира отклониться и едва не попасть под вторую пулю. Корпус фургона украсился дыркой, капитан ГРУ временно оглох на одно ухо.

Он треснул крымца рукоятью пистолета по башке, рассчитывая, что тот потеряет сознание.

Черта с два. Пьяному море по колено. Верещагин скверно захихикал и снова ударил ножом назад, через свою голову.

Еще два выстрела. Две дыры в фургоне - справа и слева от головы.

Дикая боль в левом бедре. Нож полоснул резко, но, по счастью, неглубоко... Резун вскрикнул сквозь прикушенную губу, выпустил очередную пулю в белый свет, как в копеечку... Верещагин еще раз полоснул его ножом - не глядя.

- Сволочь! - заорал спецназовец, - Прекрати! Перестань, гад, я тебя убью!

- Давай! - крымец засмеялся. - Давай, стерво! Или я сам тебя убью, давай!

Новый удар... Резун почувствовал слабость во всем теле... Идиотская ситуация: его, скованного с заложником одной цепью, отстреливающегося от двоих налетчиков, этот заложник кромсает везде, где может дотянуться... Этому психу все равно, жить или подохнуть. А ему, Резуну, не все равно! Владимир увидел, как густо окрашивается киноварью лужа, в которой они стоят, и понял, что дело плохо. Это кровь. Его кровь уходит в дренажную систему, и сейчас его убьют из-за этого придурка, и...

- Я сдаюсь! - заорал он. - Хватит, я сдаюсь!

- *Я* не сдаюсь, - беляк опять ударил его ножом. - Слышишь, гебист?

- Мы не из КГБ, мужик! - быстро заговорил волосатый. - Оставь режик в покое. МЫ НЕ ИЗ КГБ!

- А кто ж вы? Добрые самаритяне?

- Угадал, капитан. Самаритяне. Такие самаритяне, что дальше некуда. Добрые-предобрые...

- А я - Джин Келли? Эй, гражданин капитан, я похож на Джина Келли?

- Мужик, ну что мне, штаны снять, чтоб ты поверил? - разозлился патлатый.

Резун решил сыграть ва-банк. Но для этого ему нужно было освободить руку. Освободить можно было только одну - ту, в которй пистолет.

- Я сдаюсь в плен Вооруженным Силам Юга России. Я сдаюсь тебе, Верещагин, слышишь?

- Слышу. Я по четвергам пленных не беру.

- Хватит полосовать меня ножом, сволочь! - Он бросил на землю пистолет, освободилась правая рука, и Резун попытался отобрать нож. - Ты обязан взять меня в плен! Ты не можешь меня убить!

- Как интересно! Это почему же? - спросил Верещагин.

Резун оскалился:

- Потому что я только что спустил ключ от этих наручников в дренажный люк, мудаки! И если вы меня убьете, вам придется тащить мой труп на цепочке.

- Мы поступим проще. Увезем его на машине, - налетчики перестали прятаться и подошли вплотную.

- И что вы объясните советским военным патрулям? Откуда у вас в машине покойник? И почему в наручниках?

Верещагин повалился на землю, придавив спецназовца своей тяжестью, поднял нож.

- Мне плевать, что они объяснят военным патрулям, - выдохнул он. - Мне вообще на все плевать. Просто очень хочется распанахать тебе горло.Есть у меня причины этого не делать?

Резун понял, что спасение своей жизни беляк ценит невысоко. Справиться с ним - раз плюнуть, но пока он сверху, "самаритяне" стрелять не будут. Ответ вынырнул быстро и сам собой:

- Есть. Я владею айкидо. В совершенстве.

За следующую секунду он пережил весь запас острых ощущений на десять лет вперед. Острие ножа вдавилось в кожу на его горле, и стоило беляку налечь на рукоятку, хотя бы случайно, все - не жди меня, мама, хорошего сына.

Это мгновение продолжалось... Продолжалось... Продолжалось... И, наконец, закончилось.

- Этот человек - мой пленный, - объявил Верещагин громилам, опуская нож и поднимаясь на колени. Резун тоже встал - лежать спиной в луже было как-то неловко.

Бритый явно не желал соглашаться с белогвардейцем. Со словами "кибэнэ мат!" он сделал шаг вперед, схватил Резуна за скованную руку, и, не слушая двойного протестующего вопля, выстрелил в цепь наручников.

Запорожский завод "Днепроспецсталь" в очередной раз оправдал доверие, которое возлагало на нее военное ведомство СССР. Резун и Верещагин, скованные одной цепью, грохнулись на асфальт, столкнувшись плечами. На вылете из ствола пуля "Дезерт Игла" развивает усилие в 218 килограмм, друзья мои...

- Су-у-ука! - в унисон простонали крымец и советский боец. Длинноволосый скорчился от смеха, придерживаясь за ближайшую машину.

- Дебил, что ты ржешь, больно же! - Резун опять поднялся, помог встать Верещагину. - Дайте мне хоть паршивую закрутку, кровь-то идет!

- Если мы притащим ГРУшника на веревочке, я даже не знаю, что нам скажут. - пожаловался патлатый, снимая ремень. - То ли медаль дадут, то ли вы...бут по полной программе.

Владимир перетянул бедро ремнем. Беляк, полулежа на "Рено", глотал воду, бежавшую струйкой из желобка на крыше машины.

- Сколько ты в него влил? - поинтересовался "самаритянин".

- Пятнадцать кубов... - ответил Владимир.

- Палач...

- As spirit is strong, as flesh is weak, - сообщил Верещагин.

Бритоголовый обыскал тело Варламова, рассовал по карманам трофеи - документы и оружие - потом занялся "рено": пошарил в багажнике и нашел пластиковый пакет с курткой, бронежилетом, поясом, оружием и браслетом Верещагина. Эти вещи тоже перекочевали в "фольксваген".

Волосатый покачал головой.

- Видал я, как людей берут на пушку. Но чтобы сдавались на пушку - такого я не видел. Цирк, да и только. Мужик, ты уверен, что он тебе нужен?

- А как же...

- Так, давай к машине. А то ты сейчас сознание потеряешь.

- Отличная идея...

Верещагин сделал шаг к "фольксвагену", не устоял на ногах и опять завалил спецназовца. Владимир, поднимаясь, ругнулся от всей души - похоже, основную работу по транспортировке этого тела таки придется делать именно ему. Зараза чухонская этот Ныммисте, чтоб его на том свете черти жарили так же тщательно, как он здесь нес охрану...

- Мужик! - окликнул крымца патлатый "самаритянин". - Эти лужи не стерильны, между прочим! А у тебя кровь! Так что кончай валяться...

"У него, значит, кровь", - скрипнул зубами Владимир. - "А у меня что, антифриз?"

Крымец не отозвался и не шевельнулся.

- Мужик!!! - "самаритянин" рухнул возле него на колени, приподнял за плечи. - Очнись! Вставай, некогда валяться, сматываться надо!

Беляк не реагировал. Видимо, идея и вправду ему понравилась.

- Давай тащи его! - рыкнул волосатый на Резуна.

Вдвоем они вперли Верещагина в "Фольксваген", набросили ему на плечи окровавленную, но сухую корниловскую куртку.

Завелись, рванули, разбрызгивая лужи. Опять началась карусель по симферопольским улицам.

- Патруль, - ровным голосом сообщил бритый через пять минут.

- Вижу, - волосатый покосился в сторону Резуна. - Доставай свою "корочку".

Поперек улицы стояла БМД. Перед ней - двое "голубых беретов", делавших автоматами совершенно недвусмысленные жесты.

- Ты главный, - быстро сказал "самаритянин". - Мы везем в Москву пойманного диверсанта. Одно лишнее слово - и в тебе пуля.

- Холоднокровнее, Беня, - сквозь зубы бросил Резун. И вдруг по лицу патлатого понял, что попал в яблочко.

Они притормозили. Резун открыл окно, развернул корочку.

- Капитан Владимир Резун, ГРУ, - сказал он. - Следуем в аэропорт, везем пленного диверсанта. Пропустить немедленно.

- Ага, - сказал начальник патруля, какой-то лейтенантишка, не соизволивший даже представиться. - Выметайтесь из машины быстро!

- Что? - у Резуна аж нутро затрепетало от ярости. - Да ты кто такой?

- Дырку тебе в башке сейчас сделаю - вот кто я такой! - заорал лейтенант. - Вылезайте все на хер отсюда, нам машина нужна!

Не те были условия, чтобы качать права. Машину окружили со всех сторон, наставив на нее автоматы.

Пришлось выбираться. Владимир не без удовольствия отметил, какие рожи у двоих "самаритян". Вдвоем с патлатым они выволокли Верещагина. Начальник патруля слегка изменился в лице.

- Диверсант, говорите... - протянул он.

Ход его мыслей прослеживался как по бумаге. Одно дело - явиться в аэропорт беглецами и дезертирами. Другое - привезти пленного шпиона, ценный трофей.

- Может, нам его отдадите? - спросил лейтенант. - Вам он вроде ни к чему...

- Ничего не получится, - Владимир злорадно показал скованные руки. - Ключ пропал. Или берете нас обоих?

Кожей он почувствовал ауру напряжения, исходившую от "самаритян". Если удастся сделать так, что этих двоих убьют... Но как это сделать? Заорать "Стреляйте, они шпионы"? Догадается ли этот идиот открыть огонь, если Владимир просто упадет вместе с пленником на землю?

По глазам лейтенанта было прямо видно, как тяжко у него в голове проворачиваются мысли. Их шестеро, в машину они забиваются впритык, шпиона можно запихнуть в багажник, но куда девать этого с наручниками? Попытаться вытряхнуть кого-то из солдат? Еще неизвестно, кто кого вытряхнет. Конечно, если начнется стрельба, победу одержит патруль: два с половиной человека против шестерых - не драка. Но и со стороны патруля кого-то обязательно убьют: ребята выглядят решительными. Этим "кем-то" лейтенанту было неохота становиться, а все шансы у него: стоит на передней линии, обязательно попадет под пулю.

"Дурак!" - мысленно закричал Резун, - "Да ты посмотри на этих двоих! Ну где, где в спецназе разрешают отращивать такие патлы? Пошевели мозгами, идиот!!!"

Но идиот не желал шевелить мозгами. Вердикт, отпечатавшийся на его лице после короткой внутренней борьбы, гласил: хрен с вами.

- Всем лечь на землю лицом вниз! - скомандовал он.

Патрульные уже успели забраться в машину.

Под дулом автомата пришлось подчиниться. Резун, плотно жмурясь от злости и стыда, лег в лужу. Сволочь, трусы, дерьмо, и это - Советская Армия?

Лейтенант запрыгнул в машину, фольксваген взревел и укатил, обдав их тучей брызг.

- В аэропорт ребята опаздывают. Боятся, самолет без них улетит, - криво улыбнулся патлатый.

- Ну что, комсомолец Биробиджана, дальше пешком идем?

Самаритянин выругался.

- Я могу пойти поискать еще машину, - сказал бритый.

- Не надо, Лева. Мы уже почти на месте.

Он посмотрел на Владимира. Потом на крымца.

- Вот черт! Ну, на хера ж было обкалывать его до бесчувствия! - и патлатый принялся приводить Верещагина в сознание старым, как мир, способом: немилосердно теребя уши. Эффект воспоследовал через две секунды: беляк заметался, пытаясь вывернуться, застонал.

- Вставай! Вставай давай, уходим! - кое-как они поднялись: ни дать ни взять скульптурная группа "Сильнее смерти".

- Туда! - патлатый указал пальцем на подземный переход в конце улицы.

- Ну ладно я, - прохрипел Резун. - Но тебе-то он зачем нужен?

- Не твое собачье дело, - бросил самаритянин.

В конце улицы зашумели моторы.

- В подъезд!

Они свернули в первый попавшийся подъезд, благо двери были выбиты. Всцарапавшись на один пролет вверх, опустились на ступеньки.

Резун встал, осторожно перегнулся через перила, выглянул...

В веере брызг проехало еще с полдесятка БМП. Остановились. Мат: улица перегорожена подбитой машиной, которую бросил патруль.

- Бегство тараканов, - прокомментировал патлатый. - Белые уже в Сарабузе.

Сколько времени они выслеживали "Рено"? Если это было последнее известие, которое они получили, то белые уже час как в Сарабузе.

- Вертолетики? - спросил Резун. - Пятьдесят "дроздов", да? Жалко бросать, уплочено... Он что, ваш?

- Заткнись, - бросил самартиянин.

Бритый спустился со второго этажа.

- Пробились, - сказал он. - Развернули эту дуру. Уходим.

Когда рокот моторов стих, они выбрались обратно на улицу, господи, подумал Резун, сколько же можно бегать под дождем, у меня скоро жабры отрастут...

Спустились в подземный переход, бритый поднял крышку люка.

- Я первый, вы за мной, ты, Лева, замыкаешь, - патлатый сел на край колодца и взялся за скобы лестницы.

- Я туда не пойду, - простонал Верещагин. - Там темно.

- У меня фонарик есть.

- Нет! - Крымец рванулся в сторону с силой, какой в нем Резун и не предполагал. Правда, силы все равно не хватило на большее, чем протащить спецназовца три шага и упасть.

- Не хочу в подвал! Уйди, уйди, сволочь, что тебе еще нужно, зачем ты их всех убил? Я же человек, дай и мне подохнуть по-человечески!

- Выруби его! - приказал патлатый.

Резун сжал кулак. Один точный тычок - и беляк затих.

- А теперь бери его на загривок - и вниз.

Владимир понял, что лучше не спорить.

Может быть, они и были "совсем рядом" от места - если ехать на фольксвагене. Но путь по подземным коммуникациям Симферополя длился бесконечно. У Владимира трещала спина, нестерпимо болело плечо и адским пламенем горело раненое бедро. Когда он попросил отдыха, бритый спокойно поинтересовался у своего командира, можно ли застрелить спецназовца и отрезать ему руку, а Верещагина он и сам понесет. Патлатый сказал, что пока не надо, Владимир прикусил язык.

Они выбрались из люка в каком-то подземном гараже и поднялись в лифте на третий этаж большого, стилизованного под викторианский стиль, особняка. Резун понял, что его мучения - физические, по крайней мере, - кончились. Он сгрузил крымца возле двери, на которой висела скромная табличка: Embassy of Israel.

- Шма Исраэль, - провозгласил очнувшийся белогвардеец. - Адонай элохейну, адонай эхад...

- Произношение ни к черту, - парировал длинноволосый.

Дверь открыла грандиозная женщина. Если андерсеновская Атаманша существовала в действительности, то выглядела она именно так.

- Ма, у нас все в порядке, - сказал патлатый.

- Да? Я очень рада. Тебе что, погулять захотелось? Поиграть в Тимура и его команду? Так сказал бы мне, я бы тебе устроила помыть полы!

- Ма, не надо...

- Давай, иди к Исааку, он тебе оторвет голову. Потом иди ко мне, переоденешься в сухое. Это что такое?

- Это я тебе халтурку принес, - патлатый нервно хихикнул. - Лева, найди что-нибудь открыть наручники.

- Есть, - сказал бритый Лева.

- Кто вы такой? - спросила женщина у Владимира.

- А что, не видно? - огрызнулся тот, - Капитан Советской Армии.

- Сема!

- ГРУшник он, ма... - Сема снимал с себя мокрые ботинки. - Все это надо в мусоропровод. Нет, лучше в печку.

- Ты с ума сошел?

- Ма, нам нечем было открыть наручники. А так - сто лет он нам нужен.

- Он мне н-нужен, - клацая зубами, пробормотал Верещагин.

- Очень мило. А вы кто такой?

- К... капитан ф-форсиз, - Верещагина трясло крупной дрожью. Владимир только сейчас заметил, как он сам продрог до костей и как его колотит. Беляк сполз по стене, сел на пол. За его спиной по кремовой краске протянулся мокрый розоватый след.

- У в-вас й-есть душ? - безжизненным голосом спросил капитан. - С-согреться...

- Какой тебе душ? - возмутилась женщина, - Ты хочешь сепсис?

- Ма, он валялся в половине луж Симферополя. Душ хуже не сделает.

- Ты еще здесь? - прикрикнула женщина на Сему.

- Кто тебя так отделал? - спросила она, расстегивая на Верещагине мокрую спецназовскую куртку. - Этот ублюдок?

- Д-другие ублюд-к-ки.

- Очень плохо?

- Я пьян... - крымец улыбнулся, - Мн-не хорошо...

Появился Лева с набором первоклассных отмычек. Резун, запястье которого было располосовано уже в кровь, с удовольствием подставил руку. Избавиться от этих кандалов - а там пусть хоть расстреливают.

- Ваша работа? - спросила женщина, глядя спецназовцу в лицо. - Доблестная разведка на боевом посту?

- Это десант! - разозлился Владимир. - И нечего на меня так смотреть! Я посмотрел бы на вас, если бы вы обнаружили среди своих арабского шпиона! Или вы бы его бисквитом угощали?

- Мы бы передали его в руки разведки, - процедила сквозь зубы женщина. - Или в советском десанте теперь другие правила?

- "Теперь", - передразнил ее Резун. - А то вы знаете, как там было раньше!

- А то знаю, - хладнокровно сказала женщина. - Все ж я майор медицинской службы. Пятнадцать лет я Советской Армии отдала. И всегда мы учили солдат, что издеваться над пленным - распоследнее дело. Плохо учили, как видно...

- Ах, как благородно! - Владимир вытер мокрое лицо. - Можно подумать, МОССАД добывает сведения мягким убеждением.

- Сынок, - нежно сказала женщина (и от этой нежности Резуну стало слегка не по себе), - я думаю, что Исааку ты все выложишь, а он к тебе даже пальцем не притронется. Вот есть у меня такая мысль.

Владимир сцепил зубы. Его злость усиливалась тем, что права была старая ведьма, абсолютно права: он всегда знал, что когда нужно будет перекинуться - он это сделает без колебаний. В советской разведке верность не окупалась: тебя могли сдать в любой момент, и в любой момент отказаться от тебя. Сегодня же вечером его, Володю, запишут в предатели, и даже если ему удастся выдраться от моссадовцев, то до конца своих дней он будет в черном списке, и заграницей ему станет Монголия.

Верещагин встал, опираясь на бритого.

- Душ там, в конце коридора, - сказала женщина. - Дойдешь? Хорошо. Сейчас я принесу полотенце. Не запирай двери.

***

Артем пренебрег ее советами. Не потому, что стеснялся - голых мужчин госпожа майор наверняка перевидала больше, чем любая севастопольская профессионалка. Просто он чувствовал, что вот-вот пойдет вразнос. Истерика, начавшаяся было в подземном переходе, подступала снова - неумолимо. Наверное, и мужских истерик госпожа майор в силу своей профессии повидала немало, но вот этой она не увидит.

Он не знал, сколько это продолжалось - может, десять минут, может, больше. Майорша окликала его раза три: "Ты там в порядке?", и каждый раз ему удавалось собрать себя в кулак и сравнительно спокойно ответить: "Да!", после чего можно было опять распадаться на молекулы. Когда это закончилось, он какое-то время сидел на полу душевой кабинки под россыпью теплых капель и наслаждался пришедшим покоем и опустошением. На воде не остается следов, она все стерпит.

Согревшись и придя в относительную норму, он избавился от одежды. Попробовал снять и бинты, но не смог развязать мокрые узлы - не слушались руки.

- Ну! - госпожа майор толкнула дверь. - Какого черта! Я же просила не закрываться!

- Подождите... немного...

- Открывай, или я вынесу дверь! Думаешь, у меня не получится?

У нее получилось бы вынести даже дверь в бункер тактического центра. Верещагин набросил на бедра полотенце и отпер замок.

- Ты соображаешь, что делаешь? - напустилась на него майорша. - А если бы ты потерял сознание и захлебнулся? Оно мне надо? Ради этого Сема подставлял свою голову? Согрелся? Вылазь уже из воды.

Она подошла и решительно завернула кран.

- Идем, - сказала она. - Можешь идти?

- Ага.

На всякий случай за ее спиной маячил Сема - уже получивший разнос от таинственного Исаака и переодетый в сухие брюки и ковбойскую рубашку. Втроем они проследовали в тесную каморку посольского врачебного кабинета.

- Пей, - госпожа майор протянула ему пятидесятиграммовый мерный стаканчик.

- Что это?

- Коньяк с опиумом. Обезболивающее.

- Не надо.

- Ты что, из этих? - спросил Сема. - Которым нравится?

- Нет. Я просто и без того здорово пьян.

- Будет больно.

- Преимущество пьянства в том, что не чувствуешь боли. А если и чувствуешь, то тебе плевать.

- Не волнуйся, плевать не будет, - успокоила его майорша. - Работы здесь часа на два, за это время спирт из тебя выветрится. Так что давай, пей.

Он глотнул, ощутил странный привкус.

- Не общий наркоз. Зачем-то вам нужно, чтобы я был в сознании. Не нравится мне это.

Сема подал матери ножницы, она разрезала бинты.

- Сынок, мне тоже много чего не нравится. Например, не нравится, что мой сын мог и тебя не выручить, и сам пропасть. Не нравится, что у тебя шкура и мясо кое-где рассечены до ребер... Не нравится, что тебе могли черт знает какую заразу занести... Как твое имя?

- Арт... Артем. А ваше?

- Фаина Абрамовна. Ты еще не допил?

- Лэхаим!

- Ду бист аид?

- Нихт ферштейн. Еще хуже - цыган. На одну четверть.

- Очень интересно. - Фаина Абрамовна надела медицинский халат, распечатала перчатки, зарядила медицинский степлер. - Ложись на спину, руки за голову, пальцы в "замок". Начнешь хватать меня за руки - скажу Семену, чтоб тебя держал.

Артем решил не хватать ее за руки. Очень не хотелось ему, чтоб его держали.

Все было намного лучше, чем он думал. Как ни странно, труднее всего было не дергаться от щекотки, когда по коже пробегала ледяная струйка этилгидрохлорида. Процесс накладывания шва после нее ощущался как процесс проклепывания прямо на теле кожаной куртки.

- Почему ты меня спас, Семен? Зачем я тебе нужен?

- Для связи с вашим командованием, - беспечно сказал Сема. - Как живое доказательство нашей доброй воли.

- Хотите просунуть через меня какую-то информацию?

- Зачэм просунуть, вах? - сказал Семен. - Пэрэдать!

- Передать можно и по радио.

- Тогда скажем так: у меня были на то личные причины. За что мне и вставили сейчас. Доволен?

Холодное бесчувствие переходило в покалывание, а потом - в жжение. Арт понял, что коньяк с опиумом совсем не помешал. Только благодаря ему удавалось лежать неподвижно и поддерживать разговор.

- Как... идут дела?

- Саки и Евпатория - ваши. Феодосия - тоже, Бахчисарай... В Севастополе и Керчи идет жестокая рубиловка, здесь тоже, но не такая страшная. Когда я уходил за тобой, вы были уже в Сарабузе.

- Где этот... гражданин капитан?

- Беседует с Исааком, - улыбнулась Фаина Абрамовна. - Как чувствуешь себя?

- Радуюсь.

- Чему?

- Прогрессу. Если бы не медицинский степлер, сколько бы вы возились?

- Долго. За что тебя так?

- Не сошлись во мнениях... Они считали, что я должен им что-то сказать... Я думал по-другому.

- Чем это было сделано?

- Скепро... Скреп-ко-вы-дер-ги-ва-телем...

- Ох ни хрена ж себе фантазия... - с каким-то мрачным весельем сказал Семен. - Что ж ты такого им не сказал?

Арт помедлил с ответом. Потом улыбнулся:

- Одного английского моряка после крушения выбросило на остров к людоедам. Они поймали его, объяснили ситуацию: загадывай последнее желание, мы его исполним, а потом тебя зажарим, съедим, а из твоей кожи сделаем тамтам. Он думал-думал и попросил ржавый гвоздь...

- Знаю, - оскалился Семен. - Хрен вам, а не тамтам. Только у нас это рассказывают про Василия Ивановича Чапаева.

- Меня больше другое интересует, - заметила Фаина Абрамовна. - Откуда такие вот берутся?

- Мам, когда я служил, - в голосе Семена прорезалась какая-то нехорошая вкрадчивость, - мой сержант развлекался тем, что мочился солдату в пилотку, а потом надевал ему на голову. В батальоне также было двое вконец забитых ребят, по отношению к которым сержанты практиковали оральный секс.

- Замолчи, - сказала мэм-майор. - Ты врешь. Почему ты мне раньше этого не говорил?

- Потому что не хотел жаловаться. Я пошел в армию, чтобы тебе и отцу доказать: я не маменькин сынок, я мужчина...Обойдусь и без вашей протекции, не хуже других... Доказал... - он сжал кулак и посмотрел на костяшки пальцев. - Пилотку эту я швырнул ему в лицо. Вместе с содержимым. Измолотили меня тогда страшно. Врачу сказал, что упал. Мама, тебе часто солдаты с синяками говорили, что поскользнулись и упали?

- Случалось...

- И что ты? Верила? Ты же врач, тебе же сразу все должно быть понятно.

Фаина Абрамовна сказала что-то на иврите.

- Нет, ма, говори по-русски. Вы же с отцом были советскими офицерами... Вы же на фиг никуда не хотели, ни в какой Израиль! Куда там, предательство Родины... Так вас из этой армии выдавили, как косточку из вишни! Мы же с Мишкой вас насилу уговорили, если бы он не сказал - еду, и баста! - вы бы так и не сдвинулись. Ну так что ты мне скажешь? Что ты делала, когда к тебе приходил солдатик с вот такими фонарями?

- Ставила свинцовую примочку. А что я должна была делать, скажи на милость? Ведь никто не жаловался! Почему же вы не называли имен? Боялись? Значит, сами виноваты!

- Четыре засранца держали в страхе всю роту, - процедил сквозь зубы Семен, - Пока не появился зяма, который отловил их по одному и каждому показал, где зимуют раки. И никто ж за зяму не вступился, когда его мутузили вчетвером. И офицерам было плевать, хотя они отлично все знали. И товарищ майор говорил: что ж ты, Файнштейн, такой конфликтный? И чтоб ты знала, мама, с каким удовольствием конфликтный Файнштейн палил из окопа по советским танкам!

- Замолчи! - остекленевшим голосом сказала Фаина Абрамовна.

- Не замолчу! Они всегда были такими! Все как один! Трусливая и жестокая сволочь. Арабы нашли военных советников себе под стать: то недобитых эсэсовцев, то недобитых смершевцев! Только вот им! - он скрутил два тугих кукиша и показал их куда-то в окно. - Больше вы никого не получите, понятно?

- Семен, - получилось невнятно, потому что разбитыми губами и сквозь зубы. - Когда швы будут накладывать тебе, говори врачу под руку все, что угодно. А пока их накладывают мне...

- Понял, не дурак. Был бы дурак - не понял... Ухожу. Держать тебя не надо, ты и сам отлично держишься. Молоток. Вырастешь - кувалдой будешь...

Он взялся за дверную ручку.

Он подмингул и вышел. Фаина Абрамовна длинно выдохнула.

- Дети - это наказание Господне, - сказал Арт. - Так моя мать говорила.

- На твой счет она была права. Не дай Бог матери такое пережить...

Переворачивайся на живот.

Наложив все швы, Фаина Абрамовна вправила ему нос. Несмотря на действие опиумного бренди, пришлось признать, что лейтенант Палишко мог бы кое-чему поучиться у рав-серен Файнштейн.

- Не кричи, - сказала она, хотя он не кричал. - Если не сделать это сейчас, то потом придется снова ломать нос. Оно тебе надо?

Опять пошла кровь.

- Замечательно, - похвалила себя Фаина Абрамовна, выдавая ему пачку салфеток. - Останется небольшая горбинка. Сейчас Сема принесет тебе одежду. Потом выпьешь горячего чаю... Есть хочешь?

Он качнул головой. Хотелось только одного: лечь, заснуть и не просыпаться.

- Ну, так я и думала. Тошнит иногда, подкатывает, да?

Он кивнул.

- Сотрясение мозга. Но ты поешь, пусть даже вырвет... С тобой хочет поговорить полковник.

- А если я не хочу говорить с полковником?

- Сынок, об этом тебя никто не спрашивает.

***

Полковник Исаак Гальперин был молод, не старше сорока. Если внешность лейтенанта Файнштейна и сержанта Ашкенази была не явно семитской (во всяком случае, ни Верещагин, ни Резун в них с первого взгляда евреев не распознали), то Гальперин выглядел как раз так, что любой встречный волчесотенец сточил бы себе зубы до десен, скрипя ими от злости. Потому что устроить маленький погром на примере этого отдельно взятого еврея волчесотенцу было бы слабо. Полковник, будучи мужчиной небольшого роста, имел довольно широкие плечи и, несмотря на обманчивую полноту, двигался с характерной боксерской грацией. На крепкой шее сидела голова, покрытая короткими и курчавыми рыжими волосами (вид сзади) и оснащенная длинным носом в россыпи веснушек (вид спереди).

- Вы в порядке? - спросил Гальперин после обмена ничего не значащими приветственными фразами.

- Нет. Это что-то меняет?

- Ни черта. Я хотел обсудить с вами проблему вашего пленника. Понимаете, какая фигня получается... В целом рейд по вашему спасению был исключительно личной инициативой Файнштейна. Я сначала не соглашался, но... короче, он меня убедил. Захват спецназовца в плен никак не планировался... И если он сбежит или распустит язык, всему белому свету станет известно, что Израиль помогает Крыму. Я так понял из ваших слов, что он вам нужен. Вы мне пообещаете, что он будет надежно изолирован?

Верещагин вздохнул.

- Господин полковник, я ничего не могу вам пообещать. Это не в моей власти. Вы, наверное, тоже приняли меня за кого-то другого. Я простой ротный командир, и единственное, что я пообещаю - передать этого типа в руки военной разведки.

Гальперин удивленно задрал брови. Конопатый лоб, переходящий в раннюю лысину, пошел складками.

- Вы хотите сказать, что мы, рискуя засветиться и потерять двоих, спасали простую пехтуру? Нам что, делать нечего?

Верещагин решил считать это риторическим вопросом.

- Я вам, конечно, благодарен. И мне очень жаль, что вы ради меня... рисковали людьми. Но не стану же я вам врать, что я - генерал.

- То есть, в Москву вас собрались везти по ошибке?

- Где-то так.

- Тогда почему вас отказались обменять на полковника Ефремова?

Исаак Гальперин пристально вгляделся в лицо собеседника.

- Вы и сами не понимаете, да?

- Я в первый раз об этом слышу.

- Сегодня днем в районе Почтовой - Скалистого был разбит парашютно-десантный полк. Практически сразу же его командира и штаб предложили обменять. На вас. Генерал Грачев ответил в самых непарламентских выражениях. Ваши коллеги тоже что-то напутали?

- Что-то наша беседа начинает смахивать на допрос.

- Вы правы. Профессиональная привычка, извините. И еще одна привычка - докапываться до всяких-разных фактов. Давайте я вам все расскажу.

Он одной рукой перенес свое кресло через стол и поставил ближе к креслу Артема. Словно медведь под сугробом, шевельнулся под слоем жирка солидный бицепс.

- Год назад мы подписали с Сикорски Аэркрафт договор на поставку пятидесяти вертолетов "Дрозд". - Полковни устроился в кресле. - Не боже мой какая военная тайна, даже Резун ваш о ней знал. Через три месяца Лучников выигрывает дурацкое ралли, его партия выигрывает выборы, Остров аж пищит - так хочет присоединиться к Союзу, а Сикорски Аэркрафт не желает платить неустойку: все будет путем, успеем еще вам поставить продукцию. А дело идет про четверть миллиарда долларов, на минуточку.

Что же дальше? А дальше появляется тип из ОСВАГ, старый знакомый, который курирует СССР. В начале семидесятых его отдел крепко помог нам - они сдали нам нескольких своих аентов, советских офицеров, двое из которых оказались у арабов в военных советниках. Мы у них в долгу. Осваговец говорит: я знаю, как вашему горю помочь. Полковник Гальперин весь внимание: еще бы, за потерянные вертолеты жопу прочистят не кому-то, а именно ему. Он поит осваговца крепким чаем и выслушивает деловое предложение, которое в общих чертах ему нравится, и вообще ему нечего терять. Прослушивать Главштаб и ОСВАГ? Передавать сведения? Прекрасно, замечательно. С превеликим нашим удовольствием. И даже если ничего не выгорит, можно будет под шумок увести из банка пресловутые четверть миллиарда с неустойкой...

И точно - в назначенный день начинается война, и идет так живенько, что кажется, мы таки получим свои вертолеты. Деньги - это тоже неплохо, но на них трудно перебрасывать войска, на вертолетах это делать как-то проще. И тут опять начинается какая-то фигня. В крымском Главштабе полный раздрай, Главнокомандующий кричит о военном мятеже и о необходимости капитулировать перед СССР. Потому, дескать, что сигнал к началу боевых действий был передан самовольно каким-то офицером, без приказа командования, значит, незаконно. Может быть, к нему бы так не прислушивались, если бы можно было расспросить самого этого офицера - да вот беда, его уже не расспросишь, его расспрашивают в ГРУ, ай-яй-яй, какая жалость. А может, сам он - агент ГРУ или КГБ, призванный совершить военную провокацию. Вот оно как...

Да... так вот, приходит ко мне Файнштейн и говорит: я подслушал очень интересный разговор, вернее, допрос... Короче, когда его повезут в Москву, можно будет перехватить машину. Я говорю - Сема, не сходи с ума. Понятно, хочется спасти человека, но что ж ты сделаешь против спецназовского конвоя. А он мне: бьюсь об заклад, что никакого конвоя не будет. А если будет, мы не полезем. Спорили мы, спорили... Уговорил он меня, короче. Так вот, вы - Тот Самый Капитан Верещагин. Вы подали сигнал к началу боевых действий. С вами очень хочет побеседовать ваше командование, и вы уж постарайтесь вогнать ему ума куда надо: какая, к черту, капитуляция, да здесь к утру камня на камне не оставят. Мы получили сведения из Москвы - вас будут бомбить, и крепко бомбить. Завтра утром, в шесть ноль-ноль. Решение принято на Политбюро. Даже если вы объявите перемирие и договоритесь с командирами дивизий, пока сообщение о капитуляции дойдет до штаба фронта, а оттуда - до Москвы, а там всех собрать и отменить решение? Нет, не получится. Не может комфронтом своей волей отменить

решение Политбюро. И выход у вас один, сами понимаете какой: ударить первыми. Это я вам говорю, а вы передайте своим командирам.

- Думаете, они меня послушают?

Полковник внезапно перескочил на "ты":

- Насрать мне, послушают они тебя или нет. Я деньги заберу и уеду. А ты останешься. И советы тебе припомнят твои боевые заслуги. На это раз просто и без затей - расстреляют, и все. Так что постарайся, чтоб тебе поверили. Знаешь, что ваши вышибают их из Симферополя? - без всякого перехода спросил он.

- ЧТО? - Верещагин подался вперед. Свежие швы вспыхнули, голова закружилась, он обнаружил себя почти что на руках полковника...

- Спокойно, спокойно! Только не надо срываться туда, капитан! Извини, но командир из тебя сейчас - как из меня архиерей. Давай лучше разберемся с Резуном. Когда я тебя отправлю, наверное, город будет в ваших руках. Но мало ли что...

Верещагин помедлил.

- Я даю вам слово, что при малейшей опасности убью спецназовца.

Он заметил, как перекосило Гальперина и добавил:

- Я не люблю изящных слов вроде "ликвидировать".

- Я тоже.

- Понятно... Вы, наверное, и всамом деле кровно заинтересованы... если засветили мне агента в Главштабе?

Гальперин оскалился.

- Что, опять устроите "охоту на ведьм"? Предупреждаю сразу: наш агент - не еврей.

- Да хоть черт... - Артем откинулся назад, чтобы справиться с головокружением. - Конечно, я сделаю... Что смогу. Когда и с кем вы меня отправите?

- Над этим сейчас работают.

- Я хотел бы немножко отдохнуть...

- Боюсь, совсем немножко, - сказал Гальперин.

- Можно вопрос, алуф-мишне?

- Да...

- Какие у сеген-мишне Файнштейна были личные причины меня выручать?

Исаак Гальперин помедлил с ответом.Потом все же сказал:

- Он приехал с матерью, отцом и старшим братом в Израиль в семьдесят первом году... На второй год службы загремели под самый Йом-Киппур. Ну, и случилось так, что Мишка Файнштейн попал в плен... После войны он умер. Покончил с собой. Есть вещи... с которыми не всякий мужчина может жить. Вот так. Ну что, уважительная у Семы причина?

Арт кивнул.

- Если бы ты видел, что с ним было сегодня утром... Понимаешь, не мог я его удержать. Даже если бы твое спасение никакого смысла не имело... Даже если бы я ему запретил... Короче, повезло тебе. Фаина тебя хорошо заштопала?

- Я в нее влюбился.

- Много у нее таких... поклонников. С тебя бутылка - после войны.

- Если буду... в состоянии.

- Что тебе сейчас нужно? Кроме отдохнуть?

- Алка-зельцер, свитер и пару теплых носков.

- Сделаем. Ложись здесь, на диване. Часа три у тебя есть.

***

- С добрым утром, дорогие товарищи! - Семен слегка тормошил его за плечо.

- Не тряси, больно.

- Тысячу извинений. Я принес тебе твою форму.

- Уже?

- Автоматическая прачечная "Файнштейн и компания": стирка, сушка, глажка, художественная штопка. Предприятие борется за звание прачечной высокой культуры обслуживания.

Арт с сомнением посмотрел на советские камуфляжные брюки и корниловскую куртку. Сочетаньице...

- Давай, давай, снимай мои пасхальные штаны, - торопил Сема. - А то мне не в чем будет на шпацир ходить. Трусы, наверное, придется тебе подарить. Донашивать за тобой как-то неловко...

- Спасибо огромное. Свитер тоже твой? - видимо, не нашлось ничего похожего на корниловскую форменную тишэтку.

- Мой. И чего я сегодня такой добрый? Ты быстрее, человек ждет, - сеген-мишне зашнуровывал ему ботинки, пока он влезал в свитер и застегивал штаны.

Куртку Артем надел морщась: бурые разводы так и не отстирались до конца.

- Который час?

- Половина седьмого. Вру, двадцать шесть минут.

- Можно попрощаться с твоей матерью?

- Обойдешься.

- Передай ей от меня благодарность.

- Сделай то, о чем тебя просят - вот и будет ей благодарность.

Они говорили это уже в лифте.

В гараже ждала машина. Большой, довольно обшарпанный "лендровер".

- Это он? - спросил водила.

- Он. Второй уже там?

- Как птенчик в гнездышке. Загляни, помотри.

Верещагин заглянул вместе с Файнштейном.

- Ух ты, - сказал израильтянин. - Ну, Лева с ним круто обошелся...

В кузове "лендровера" лежал, связанный по рукам и ногам, пьяный до потери пульса капитан спецназа ГРУ Владимир Резун. Файнштейн скосил глаза на Артема и сказал:

- Злорадствовать нехорошо, сын мой.

- А я вообще довольно гадкий парень, святой отец.

- Куда едем, босс? - спросил водитель.

- В Главштаб, - ответил за Верещагина Файнштейн.

- Яки...

И тут Арт его узнал.

Боб Коленко, ведущий теленовостей, оголтелый охотник за сенсациями.

- Семен, - повернулся он к моссадовцу. - Ты что это надумал?

- Дареному коню в зубы не смотрят. Садись в кабину, быстро, не отсвечивай здесь.

Артем скрипнул зубами и забрался в кабину к водителю. Мотор взревел, "ровер" рванул с места. Файнштейн в зеркале заднего обзора помахал рукой.

Ладно, все равно уедем не дальше ближайшего поста... Даст Бог - не расстреляют сгоряча, при виде советских штанов.

- Вы - это он? - спросил водитель.

- Я- это я, - содержательно ответил Верещагин. - А вы кто?

- Боб Коленко, ТВ-Миг, - представился знаменитый ньюсмейкер.

- Арт Верещагин, корниловская.

- Ух ты! - Боб переложил руль, обходя неподвижные препятствия.

- Что "Ух ты!"? Почему такой восторг?

- Арт Верещагин, К-2 и Аннапурна! Противник Общей Судьбы! Геройски погибший на Роман-Кош! Вот это сенсация...

- Я не был на Роман-Кош.

Впереди замигали фонариком. Загорелись фары "Воеводы", перегородившего часть дороги.

- Патруль, - тихо сказал Боб. - Доставайте картонку, сэр.

- Нет у меня никакой картонки. - Все вещи, кроме куртки, уехали в фольксвагене.

В кабину вторгся луч мощного фонаря. Артем зажмурился.

Дверца открылась.

- Кто такие? - спросила тень в дождевике.

- Капитан Верещагин, следую в Главштаб, необходимо встретиться с полковником Адамсом. С кем имею честь?- он подставил лицо под изучающий луч.

- Что? - удивилась тень, - Ты слышал, Стэн? Капитан Верещагин... А почему не тень отца Гамлета?

- Подпрапорщик Ромашевич, - Артем прочел имя, вышитое на кармане, и осатанел как-то мгновенно, несмотря на собаческую усталость. - Вы болван. Да будь я хоть шпион, хоть черт - вы немедленно должны помочь мне попасть хотя бы в штаб дивизии. У меня ценный пленник, у меня сведения, которые могут стоить нам всем жизни, а вы тут строите из себя большого человека. Если я шпион - и без вас меня расстреляют, а если нет, то я уж позабочусь, чтобы расстреляли вас...

- Извините, сэр, - мгновенно сказала тень. - Конечно, я позвоню в штаб, сэр... Порядок есть порядок, сэр... А вы? - уже не так начальственно спросил он у Коленко.

- Доброволец из штатских, - ответил за него Артем. - Сам я вести не в состоянии, вы что, не видите. Послушайте, мне очень некогда. Я должен быть в Главштабе как можно скорее.

- Извините, сэр! - Ромашевич давился смущением. - Но мне придется задержать вас, сэр. Сейчас я свяжусь с вашим начальством... Вы... Посидите пока в караулке...

Десятью минутами позже подпрапорщику удалось-таки связаться с Сарабузом. И ему даже позволили переговорить с подполковником Ставраки.

- Да, сэр! Нет, он жив, сэр! Честное слово! Как выглядит? Ну, по правде говоря, выглядит так, словно забыл дома свой пластиковый мешок. Извините, сэр. Нет, документов нет. Ай-ди тоже нет, говорит, отобрали. Что? Одну минутку...

Он положил трубку на стол и заглянул в кладовку придорожной закусочной, где была устроена импровизированная караулка. - Капитан, подполковник Ставраки спрашивает, когда вы с ним виделись в последний раз, кто с вами был и о чем вы говорили...

Высушав ответ, он вернулся к телефону.

- Он говорит, это было во вторник, с ним был подпоручик Козырев и говорили вы о кобыле князя Волынского-Басманова. Это правильно, ваше благородие? Еще одно: с ними пленный. Капитан спецназа ГРУ, пьяный как зюзя... так точно, ваше благородие. Ждем, ваше благородие...

***

- Нет, вы скажите, это вы подали "Красный Пароль"? - наседал Боб.

- Не я, - честно ответил Артем.

- А почему же тогда Семен занимается вами? Думаете, я не знаю, кто такой Семен? Я отлично знаю, кто он такой.

- Возможно, у него были какие-то свои, личные причины.

Боб хмыкнул, поелозил на мешке резиновых перчаток. На нем было не так удобно, как на мешке термоперчаток, но лучшее сиденье в кладовке он уступил Артему. Караульные угостили их остывшими пирожками из автомата и кока-колой. Ненавижу это

сладкое дерьмо, сказал Боб, и осушил банку в два глотка. Артем сделал только один глоток, и его тут же вырвало. Слава Богу, это происходило еще на улице, а не в здании. Опытный унтер диагностировал все то же сотрясение мозга и в караулке Артема уложили на одеяла, дав в качестве подушки мешок с термоперчатками. Действие коктейля "коньяк-опиум" было на исходе, и Артем смог бы сейчас сосчитать все свои швы, не раздеваясь. Разговор он поддерживал именно для того, чтобы отвлечься от этой арифметики.

- А какие причины были у вас, сэр? Деньги? Ненависть к СССР? Почему вы передали "Красный Пароль"?

- Я не передавал его, Боб.

- Ага, а моя бабушка умерла бездетной.

"Лучше бы оно так и было..."

Конечно, Файнштейн знал, что они не уедут дальше ближайшего поста. И Боба Коленко подсунул ему не случайно. И даже - вот добрая душа! - поделился с ним кое-какой информацией. Артем чувствовал, что через него израильтоны норовят протащить какую-то дезу. Время авианалета? Вряд ли это деза. Для протаскивания такой дезы не нужен Боб Коленко. Не его специальность. Специальность Боба - широко растиражированные жареные факты. Хрен тебе, Бобик, а не жареные факты.

- Боб, а что вам наболтал Семен?

- Наврал, что я сделаю лучший репортаж в своей жизни. Что моей помощи просит тот самый офицер, который подал сигнал к началу войны.

- Воистину, наврал. Я прошу за него прощения, Боб.

- Послушайте, капитан! Я чуть ли не сутки мотаюсь по нашим фронтам и тылам со своей камерой. И везде говорят о таинственном офицере, который передал "Красный пароль" и был убит красными на Роман-Кош. А в Корниловской дивизии так прямо называют имя этого офицера. Ваше имя, капитан.

- А как ваше полное имя? Борис? Роберт?

- Бонифаций, - слегка смутился журналюга. - Не надо ржать.

- Не буду. - Верещагин действительно старался избегать всяких предельных для ребер и носа нагрузок, как-то: смех, кашляние и чихание. Особенно - последнего. Ему казалось, что один чих - и все, что с таким трудом собрала Фаина Абрамовна, разлетится вдребезги.

- Вы опять уводите меня от темы. Капитан, я же не требую настоящих военных тайн. Но люди, жизнь которых подвергается опасности, имеют право хотя бы знать правду. Как так вышло, что военные решили оказать сопротивление советским войскам?

- Откуда я знаю, Боб? Что я, генерал?

- Объясните хотя бы с точки зрения капитана. Еще вчера вы были за общую судьбу голосовали за СОС на выборах...

- Поправка, Боб: был против и не голосовал.

- Но остальные-то были за! Семьдесят процентов активных избирателей! Значит, и как минимум пятьдесят процентов армейцев. Человек не робот, капитан! Он не может в одну минуту переменить программу.

- Еще как может. Обманутая надежда и преданное доверие легко оборачиваются лютой ненавистью. Вы журналист и знаете, что случилось с Черноком. Как по-вашему, что мы должны были делать?

- И вы решили подать сигнал к началу войны?

- Боб, Я ЕГО НЕ ПОДАВАЛ! Поклянусь хоть на Библии, хоть на детекторе лжи: я его не подавал!

- А что же вы делали на Роман-Кош?

- Я не был на Роман-Кош.

- Не были?

- Не был.

- Ладно же... - Боб замолчал. Дверь открылась и на пороге возник "плечистый в талии" подполковник Ставраки.

- Это он? - спросил подпрапорщик.

- Он, - выдохнул Ставраки. - Арт, вы просто неповторимы. Вам мало газетной славы, вы решили обаять телевизионщика?

Верещагин встал.

- Я не выбирал себе компанию, сэр.

- А кто выбирал?

Артем не ответил. Боб тоже - видимо, о своем участии Файнштейн попросил не упомнать. Такой скромный Файнштейн.

- Вечно вы ищете на свою задницу приключений, - беззаботно сказал подполковник. - Хм, ну, по крайней мере стоите на своих ногах. Могло быть и хуже.

Они вышли во двор и сели в штабную машину - модифицированный джип "скарабей" завода "Руссо-Балт". Ставраки сел за руль, Артем - на заднее сиденье, обхватив спинку переднего и положив на нее голову.

- Что, так плохо? - в голосе подполковника прорезалось совершенно неподдельное участие.

- Угу.

- Я прихватил с собой аспирин.

- Я ваш должник по гроб жизни.

Артем проглотил четыре таблетки и запил тоником, который подполковник предусмотрительно достал из бардачка. Вроде стало легче... Он и не заметил, как машина тронулась с места...

- Да, от вас я такого не ожидал... - сказал подполковник. - От вас никто такого не ожидал! Я вам честно скажу: я горжусь! Вот так командуешь человеком, командуешь... Нда-а...

- Что происходит? Ну, вообще, что делается?

- Ну, вот только что вышибли их из Симфи. Остались Керчь и Севастополь. Нет, конечно, их везде полно, но это теперь так, разрозненные части... На три дня работы. Знаете, кто проиграл войну? Их интенданты. Я бы таких вешал, честное слово. У них очень плохо с боеприпасами, так что партизанить не выйдет...

В кузове зашевелился капитан спецназа ГРУ Владимир Резун.

- Жиды проклятые, - сказал он и снова впал в прострацию.

- Что это за тип?

- Капитан советской военной разведки. Сволочь редкостная.

- Это он вас... так?

- Что? А-а, нет... - Арт улыбнулся, - Спецназ ГРУ меня на руках носил. В общем... мне не повезло. А потом повезло. Мне сегодня вообще ужасно везет.

- Они и видно...

- Что с моими людьми?

- "С моими людьми!" - фыркнул Ставраки. - Сандыбеков жив... Хикс тоже... Сидорук, кажется, погиб.

- Миллер?

- Умер в госпитале, бедняга . Днем было большое сражение возле Почтовой, он получил пулю в горло. Ага, вы знаете, как отметился ваш грузин, Берлиани? Это просто комедия. Взял в плен их полковника и вышел на связь с их дивизией. Предложил обменять его на вас. Арт, вы что, плачете?

- Смеюсь, сигим-са-фак... Гия, храни тебя Господь...

- Но все-таки, Арт... Как вам это пришло в голову? Вот вы тогда стояли, разговаривали со мной и Козыревым - и уже знали?

- Догадывался.

- И знали, что нарушите Устав, присягу...?

- Вы чем-то недовольны?

- Упаси Бог! Я всего один день просидел взаперти, а такого дерьма нахлебался... Но Арт, это как-то странно: вот живет себе человек, живет, а потом наступает день, и бац! - один герой, а второй - нет. И не то, чтобы этот второй был каким-то трусом... А вот просто ему в голову не приходит взять и что-то сделать...

- Это все потому, Антон Петрович, что я хочу быть самым умным. Вот все шагают не в ногу, один я - в ногу...

- Арт, ну, честное слово... Нехорошо... Знаете, кто старое помянет - тому глаз вон...

Впереди замаячила статуя Барона. Безвкусное конное изваяние, бездарное подражание Клодту, теперь походило на объемную иллюстрацию к известному роману Майн Рида - советские мотострелки упражнялись в стрельбе до тех пор, пока свое меткое слово не сказали танкисты. Безголовый Врангель (то-то порадовался бы господин Лучников!) благословил их машину простертой дланью.

Им пришлось выйти из джипа, и почти тут же в свете фар "Святогора" из ближайшего кордона нарисовался человек в не новом дождевике того фасона, какой носят крымские моряки. Их ждали, их должны были встретить...

Очередной пристальный луч. Артем прикрыл глаза и сжал кулаки.

- Он это, он, - сказал Ставраки.

- Большое спасибо, господин подполковник, - кивнул человек в морском дождевике. - Добрый вечер, капитан Верещагин. Флэннеган, капитан второго ранга, ОСВАГ, к вашим услугам. Следуйте за мной...

Артем увидел протянутую руку Ставраки и пожал ее.

-- Знаете окончание поговорки? - спросил он. - Кто забудет - тому два. Прощайте, Антон Петрович.

16. ОСВАГ

Шлоссер: Какой пехотный капитан стал бы
разговаривать в таком тоне с майором абвера?
Скорин: Побывавший в гестапо.
фильм "Вариант "Омега" по роману Н. Леонова.

Полковник Воронов боролся со сном при помощи ударных доз кофеина. Пока что полковник побеждал, но он не знал, удастся ли ему удержать свои позиции до следующего полудня. А получить хотя бы час отдыха раньше не представлялось возможным.

Ему нужна свежая голова. Сегодня на брифинге старших командиров ему нужна свежая голова. Кто одолжит ему свежую голову? Никто, пожалуй. Ни у кого из сотрудников ОСВАГ, целый день мотавшихся по всем фронтам, не найдется свежей головы.

Впрочем, кое-кому еще хуже. Допрос длится уже два с половиной часа, и человек за стеклом одностороннего зеркала близок к обмороку, но на это здесь есть медик. Упасть в обморок ему не дадут.

- Может, хватит? - спросил полковник Адамс. - Его спрашивают об одном и том же в сорок четвертый раз.

- Я знаю, полковник, - откликнулся Воронов.

- Эта история с МОССАДом выглядит насквозь неправдоподобной.

- Хм-м... Медицинский эксперт сказал, что швы накладывал израильский медик. Медицинские скобки - израильского производства. Накладывали их израильским хирургическим степлером. Все равно, что расписаться у человека на спине... И вообще за

ситуацией чувствуется типично МОССАДовское нахальство. Как раз в эту часть истории я верю.

Адамс покосился на его бесстрастное лицо и снова перевел взгляд на квадрат зеркала. Его плотно стиснутые губы выражали осуждение. Но не высказывали. Армейский офицер не может высказать свое осуждение осваговскому палачу, поелику осваговский палач снимает с армейского офицера довольно тяжелое обвинение.

- All right, Flannahan, enough, - сказал Воронов, нажав кнопку селектора.

Капитан второго ранга Флэннеган не подал виду, что услышал команду, прозвучавшую в крохотном наушнике, но тут же быстро и грамотно свернул допрос. Его собеседник закрыл глаза и положил голову на руки, скрестив их на столе. Флэннеган одернул его: сидеть прямо, не спать.

Воронов нажал на селекторе другую кнопку.

- Ди, по чашке кофе всем нам, две чашки - в комнату для допросов. Мне и капитану - бензедрин. - Он отключил связь. - Хотите побеседовать с ним, господин полковник?

- Я? - удивился Адамс. - Зачем?

- Ну, это ведь вас обвиняют в срыве мирного воссоединения...

- Вас тоже.

- Да... Меня тоже. Брифинг - через сорок минут. Стенограмма допроса будет расшифрована... - Воронов покосился на стенографистку.

- За полчаса, сэр... - отозвалась девушка. - Печатать все подряд или только самое главное?

- Главное. Господам командирам дивизий некогда будет читать по сто раз одно и то же.

- Воронов, неужели вы и в самом деле не знали, что делал Востоков? - с недоверием спросил Адамс.

- Работа разведки далека от господних заповедей, - с расстановкой и после паузы ответил Воронов. - Но один из евангельских заветов мы выполняем четко. А именно: пусть ваша правая рука не знает, что делает левая. Востоков был правой рукой генерала Арифметикова. Я - левой. Я не знал, чем он занимается.

- Надо сказать, этот сукин сын очень ловко прятал концы...

- Еще бы! В этой игре были такие ставки...

Адамс опять посмотрел в зеркало.

- Это действительно нужно? - спросил он. - Не давать ему отдыха, не вводить обезболивающего...

- Это - приемы психологического давления. Чем труднее человеку сосредоточиться, тем труднее ему врать.

- А у вас сволочная работа, Воронов...

- На редкость сволочная.

В комнату для допросов вошла девушка в авиационной парадной форме с погонами прапорщика. Она катила за собой фуршетный столик с кофе.

- По правде говоря, я уже немного отвык от рутины, - продолжал осваговец. - И Флэннеган тоже. Мы, казалось бы, уже достигли тех ступеней карьеры, на которых черную работу поручают подчиненным. Но сейчас у нас, можно сказать, все в разгоне. Война, сами понимаете... Ну, вы хотите поговорить с ним или нет?

- Давайте, - решился Адамс.

- Флэннеган, идите сюда, - сказал Воронов в микрофон. Кавторанг поднялся из-за стола и вышел вслед за девушкой. Адамс столкнулся с ними в коридоре.

- Кофе, ваше высокоблагородие? - спросила девушка.

- Спасибо, не надо...

Он толкнул тяжелую звуконепроницаемую дверь. Вошел в кабинет и отпустил ручку, позволив пружине сделать свою работу.

- Господин полковник... - сидящий перед столом человек даже не обозначил намерения встать перед старшим по званию, и Адамс не мог его за это осудить.

- Господин капитан, - комдив сел напротив, в то кресло, из которого встал Флэннеган. - Как вы себя чувствуете?

- Благодарю, вполне сносно.

Адамс сделал ряд необязательных движений, как всякий человек, которому неловко: провел рукой по волосам, зачем-то поправил манжету, достал зажигалку и высек огонек, хотя и не собирался закуривать. Покосился на одностороннее зеркало и слегка разозлился. Ну да, он задал дурацкий вопрос... Он не умеет допрашивать людей. И не хочет. И не его это работа. Он и не собирался никого допрашивать - пришел просто поговорить.

Он думал вчера, что если им обоим повезет и они останутся в живых, первый и главный вопрос, который он задаст - почему Верещагин отказался выполнить его приказ. На второй вопрос: а почему, собственно, он сам подчинился приказу Верещагина? - полковник отчаялся найти ответ.

Вы себе можете представить военного, который решился на неслыханный риск и ответственность, превышающую свои полномочия и внезапно узнал, что кто-то уже взял все в свои руки и ведет, беспокоиться не о чем. Или есть о чем? На выбор - секунды: да или нет? Подчиниться или следовать своему решению? Игра ва-банк, равные шансы на выигрыш и на проигрыш, и выигрыш сомнителен, а проигрыш - непоправим.

Полковник выбрал - подчиниться. И двенадцать часов не знал, что же он выбрал... Он успокаивал себя тем, что человек, обладающий кодами и "Красным паролем", наделен чрезвычайными полномочиями и действует наверняка. О да, насмешничал внутренний голос, а сам-то ты какими полномочиями обладал?

Дальше все пошло еще чуднее. Вся Корниловская была убеждена, что приказ на передачу "Красного пароля" отдал он, Адамс. У него был неприятный личный разговор с главнокомандующим. Его полковничьи погоны держались на плечах с великим трудом. Спасало лишь то, что в ситуации постоянного сражения заменить его было некем. Вернувшиеся Сандыбеков, Хикс и Берлиани помочь ничем не могли: они были убеждены, что действовали если не по приказу, то с ведома комдива. Единственный человек, у кого можно было получить исчерпывающие объяснения, то ли погиб, то ли попал в руки красных. Его появление было в высшей степени неожиданным, а спасение - невероятным. На вопрос, мучивший Адамса, он уже давно ответил. Что спрашивать дальше - полковник не знал.

- Через полчаса начнется брифинг командиров дивизий и начальников штабов, - сказал он. - Та информация, которую вы передали - насколько она достоверна?

- Им нет смысла врать.

- Им есть смысл врать. Речь идет о четверти миллиарда долларов.

- Они засветили своего агента в Главштабе.

- Они навесили на нас, кроме всего прочего, еще и мороку по поиску этого агента.

- Угу...

В обычных обстоятельствах капитан получил бы за это "угу" таких чертей, что мало бы не показалось. Но теперь были не совсем обычные обстоятельства. И, надо признать, что за этот день капитан получил уже предостаточно.

Адамс покосился на зеркало.

- Меня обвиняют в том, что я отдал вам приказ передать "Красный пароль".

- Я не передавал "Красный пароль". Вы же допросили Резуна, вы же знаете, что его передали из Москвы. Это было необходимо - оставить след в Москве...

- Но у вас была кассета. Капитан, вы понимаете все, что я говорю?

- Вполне.

- Сейчас мы, Главштаб, должны принять решение исключительной важности. Если ваши сведения верны, мы вынуждены бомбить советские аэродромы. Это - война без надежды на примирение. Мы не можем начинать ее только из-за израильских вертолетов, капитан.

- Чего вы от меня хотите?

- Вы будете сопровождать меня на брифинг. Вы повторите все, что говорили здесь. Все, что касается Востокова, "Красного пароля", кодов и своего ГРУшника. Вы должны снять с меня обвинение, потому что иначе Басманов всех задавит авторитетом командующего и нагнет к поискам перемирия... И, боюсь я, что утром нас все равно засыплют бомбами...

- Может быть, я плохо соображаю с недосыпа... - капитан потер пальцами лоб, - но какие тут обвинения? Хоть бы вы триста раз приказали мне передать "пароль" - это было ваше право. Вторжение к тому моменту уже началось...

Адамс застыл на месте. Эта простая мысль не приходила ему в голову: он думал только о том, как доказать главнокомандующему свою непричастность к "развязыванию мятежа". Но ведь...

- Вы и в самом деле нуждаетесь в отдыхе, Верещагин. Жаль, что я не могу вам его дать. Это было не вторжение. Это было присоединение к СССР. Подписанное премьером и одобренное Думой. Капитан, мне все это так же тошно, как и вам, но Крым уже три дня считается территорией СССР, на которой СССР имеет право размещать свои войска. Как бы я к этому ни относился, но мы подняли военный мятеж.

- Я поднял военный мятеж, вы хотите сказать?

Адамс посмотрел на него. Как много значит нелепая бумажка... Не будь ее, не будь этого кретинского прошения р всуплении в Союз, этого массового психоза под названием "Идея Общей Судьбы" - и те же действия капитана можно было обсуждать только в свете представления к награде и званию подполковника. А может, и полковника. Но бумажка есть, идиот-премьер ее подписал, а кучка идиотов-думцев, заигрывающих с идиотами-избирателями, одобрила. И вот - идиотизм рафинированный, тройной возгонки: он, командир Корниловской дивизии, только что с блеском разгромившей красных во всем южном и центральном Крыму, допрашивает человека, прошедшего через черт знает какой ад для того, чтоб сделать эту победу возможной.

Бред.

- Это говорю не я, - выдавил Адамс. - Это говорят многие работники Главштаба. В том числе - Главком...

- Они в большинстве?

- От них достаточно много зависит... Если они вам не поверят... то помоги Господь Крыму.

- Закажите еще кофе, ваше высокоблагородие, - попросил Верещагин. - Можно даже опять с бензедрином.

Адамс подумал, что бензедрин тут мало поможет. С Басмановым можно разговаривать только - как там у Бабеля? - хорошенько накушавшись гороху...

***

- Итак, господа, мы оказались перед тяжелым выбором, - сказал Волынский-Басманов, едва Воронов закончил доклад. - Хотя я думаю, что решение здесь очевидно... Военная мощь СССР настолько велика, что невозможно и думать о переходе в наступление. Приняв решение о бомбардировке, мы начинаем затяжную войну, которая неминуемо обернется для Острова гибелью.

- Иными словами, - сказал Кутасов, - вы предлагаете капитуляцию...

- Ни о какой капитуляции не может идти речи, - возразил Волынский-Басманов. - Слово "капитуляция" применимо только к одной из двух или более воюющих стран. Мы - не страна, воюющая с СССР. Мы - его часть, это уже несколько месяцев назад было

одобрено Думой. То, что произошло в Крыму - военный бунт, инспирированный ОСВАГ и армейскими экстремистами. Де Голль в свое время наглядно показал, как нужно поступать в таких случаях. Чтобы спасти "форсиз", мы сами должны придушить военный бунт. Найти и выдать виновных.

Полковники молчали.

- Я не понимаю, почему мы должны поступать подобным образом, - сказал наконец Кутасов. - У нас есть все, чтобы не проиграть войну. Да, формально мы не можем ее выиграть... Не можем дойти до Москвы. Но ведь не об этом сейчас разговор. Нам грозит бомбардировка, которую нужно предотвратить - вот, что важно...

- Именно! Именно, Олег Никитич! - Волынский-Басманов поставил в воздухе точку световой указкой. - Именно об этом и речь, что "сведения из МОССАДА" могут оказаться очередной провокацией! Такой же, как и "Красный пароль"!

- Но то, что советские сконцентрировали свыше тысячи самолетов в прибрежной полосе - правда, - заметил капитан первого ранга Берингер.

- Они регулярно перебрасывают туда дополнительные самолеты, - заспорил начштаба авиации Клембовский, после гибели Чернока принявший командование ВВС. - Это вовсе не значит, что они собираются нас бомбить. Но рано или поздно начнут... Если мы не вступим в переговоры и не внесем ясность в ситуацию.

Шевардин обратился к Воронову:

- По плану "Айкидо": какие сведения вы получили от капитана Резуна?

- Довольно скудные. То есть он сообщил массу интересного, но по этому вопросу... Он не знает, какие планы Востоков и неизвестный нам контакт из КГБ строили на случай успеха первой части. В сейфах и компьютере Востокова тоже ничего не найдено.

- Даже среди засекреченных данных?

- Наши специалисты взломали ВСЕ его файлы. Ничего нет. Он, по-видимому, все держал в голове.

Тишина, как черное сукно, развернулась над столом.

- Этого не может быть! - нарушил молчание Кронин. - Он же должен был предполагать свой арест. Он должен был кому-то что-то оставить!

- Возможно, Черноку. Но Чернок погиб...

- Верещагин, - напомнил Кронин.

- Он говорит то же самое. Утверждает, что востоковских планов он не знает.

- Он лжет, - резко и безапелляционно заявил Волынский-Басманов. - Планы на случай успеха провокации должны существовать. Иначе какой в провокации смысл?

- Я мог бы пригласить его сюда, если вы не возражаете, - предложил Воронов.

- Пригласите. - Адамс поморщился, потер виски. Незаметно отъехал в кресле назад, чтобы расширить обзор: пронаблюдать за реакцией коллег на своего подчиненного.

...Верещагин вошел под конвоем двоих караульных казаков, в новенькой полевой форме без знаков различия. Вантала, израненный волк-одиночка, которого шатает от ударов собственного сердца. Джокер, который превращает ничего не значащий набор карт в ослепительный флеш-рояль. Легенда.

- Без козыряний и формальностей, капитан, - быстро сказал Басманов, хотя капитан и не собирался козырять ввиду отсутствия головного убора. - Садитесь. Вот протокол допроса. Под ним ваша подпись. Вы его читали?

- Да, сэр. Я всегда читаю то, что подписываю.

- Вы ничего не имеете добавить?

- Никак нет, ваше высокоблагородие.

Кронин сжал переплетенные пальцы.

- Значит, вы утверждаете, что план "Айкидо" был задуман лично Востоковым, Черноком и вами?

- В той части, где речь шла о контактах с КГБ - полностью Востоковым. Разработка самой акции и вербовка ударной группы - мной. Командовать крымскими войсками должен был Александр Владимирович... Поддержку оружием и оборудованием мы получили от него через Востокова.

- Это моссадовцы сообщили вам время бомбардировки?

- Да.

- Мы получили подтверждение из... независимого источника, - Воронов что-то быстро набросал на обороте своей визитки и пустил по кругу. Последним в цепи оказался начштаба флота Берингер, который достал зажигалку и спалил визитку в пепельнице.

- Ваш независимый источник- тоже весьма заинтересованное лицо, - сказал он.

- Да, - кивнул Воронов. - Но, согласитесь, что с моссадовцами он никак не мог контактировать.

- Уж очень кстати он у вас появился, этот источник, - процедил Волынский-Басманов. - Вы его не выдумали?

Воронов не ответил.

- Почему именно в день вторжения? - поинтересовался Шевардин, повернувшись к Верещагину. Адамс заметил, что его интерес выглядел доброжелательным.

- Это ключевой момент плана. - Верещагин сидел так же, как в камере для допросов: опираясь локтями о стол, подавшись вперед... - Востоков предполагал, что именно в день вторжения части Советской Армии будут в наибольшей степени деморализованы... небоеготовны... И застигнуть их врасплох смогут даже резервисты. Днем позже - они могли бы уже привести себя в порядок. И... часть наших регулярных войск могла быть уже вывезена.

- Как был передан "Красный пароль"? - спросил Кутасов.

- Востоков сумел сделать это по своим каналам в Москве. Но на тот случай, если бы ему это не удалось, у нас была кассета с записью... Мы передали бы ее из нашего телецентра. Но это - на самый крайний случай... Москва тоже была ключевым моментом плана...

- А вы не думали, что Востоков может оказаться лояльным агентом КГБ? - спросил Шевардин. - Что вся эта затея - провокация советских спецслужб? Что ее единственная цель - любыми способами развязать войну?

- Я... думал, сэр.

- И что же?

- Я решил - какая разница, кто и зачем дает нам шанс. Если мы сумеем его взять - мы сможем уже ни с кем не считаться.

- Однако... - протянул Кутасов.

- Итак, - Басманов подвел итог, - есть Востоков, который это все задумал. Есть вы и ваша группа. Есть неизвестный чин КГБ и неизвестный "спонсор" в верхах советской власти. Четыре человека, которые перевернули Крым вверх ногами. Если вы предлагаете нам в это поверить, то вы издеваетесь.

Верещагин не ответил.

- Капитан, возможно, вы давали какие-то обязательства, - рассудительно сказал командир Дроздовской дивизии Салтыков (это была первая его реплика - Шевардин, будучи командиром дивизии де-факто, говорил гораздо больше, ибо лучше разбирался в обстановке) - Настало время их нарушить. Поймите, СССР может позволить себе вести войну на истощение. Мы - нет. Если у Востокова были какие-то планы, нам самое время о них узнать.

- Господа... - Верещагин провел рукой по волосам, заодно смахнув со лба испарину. - Часть плана, возможно, заключалась в том, что я или Кашук попадем в руки советской военной разведки и протолкнем какую-то дезинформацию. Я говорил об этом, это есть в протоколе. Думаю, именно поэтому Востоков ничего не говорил о своих дальнейших действиях. Мы должны были сообщить все, что знаем... Не более того.

- Он агент КГБ, - сказал князь Басманов. - Это же ясно.

В молчании полковники переглянулись.

- Такими обвинениями не можете бросаться даже вы, господин главнокомандующий, - сквозь зубы сказал Верещагин. - Такие обвинения доказывают.

- Доказывать что-либо будет военный трибунал! - стукнул ладонью по столу Волынский-Басманов. - А пока что мы хотим знать, во имя чего вы пошли на воинское преступление. Я подозреваю, что во имя нескольких сот тысяч долларов. Но если это не так - докажите нам обратное! Что Востоков собирался делать в Москве? Как он рассчитывал развивать ваш успех? Не можете сказать? Или не хотите?

- Я сказал все, что знаю, сэр. Все здесь написано. Что вам еще нужно?

- Говорите все, что угодно, - отрезал Клембовский. - Но для честного человека вы поразительно везучи, Верещагин. Черт возьми, я бы даже купил у вас немного везения... Вам очень кстати подворачиваются то спецназовцы, то моссадовцы...

- Интересный... пункт обвинения. - Верещагин опустил голову, - Судить человека за то, что он не умер... до вас додумались только СМЕРшевцы.

- Ваши семейные проблемы, - отчеканил Басманов, - мне известны. И безразличны. Нам нужно удостовериться, что вы сказали правду. Всю правду, до конца.

- И... каким же образом... вы хотите удостовериться? - спросил Адамс, сжимая пальцы до хруста.

- Я требую медикаментозного допроса. Когда он под скополамином повторит, что не агент КГБ, ЦРУ, МОССАДа или еще какой-нибудь из этих сраных спецслужб, может быть, я и поверю, что сведения о бомбардировке - не пьяный бред и не провокация. А может быть, и не поверю...

- Я хотел бы сказать, что медикаментозный допрос или допрос под детектором лжи ни в коей мере не гарантирует всей правды, - осторожно вставил Воронов. - Есть определенный процент людей, которые реагируют на наркотик неадекватно... Есть люди, которые умеют совершенно искренне лгать, потому что они верят в свою ложь... Есть люди, которых задействовали втемную. Есть, наконец, люди, у которых на наркотик правды жесткая аллергия. Капитан может просто умереть во время допроса.

- Нам придется рискнуть, - пожал плечами Волынский-Басманов.

- Нам - это кому? - покосился на него Кутасов.

- Когда? - спросил Верещагин. - Сейчас?

- Сейчас, милостивый государь! - Салтыков хлопнул по столу ладонью. - Потому что решение мы должны принять сейчас!

- Господин полковник, держите себя в руках. - одернул его Кронин. - Арт, вы согласитесь на медикаментозный допрос?

Верещагин на секунду закрыл глаза.

- Вы мне не верите...

- А с какой стати мы должны вам верить? - спросил Салтыков. - Вы один раз уже всех нас предали. Вы сорвали процесс мирного воссоединения. Вы узурпировали полномочия командующего и развязали войну. Почему мы должны вам верить?

- Это было бы лучше для вас, Артем. - Кронин глядел в сторону. - Вы были бы избавлены от подозрений в... нелояльности, и вообще...

- Это приказ, сэр? - тихо спросил Верещагин у своего командира. У Старика.

Полковник не мог смотреть ему в глаза.

- Да, черт возьми, это приказ.

- Вы знаете, что это для меня значит. И знаете, чего это мне будет стоить.

- А чего будут стоить Крыму грязные игры разведок? - спросил Клембовский. - Вы слишком дорого цените свое здоровье, капитан. Для солдата - слишком дорого.

- Это приказ, - Кронин зачем-то ткнул грифелем своего карандаша в блокнот с такой силой, что грифель хрустнул...

Двое казаков, стоявших за спиной Верещагина, слегка насторожились.

- Слушаюсь, сэр... - одними губами сказал капитан.

Отодвинув кресло, он встал. Потом склонил голову.

- Мои соболезнования по поводу смерти вашего сына, сэр.

Кронин вздрогнул и развернулся вместе с креслом спиной к двери.

***

У полковника Волынского-Басманова, настоявшего на медикаментозном допросе, были неважные познания в области медицины и фармацевтики. Медикаментозный допрос - устаревшая методика. Скополамин - средство, от которого отказались еще в 50-х, оно вообще недалеко ушло от старых добрых пыток. Пентотал натрия достаточно эффективен при допросе с детектором лжи - он тормозит сдерживающие центры, у человека снижается самоконтроль - но и пентотал, и детектор были в этом случае почти бесполезны, ибо допрашиваемый находился в стрессовом состоянии. Самописец детектора лжи, как и следовало ожидать, показывал черт-те что.

В общем, было большой глупостью настаивать на том, чтобы капитан Верещагин после допроса снова был доставлен в кабинет главкома. Но Басманов настаивал, а значит - брал на себя всю ответственность за возможные последствия...

- Как вы себя чувствуете? - спросил Флэннеган.

Верещагин не ответил. Это означало, что эта отрава, антагонист пентотала, начала действовать.

Болела голова - какой-то новой, очень тонкой болью - словно кто-то выбрал одно-единственное нервное волоконце где-то за правым глазом, и методично его терзал.

- Расстегните ремни, - сказал он. Голос противно дрожал. - Расстегните эти долбаные ремни!

Во время допроса он просил об этом раз пятнадцать. Наркотик уничтожил то, что осталось от гордости и самообладания, срыл последнюю границу между человеком и безвольным стонущим животным.

Как они могли? Как Старик мог?

- Это соображения безопасности, - треск "липучки", одна рука свободна. Еще одно движение - свободна голова.

Он освободил ноги. Сорвал приклеенный пластырем стетоскоп, выдернул иглу, отшвырнул в сторону. Медик посмотрел на него с укоризной - мол, я тут при чем?

Да ни при чем ты, парень, ни при чем. Все вы, что бы ни делали, всегда ни при чем.

Флэннеган подал ему рубашку.

- Идти сможете?

- А если не смогу? Понесете?

- Главком приказал вас доставить. Надо будет - понесу.

- Еще одну дозу бензедрина.

- У вас будет очень болеть голова.

- С каких пор вас гребет, что у меня болит? Дайте еще один порошок.

- Инъекция подействует быстрее, - сказал осваговец.

- Хорошо, пусть будет инъекция...

Через три минуты он встал, его тут же понесло на стену. Опираясь лбом и ладонями, он перевел дыхание. Бензедрин, адреналин, кофеин... Горящая пакля в уши загнанной лошади. В сознании, как змея на дне колодца, шевелилось жестокое любопытство: а сколько еще выдержит это тело? Когда оно наконец свалится?

- Вы сможете идти? - терпеливо повторил кавторанг.

- Не очень прямо и не очень быстро.

- Давайте еще немного подождем. Поговорим.

- О чем, Флэннеган?

- Зовите меня просто Билл. Как вы думаете, это, - капитан второго ранга показал на распечатку, - заставит князя Волынского-Басманова изменить мнение?

- Мне все равно.

- Он собирается выдать вас СССР. Если он сейчас одержит верх, вам конец.

- Мне все равно.

- Неужели? Вам так охота повторить путь Пауэрса? Только вряд ли вас обменяют, Арт. Таким, как вы, в Союзе прописывают девять грамм свинца.

- А в Крыму - два куба пентотала.

Флэннеган покачал головой, открыл дверь, оглянулся...

- Следуйте за мной.

***

Первым, закончив читать протокол, нарушил молчание главком:

- Пожалуй, мне стоит сложить с себя полномочия... Я не знаю... Честное слово, не знаю, как работать с ненормальными...

- Полковник! - крикнул Старик.

Верещагин скверно улыбнулся.

- У меня те же проблемы, господин главнокомандующий. Те же самые.

"Все, понеслась душа в рай", - подумал Воронов. Басманов не знал, на что напрашивается... Может, Верещагин и понимал, что такое субординация. Тот дикий коктейль, который Флэннеган вогнал ему в вену - не понимал.

- Не время для изящных пикировок, капитан. - Клембовский скомкал свою копию протокола и швырнул ее под стол. - Мы имеем... то, что мы имеем. Никаких дальних планов разведслужб. Никаких перспектив. Затяжная война с Советским Союзом, развязанная по прихоти каких-то...

Волынский-Басманов оттолкнулся от стола и на своем кресле отъехал чуть в сторону.

- Я одного не понимаю, Верещагин: на что вы рассчитывали? Вот лично вы? На эфемерные планы Востокова относительно политических перестановок в Кремле? На помощь инопланетян?

Капитан поднял голову и, глядя Басманову в глаза, просто ответил:

- На вас. На ваши знания, полученные в Вест-Пойнтах и Сандхерстах. На ваш опыт. На ваш здравый смысл... На верность присяге... Я крепко рассчитывал на вас, господа полковники. И, видимо, крепко просчитался. Вы полное дерьмо.

- Вы... отдаете себе отчет, где находитесь? - голос Салтыкова надломился от ярости. - Вы понимаете, что это Главштаб, а не бардак?

- Я бы предпочел бардак. Мне нравятся эти военные, которые боятся воевать. Не можете привыкнуть к тому, что решения приходится принимать самим и ответственность брать на себя? Пора уже начинать. Ну, зачем вам какие-то инструкции от Востокова или Чернока? Что мешает вам сейчас взять и победить? Чего вы боитесь?

Его не перебили ни единым словом только потому, что полковники онемели от такой наглости.

- Мы... Ах вы... - очнувшийся первым Клембовский побагровел. - Девять миллионов мирных жителей! Которые законно, путем всеобщего голосования, объявили о присоединении! Которые не хотели никакой войны! И которые гибли в собственных домах - иногда от наших пуль и снарядов! По вашей вине, Верещагин! На советском побережье осталось восемь дивизий! Против наших четырех! Я не знаю, как сейчас готовят офицеров в Карасу-Базаре, если выпускники не знают арифметики!

- Не держите меня за идиота, ваше высокоблагородие, - Верещагин встал, оперся руками о стол. Поза доминирования и агрессии. Кой черт, устоять бы на ногах. Очень неприятно будет окочуриться в присутствии господ командующих. Господи, какой яркий

свет... - Эту войну нельзя выиграть военными методами. Она выигрывается методами политическими. Так что начинайте мыслить, как политики. Давление через ООН, использование агентов влияния в СССР, шум на все мировое сообщество... Военная помощь НАТО. Пообещайте им присоединение к блоку...

- Превратиться в НАТОвский непотопляемый авианосец? - спросил Кутасов.

- Нет, лучше в дачный поселок для советской партийной элиты. В Крымскую АО в составе Грузинской ССР.

- Да вы Наполеон, капитан...

- Черт, считайте меня кем хотите! Расстреляйте, повесьте - мне все равно, но СДЕЛАЙТЕ ЖЕ ЧТО-НИБУДЬ!

- Насчет расстрела - это дельная мысль... - буркнул Клембовский.

- Ну что ж, господа, я думаю, все ясно, - сказал князь Волынский-Басманов. - Личные амбиции отъявленного авантюриста привели к гражданской резне. Желание отомстить за отца, своего рода Эдипов комплекс - это в данном случае понятно. Но непростительно. Тем более непростительно участие в грязном сговоре ОСВАГ и КГБ. Развязывание войны. Предательство интересов России... У нас осталось очень мало времени, чтобы исправить содеянное безумцем.

- Полковник! - предупреждающе крикнул Адамс.

Князь повернулся, но не в ту сторону, в которую было нужно. Он обернулся на голос, и мгновенье спустя сообразил - не туда!

Пять шагов разделяли Волынского-Басманова, сидевшего во главе стола буквой "П", и Верещагина, стоявшего у подножия. Эти пять шагов Арт преодолевал целую вечность, как последние пять шагов до вершины К-2. Целую вечность он шел через белый мрак, сковавший его глаза, пока одно из розовых пятен над столом не оформилось в лицо Главнокомандующего.

Но это была быстрая вечность, и никто из полковников не успел даже встать.

Он знал, что сейчас свалится. И знал, что перед тем, как свалиться - врежет Басманову, а дальше будь что будет. Есть предел терпению. Есть предел всему.

...Скачу в Карасу-Базаре для Волынского-Басманова...

Два шага. Волынский-Басманов заслонился рукой.

...Африка, сэр... Упрямая старая коза, губы - как подметки...

Шаг. Шевардин махнул через стол.

...Арт... Сделай люфтэмболию... Я не смогу жить калекой...

Поздно, - он подхватил со стола графин и направил удар точно в красивое, благородно увядающее лицо князя.

Удар опрокинул того вместе с креслом. Шевардин схватил пустоту: Арт рухнул на колени возле стола, хватаясь за крышку, чтобы не упасть. Дыхание рвалось хрипом, все тело сотрясала дрожь.

- Боже мой, - Салтыков охнул. - Охрана!

Охрана, как и все остальные, думала, что капитану и карандаша не поднять. Химия, господа - очень забавная наука...

- Врача! - гаркнул казакам Шевардин.

Полковник Басманов задыхался в луже воды и собственной крови, царапая руками левую сторону груди.

- Сердце, - сообразил Клембовский. - Где чертовы врачи?! Он сейчас умрет!

- Я не хотел, - еле ворочая языком, сказал Арт.

Охранники подняли его на ноги.

Князь Волынский-Басманов замер. Лицо больше не кровоточило.

- Пульса нет... - Берингер, стоя на коленях возле полковника, разорвал его мундир и положил ладонь на левую грудь. - Сердце не бьется.

Бог мой, понял Арт, я же убил его...

- Смотрите, - голос Салтыкова дрожал. - Смотрите, что вы наделали!

- Не надо меня бить, - прошептал капитан. - Я больше не могу...

Он еще понимал, что мелет не то, но не смог поправиться: сознание выскользнуло, как хрустальный шар из мокрых пальцев, и разлетелось на сотню кусков.

- Унесите его, - приказал Воронов. - Госпиталь, палата 4-С.

Сметая все на своем пути, в зал ворвались медики.

- Наконец-то! Где вас черти носят? - Адамс отодвинул кресло, пропуская каталку.

- Электрошок! - медик хлопнулся на колени рядом с телом князя. - Откуда вода, почему разбито лицо?

- Капитан, - глухо сообщил Шевардин. - Графином.

- Я говорил! Я предупреждал! - врач еще сильнее разорвал мундир и рубашку князя, приложил к его груди контакты шокера, встал с колен. - Все назад! - сейчас он тут был генералом. - Разряд!

Волынский-Басманов дернулся, его глаза распахнулись, воздух попер в легкие с надсадным сипом.

- На каталку! - скомандовал врач фельдшеру. Полковники бросились на помощь. Когда каталка с бывшим главнокомандующим скрылась за дверью, господа старшие командиры переглянулись.

- Интересно, Кронин, все ваши младшие офицеры так же плохо держат себя в руках? - спросил Салтыков.

- Нет. Только те, которых сначала избивают враги, а потом жестоко унижают свои же командиры.

- Это последствия наркотического воздействия, - сказал Воронов. - Врач предупреждал. После медикаментозного допроса многие люди реагируют на все очень остро...

- Боюсь я, что командование дивизией придется принять мне, - сказал Шеин. - Я должен бы сделать это еще сегодня утром, когда у Василия Ксенофонтовича был первый приступ...

- Да, так было бы лучше, - кивнул Кронин. - Видит Бог, еще секунда - и на месте капитана оказался бы я.

- Полковник!!!

- Я уже семнадцать лет полковник, господин Салтыков! Только не затевайте вы разговоров о капитуляции. Вам что, еще непонятно, что никакое мирное присоединение не было возможно с самого начала? С того момента, как убили Чернока?

- И вашего сына...

- Да, и моего сына! И если вы тоже подводите все под разновидность Эдипова комплекса, то шли бы вы к *ебнутой* матери!

- К *ебаной* матери*,* - поправил Берингер.

- Полковник, да вы соображаете, что вы говорите? - Клембовский брызнул слюной. - Вы понимаете, что совершили ВСЕ МЫ, пойдя на поводу у этого авантюриста? Военный путч - вот, что это такое! Армия должна подчиняться законному правительству, иначе это банда! А законное правительство приняло решение о ПРИСОЕДИНЕНИИ к СССР! И при чем тут мужество или трусость? Если страна приказывает солдату идти на смерть - он должен идти на смерть. А если солдат испугался идти в ссылку или куда-то там, и вместо этого потащил за собой в могилу две страны... - Летчик слегка задохнулся и ослабил воротник.

В эту паузу вклинился Берингер.

- Мне кажется, вы преувеличиваете роль капитана во всей этой истории, господа. Не забывайте - автором авантюры был Востоков, его поддерживал Чернок, и не найди они Верещагина - нашли бы кого-нибудь другого. Давайте решим - мы бомбим Союз или нет? Время-то идет!

- Безумие... заразительно, - покачал головой Салтыков. - Мы не можем воевать с СССР! Мы можем только просить мира, и молиться о том, чтобы условия мира не были слишком жесткими!

- Да вы, никак, обгадились, коллега, - процедил Кутасов. - Боитесь, что Советы повесят вас первым, если мы проиграем войну? Не бойтесь. Первым повесят полковника Адамса, потому что командующий теперь - он.

- Это заговор, - беспомощно сказал Клембовский. - Вы сговорились с этим капитаном. Это было подстроено...

- Нет! - отрезал Шевардин. - На присутствии капитана настоял сам князь Волынский. Я уж не знаю, почему...

- Я знаю, - усмехнулся Кронин.

- Господа, - сказал Адамс, - Сейчас половина третьего. Эйр-форсиз находятся в состоянии готовности номер один. Я принимаю решение о превентивной бомбардировке военных аэродромов Одесского и Северо-Кавказского военных округов.

- Я слагаю с себя полномочия командующего ВВС, - сказал Клембовский. - Я не хочу больше участвовать в этой грязной, братоубийственной войне. Я не хочу иметь с вами, Адамс, и с вами, Кутасов, ничего общего.

- Мне будет жаль лишиться такого компетентного командира, - Адамс в своей обычной манере замаскировал просьбу.

- Ничем не могу помочь.

- Господин Скоблин, - Адамс повернулся к заместителю начштаба ВВС. - Принимайте командование.

- Нколай - сказал Клембовский, - не делайте этого. Не связывайтесь с ними. Кровь - не вода.

- Кровь - не вода, - эхом повторил Николай Скоблин, которому при всех других раскладах не видать поста командира ВВС еще лет двадцать. - Я принимаю назначение, ваше высокоблагородие...

***

Обстановка больниц всегда нагоняла на Артема жестокую тоску. А это была не просто больница - тюремный госпиталь. Удобная кровать, решетки на окнах и надзиратель под дверью. Вдоль коридора он ходил, видимо, лишь за тем, чтоб размять ноги - в длинном одноэтажном здании Верещагин был один, как перст.

Как его принесли - он не помнил. Зато очень хорошо помнил все происшедшее...

Пальцы помнили хрустальную огранку тонкого горлышка графина, рука помнила изменчивую тяжесть сосуда, тело помнило пять шагов и разворот от бедра, и бросок, и хрустальный взрыв...

И дикая мальчишеская радость с привкусом крови. Неподотчетное разуму, звериное чувство: получи, получи, гад!

...Чтобы этот аристократический козел захлебнулся кровью и не вякал про возможность сдачи! Не для того погибли Кашук и Даничев, Миллер и Сидорук, не для того Володька стал калекой, не для того Мухамметдинов и безымянный рядовой были застрелены, чтобы князек здесь говорил о сдаче!

За убийство его повесят. Теперь уже все равно. Он сам облегчит им задачу. Когда найдет что-нибудь, на чем можно повеситься.

Принесли ужин. Или завтрак? Если еду приносят в три часа ночи - что это?

Надзиратель-медбрат поставил поднос на столик. Вернувшись через десять минут, нашел ужин (завтрак?) нетронутым.

- Сэр, - робко обратился он. - С вами все в порядке?

Удивительная учтивость со стороны вертухая.

Странно, что приходит на ум советское словечко. Согласитесь, что оно сочнее, выразительнее, чем крымская аналогия - "цигель".

- Вам помочь? Я мог бы принести что-нибудь другое.

После очередной паузы он задал новый вопрос.

- Позвать врача, сэр?

- Нет.

- Вы ничего не съели...

- Я не хочу.

- Вам плохо?

- Я в порядке.

- Извините, сэр. Не обижайтесь на меня, - медбрат оглянулся, - я и сам не рад, что эти баггеры засунули вас сюда. Если я могу чем-то помочь...

"Принеси хорошо намыленную веревку, парень. Или, на худой конец, мой ремень. Вот и все, чем ты можешь мне помочь".

- Нет, спасибо.

Парень забрал ужин (завтрак?), оставив только стакан апельсинового сока. И три капсулы, судя по цвету - анальгетик, антибиотик и снотворное.

Артем сунул все три в рот и выпил сок. Потом повалился на подушку и выплюнул капсулы в ладонь.

И самое странное - не мог заснуть. Передозировка бензедрина? Возможно... И сколько времени он будет лежать пластом, когда закончится срок действия?

Утро высунулось из-за кромки горизонта, поползло с востока на запад, добралось до Крыма. Все тот же парень принес уже несомненный завтрак, который, несмотря на всю свою несомненность, был так же проигнорирован.

Таблетки, маленькие "куколки", опять лежали на подносе. Антибиотик, анальгетик, снотворное.

Верещагин повторил манипуляцию с таблетками, выглушив стакан томатного сока. Дрожь возобновлялась временами - будет плохо, если они быстро поймут, что он не принимал лекарств. Сколько нужно собрать? Для верности - дюжину. Просрочить еще два приема. Каждые три с половиной часа.

Он выдержит. По сравнению со всем остальным это не так сложно...

Он вырубися через минуту. Впал в глухое бесчувствие, куда даже кошмарные сны боялись забираться, пошел вниз топориком и зарылся до самых пяток в илистое дно. Сутки он провел почти без движения, а когда вынырнул из густой и муторной мглы, выяснилось, что он в палате не один.

Сосед спал, натянув одеяло до самого носа, как ребенок. Верещагин присмотрелся к его лицу.

- Флэннеган, - прошептал он. - Черт бы тебя побрал с твоими выдумками, Флэннеган.

На соседней койке спал Глеб Асмоловский.

17. Империи наносят ответный удар

Ну, дела, вот дела -
Все объекты разбомбили мы дотла.
Бак пробит, хвост горит, но машина летит -
На честном слове и на одном крыле.

Песня английских пилотов-бомбардировщиков.

Сарабуз, 1 мая 1980 года, 0330 - 0400

Всю ночь на аэродроме кипела работа, какую видели в Сарабузе только во время больших учений: к боевому вылету готовили одновременно все самолеты.

Подготовка началась еще днем, когда в холмах пехота гасила последние очаги сопротивления советских десантников. Приказ звучал ясно и недвусмысленно: подготовить к вылету все самолеты. Заправить под завязку. Достать из сейфа кассеты с планом "Северный Экспресс" и загрузить в бортовые компьютеры. Наладить связь и взаимодействие. Покрыть машины составом "гриффин". Подвеситьбомбы, ракеты и зарядить пушки.

Летчикам не надо было лишний раз пояснять задание. Они знали план "Северный Экспресс" как свои пять пальцев. Они готовились к этому годы, все годы остервенелой вражды между матушкой-Россией и ее непутевой дочерью-Таврией. Менялись модели самолетов, уходили и приходили поколения летчиков, а план в общих чертах оставался тем же: они летели бомбить советские аэродромы.

Летчикам сказали, что в это самое время там кипит такая же работа: заливаются полные баки горючего, подвешиваются бомбы и ракеты, загружается маршрут полета и информация о целях. Они могли верить в это или не верить, но получить доказательство в виде тысячи-другой кассетных бомб никому не хотелось. Общая судьба Общей судьбой, но лучше бить, нежели битым быть.

...Четыре часа утра - время, когда ночь растворяется в прохладном воздухе и птицы пробуют голос. На блеклом небе проступает свет, и треугольные силуэты "сикор" как дротики с лентами, пронзают жидкие облака. Они летят на север, оставляя ночь по левому крылу, а нарождающееся солнце - по правому.

Четыре часа утра - хорошее время для молниеносной и сокрушительной атаки.

***

Бердянск, тот же день, 0510

Ни пуха, ни пера, сказал себе капитан Гудимов. И сам же себе ответил: к черту.

- Он сказал "Поехали", он махнул в Израиль! - пошутил майор Востряков. Вместе засмеялись. Самолет тяжко тронулся с места по бетонной ленте, пополз вперед, набирая скорость и теряя тяжесть...

Летим бомбить Сары-Булат. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... Вот тебе и мирное присоединение, и белка, и свисток...

- Воздушная тревога, - прозвучало в наушниках. - Воздушная тревога...

А, черт! Белые!

Заметались над авиабазой прожектора, в небо, как в копеечку, ушли несколько ракет...

- Трах-тарарах этих стратегов! - заорал Востряков. Вчера вечером сказали, что бояться нечего - все крымские аэродромы разрушены во время боев, в воздух понимаются только "Харриеры" ПВО.

- Двести девяносто первый, взлет! - забился в наушниках вопль руководителя полетов. - Двести девяносто второй, взлет! Взлет, еб вашу мать!

Как сабля, как пуля, как карающий меч прошел над ВПП четырехкратный железный рев. Мелькнули стремительные силуэты - и прямо впереди взлетная полоса вздыбилась, брызнула в небо бетоном, огнем, щебнем и черт знает чем еще.

Точка возврата была уже пройдена самолетом. Гудимов теперь мог только взлететь или погибнуть.

На себя! Штурвал - на себя!

В метре от рваного края ямы передние колеса шасси оторвались от земли, самолет круто пошел верх, и тут же дернулся от попадания ракеты. Не дожидаясь, пока

накренившаяся земля сомнет его в смертельном объятии, капитан Гудимов дернул Тот Самый Рычаг. Пиропатроны отстрелили фонарь кабины. Стотонное небо навалилось на грудь, выжимая легкие, как тряпку. Гудимов потерял сознание и не услышал грохота взорвавшихся баков и боекомплекта своего Су-24.

Этот взрыв спас ему жизнь. Горячим ветром ударной волны его отшвырнуло почти на безопасное расстояние, и парашют раскрылся там, где не мог ни загореться, ни попасть под огонь своих же зениток.

Майору Вострякову повезло значительно меньше - его раздавило в столкновении двух ударных волн.

Но хуже всего пришлось тем летчикам, чьи самолеты, едва выведенные на летное поле, угодили под удар второго звена "корсаров". Эти люди успевали осознать весь ужас своего положения и всю меру своей обреченности прежде, чем погибали от взрыва вражеских и собственных бомб.

Coup de grace оказался взрыв топливных складов - случайно туда угодила бетонобойная бомба. Авиабаза в Бердянске вышла из строя, самое меньшее, на три дня.

Налетчиков догнали над самой серединой Чонгарского пролива, где давний спор между штурмовиками и истребителями получил основание для перехода в открытую вражду, хотя файтеры не были виноваты - их ракеты "воздух-воздух" имели меньшую дальность поражения, чем Р-40 советских МИГ-25, вылетевших из Днепропетровска. Стормеры, в общем-то, сами расслабились и опоздали с противоракетным маневром. Двое из них получили свое, и пилотам, успевшим катапультироваться, пришлось несколько часов проболтаться в еще довольно-таки холодной морской воде, ожидая спасательного вертолета. Конечно, истребители устремились в погоню, но у МиГов и скорость была выше, так что победили они всухую.

***

Лиманское, тот же день, 0550

В Лиманское штурмовая группа опоздала на целых пять минут.

- Сигим-са-фак! Нас встречают, Стив! Мы будем развлекать хозяев, а вы займитесь уборкой.
- Вас понял! Группа "Стив-3", на помощь группе "Фил".
- Есть, сэр!
- Come, come, guys! We've got a pretty dog-fight!
- Группы "Стив-1,2", заход на атаку ВПП!
- Они у меня на хвосте!
- Не бзди, я сейчас! На, получи! Получи, сволочь!
- Стив-1, атака ВПП завершена успешно! Контрольный заход!
- Парни, я немножко горю. Кажется, пора домой.
- Дуй домой, Второй.
- Твою мать! Твою мать! Твою...!
- Десятый! Что с тобой! Не слышу тебя, десятый!
- Контрольный заход завершен успешно. Атакуем стоянку...
- Господису-у-усе-е-е!
- Прыгай! Прыгай, Степан!
- Атака стоянки завершена!
- Мама! Ма-амо-очка-а!!!
- Ш-шайт! Шайт, кадерлер, kill'em all!
- Инша-алл-а-а!
- Все, парни, летим домой! Все - домой!
- Управление отказало, я прыгаю!

- Дотяни до моря, Шестой! Дотяни хотя бы до моря, дурак!

- Я не могу, теряю скорость! Прыгаю!

- Fuck, Fuck, Fuck!

- Уходим! Фил-1, Фил-1, Стив уходит!

- Топайте, ребята, мне нужно еще посчитаться с этими...

- Фил, не дури, они бегут на восток, под зенитки! Делай ноги!

- Ты мне не командир.

- Сэр, Стив-1 прав, продолжать преследование опасно.

- Пошел к черту! Пошел к черту, понял?! И-и-и-йесть! Есть! Есть, штурмовщина, ты понял?!

***

Симферополь, 1 мая 1080 года, 1140

...С большим или меньшим успехом - но двенадцать аэродромов подскока, где сгруппировались самолеты первой ударной волны, были серьезно повреждены в этот утренний налет, о чем командующий ВВС Николай Скоблин доложил на утреннем брифинге полковнику Адамсу.

- По предварительным данным, потери СССР в технике составляют до восьмисот боевых машин...

- Делите на два, - заметил полковник Кутасов.

- Да, я как раз хотел сказать, что реальные потери - порядка четырехсот самолетов... Наши потери: сорок три самолета. Из них наибольшие - среди "Миражей", наименьшие - среди "Ястребов". Удалось спасти восемь пилотов... Наибольшие потери - двадцать семь человек, - приходятся на долю летчиков-резервистов. Самолеты второй волны... - полковник Скоблин, уже третий за последние двое суток командующий ВВС Крыма, посмотрел на часы - Уже пошли.

- Тактическая победа, - резюмировал полковник Шевардин.

- Еще одна такая тактическая победа - и мы останемся без авиации, - отрезал Адамс.

Шевардин как будто не заметил ядовитой реплики.

- Ответ напрашивается сам собой: дальняя бомбардировочная авиация и ракетный обстрел. Прошу также обдумать возможность нанесения ядерного удара.

- Маловероятно, - сказал капитан первого ранга фон Берингер. - Здесь находятся в плену три дивизии Советской Армии. Не будут же они подставлять под ядерный огонь своих солдат.

- Nevertheless, - сказал Адамс. - Когда начнется операция "Трезубец", мне хотелось бы быть спокойным за наше небо. И нашу землю. Господин Воронов, за какой срок красные смогут восстановить свои аэродромы?

- Компьютерное моделирование указывает на срок от двух дней до недели.

- Большое спасибо, полковник. Будем предполагать худшее: завтра. Третий удар, господин Скоблин - нас на это хватит?

- Хватит, сэр. Потери были... в рамках расчетных, так что нет смысла отказываться от выполнения третьей части плана... Конечно, нужно посмотреть, чем закончится вторая часть... Удар по аэродромам второго звена будет нанесен в ближайший час. Предполагается накрыть Днепропетровск и Краматорск. Но, конечно, так легко мы не отделаемся.

- А что насчет третьей части плана? Чернобаевка и Каховка...

- Родная винтовка, - пробормотал Шевардин.

- Вот план по Каховке, - неодобрительно покосившись на дроздовца, Скоблин взял распечатку. - Выглядит немного дерзко, сэр... Ожидаемые потери - до шестидесяти процентов в технике у противника, до пятнадцати - у нас...

- Я разберусь... Скажите, Ник, а это правда, что перед важным вылетом "Вдовы" смотрят "Касабланку"?

- Да, сэр. И не только "Вдовы". Это традиция со времен турецкой кампании. Я не знаю, откуда она пошла, но считается, что это приносит удачу. Перед важным вылетом вся Кача смотрит "Касабланку"...

- Ну что ж... Хорошая традиция. Пусть капитан Голдберг готовит кассету, господин полковник. Удача ей пригодится...

***

Кача, тот же день, 1620

Кинозал офицерского клуба был битком набит, и кондиционеры еле справлялись с той массой углекислого газа, которую выдыхали люди, сидящие друг у друга чуть ли не на головах.

"Вдовы", пилоты "Летучих Гусар" и коммандос из качинского полка молча смотрели на известную до последней запятой историю любви Рика и Ильзы. Феноменально, подумал поручик Бурцев, казалось бы, что здесь выдающегося? Банальный "любовный треугольник", несколько искусственные антифашистские мотивы, неизменно прекрасная в своей кристальной чистоте Ингрид Бергман, неизменно ироничный и язвительно-печальный Хэмфри Богарт... Несколько удачных фраз, сентиментальная песенка "As time goes by", и все это затерто до пролысин... Но вот почему-то каждый раз удается, глядя на экран, расслабиться перед важными учениями, или - как теперь - перед настоящим боевым вылетом. Отпустить поводья натянутых нервов...

Но на этот раз экзотическая Касабланка, где стоит самый высокий в мире минарет, не просто служила для Бурцева источником расслабления. Платиновая блондинка Ингрид Бергман будила в нем мысли о темноволосой сероглазой летчице, сидящей теперь в четвертом ряду и прекрасно ему видной. Тамара Уточкина...

Is it a cannon fire, or my heart pounding?

Хороший вопрос, господа.

Разве мало в Каче красивых баб?

Длинноногих глазастых девчонок, мечтающих об офицере-коммандо, эталоне мужественности?

Совершенно гражданских девчонок, которые не рискуют свернуть себе шею по три раза в день?

Девчонок, которых, черт возьми, не трахали советские десантники...

Разве их мало в Каче, Евгений Бурцев?

Тогда почему же тебя интересует эта "Вдова", которая имеет все шансы не дожить до ближайшего утра? Женщина-военнослужащая, по всей вероятности - неисправимая феминистка? Женщина, которая, ко всему, несвободна - Рахиль сказала, что она встречается с каким-то корниловцем, горным егерем...

Но, во-первых, горный егерь - это такая же вредная по нашим временам профессия, как и коммандо... Во-вторых, некоторые мужчины... имеют, скажем так, довольно патриархальные взгляды... То есть им противна сама мысль о том, что их женщина спала с кем-то еще... Тем более, если этих "кого-то" было несколько... даже если ее мнения никто не спрашивал... Вот, просто не могут преодолеть отвращения...

Господи, о чем я думаю! Вылет - в течение этой ночи, сложная и дерзкая операция, с которой любой из нас (он так и подумал - любой из НАС) может не вернуться - а у поручика Бурцева в голове одно: как отбить бабу у корниловца...

Он знал, что не решится подойти к ней сейчас, сразу после фильма. И знал - если ЧТО-ТО случится, он никогда не простит себе того, что не решился...

***

Этот день, без сомнения, принадлежал крымским ВВС. Советский Союз огрызнулся дважды: сначала попытались прорваться штурмовики и истребители из Ростова-на- Дону, потом - дальняя бомбардировочная авиация, "тушки" из Полтавы и Прилук. Патрульные самолеты ПВО отбили их - не без труда, но все же отбили.

Последним, завершающим аккордом должен был стать налет на авиабазу в Каховке - уничтожение советских вертолетов.

Надо сказать, что в этот день "Вдовы" получили хороший заряд адреналина - поздним утром на рейде показался советский крейсер "Феликс Дзержинский" и три эсминца. Тамары в этот момент не было на базе, ее эскадрилья прочесывала горы в поисках затаившихся там ошметков советских войск. Это больше напоминало охоту, чем войну, хотя их один раз обстреляли из ручного пулемета.

Когда они вернулись в Качу все уже было кончено - половина жилого городка лежала в руинах, "Железный Феликс" с повреждениями (сработали ребята с базы береговой обороны) ускрипел обратно в Николаев, а один из эсминцев плавал кверху брюхом, держась на воде за счет воздушной пробки в носовых отсеках. Второй, как сказали Тамаре, затонул.Туда ему и дорога, ответила она.

Под вечер, уже после второго патрульного вылета - на этот раз ей выпало патрулировать побережье - пришел приказ, после которого все кинулись сначала чинить поврежденные машины и проверять системы - нужно было поднять в воздух все, что способно летать - а потом пошли смотреть "Касабланку" - примета такая, на удачу.

(- Суевернее альпинистов, наверное, только пилоты.

- А ты суеверный?

- Ну... Если бы я курил, я бы, наверное, не прикуривал третьим от одной спички...)

Проклятый фильмец окончательно растравил душу. Весь полет до Армянска, где нужно было дозаправляться, Тамара собирала себя в кулак. Теперь, накручивала она себя, уже не важно, вернется она или нет. Важно сделать то, за чем их посылают - смешать с землей базу Каховка. Это имеет значение, больше - ничего.

Они пересекли линию берега и теперь шли над сушей, ориентируясь по железной дороге, насыпь которой тянулась по земле внизу бесконечным шрамом. Лунный блик бежал по рельсам вдогонку за небесной стаей. Ясная, тихая украинская ночь, та самая, когда "видно - хоч голки збирай", рвалась под винтами, было отлично видно во все стороны, так что засечь их было проще простого. На той малой высоте, на которой они шли, невидимые для локаторов больших ЗРК, их легко обнаруживали малые комплексы, поэтому маршрут прокладывался в стороне от расположения советских военных баз и все равно нужно было смотреть в оба...

Там, где Днепр пополз вширь, раздулся, подавившись бетонной дамбой, был последний, самый важный ориентир. Каховское водохранилище.

Тамара только усмехнулась, увидев впереди мятущиеся лучи прожекторов, бесплодно тающие в темно-синем небе. Группы "Дженни" и "Сид" поднялись, увеличили скорость и рванули вперед, прямо на эти прожектора, в то время, как тяжеловесные "Теды"-транспортники, едва не задевая колесами шасси верхушки холмов, под шумок расползлись по округе.

Тамара выбрала себе объект для атаки - зенитную установку - и направилась прямо не нее. Когда выпускаешь два пакета НУРов,четырнадцать ракет, есть аж четырнадцать шансов куда-то попасть. Чудо, но в "Шилку" они попали. Рита переключила оружие и для верности добавила из пушки, после чего "Ворон" пошел над советской авиабазой, паля по всему, что было похоже на позиции зенитных систем. Да нет, даже не так избирательно - просто паля по всему.

Вот сейчас бы, подумала Тамара, запустить "Полет Валькирий" из динамиков во всю мощь, как у Копполы. Чтобы испугались еще сильнее, чтобы еще беспомощнее суетились между зданиями, паля из своих дурацких "калашей" в белый свет как в копеечку. Вот только девочки-еврейки этого не одобрят: с Вагнером у них очень стойкие и неприятные ассоциации.

- Дженни-5! Дженни-5, что там с Девятой?

Тамара поискала глазами Девятую. Только что была здесь, намного впереди справа - а где теперь?

Ого! Ничего себе, вот это не повезло!

***

Удар о землю был жестоким. Леа не пришла в себя, изо рта текла кровь - кажется, прокушен язык. Сама Фатма была изрезана осколками лобового стекла, но это не самое худшее. Самое худшее - что-то с ногами. Она их не чувствует. Словно их нет вообще.

Неудачная посадка. В высшей степени. Во всех смыслах. Очереди из пулемета вполне достаточно, чтобы разбить бронестекло и, даже не задев пулей, вывести из строя пилота, на несколько секунд инстинктивно зажмурившего глаза. А этих нескольких секунд вполне достаточно, чтобы вертолет накренился, задел винтом какую-то мачту и ткнулся в землю носом, обламывая лопасти и превращаясь в шейкер для пилотов.

Резкая керосининовая вонь. Пора выбираться.

- Леа! Лей!

Стон.

Новая автоматная очередь: они бегут сюда, дерьмо, неужели снова попасться к ним в руки?

Только не это!

Фатма завыла от отчаяния: огонь вести невозможно, загорится керосин. Нужно убираться отсюда, но Леа! И ноги...!

Рев винта над головой, вой, в который сливаются отдельные выстрелы авиапушки.

- Девятая! Фатма, вы живы? Отвечай!

- Живы!

- Мы идем к тебе! Слышишь? Продержись там немного, пятая-седьмая идут к тебе!

Тамара посадила "Ворона" так близко к борту-девять, как только могла.

- Леа! Леа, очнись! - Фатма толкнула своего пилота несколько раз. Наградой ей был еще один долгий стон и мутный взгляд. Уже что-то.

Маленькая фигурка, которую при всем желании нельзя было принять за мужскую, побежала, пригибаясь, от пятого вертолета к "девятке". "Семерка" висела над головой, готовая прикрыть огнем, если что.

- Фат! Леа! - это была Рита О'Нил. - Вылезайте!

Леа сделала движение головой, которое можно было принять за отрицание.

- Не можем, - выдохнула Фатма.

- Fuck! - Рита ножом разрезала ремни безопасности, вытащила Леа из машины - та повисла на ней мертвым грузом. - Выползай, Фат! Что ты сидишь, как засватанная?

- Но-ноги... Заклинило...

- А-а, холера! Попробуй что-нибудь сделать, я сейчас вернусь.

- Сейчас к вам подойдут коммандос, девочки! - сказал мужской голос. - Мы вас видим, не волнуйтесь.

Фатма проследила взгладом Рите и Лею - Аллах, как медленно! Она собралась с силами и посмотрела вниз, на свои ноги.

Кровь. Разорванная ткань. Что-то белое торчит наружу.

"Это кость. Мои ноги сломаны. Мне должно быть ОЧЕНЬ больно".

И через миг ей стало ОЧЕНЬ больно.

Не помня себя, она ударила по замку аптечки, нашарила ампулы-шприцы и горстью выгребла их оттуда. С трудом различина синюю - анальгетик - сорвала зубами колпачок и вонзила иглу в бедро, выжимая капсулу.

Казалось - прошли часы прежде чем лекарство подействовало. Но когда Фатма открыла глаза, она увидела, что Рита только-только добралась до своего вертолета.

В секторе было сравнительно спокойно: штабс-капитан Перельман прикрывала эвакуацию пулеметным огнем. Испортить погоду могла только случайная пуля, и Фатма, следя глазами за подругами, молилась о том, чтобы этой пули не было...

Вот они бегут - качинские коммандос, ефрейтор и четверо солдат. Сейчас ее вытащат. Сейчас они подойдут и заберут ее.

Господи, только бы не было случайной искры в поврежденной рации! Только бы не загорелось топливо!

Быстрее! Быстрее, шайт!

Откуда взялся этот пулеметчик? Почему именно в это окно он высунул рыло своей машинки, почему именно их избрал целью?

Рита, уже выбежавшая было на помощь, кинулась обратно в машину. Вертолет оторвался от земли, и Фатма закричала в отчаянии: ее бросали здесь! Бросали одну!

Она отложила пистолет и взяла гранату. Лучше подорваться на своей гранате, чем сгореть заживо.

Ближе всех к ней успел подбежать ефрейтор. Умирая, он цеплялся руками за полоз.

Фатма завыла от муки и отчаяния. Одна, одна, все погибли, и как больно!!! Почему-то ей показалось, что эти коммандос - последние на советской базе, и вертолетов прикрытия больше не существует, что она предана, брошена всеми!

Советские солдаты, ободренные огнем пулеметчика, приближались. Она уже видела одного совсем близко. Поняла, что он распознал в ней женщину. Прочла по губам: "Сука!"

Ближе!

Ближе...

Кольцо гранаты подалось неожиданно легко. Так же легко разжалась рука. Сквозь кружение алых пятен и гул в ушах донесся стук железа о железо.

Мучиться осталось не более пяти секунд. Это немного утешало. А главное - ни живой, ни мертвой ее больше не коснется мужчина.

Ни один.

***

Рита буквально вымела площадь огнем, и достала того ублюдка в окне - но что толку? Что толку, если мертвы коммандос и мертва Фатма?

Что там случилось - она попробовала отстреливаться и взорвался керосин? Или она сама взорвала гранату, дождавшись, пока советские солдаты подбегут поближе? Да

какая разница... "Ворон" горит между бараками, содрогаясь от взрывов боезапаса. Погребальный костер для летчицы и двух советских солдат.

- Девочки, Сид, у нас все! - сказал командир группы "Тед". - Начинаем отход.

Тамара развернула машину к вертолетной стоянке, туда, где уже начинали крутиться лопасти транспортных "Ми-8" и "Ми-6". Несколько "дроздов" поднялись в воздух и под прикрытием ударных вертолетов полетели к югу. "Вороны" и "Кречеты" дождались, пока в воздух поднимутся "Ми", под завязку набитые пленными советскими летчиками. Два звена "Вдов" сделали широкий круг над вертолетной стоянкой, где ахнуло, блеснуло и заполыхало - взорвались штурмовики и транспортники, заминированные коммандос из качинского спецотряда.

Колонну грузовиков с пехотой, несущихся на пожар, Рахиль даже поленилась расстрелять как следует. Она дала очередь из пушки, но не стала делать контрольный заход. В конце концов, сзади еще ведомый, да и не такое уж это увлекательное занятие - расстреливать из вертолета пехтуру. И, как показала история с Фатмой, не такое уж безопасное.

Странное дело, когда они только начали, ей казалось, что она может заниматься этим бесконечно, что сколько бы фигурок в пятнистом камуфляже или выгоревшем хаки ни полегло под огнем ее пушки - ей все будет мало. Наверное, она просто слишком устала. Так устала, что даже неутихающая боль уже не может подпитывать ненависть. Все, перегорело. Она сыта кровью советских солдат. Но синяки и ссадины ноют по-прежнему. Это несправедливо. Зачем существует месть, если она не приносит облегчения?

Эти мысли не успели как следует оформиться - их вымело из головы волной животного ужаса.

Точки на светлеющем горизонте могли быть только советскими истребителями.

В последний раз сходное состояние Рахиль испытала совсем недавно - вот только что она была офицером, штабс-капитаном авиации, богиней небес, а через пять минут стала просто жалкой беспомощной бабой в руках четырех озверевших от спирта и вседозволенности мужиков - которые тоже поначалу были довольно милыми парнями, кто же знал, что так получится, ах...

Всплыла виденная недавно в одном из военных журналов реклама: МИ-24 с подписью: "Может, для вас это и вертолет, а для "Стингера" это - сидячая утка". Вот теперь она, Рахиль Левкович - жалкая сидячая утка для советских истребителей. Нам обещали прикрытие из "Ястребов"! Где оно, факимада?

Фф-ух, вот оно, слава Богу - ребята держались на высоте, мне сверху видно все - ты так и знай... Рахиль не интересовало, сколько их против МиГов, ей хотелось только одного - бежать, драпать во все лопатки, и поскорее встать ногами на землю...

***

- Жаль, что сбили Фатму, - сказала Тамара. - Жаль, что ее, а не меня.

- Не мели ерунды, а то как тресну по башке, - пригрозила Рахиль. - Какого черта? Выпей еще.

- Я больше не хочу.

- А я тебя не спрашиваю, хочешь ты или нет. Сидит тут, сигим-са-фак, и грызет себя за то, что жива осталась. Не хочешь жить - дождись следующего вылета и грохни машину, камикадзе. Если сумеешь Риту уговорить.

- Иди в задницу.

- Сама туда иди! - Рахиль глотнула еще пива. - Коммандос надираются, как сапожники. Вот бы нам так. Но нельзя. Пилотам за-пре-ще-но... О, вот Женька Бурцев идет...

Тамара развернулась и оказалась лицом к лицу со знакомым офицером из коммандос. Знакомым? А где она его видала?

Ночью, возле клуба - вот, где. Поручик Бурцев...

- Поздравляю с удачным вылетом, - сказал Бурцев.

- Спасибо, - сказала Тамара. - Правда, у нас тут немножко поминки.

- У нас тоже. Пятеро ребят - вместе с вашей летчицей... Еще семнадцать человек - во время боя за аэродром.

- Фатма Фаттахова - вы ее помните?

- Такая полненькая, с красивой косой? - Бурцеву как-то неловко было вспоминать, что погибшую летчицу он видел только голой, и поэтому лицо ему запомнилось слабо...

Рахиль незаметно растворилась в другой компании.

- И еще два экипажа. Розы Циммерман и Марины Клюевой.

- Мне очень жаль.

- Войны без потерь не бывает. У "Гусар" - шестеро, и двое раненых.

- Женщины не должны так погибать.

- Никто не должен.

Бурцев кивнул.

- Чем вы занимались бы, если бы не стали пилотом? - спросил он через полминуты.

- Не знаю. Мама хотела, чтобы я стала прислугой. Представляете меня в фартучке и с наколкой?

- С трудом, - улыбнулся Бурцев.

- А вы? Если бы не пошли в коммандос?

- Не знаю... Я - человек, испорченный высшим образованием. Учился в Ковентри... Наверное, смог бы устроиться учителем математики. И гимнастики - as a moonlightning...

"На меня западают интеллигентные мужики" - в том, что Бурцев "запал", сомнений не было. Вел он себя более чем сдержанно, но флюиды, которые исходят от "запавшего" мужика, ни с чем не спутаешь. Правда, майора Колыванова вряд ли можно было назвать интеллигентом...

- Я ненавидела математику и логику в реальном, - призналась она. - И в летном тоже.

- Значит, у вас были плохие учителя. - Бурцев смял одноразовую тарелку и бросил ее в мусорную корзину. - Математика дисциплинирует разум.

- У нас в реальном висел портрет Ломоносова с надписью: "Математику уж затем учить надо, что она ум в порядок приводит".

- Так оно и есть.

- Я знаю одного человека, который говорил, что всех гуманитариев нужно в обязательном порядке заставить изучать математику и физику.

Бурцев кивнул.

- Это избавляет от волюнтаристских иллюзий, - подтвердил он. - Многим гуманитариям свойственно думать, будто всем станет темно, если они закроют глаза.

- Арт... тот человек примерно так же говорил.

- Ваш... друг? - поручик не привык вилять, сразу брал быка за рога.

- Мой муж, - она напряглась.

- Кто он?

"Мертвец", - от этого слова, хоть и не сказанного вслух, все внутри скорчилось и почернело. Среди всего полка "Вдов" она - настоящая вдова.

- Он офицер... Был офицером.

Бурцев потупил глаза. Прошедшее время с позавчерашнего дня перестало означать, что человек вышел в отставку.

- Пилот?

- Пехотинец. Из егерей-корниловцев.

- Вы получили "Кей-ай-эй"?

- Нет

- Тогда еще не все потеряно. - Особого оптимизма в его лице не было.

- Я надеюсь, - соврала она.

- Я... только хочу сказать... - Бурцев опустил глаза. - Что если... будет совсем плохо... Сегодня или когда-нибудь еще... Вы можете на меня рассчитывать. Во всем. Если я буду жив, конечно. Я понимаю, что сейчас это может выглядеть, как будто я влезаю в... чьи-то ботинки... Поэтому больше ничего не говорю... Кроме того, что я приду... Когда вы позовете.

- Последние новости! - откуда-то с порога закричал один из офицеров. В руке он держал пухлую пачку каких-то листов... Газет?

- Свежий "Русский Курьер", ребята! Дамы и господа!

К нему кинулись, газета пошла по рукам...

- Лучниковская портянка, - процедила Тамара.

- Лучниковская-не лучниковская, - Бурцев взял низкий старт, - а пока что это единственная газета на весь Крым... - он бросился в толпу, разрывающую "Курьер" по листику.

Вернулся он через минуту несолоно хлебавши.

- Мадемуазель, увы. Всеми номерами завладели ваши соратницы, а я - человек старомодного воспитания и драться с женщиной из-за газеты не буду.

- А из-за чего будете?

- Ни из-за чего. Еще пива? Или чего-то покрепче?

- Покрепче нам нельзя. Пива, пожалуйста...

Бурцев отошел к стойке, а в Тамару опять вцепилась Рахиль.

- На что спорим, - лукаво сказала она, - что ты сейчас подскочишь до потолка?

- Поцелуй меня в... плечо.

- Никто меня не любит! А должны бы... Делаем фокус-покус, - она достала из-за спины свернутую газету. - Раз!

Газета развернулась и легла на стол перед Тамарой.

- Два!

"Три" она не услышала. Как вернулся с пивом Бурцев - тоже не услышала. Она не услышала бы и выстрела над самым ухом - все ее внимание поглотила первая полоса газеты "Русский Курьер", на которой аршинными буквами было напечатано:

"ПОЧЕМУ МЫ ВОЮЕМ?"

А внизу - не такими аршинными:

"Капитан НЕТ" - человек, который, кажется, знает ответ"...

А между заголовком и подзаголовком, как "Цельсь!" между "Готовьсь!" и "Пли!" - две фотографии, одна отличного качества, двухлетней давности, а вторая - мерзкая, явно переведенная с видеопленки, но на обеих - одно и то же лицо, до последней морщинки знакомое, уже оплаканное лицо...

Не помня себя, Тамара перевернула страницу и пробежала глазами текст. Вернее, его начало - прочесть всю полосу она не могла, ее распирали чувства, хотелось куда-то бежать и что-то делать...

- Сударыня, я идиот, - проговорил Бурцев. - Он - ваш муж?

Последний вопрос прозвучал уже Тамаре в спину.

В здание штаба поручик Уточкина влетела со скоростью лидера гладких скачек.

- Миссис Голдберг! - крикнула она. - Ваше благородие! Рут!

- Какого черта... - Капитан Голдберг поднялась с дивана. - Уточкина, что случилось? Пожар? Боевая тревога? Я сегодня посплю или нет?

- Мэм, я прошу разрешения поехать в Бахчисарай.

Командир эскадрильи посмотрела на часы.

- Не разрешаю. Через три с половиной часа у тебя вылет, через час передадут новое задание.

- Мэм, я успею!

- Это тебе кажется. На дорогах черт-те что, ты провожкаешься все четыре часа. Разбитая бронетехника, тягачи, куча гражданских машин, патрули... Ты знаешь, что из Севастополя идет эвакуация детей? Ты знаешь, что все, у кого есть на чем ехать, спасаются из городов? И разговора быть не может.

- Мэм!

- Нет, я сказала!!! Уточкина, я все понимаю, но - нет.

"Все ты понимаешь!", - Тамара, выйдя на улицу, пнула ни в чем не повинную дверь пяткой. - "Ни хрена ты не понимаешь, проклятая фригидная дура". За эту мысль ей тут же стало стыдно, но злость была сильнее.

-Тамара! - Капитан стояла у окна, скрестив руки на груди, похожая на индейского вождя. - Телефоны, между прочим, работают.

Тамара откозыряла и побежала к столовой, возле которой находился телефон-автомат.

Длинный гудок... Сейчас... Еще один... Телефон стоит возле самой постели... Гудок... Наверное, он не в спальне. На то, чтобы дойти до телефона нужно время. Гудок... Он же не может двигаться быстро. Боже мой, я бы на пузе доползла до аппарата! Гудок... Обычно после шести гудков она вешала трубку - шести гудков как раз достаточно, чтобы услышать и добраться из любого места квартиры. Седьмой гудок... Восьмой... девятый...

Она идиотка! Арт наверняка в гарнизоне!

Снова быстрый пробег пальцев по кнопкам. На этот раз - только один гудок.

- Девяносто третий у телефона.

- Мне нужен капитан Верещагин.

- Он всем нужен, мэм.

Тамара убила бы этого остряка, если бы могла сделать это по телефону.

- Очень хорошо, позовите его.

- Не могу, мэм. В данный момент он находится в госпитале.

- В каком?

- Не могу знать, мэм.

Удавить тупую пехтуру. Какой это может быть госпиталь? Бахчисарайский? Севастопольский? Симферопольский?

Время есть. Начнем с бахчисарайского...

18. Империя наносит ответный удар

Смутные дни - время крапить масть
Смутные дни - время кривить рты
Смутные дни - время делить власть
Смутные дни - время решать, с кем ты

К. Кинчев

Москва, 1 мая, 0600 - 1100

В этот день на пиках красных флагов, украшавших улицы советских городов по случаю светлого праздника Первомай, появились скорбные черные ленты. Демонстрации отменили, назначили траур. С Днем Международной Солидарности Трудящихся вас, граждане!

Подлое, ничем не спровоцированное нападение белобандитских самолетов на мирные советские аэродромы, отозвалось горечью в сердцах миллионов советских людей.

- Вот падлы-то, - переговаривались в очередях за хлебом, маслом, колбасой, мясом, рыбой, сыром, сахаром, водкой жители городов и сел. - И ведь без предупреждения, как немцы в сорок первом!

- А наши что?

- А что наши? Они, что ли, сумели помешать? Позор на весь мир: армию держим больше всех, а каких-то беляков не можем шапками закидать.

- Тише, товарищи, тише...

- Ничо-о, навтыкаем им! Деды-отцы им втыкали, и мы навтыкаем!

- Уж ты навтыкаешь, старый алкаш...

- Молчи, ебдыть, курва! Молчи, морда твоя жидовская, потому что щас как заепиздосю тебе между глаз!...

- И не стыдно, товарищи? В такую минуту...

- А ты тоже уйди, стукачина! Без тебя разберемся!

Правда, были и другие разговоры. В одной из комнат "комубежаловки" один из волосатых мальчиков сказал другому, потрясенно выключая радио:

- А здорово им *наши* вломили...

И уже пели в подворотнях на разухабистый мотивчик из "Чингисхана": "Москоу, Москоу, забросаем бомбами - будет вам Олимпиада, а-ха-ха-ха-ха!"

***

Тот же день, Завидово, 0900 - 1400

На даче, где собрались Портреты - но уже не Большой круг, а Малый, из самых ключевых фигур - Олимпиаду и ее срыв не обсуждали. Хер с ней, Олимпиадой - судьба страны решается.

- Доигрались, значит, - с отеческой укоризной сказал Замкнутый. - Тут нам кто-то обещал победу на блюдечке с голубой каемочкой. Товарищ Маршал, вы часом не помните, кто это был?

Маршал съежился так, что ордена, как правило, вольготно располагавшиеся на груди, горько заскребли друг о друга.

- Готов признать... И искупить... - пробормотал он. - Как верный сын партии....

Конклав не выказал никакого сочувствия. Судя по лицам, общим было мнение, что с такими сыновьями надо поступать, как Петр Первый и Иван Грозный.

- Ну, главнокомандующим мы вас пока оставим, - наконец сказал Окающий. - Коней на переправах не меняют. А вот проработать вопрос - это уж извольте. Такая выходка безнаказанной оставаться не должна.

- Может, стоит подумать об оружии возмездия? - спросил Окающий.

Все притихли.

- ООН, - напомнил Тугодум. Когда надо было, его мысли шли с нормальной скоростью. - НАТО. Не дадут.

- Я думаю, радикальные меры можно приберечь на потом, - поддержал его Замкнутый. - Но возмездие должно состояться.

- Ответный бомбовый удар... - проговорил Маршал, - Будет нанесен... Сегодня же... В нашем распоряжении... достаточно... тяжелых бомбардировщиков..., до которых они не смогли дотянуться. Но как обеспечить... прикрытие?

- Да говорите четче, не мямлите! - прикрикнул Окающий.

- Сейчас... - Маршал уже откровенно взялся за сердце. - Одну минуту... сейчас пройдет...

В тесном кругу не было референтов, и какое-то время все ждали появления врача, позабыв, что врача-то никто и не вызывал. Маршал уже досасывал, стекленея от боли, таблетку валидола, когда Окающий спохватился:

- Батюшки! - и нажал кнопку вызова.

Заседание пришлось отложить, а коня на переправе - поменять.

Чтобы скоротать время, Портреты отправились на рыбалку. Рыбалка оправдала надежды, и потому нового главнокомандующего круг встретил гораздо благожелательнее, чем его предшественника.

Новый главнокомандующий поразительно быстро оказался в курсе всех дел и подготовил план действий в рекордное время: за два с половиной часа.

Такая оперативность была просто удивительной, но понравилась кругу вновь собравшихся Портретов.

- Нужно отдать себе отчет в том, что мы не сможем сегодня привести в действие аэродромы, разрушенные белогвардейской авиацией. Инженерные службы стараются изо всех сил, но ущерб слишком велик... Кроме того, мы продолжаем нести потери - противник разбросал по аэродромам активированные мины, ремонтная техника подрывается постоянно. Поэтому тяжелые бомбардировщики будут стартовать без прикрытия. Кроме того, извне зоны досягаемости их самолетов будет нанесен ракетный удар по авиабазам и кораблям, - его речь была ровной и четкой, как "Турецкий марш" в исполнении старательной консерваторки-выпускницы. Портреты, понимая смысл слов с пятого на десятое, в целом были довольны: напористая уверенность нового Маршала оказалась заразительной. Молодец мужик, не поддался пораженческим настроениям! Слушая его, портреты как бы распрямлялись: едрена вошь, сверхдержава мы или нет?

- Однако! - Словно указательный палец вознеся над столом. - Однако, есть ряд мер, которые необходимо принять, чтобы обеспечить успех всей акции в целом. Первое!

Маршал обвел Портретов взглядом.

- В КГБ есть люди, которые едва ли не в открытую поддерживают белогвардейцев. Затяжная война выгодна кое-кому, кто хочет укрепить свои позиции в Политбюро и в стране. Если мы хотим какого-то успеха в Крыму, мы должны избавиться от этих людей.

- Пожалуйста, выражайтесь конкретнее.- попросил Окающий. - Такими словами не бросаются.

- Пожалуйста, конкретнее. - согласился Маршал, - Пока товарищ А. состоит в Политбюро, любые наши инициативы в отошении Крыма пропадут даром.

- Вы хоть понимаете, на кого замахиваетесь? - ужаснулся Окающий.

- Вот материал, - Маршал хлопнул о стол серой папкой, - Пожалуйста, просмотрите его.

***

- Я искренне сочувствую вам, Нина, - говорил полковник Сергеев. - "Волчий билет", этот ночной допрос, так все это... Наши коллеги из ГРУ прользуются иногда варварскими методами. Их можно понять, Нина Сергеевна - вы в их глазах послужили орудием врага. Но ведь они вас отпустили? Разобрались во всем и отпустили, правильно? - спросил он. - Кстати, вы действительно не догадываетесь, кто мог подсунуть к вам в папку "красный пароль"?

Ниночка подняла на него заплаканные удивленные глаза.

- "Красный пароль" - сигнал военной тревоги по Острову Крым. - Объясняя, Сергеев употребил именно это выражение, а не стыдливо-витиеватое "Зона Восточного Средиземноморья". - Вами воспользовались, чтобы начать войну. Понимаете, насколько это серьезно?

Ниночка кивнула.

- Хорошо, что понимаете, - ласково сказал Сергеев. - Мы хотим вам помочь, Ниночка. Все эти проблемы с работой, подпиской о невыезде, все это мы легко можем решить. Вы же сами понимаете, ГДЕ я работаю.

- Товарищ полковник...- хрипло сказала Ниночка.

- Можно просто Сергей, - прервал он, протягивая носовой платок.

- Товарищ Сергей... - она снова подняла зареванные глаза, виновато улыбнулась, извнияясь за глупую формулировку. - Вы ведь обещаете все это не просто так...

- Да, не просто так, Нина. - Сергеев артистически управлял модуляциями своего голоса. теперь в нем звучала даже некоторая сталь. - Пусть и невольно, но вы послужили замыслам врага. Это нужно исправить. И тогда вам все простят.

Он перестал ходить по кухне из угла в угол и сел за стол напротив Ниночки.

- Дайте показания. Расскажите органам, как ваш жених просил вас вставить в сообщение о погоде совершенно невинную фразу о виноградниках в Бахчисарае. Уговаривал, подкупал, шантажировал...

Начиная со слов "ваш жених" Ниночка замотала головой и одними губами сказала: "нет". Она повторяла это слово все громче и громче, пока Сергеев не замолчал.

- Никогда! - выкрикнула Ниночка. В гневе она была неописуемо хороша, несмотря даже на распухшие глаза и покрасневшее лицо. Но вся ее прелесть пропала, когда на месте гнева проступил страх.

Чего она боится, дурочка? Что он заорет в ответ, ударит ее? Сергеев улыбнулся: он по-прежнему не испытывал к Ниночке никаких плохих эмоций. Это во-первых. Во-вторых, он профессионал.

- Я не стану вам угрожать, Нина. - сказал он. - Не бойтесь меня. Ваш отказ ни к каким последствиям не приведет, ваше положение не ухудшится. Мы даже попробуем вам помочь с работой и с ГРУ. Вы только подумайте - стоит ли такой человек, как Владислав, вашей жертвы.

- Я никогда не предам Славика. Ни за что.

- Хорошо-хорошо, - сказал Сергеев. - Я оставлю вам телефон. Если возникнут проблемы - позвоните.

Он ушел, а Ниночка опустилась в кресло у окна. В этом кресле она провела весь сегодняшний день. Она ждала, когда оживет трелью телефон, дремлющий на полке под торшером. Он должен позвонить, обязательно. Он позвонит или придет. Или позвонит еще кто-нибудь, через кого он назначит ей встречу. Конечно, имено так, ведь ему же нельзя звонить сюда напрямую, это же опасно, как она раньше не догадалась... Она же - почти что враг народа, и хотя его папа всемогущ, но и ему нужно соблюдать осторожность. Да, он позвонит ей через каких-нибудь третьих лиц.

Телефон молчал.

Когда прохладное майское солнце коснулось шпиля Дома на Набережной, Ниночка не выдержала.

Она выскочила из подъезда и побежала к телефону-автомату. Сжимая в ладошке липкую трубку, набрала номер одной из лучших подруг, и выпалила, едва услышав в трубке "Алло":

- Это Нинка. Позвони Славику, скажи - в восемь часов сегодня у метро ВДНХ. Пока.

***

Тот же день, Москва, 1200 - 1232

Пренеприятнейший прослушал записи с каменным лицом.

- Пидарасты, - сказал он. - Что же теперь делать?

- Успеть раньше, - Видное Лицо положило перед шефом какую-то бумажку.

- Ты что, совсем охуел?

- Это не нам нужно, - сказало Видное Лицо. - Это стране нужно. Старик - законченный наркоман. Крутят им, как хотят. Вы себе представляете, о чем они там без вас насовещаются? Если что-то хорошее задумали - почему вас не позвали?

Пренеприятнейший молчал. То, что ему предлагали, было не только страшно - немыслимо.

- Упустят Крым, - сказало Видное Лицо. - Всем начхать. Каждый свое получил, теперь им все равно, что будет. На вас одна надежда.

Пренеприятнейший молчал.

- Большинством голосов. Они там проваландаются еще долго, мы все успеем.

- А не страшно?

- Есть кое-что пострашнее.

- Хорошо. Действуй. Постой. Что с девкой?

Видное лицо смущенно крякнуло.

- Упустили девку, - сокрушенно сказал он. - Моя вина.

- И что мне теперь с тобой делать? - Пренеприятнейший начал постукивать пальцами по столу. - Ну, свинью мне подкинули... Это же уму непостижимо! Знать бы, кто...

- Работаем, - смиренно вставил Видное Лицо. - Перехватили ее, надо думать, ГРУшники.

- ГРУ, - процедил Пренеприятнейший. - Висит ГРУша, нельзя скушать...

Видное Лицо непритворно вздохнуло по поводу несъедобности упомянутого фрукта.

- Кстати, - небрежно сказало Лицо, - в руках ГРУ еще один любопытный гусь. Крымский контакт Востокова, офицер.

- Та-ак... Не отдают?

- Что-то крутят. Говорят, что они его потеряли в Крыму. Вроде как при сопровождении в аэропорт его отбили свои.

- Может, оно так и есть?

- Тогда бы он у своих появился. А он не появлялся.

- Какие соображения?

- Думаю, его прячут. И обрабатывают. Кто-то копает под нас, (имя-отчество), и крепко копает. Глубоко. А вдруг они затребуют Востокова?

- Не отдадим, - твердо сказал Пренеприятнейший. - Ты прав, надо успеть раньше.

Пауза.

- Разрешите идти? - спросило Видное Лицо.

- Иди.

***

... Она ждала, ждала на скамейке в полумраке, ждала, когда длинные тени легли ей под ноги, когда стемнело и сторожа начали подозрительно поглядывать на нее... Ждала, когда засиял огнями и алмазными струями воды фонтан "Дружба народов"... Ждала, пока он не приехал и не встал перед ней молчаливой тенью.

- Я еле выбрался, - сказал он. - Пошли.

Они вышли из-под арки на шумную улицу.

- Зачем ты позвала меня? Что хотела мне сказать? Ты понимаешь, как ты можешь меня подставить? Ты понимаешь, что теперь между нами ничего быть не может, это ты

понимаешь? - он обстреливал ее вопросами, не давая времени отвечать. - Мы с отцом сейчас ходим по ниточке, и вдруг ты позволяешь себе такое.

- Я же не нарочно, - просипела она. Голос вдруг исчез куда-то, как при ларингите.

- Я понимаю. Не хватало еще, чтобы ты это нарочно. Нина, я только за тем и приехал, чтобы сказать тебе: не трогай меня, ладно? Не звони, не назначай встреч. Когда разгребемся со всеми делами - я тебя сам найду. Я тебя очень люблю, зайчик, - торопливо сказал он, - но положение сейчас очень тяжелое. Под нас копают. Я найду тебя.

Он быстро чмокнул ее в щечку и исчез в потоке людей.

Ниночка стояла у входа в метро, и люди огибали ее, окаменевшую московскую Ниобу, не узнавая в этой выгоревшей женщине популярную телеведущую.

- Гражданка, не загораживайте проход, - сказала тетка в синем мундире. Ниночка тупо уставилась на громадный бюст, на котором горели сигнальные огни пуговиц, потом сделала шаг назад, потом повернулась и побежала. Через двести метров сменила бег на быстрый шаг и шла, шла, шла пустеющими улицами...

Она остановилась возле телефона-автомата. Задумалась. Ее остановила какая-то мысль, но мысль эта была тут же потеряна. Нина попробовала ее найти, вспомнить.

Телефон-автомат. Она сунула руки в карманы. Визитная карточка. Прямоугольничек тонкого и плотного картона.

Она шагнула в стеклянную будку, беспощадно перехватив очередь у толстяка с "авоськой", из которой жалобно торчали синие куриные ноги.

- Полковник Сергеев?

- Да, Нина!

Он узнал ее мгновенно. Ждал?

- Я согласна.

- Где вы? Поезжайте на метро - обязательно на метро! - к своему дому, но туда не идите, ждите у выхода из метро, на углу, я сам за вами приеду.

Ниночка повесила трубку, и, выходя из будки, поймала благодарный взгляд толстяка с "синей птицей".

Темнота сгущалась. Толстяк покинул будку, выслушав серию длинных гудков в трубке. Помялся у перехода, подошел к Ниночке.

- Девушка, а, девушка... Вас проводить?

- Нет, спасибо.

- Здесь опасно ночью одной ходить.

- Ничего, я как-нибудь.

- Ну, как хотите... - сказал толстяк.

Ниночка спустилась в метро, как во сне, доехала до своей остановки. Улица была пуста. Случайные прохожие, на крейсерской скорости следующие вдоль улицы, не в счет. Не в счет и редкие машины, молекулы одностороннего движения: темный "москвичок", ушастый "запорожец", белая карета "скорой помощи"...

Против ее ожиданий, карета не проехала дальше по улице, остановилась на углу. Задние двери открылись, оттуда вышли женщина-врач и двое парней-санитаров.

- Девушка, простите, это дом шестнадцать?

- Я не знаю, - странно, подумала она, а ведь действительно не знаю, хотя уже лет семь живу в этом районе...

Она почувствовала легкий укол, рефлекторно дернулась:

- Что вы де...

- Тихо! - сверкнула глазами женщина-врач. Ниночка почувствовала хватку больших ладоней на своих плечах...

- Девушка, вам плохо. Успокойтесь, сейчас вам окажут помощь...

- Не на...

- Да тихо, ты!

Еще одна машина повернула из-за угла, нарушая правила, против движения: серая "Волга"...

- Быстро, быстро... - заторопил "врача" "санитар".

- Стоять! - из-за руля "Волги" крикнул полковник Сергеев. - Стоять всем!

***

Сергеев действительно ждал ее звонка. Он знал, что Ниночка не выдержит, позвонит любимому, и знал, что трус и тряпка Славик пошлет ее подальше, опасаясь за свою никчемную должность. Он мог более-менее сомневаться в ответной реакции Ниночки - иногда случается, что вот такие-то гады и получают в подарок от судьбы самоотверженных до идиотизма женщин. Но если бы Ниночка оказалась как раз такой, он бы придумал что-нибудь еще.

Другое дело, ему совсем не хотелось ничего придумывать. Чем ближе он был к выполнению своей задачи, тем лучше понимал, какова будет награда: звезда героя посмертно. Вне зависимости от провала или успеха дела - он знает слишком много.

Будучи в Крыму, он наблюдал "спорт самоубийц" - экстремальное скалолазание. Без страховки, без крючьев или закладок, надеясь только на себя, люди поднимались по отвесной - а то и с отрицательным уклоном - стене. Последив полчаса с замиранием сердца за обтянутой красным эластиком поджарой задницей, Сергеев решил поговорить с ее обладателем - и дождался, пока спустится чернявый красавчик-яки в красных велосипедных штанах. По уверениям экстремального скалолаза, ничего архисложного в этом не было: надо было лишь правильно рассчитать свои силы и правильно выбрать маршрут. Вот если ты просчитал его неправильно, тогда - швах. Ты ведь не можешь отдыхать, искать и пробовать один вариант за другим, ты должен пройти с первой попытки.

Сейчас Сергеев чувствовал себя именно так: на отвесной стене, без малейшей поддержки, он мог рассчитывать только на собственную силу. И малейшее отклонение от маршрута в сторону будет гибельным. Он должен пройти с одного раза, и хотя хозяева толкают его в смертельный тупик под нависающим карнизом, он туда не пойдет.

Вопрос - куда?

Пока что Сергеев видел лишь одного человека, с которым его объединял общий интерес: остаться в живых. Человека этого звали Вадим Востоков.

Складывалась интересная система, треугольник Сергеев-Востоков-Ниночка. Трое в одной лодке. Как можно использовать девчонку? Пока не ясно, но понятно одно: нужно не допустить, чтобы первыми ее перехватили люди Пренеприятнейшего...

Он вывел машину на одностороннюю улочку по какому-то наитию. Ведь в принципе не собирался нарушать, хотел проехать как полагается... А мог и не успеть...

Легки на помине. "Скорая", двое амбалов, третий за рулем, сучка-врачиха...

- Стоять! - крикнул он. - А ну, стоять!

Он не рассчитывал, что они послушаются, просто отыгрывал для себя и Ниночки секунду-другую. Конечно, если эти суки решили использовать тетрадотоксин, эти секунды псу под хвост. Но, может быть, они хотели сначала кое-что узнать. Ради Нины - пусть будет так!

Он вывернул руль, как мог, машина вильнула и зацепила одного из громил, того, что держал носилки. Громила полетел в одну сторону - носилки - в другую. Врачиха замахнулась на Ниночку, тонко блеснула игла - не иначе, стерва гэбэшная хотела вогнать ее девчонке в глаз. Но вот тут он уже успел... Бросился к ней, выкатываясь из-за руля, а в ладони уже лежит удобно рифленая рукоять "Стечкина", и стерва не успевает, и отлетает на четыре шага, и на белом халатике у нее горит алая клякса на месте правой груди... Вторым выстрелом Сергеев зацепил по голове державшего Ниночку амбала. Совсем слегка зацепил - но "Стечкин" хорош именно своим останавливающим действием.

Действие в данном случае было не останавливающим, а приводящим в движение: амбала вместе с Ниночкой бросило на стену. Это ее, дурочку, и спасло: водитель промахнулся, выстрелил в Сергеева и тоже промахнулся, а Сергеев задел его по ребрам и сбил прицел, и он промахнулся снова, и уже вторым выстрелом полковник попал ему в живот.

Два контрольных: в первого амбала и в водителя. Ниночка вытирает с лица чужие мозги и чужую кровь и остолбенело оглядывается по сторонам.

- В машину! - он пихает ее в сторону "Волги", тащит волоком. - Быстро, быстро!

На этот раз опередил он. На этот раз. Когда же мера его везения исчерпается?

Он рванул с места, быстро, быстро поменять машину! Доставить Ниночку в безопасное место, переговорить с Востоковым.

Он не врал Лучникову: счет действительно шел на часы.

***

Тот же день, Москва, 2100-2215

- Тяжелая утрата постигла весь советский народ, - скорбно возвестил диктор программы "Время". - Сегодня в результате внезапного сердечного приступа на семьдесят четвертом году жизни скончался выдающийся деятель коммунистического движения, верный сын советского народа, пятикратный Герой Советского Союза (Что-о? - ахнула страна), Генеральный Секретарь Коммунистической партии Советского Союза, председатель Политбюро ЦК КПСС, председатель Верховного Совета СССР, заслуженный деятель искусств, автор романов "Малая земля", "Возрождение", "Целина" ...

Все прогрессивное человечество с глубокой скорбью встретило известие о кончине этого выдающегося сына нашей страны. Свои соболезнования прислали товарищи Тодор Живков, Войцех Ярузельский, Эрих Хонеккер, Фидель Кастро, Николае Чаушеску, Ясир Арафат, Андреас Папандреу. Похороны состоятся 3-го мая на Красной Площади. Председателем похоронной комиссии большинством голосов утвержден товарищ А. (фамилия Пренеприятнейшего).

Вот тебе, бабушка, и Юрьев День!

- Опоздали, блядь, - высказал общее мнение Окающий. - Прозаседались. Вот вам и рыбалка, и водочка под шашлычок...

Да-а... Что ж теперь будет-то? Едрена вошь, вот ведь хитрая скотина, и не подкопаешься - большинством голосов... Как же это мы проебали-то, а? В Барвиху поехать, что ли, с сердечным приступом полежать... давай, езжай, одному, вон, уже устроили... сердечный.

- Я, товарищи, не вижу причин для паники, - начал Замкнутый, когда все умолкли. - Председатель похоронной комиссии - это еще не Генеральный Секретарь ЦК КПСС. Я понимаю, что обычно происходит именно так. Но правомерно спросить: а может ли человек, подозреваемый в столь чудовищных преступлениях, быть утвержден в должности Генерального Секретаря *нашей с вами* партии?

- А кто? - выдержав значительную паузу, спросил Тугодум.

- Я думаю, что пока на этот вопрос однозначно ответить нельзя. - Замкнутый скользнул своими рептильными глазами по жадным лицам присутствующих. - Но ясно одно: генеральный секретарь должен иметь БЕЗУПРЕЧНУЮ репутацию.

- Ясный хрен, безупречную, - проворчал Окающий. - А как разбираться будем?

- Не следует забывать, - старый василиск гипнотизитровал того, кому отвечал, - не следует забывать о принципе демократического централизма, священном и нерушимом... Генеральный Секретарь должен быть утвержден на Политбюро большинством голосов при полном кворуме. Это вам не выборы в похоронную комиссию, здесь должны присутствовать ВСЕ.

- Вот ВСЕ его и поддержат, - Окающий мрачно бросил недоеденный шашлык на тлеющие угли.

- Возможно, - согласился Замкнутый. - Но если он к тому времени не будет состоять в Политбюро? Если он будет выведен из состава?

- Большинством голосов? Дохлый номер. - Окающий отвернулся от костра, встал и шагнул в темноту. Из кустов донеслось журчание.

- Отдельные товарищи, - Замкнутый говорил громко, перекрывая звук струи. - Не верят в торжество принципа демократического централизма. Они думают, что победит тот, у кого в руках грубая сила. А между прочим, на всякую силу найдется и другая сила. Как неоднократно доказывали коммунисты. Опять же, могущество советской науки, работающей для обороны, признают все, даже наши враги за океаном...

Тугодум присвистнул.

- Это да, - сказал он, борясь с шашлыком, - Юрца (так звали Пренеприятнейшего в узком кругу)... Юрца Он не любит. Только Он многих не любит. А кто к нему разговаривать пойдет?

- Пускай наш Маршал пойдет, - медленное мигание кожистых век было аналогично фамильярному похлопыванию по плечу. Маршал, еще вчера не помышлявший быть допущенным к этим шашлыкам, затаил дух.

- А что... Что с белогвардейцами делать будем? - спросил он. - Решили вы... мы что-нибудь?

- Решили, мил-друг... - Окающий сверился во взглядами окружающих. - Пока наших там бьют, Юрец в жопе. А если они там побеждать начнут, он на коне. Тебе кого надо поддерживать?

- Вас понял, - Маршал поднялся с низенького раскладного стульчика, вытянулся. - Разрешите идти?

- Я, пожалуй, с тобой поеду... - Окающий тоже встал. - Всем до свидания. Хозяину спасибо, хорошие шашлыки.

Разошлись быстро, разъезжались по одному, как заговорщики.

***

- Спокойно, девочка... Спокойно...

Нину колотила крупная дрожь.

Господи, еще позавчера жила как нормальный человек, да что же это за наказание такое? Почему ее опять хотели схватить, накачать наркотиками, куда-то увезти?

- Не увезти, Нина, - поправил полковник Сергеев, - Не увезти, а убить. Вы для них теперь опасны. Ваши показания - бомба, которую они хотят обезвредить. Но мы им не дадим.

- А потом?

- А потом будет видно. Не бойтесь, Нина. Мы с вами в одной лодке.

Они ехали по кольцевой в военном УАЗике, снаружи неприметном, но внутри оборудованном как раз для похищений: мягкие стены, глубокие кресла, носилки с ремнями...

Надо отдать Сергееву должное - Ниночка находилась в кресле, а не на носилках.

Они пили коньяк. Хороший армянский коньяк. Самое то, что нужно после короткой перестрелки.

- А может, это вы подстроили? - внезапная мысль обожгла. - Выпустите меня!

- Нина, Ниночка! - его захват был мягким, но крепким. - Пожалуйста, не вырывайтесь. Ну, поверьте мне, что это не мы подстроили! Мне нечем доказать, вы просто поверьте.

- Куда мы едем?

- На одну очень важную дачу. Там хорошо, Нина, там вас будут надежно охранять.

- И если меня там убьют, никто ничего не узнает.

- Ниночка, не думайте об этом. Вы нужны мне живой.

- Пока не дам показания.

- Нет. И дальше - тоже. Вы нужны мне...

Она посмотрела полковнику в лицо. В сущности, очень хорошее, приятное лицо. Профессия, наверное, требует. Если не знать, что гебист, можно и увлечься.

Впрочем, а почему бы и нет? Как будто гебисты чем-то хуже сыновей гебистов.

Она положила руку на подлокотник, и он моментально положил сверху свою.

Работа такая?

Да какая разница! Один раз живем, - это Ниночка в последние дни поняла быстро.

- Сергей, - сказала она. - Я вам нравлюсь или это по должности?

- Да. Нравитесь. Вы мне действительно очень нравитесь, Нина. Я вам никогда не угрожал. Ничего не требовал. Я хочу, чтоб вам было хорошо. Чтобы вас не убили. Чтобы не убили меня. Я пальцем вас не трону, если вы не скажете мне "Да".

Она откинулась на спинку кресла.

Врет или нет?

Кажется, они оба здорово поддали.

- Да, - сказала она.

Машина остановилась перед массивными воротами, произошли короткие переговоры, после чего они въехали во двор.

Сергеев привел ее в комнату на первом этаже - Ниночка решила было, что это медицинский кабинет.

- Я сейчас, - сказал он, уходя. - Я скоро вернусь.

***

Поговорить с Востоковым - вот, что было самым трудным.

Естественно, вся дача прослушивалась. Сергеев понятия не имел, сколько микрофонов и видеокамер установлено и где.

Только насчет одной комнаты он мог быть уверен - насчет той самой, куда привел Ниночку.

Так уж вышло, что хлопчик, который следил за этими мониторами в определенные ему графиком дни, был на контроле не только у Видного Лица, но и у Сергеева. Ну, так уж получилось. Видное Лицо, как это бывает свойственно всем видным лицам, забыло, что материал - он не на кустах растет, а собирается простыми полевыми агентами, одним из которых и был когда-то он, Сергеев.

Короче, Сергеев про этого хлопчика кое-что знал, и если бы полковник пошел ко дну, то и старший лейтенант отправился бы туда же. Поэтому старлей по просьбе полковника отключил на время все мониторы и магнитофоны в тюремном секторе дачи, и подсоединил к ним хитрое приспособление, которое позволяет показывать, что на участке наблюдения была тишь да гладь, да Божья благодать, в то время как происходило там совсем иное...

***

- Знакомьтесь, Нина, это Вадим Востоков, полковник ОСВАГ. Настоящий дворянин и контрразведчик.

Востоков поцеловал Нине руку.

- Я - человек старомодного воспитания. Мадемуазель - не феминистка?

- В СССР не может быть феминисток, - вяло огрызнулась Ниночка. - Женский вопрос у нас решен полностью и окончательно.

- Надеюсь, не теми же методами, какими Гитлер решал еврейский вопрос? Мне было бы очень жаль.

Ниночка рассмеялась. Востоков огляделся кругом.

- Я знал, что здесь есть кабинетик в таком духе, - невозмутимо сказал он. - Зубоврачебное кресло, бормашина и одностороннее зеркало... Стены обиты пробкой?

- А что обычно используете вы?

- Пенополиуретан. Пробка, знаете ли, дороговата.

- Уж как будто ОСВАГ не может себе позволить.

- Увы, бюджетная комисия следит за тем, как расходуются деньги налогоплательщиков.

- Это камера пыток? - Ниночка тоже с интересом огляделась, только сейчас до нее дошло, что это за комната. Страх прокатился холодной волной от затылка до пяток, но почему-то ей удалось быстро успокоиться. То ли она еще не протрезвела, то ли ее так подбадривало веселое спокойствие Востокова.

- Представляли себе все иначе, мадемуазель?

- Нет, почему же... Во всяком случае ржавых цепей не воображала.

- Да, это вышло из моды. На самом деле все не так жутко. Для допросов чаще всего используются медикаменты (Нину передернуло). Эти ремни - для того, чтобы человек под наркотиками не начал делать резких движений...

- Слишком похоже на зубной кабинет.

- Только там нет стоков в полу.

- Рассаживайтесь, граждане, - сказал Сергеев. - Востоков, попрошу в кресло. Нина, на этот стул.

- А что у нас происходит?

- Очная ставка.

- Ага. - Востоков развалился в кресле самым непринужденным образом. - Конечно, самое удобное сиденье надо бы предложить даме, но я не думаю, что Нина Сергеевна согласится поменяться местами со мной.

Нина кивком подтвердила его слова и села на стул стенографиста. Сергеев устроился прямо на столе.

- Нас всех троих убьют, - сказал он. - Пока есть время, мы должны решить, как нам действовать.

- Э-э... - Востоков обвел глазами комнату.

- Микрофоны отключены.

- Вы уверены?

- Уверен. Я рискую гораздо больше, чем вы.

- Да ладно вам, все мы рискуем одинаково. Все мы смертники.

Ниночка улыбалась, если эту гримасу можно было назвать улыбкой.

- Нам придется бежать, если мы хотим жить, - продолжал Сергеев. - Вы слышите?

- Слышу. Вы предлагаете бежать. Товарищ... Господин Востоков, вы как думаете, нам удастся?

- При известной сноровке и настойчивости, madamoiselle, почему бы нет? Видите ли, наши с коллегой головы набиты сведениями такого рода что никак не могут уцелеть. Мы живы, пока у наших хозяев есть в нас надобность. Например, мы с вами нужны, чтобы дать показания против вашего несостоявшегося тестя.

- Надо добить эту сволочь. Или он не даст нам покоя, - вставил Сергеев. - Надо стравить их как следует, и пока они будут кусать друг друга... Короче, Нина, ты должна дать показания...

- А кто гарантирет мне жизнь после того, как я их дам?

- Никто, - резко бросил Сергеев. - Никто, Нина! Мы знаем слишком много, все трое, мы - мишени номер один. Учтите, если вы играете не в моей команде, то я сбегу один. Но тогда они от вас все равно добьются чего хотят. Получат свои показания - и после уже никто вам не поможет, ни Бог, ни царь и ни герой.

- Насчет того, что мы знаем слишком много... Мне так не кажется, Сергей. Я знаю мало. Расскажите мне все - хоть не так обидно будет умирать.

- Это началось чуть больше года назад, - покорно начал полковник. - На нас вышел сотрудник ОСВАГ по имени Вадим Востоков...

Когда он закончил, Ниночка покачала головой.

- Господи, какое же вы все говно, - печально сказала она.

- Говно, Нина, - так же печально отозвался полковник. - А что поделаешь? Такая жизнь, такая работа...

- Вот только не надо, ладно? Жизнь, работа... Еще про долг перед Родиной скажи. Вонючие интриги, мышиная возня - урвать, зацапать, кто первый... Как в стаде павианов. Только у них честнее.

- Возможно, Нина Сергеевна. - В голосе Востокова слышалось одобрение. - Итак, вы были завербованы агентом КГБ, своим женихом. А контакты поддерживали с агентом ОСВАГ по кличке...

- Вилли, - подсказал Востоков. - Сейчас мы состряпаем подходящую легенду. Это будет открытый процесс?

- В том-то вся и закавыка, что нет, - Сергеев почесал ногу. - Поэтому удирать придется быстро.

- Ничего, это только придаст весу нашим показаниям. Что лучше подтвердит нашу вину, чем побег? Только смерть.

- Не надо, - Ниночка почувствовала, что сейчас расплачется. - Прошу вас, не надо.

- Осталось обсудить детали легенды... - сказал Сергеев. - Я предлагаю следующее...

***

Тот же день, Москва, 2235 - 0016

Великий Ученый и Великий Администратор был таким великим, что в иные кремлевские кабинеты двери открывал ногами.

И нельзя сказать, что это ему не нравилось.

Он был почти что царь, почти что Бог. На него работали миллионы людей. Одним кивком пальца он мог казнить и миловать не только простых смертных, а вплоть до первых секретарей обкомов (включительно). Смертоносных игрушек, придуманных и сделанных им за свою жизнь, хватило бы, чтоб стереть человечество с лица Земли, и еще осталось бы на окончательное решение вопроса "Есть ли жизнь на Марсе"...

Но вот кое-где он был совершенно бессилен. И, в частности, когда дело касалось той конторы, которой ведал Пренеприятнейший.

Люди Пренеприятнейшего совали везде свои носы, заводили толстые папки на его ученых, директоров и конструкторов, всюду бдили и держали все под контролем. Они покушались на всевластие Великого Ученого в его империи, что он терпел, скрипя сердцем и зубами.

Равновесие сил долго оставалось нерушимым. Империя Великого Ученого была нужна Советской Империи как воздух. Пренеприятнейший ничего не мог сделать с

Великим. А Великий - с Пренеприятнейшим, ибо его ведомство также было кровной необходимостью Империи.

Теперь равновесие было нарушено. Ось, на которой оно балансировало - скрипучая жизнь Генерального - рухнула. Новая ось возникла возле Пренеприятнейшего, и чем ближе она смещалась в его сторону, тем больший вес он обретал.

Когда машина Маршала подрулила к подъезду дома на Котельнической, Великий Ученый уже дошел до необходимого градуса разогрева. Перспектива видеть мурло Пренеприятнейшего в кресле Генерального, стоять перед ним навытяжку и отчитываться в делах, в которых эта гебистская скотина ни уха ни рыла... Ах, ети его в душу бога матерь, да три раза в отца, сына и святого духа, ну что за блядская жизнь такая?

Маршал и Окающий явились вовремя. Сверкнула слезой бутылка "Столичной", пошла по кругу под неторопливый осторожный разговор, в ходе которого Великий Ученый от отчаяния переходил к боевому азарту: ничего! Еще поборемся! Еще повоюем! Еще вы узнаете у нас, что такое оборонка!

Под утро ударили по рукам и отправились спать.

***

2 мая, Москва, 0110 - 0204

Видное Лицо нервничало. Предстояла встреча с Портретами, и неофициальность этой встречи никак не влияла на ее важность.

Пан или пропал. Пан - не сегодня-завтра сам стану в ряду портретов. Пропал - тут других толкований быть не может. Пропал - значит, пропал.

- Я готов поддержать любую кандидатуру, которую вы выдвинете, - сказал он. - Я полностью согласен с тем, что возглавлять нашу партию и нашу страну может только человек с безупречной репутацией.

- И кого бы ты предложил?

- Я не имею никакого мнения на этот счет. Я всемерно поддержу вас.

Ударение. Не вас, а Вас.

Замкнутый уловил, кивнул.

- Материал должен быть распространен к ближайшему заседанию Политбюро. Через неделю. Не будет большинства голосов - погорим все синим пламенем.

- Я понимаю.

- Ну и хорошо.

- Будет открытый процесс?

- Ты что, сдурел? Все тихо, по-семейному.

- Вас понял, - Видное Лицо откланялось. - Что делать с людьми Юрца в аппарате КГБ?

- Твое дело. Главное - большинство голосов мне. Эх, выспаться бы! Завтра же еще в почетный караул...

***

Москва, второе мая, 10-00

И вот я здесь, подумал Востоков. Последний барьер. Невысокий и хлипкий. Наручники. Охранники по бокам.

На такой должности охранник обязан быть глухонемым.

Три "Портрета" напротив.

Момент истины.

- Ваше имя?

- Вадим Востоков.

- Звание?

- Полковник ОСВАГ.

- Должность?

- Координатор по региону России.

- Вам предъявлено обвинение в заговоре против Советского Союза и измене Родине. Признаете ли вы его?

- Да. Я - участник заговора против Советского Союза и изменник Родины. Правда, у нас немножко разные понятия о Родине, но это неважно.

- Не отвлекайтесь. С какой целью вы поддерживали контакт с полковником Сергеевым, находившимся в Крыму в служебной командировке?

- Полковник Сергеев интересовал меня, в первую очередь, как связующее звено между мной и товарищем А.

- Что за интерес был у вас в товарище А.?

- Мне было известно, что он - один из наиболее ярых сторонников оккупации Острова Крым. Я хотел форсировать оккупацию.

- Зачем?

- Чтобы спровоцировать военный конфликт между Крымом и Советским Союзом.

- Объясните смысл этой акции.

- В последнее время в Крыму начали нарастать центростремительные тенденции. Слишком многие хотели присоединения к СССР. Военный конфликт свел бы эти настроения на нет.

- Как вы рассчитывали выпутаться из этого конфликта?

- Выиграть войну.

- Почему вы думаете, что вам бы это удалось?

- После устранения Генерального (брови "Портретов" поползли вверх) его пост неизбежно должен был занять товарищ А. Его сын повлиял бы на него с целью остановить войну и вывести войска из Крыма.

- Откуда такая уверенность в том, что он сделал бы это?

- В сейфе в квартире товарища А. (сына) хранятся карточки "Американ Экспресс" на сумму в два с половиной миллиона американских долларов. У нас есть коды этих карточек.

- В ближайшее время эти сведения будут проверены, - обратилось к "Портретам" Видное Лицо.

- Спросите у него, не он ли организовал на острове сопротивление белогвардейцев, - шепнул Замкнутый.

- Да, это тоже часть плана, - ответил Востоков, когда ему передали вопрос. - Агент товарища А.(сына), диктор на телевидении СССР, передал по программе "Время" так называемый "Красный Пароль", сигнал всем резервистам к сбору. Солдаты и офицеры запаса освободили кадровых военных из лагерей интернирования. Кадровые военные освободили аэродромы и подняли в воздух самолеты.

- Захватили аэродромы... - поправил Окающий.

Борода Востокова шевельнулась в улыбке.

- Как вам будет угодно, господа.

- Товарищи, - одернул Востокова Молодой. - И тут же поправил сам себя: - ГраждАне.

- Значит, план был организовать, а затем сорвать воссоединение Крыма с СССР, - вел линию показательного допроса полковник КГБ.

- Именно так. Нечто вроде того, что произошло в "Заливе Свиней", только в несколько больших масштабах.

- Почему же теперь вы решили рассказать об этом?

- Воздействие на товарища А.(отца) через сына потеряло свое значение. Мы выиграли войну. Я решил, что дальнейшее сопротивление не приведет ни к чему хорошему, и раскрыл карты.

- Почему вы думаете, что война в Крыму вами выиграна?

- Уничтожены все военные аэродромы в приморской полосе, так? Вы не можете организовать десант, вы потеряли господство в воздухе. Это значит, что вы проиграли войну. Судите сами о надежности аппарата КГБ, если я получил такие сведения, сидя в тюрьме.

...Выйдя из зальчика, вытирая лбы, "Портреты" переглянулись.

- Ну, вражина! - высказался Окающий. - Ну, волк! Так бы и взял за бороду, и в морду, в морду!

Энергичные движения пухлого кулачка, испятнанного старческим пигментом, выглядели скорее комично, чем угрожающе, но никто даже не улыбнулся.

- Вы как хотите, товарищи, - Молодой промакнул платочком пятнышко на лбу, - А мне этот тип не понравился. Больно гладко он говорил. Он, вообще, настоящий шпион или нет? Что-то он не похож на шпиона.

- По-моему, как раз очень похож, - вставил Окающий.

- Я в том смысле, что слишком похож, - пояснил Молодой. - Шпион же не должен быть похож на шпиона, правильно? А если он врет?

- А какая нам разница? - буркнул Окающий.

- Миша, - сказал Замкнутый Молодому. - Постарайся понять. Врет он или нет - уже неважно. Важно одно: товарищ А. вольно или невольно утратил бдительность, которую на его должности утрачивать нельзя, и допустил ошибку, поддавшись на провокацию. Это факт. Можем ли мы допустить, чтобы такое повторилось? Не можем. Выводы, Миша?

Молодой сделал правильные выводы.

***

Тот же день, Одесса, 1700 - 1912

- Ну что, товарищи, - сказал Маршал, собрав в штабе Одесского Военного Округа командиров дивизий Крымского Фронта и начальников их штабов. - Навтыкали нам по первое число? В обоих смыслах! Использование ДБА и ракет, в общем, до жопы - обставиться перед начальством. Когда будут готовы аэродромы подскока?

- Завтра вечером... - сказал командующий ОдВО.

- Утром! - грохнул по столу маршал.

- Утром, - согласился командир ОдВО. - Но обеспечить можем всего два... пока. Николаев и Одессу. Не смотрите на меня так, товарищ маршал. Мы делаем, что можем. Кругом идет работа, но... мины... Гибнет техника, гибнут люди. Все основные силы брошены на эти два аэродрома, потому что там ВПП в наилучшем состоянии и можно было быстрее всего стянуть туда саперно-инженерные части. Завтра утром сделаем эти два. К вечеру - еще четыре. Если не будет повторных бомбардировок, то к ночи четвертого восстановим ВПП всех аэродромов Одесского Округа.

- Мы будем готовы к утру четвертого, - сказал начальник Северо-Кавказского Военного Округа. - Нам меньше досталось.

- На случай, если белые надумают повторить удар? - спросил Маршал.

- Развернуты системы ПВО по всему побережью. Задействовали все, что нашли, вплоть до зенитного вооружения мотострелковых дивизий. Дежурство идет круглосуточно.

- Они больше не сунутся, - сказал начальник ПВО. - В этот налет они потеряли больше девяноста самолетов.

- А мы - пятьсот! - заорал Маршал. - А почему? А потому что ваш бывший начальник тоже думал, что беляки не сунутся, и жопу чесал! Я не хочу больше слышать - они не сделают того, они не сделают этого! Я хочу знать, что МЫ будем делать, когда они сделают то или это?

Он вытер лоб, сел.

- Сегодня у нас второе. Шестого мы начнем вторую высадку. Как и планировалось, через Тамань. Приказ - взять Симферополь к девятому. Значит, к шестому мы - кишки наружу - должны подавить всю их авиацию и ПВО. Чтоб через два дня ни одна белая блядь не показывалась в небе. Небо должно быть нашим! Вы поняли, товарищ генерал-лейтенант? Или небо наше, или от вашего звания остается ровно половина. Догадываетесь, какая?

- Товарищ маршал... - сказал командир 106-й воздушно-десантной дивизии. - Мне кажется, к девятому - нереально...

- Кажется - креститесь! - резко бросил Маршал. - И чтоб вы все забыли это слово - "нереально". Знаете, кто может делать дело - думает, как, а кто не может - ищет причину, почему нельзя... Не можешь - пиши в отставку, сиди на даче, огурцы разводи! А Жуков бы тебя за "нереально" к стенке поставил. Мы одно слово знали - приказ! Вот у меня приказ - девятого! И как в песне поется - нужна победа - за ценой не постоим!

Если бы Маршал знал, чем обернется эта победа для него и какую цену придется уплатить, он откусил бы свой язык.

19. Дом на Сюрю-Кая

Бентли: Что там происходит, Драйден?
Драйден: Там идет битва двух темпераментов,
один из которых близок к безумию,
а другой начисто лишен всяких принципов.

Фильм "Лоуренс Аравийский"

Утром первого мая Крым кое-как уяснил ситуацию и слегка охренел.

Как это, господа? Ведь еще позавчера у нас тут была дружба и полное взаимопонимание! Кричали женщины "Ура!" и в воздух разные там предметы гардероба бросали - а теперь что? А теперь банда наемных головорезов, которую мы называли своими вооруженными силами, пустила эту дружбу и взаимопонимание песику под хвостик. Мало того, что в крупнейших городах Крыма произошла дикая резня, повлекшая жертвы и среди мирного населения, мало того, что вероломное, подлое нападение на советские войска уже само по себе привело к конфликту с СССР - так этим утром, уподобившись ублюдку Гитлеру, крымские самолеты нанесли жесточайший бомбовый удар по советской территории! Произошел окончательный, бесповоротный разрыв отношений, который восстановится лишь в случае полной, безоговорочной и позорной капитуляции Крыма. По нескольким городам были нанесены ракетно-бомбовые удары, погибло в общей сложности 15 человек, не уяснивших, что "воздушная тревога" означает именно воздушную тревогу, а ракета, система наведения которой сбита с толку уголковыми отражателями, не разбирает, где военный объект, а где - гражданский.

Спрашивается: кто должен за все это ответить? Правительство? У нас нет правительства, оно куда-то исчезло утром двадцать девятого. Армейская верхушка? Она клянется, что стала жертвой провокации. ОСВАГ? Эта организация хранит гробовое молчание.

Ну так кто, кто же все-таки это сделал? Покажите нам человека, перечеркнувшего достижения нашей северной дипломатии за последние два года! Покажите нам негодяя, втравившего нас в безумную, абсолютно ненужную войну! Покажите нам мерзавца, посягнувшего на самое святое право гражданина демократического общества: право избирать свой политический строй!

Эти голоса пока еще не звучали, общественное мнение было слишком ошарашено, слишком шокировано произошедшим, чтобы выразить это вслух. Но вопрос - "Кто?" уже сформировался, и рано или поздно нужно было на него отвечать.

А ответ на этот вопрос лежал на госпитальной тюремной койке и спал отвратительным, глубоким и тяжелым, как грязь озера Сасык, сном.

Проснулся он в сумерках, которые принял за раннее утро. И, глянув на соседнюю койку, пожелал, чтобы черт забрал Флэннегана со всеми его выдумками.

На тумбочке стоял еще один стакан сока и две капсулы. Верещагин выгреб из кармана всю свою коллекцию. Стоп! Из кармана... Из кармана брюк, куда он их и положил. Когда повалился на койку одетый и в ботинках. Сейчас он был босой, его рубашка висела на спинке кровати. Пока он был в беспамятстве, его раздели. Глупо думать, что не нашли при этом таблеток...

Таиться и играть в Муция Сцеволу больше не имело смысла. Ему мягко дали понять, что его замысел разгадан. Ему почти сказали, что в принципе он волен делать с собой все, что хочет, в полный рост показав врагу свою слабость. Ему намекнули, что он нужен ОСВАГ живым, нормальным и сохранившим способность принимать решения. Мысль о самоубийстве показалась ужасным мальчишеством. Просто дуростью.

Сколько прошло времени? Арт закрыл глаза и прислушался к себе. Избитое и изодранное тело продолжало болеть, но уже не так настырно, как... время назад. Тогда, перед командирами и начальниками штабов, ему стоило больших усилий не меняться в лице. В той половине лица, которая не отекла и сохранила подвижность. Сейчас усилий не требовалось - боль из почти невыносимой превратилась в досадную. Тело не скоро, но верно восстанавливалось, и осознавать это было приятно. Правда, все это - пока лежишь и не встаешь, а вставать придется, и очень скоро: во-первых, настоятельно требовалось отлить, во-вторых, ужасно хотелось пить: рот до того спекся, что щеки присохли к зубам. На третьем месте в списке потребностей стояла еда: невольный и суровый пост продолжался никак не меньше двух суток.

Резюме: ему было очень далеко до полного порядка, но и на три четверти мертвым, как... время назад, он себя не чувствовал. Без сознания провалялся часов двадцать: вряд ли можно держать при себе продукты метаболизма дольше.

Он сел, шипя сквозь зубы, проглотил обе капсулы - антибиотик и анальгетик, допил сок и поставил стакан на стол. Ждать, пока анальгетик подействует, не было времени, и он поковылял, шатаясь, к угловой кабинке. "Что нужно человеку для счастья?" - вспомнилась советская шутка. - "Увидеть туалет и добежать до него. Там еще было - очень хотеть пить, и получить воду, очень хотеть есть и получить еду. Но нужно очень хотеть, когда не очень хочешь, то и не очень получаешь".

Возле кабинки был умывальник, делать до которого полшага ужасно не хотелось, но он сделал. Вымыл руки, плеснул воды в лицо - не нагибаясь, так что больше попало на грудь. Набрал воды в стаканчик и сполоснул рот. Потом набрал еще и напился. Дождаться смены сочувствующего надзирателя и попросить зубную щетку? В концлагере нужно всегда чистить зубы и съедать все, что дают... Так, хватит думать о жратве!

- Когда жрать принесут? - спросил человек на соседней койке.

- Утром, - Артем тяжело вздохнул. - Наверное.

- А сейчас что?

- Надо думать, вечер. Довольно поздний.

- Ты давно здесь?

- Сутки. Плюс-минус лапоть.

- Где мы - знаешь?

- Симферополь.

Сосед издал короткий и тихий стон отчаяния.

- Это я и так знаю, - процедил он сквозь зубы.

- Военная тюрьма, госпитальное отделение.

- Спасибо. Я - капитан Глеб Асмоловский, ВДВ.

- Глеб, мы знакомы.

- Сережа? Виктор? Карл Августович?.. - секунды удивленной немоты. - Врешь! Это не ты. Включи свет.

Верещагин зажег встроенный - как в автобусе - светильник в своем углу.

- Мать твою... - Глеб не верил своим глазам. - Да что ж я... и на том свете... от тебя не отделаюсь?

- Да мы пока что еще на этом.

Глеб прошелся по его повязкам оценивающим взглядом.

- Ты что... Под танк попал?

- Нет, - с долей злорадства ответил Артем. - Под колотуху твоих солдат... Так что можешь считать себя отомщенным.

- Тебя хорошо отделали...

- Я хорошо отделался - можно и так сказать. Кое с кем поступили значительно хуже...

- А бинты?

- Это фиксирующий бинт. Ребра мне попортили.

- А кровь?

- Где?

- На груди справа.

Бурое пятно проступало неправильным косым крестом, повторяя рисунок раны и наложенного на нее шва.

Артем тщательно застегнулся.

- У тебя и на спине заплатка. И руки - сплошной синяк... Я знаю... от чего бывают такие синяки.

- Тебе не вредно говорить?

- Не вредно... Ты мне очень аккуратную дырку сделал. Чистую.

- Старался.

- Я... хочу разозлиться на тебя... И не могу. Это ведь ваша работа... Условный сигнал... Резервисты... Я думаю... Если бы удалось тогда... Остановить тебя...

- Не волнуйся так, Глеб. Ты все равно ничего бы не сделал. Живой, мертвый, пленный - я всяко выполнял задание. На то и был расчет. Поэтому не трави себе душу. Если ты от волнения сыграешь в ящик, меня окончательно совесть замучит.

- Совесть? - Асмоловский оскалился не то от боли, не то от ярости. - А за других... тебя совесть не мучит? Других... тебе не жалко?

- Жалко. Особенно того парнишку, подпоручика из Партенита, того, кто тебя перевязывал. Его застрелили у меня на глазах. Лейтенант Палишко. Просто так, от злости. И еще у меня был друг... Когда я выстрелил в тебя, я шел к нему... Он был ранен. Оказалось - смертельно. И еще один друг, ты его даже не видел, он был убит еще утром, в перестрелке с настоящим спецназом. И один спецназовец, которого Георгий хотел оставить в живых, а я убил... Так что злись на меня, Глеб. Я это честно заработал.

- Тебя пытали.

Вопросительной интонации не было. Глеб высказал не догадку - утверждение. Верещагин не нашел сил возражать.

- И что с того? - устало спросил он. - На войне как на войне. В каждой егерской роте состоит на вооружении огнемет, и все знают, зачем он нужен. Не вижу, почему сжечь противника заживо вроде как честней и гуманней, чем рвать его... подручным инструментом. В конечном счете, со мной обошлись лучше, чем я с тобой. Я сейчас способен стоять на своих ногах, а ты прикован к постели.

- Все равно... это другое. Я ведь тоже... стрелял в тебя. Но я не смог бы...

- Если бы пошла речь о спасении батальона, и для этого нужно было развязать мне язык, ты быстро сообразил бы, как это сделать.

- При чем тут... Подожди... Я думал - это в разведке...

- Да нет... Это работа любителя. Большого, надо сказать, любителя...

- Палишко, - Глеб скривился. - Не повезло тебе.

- Нет, товарищ капитан. Мне фантастически повезло. Потому что если бы за дело взялся кто-то умней и хладнокровней, к примеру, ты или тот же товарищ майор, меня бы раскололи в два счета, доставили в Симфи часом раньше, и не в бессознательном виде, там быстренько бы допросили и тут же отправили в Москву. А оттуда мне была уже одна дорога: показательный процесс и - в петле ногами дрыгать.

- У нас не вешают, Штирлиц... хренов.

Асмоловский закрыл глаза и отвернулся к стене. Вернее, повернул голову. Но ненадолго.

- Эй!

- Да?

- Мне нужно встать. Поможешь?

Десяток возражений пришел в голову моментально. Почему я? Тебе нельзя. Позвать санитара?

- Запросто, - сказал он.

Это оказалось далеко не запросто. Но осуществимо. Боевое братство. Уссаться можно от смеха.

О да, Флэннеган, поистине то была светлая мысль - поместить нас в одну камеру-палату.

- Спасибо, - сказал Глеб, когда снова оказался в постели. - А можно воды?

- Запросто.

...Глеб выдернул у него из рук пластиковый стакан и напился сам.

- Ф-фу, - он еле совладал с дыханием. - Можно сказать... На две трети счастлив...

Они молчали десять минут. За окном стемнело. Опустились автоматические ставни.

- К-2 в прошлом году... вы?

- Да.

- Ты... и твой татарин. Пулеметчик.

- Шэм Сандыбеков.

- Знать бы, что там делается, - Асмоловский показал глазами на зашоренное окно.

Верещагин полностью разделял его желание. Знать бы, что происходит за этой решеткой. До чего договорились вчера господа командующие. Что им готовит СССР...

- Как ты здесь оказался? - вдруг спросил Глеб.

- Как и ты. На носилках.

- Не крути. Я думаю... Здесь - ты сам сказал - военная тюрьма... По всем раскладам - самое неподходящее... для тебя место... Ты же должен быть герой... За что ж тебя сюда...

Арт не собирался отвечать. По правде говоря, он не знал, что отвечать.

- И меня тоже... - продолжил Глеб, отдышавшись. - Я не верю, что случайно. Меня допрашивал кто-то из ГРУ. Еще тогда... Насчет тебя... А потом - из общей палаты госпиталя... перевезли сюда. Зачем?

Свет погас. Раздался отдаленный скулеж сирены. Прогрохотали по коридору башмаки.

- Воздушная тревога, - сказал Арт.

- Значит, вас уже бомбят. С чем и поздравляю...

- Это не бомбардировка... Думаю, что это - ракетный обстрел.

- Да ну?

- Элементарно, Ватсон... Если бы им было чем нас бомбить, мы бы проснулись от взрывов еще днем.

- Так вы что... Вы что, бомбили нас?

- Скорее всего. Тихо!

О-очень далекий взрыв...

- Гады, - сказал Глеб в потолок.

- Кто? - Артем вцепился пальцами в спинку кровати.

- Да вы, кто ж еще...

- Неужто? Глеб, на минутку: кто из нас к кому вперся? Вы к нам или мы к вам?

- Вы нас позвали...

- А вы так торопились откликнуться, сердечные, что не стали дожидаться подписания Союзного Договора...

- Скотина... Как подумаю, что мог... одним выстрелом...

- Мог... Но уже поздно было... - Арт вернулся к постели, сел. - Не пили себя.

- А все-таки... - Глеб делал осторожные вдохи и говорил короткие фразы. - Зачем... тебя ко мне?

- Это тебя ко мне. Чтоб я не вздумал тут в ящик играть.

- А ты собирался?

- Была такая мысль, - он вытащил из кармана капсулы и положил их на тумбочку. Глеб оценил коллекцию и вынес вердикт:

- Дурак.

- Есть немножко.

- Так за каким хреном...? Страну, можно сказать, спас... жизнью рисковал... Герой! Нет, он в тюряге и думает, как бы... того... башкою в лебеду.

- Глеб, ты мне все равно не поверишь.

- А ты... соври посладней.

- Хорошо... - Артема внезапно охватило неуместное веселье. А хрен ли, в самом деле? Почему бы и не сказать Глебу ту часть правды, которую ему можно сказать?

- Видишь ли, товарищ капитан... Мы захватили эту вышку... как бы точнее выразиться... По собственной инициативе. Без приказа непосредственного командования. И посредственного - тоже. Вообще без приказа.

- Врешь.

- Хорошо. Тогда придумай другую теорию, которая поможет свести все факты воедино. Я не буду мешать.

Сирена. Отбой воздушной тревоги.

- Значит, это все ты сам... придумал и сделал?

- Допустим.

- А твои ребята?

- Это были мои друзья. Они мне поверили, что так надо.

- А если бы... майор послушался меня? И тебя скрутили бы?

- Пулемет на вышке. Два поста, откуда простреливалась вся рабочая площадка. И совершенно глухая дверь в аппаратную. Мы просто передали бы этот сигнал раньше - вот и все.

- Я не верю, что ты сделал все сам. У тебя были очень классные документы...

- Документы сделал осваговец Алеша Кашук, он тоже был с нами, ты его помнишь, такой здоровенный, в очках.

- Ты все равно врешь...

- Ты волен не верить. Это пожалуйста. Я даже не буду тыкать тебя носом в то, что я альпинист, и что в нашей большой деревне меня знает если не каждая собака, то каждая вторая. Если бы я был профессиональным разведчиком - кто бы позволил мне так торговать рожей? Если бы я был профи, неужели я пошел бы на это дело под своей фамилией, которую ты вспомнил на "раз"?

- Я все равно не могу поверить.

- Ну и хрен с тобой. Все равно ничего уже не изменишь. Мы это сделали.

- Что вы сделали?.. Войну начали?.. Ракет дождались на свою голову?.. Дур-рак...

- Ну, теперь ты на меня злишься?

- Пошел ты!

Артем лег на спину, задрав ноги на спинку кровати. В полной темноте и тишине легко было поверить, что они одни в целом мире.

- Глеб, а ты знаешь, кто может считаться гражданином Непала?

***

Флэннеган пришел под утро, когда Артем опять спал - не тем кошмарным сном, каким он проспал почти сутки, и не наркотической дремотой, а легким на разрыв, как пыльная паутина, сном больного человека.

Разбуженный, он молча надел ботинки и проследовал за своим конвоиром в тесный кабинет, где получил чашку отличного горячего кофе со сливками. Это было, конечно, очень хорошо и кстати, но хотелось чего-то посущественнее.

- Вы ничего не ели, - сказал Флэннеган.

- Все проспал. Какое сегодня число?

Флэннеган посмотрел на часы.

- Уже второе. Хотите чего-нибудь? Меню "Максима" не обещаю, но крэкеры и сладкие сухарики есть...

- Орешков, пожалуйста...

Коммандер приподнял брови, потом опустил и сдвинул их.

- Шутить изволите, - тоном осуждения сказал он. - Есть еще французские булочки.

Прошло совсем немного времени - и французская булочка, разрезанная на половинки и щедро смазанная маслом, отправилась в погоню за кофе со сливками.

- Господин Флэннеган, вам так катастрофически некого пригласить на кофе? Обязательно нужно было меня будить?

- Целый день происходили разные события, - ответил Флэннеган. - Потом они перестали происходить, и мы начали их анализировать. Потом я разбудил вас. Сейчас врач сменит вам повязки и мы кое-куда поедем...

Он полез в шкаф и достал пакет с эмблемой одежных магазинов "PANкратов - или PAN, или пропал!". Вытряхнул просторный, крупной вязки шерстяной свитер с капюшоном.

- Наденете, когда медик с вами закончит. Ночь холодная. Набросьте и капюшон тоже.

- Может, лучше паранджу?

- Капюшона будет достаточно.

Вошел врач. Тот самый, что принимал участие в допросе и после этого менял ему повязки.

- Готово, - сказал он через пять минут. - Одевайтесь. Без резких движений. Вот мазь. Называется "Эвита". Каждый раз при смене повязок. Очень хорошо заживляет.

Артем знал эту мазь - действительно незаменимая штука. Дают с собой - значит, он сюда больше не вернется.

- Раны победителей заживают быстро, - усмехнулся Флэннеган. - Идемте, капитан.

Они вышли на улицу и сели в черный "турбо-суздаль". По окружной кольцевой дороге объехали Симферополь, мелькнула справа по борту громада "Аэро-Симфи", и машина плавно прибавила скорости, вылетев на струну Восточного фривэя.

Два раза они останавливались на трассе по требованию патрулей, дважды Флэннеган предъявлял свою осваговскую книжку. Третья остановка была в Карасу-Базаре.

...Эти трехэтажные продолговатые корпуса, неуклюже претендующие на ампир, Артем не спутал бы ни с чем. Карасу-Базарское офицерское училище, порог которого он в первый раз переступил младшим унтер-офицером, а в последний раз - подпоручиком...

Флэннеган припарковал машину рядом с черным "Руссо-балтом". Выходя, Верещагин заметил штабные номера.

Осваговец сделал знак набросить капюшон. Капюшон был здоровенный, свитер напоминал францисканскую рясу. Артем чувствовал себя полным идиотом.

Они свернули за угол и прошли служебным входом.

- На второй этаж, - тихо сказал Флэннеган. - В кабинет директора.

Артем усмехнулся. Эта дорожка была хорошо знакома и натоптана тысячами кадетских ботинок. Здесь, в этих кабинетах и залах с алебастровыми потолками из аристократических сынков и ретивых унтеров делали офицеров и джентльменов. Стратегия и тактика. Организация и системы вооружений. Снабжение и теория управления. Математика и физика. Фехтование, стрельба, выездка и рукопашный бой. Кабинет директора он посещал дважды: один раз просил об увольнении, чтобы поехать на европейский кубок по скалолазанию в Италию, второй раз - когда умер дед.

Предосторожность оказалась излишней. В коридорах они никого не встретили.

...Осваговец сел за стол, сделал приглашающий жест в сторону стула. Артем уселся верхом, положив скрещенные руки на спинку.

- Четверть четвертого. У нас есть полтора часа на разговор, - капитан второго ранга посмотрел на часы.

Верещагин чувствовал себя, в общем-то, выспавшимся. Похоже, он превращается в ночную пташку.

- Возникает чувство ностальгии, Арт?

- Нет, - сказал Верещагин.

- Как вы стали офицером?

- Получил рекомендацию... Это есть в моем личном деле.

- Ваше дело я уже знаю как "Pater Noster". Но о личной мотивации в нем ничего не сказано.

- Я хотел получить образование... Поступал в университет...

- Провалились? С таким блестящим аттестатом?

- Поступил...

- И?...

- Семья отказалась оплачивать мое обучение...

- Вы не поддерживаете контактов со своей троюродной сестрой, единственной родственницей. Почему?

- Какая вам разница? - не рассказывать же осваговцу, что перед поступлением в университет он умудрился трахнуть Ивицу, поддавшись на авансы, которые та делала с теткиной подачи.

- Потому что вы переспали с ней и бросили ее? За это ваш дед и лишил вас наследства?...

- Слушайте, Флэннеган! - Артем удержался в тональности нормальной разговорной речи, а не крика в основном потому что не мог глубоко вдохнуть. - Вам не кажется, что вы лезете просто не в свои дела?

- Вы переспали с ней, а потом сбежали в армию. Чтобы уйти от ответственности.

- Я никогда не бежал от ответственности. Черт возьми, мы не в семнадцатом веке живем, Ивица не забеременела и прекрасно вышла замуж, она не любила меня в конце концов, ее мать ей просто приказала со мной спать. А мне было семнадцать лет и я был дурак... Я не говорю, что я был невинным совращенным подростком... Но мы оба смотрели на это несколько иначе, чем наши старики... и все вышло так, как хотела моя тетка - все четыре дедовых баркаса достались ей. Она свое получала и так и так...

- Я всегда говорил, что в оперативном отделе нам не хватает женщин, - заметил Флэннеган. - Ваше увлечение всем советским - оно имеет какое-то отношение к...

- Имеет. Не спрашивайте меня об этом...

- Почему?

- Боже, Флэннеган, всему же есть предел! Это - личное, понимаете вы или нет?

- В данный момент - нет. Я на службе.

- Так задавайте вопросы по существу!

- Хорошо. Почему вы приняли предложение Востокова? Какие на то были причины?

- Я уже объяснял...

- Нет, то, что вы объясняли, я усвоил. Личные причины были какие? Вы же не могли не понимать, что это почти верная смерть. Востокову, как и вашей тетке, было плевать, чем окончится это для вас - он свое получал при любом раскладе. И вы это знали. Догадывались. И все-таки пошли на это сами и повели своих друзей - почему?

- Потому что другой возможности не видел.

- Арт, а вы не задумывались о том, что видеть другие возможности - задача не ваша? Что это вопрос компетентности как минимум полковника?

- Задумывался... Полковники, как я понял, ни хрена не делали.

- А вы понимаете, почему?

Артем понимал. Каленым железом в историю Белой Армии была впечатана позорная дата - март семнадцатого года. Генералы - Алексеев, Лукомский, Деникин - всю жизнь не могли простить себе участия в заговоре с целью отречения Николая Второго. Один раз, только один раз они отважились на политическое решение, которое полагали правильным - оно оказалось гибельным. С тех пор поколения крымских офицеров вырастали с жесткой установкой: никогда, никогда армия не должна лезть в политику! И с того дня, когда Врангель сложил с себя диктаторские полномочия, эта установка соблюдалась неукоснительно. Политические амбиции тот, кто их имел, приберегал до выхода в отставку.

- Итак, личные мотивы. Не деньги. Слава?

- Вы смеетесь... Какая слава? Я сутки провел в тюряге. Это была ваша идея - подложить ко мне капитана Асмоловского?

- Моя. Я, в общем, был уверен, что вы не траванетесь, как подзалетевшая гимназистка, но береженого Бог бережет. Я ведь теперь за вас отвечаю, Арт. Пасу вас, как говорят в ОСВАГ. А вы умело переводите стрелки. В третий раз: личные причины для участия в заговоре Востокова?

- О Господи, ну это же так просто!? Врезать Совдепии по зубам так, чтобы она еще долго отплевывалась! Вы бы смогли отказаться от такого предложения?

- Я - да. Это не мой уровень ответственности.

Артем на секунду задержал дыхание. Потом тихо сказал:

- Надоело. Все твердят одно и то же - это не их уровень ответственности. Одному Лучникову плевать на все уровни ответственности - он и имеет всех как хочет.

- Как оказалось - не одному Лучникову... Господин капитан, Лучников - всего лишь человек. Он ничего бы не смог, не будь на то воля масс...

- Гитлер тоже не смог бы... Это не снимает с него греха.

- Грех - хорошее слово. Вы готовы отвечать за свои грехи?

- Да.

- Головой?

- Да.

- Как вы думаете, что вам грозит за нападение на командира?

- Я был в состоянии аффекта.

- В состоянии аффекта люди кричат, матерятся и бьют посуду об пол. А притвориться теряющим сознание и ухватиться за графин... И врезать именно тому, чье отсутствие радикально меняет картину в штабе...

- Не делайте из меня Джеймса Бонда. Плевал я на картину в штабе. Басманов говорил про меня так, словно я кусок дерьма. И мне до смерти захотелось врезать ему. Показать ему, как оно бывает, когда тебе проламывают нос тяжелым предметом. Вот и все.

- Скажи эту фразу Адамс, вы ударили бы его?

- В этой ситуации?

- В этой ситуации.

- Нет. Думаете, поймали меня? Ладно, поймали. Поймите, я был на взводе, и когда главком начал говорить про перемирие с Союзом... Я подумал: как никто еще не шваркнул ему по морде. Чтобы он понял, какую цену люди платят за то, что он хочет отдать даром. Хотя бы приблизительно, но на собственной шкуре понял, что это такое...

- А вы не слишком дорого цените... э-э-э... свои злоключения?

- Я их в грош не ставлю. Но у меня был друг, прапорщик Даничев, двадцатидвухлетний жизнерадостный балбес. Его убили первым, пуля попала в позвоночник. У меня был еще один друг, Володя Козырев. Он искалечен бесповоротно. Костя Томилин погиб у меня на руках. Мальчики из взвода, который мне придали... Эти люди мне будут сниться по ночам! Два десятка паршивых швов - ерунда. Но что я скажу Даничеву, если он придет ночью и спросит: "Чего ради я подох?" Какого черта вы меня сюда притащили? Я уже рассказал все, что знал, что вам еще нужно?

- Это не допрос, Артем. Я хочу понять вас. Понять, как лучше вас использовать.

- Никак. Я забираю свою долю и выхожу из дела. С меня хватит.

- Нет, капитан. Вы в моем распоряжении, и я буду решать, хватит с вас или нет. С того дня, как вы присягнули народу Крыма, вы потеряли право решать, когда с вас хватит.

- Я присягал народу, а не ОСВАГ! Я - армейский капитан, и мое место - в моей части, а моя часть - в Сарабузе. До свидания, коммандер, приятно было познакомиться.

- Заткнись! - рявкнул Флэннеган. - Заткнись, мальчишка! Ты должен был вспомнить об этом раньше, когда Востоков начал обхаживать тебя! Вот ему ты должен был сказать именно это: "Мое место - в армии, мое дело - тянуть лямку, я не генерал, а капитан, и ваш гениальный план "Айкидо" пахнет крепкой пеньковой веревкой". Вот тогда было не поздно сдать назад. А теперь - уже поздно, и ты будешь делать то, что я тебе скажу. Потому что еще вполне может сложиться столь милая твоему сердцу картина: капитуляция Крыма перед СССР. А теперь слушай внимательно. После того, как Басманов попал на больничную койку, в штабе брожение. Штаб держится, пока идут боевые действия, но с их окончанием он пойдет вразнос. А боевые действия закончатся вот-вот. Как раз сейчас, по идее, завершается последняя операция плана "Экспресс" - "Вдовы" громят Каховскую авиабазу.

- "Вдовы"? - у Артема заныло под грудью.

- "Вдовы" и коммандос. В чем дело, господин капитан? Сердечная рана? Эту цену ты не был готов уплатить?

- Заткнитесь.

- Молчать!..

Флэннеган поднялся со стула, прошелся по подиуму и неожиданно снова перешел на "вы".

- Вернемся к нашим баранам: к утру воевать станет уже не с кем. Разрозненные группы советских солдат, болтающиеся там и сям, не в счет. Вы все поняли?

- Так точно, - деревянным голосом ответил Артем.

- И что вы поняли?

- Власть. Она в ничьих руках.

- В "яблочко". Очень плохо лежит. А ОСВАГ в данной ситуации очень скверно выглядит. Когда в штабе заходит речь о расформировании Агентства, Воронову делается неуютно. Он ищет выход из положения.

- Надо думать, кое-кто из офицеров штаба ему сочувствует...

- Всем сердцем. Тогда, в Главштабе, вы были правы: нужно просить помощи у НАТО, у Запада. Но для этого нужна хотя бы видимость правительства. А правительство вывезено в Москву. Я думаю, что сейчас их там интенсивно обрабатывают, готовят договор задним числом... Нужно сыграть на опережение.

- Путч...

- Об этом пока речи нет. Даже в своих мятежных порывах господа комдивы остаются до ужаса законопослушными гражданами. Но ситуация избыточной свободы тяготит их все больше и больше. У них уже поворачивается язык для того, чтобы произносить интересные слова вроде "Координационный совет" и "Правительство военного времени". Представляете, что об этом напишет завтрашний номер "Курьера"?

- А "Курьер" выходит?

- С сегодняшнего утра. Надо отдать Бруку должное: едва он выбрался из каталажки, как тут же сел за наборную машину. "Курьер" выпущен на восьми полосах, силами четырех журналистов и двух рабочих типографии. Читайте, - он распахнул папку и протянул Артему газетный номер.

На первой странице аршинными буквами было набрано: "Почему мы воюем?" Под этим заголовком Верещагин увидел две фотографии, и на обеих с ужасом узнал себя. Первой, представлявшей собой увеличенный фрагмент группового снимка, было два года, это фото он сам посылал в "Курьер" - в качестве иллюстрации к их гималайской драгонаде. Второй кадр был отснят не далее как вчера (вернее, уже позавчера) - совершенно похабного качества снимок, переведенный с видеокамеры, которую скотина Боб наверняка держал в своем тарантасе и втихаря кое-что записывал. На снимке разбитое лицо выглядело даже хуже, чем в зеркале. Внизу, под фотографиями, проходила крупная (но не такая, как первая) "шапка": "Капитан Нет: человек, который знает ответ ".

- Черт... - сказал он, пробежав глазами несколько строчек. - Если это не прошло через руки ОСВАГ, я съем свои ботинки.

Флэннеган покосился на ботинки Артема с некоторым недоверием.

- Не понимаю, чем вы недовольны. Неплохой репортаж. Боб Коленко никакой не газетчик, конечно, он телевизионщик, но Брук помог ему слепить вполне приличную полосу. Да я почти горжусь, что мои ребята приложили к этому руку! Кстати, вашего имени не называют. Брук осторожен до паранойи...

- Угу. Мудрено будет им узнать Дубровского. Зачем, Флэннеган?

- Затем, что нужно было преподнести мировому общественному мнению удобоваримую версию происходящего. Армейский капитан возмутился беззаконием вторжения и передал с телевышки "Красный пароль". Арт, вам из игры уже не выйти. Официальная версия событий выглядит именно так: вы провели радиодиверсию по собственной инициативе, будучи ярым, непримиримым и последовательным противником Идеи Общей Судьбы. Кстати, это правда. Только не вся. Следующий ход сделает Москва. Кстати, пора бы вам узнать, что происходит в Москве. Откройте вторую страницу...

Верещагин покорно зашуршал газетой. Вторая страница встретила его заголовком "Умер Леонид Брежнев". Конечно, при Лучникове это сообщение попало бы на первую полосу, но Брук - не Лучников, и местечковые крымские бури в стакане воды для него всегда были важней потрясений большого мира.

О смерти Генсека было сказано ровно столько, сколько попало в сообщение ТАСС. Но этот коротенький стейтмент с посмертной фотографией из Колонного Зала был богато декорирован аналитикой и рассуждениями на тему "что же теперь будет". Внизу страницы разместились портреты шестерых наиболее вероятных претендентов на престол.

- Ну, кто из них? - спросил Флэннеган.

- Это лотерея?

- Нет, это допрос.

- Гебист. - Верещагин ткнул пальцем в Пренеприятнейшего.

- Как интересно... А почему?

- Он выглядит самым больным.

- Опять шутка... Три дня назад у него были самые твердые шансы... А сейчас они пошатнулись. Он был главным инициатором военной агрессии в отношении Острова. Эта ошибка ему может обойтись дорого.

- Значит, он постарается всех опередить.

- Вряд ли успеет... Мы тут с вами приятно беседуем. А между тем время идет. Арт, вы сейчас находитесь в очень опасном положении. Выбирайте - на танке вы или под танком.

- Я что-то плохо соображаю...

- Полковничьи погоны. Должность в Главштабе. Полная защита от любых посягательств, все, что может предложить ОСВАГ. Должность во временном правительстве. Деньги.

Артем приподнял бровь.

- Сколько?

- Полмиллиона. В долларах. Для начала.

- Нет.

- Хорошо, назовите вашу цену.

- Идите к чертовой матери. Проверять они меня будут...

- Это не проверка, уясните себе наконец! Вы мне нужны, и не только мне, и я расшибусь, но вы будете нашим! Верещагин, я повторяю: вы потеряли право чего-то хотеть или не хотеть. Вы принадлежите армии.

- Ну, тогда прикажите мне.

- Приказ вы можете нарушить. Нужен более четкий стимул.

- Так вы решили меня купить? И шантажировать тем, что я куплен?

- А вы чего хотели? Арт, что вы ломаетесь, как девочка - любой капитан форсиз из штанов бы выскочил ради второго просвета, я этого я должен уговаривать...

- Я отклоняю ваше предложение.

- Предпочитаете быть повешенным? Вопрос насчет ответственности я задавал не для проформы.

Артем промолчал.

- Это идотизм врожденный или благоприобретенный? Артем, вы знаете, что всех иммигрантов в годы войны проверял ОСВАГ? В особенности это касалось иммигрантов с Севера.

Верещагин смотрел в сторону.

- Я проглядел досье на Павла Верещагина. Совершенно заурядное досье на иммигранта, кроме одной подробности: пулевого ранения в плечо. Арт, вы знаете, кто стрелял в него?

- Его расстреляли СМЕРШевцы. Как дезертира.

- Вам рассказывала мать?

- Дед.

- Видимо, феноменальная везучесть - семейная черта. Как и феноменальная глупость. Я честно пытался представить себя на его месте: отступление, переходящее в бегство, пыльная дорога, СМЕРШевский кордон, торопливый расстрел, немецкий плен, побег... Казалось бы: отвоевал, прошел и Грецию, и Италию, жив остался - живи спокойно! Как, как можно вернуться в страну, которая за все рассчиталась с тобой пулей в спину? Кем надо быть, чтобы, поверив лживому пропагандистскому плакатику, дважды влезть в ту же канаву? Или вы, русские, думаете, что подставлять свою задницу ни за хрен собачий - героизм? Что за идиотская тяга к саморазрушению? Почему нужно пустить к черту свою жизнь ради какой-то химеры?

- Потому что я устал. Потому что мне надоело переходить от разведки к разведке, как засмальцованный полтинник.

- Блестяще... Сначала он говорит, что готов отвечать за свое дело головой, а потом прячется в кусты. Штабу нужен от вас не треп, ему нужно дело. Речь идет о должности командира дивизии. Вашей, Корниловской. О ситуации, когда мы полностью утратим над вами контроль. И о том, что нужно быть железно уверенными в вас.

- Десант? - без голоса выдохнул Верещагин.

- Я этого слова не произносил. Советую и вам его не произносить.

Артем вытер со лба пот.

- Господи... Флэннеган, я черт знает что подумал.

- Арт, ваш ответ! Да или нет? Назначение у меня в кармане - вы подпишете его?

- Да, - Верещагин расцепил пальцы.

Флэннеган, как козырь на зеленое сукно, бросил сложенную вдвое бумагу:

- Подписывайте.

Артем прочитал бланк. Печать кадрового управления Главштаба была настоящей. Подпись полковника Адамса он узнал.

Впрочем, в ОСВАГ сделают лучше настоящих - если надо.

Он усмехнулся краем рта, взял протянутый Флэннеганом "Паркер" и расписался в том, что принимает назначение. На стол перед ним упала офицерская книжка - новенькая, еще тугая на сгибе, где в графе "звание в настоящий момент" красовалось: ПОЛКОВНИК.

- Следуйте за мной, - сказал коммандер, сложив патент и положив его в карман.

- Куда? - спросил Арт, когда они проделали весь путь в обратном направлении и сели в машину. "Руссо-балта" со штабными номерами во дворе уже не было.

- Мы едем в гости, ваше высокоблагородие, - тон Флэннегана снова обрел непринужденную легкость. - Можно сказать, в приличный дом.

- Предупреждаете, чтобы я не сморкался в рукав?

- Было бы очень мило с вашей стороны.

- Может, мне стоило бы побриться? Переодеться в соответствующую форму?

- Нет, сейчас как раз то, что нужно.

- Что на этот раз?

- Вы поймете. Сначала я думал вам объяснить, но потом склонился в сторону вдохновенной импровизации.

Верещагин не чувствовал никакого вдохновения.

- Человеческий фактор, Артемий Павлович. Все упирается в человеческий фактор. Ничего нельзя планировать точнее, чем на восемьдесят процентов. Всегда нужно иметь в запасе как минимум два варианта, не знаешь, какой надежнее... Мой коллега господин Востоков наплодил вариантов как кроликов. Я еще не натыкался на такую развилку, где он бы не наследил. Мне у него учиться и учиться...

Он умолк, и Верещагин слегка задремал. Не то чтобы задремал даже - погрузился в какой-то транс, прерывавшийся очередным поворотом машины. Последний отрезок пути показался ему чем-то вроде порезанного и склеенного как попало фильма.

Машина покинула серпантин прибрежной трассы и свернула в одно из ущелий на двухрядку, поприветствовавшую их надписью "Privacy". Еще несколько поворотов - и дорога уперлась в ворота усадьбы. Маленький паркинг был рассчитан на машины гостей, которых пока неизвестно - то ли принять, то ли выкинуть за порог. Артем осторожно зевнул, прогоняя сон, отстегнул ремень безопасности и вышел из машины. Флэннеган уже вовсю орудовал отмычкой в замке калитки.

Этот дом явно принадлежал людям старой формации: ни видеокамер, ни охраны, ни мощных собачек... Они пересекли двор с гаражом и вошли в дом. Артем заметил какое-то движение в дальней башенке, проблеск света, но не стационарного, а скорее электрического фонарика.

Флэннеган вошел в холл, пошарил рукой, щелкнул выключателем, чертыхнулся: свет загорелся за окном, во внутреннем дворике наподобие патио, на дне бассейна. Следующее нажатие оказалось правильным: зажегся интимный такой светильничек, вмонтированный в стену. Осваговец не стал экспериментировать дальше, а сел в кресло в освещенной зоне. Сделал Артему знак занять соседнее. Верещагин отрицательно покачал головой: если и в самом деле предстоит разговор, сон нужно перетоптать. Он решил осмотреться.

В таких домах он еще не бывал. Гия Берлиани или, к примеру, сестрички Бутурлины были наследниками состояний, которое он мог бы, в принципе, сколотить годам к шестидесяти - если бы вышел в отставку, не занимался ничем, кроме бизнеса и ни разу не ошибся, вкладывая деньги. И главное - если бы захотел. Но здесь начинались деньги, которых он не то, что заработать - представить себе не мог. Одно месячное содержание этой большой усадьбы наверняка обходилось в его годовое жалованье. Нарочитая простота интерьера только подчеркивала стоимость тех немногих предметов роскоши, которые он мог бы четко признать таковыми. Может быть, белая ваза, в углу подернутая кремовым налетом двух веков и не была настоящей японской вазой из фарфора аомори, но за Шагала он прозакладывал бы голову, а "Прометей" Неизвестного был если и не подлинником, то авторской копией.

Он почувствовал спиной чье-то пристальное и враждебное внимание. Кто-то шел по галерее, стараясь шагать неслышно, но при этом астматически сопя. Верещагин позволил ему дойти до двери и только тогда медленно повернулся. Он знал, что человек, с таким сопением ступающий ночью по галерее собственного дома, неопасен. Он знал, что выглядит сейчас так, что и в мирное время мог бы напугать обывателя. Поэтому развернулся спокойно, держа руки на виду и всей позой демонстрируя безобидность.

И оказался лицом к лицу с высоким белокурым юношей, одетым в расшнурованные кроссовки и джинсовые шорты до колен. Парень не выглядел бы грозным, если бы не одно "но": в руках у него был "саваж-300" и целился он Артему в грудь.

- Молодой человек, - подал голос из кресла Флэннеган, - пожалуйста, опустите оружие. Мы не представляем никакой угрозы. Вот мои документы, - он бросил на журнальный столик свою "корочку". - Арт, достаньте офицерскую книжку.

Увидев, что совершивших вторжение людей двое, парнишка слегка растерялся. Он потянулся было к документам, но это означало отказаться от оружия: он не смог бы стрелять из "саважа" с одной руки.

- Мы окружены, коммандер, - сказал Верещагин, оглянувшись через правое плечо.

Осваговец проследил его взгляд. Из комнаты вели три двери: одна, на веранду, была перекрыта юным защитником частной собственности, вторую загораживал старый китаец, вооруженный поварским тесаком, а третью обороняла блондинка, которая знала, как обращаться с "береттой" - во всяком случае, предохранитель был в боевом положении. Девушка тоже недавно была в положении - длинная рубашка открывала ее слегка оплывшие, погрузневшие бедра, на груди ткань покрылась засохшими молочными

потеками, огромные серые глаза были обведены темными кругами... Самое опасное здесь существо. В защиту своего мужчины и своего младенца спустит триггер, не задумываясь.

- Повернись спиной, руки на стену, - американский акцент, тягучая южная патока. Артем подчинился. Ствол уперся ему в спину, маленькая ладошка обшарила район талии, бедер и подмышек. Если бы не синяки и швы, это было бы даже приятно.

- Тони, у него нет ничего, - сказала женщина.

Юноша явно не готов был принять решение. Блондинка приняла его молчание за согласие на дальнейшие действия по собственной инициативе.

- В кресло, - скомандовала она Артему. Потом, глядя сверху вниз, спросила:

- Кто вы?

- ОСВАГ, - ответил Флэннеган. - Посмотрите документы, мэм...

- Ты! - девушка повернулась к нему. - Лицом к стене, руки на голову.

- Вы служили в полиции, мэм?

- Заткнись!

- Видите ли, я очень надеюсь, что вы умеете обращаться с оружием. Случайный выстрел, когда пистолет в руках случайного человека - более чем обычное дело. То же самое касается и вас, Антон Андреевич.

- Заткнись! - повторила юная мать. - В кресло!

Очень предусмотрительно со стороны Флэннегана было не брать с собой оружия. Впрочем, он же профессионал.

Девушка, не поднимая документы со столика, развернула их. Кинула быстрый взгляд на Флэннегана, потом на Верещагина.

- You don't look alike.

- It's temporary, - он улыбнулся. Улыбаться стало легче, отек на лице постепенно опадал, но вот свою принадлежность к белой расе еще долго придется доказывать.

- How should I know? However, I don't care who are you. Get out!

- Уходите, - подал, наконец, голос юноша. - Это частные владения, вас сюда не приглашали.

- Антон Андреевич, мы пришли просить о помощи, - самым доверительным тоном сказал осваговец.

- Кого? Меня?

- Нет, Антон Андреевич, не вас. Господина временного премьера.

- Здесь нет времпремьера.

- Знаю. Здесь есть библиотекарь. Господин Кублицкий-Пиоттух.

- В четыре часа утра?

- Что поделаешь... Время не ждет.

- Его здесь нет.

- Это неправда. Его машина стоит в гараже. Там же находятся две другие: "роллс-ройс" и "лендровер". Там же - ваш "кабрио". Остается предположить, что вы отправили господина Кублицкого-Пиоттуха пешком от "Каховки" до Коктебеля, что в его возрасте...

"Каховка!" - Верещагин готов был треснуть себя по лбу. Ну конечно, кто же еще владеет землей к востоку от Судака? Усадьба Лучниковых. Нервный юноша со штуцером - сын самого Гражданина Кейна, блондинка, истекающая молоком и угрожающая пистолетом - его невестка, а ее ребенок (сверху послышался звук, который не спутаешь ни с чем: мяуканье просыпающегося новорожденного младенца) - его внук. Китаец, надо думать, слуга.

- Что вам нужно, господа? - явление третье: те же и пожилой мужчина в пижаме. Верещагин узнал лицо, сотни раз виденное на экране ТВ и на первых полосах газет. - Что вам нужно от меня и молодых людей?

- Пусть молодые люди хотя бы опустят оружие, - чуть ли не жалобно попросил Флэннеган. - Вряд ли они его оставят, но пусть хотя бы опустят.

- Пам, иди к бэби, - юноша опустил "саваж". - Отдай пистолет Хуа.

Поза и взгляд блондинки говорили, что она не согласна, но подчиняется. Бэби не так уж нуждался в помощи: немного похныкав, он затих. Тем не менее золотоволосая Юнона скрылась за дверью, и Артем почувствовал облегчение. Китаец обращался с пистолетом достаточно умело, чтобы можно было не бояться случайной пальбы.

- Господин времпремьер, - начал Флэннеган.

- Я не премьер...

- Ваши полномочия действуют.

- Антон, прошу вас, оставьте нас на время. И Хуа тоже пусть уйдет, - премьер, казалось, готов был разрыдаться. Или спросонья голос звучал так. - Мы немного поговорим, и эти господа уедут.

"Черта с два", - подумал Артем, вставая из кресла и разогревая себя ходьбой из угла в угол. Он уже понял, чего хочет Флэннеган и, как это ни было противно, готовился сыграть свою роль. Роль харизматического парвеню, умудрившегося увлечь за собой армию. Роль неплохого, в общем-то, человека, но уж слишком сильно зацикленного на своей правоте и считающего перенесенные во имя нее страдания пожизненной индульгенцией. Команданте Че Верещагин. Старая добрая игра: покажи человеку смерть и он примирится с лихорадкой.

- Я отказался от своих полномочий, и убедительно прошу оставить меня в покое! - прошипел старик.

- Позвольте возразить, - мягко сказал компаньеро Флэннеган. - Принять у вас отставку может только Дума. Думы нет. Ваши полномочия не отменены. У вас есть власть и есть обязанности, налагаемые этой властью.

- Я не могу. Я не хочу...

- Послушайте! - вступил Артем, поймав взгляд Флэннегана. - Вас никто не спрашивает, хотите вы или нет. Присягу давали - хотели? На приемах в смокинге щеголяли - хотели? А теперь - под лавку?

- Господин полковник, - одернул его Флэннеган. - Не вмешивайтесь, пожалуйста.

В гостиную вошел Хуа с бархатным халатом, карман которого подозрительно провисал. Кублицкий-Пиоттух с торопливой благодарностью завернулся в явно великоватый и явно любимый прежним хозяином полысевший на локтях шлафрок. Нащупав предмет в кармане, он боязливо отдернул руку и положил ее на стол.

- Хуа, кофе, прошу вас, - сказал он.

- Мне - чаю, - быстро встрял Артем. - От вашего кофе я скоро взорвусь.

- Мне тоже чаю, с вашего позволения, - Флэннеган поднял палец, как в кафе.

- Конисна, - китаец сверкнул глазками и снова исчез.

- Господин премьер, я не хотел бы принуждать вас к чему-нибудь, но ситуация обязывает нас найти человека, который мог бы стать гарантом легитимной власти.

- Почему вы не стали искать его раньше, когда начали войну? - старик намерен был держаться, но голос выдавал бреши в его обороне.

- Потому что нам некогда было шарить по виллам Побережья! - Верещагин повел свою партию. - Мы сидели за колючей проволокой, в жаре и вони. И слушали, как в жилом городке кричат наши жены и дочери. И попробуйте мне сказать, что мы были неправы, когда положили этому конец!

На этот раз Флэннеган его не перебил.

- А что вы со мной сделаете, юноша, если я так скажу?

- Да ровным счетом ничего. Если вы так скажете, нам останется только развести руками и свалить отсюда. Денька через три на нас посыплются бомбы. И все только потому что Виктору Степановичу лень лишний раз надеть смокинг и поболтать кое с кем из НАТО.

- Арт, прошу вас... - Флэннеган умело изобразил тон человека, осознающего эфемерность преимуществ должности перед реальной силой. Парня нужно номинировать на "Оскар".

- Если вы не хотите поехать с нами, - примирительно сказал он, - то, может быть, ответите на один вопрос: когда и кем был подписан с советской стороны договор о присоединении? Поверьте, нам это очень важно знать, а спросить не у кого, кроме вас...

- Я не понимаю, о чем вы.

- Договор о добровольном присоединении к СССР, - нетерпеливое удивление осваговцу тоже удалось отлично. - С нашей стороны его подписали вы и одобрила Дума, а кто подписывал с советской? Мы не можем найти ни одной копии документа...

Под шорох колес в гостиную въехал Хуа на сервировочном столике. Поэтическая гипербола: конечно, он катил столик перед собой, а не ехал на нем, просто мягкие тапочки китайца ступали так мелко и неслышно, что казалось - столик едет сам, а Хуа плывет за ним по воздуху. Артем на ходу поддел стакан с крепким чаем и бисквит. Времпремьер вцепился в чашку, как девушка перед ландскнехтом - в свой пояс целомудрия. Флэннеган небрежно поставил свой чай на стол, демонстрируя, что по важности это не сравнимо с ответом времпремьера.

- Этот документ не был подписан, - тихо сказал времпремьер. - Его нет и никогда не было. Мы только рассматривали соглашение, советский посол отвез его в Москву еще в январе, но дальнейшие переговоры заглохли.

- То есть, - осваговец наморщил лоб, - вторжение советских войск осуществлено на незаконных основаниях?

Верещагин от неожиданности одним глотком ополовинил чашку. Пищевод завязался узлом: была и такая пытка в средние века - накачивать человека горячей водой...

- Это очень скользкий вопрос, господа, - стушевался премьер.

- Оставьте его Флэннеган, - прохрипел Артем. - Вы же видите: это политик. Из той породы, от которых никогда не дождешься "да" или "нет". Только виляние и увертки. Скользкий вопрос - это точно. Дерьмо - оно скользкое.

И вновь Флэннеган его не перебил.

- А вы так просто даете однозначные ответы на все вопросы? - старик обернулся к нему. - Ни виляния, ни уверток? Так скажите, юноша, когда вы еще не знали, что вторжение незаконно, это остановило вас? Вы подумали, чем может обернуться восстание "форсиз"? Не для вас лично - для страны?

- Я не для думания форму надел, - отрезал Артем. - Я присягу дал: если на страну нападут, брать оружие и идти драться. На страну напали. Мне что - в кабинет министров звонить и интересоваться, а законно ли мне руки крутят?

- Звонить в кабинет министров - это дело генералов.

- Генералов, господин премьер, уже всех вывезли к тому моменту. Пришлось капитанам их работу делать.

- И вы думаете, что справитесь?

- А тут и справляться нечего. Начать и кончить. Только есть маленькая сложность: Союз - страна большая, так что скоро придется делать все сначала. Раз, еще раз, еще много много раз... Выдохнемся, если не помогут друзья из Северной Атлантики. А с этими друзьями должен говорить человек, у которого есть законная гражданская власть.

Виктор Степанович улыбнулся.

- Молодой человек, а что мешает вам взять эту власть в свои руки? Если армия пошла за вами - неужели к вам не прислушаются западные политики? Ей-Богу, "Верещагин" звучит не хуже, чем "Пиночет". Вы уже один раз наплевали на волю народа, совершенно ясно выраженную в итогах голосования. Отчего же вам не сделать этого во второй раз? И в третий, если понадобится - оправдываясь исключительно верностью долгу и присяге?

Артем, поморщившись, откинулся на спинку кресла. Кресло прогнулось, спина завопила чуть ли не в голос.

- Оттого, - процедил он сквозь зубы. - Что я не хочу погубить страну. Нам вот так нужна помощь Альянса. А Альянс не будет иметь со мной дела. До тех пор, пока они не получат официального заявления от официального лица - для них все происходящее будет оставаться внутренним делом СССР.

- Где вы изучали политологию, господин... э-э...

- Полковник, - подсказал Флэннеган.

- На ротной кухне, - огрызнулся Арт.

- Это заметно.

Верещагин разозлился уже по-настоящему.

- Слушайте, вы! Только что, когда мы вперлись в вашу privacy, на защиту одной трусливой старой задницы встали двадцатилетний парнишка, его только что родившая жена и китаец, из которого песок сыплется. Не спросив ни у кого, есть у них право тыкать стволом в работника ОСВАГ или нет, не зная, кто мы, ребята просто встали, взяли оружие и пришли сюда, защищать свой дом. И каждого из них я уважаю в десятки раз больше, чем вас, чьей обязанностью было защитить Крым, и кто его просрал. Я смотрю на вас и вижу не премьера, доктора наук, уважаемого человека, а дезертира и труса. Хорошо, я послушаюсь вашего умного совета. Вернусь в армию и скажу, что теперь я главный и беру всю ответственность на себя. Два раза не казнят. А вы останетесь здесь, и будете каждый день смотреть в глаза этому мальчику, этой девочке и их ребенку. Прощайте, господин премьер, видеть вас я больше не хочу. Идемте, Флэннеган, пусть он остается здесь и жует на завтрак свои принципы.

- Полковник, я немного задержусь, - Флэннеган выглядел довольным. - Подождите меня на террасе, я скоро присоединюсь к вам.

- Бросьте! Это все дохлый номер: есть такие люди, которым плевать на весь свет, главное, чтобы ручки остались чистенькими. - Верещагин чувствовал себя так, будто совершил марш-бросок и выдержал спарринг.

- Я прошу у вас десять минут.

- Заметано, - Артем вышел на террасу, спустился в патио, обогнул бассейн и оказался у калитки в сад, откуда открывался вид на бухту и склоны Святой Горы.

Так вот, где ты вырос, Гражданин Кейн. Вот, где ты вынашивал и рожал свои прекрасные идеи. Чудесный садик, полудикий ландшафт, райская долина и лоно бухты. В таком месте и я, возможно, вырос бы прекраснодушным идеалистом. Здесь очень легко приходят мысли о том, как просто сделать всех счастливыми...

Невнятным бормотанием через фильтр раздвижной стены доносился разговор. Сейчас Флэннеган его дожмет. Арт нащупал в кармане офицерскую книжку. Флэннеган дожмет кого угодно...

Сзади послышались шаги и сопение, пахнуло табачным дымом. Мальчишка нетренированный, да еще и курит.

- Извините, сэр, - начал он.

- Я тебе не сэр, так меня могут называть только подчиненные. А это право надо заработать.

- Я... не знаю, как к вам обратиться. Я просто подумал: нужно, чтобы вы дождались утра. Ночью по этой дороге не езда, а раз с вами будет Виктор Степанович...

- А он что, будет с нами?

- Да, он только что мне сказал, что возвращается в Симфи. Но не сейчас. В семь утра. Ваш осваговец сказал, что вы не очень торопитесь. Вы разрешаете им остаться до семи?

Верещагин удушил свой смех в колыбели.

- До семи - разрешаю.

- А где вы будете спать?

- Где скажешь, Антон. Ты здесь хозяин.

- Здесь хозяин - папа, - мальчишка помрачнел. - Пойдемте...

***

Завтрак был самый простой: сваренное вкрутую яйцо и стакан молока. Хлеба в доме не было, поэтому Памела хрустела корнфлексом. Детеныш лежал у нее на животе, растопырившись лягушонком. Антон изображал в дверях кариатиду.

Арт наблюдал за этой мизансценой сквозь стекла веранды, цедя молоко из толстозадого стакана для виски и слушал, как в одном из закоулков его души, поджав хвост, скулит одиночество.

Что ж ты стоишь столбом, белобрысый балбес, подойди к ней и возьми кроху. Что у тебя за мина на лице, ты же должен быть счастлив, дурашка, ты должен с ума сходить от того, что сумел обмануть смерть, сумел протянуть руку через порог, сотворил единственное чудо, которое по-настоящему доступно человеку. Прикоснись к нему.

Памела подняла голову и улыбнулась своему мужу, отцу ее ребенка. Все-таки мальчик, ужасный мальчик, по-мальчишески ревнующий к другому мальчику... Ну, наконец-то! Оставил свой косяк, сел напротив, принял ребенка на грудь. Все-таки небезнадежный паренек. Просто от легкой жизни слишком поздно взрослеют мальчики из хороших врэвакуантских семей.

И тут Верещагин подумал о том, о чем не мог не подумать, о чем думал за последнее время не раз, и о чем предпочитал не думать вообще, потому что мысли эти саднили куда сильнее, чем все швы, вместе взятые.

Каховка. Какое странное совпадение: мы оба, примерно в одно время, в Каховке. Только у нас все по-разному, потому что ее Каховка настоящая, и огонь, и смерть там настоящие...

- Вчера вы попрекали меня этими детьми, - тихо сказал врем премьер, который в костюме и при галстуке выглядел куда более представительно, чем в пижаме. - Так вот, они вернулись из Турции в ночь на первое, когда узнали, что Крым восстал. Я чуть с ума не сошел, когда их здесь увидел. Они вернулись потому, что поверили в форсиз. Вы отвечаете за них так же, как и я.

- Да, - ответил Верещагин. - И помоги Бог нам всем.

Флэннеган говорил по телефону в гостиной. Вернее, говорил кто-то на другом конце провода, а Флэннеган слушал. Артем прошел через столовую в кухню и налил себе еще молока. Хуа неодобрительно наблюдал за ним, потом исчез - в кухню вошел Антон.

- Можно поговорить с вами? - тихо спросил он.

- Говори.

Они вышли к бассейну.

- Возьмите меня с собой, - попросил парнишка.

Верещагин быстро прикинул, резервист он или нет. Если да - у него могут быть крупные неприятности... Не хотелось бы неприятностей для Антона и Памелы. Ужасно не хотелось бы...

- Ты в резерве? - спросил он, задействовав обертоны, необходимые ротному в повседневной работе с личным составом. - Отвечать быстро и честно!

- Нет... - Антон поежился.

- Точно?

- Точно.

- Тогда расслабься.

- Послушайте, господин полковник! - мальчишка хотел было взять его за рукав, но быстро одумался, натолкнувшись на непроницаемый командирский взгляд. - Я ведь... Я вернулся не просто так! Понимаете, я...

- Понимаю, - Верещагин смягчил тон, - сядь. Подумай еще раз. Если ты резервист, то, конечно, должен ехать с нами. Иначе - трибунал и тюрьма. А если нет, то не валяй дурака, у тебя здесь жена и сын. Не волнуйся, станет жарко - и про тебя вспомним.

Антон упер локти в легкий летний столик, запустил пальцы в шевелюру.

- Я боюсь, - сказал он.

- Все боятся.

- Нет, не все... Памела, она такая... сильная. Она ничего не боится. Я должен быть сильным, понимаете? Я, а не она. А получается, я не знаю, как это делается... Я ничего не знаю и не умею, она обходится без меня... Но хоть что-то я должен сделать! Я думал, что дед побудет с ними, пока я... - он замолчал, подавляя слезы. - Позвонила эта дура, Лидка Нессельроде... Визжала, как резаная... дед умер в каком-то госпитале, а я не знаю, что делать, куда ехать, Господи, зачем я уплывал, зачем вернулся!..

- Угу, - Верещагин откинулся на спинку стула. Потом сказал, как продиктовал:

- Возьми "ровер", спустись в город и купи жратвы, у вас пустой холодильник. Позвони в свой банк, спроси, как у тебя дела. Позвони адвокату, узнай, кто наследует твоему деду. Найди врача, покажи ему Памелу и маленького. Прозвонись всем, кого знаешь, выясни, на каком ты свете. Позвони этой... Нессельроде, узнай, в каком госпитале умер твой дед. Старые газеты дома есть?

Парень потрясенно кивнул.

- Хорошо, просмотри их внимательно, найдешь два-три объявления похоронных контор. Нет, стоп, твой дед - военный в отставке, им должно заниматься наше ведомство... Хотя там, конечно, не до этого (у Верещагина сжалось горло, когда он представил себе, насколько там не до этого). Клуб Белого Воина, вот, что тебе нужно. Позвони туда. Не дрейфь, не боги горшки обжигают.

Антон смотрел на него оторопело. Он, видимо, и представить себе раньше не мог, насколько сложна так называемая обыденная жизнь. Ох, парень, а ведь тебе еще вступать в наследство, если старший Лучников сгинул бесследно на просторах Союза...

Просто не верилось, что этот светловолосый полуэльф, - сын Самого и внук Того Самого, потомок лихих рубак и удачливых царедворцев...

Насколько каждый мужчина - тень своего отца? Арсений Лучников, приехавший сюда в драной шинелке на сутулых плечах, и создавший все это с нуля, своим горбом и умом, и умерший в той же драной шинелке на площади Барона... И его сын, странным образом сочетающий в своей харизматической персоне жесткого прагматика, газетного магната, плейбоя и властителя умов с тонким интеллигентом, у которого сердце болит и за ближних, и за дальних, дон-кихота, в своей благородной слепоте своротившего все то, что создал отец... И его сын, просто мальчик, растерявшийся мальчик, брошенный порывом бегства к берегам Турции, а потом - порывом благородства - к берегам Крыма, не знавший жизни в ее плоти, только скользивший по поверхности, а сейчас - грубо втащенный за шиворот на глубину... И его сын - крохотное чудо, драгоценная возможность человека...

И в какой степени я сам - тень Павла Верещагина, сначала бежавшего сюда, а потом - уехавшего отсюда, дважды преданного своей страной?... А ведь многие иммигранты возвращались с семьями. И сгинули - с семьями. Памела - американка, и ей присуща типично американская уверенность в том, что как раз с ней ничего и ни при каких обстоятельствах не может случиться. А Марта Ковач была цыганкой, и знала, чувствовала каждым своим цыганским геном, тысячелетней памятью гонимых отовсюду бродяг, что сейчас лучше никуда не трогаться... И я - в равной степени ее сын и сын того сумасшедшего, который уехал в свою проклятую страну, оставив мне в наследство только имя да идиотскую привычку искать на свою задницу приключений...

"Антон, на самом деле жить просто. Привыкай, счастливчик".

***

Они вернулись в Симфи по Восточному Фриуэю. Город был уже почти очищен от следов прошедших здесь сражений. Разбитые машины оттащили на свалки, выбитые окна вставили, разрушенные здания обнесли строительными лесами, кровь с асфальта и

копоть со стен, по возможности, смыли. Но своего обычного вида Симфи еще не приобрел: обычно в Симфи не толчется столько военных. Какого лешего, подумал Артем, проехать невозможно!

Но перед их машиной толпа расступалась, слышались приветственные возгласы, переходящие в сплошной восторженный рев. Стервец Флэннеган опустил тент, и все смогли увидеть премьера. Хороший ход: люди должны как можно быстрее узнать, что мы воюем не по пьяной лавочке, а потому что таково решение правительства.

Премьер выглядел ошарашенным. Впервые в жизни он оказался в эпицентре неподдельного народного восторга. Эффект усугублялся луженными армейскими глотками: простой народ уже выдохся бы.

Машина остановилась возле ступеней, ведущих к Главштабу. Проклятый архитектор запроектировал лестницу в четыре пролета - в честь четырех дивизий. В нормальное время редко кто поднимался по ней: удобная парковка была позади здания, на внутреннем дворе, откуда вел черный ход. Но сейчас Флэннеган услужливо тормознул возле первого взлета, пирса, о который разбивалось человеческое море. На первой ступеньке лицом к толпе стояла цепь охранников, двое из которых, стоило премьеру покинуть машину, тут же стали один сзади, другой - спереди, профессионально прикрывая Кублицкого-Пиоттуха собой.

- Выходите, - сказал Флэннеган.

Верещагин выбрался из машины, шагнул на ступеньки... Рев, который поднялся за его спиной, вызвал бы приступ ревнивой зависти у Гитлера, Пеле и ливерпульской четверки. Врем премьер оглянулся, удивленно открыл рот, Верещагин, еще не понимая, в чем дело, оглянулся сам... Вопли толпы усилились, хотя казалось, что это уже невозможно. Лес поднятых рук, Вселенная горящих глаз. Артем почувствовал приступ паники. В последний раз он видел такое мальчишкой, на концерте "Роллинг Стоунз". Только на сей раз он смотрел на это со сцены, а не из зала.

Один из охранников оглянулся и улыбнулся ему. Это тебе, друг! - говорила улыбка. Слушай, как шум распадается на четыре слога, смотри, как выброшенные вверх руки, береты, пилотки, шейные платки обретают единый такт колебаний, похожих на прибой. Это твое имя они скандируют. Это к тебе обращен весь их восторг, вся их надежда. Сегодня ты - их кумир, ты их король. Тебе нравится?

"Нет, черт побери. Нет, мне совсем не нравится".

"Врешь. Тебе не нравится, что тебе это нравится. Надежда, которую они складывают к твоим ногам - сухой хворост. Одна искра - и она запылает".

- Хватит, покрасовались! - крикнул ему в ухо Флэннеган. - Вперед!

Верещагин пережил несколько весьма неприятных минут в Главштабе, сопровождая врем премьера молчаливой тенью. Он бы с удовольствием вернулся в тюремный госпиталь и повалялся на кровати, Бог с ней, с кроватью - он согласился бы и на тюремные нары - лишь бы камера оказалась тихой одиночкой. Под сотнями любопытных взглядов ему было очень неуютно. Но Флэннеган не собирался возвращать его в камеру, спектакль "Хотите законное правительство или Бонапарта?" длился столько, сколько нужно было режиссеру. Чего стоило ОСВАГ и Адамсу собрать толпу под окнами Главштаба? Да еще такую убедительную толпу... Ну как, господа полковники, сильно испугались? Раздумали устраивать путч?

К полудню толпа рассосалась. Большинство отбыли по месту назначения - ну, просто их части, из-за военной неразберихи застрявшие в Симферополе, наконец-то смогли отбыть куда им надо. В городе остались только те, кто должен был там остаться. Они и узнали первыми об отставке Клембовского и Салтыкова. Затем Главштаб навестили представители США, Британии, Франции и Турции. Господин врем премьер выступил перед ними с официальным заявлением о положении дел на Острове. Возмутился безобразным нарушением всех международных норм со стороны СССР, отметил мужество "форсиз", и сказал главное: Крым просит мировой поддержки в борьбе против

советской агрессии. Теперь, после столь грубого попрания чаяний крымского народа, после того как, вместо мирного аншлюса была попытка оккупации, ни о каком дальнейшем воссоединении не может быть и речи.

Вернувшись в свои посольства, представители четырех дружественых Крыму стран пошли строчить донесения, зажужжали факс-аппараты, зачирикали телефоны... К вечеру скупая информация от премьера дополнилась порцией, прибавленной журналистами: пока официальные представители беседовали с премьером, представители масс-медиа "потрошили" не менее интересную личность: армейского кумира, новоиспеченного полковника, подавшего сигнал к началу войны. Совершенно фантастическая персона с совершенно фантастической биографией. Сопоставив две части puzzle, послы и шпионы сделали следующий вывод: ОСВАГ расставлял здесь ловушку, и Советский Союз со свойственной ему самоуверенностью и неповоротливостью в нее влез обеими ногами. Правда, и Крым, похоже, откусил больше, чем сможет проглотить... В целом ситуация напоминает старинный руский анекдот: "Иван, я медведя поймал! - Тащи сюда! - Да он не идет! - Брось его, сам иди! - Да он не пускает!"

Нельзя в открытую поддержать Крым... Но нельзя и позволить Союзу оккупировать его.

Министерства иностранных дел четырех держав вынесли соломоново решение: заявим СССР ноту протеста, а там видно будет...

Естественно, все обязательства, взятые по отношению к Крыму до войны, будут соблюдены, - сообщил посол США в конфиденциальной беседе с времпремьером после разговора лично с президентом Картером. Да, господин президент велел передать, что исполнение обязательств начнется сегодня же. Ожидайте прибытия первой партии в половине второго ночи.

***

После окончания пресс-конференции Артема десять минут трясло. Флэннеган выглядел одновременно довольным и озабоченным.

- С вами уже все в порядке, Арт? - спросил он. - Или позвать врача?

- Меня уже тошнит от врачей.

- Вас и от разведчиков тошнит?

- Поразительная догадливость. Этой пресс-конференции я вам не прощу.

- Ах, не говорите, у меня пропадет аппетит и сон.

- Аппетит - точно: когда я приду в норму, разобью вам челюсть.

- Давайте тогда закажем обед: пока моя челюсть еще цела, я не утратил вкуса к яичнице с беконом...

Флэннеган вызвал по селектору адъютанта и отправил его с поручением. Потом повернулся к собеседнику.

- У вас сегодня будет чертовски длинный день, полковник. Ешьте. Пейте. Собирайтесь с силами и с мыслями. Вас попробуют размазать по стенке. В последнее время все только этим и занимаются, так что вы уже должны были выработать защитный рефлекс. В принципе, для дела все равно, получится это у них или нет. Могу я закурить?

- Да.

- Это преферанс с болваном, Арт. Вы догадываетесь, кто болван? Почему вы перестали жевать? Жестковат бекон?

- Билл, - Артем отложил вилку и взял стакан, - вам хочется спать? У вас красные глаза и вообще смертельно усталый вид. Может, вы пойдете и отдохнете?

- Я спал сегодня три часа и с Божьей помощью выкрою еще часа два. Мне хватит...

- Кто назначен начальником штаба Корниловской Дивизии?

- Казаков.

- Да, при таком начштаба можно действительно сыграть с болваном. При хорошем начштаба командир может быть полным кретином...

- Другое дело - сколько хороший начштаба будет терпеть такое положение.

- Казаков? Сколько прикажут.

- Не знаю, полковник... У меня предчувствие. Синдром Жанны д'Арк, если хотите. В последний раз такое чувство было со мной совсем недавно - мне казалось, что с князем Волынским-Басмановым произойдет беда. Знаете, я как в воду глядел. Так вот, теперь у меня предчувствие, что преферанса с болваном не получится.

- А вы поспорьте с кем-нибудь. Побейтесь об заклад.

- Я подумаю над вашим предложением.

Дверь открылась, вошел адъютант. В одной руке у него была папка-планшет, в другой - вешалка с новенькой, чистой полевой формой. На плечах куртки чернели корниловские погоны с двумя красными просветами, в нагрудный клапан была ввинчена планка за участие в турецкой кампании, на левом рукаве атласно поблескивала нашивка за боевое ранение.

- Ваше высокоблагородие, поручик Гусаров прибыл в ваше распоряжение.

"Елки-палки..." - подумал Артем, вставая.

- Вольно, поручик.

- Господин поручик, покажите полковнику список потерь, одиннадцатый лист, - глядя в сторону, сказал Флэннеган.

Поручик потянул Артему планшет.

Врещагин коснулся его, как заряженной мины.

Одиннадцатый лист...

"Вдовы".

Боевые потери - восемь машин.

Незначительные повреждения - одиннадцать машин.

Человеческие потери - шестнадцать убитых, пятеро раненых...

Анастасова, Гринберг, Кац...

В конец! В конец списка!

...Сенкевич, Тамм, Фаттахова, Циммерман...

Раненые...

Абдулова, Панченко, Рубина, Шепелева, Шнеерзон...

- Один из недостатков положения болвана - это невозможность влиять на ход событий, от которых зависит жизнь знакомых и близких... - сказал Флэннеган. - До свидания, господин полковник. Одевайтесь.

***

В этот день полковник Верещагин принял командование Корниловской Дивизией. Этим же вечером ему вместе с остальными комдивами пришлось принять участие в траурной церемонии - Симферополь провожал в последний путь Арсения Лучникова.

Гроб с телом вынесли из морга Свято-Елизаветинского Госпиталя, пронесли по улицам до Площади Барона и поместили в "Бову", чтобы отвезти на Святую Гору, где один из последних Добровольцев завещал себя похоронить. Не было прочувствованных речей, прощаний и проклятий. Молча солдаты - корниловцы и алексеевцы - несли гроб, молча они зарядили автоматы холостыми и отдали старому воину последнюю честь. Громко, взахлеб рыдал только какой-то старик в инвалидной коляске и с Терновым Венцом на груди. "Бова" медленно тронулся по дороге на Восточный Фриуэй. Впрочем, потерявшись из виду, он увеличил скорость до обычных своих шестидесяти километров в час. Только несколько гражданских машин следовало за ним - зареванные мать и дочь

Нессельроде в фамильном "руссо-балте" да немногие однополчане Арсения Лучникова, реликты давно ушедшей эпохи...

Любой Идее нужен герой и мученик. Из двух зол выбирают меньшее, решил Арт Верещагин. Лучше быть героем.

20. Путь обмана

Если ты слаб - притворись, что силен. Если силен - притворись, что слаб. Если ты близко - показывай противнику, что ты далеко, когда ты далеко - покажи, что ты близко; заманивай врага мнимым преимуществом; если он готов - будь и ты наготове, если он в силе - избегай его; вызови в нем гнев, чтобы расстроить его мысли; смирением пробуди в нем гордыню; утоми врага отступлением, если он свеж; внеси в его войско разлад, если оно дружно; нападай на него, когда он не будет готов; наступай, когда он не ожидает удара.

Сунь Цзы

Трактат о военном искусстве

В течение следующих нескольких дней божьи мельницы крутились с бешеной скоростью, потому что их лопасти вращали ураганные ветры.

Оккупация Крыма для СССР стала делом принципа, гораздо более важным, чем Афганистан. Еще важнее было то, что Крым играл роль разменной фишки в игре за кресло Генерального Секретаря. НАТО - и в особенности США - видели в Острове удобную возможность чужими руками воткнуть СССР шило в задницу. Страны Варшавского Пакта, и в особенности - Польша, с интересом оценивали на примере Крыма, насколько все-таки реальна возможность показать фигу Большому Брату.

Что для крымцев это был вопрос жизни и смерти, все помнили в последнюю очередь. Кроме самих крымцев, естественно.

Эти семь дней - со второго по девятое - выглядели ужасом, поражением, гибелью. Раз за разом эйр-форсиз Крыма выходили против вдвое, втрое превосходящих числом самолетов противника - и силы их, уже подорванные триумфальным воздушным налетом, таяли, как тает горстка песка, пересыпаемая из одной ладони в другую...

Поражением и обреченностью Остров пропитался, как жирным дымом от сжигаемых резиновых покрышек: их жгли после каждого авианалета, чтобы создать для советских спутников картину пожарищ и разрушений.

Были и настоящие разрушения. Безнаказанно пересекая небо на высоте 23 километра, МиГ-25 сбрасывали ФАБ-500Т, и половина из них попадала по ближним городам и поселкам. По утрам и по вечерам, в десять и семь, хоть проверяй часы, на Крым сыпались ракеты - КСР-5 и Х-22. Примерно треть их сбивали ЗРК Северного укрепрайона и пилоты, патрулирующие над Чонгарским проливом. Еще треть, обманутая уголковыми отражателями, поражала ложные цели. Остальные попадали. "Скады" летали не по расписанию и нацелены были исключительно на города. Жертвы среди военных составили полторы сотни человек, гражданских погибло двести восемьдесят два человека. Аэро-Симфи задыхался: шло бегство. Иностранные компании вывозили своих сотрудников чартерными рейсами - ждать билетов было некогда.

И лишь один иностранец не собирался покидать опасный Крым. Он откровенно балдел от ситуации, заражая вдохновением всю свою свиту.

Человек этот известен читателям романа "Остров Крым" как голливудский продюсер Джек Хэллоуэй, он же Октопус, он же Осьминог. Его фантастическая туша появлялась в Крыму то тут, то там, следом, вывалив языки на плечи, мотались Стокс и камерамен Володя, сюжет нового грандиозного блокбастера разворачивался прямо на глазах, только успевай делать наброски для скринплэй и, как и следовало ожидать, настал тот момент, когда орбита планеты Хэллоуэй пересеклась с астероидом Боб Коленко.

Helluva shit, baby, это же готовый хит! Это золотая пятерочка маленьких веселеньких Оскаров и много миллиончиков маленьких зелененьких долларов! Здесь все, что нужно: spy story, война, борьба за независимость, герой-одиночка, триумф человеческого духа и вся эта фигня, которая сейчас в большой моде. Lawrence of Arabia, Apocalypse now, the Longest Day - все отдыхают! Да к черту деньги - здесь пахнет бессмертием.

Боб, но здесь не хватает еще одного... Да-да, правильно, у героя ведь не "беретта" между ног. Нужна love story. Нужна хорошая, забойная любовная сцена. В конце концов, зачем мы кормим эту шлюшку Лючию Кларк?

Что ты говоришь, Боб, дружище, какая там летчица? Отлично, auld pal, пусть будет летчица... А что ты еще про нее знаешь?

Снимая эту сцену полгода спустя, Виталий Гангут имел безобразнейший скандал с Джеком Хэллоуэем, он же Октопус, он же Осьминог. Виталий Гангут хотел снять это в каком-то там постмодернистском духе, кивал на молодого, да раннего голландца Верхувена, бормотал про рефлексию героя, а Октопус настаивал на привычном голливудском варианте: закат, силуэты вертолетов, опускающихся на летное поле (Какие к едреням, вертолеты - они уже два дня как были укрыты в ангары, и даже сбитых пилотов подбирать не вылетали!), пилот Nastia Skvortsova (Лючия Кларк), капитан Anton Danko (молодой, но перспективный актер Брюс Уиллис), поцелуй в диафрагму. И как Гангут ни размахивал руками, как ни брызгал слюной, а Октопус все-таки взял его за загривок и сунул для острастки мордой в контракт, где было ясно сказано, что последнее слово в картине принадлежит продюсеру, а режиссер может поцеловать себя в задницу, если ему что-то не нравится.

И Гангут побрыкался-побрыкался, но сделал чего от него хотели, помянув незлым тихим словом научпоп, где хоть и капали на мозги, но ни один толстопузый мудила с оттопыренным долларами карманом не диктовал ему, что и как снимать... А Academy Award за лучшую режиссуру он поставил в просторном, отделанном каррарским мрамором сортире своего особняка на Беверли-Хиллз.

***

Любимовка, будучи еще тридцать лет назад поселком в окрестностях Севастополя, медленно, но верно превращалась в севастопольскую окраину.

Город наползал неотвратимо, особенно нагло вели себя военные объекты. Расположение бронетанкового полка и базы морской пехоты занимало место, по площади равное всем жилым кварталам Любимовки, вместе взятым. Танки, периодически разрушая траками ту или иную дорогу, прибавляли мэрии головной боли. Морпехи, проводя свои учения на десантных катерах, бывало, рвали рыбацкие снасти. Полигон, огороженный колючей проволокой, отгрызал часть неплохого пляжа.

Но дни с пятого по восьмое мая 1980 года стали для поселка истинным адом. Туда набилось такое дикое количество военных, какого эти места не знали с Крымской Кампании прошлого века. Парк машин был забит до отказа, причалы и пирсы - оцеплены, склады и пакгаузы - забиты каким-то военным имуществом. Движение на Бахчисарайской трассе не прекращалось ни днем, ни ночью, и даже последней собаке в Любимовке было ясно, что готовится переброска большого количества войск.

Одни думали - в Керчь, где седьмого высадился советский десант. Другие строили теории насчет того, что военные собираются драпать. Третьи болтали о десанте на советский берег, и это был уже полный bullshit, потому что в воздухе хозяйничали советские, и любой корабль из гавани Севастополя мог отправиться только в подводный порт Нептуна.

Сами военные держали язык за зубами.

Около одиннадцати вечера восьмого мая один из них беспрепятственно покинул Любимовку, легко миновал патрули и скорым шагом пошел по обочине дороги на север.

Он попробовал было перейти на бег, но уже через два десятка шагов спекся и, ругаясь шепотом, вернулся к прежнему темпу.

Времени было в обрез. По его расчетам - до пяти утра.

На КПП авиабазы его пропустили. Разговоры пойдут, но не раньше, чем сменится караул.

Темнота и тишина. В Каче не горел ни один фонарь, не светилось ни одно окно.

Он шел вдоль "живой изгороди", пытаясь вспомнить, как же это все выглядело днем. Если память его не подводила, коттедж должен был быть четвертым в левом ряду.

Второй в левом ряду выглядел как-то странно. Приглядевшись, он понял: сквозь окно видно небо.

Третьего в правом ряду просто не было.

Он свернул на четвертую слева аллейку - слава Богу, домик там стоял. И с ним было все в порядке.

Сердце бесилось, и не только от быстрой ходьбы.

Он обошел коттеджик и, прикоснувшись к сложенной из песчаника стене, благословил строителей. Зазор между камнями на высоте вытянутой руки как раз годился, чтобы зацепиться кончиками пальцев, карнизик цоколя на высоте бедра как раз годился, чтобы поставить ногу, а дальше был еще один чертовски удобный карнизик - уже на высоте второго этажа - и перила декоративного балкона.

Путь наверх занял три секунды.

В небе узко серебрился лихой мусульманский полумесяц.

Коротко и дробно мужчина стукнул пальцами в окно:

- Тэмми!

Женщина спала одетой, поверх одеяла. Услышав стук, она вздрогнула.

Он постучал еще два раза.

Спустив ноги с постели, она тряхнула короткой курчавой гривкой, разгоняя сон, протерла глаза.

На какие-то секунды - она встала с кровати, подошла к балконной двери и повернула шпингалет - он перестал дышать и жить.

- Проходите, господин полковник, - прошептала женщина. - Не волнуйтесь, мы с ней просто поменялись комнатами. Меня зовут Рахиль. Рахиль Левкович.

***

- Везет же некоторым, - Рахиль демонстративно зевнула, поставила чашку на кухонный стол и поднялась со стула.

- Я пошла спать, - объявила она. - Спокойной ночи. Приятных снов и все такое.

-Ты хочешь спать? - спросил Артем, когда за Левкович закрылась дверь ее комнаты.

- Еще отосплюсь. Потом... Как-нибудь...

- Да... на корабле...

Завтра. Они оба это знали. В ночь с восьмого на девятое.

Завтра могло случиться все, что угодно.

Но сегодня принадлежало им.

Поэтому они быстро поднялись наверх, в ее комнату и заперли двери.

Хотелось ли ей спать? По правде говоря, да. Хотелось ли чего-то другого? По правде говоря, нет. Во-первых, она действительно очень устала. Во-вторых, хотя хватило бы и во-первых, месячные закончились недавно и были они ужасно болезненными, словно ее лоно выворачивалось наизнанку в стремлении избавиться от всяких следов присутствия майора Колыванова. В-третьих, мужское прикосновение рождало в ней память об этом

присутствии, а то, что прикасался именно Арт, было нестерпимо, гнусная несправедливость по отношению к ним обоим, господи, ну зачем это было нужно! Дура, дура, дура, сама себе напортила, навсегда, на всю жизнь!

Но ни словом, ни знаком она не дала понять, что не хочет этого. Если это их последняя ночь - пусть он получит все, что ему нужно. А если не последняя - они сумеют все исправить.

- Вы все спите одетыми?

- Да, конечно. В любую минуту - или боевая, или воздушная тревога...

Молния комбинезона зашуршала.

Да здравствует темнота!

В темноте не видно, как разбиты наши лица.

Темнота милосердна.

Он с восторгом девственника обнаружил, что под комбинезоном больше ничего нет, кроме трусиков "бразильского" фасона.

- Может, мне стоит заглянуть в душ? - спросила Тамара.

- К черту душ.

Порыв без расчета, желание без контроля - он испытал это едва ли не впервые в жизни. И впервые в жизни его чувство было направлено не на конкретную женщину, а на женщину вообще, просто на тело, иное по своим формам и возможностям, на тот полюс, который нужен мужественности, чтобы завершить самое себя.

Это уже не имело отношения к их любви, они и слово такое забыл. Он целовал ее - так крепко, что разбитые недавно губы, уже почти зажившие, напомнили об этом "почти". Потом он ушел ниже, медленно, словно пробираясь ощупью - присмотревшись, она увидела, что его веки сомкнуты.

Он не то, чтобы торопился - но чувствовал, что не в силах привычно удерживать в узде и направлять свое желание. Слишком острыми и новыми были ощущения. Он был поглощен ими полностью, ушел с головой. Теплая, бархатистая кожа не присутствовала постоянно - она каждый раз материализовалась заново под его ладонями и губами, и каждое новое прикосновение было почти невыносимо прекрасным. Этот ландшафт изменялся, как барханы под ветром. Пески оживали и расступались, открывая путь в оазис. И он шел, и буря звенела за его спиной...

В нем были живы сейчас только два-три квадратных вершка кожи: ладони, губы, да еще кое-что. Но этой жизни там было столько, что хватило бы еще на несколько человек. Осязание обострилось до предела, сквозь упоение прикосновений постоянно пробивалась боль, но он держал эту ведьму на пороге, даже не особенно злясь на ее появление - в конце концов, когда караван идет, собакам положено лаять.

И, почувствовав теплый трепет *ответа*, он понял, что дальше удерживать над ситуацией контроль не сможет. Совлек последний покров и приник, вбирая тепло всеми порами...

Она подалась вперед, скользнула бедрами по его бокам... Каким-то волшебством его рубашка была уже расстегнута и сползала с плеч, сковывая движения рук. Зубами пуговицу с рукава: долой ее!

Он протянул руки, замкнул объятия. М-м-м! Ничего, собака лает, караван идет... Ее ладонь скользнула *между*, проложила путь...

Когда он вошел, все перестало существовать.

...И она в том числе.

Может быть, удалось бы все вернуть, закрой она глаза и постарайся отыскать дорогу в ту самую страну, где он пропал.

Но словно дьявол какой толкнул под руку, и она влезла в маску стороннего наблюдателя - в ту самую, которой пользовалась для общения с майором Мишей. Маска была пуленепробиваемая, и хорошо сослужила службу - да вот беда, оказалось, что прикипела к коже! Наблюдатель делал свое мерзкое дело: наблюдал и фиксировал. Это он,

гад, заставил ее осторожно провести пальцами по кошмарному рельефу шва, пластиковых скобок на живом теле. Это он, мерзавец, чуть не в голос заметил, что все мужики одинаковы, стоит им дорваться до передка... Это он, подлец, провел *параллель* и окончательно убил в Тамаре всякое желание.

Она никогда не простит ему того, что легко прощала немногим другим - эгоистичного самоустранения в тот момент, который делить должны двое. Именно потому что он - не любой другой...

Ей никогда не будет с ним хорошо.

От этой мысли хотелось прикусить губы и плакать, и когда она последовала за своим желанием, она в этом раскаялась, потому что *он ничего не заметил!* Он добрался до такого пика наслаждения, где оно в любую секунду может сорваться в страдание, это было видно по искаженному лицу, по судорожному, неровному дыханью, ей было это знакомо, она сама заглядывала в эту пропасть, но только с другой стороны... Он наслаждался ею так эгоистично и самозабвенно, что видеть это было невыносимо, и Тамара, под видом бурной ласки просто прижала его лицо к своему плечу, вцепившись пальцами в волосы на затылке.

...Он был так восхитительно, так отчаянно жив, что не замечал ничего. Пьяный, как монах после Великого Поста - с одной чарки, жил от секунды к секунде, подбирая один золотой орешек за другим, врываясь и выскальзывая, не задумываясь о той, что вышла в путь вместе с ним. Она теперь существовала отдельно, она просто не могла ощутить жизнь так, как мог сейчас он. Ей требовалось больше, он это где-то понимал, но понимание осталось далеко позади. Он уже не мог остановиться, он не контролировал ничего, повлиять на происходящее мог не больше, чем младенец - на процесс своего рождения. Он скользил вниз, к ослепительному холоду и свету, к последнему приступу удушья и первому вдоху, к обретению жизни и принятию смерти.

ДА!!!

Он слишком поздно почувствовал, что оказался один на этом пути.

Темнота. Силуэты и тени. Дрожь в руках. Липкий воздух.

Он разомкнул объятия. Сел на пол, поправил штаны. Рубашка висела на одном плече, как гусарский ментик, он снял ее, швырнул в кресло. Положил голову на сомкнутые Тамарины бедра.

Отдышаться. Прийти в себя.

- Где ты был? - спросила она.

- Beyond.

- Ложись рядом.

Он поднялся с колен, лег рядом с ней на постель. Не сразу сообразил, что так пакостно давит в бок - оказалось, пряжка расстегнутого брючного ремня.

По-военному. Не раздеваясь. Хорошо, хоть ботинки снял. Скотина.

Он выругал себя последними словами, но легче не стало.

Что-то было между ними. Поострее и похолоднее, чем пресловутый меч Тристана. Он не заметил, потому что был слишком занят собой. Нужно было быстро что-то сделать, сказать, чтобы убрать это "что-то", но он мучительно не знал, что следует сказать и сделать.

- Я пойду искупаюсь, - сообщила Тэмми.

- Ага... Может, пойдем вместе?

- Нет. Кое-какие вещи я привыкла все-таки делать одна...

- Яки.

Что-то было между ними. Тамара смывала с себя его прикосновения так же яростно, как прикосновения майора. Он мог не знать. Ему было не до этого. В конце концов, она сама виновата, что оказалась такой дурой. Она знала: нужно быстро что-то сделать, сказать, исправить положение... Но у нее не было сил.

Потом, у двери ванной, он наконец-то разглядел ее лицо при свете.

- Отойди, - она опустила глаза.

- Кто? - Артем коснулся ладонью ее щеки, провел большим пальцем по пятну подживающего синяка.

- А если я начну спрашивать - кто?

- Прости, - смутился он, пропуская Тамару обратно в комнату.

Она быстро сбросила халат, надела тишэтку и постаралась выплакаться за то время, пока он был в душе. Дважды за один час он довел ее до слез. Сам того не желая. Истеричка и безумец - идеальная пара, нечего сказать.

- Тэмми, - она сама не заметила, как он вышел и стал у двери.

- Я веду себя как дурак... Но дело в том, что я... не знаю, как себя вести. Мотивы моего появления здесь до ужаса эгоистичны... Проще говоря, мне хотелось увидеть тебя, и я пришел, совершенно не принимая во внимание, хочешь ли видеть меня ты... Мне даже в голову не пришло, что могла иметь место... психическая травма, например...

- Что ты несешь!? - ее трясло от смеха. - Ну, ты хоть сам-то слышишь, каким языком разговариваешь? Мотивы... Психическая травма... Господи... Это же надо было прочитать столько книжек, чтобы быть таким дураком! Брось свои тряпки и залезай ко мне под одеяло. Мотивы... Завтра, в это время, нас уже, может, и не будет, типун мне на язык, а он тут толкует про мотивы.

- Прости! - счастливо прошептал Арт, пряча лицо в вырезе ее тишэтки.

- Уже лучше, - улыбнулась она.

Вспомнилась эта идиотская песенка - "Хочу быть *под*полковником..."

Он - полковник и командует дивизией. Застрелиться.

Эй, а вы знаете, что мы злостно нарушаем инструкцию 114-29, которая запрещает сексуальные контакты между военнослужащими, один из которых находится в прямом подчинении другого? Ведь "Вдовы" приданы Корниловской дивизии до момента окончания операции...

- Хочу еще кофе, - сообщила она. - Хочу расспросить тебя о всяком-разном... Ведь только десятого увидимся... А то и позже. А я кроме той записочки через нашего комэска, никаких вестей от тебя не получала.

- И я от тебя.

- А у нас ничего интересного не было. Пока красные не прижали нас к земле, мы летали на рыбалку. Пилотов из воды вылавливали.

- Каховка, - напомнил он.

- Не-ет, как раз об этом я не хочу рассказывать, - просунув руки в рукава, она застегнула "молнию".

- Понял.

Они тихо спустились в кухню. Тамара зажгла свечу на столе.

- Рассказывай - она включила чайник. - Командовать дивизией - это сложно?

- Ты удивишься, но в принципе - не сложнее, чем организовать гималайскую экспедицию. В твоем непосредственном подчинении на любом уровне командования находится дюжина человек. Командуют они взводами или полками и бригадами - какая разница... Или ты можешь добиться толку от этой дюжины, или нет.

- Мама Рут, вернувшись с первого брифинга, сказала, что ты - настоящий командир.

- Нет, Тэмми. Я обманщик. Мистер Мистофелес. Я солдат, который варит кашу из топора...

***

2 мая, Симферополь, Главштаб, 2240

Здесь он был самым младшим. Тридцатилетний полковник, командир дивизии - не такая уж сенсация для Вооруженных Сил Юга России, знававших тридцатилетних генералов, командовавших армиями. Но *отношение* чувствовалось. Иногда проскальзывали "а-этот-что-здесь делает?" взгляды. Не обращать внимания. Слушать. Запоминать. Думать.

- Итак, господа, в воздухе мы инициативу теряем. За каждый боевой вылет красные сбивают в среднем по четыре самолета, что недопустимо. Мы можем прекратить гробить технику и людей, господин Командующий?

- Пожалуй, теперь - да... - кивнул Адамс. - Переводите с завтрашнего утра дежурные самолеты в боевое патрулирование воздушного пространства Крыма. Снижайте активность с каждым вылетом. Начинаем операцию "Потемкин". Господин Воронов?

- Американцы подтверждают: Советы готовят вторжение через Тамань. На переброску людей и транспортных средств у них уйдет не менее четырех суток, заложимся на экстренность - трое суток. Ориентировочно дата высадки - шестое, плюс день-два. Выбор места высадки обусловлен кратчайшим маршрутом и нехваткой транспортных средств. Отвлекающий десант готовится из Одессы на Тарханкут, предположительно - силами одного полка морской пехоты.

- Яки. Господин премьер порадовал еще одним известием: сегодня ночью начнет работать "воздушный мост". Только что американцы подтвердили, что готовы поставить нам купленные в прошлом году самолеты именно на тех условиях, о которых говорилось в соглашении... Сегодня ждем 10 "F-15" и 10 "корсаров". Господин Скоблин, вы именно об этом хотели спросить?

Летчик жестом дал понять: вопрос снимается.

- Я надеюсь, - сказал врем премьер, - что эти самолеты будет усилят противовоздушную оборону Острова...

- Нет, сэр, - покачал головой Адамс. - Эти самолеты, как и те, что прибудут по "воздушному мосту" в следующие четыре дня, станут самолетами резерва. Козырными тузами в рукаве. Мы выложим их на стол в самую последнюю минуту.

- Это когда? - резко спросил премьер.

- По нашим оценкам - девятого числа.

- А к какому числу красные разделаются с теми самолетами, что есть у нас?

- Большую часть своей авиации мы просто спрячем... Пятого.

Кублицкий-Пиоттух вытер лоб.

- Вы сошли с ума, господа. Вы способны понять, что в то время, пока вы будете играть в войну, будут погибать люди?

- Нам это известно, черт возьми... - сказал Кронин. - Первыми, кто погиб, были военные, так что нам это известно лучше, чем кому-либо еще...

- Если бы кто-нибудь мог объяснить, чего ради мы начали эту бойню... - голос премьера был таким горьким, словно перед брифингом он столовыми ложками ел хину.

- А ради чего обычно начинаются такие бойни? - Артем старался не видеть двух десятков лиц, повернувшихся к нему. Он смотрел прямо в глаза премьеру. - Власть. Деньги. Очень много денег было вбухано в аннексию Острова. В свою очередь, очень много денег вбухано в сохранение независимости Острова.

Во рту у него пересохло, но он не останавливался, боясь, что кто-то вклинится в паузу.

- Виктор Степанович, мы не были вольны в том, чтобы начать войну. Мы можем только одно: закончить войну с наименьшими потерями. Поверьте профессионалам: теряя самолет за самолетом в обороне, мы не выиграем.

- Меня удивляет качество преподавания политологии на вашей ротной кухне, господин полковник... Как же, по-вашему, мы победим? Тут говорят о том, чтобы спрятать самолеты, подставив страну под бомбовые удары, тут говорят о том, чтобы

отдать Керчь, тут говорят о том, чтобы впустить красных на Тарханкут... И утверждают, что таким способом мы можем выиграть!

- Стрелочки и квадратики, - усмехнулся Арт. - Я понимаю вас, господин премьер. Все эти обозначения на карте для вас просто стрелочки и квадратики... Мне вспомнились наставления моего дрилл-фельдфебеля, сэр. Он учил меня: если ты чувствуешь, что тебе не выстоять... Притворись, что испугался. Притворись, что сломан, ушел в нокдаун, упал... А когда он пойдет на добивание - собери все силы и врежь ему. Но так, чтобы сразу убить или вырубить. И притворись обессилевшим раньше, чем он и в самом деле выбьет из тебя дерьмо. Иначе пороху не хватит на этот самый удар. Но в этот удар вложи всего себя, до капли.

- Стратегия, достойная фельдфебеля, - пожал плечами премьер.

- А вы предлагаете стратегию, достойную зеленого новобранца: держаться до последнего, пока не исчерпаются все силы - а что потом? Даже если мы проиграем "Потемкина" и "Морскую звезду", война кончится раньше, чем рухнет экономика Крыма. Вы капитулируете - но зато не придется поднимать страну из развалин. А армия... что ж, на то она и армия... За то мы и получали деньги и социальные привилегии, что в решающий момент рискуем головами.

- Благодарю вас, полковник, - сухо сказал премьер. - Итак, господин Адамс, вы предлагаете для начала притвориться, что из нас... как это... "выбили все дерьмо".

- Эта кампания состоит из двух этапов, - Адамс вел себя так, как будто все шло по плану. - Первый - это старая, опробованная еще на турках операция по дезориентации противника... В план, конечно, внесено много изменений, кодовое название плана - "Потемкин"...

***

2 мая 1980 года, Саки, 1845

- Красота, - оценил работу 4-го инженерного батальона Западного района обороны комендант Сакского аэродрома подполковник Гущин. - И все это - за одну ночь?

- М'ожно еще п'охвастаться - без единого г'воздя, - вставил капитан Савинков (дальний родственник Того Самого, чем он немало гордился). - Н'о это будет н'еправда.

При ближайшем рассмотрении выяснялось, что здания собраны из фанеры, а локатор - из дешевого пластика, что бетон на взлетно-посадочных полосах представляет собой дешевейший упаковочный пенополиуретан, что из того же пенополиуретана сделаны "ворота" в "ангары" (накрытые маскировочной сетью, надутые воздухом полуцилиндры из аэростатной ткани), что "самолеты", стоящие на "рулежных дорожках" - пластиковые штамповки, изготовленные по той же технологии, по которой делают одноразовые стаканчики. Единственным небутафорским предметом среди этих декораций была антенна на крыше списанного "Бовы", неспособная ни на что, кроме как пускать в эфир волны, идентичные волнам настоящей РЛС Сакского аэродрома. Впрочем, и эта "тарелка" была предметом одноразовым - ее назначение состояло в том, чтобы приманить к себе советские ракеты для борьбы с радарами.

Но если смотреть так, как смотрел подполковник Гущин - в бинокль с вертолета - то создавалась полная иллюзия того, что под тобой - настоящий аэродром. Не знай Гущин подлинной цели этого сооружения, он поклялся бы, что видит свою родную авиабазу и решил бы, что сходит с ума, так как авиабазе полагалось быть тремя километрами южнее.

Не находя слов от восхищения, он показал Савинкову большой палец. Тот улыбнулся с самым довольным видом.

- П'раво, жаль, сэр, что самое п'озднее через три дня все это разнесут б'омбами!

- Мне будет жаль, если вместо этой потемкинской деревни разнесут мой аэродром! - Гущин поправил микрофон и скомандовал пилоту: - Домой, Нолан! Посмотрим, как ребята капитана Савинкова сработали у нас. Я надеюсь увидеть под собой голую степь...

Он отдал пилоту приказ сделать еще один круг над побережьем, поднявшись повыше - вроде бы в последний раз проверить "потемкинские деревни". На самом деле ему просто хотелось насладиться ощущением полета в последний день полного господства форсиз в небе Крыма.

***

3 мая 1980 года, Одесса, штаб Крымского Фронта, 1130

- ...В операции возмездия приняли участие 296 ударных самолетов. Атаковали тремя ударными группами, с северо-западного, северного и северо-восточного направлений. В обороне противник задействовал порядка сотни самолетов, наши потери - сорок три самолета, потери противника - пятьдесят два.

- Скоко-скоко? - орлиный взор Маршала прожег командира Тактической Воздушной Армии до позвоночника.

- Пятьдесят два, - не таким уверенным голосом повторил тот.

- Интересное кино, - Маршал исходил желчью. - Мы стыкаемся с ними в воздухе втрое превосходящими силами... К целям не прорываемся... И они теряют всего на девять машин больше, чем мы! Тебе что, твои погоны надоели?!

Если бы командующему ТВА надоели его погоны, он доложил бы маршалу всю правду: что в воздушных боях беляки потеряли не 52 самолета, а от силы 30.

- Второй налет завершился час назад, - собрав в кулак все свое хладнокровие, продолжил он. - Исключительно с целью уничтожения истребителей противника. Наши потери - 29 машин. Их потери - 36.

- Я ведь проверю, - сощурился Маршал.

- Проверяйте, - покорно сказал командир ТВА.

Маршал стукнул по столу кулаком.

- Не гребет меня, сколько истребителей они потеряют! В другое время, может, я и позволил бы тебе так их мурыжить, но нет у нас времени. Понимаешь, нет! Девятого мы должны войти если не в Симферополь, так в Феодосию, или все мы! - он обвел сидящих за столом пальцем - как стволом автомата. - Все мы не только погоны, но и партбилеты положим! Сегодня их должны бомбить! Сегодня!

- В 19-30 будет нанесен ракетный удар по военным объектам, - глухо сказал командир ТВА. - У меня все.

Маршал повернулся к командиру 14-й армии...

***

Симферополь,3 мая, 2200

- Полковник Скоблин...

- Сегодня в воздушных боях потеряно 49 истребителей - 8 "Беркутов", 16 "Ястребов" и 23 "Миража". По "воздушному мосту" будет переправлено 8 F-15A и 12 A-7E, их укроют в Сары-Булате. Удалось спасти 29 пилотов. Потери противника - 80 машин или немногим меньше. Интенсивность сопротивления снижается согласно плану.

Ракетами разрушены 2 РЛС дальнего обнаружения и две РЛС ЗРК "Кудесник". Жертвы среди мирного населения - 23 человека.

- Полковник Шевардин?

- Первая оборонительная линия Парпачского рубежа готова. Вторая - готова на 40%. Из Керчи морем эвакуированы бригадные склады. В том числе - и теми двумя контейнеровозами и одним паромом, которые были упомянуты в приказе. Склады выгружены в Феодосии, суда проследовали дальше - в Севастополь.

- Полковник Шеин?

- Тарханкутская ударная группа готова. Инженерные силы заняты на сооружении ложных целей для противника и укрытий для нашей техники.

- Полковник Кутасов?

- Без изменений. Батареи береговой обороны находятся в состоянии готовности номер один. Инженерный батальон участвует в строительстве Парпачского рубежа.

- Полковник Верещагин?

- "Гриффин" полностью отгружен в Севастополь и Альма-Тархан, спасибо господину Скоблину. Горноегерская бригада укомплектована пополнением из ополченцев до 100%. Полк морской пехоты - тоже. Бронемобильная бригада тоже укомплектована личным составом до 100%, но 11 танков неисправны, и исправить в указанные сроки не представляется возможным.

- Хорошо. Полковник фон Лямме, передайте 11 танков резерва в распоряжение Корниловской дивизии. Укрытия?

- Вся техника будет укрыта к завтрашнему утру. В Севастополе и Любимовке создано одиннадцать мобильных складов.

- Капитан фон Траубе?

- Мы приступили к переоборудованию кораблей. Сегодня два будут готовы.

- Когда будут готовы ВСЕ?

- Раньше, чем в ночь с седьмого на восьмое - не получится.

- Дьявол... Господа, мы все делаем на живую нитку. Я хочу вам напомнить, полковник Шевардин, что красные вряд ли бросят против вас 40% своего десанта. Линия должна быть завтра завершена. Полковник Верещагин, полковник Казаков, коммандер фон Траубе, пятого числа я хочу увидеть план погрузки и высадки.

- Да, сэр...

Настроение было похоронное.

- Я все понимаю, господа... - сказал Адамс после паузы. - Проигрывать, даже понарошку, обидно... Тем более, что люди погибают не понарошку. Но на попятный мы уже не пойдем. Завтра начнутся особенно тяжелые деньки... Конечно, основной удар придется по аэродромам, но не исключено, что завтра же ударят и по расположениям частей. Поэтому! Маскировка и укрытия! Шевардин, Верещагин, за потери выше пяти процентов я сниму с вас головы!

***

- Но ведь вас не бомбили четвертого?

- Нет. Бомбили Бельбек и Саки. Двадцать пятые МиГи, мы их ничем не могли достать.

- Чуфут-Кале - это они?

- Скажи лучше - Бахчисарай... Нет, не они - ТУ-16, девятитонными. Не смей! - он перехватил ее запястье, увидев, как она потянулась с сигаретой к свечке.

- Я стал суеверным.

Он чиркнул спичкой, подождал, пока она прикурит.

- Думаю, тут не Чуфут-Кале был целью... Они же должны были знать, что Центр вырублен в скальном монолите... Они проверяли, в самом ли деле уничтожена система

ПВО. Представь себе парня за ракетным пультом, который смотрит, как "девятками" его город ровняют с землей - и ничего не может сделать. Не имеет права.

- Сволочи...

- В заданных обстоятельствах... Я не думаю, что мы были бы лучше. Знаешь, что случится с Херсоном, если сбросить бомбу на Каховскую плотину?

- Мы что...?

- Нет. Иначе я бы тебе не сказал. Но такой вариант... рассматривался. Там стоит дивизия, с которой надо что-то делать...

- Кроме дивизии, там еще и люди живут.

- Вот и я о том же.

***

5 мая, Крым

В 9-40 эскадрилья МиГ-25, пользуясь полнейшей безнаказанностью, с высоты 23 км сбросила 24 ФАБ-500Т на авиабазу Бельбек. Это была та авиабаза Бельбек, которую ночью построил инженерный батальон Южного района обороны, но из-за неточности бомбометания с такой большой высоты три бомбы попали в настоящую авиабазу и повредили основную ВПП.

В 14-20 эскадрилья отбомбилась над Саками. Все то же рассеяние бомб привело к тому, что четыре из них упали на Михайловку. Погибло пять человек - городовой, находившийся по долгу службы на улице, двое подростков-взломщиков, решивших поживиться во время воздушной тревоги и пожилая супружеская чета, не пожелавшая спускаться в подвал.

В 17-30 эта же эскадрилья сбросила бомбы на Сары-Булат, и одна из бомб попала в настоящую авиабазу. Остальные расковыряли степь вокруг ложного аэродрома и раздолбали автомагистраль.

После налета на Саки полковник Адамс отдал Скоблину приказ перехватить этих орлов. Продиктован приказ был скорее угодой общественному мнению, чем военной необходимостью, тем не менее он был выполнен отлично: 8 "беркутов" подловили МиГи при заходе на посадку и сбили четыре из них.

Возвращаясь, они угодили в мыловарню: 162 советских истребителя совершили очередной налет, бой им дали 64 крымских самолета.

Летчики форсиз, которым удалось выбраться из этой бойни, так и не отдыхали: вечером они вышли на перехват ракет, которые выпустили недобитые первого мая Ту-16 и Ту-22М7. Советский Союз не жалел средств на воссоединение двух народов: по Крыму высадили 88 КСР-5 и 12 Х-22.

Это был самый сильный удар за весь день: погибло 34 человека из военнослужащих и 46 штатских.

Ночью в Сарабузе сели 28 F-15A и 22 A-7E. Американский "воздушный мост" действовал...

На следующий день красные начали раненько. В 7-40 пошла на Сарабуз эскадрилья из Ейска, усиленная после вчерашних потерь МиГами-25РБ из Конотопа. Ложный аэродром "Сарабуз" очень серьезно пострадал. Бочки с мазутом и отработанные автопокрышки создали видимость грандиозного пожара, о чем и было с удовольствием доложено по начальству.

В 9-10 массированным налетом истребителей был окончательно сломан хребет крымским ВВС. Помня о словах Маршала, командующий ТВА бросил против 48 истребителей крымского ПВО 186 МиГов, в том числе - свежий 61-й истребительный полк. Уйти удалось только 11 белым самолетам, и только потому что они успели

заскочить в зону ПВО Северного Укрепрайона. Те семь советских МиГов, что в азарте погони кинулись за ними туда, были сбиты "Хоками" и упали в Чонгар.

Через час 70 бомбардировщиков-ракетоносцев поднялись с воздух. Сто сорок восемь ракет было выпущено. Только тридцать - перехвачено: самолеты Крыма в воздух не поднялись.

В 11-00 70 Су-24, 80 Су-17, 140 МиГ-27 и 150 МиГ-23 пошли на Крым. Под ударами ракет Х-28 замолчали ЗРК "Кудесник". В среднем приходилось по 70 самолетов на авиабазу, и советские постарались отыграться за первое мая с лихвой. Шесть крымских аэродромов должны были размолотить в кашу уже при первом ударе, но для верности было сделано еще три налета. В последнем участвовали даже ТУ-16 с ФАБ-3000, и что эти неповоротливые туши не были сбиты - ясно показывает, что крымской ПВО больше не существовало.

Аэродром Сары-Булат понес серьезные повреждения, в результате чего американским F-15 и A-7, переброшенным ночью по "воздушному мосту" пришлось садиться на автобан между Сары-Булатом и Новоивановкой. Помнится, лет пять назад местные жители очень удивлялись, зачем военные бетонируют второстепенной важности дорожный узел, для которого вполне хватило бы и асфальта...

***

- Мы из убежища не вылезали.

- Мы тоже. Но нам меньше досталось. Круто попало дроздовцам и марковцам... "Бэкфайры", со средней высоты... По Евпатории, Керчи и Альма-Тархану...

- И Бахчисараю.Штатские нас ненавидят, ты это знаешь?

- Знаю... Их можно понять.

***

Ак-Минарет, 7 мая, 1655

- Вот так вот, значит... - сказал подполковник Денисов.

- Вот так вот, - передразнил его мэр Ак-Минарета. - И машин у меня играть в бирюльки нет. Вызвали спасателей из Симфи, так когда они еще будут. Полчаса нас утюжили! Полчаса! Сволочи! - он сорвался на крик - Я же знаю, что батарея цела была! И сейчас цела! И сидели, смотрели спокойно, как нас тут в дерьмо вколачивают! Люди вы или нет, мать вашу так?

- Я дам технику, - сказал Денисов. - Я все дам! Я руками буду завалы разгребать, камни грызть! Скажи, что делать - я буду! Только душу из меня не вынимай...

- Толку от твоего грызения! Надо было врезать им! Стрелять надо было!

- Приказ, - скрипнул зубами Денисов. - У меня был приказ...

- Вон им скажи, что у тебя был приказ! - мэр подтащил казака к окну за плечо. - Которые без крыши над головой остались. Которые ждут, пока их детей из подвала выкопают. Давай, выйди к ним, подполковник, и скажи, что у тебя был приказ! Не можешь?.. Не можешь!..

Бывший есаул, а ныне подполковник Денисов повернулся спиной к мэру и вышел из кабинета. В коридоре толклись работники муниципалитета и жители города, враз оставшиеся кто без крова, а кто и без семьи, кто-то куда-то звонил, составлялись какие-то списки... Денисов шел через толпу, и толпа расступалась перед ним. В его сторону старались не смотреть.

"Как прокаженный", - подумал он.

Палатки, которые лежат на складе полка. Жратва. Медикаменты. Машины... Развернуть еще один мобильный госпиталь...

Самое страшное уже было позади. Уже погасили пожар в здании школы и выяснили, что дети в подвале убежища живы. Крым шестьдесят лет готовился к бомбежкам - убежищ настроили много. Проблема в том, что завалило оба выхода - включая аварийный. Воздух поступал, слава Богу. Теперь у школы торчало два автокрана - шла работа, которую спасатели называли "игрой в бирюльки". Действительно было очень похоже - разобрать завал по камешку, очень осторожно, чтобы от неловкого смещения все это не просело вниз и не проломило перекрытия убежища, погребая детей городка Ак-Минарет...

Денисов даже не посмотрел в ту сторону. Он знал, что там, на площади за оцеплением стоят матери. И многие в оцеплении - отцы, ведь и дети казаков ходили в эту школу и прятались в подвал во время воздушных тревог, которые - до сего дня - все были ложными.

Хватило и одной настоящей...

Над городом стоял дым: от покрышек, которые приготовили уже давно, и от настоящих пожаров.

Батарея ЗРК "Кудесник"... И приказ - категорический, не терпящий возражений: не применять!

Казалось, что и нужды не будет: чтобы нанести прицельный удар по позициям белых на Тарханкуте, МиГам придется снизиться до зоны поражения "Жар-Птицами" и "Стингерами"...

А никто не стал и искать эти позиции. МиГи тупо отработали по Ак-Минарету. Авиаполк крушил город в то время, как Денисов и его казачий полк сбрасывали в море десант... Это не укладывалось в голове даже теперь: бессмысленный удар по городу - в то время как морской десант красных действительно нуждался в авиационной поддержке...

(А кто ж знал, что приказ 562-му ИБАП звучал так: поддержать высадку 61-го отдельного полка морской пехоты, уничтожить военные объекты в городе Ак-Минарет. Ну, не доперли штабные стратеги, что казаки ждут этого десанта не в своих казармах, а на побережье!)

Денисов передумал все это быстро - пока спускался во второго этажа мэрии. И, спустившись, сразу же отдал приказ своему помощнику.

- Найди мне зампотыла... Передай: пусть все, кто свободен от патрулирования побережья, на сутки поступают в распоряжение мэра. Давать ему машины, людей... Что ни попросит. Пленных пусть гонят сюда же - нечего им в лагере штаны просиживать, будут разбирать завалы. Суки! - он ударил кулаком в борт машины.

- Победили называется, - усмехнулся сотник Башенков. - То-то нас с цветами встречают...

- Господин полковник, штаб! - связист протянул Денисову наушники с микрофоном.

- Волк-17 слушает.

- Волк-17, на связи Волк-центр. Что там у вас? Что с этим десантом?

- Спихнули мы в море этот десант. Убитых человек двести с их боку, с нашего - пятьдесят пять. Пленных взяли сорок два человека. Спалили шесть легких танков, захватили пять. Наших танков потеряно четыре. Ремонту не подлежат, с концами. Корабельные орудия, сами понимаете... Эсминец их мы слегка попортили, но все ж таки не утопили - ушел...

- Мы беспокоимся из-за авианалета.

- Мы тоже беспокоимся, мать его еби...

- Денисов, прекратите мат в эфире! Каковы потери после авианалета?

- Подсчитываем. Они не по нашим позициям, они по городу отработали.

После секундной заминки прозвучал вопрос:

- Что нужно?

- Краны нужны. Бульдозеры.

- Боеприпасы нужны? Склады целы?

- Да в жопу эти склады!.. Да, целы. Они по казармам отработали и по жилым кварталам. Еще десант будет?

- Не знаем. Ждите. Конец связи.

Денисов вернул наушник связисту и оперся спиной о штабную машину.

- Закурить есть, Семен?

Он глотнул дым, посмотрел в сторону враждебного моря.

- Вы как хотите, а если они еще раз прилетят, то положу я на ваши приказы, - сказал он себе под нос.

***

Они сидели в темноте, и Тамара злилась на себя за то, что вот так - лицом к лицу, но через стол - ей удобней и легче, нежели в постели...

- Приезжал осваговец, расспрашивал о тебе...

- Флэннеган?

- Да, кажется так... О нашем последнем дне, о том, как мы расстались... Послушай, то, что пишут в газетах - это ведь bullshit. Та сумка, которую ты забирал со станции...

- Ты все ему рассказала?

- Да, конечно... Я же думала, что тебя уже убили.

- Не бери в голову.

- А ты сволочь. Ты все знал заранее. Вернулся из Непала, купил колечки, трахнул меня напоследок и отправился умирать.

- Ну, не так все было трагично...

- Нет, все было смешно. Прямо комедия... Господи, ну почему все это случилось именно с нами?

- Хороший вопрос...

- Почему ты, Арт? Почему ты взялся за это?

- Почему я... Тоже хороший вопрос. Знаешь, я сам об этом много думал. Как-то делать было нечего - я сидел, прикованный наручником к батарее в Главштабе, ждал смерти и думал... Смысл... Неужели в советском лагере мне было бы хуже? Да нет, хуже вроде некуда... Тогда в чем дело? Свобода? Хороша свобода: ровно на длину руки. Демократия? Ради таких слов не умирают. Права человека? Хребет мне расписали этими правами... Личные выгоды? Мимо... Но вот если бы сейчас можно было все вернуть во времени назад и переиграть - отказался бы я? И... Я понял, что нет. Ни за что. Это желание... оно было больше, чем разум и воля. Это плоть и кровь. Есть что-то, что заставляет меня делать такой, а не другой выбор. Далеко не всегда разумный. Разум на побегушках у этой штуки. Что-то глубоко внутри, уничтожить его можно только вместе со мной. Может быть, это - душа. Не знаю.

- Красиво говоришь...

- Накопилось... Знаешь, я ведь давно ни с кем не говорил. В штабе я стараюсь держать пасть закрытой. Тише воды, ниже травы. Такой пай-мальчик.

- Зачем?

- Видишь ли... Полковник Казаков, мой начштаба... Он очень опытный штабист... И на две головы выше меня. Но... если я отдам один приказ, а он - другой... Я точно знаю, кого из нас послушают младшие офицеры. И он это знает. Поэтому я очень внимательно слушаю, что он говорит, а задавать глупые вопросы стараюсь наедине.

- Помогает?

- Нет.

- Скажи мне, господин командующий, у нас получится? Мы вернемся оттуда?

- Я *верю*, что у нас получится. Иначе нельзя.

- Верь на здоровье, я же не об этом тебя спрашиваю!

- Я знаю, о чем ты меня спрашиваешь. Меня о том же самом спрашивал сегодня Князь...

***

Севастополь, 7 мая, 1715

- Как к тебе теперь обращаться? Господин командующий?

- Ну хоть вы, товарищ Исаев, не подъелдыкивайте...

- Подъелдыкивать командира своей дивизии?.. Вот уж никогда не думал, что тебе дадут полковника... раньше, чем мне.

- Я и сам никогда не думал, что получу полковника, - спокойно заметил Верещагин. - Коррида, фортуна...

Князь хохотнул, восстановив в памяти контекст.

- Ты в самом деле... Или так? Генерал на свадьбе?

- Всего понемножку, Князь. Один мой знакомый осваговец придумал удачный эпитет: ходячий полковой штандарт. Ну, давай, веди меня к своему полковнику. Мне поручено проверить вашу готовность... Князь, готовы ль вы?

Над бухтой заревела сирена.

- А, зараза, - спокойно сказал князь. - Опять налет... Слышал, как нас бомбили полтора часа назад?

- Потому и приехал. Корабли целы?

- Ха... Слышу голос полководца! Какой-нибудь сентиментальный штафирка спросил бы, живы ли мои родные и близкие... - Георгий встретился с Артемом глазами и осекся.

- Корабли целы, - сухо закончил он. - Чтобы попасть в корабль, нужно спуститься на высоту поражения. А среди красных таких дураков нет. Гораздо проще сбросить все это дерьмо в море или на город, чтобы потом отрапортовать: отбомбились по Севастопольскому порту.

- Жестокость законов российских смягчается скверным их исполнением... - пробормотал Арт. - Ага, вон твой полковник...

Верещагин знал в лицо командующего полком морской пехоты, полковника Краснова. Теперь и Краснов его узнал. С командиром отряда "Афалина" подполковником Никифераки они встречались дома у Князя еще до войны. У Дмитрия Никифераки были добрые черные глаза, щедрые жесты и широкая улыбка Багси Сигела. Он называл Артема и Георгия одинаково - "мальчик мой". Интересно, как он обратится сейчас...

- Полковник Верещагин! - офицеры отсалютовали друг другу. - Капитан Берлиани! Ну что, господа, пойдемте в укрытие, пока не начался этот бомбеж?

- А где полковник Казаков, Артемий Павлович? - насторожился морпех.

- Он в Главштабе, - спокойно ответил Артем. - Будет в девять вечера. Вместе с полковником Адамсом и полковником Крониным.

- А что происходит на Керченском полуострове? - осведомился Краснов. Его глаза спрашивали совсем другое. "Кто ты?" - спрашивали они. - "Мальчик на побегушках у Казакова? Подставная фигура? Или человек, с мнением которого считаются?"

- Мы еще удерживаем Керчь. В Багерово красные высадили воздушный десант. Полк или около того.

- Не заперли бы они Ордынцева в Керчи...

- Пока что все идет в соответствии с предположениями наших аналитиков.

- Идемте, полковник... Капитан Берлиани, спасибо, что показали господину полковнику дорогу на пирс.

Берлиани молча отсалютовал.

- Я тебя найду, - тихо сказал ему Арт.

Он действительно нашел его.

- Ну и вонища, - бестактно сказал господин полковник, поднявшись на борт десантного катера.

- Да, запашок славный, - Берлиани наморщил нос. Определение "вонища" было не совсем корректным: это походило на запах свежескошенной травы, но гораздо более сильный, через край - резало ноздри. - И нам десять часов в этой вони плыть.

- Нам - тринадцать, - срезал его Арт. Провел пальцем по перилам, осмотрел маслянистое пятно. - Так это и есть "гриффин"?

- Он самый. Может, красные и поверят, что мы - рыбачья лодка. Но все равно, если не сработает авиация - нам каюк. И это отворотное зелье нас не спасет... Как ты думаешь, командующий, у нас хоть что-нибудь получится?

- Конечно, получится, Гия. Я не могу думать иначе. Я же комдив, едена вошь...

- Знаешь, это все кажется таким безумием, что может и получиться.

- Как твои родственники? Мама, отец, Дженис, Кетеван?

- Вчера мои улетели в Турцию через воздушный коридор Красного Креста... Дженис осталась... Я ей говорю: дура, ракетам плевать на твой американский паспорт! - ни в какую... А что твоя царица?

- Она жива, Князь. Это пока все, что я знаю...

- И завтра она...

- Да, Гия. Завтра. Она.

- Бедные вы, бедные...

***

- Послушай, а эта твоя может-быть-душа, если она, скажем, потребует от тебя расстаться со мной... Что ты выберешь?

- Самый подходящий момент выяснять отношения... Ты ведь тоже могла остаться в моей квартире и пересидеть сутки в безопасности. Ты поступила ровно наоборот.

- А ты знаешь, чем я за это поплатилась?

- Представь себе, знаю. Знаю, что ты в одиночку обезвредила двоих советских солдат. Освободила подруг. Сражалась при Бельбеке и при Почтовой. Участвовала в налете на Каховку. Завтра опять будешь рисковать собой, прикрывая нашу высадку...

Слава Богу, в темноте не было видно, как у Тамары отвисла челюсть.

- И ты думаешь, меня будет волновать то, что ты охмурила какого-то майора, чтобы не иметь дела со взводом желающих? Да пропади он, этот майор, на такое дерьмо и патрона жалко. Кем ты меня считаешь - дураком или подлецом? "Джамиля, ты была моей любимой женой, почему ты не умерла?" Тьфу!

Тамара поднялась по галерейке, открыла дверь бывшей своей комнаты.

- Левкович, ты спишь?

- Да, а что?

- Я хочу тебе сказать, что ты ботало.

- Кто я?

- Ботало. Колокольчик такой на шее у коровы, если ты случайно не знаешь.

- Хорошо. Можно спать дальше?

- Спокойной ночи.

- Она будет спокойной, если ты будешь поменьше шуметь. В частности - скрипеть кроватью. Злостно нарушая инструкцию номер сто четырнадцать-двадцать девять.

- Врешь. Не скрипит у меня кровать. И вообще - не твое дело.

- Конечно, не мое. Но такие инструкции нужно нарушать молча, без шума. Люди хотят спать в буквальном смысле слова.

Тамара тихо выругалась, закрывая дверь. Черт бы побрал Рахиль, но она была права.

- Мы шумим, - сказала она, спустившись вниз.

- Ненавижу эти армейские общежития.

- До которого часу ты можешь остаться?

- Часов до пяти. В шесть нужно быть в штабе.

- Ты не успеешь.

- Быстрым шагом - успею.

- Где вы?

- В Любимовке. Страшная военная тайна. Ты умеешь хранить военные тайны, Тэмми?

- Ты меня уже спрашивал об этом. Завтра?

- Завтра.

- Господи... Как я боюсь...

- А я - нет. Закрой глаза.

Она закрыла глаза.

- Дай руку.

Она протянула руку.

Теплое, согретое его ладонью кольцо обхватило ее палец.

- Вот. Это ты забыла у меня дома. Не снимай больше никогда.

Прикосновение рук снова перешло в объятие. Она попробовала ответить на ласку, но Арт дернулся и перехватил ее ладони.

- Как тебя обнимать?! - возмутилась она, - Здесь синяк, там ссадина...

- А ты меня не обнимай. Я сам тебя буду обнимать.

- Тогда давай вернемся ко мне в комнату. А то кто-то выйдет среди ночи чего-нибудь погрызть и увидит, как мы нарушаем инструкцию номер сто четырнадцать-двадцать девять.

- Здесь я вообще ничего не смогу нарушить, здесь мебель для этого не приспособлена.

- Некоторые обходятся вообще без мебели.

- Для таких упражнений я слишком помят.

- Полтора часа назад это тебя не остановило.

- Это меня и сейчас не остановит.

Они вернулись в ее комнату, снова заперли дверь и быстро разделись.

- Когда снимут швы? - спросила Тамара.

- Засохнет - само отвалится... Извини, у меня сильно поплохело с чувством юмора. Это какой-то хитрый материал на основе хитина. Растворяется в теле.

Арт переступил через свою одежду, брошенную на пол, и остановился на расстоянии вытянутой руки от Тэмми, спиной к ухмылке полумесяца, светившей в окно. Черная тень на фоне густо-синего проема. Свет обтекал его, и в этом скудном свете - она знала, что кажется ему серебристо-серой тенью.

- Как ты прекрасна, - выдохнул он. - Если бы ты сейчас могла видеть, как ты прекрасна...

***

Потом она, завернувшись в простынь, отошла к окну, села на широкий подоконник и закурила.

- Когда-нибудь, - мечтательно сказал Артем, - я оттрахаю тебя так, что ты забудешь про свои проклятые сигареты. По меньшей мере до утра.

- Тебе придется *очень* постараться.

- Яки.

- Не хочешь пойти принять душ? Вместе?

- Нет. На этот раз мне нужно будет сделать кое-что еще. Что я привык делать один.

- Тогда иди первым.

... Вода шуршала о пластиковые занавески не дольше трех минут. Артем мылся быстро, по-солдатски. Как всякий, кто большую часть омовений произвел в общих душевых - пансионов, казарм, офицерских училищ, опять казарм, тренировочных комплексов, дешевых отелей и так далее. Тамара докурила, раздавила окурок в пепельнице.

- Знаешь анекдот про то, как эскимос женился на француженке? - спросил он, отдавая полотенце.

- ИДИОТСКИЙ анекдот! - она захлопнула дверь.

Она тоже вымылась быстро, по-солдатски. Но когда вернулась в комнату, он уже спал.

Странно, но хотя его темное лицо выглядело осунувшимся и измученным, на губах успокоилась полуулыбка, характерная для изваяний Будды. Улыбка человека, который засыпает с чистой совестью и незамутненным разумом. Улыбка ребенка, еще не открывшего страшную тайну: все дорогие ему люди когда-нибудь умрут, умрет и он сам...

Тамара легла рядом, и он тут же одной рукой подгреб ее к себе, прижал, как плюшевого мишку.

И до пяти утра, до второго появления денницы над горизонтом они спали, обнявшись, и земля вертелась без них.

***

Одесса, ночь с 7 на 8 мая 1980 года

По такому случаю можно и выпить.

В "Красной Звезде" уже и фельетон вышел - "Слон и Моська". Дескать, погавкала белая Моська на красного Слона, разозлила его, он топнул ногой - и где та Моська?

Все, Керчь взяли, дошли до Парпача - расслабляемся, мужики. Теперь главное что? Главное - не торопиться. Отрапортовать: сделали что могли, дальше пока не выходит - белые, сволочи, сопротивляются изо всех сил.

Так оно, в общем, где-то и было. С Тарханкута полк морской пехоты вышибли. Правда, и десант туда шел - одно слово, отвлекающий. Денька через четыре дадим настоящий, но это не сразу, нет, не сразу...

- Из Москвы, - шепнул адъютант на ухо Маршалу.

Тот кивнул, встал из-за стола - нет, все скромненько, по-деловому: коньячок, балычок, колбаска, никаких излишеств - прошел в свой кабинет.

Товарищ из Москвы - костюм-тройка, вытертая до полной безличности физиономия - протянул ему руку.

- Я тут проездом, - сказал московский гость. - Товарищ К. интересовался, как идут дела...

- Дела, - крякнул Маршал. - Вы что же, телевизор не смотрите? Газет не читаете? Дела - лучше некуда... Взяли Керчь, обеспечили прочный плацдарм... Девятого думаем предпринять решительный штурм... Ну это, понятное дело, не газетная информация...

- Можно вопрос - почему девятого?

- Ну как же... Требование Политбюро... К тридцатипятилетию Победы

- Требование Политбюро или лично товарища А.?

- А разве товарищ А. может отдавать распоряжения от своего имени?

- Не хотелось бы плохо об отсутствующих, но товарищ А. склонен превышать свои полномочия. Его мнение - это ни в коей мере не мнение Политбюро. Политбюро, в свою очередь, настаивает, чтобы вы перенесли штурм на двенадцатое.

Ага, подумал Маршал.

Одиннадцатого были назначены выборы в Генеральные Секретари.

Пренеприятнейшему не светило...

***

Севастополь, 8 мая, 0811

- Мальчишка, - сквозь зубы сказал полковник Казаков, увидев, что они остались в штабной каюте одни.

Арт виновато развел руками и взял с тарелки второй сэндвич.

У сэндвича был привкус свежескошенной травы. В радиусе ста метров вокруг корабля все провоняло "гриффином".

Ждали известий из Главштаба. Медленно тянулся последний час, в течение которого еще можно было сдать назад. Если не прилетели самолеты из Греции... Если аэродромы не восстановлены... Если красные сумели прорвать оборону на Парпачском перешейке... Тридцать три "если"...

Арт вытер руки салфеткой и бросил ее в корзину для бумаг.

- Вы почти убедили меня в том, что годитесь для командования, - продолжал Казаков. - Ваша работа всю эту неделю была настоящей. И вдруг вы срываетесь в Качу, как... сексуально озабоченный подросток.

- Сэр, я подвел вас? Вам пришлось всю ночь делать какую-то работу, от которой я сбежал?

- Нет.

- Тогда я не готов принять ваши претензии.

- Сэр! - в каюту вошел поручик Гусаров. - Главштаб на связи.

Артем взял протянутые наушники, непослушными руками нацепил их на голову. Микрофон на стальной ленте оказался прямо под носом.

- Дрейк слушает.

- Елизавета на связи. Код для Дрейка: V-I-V-A.

- Вас понял, сэр.

- Конец связи.

- Подтверждаю.

Он почувствовал, как лицу становится жарко.

- Связь со всеми подразделениями группы "Золотая лань.

- Слушаюсь, сэр - отозвался невидимый связист.

- Группа "Дрейк"!

- Готов, - отозвался с парома "Армянск" полковник Ровенский.

- Группа "Ингленд".

- Готов, - подполковник Шлыков находился совсем рядом, на ролкере "Бельбек".

- Группа "Морган".

- Готовы, - далекий голос полковника Краснова.

- Группа "Кидд".

- Готовы, сэр.

- Группа "Сильвер"...

- Готова.

- Группа "Бонней"...

- Готовы, - женский голос.

- Группа "Флинт".

- Есть, сэр...

- Группа "Дэвис"...

- Готовы, сэр.

- Внимание всем. Код VIVA. Повторяю - код VIVA. Пятиминутная готовность для всех. Группам "Сильвер" и "Ингленд" - начинать погрузку... Подтвердить получение приказа...

Он слушал подтвеждение приказа и видел, как оживает оцепеневший в ожидании порт.

Да, подумал он, стаскивая наушники на шею, это будет славная охота. И все, что им сейчас нужно - это немного дурной удачи. Вернее, очень много дурной удачи.

И - странно - почему-то верилось, что удача будет с ними. С ним персонально - и на этот раз тоже.

Он не радовался этому. Во-первых, было еще рано. Во-вторых, своей удаче Арт уже знал цену...

21. Одесса

Двенадцатой кав. дивизии - умереть! Умирать не сразу, а до вечера.

Приказ генерала Брусилова 12-й кавалерийской дивизии.

Одесса, 9 мая 1980 г, 1825-1835

- Господин полковник, как вы себя чувствуете?

- Что нужно?

Полковника Казакова за глаза называли Друпи. Во-первых, потому что именно глаза полковника - карие, влажные, треугольные, с тяжелыми печальными веками - придавали ему сходство с персонажем мультфильмов Тэкса Эвери. Во-вторых, естественно, в глаза никто так называть полковника не смел.

Кроме глаз, Говард Генрихович Казаков походил на Друпи небольшим ростом и общей невозмутимостью. Казалось, ничто не может заставить его веки дрогнуть и удивленно приподняться либо же гневно сойтись в прищуре. Ничто - даже такая пилюля, как назначение начальником штаба к выскочке-парвеню, вчерашнему ротному командиру.

Сейчас полковник выглядел далеко не таким невозмутимым, как обычно. Он вел не то сражение, ради которого плыл сюда. Он дрался один на один с болью, слабостью и беспамятством. Так получилось. Ракетный обстрел Одесского аэродрома не причинил вреда ни самолетам, которые были в воздухе, ни ВПП, но одна особенно дурная ракета взорвалась во внутренних помещениях аэропорта и Казаков с двумя другими офицерами штаба угодили под ударную волну. Очевидцы рассказывали, что "Друпи" ударило об стену со страшной силой. Если бы не кевларовый командирский шлем, мозг штаба Корниловской дивизии весь оказался бы на одесском бетоне. Но и шлем не спас от контузии: большую часть времени Говард Генрихович находился без сознания, а, приходя в память, страдал от боли.

Верещагин готов был отдать свою правую руку, лишь бы вернуть Казакова в строй. Но предложить такой обмен было некому.

- Сэр, только что со мной связывался Симферополь. Третья попытка провалилась. Они не прорвались к Белой Церкви.

- И что?

- План строился в расчете на это. Погрузка уже идет... Четыре корабля отправлены... Я не знаю, что делать. Наши уже не могут удерживать господство в небе...

- Вы думаете... знаю я?

Верещагин не ответил. Не имело смысла отвечать: а зачем бы ему сюда приходить? Побалакать с полуживым Казаковым "за жизнь"?

- Чего вы ждете, Арт? Совета? Приказа?

Как все, кому доводилось говорить сквозь слабость и муку, Казаков посылал каждое слово с отдельным выдохом, как с попутным транспортом. Длинные промежутки оставляли в неуверенности: закончена фраза или нет?

- Совета.

- Мы все это обсуждали еще на корабле...

Артем помнил.

- Сэр, Траубе настаивает на том, чтобы вывести конвой в море. В расчете на авиационное прикрытие и поддержку из Крыма... И на то, что всех потопить не успеют.

Казаков на это даже ничего не ответил - только прикрыл глаза и слегка скривил губы. В Белой Церкви, куда не пробились крымские штурмовики, стояли полсотни Ту-16, которым совершенно не обязательно было подставляться: ракетами они могли ударить из безопасной зоны. На то, чтобы потопить конвой "Золотая лань" - даже если несколько ракет будет сбито - с головой хватит одного, от силы - двух вылетов.

- Я понимаю, сэр, что это шаг отчаяния... Но несколько кораблей уже в море. Вернуть я успею далеко не все... Я должен принять решение, и принять его быстро.

- Дальше... - сквозь зубы процедил Казаков.

- Симферополь считает, что нам лучше закрепиться в Одессе и держаться. Сегодня ночью по воздушному мосту перебросят еще тридцать самолетов... Они попробуют еще раз.

- А если у них не получится?

"Скорее всего", - Артем сжал переплетенные пальцы. Красные давно поняли, чего хотят крымцы. Белую Церковь будут защищать всеми силами. Не дать уйти белогвардейскому десанту - уже вопрос принципа. Но даже это не главное. Главное - что вряд ли они продержатся еще ночь и день. Запас патронов, снарядов, мин и ракет конечен. И уж тем более конечна человеческая жизнь...

- Мне представляется самым лучшим... Вернее, наименее худшим... Пробиваться в Скадовск.

- Это будет Дюнкерк.

- Если мы останемся здесь, будет Сталинград.

- Обсуждайте это в штабе, а не со мной.

- Вы - начальник штаба.

- У меня болит голова...

- Пробиться можно у Березовки. Там против нас всего три полка из разных дивизий, в основном - танковые. "Бовы" пройдут через болото и выйдут к ним в тыл. Танки и "Воеводы" прорвутся...

- А дальше?

- Снимаем оборону у Коблево, морская пехота грузится прямо там на корабли и следует в Скадовск. Горная пехота форсирует лиман в районе Калиновки - там никого нет... А дальше мы просто бежим. До самого Николаева.

- Вы знаете, каковы силы красных в Николаеве?

- Один полк. По данным разведки, остальные - здесь.

- Им достаточно просто взорвать мост.

- Я знаю. Поэтому аэромобильный батальон вышлем впереди всех - захватить мост.

- Это такая же ересь, как и решение Траубе.

- Я знаю.

- Почему вам не нравится мнение командования?

- Потому что командование знает о ситуации понаслышке. И потому что отсюда до Севастополя - 360 километров, а из Скадовска - 80. Если мы начнем переправляться там, мы дадим красным гораздо меньше времени...

- Дюнкерк...

- У нас не хватит боеприпасов, чтобы продержаться день и ночь. И на одесских дивизионных складах недостаточно оружия, чтобы выдать всем "калаши".

- Скажите все это в штабе. Оставьте меня, я сейчас не командир и не советчик... Думайте своей головой.

- Я думаю, сэр... Но я же могу ошибаться...

- И я тоже... Оставьте меня, Арт, моя голова разламывается.... Если вам так неймется получить совет... попросите Голдберг погадать на картах Таро...

- Капитан Голдберг погибла час назад.

- Жаль... Тогда подбросьте монетку.

- Сэр!

- А чего вы хотели? Чтобы я принял решение за вас? Я бы этого не сделал, даже не будь проклятой контузии. Командир - вы... Уходите...

Артем встал, неловко откозырял и вышел. Врач со шприцем обезболивающего смотрел на него волком. Гусаров протянул командирский шлем.

- Готовьте Говарда Генриховича к отправке вместе с другими ранеными, - сказал Арт.

Не оглядываясь, он прошел по коридору в фойе аэропорта, по лестнице поднялся на балкон для провожающих... Внизу, в зале ожидания, собирали и готовили к отправке тяжелых раненых. Пожалуй, только этим людям он мог бы посмотреть в глаза спокойно...Для них, по крайней мере, все закончилось. Их эвакуируют одним из последних воздушных транспортов, и, если не собьют по дороге, те, кто выживет, узнают, что мы сыграли вничью. Выполнили миссию и погибли, пытаясь вернуться.

Остальные еще не знают, что обречены.

Артем облокотился на перила. Под грудину надавил пистолет, здоровенный "кольт" 41-го года выпуска, вполне исправный: Верещагин содержал его так, как положено содержать оружие, имеющее для тебя особое значение. Посмотрел на часы - дешевенькие "Сейко", купленные на днях в первом же мелочном магазине взамен украденной каким-то красным бойцом "Омеги". На рефлексию времени не осталось.

За спиной маячил Гусаров. Это раздражало.

- Чего вы на меня уставились, поручик? Чего ждете? Что я сейчас свистну в два пальца - и нам на помощь прискачет войско мертвых?

Гусаров дрогнул лицом, но голос у него остался прежним - ровным и корректным.

- Это было бы неплохо, сэр. Мертвых в этих степях просто до черта.

"Получил, игрушечный командир? Попробовал бы он так с Басмановым разговаривать, а?"

Реплика адъютанта вывела его из апатии. Внутри поднималась великолепная, холодная белая злость.

Какого, в самом деле, хрена? - подумал он. Командир я или кто? Плевать, что они мне скажут. Если никто ничего умнее не придумает - будет по-моему.

***

"Прошло четыре часа пути, а нас все еще не утопили. Полковник Казаков сказал, что это можно рассматривать как частичный успех.

Странное дело, но я не боялся, что нас утопят этой ночью. Следующей - да, может быть. Но не этой. Ощущение успеха было почти мистическим.

Я не сомневался в успехе - я сомневался в его необходимости. Как и тогда, вечером двадцать девятого апреля на горе Роман-Кош, появилась неуверенность. Но тогда она была минутной, нахлынула - и пропала. Теперь же она занимала все мысли - и, к несчастью, не на что было отвлечься. Я не мог думать об операции - за последние дни я думал о ней столько, что эти мысли достигли какой-то предельной концентрации и выпали в осадок. Когда настанет момент - я сделаю свою работу, и сделаю правильно, с тем въедливым занудством, с каким делал все, за что брался до сих пор. Не в этом проблема. Проблема в практической пользе от операции "Морская звезда". Да, если Корниловская дивизия добьется цели, Крым получит передышку длиной в месяцы. Которые можно будет успешно использовать для поиска путей к мирному соглашению. Но будет ли мирное соглашение возможно после такой оплеухи? И не оттолкнем ли мы потенциальных союзников? Одно дело - когда мы отбились от высадившегося на Острове десанта. В глазах мировой общественности мы были героями и борцами за свою свободу. Теперь мы рискуем показаться агрессорами в глазах этой самой общественности. И начхать бы на нее, но тогда мы можем лишиться того, что принадлежит нам по праву: купленного год назад оружия. Мировая общественность проявляет удивительную гибкость в принципах, когда речь заходит о ее кровных интересах. Особенно - финансовых.

В плане было два узких места: доплыть и вернуться. Если мы выполним задание и не вернемся, весь морально-пропагандистский эффект сойдет на нет. Останется чисто практический выигрыш, который мало что даст: на неизбежных мирных переговорах Крым должен выступать с позиции силы. Что вряд ли возможно, если четверть армии будет положена в приморских степях.

Мы стали заложниками военного правила: имеющий преимущество должен атаковать под угрозой его потери.

На руке у одного из рядовых моей роты, Ивана Кассиди, была татуировка "Я прав!". Полезная для самовнушения надпись - в большинстве случаев ты вынужден действовать, не зная - и никогда не узнаешь! - прав ты или нет...

Кассиди погиб 9 мая на перешейке у Коблево."

Арт Верещагин
"The Trigger: a Battle for Island of Crimea"

***

Одесса, штаб Крымского Фронта, ночь с 8 на 9 мая 1980 года

- Это десант, - твердо сказал Маршал. - Последняя судорога. Флоту - боевая тревога. Морской авиации - боевая тревога. Береговой артиллерии - боевая тревога...

- Больше тысячи кораблей... - командующий Черноморский флотом Адмирал Н. покачал головой. - Ложные цели... Похоже, они даже корыта, в которых белье стирают, в море вывели... (Адмирал по иронии судьбы почти повторил фразу, сказанную капером фон Траубе на последнем заседании штаба: "В десантной операции из всего, что плавает, не задействованы только жестянки от "Кока-Колы". Но эксперты думали и над этим...").

- Торпед хватит на всех, - ободрил Маршал.

Настроение было шапкозакидательское. Белякам могло казаться, что они имеют себе пару-тройку военных хитростей, но все их хитрости были видны как на ладони:

собранная с бору по сосенке белогвардейская десантная флотилия тянулась в Керчь. Та ее часть, что отплыла из Севастополя, Судака и Феодосии, была уже на подходе к Керченскому полуострову. Логика подсказывала Маршалу, что это не основной десант, а отвлекающий, вроде тарханкутского. Основной идет в обход, мимо Альма-Тархана, используя тощенький шанс пройти в зоне прикрытия своих береговых батарей и избежать сокрушительного удара Краснознаменного Черноморского Флота.

Зря беляки надеялись хотя бы на тень успеха своего плана. На сей раз у Маршала все было готово, чтобы раздавить оба флота. Если это сборище разношерстных судов можно назвать "флотом"...

***

Чонгарский пролив, в виду северного берега Крыма, 2235, флагман крымского флота крейсер "Георгий Победоносец".

- Сколько до боевого контакта?

- Час и восемнадцать минут.

- Яки. - Берингер отложил микрофон, глянул на экран и усмехнулся. Времена капитана Блада прошли - теперь флотоводец ведет бой, не видя моря. Он сидит в рубке командного центра и видит вражеский флот серией пятнышек на радаре. Благодаря американскому спутнику "Keyhole" он знает, что из этих пятнышек чем является. Благодаря более современной локационной технике и ракетам он скоро уменьшит число этих пятнышек, самое малое, вдвое.

Но не сразу... Сначала свое слово должна сказать советская авиация. Ту-22М, способные испортить всю обедню...

- Пошли самолеты, сэр, - натянутым голосом сказал оператор...

***

На крымский "отвлекающий десант" бросают морскую авиацию, а основной десант должна уничтожить штурмовая авиация...

...И ночь над Чонгаром превращается в ад кромешный: целей много, очень много - ату, ребята, топи их всех!

И вдруг, в какой-то момент воздушная атака захлебнулась... Дело было не в том жалком огне, который могли открыть зенитные средства белогвардейских десантных кораблей, собранных, как правильно заметил Маршал, с бору по сосенке... Дело было в другом...

ОНИ БОМБЯТ АЭРОДРОМЫ!!!

***

"Этот этап плана "Потемкин" показал успех всего плана в целом: удар крымских самолетов по советским аэродромам опять оказался для советской армии полной неожиданностью.

Мы долго думали, как обеспечить эффект внезапности - наш единственный шанс на успех. На что купить советскую ПВО, как не дать истребителям подняться в воздух. Все гениальное просто: они были УЖЕ в воздухе, они кружили над Чонгарским Проливом, обстреливая наш "десантный флот". Ну, а каким образом ударной группе удалось проскочить зону ПВО - это уже секрет Полишинеля. Состав "гриффин", созданный в лабораториях "Ториан Кемикл Инк." и принятый на вооружение в 75-м году,

поглощал радиоволны очень эффективно. Он не делал самолет "невидимым", как писала популярная пресса. Он просто во много раз уменьшал его сигнатуру, обманывал РЛС. К тому времени как в сигнале на радаре распознавали самолет, он уже был достаточно близко, чтобы ударить по радару "Стандарт-Армом". Что и делал.

У "гриффина" было два недостатка, справиться с которыми так и не смогли. Первый: высохнув, этот состав терял качества РВ-поглотителя. Как таковой он годился в дело только текучим (в обычном состоянии это текучесть мазута, она сохраняется около 60 часов).

Вторым недостатком было то, что текучий "гриффин" смывается с самолета встречным потоком воздуха. Его хватает только на дорогу "туда", и на дороге "обратно" он уже никак не мешает ни РЛС, ни системам наведения ракеты.

Тем не менее военное ведомство по результатам испытаний "гриффина" заключило, что покрытие снижает вероятность потерь на целых 11%, и этого оказалось достаточно, чтобы профинансировать изготовление нескольких тысяч тонн "отворотного зелья", как его называли. Боже, благослови инновационный отдел Главштаба!"

Арт Верещагин
"The Trigger: a Battle for Island of Crimea"

***

Одесса, 9 мая, 0000-0030

Командира ТВА трясло мелко и часто - но не только потому, что его "чайка" мчалась по брусчатке. Генерал-лейтенант понимал, что первая половина его звания действительно пошла прахом. Болела голова, болела печенка, ныли плечи - как будто он сутки на ногах, а не вскочил с постели полтора часа назад по тревоге.

Но как... Как?! Они ведь тоже поставили ложные цели! Почему ВСЕ удары белых пришлись по настоящим аэродромам? Откуда они взяли самолеты - нет, не должно быть, он проверял доклады, сверял документы: в Крыму не должно было остаться ни единого А-7!

Стучат. Предатель в штабе ТВА, в штабе фронта. И за работу этой суки отвечать тоже ему...

- Приехали, товарщ генерал-лейтенант, - сочувственно сказал водитель.

Лицо командующего Крымским Фронтом цветом гармонировало с его мундиром, неформально расстегнутым на все пуговицы.

- Товарищ маршал, - горло командира ТВА сковал внезапный ларингит. - Командующий Тактической Воздушной Армией генерал-лейтенант...

Маршал сделал резкое движение рукой - в лицо генерал-лейтенанту полетела, рассыпаясь вспоротой подушкой, толстенная стопка бумаги.

-...По вашему приказанию прибыл...

Шелест последних осевших листочков угас, сменился другим звуком - наливаемой в стакан воды.

- Твои доклады, - Маршал с шумом отхлебнул. - Можешь ими жопу вытереть. И погонами заодно. Только золотое шитье спори - царапаться будет, а тебе это некстати. Жопа тебе на ближайшем партийном бюро ой, как пригодится. Ты можешь мне объяснить? Вот это все - можешь?!! - загрохотал он. Потом снова отпил и спросил:

- Сколько?

- Девять.

- Те же, что и в прошлый раз?

- Так точно.

- Ни одной ложной?

- Никак нет.

- Понимаешь, что это значит?

- Так точно.

- Есть конкретные подозрения?

- Никак нет...

- Да перестань ты, мать твою... Отвечай по-человечески... Как они могли проскочить через ПВО?

- Они не проскакивали.

- Что?

- ПВО среагировала. Только поздно...

- Их что, радары не брали?

- Брали. Но плохо...

- Та-ак...- Маршал сцепил зубы. - Роман Фадеева "Разгром". Сколько они потеряли в воздушных боях?

- Порядка двадцати самолетов. Товарищ маршал...

- Да?

- Флот...

- Что флот?

- Я подумал... Только что... А вдруг этот десант...

- Одним выстрелом - двух зайцев... - понял Маршал.

Для командующего ТВА забрезжила надежда.

- Отозвать флот? - рассуждал вслух Маршал.

Командующий ТВА молчал. Он подбросил идею - теперь решение должен был принять комфронтом.

Отозвать флот. Еще есть время. Это - минуты, но оно есть. Если белые расставили одну и ту же ловушку на авиацию и на флот... Семьдесят кораблей. Что эти враги могут им противопоставить? Три многоцелевых фрегата, двадцать ракетных катеров, двадцать патрульных катеров... Это несерьезно. Это, друзья мои, не ловушка...

Он покачал головой.

- Поднимай истребители с тех аэродромов, которые они не достали. Готовь ответный удар. По НАСТОЯЩИМ аэродромам, мать их так!

Когда он ушел, Маршал посмотрел на часы. Половина первого...

Сегодняшняя ночь обещала быть длинной...

***

Чем ближе Адмирал подводил свое соединение к силам белых, тем больше понимал их замысел и даже готов был признать, что у них есть шансы на успех. Мизерные, но есть. Советский флот был раз в десять больше - но вооружение его самых мощных кораблей, крейсеров и эсминцев, состояло из морских пушек, а у крымцев на вооружении были ракеты. Они могли нанести удар, не приближаясь на дистанцию поражения, а советским кораблям помешают приблизиться пушки, которыми утыкан северный берег Крыма.

Оставалось одно: подкараулить белую эскадру на выходе из их "зоны безопасности" - а куда они денутся, выйдут! - и нанести массированный удар. Всем, что есть: и ракетами морской авиации, и ракетами БО "Редут", которые адмирал уже отдал приказ перебросить из-под Николаева и Скадовска к Геническу. При наличии загоризонтного целеуказателя эти ракеты прекрасно доставали крымские корабли! И вот когда настоящий, ракетный флот Крыма будет потоплен, суда Краснознаменного Черноморского Флота расстреляют из пушек все то пловучее барахло, которое крымцы приспособили под десант.

Адмирал неохотно признавал, что в его плане есть два слабых места. Первым слабым местом было то, что белогвардейские моряки наверняка не станут дожидаться выхода из зоны досягаемости своих пушек, а нанесут удар ракетами раньше, находясь там.

Адмирал предусмотрел этот ход. По его расчетам, один белогвардейский корабль, дав залп из всех пусковых установок, топил - это в лучшем случае - один эсминец. Эсминцев у адмирала восемь, а у белых - всего три корабля, свособных потопить эсминец. Второе: есть ракетные катера, которыми можно огрызнуться уже сейчас: правда, дальность поражения у этих ракет меньше, так что катерами придется рискнуть, а скорее всего - пожертвовать: сделав залп, они будут уничтожены раньше, чем успеют отвалить. И третье: наводя свои ракеты, беляки неминуемо подставятся под Х22Р с самолетов Ту-22. Которые, по расчетам адмирала, уже закончили заправляться и подвешивать вооружение, снова в воздухе и вот-вот выйдут на дистанцию атаки...

- Ракетный залп, товарищ адмирал... - тихо сказал один из диспетчеров.

Как и следовало ожидать... Адмирал с каменным лицом выслушал доклад о повреждениях разной степени, полученных шестью кораблями, и отдал приказ ракетным катерам атаковать противника.

Советский Союз, кроме всех прочих тактических приемов, мог применить еще один: задавить супостата массой. Ничтоже сумняшеся адмирал решил применить и его.

Адмирал ошибся, и очень быстро понял, где.

Крымские самолеты!

Да, он вызвал на помощь истребители. Но на этот раз крымцы применили ту тактику, которую с успехом применяли красные против их флота: ударили "гарпунами" из зоны прикрытия своей ПВО.

Чтобы не утомлять читателя описанием военных действий, скажем: да, адмиралу удалось утопить, уничтожить, рассеять крымский десант, идущий в Керчь. Ему удалось нанести крохотной эскадре Берингера серьезные повреждения. Но это вышло далеко не так просто, как он планировал поначалу...

В пять утра корабли Черноморского Флота, вернувшиеся в порты Одессы и Николаева, встали на якорь. Адмирал с приблизительным списком потерь и повреждений поехал в штаб Крымского Фронта - докладываться Маршалу.

Он знал, что, несмотря на успех операции, вряд ли его похвалят. Да, крымский десант сорвали, но цена, уплаченная за это, могла быть и поменьше. Восемнадцать катеров потоплено, двадцать шесть так повреждено, что осталось только снять команду и бросить их болтаться в Чонгаре как дерьмо в проруби, тяжело повреждены пять эсминцев, у "Головко" в борту дыра.

Впрочем, грустно и немного злорадно усмехнулся Адмирал, Маршал сам же кричал, что мы за ценой не постоим...

Едва Адмирал вошел в штаб и открыл рот, чтобы поприветствовать командира, как раздался сигнал "Воздух!".

***

"Утром, что-то около половины пятого, нас обнаружил ТУ-22Р, патрулирующий побережье. Корабль ПВО сбил его "Кудесником"

Узнать, передал он информацию о нас или не успел, мы могли только эмпирически: по тому, врежут по нам или нет. Ракеты нас, скорее всего, не взяли бы, но достаточно пакости могли сделать и бомбы, и корабельная артиллерия. Для серьезного корабля мы не были противниками.

Но авиация сыграла свою партию: по Одесскому и Николаевскому военным портам нанесли мощный удар "Гарпунами". В Одессе начался пожар, в Николаеве стремительно тонул многострадальный "Дзержинский", его всеми силами старались, пока

он еще на плаву, отбуксировать в сторону от основного фарватера, который он запросто мог перекрыть. Всем было чем заняться, всем было не до нас.

Не искушая судьбу, мы начали высадку."

Арт Верещагин

"The Trigger: a Battle for Island of Crimea"

***

Одесса, 9 мая, 0545

- Белый флаг, сэр... - доложил Гусаров.

- Ага, - Верещагин опустил бинокль: в конце улицы действительно размахивали белым флагом. - Ну что, пойти побеседовать?

- Может быть, лучше я? - ровным голосом спросил полковник Александров.

- Нет, сэр. Лучше я. - Арт снял свой пилотский шлем со встроенным микрофоном и передал его качинцу. - Командуйте, если... я споткнусь и подверну ногу. Гусаров, прогуляетесь со мной? И еще кто-нибудь.

- Я, - сказал невысокий светловолосый поручик.

- Отлично. - Верещагин вытащил из кармана носовой платок (немного затрепанный на складках от долго бездейственного ношения в кармане, но достаточно пристойный, чтобы использовать в качестве парламентерского флага), беззастенчиво выломал встроенную антенну японского приемника и направился к дверям, сделав двоим знак рукой: за мной.

Через полминуты они вышли на широкое крыльцо. Гусаров поднял антенну и, повторяя движения советского парламентера, помахал белым флагом. Крыльцо с советских позиций прекрасно простреливалось - значит, просматривалось тоже хорошо.

Артем уловил белое мелькание и снова посмотрел в бинокль. Советский офицер тоже махал в ответ: увидел и понял.

- Идемте, - они начали спускаться по лестнице.

Верещагин был крепко не в духе. Идиосинкразия на ранние утра и белые флаги...

Они шли по центру проспекта, но под ногами все равно хрустела кирпичная крошка и осколки. Боковым зрением Верещагин видел за оскалом выбитых окон редкие белые пятна лиц. Обычные, ни в чем не виноватые люди, которых спозаранку разбудили сирены, гул вертолетных винтов и пальба. Которые сейчас лежат на полу в своих квартирах, втискиваясь в ковры, паркет и линолеум, прижимая к себе дрожащих детей, напуганных настолько, что они даже плакать не могут...

...Точно так же, как это делали чуть больше недели назад обыкновенные, ни в чем не виноватые крымцы...

Один раз они услышали то ли стоны, то ли долгие громкие рыдания. Другой раз - надрывный плач младенца. Белых лиц в окнах становилось все больше.

- Да не высовывайтесь же, дураки... - не выдержал, процедил сквозь зубы Гусаров.

- А не шарахнет ли по нам кто-то из винтовки с этих верхних этажей, - спокойно сказал Бурцев, в открытую оглядываясь. Лиц поубавилось.

- Вряд ли, - Верещагин надеялся, что его голос звучит так же спокойно и даже беспечно. - В СССР нет свободной продажи оружия. Его имеют очень немногие.

- Ну, охотничье-то водится. Заряд дроби между лопаток - это самое последнее, чего мне сейчас хочется. На вас, господин полковник, хоть бронежилет надет... Лучше бы вы и шлема не снимали.

- От ружейной пули меня и бронежилет не спасет.

Они уже видели тех, кто подходил с другой стороны: двоих майоров и капитана. Если брать среднее арифметическое, то советская делегация представительнее, - пришло в голову Верещагину.

- Стоп, - тихо скомандовал он. Остановились.

- Доброе утро, господа, - сказал Артем первое, что пришло в голову.

Глаза советского майора, что шел первым, были точной иллюстрацией к реплике ослика Иа-Иа: для кого доброе, а для кого и не очень.

- Майор Аверьянов, - представился он.

- Полковник Верещагин. - Артем не без удовольствия заметил, что брови майора дернулись сначала вверх, а потом вниз. - О чем будем беседовать, товарищ майор?

- По поручению моего командира подполковника Сидикова я предлагаю вам сдачу.

"Нет, у меня определенно deja vu..."

- Сдачи не надо.

Бурцев и Гусаров гоготнули.

- Я сюда пришел не шутки шутить! - Аверьянов говорил таким холодным тоном, что на усах у него должна была оседать изморозь. - Полковник Верещагин, вы окружены. Так что не валяйте дурака, сдавайтесь.

- Я понял, - Арт щелкнул пальцами, как голливудский mad scientist в момент судьбоносного открытия. - Чтобы твое предложение о сдаче приняли, нужно выглядеть представительно. Когда его делаешь с раскроенной рожей и со связанными руками, тебя не принимают всерьез. Товарищ майор, я сейчас выгляжу достаточно представительно? Вас не смущает, что у меня все еще не сошел фингал под глазом?

Расшифровав возмущенную паузу Аверьянова по принципу "Молчание - знак согласия", Верещагин продолжил:

- Так вот, у меня к вашему подполковнику контрпредложение: вы сложите оружие, оставите здесь всю бронетехнику - и можете убираться, куда глаза глядят. Мы вас трогать не будем.

- Вы на что расчитываете? - не выдержал второй майор.

- На святого Георгия-Победоносца.

Теперь засмеялись советские парламентеры.

- "Победоносец" с тяжелыми повреждениями ушел в Альма-Тархан, - объяснил причину веселья Аверьянов. - Так что можете на него не рассчитывать.

- Надо же... - Верещагин изобразил озадаченный вид. - Вот это мы попали... И что же теперь делать?

- Сдаваться. Взлететь мы вашим вертолетам не дадим. Ваши корабли или уже потопили "Редуты", или сейчас потопят. Деваться вам некуда.

- Неужели и в самом деле некуда? Знаете, господа, мы все трое побывали в советском плену и нам не понравилось. Мне - так в особенности. Пожалуй, я отклоню ваше великодушное предложение. Да, чуть не забыл. У меня в руках тридцать один офицер из высшего командования Крымского Фронта. В том числе - Маршал Советского Союза, Министр обороны. Я уверен, что любой из этих людей готов пожертвовать своей жизнью ради карьеры подполковника Сидикова. Так что мы все-таки рискнем взлететь, а вы вольны нас атаковать Моя мысль понятна?

- Использование заложников запрещено Женевской Конвенцией, - прокашлял второй майор.

- Да ну? - удивился Верещагин. - А у нас в Крыму сложилось такое впечатление, что Конвенцию к чертям отменили и уже все можно... Насиловать женщин, расстреливать пленных, грабить... Не волнуйтесь, товарищ майор, мы не собираемся использовать заложников. Мы просто эвакуируемся вместе с пленными. И если кто-то из них погибнет во время эвакуации... Что ж, такова военная фортуна. Русская рулетка. Подполковник Сидиков будет утешать себя тем, что исполнял свой долг до конца, и на каждого

погибшего советского генерала приходится десять крымских десантников. Маршал пойдет за двадцать. По-моему, равноценный размен. Правда, я не знаю, как это будет выглядеть в глазах Политбюро. Тут уж вам решать - это ваши похороны, как говорят англо-крымцы.

Аверьянов повел подбородком.

- У тебя все?

- На "вы"! - теперь Верещагин своим тоном готов был выстудить все окрестности. - На "вы", товарищ майор! Потому что я не пил с вами на брудершафт. Может, вам и кажется, что мне эти погоны великоваты, но я старше вас по званию, и эти просветы не задницей в кабинете высидел. Если вы не дадите нам спокойно убраться, а будете путаться под ногами, я докажу вам, что получил звание не за красивые глаза. Предайте господину Сидикову, чтобы он поберег людей и технику и не совался к нам. А еще лучше - сложил оружие. Я все сказал.

- Мы еще подождем до вашего возвращения, - процедил сквозь зубы Аверьянов. - Если по дороге надумаете сдаться - дайте зеленую ракету.

- Я подумаю. Да, не пробуйте атаковать наши вертолеты на стоянке, чтобы предупредить взлет. Пленники там уже сидят.

"Что я сделал неправильно?" - думал он на ходу. - "Да нет, вроде все правильно. Я уж не знаю, как вернее спровоцировать атаку, разве что в морду парламентеру наплевать. Они атакуют, это как пить дать. А нам того и надо. Потому что будет очень некстати, если у красных окажутся свободные резервы как раз тогда, когда в игру войдет "Морган". Мой Георгий-Победоносец..."

***

"Кречеты" группы "Рид" должны были отыскать вдоль побережья комплексы "Редут" и "Рубеж" и уничтожить их, освобождая коридор для группы "Морган".

Группа "Морган" состояла из полка морской пехоты и роты боевых пловцов "Афалина", десантировавшейся с подводных лодок "Буревестник", "Тюлень" и "Сивуч".

Высадившись на побережье вне зоны досягаемости морских орудий, два батальона морской пехоты с суши атаковали батареи и взяли их. Перед "Афалиной" стояла более сложная задача: захватить Одесскую военно-морскую базу. Рота потеряла убитыми и ранеными больше четверти состава, в числе раненых был и командир - подполковник Никифераки. Но группа "Морган" открыла военный и гражданский порты Одессы для конвоя "Золотая Лань". "Королевский полк" никакого серьезного подкрепления на батареи или военно-морскую базу прислать не мог: его связывала боем группа "Кидд".

Участвуя в переговорах с советской стороной, больше всего я боялся двух вещей: спровоцировать драку слишком рано и спровоцировать ее слишком поздно. Как выяснилось, я произвел на советскую сторону самое то впечатление: горохового шута с манией величия. Через час боя я начал подумывать, что советская сторона не очень ошибалась.

Вся операция была распланирована почти минута в минуту, с очень жесткими возможными допусками по времени. Если батареи береговой обороны не обезвредят к моменту подхода конвоя, то конвою конец. Тогда останется, пожалуй, только пробиваться к морским пехотинцам и, бросив вертолеты здесь, бежать в Альма-Тархан на всех 35 узлах, которые могут выдать десантные корабли и катера. Невеселая перспектива.

Батареи береговой обороны в Крыжаном и Таирове были захвачены вплотную к моменту подхода конвоя "Золотая лань" на дистанцию поражения. Через сорок пять минут ролкеры и паромы начали разгружаться в обоих портах. Первым высадился 11-й бронемобильный полк, вернее, два его батальона. "Бовы", "Витязи" и "Воеводы", грохоча по аппарелям, скатывались на пирсы и следовали к зданию штаба округа, где мы

отстреливались от "королевского полка". Танки крошили траками одесский асфальт. Дюк равнодушно взирал на серо-зелено-песчаные машины, ползущие мимо нескончаемым потоком. На шею Дюку какой-то остряк успел повязать форменный корниловский шейный платок.

Два танковых батальона и один неполный батальон морской пехоты оказались тем козырем, который полковник Сидиков никак не мог побить. Он попытался дать бой, и этот бой длился ровно 27 минут. Точку поставили "Кречеты", вернувшиеся из рейда против ракетных комплексов береговой обороны. Они сели на палубы "Евпатории" и "Керчи", дозаправились, подвесили НУРы и налетели на советские позиции.

Два вертолета все же было сбито "Шилками". Один из них сумел сесть на позиции нашей морской пехоты. Другой свалился в расположение "королевского полка". Слава Богу, не на жилой дом, как один из "Воронов" прикрывавших наш вертолетный десант. Когда видишь на мостовой трупы людей, которые выпрыгивали из окон, чтобы спастись от огня, солдатом себя ощущать перестаешь. Я не знаю, сколько мирных жителей Одессы погибло в этот день - советская сторона до сих пор не называет цифру. То ли оттого, что она слишком мала для "Одесской резни", как нашу высадку долгое время называли в прессе. То ли оттого, что она все же слишком велика: аналогичных случайных жертв уличных боев во всем Крыму было 78. Шестьдесят лет военного противостояния с СССР выковали неплохую систему гражданской обороны: каждый обыватель отлично знал, куда нужно прятаться, если у тебя на улице начинают стрелять, а командиры, в свою очередь, старались обеспечить эвакуацию граждан.

Но жертвы случайного попадания наших ракет во время поединка пилотов и зенитчиков, были последними среди мирного населения Одессы: подполковник Сидиков сложил оружие. Других боев в городе не было, и противоположное утверждение - ложь, которую я буду опровергать всеми доступными средствами..."

Арт Верещагин
"The Trigger: a Battle for Island of Crimea"

***

Одесса, тот же день, 1850

- Господа! - Верещагин надеялся, что выглядит убедительно. - Я принял решение пробиваться в Скадовск. У вас есть десять минут - попытаться переубедить меня. За последнее время появились какие-то новости, которые резко меняют картину?

- Что думает полковник Казаков? - спросил Ровенский.

Арт редко когда в своей жизни испытывал такое сильное желание соврать.

- Полковник Казаков по-прежнему в тяжелом состоянии. Ближайшим транспортом его отправят в Симфи.

- Арт, вы с ума сошли? - сдавленом голосом спросил полковник Шалимов, командир второго отдела. - Вообразили себя Наполеоном?

- У вас есть возражения по существу, Энвер Аблямитович? Не касающиеся моей персоны?

- Где вы рассчитываете прорвать линию обороны красных? - спросил Ровенский.

- В районе Березовки... - Верещагин изложил свои соображения.

- Может получиться, - спокойно заметил Ровенский.

- Возражения, Энвер Аблямитович? - Верещагин повернулся к полковнику. - Вы только что говорили, что ресурсов у нас не хватит, чтобы обороняться в течение суток. А чтобы бежать - хватит.

- Я боюсь, что мы не пробьемся.

- Я тоже боюсь.

- Что мы делаем с теми кораблями, которые не успеем повернуть? - Траубе не поднимал глаз от стола.

- Пусть конвой следует в Скадовск. При малейшей опасности - авиацию в воздух.

- В воздух - и куда?

- Увидим. По обстоятельствам.

- Значит, сворачивать отступление из-под Березовки? - начальник первого отдела покачал головой. - Шлыков будет в восторге...

***

"Через пять минут после сдачи "королевского полка" к штабу фронта подъехал полковник Казаков. Мы сели в штабной вертолет и полетели в гражданский аэропорт: именно там было решено развернуть штаб группировки.

Сделав крюк к порту, мы увидели высадку группы "Дрейк-3". "Дрейк-1" и "Дрейк-2" уже направлялись к своим целям: авиабазам Лиманское и Буялык. "Дрейк-3" должен был уничтожить Одесскую авиабазу.

Каждая группа состояла из горноегерского батальона и саперной роты. "Дрейку-3" ввиду большого объема работ придали две саперные роты.

Группа "Ингленд" (бронемобильная бригада) закончила выгрузку и следовала в направлении Солдатской Слободы. Один из ее батальонов пересекся с "Дрейком-2", который, по идее, должен был следовать на Пересыпь. Вся Одесса, конечно, очень велика, но они умудрились пересечься. Иногда мне кажется, что главное военное искусство заключается в умении всех правильно развести, так чтоб никто не путался у других под ногами.

В аэропорту уже развернули мобильный диспетчерский пункт. Разгонять гражданские самолеты и эвакуировать пассажиров не пришлось: красные это сделали до нас, рассчитывая использовать аэродром как военный. Теперь на него садились две эскадрильи поддержки с воздуха: F-15A и A-7E. "Сапсаны" (будь прокляты главштабовские орнитологи! - "Харриеры") по-прежнему базировались на "Севастополе": мы считали разумным держать яйца в разных корзинках. Один из секторов был отдан вертолетам: "Воронам", "Кречетам" и "Дроздам". Диспетчеры готовились также к приему транспортников С-130 ("Лебедей"), которые должны были привезти боекомплект для нашей авиации.

А в это время, как писали в приключенческих романах начала века, в Николаеве готовилась к выходу мотострелковая дивизия. Несмотря на объявленную готовность номер один, по нашим прикидкам, им понадобилось бы два часа на то, чтобы прийти действительно в боевую готовность, и три часа на выдвижение - по самой короткой дороге, через Коблево. Это при самом оптимистичном для них раскладе.

Против нас было развернуто три дивизии: в Скадовске, Херсоне и Николаеве. Но выдвигаться они могли только по одной дороге, нанизанные на нее как бусины на нить. Эта дорога пересекала разветвленную, заболоченную дельту Днепра, устье Южного Буга, и вот уже здесь, на выходе из Николаева, раздваивалась, широкой рогатиной обходя Тилигульский Лиман. С севера - через Березовку, пересекая речку Тилигул, а с юга - перепрыгивая через реку Березань и ПГТ поселок Березанка и протискиваясь между лиманом и морем в районе поселка Коблево.

Такая ситуация дала нам неоценимое преимущество: драться не со всеми одновременно, а по очереди.

Четырехкилометровое "бутылочное горлышко" у Коблево было очень легко перекрыть оборонительным рубежом, поэтому предполагалось, что основные силы красных все-таки пройдут не здесь, потому что какой смысл терять людей и технику в бесплодных атаках? Гораздо, гораздо опаснее представлялся Березовский участок. Перекрыть его было невозможно, да и незачем: любую позицию красные легко обойдут.

Поэтому оборона здесь должна быть мобильной и грамотной... Этому участку при планировании операции уделили особое внимание, выделив на Коблево, с которым вроде как все было ясно, группу "Сильвер": четвертый батальон горноегерской бригады, минометный и противотанковый дивизионы, батарею "Князь-пушек", батарею "Князь-гаубиц" и подразделения обеспечения. В качестве мобильного резерва, и заодно проследить, чтобы красные на форсировали лиман, в Коминтерновское был направлен второй батальон морской пехоты.

Операцию рассчитывали, исходя из естественной реакции противника на происходящее - концепция Шлиффена. Но точки зрения на естественное поведение были разные. Что естественно для советского командира дивизии - развернуть широкое наступление в районе Березовки или попытаться мясом продавить оборону под Коблево? Со своей дивизией я сделал бы первое. А с красной мотострелковой дивизией - второе, ибо первое требовало на порядок большего мастерства...

Я решил лететь в Березовку. Посмотреть своими глазами на местность, виденную до того лишь на картах и спутниковых фотографиях. Проверить, не возникнет ли здесь то самое "гладко было на бумаге"...

В районе Березовки долина Тилигула заболочена на ширину от трехсот до тысячи метров. По длине заросшая кустарником, камышами и вербами низина тянется в общей сложности на пятьдесят километров: от Донской Балки, где начинается Тилигульский Лиман до деревни с трогательным названием Сиротинка. Это место, казалось, самим Господом создано, чтобы держать здесь оборону. Семь автомобильных мостов и один железнодорожный уничтожались легко. "Коршунам" авиаподдержки для этого хватило одного рейда - три "Мэврика" понадобились только железнодорожному мосту в Березовке.

Все это время мы вели радиопереговоры с группой "Ингленд" и с двумя "Ястребами" воздушной разведки. От них мы узнали, что из Николаева уже выдвинулись первые части 150-й мотострелковой дивизии и 61-го отдельного полка морской пехоты. В Варваровке они разделились: танковый полк повернул на Березовку, полк морской пехоты и разведывательный батальон двинулись по дороге на Коблево. Я велел связаться с 5-й бригадой и штабом, "обрадовал" Казакова и Шлыкова. В этот же миг радист, поддерживавший связь с группой воздушной разведки, получил сигнал, что их атакуют советские истребители. Сигнал тут же прервался: разведчиков, по всей видимости, сбили.

Мы подлетали к Коминтерновскому, где, по расчетам, уже должен был находиться батальон морской пехоты. Впрочем, неприбытие на место грозило неприятностями скорее ему, чем нам: местные жители представляли собой куда меньшую опасность, чем атакующие советские штурмовики, которые прошли над нашей головой через несколько минут.

Налету подверглись позиции группы "Ингленд", разворачивающейся по линии Степановка - Викторовка, и Одесский гражданский аэродром. Особого вреда там не наделали: все наши самолеты на тот момент были в воздухе, красные эскадрильи получили отпор и отступили с потерями. Я спешил в Одессу и приказал вылетать.

В штабе меня встретили три плохие новости, одна хорошая и одна неизвестно какая.

Собственно, первую плохую новость я уже знал: налет, в ходе которого было потеряно 4 "Харриера" и 2 F-15A.

Вторая плохая новость пришла из Крыма: налет на авиабазы морской авиации Ту-22М не удался. Из трех аэродромов - Прилуки, Полтава, Белая Церковь - только в первом удалось разрушить ВПП и разбросать мины. К двум другим штурмовые группы не смогли пробиться - их перехватили "МиГи" из Чугуево.

Третья плохая новость состояла в том, что во время авианалета был тяжело контужен полковник Казаков.

Хорошей новостью было то, что группы "Флинт" и "Дрейк-3 " выполнили свои задания. Авиабазу в Червоноглинском взорвали, минирование авиабазы Одесса закончилось и сейчас всем заинтересованным лицам предлагалось зажать уши, открыть рты и отойти подальше от еще не выбитых стекол.

Взрыв действительно был грандиозным. Одновременно взлетели на воздух ангары самолетов, склад боеприпасов и топливный склад, ВПП и центр управления. "Гриб" видели в гражданском аэропорту, земля дрогнула, в радиусе трех километров вылетели стекла. Авиабаза восстановлению уже не подлежала, проще было построить новую.

"Неизвестно какая" новость заключалась в том, что в аэропорту сел гражданский самолет, угнанный каким-то террористом, который назвался господином Коккинаки..."

Арт Верещагин
"The Trigger: a Battle for Island of Crimea"

***

9 мая 1980 года, 1110, борт 4591 компании Аэрофлот, рейс Киев-Ереван

...Один из пассажиров, вернее, одна из пассажирок, женщина явно не на первом месяце беременности, нежно опекаемая своим мужем с самого начала полета, подозвала стюардессу. Легкий нерв ее голосе, заставил Наташу Смирнову, бортпроводницу, предположить, что эта дура ненормальная, вздумавшая летать на этаком-то сроке, нацелилась тут рожать. Наташе было не в новинку, но приятного мало: стоны, вопли, кровь, иногда дерьмо, белая скользкая пуповина, орущее синюшное создание... Не дай Бог, несчастный случай - тюрьма или крест на карьере. В лучшем случае - застрянешь на всю жизнь на внутренних линиях и мира не повидаешь...

Но все оказалось значительно хуже. Эта дура ненормальная вовсе не собиралась рожать. У нее под платьем был вовсе не беременный живот. У нее там была бомба.

Слегка расстегнув платье, она продемонстрировала Наташе жилет, надетый на голое тело и опутанный цветными проводами. Если этот жилет попытаются снять - с живой ли, с мертвой пассажирки - бомба взорвется. Если самолет не изменит курс и не полетит в Одессу, бомба взорвется. Если ее мужа сейчас же не пропустят в кабину - бомба взорвется.

Все это она объяснила очень тихо, почти на ухо, чтобы не создавать паники, и старушка в соседнем ряду подумала, что видать совсем у беременной дело плохо, ежели бортпроводница так побледнела. Да "мамочка" и сама была бледновата, но держалась молодчиком, не охала и не стонала. А мужик ее зачем-то вслед за стюардессой в кабину пошел. Не иначе за лекарствами. Не пришлось бы садиться где-то в Краснодаре или в Тбилиси... И то - почти на полсуток рейс задержали, пришлось в Борисполе на чемоданах ночевать... Совсем оголтелая молодежь пошла, на девятом месяце в самолет прется...

Ну, так и есть!

- Товарищи пассажиры! По техническим причинам рейс задерживается. Мы совершим временную посадку в Одессе...

***

- Это чтоб вам было понятно, - сказал муж "роженицы", рассовывая по карманам личное оружие пилота и штурмана. - Нам обоим с ней корячится "вышак". Поэтому мне начхать, разгерметизируется ли кабина от случайной пули, собьют ли нас белые или наши ракетчики, или мне придется взорвать бомбу. Двум смертям не бывать, одной не миновать - знаешь такую поговорку, Юрик? - обратился он к пилоту.

- Одесса посадки не дает, - шевельнул белыми губами пилот.

- Скажи, что летит хороший друг Остерманна. Спроси кого-нибудь из разведки или ОСВАГ.

- Нас собьют...

В разрыве облаков свистнул хищный силуэт "F-15". Одна из стюардесс заплакала.

- Говорят, что посадки не дают... - голос пилота приобрел истерический оттенок.

- Ну-ка, дай сюда наушники, - угонщик протиснулся к микрофону. Через секунду он уже орал что-то по-английски невидимому и неведомому пилоту.

- Порядок, - сказал он, услышав ответ. - Велят следовать на посадку. За ним. - впереди снова замаячил истребитель. Еще два возникли сзади по бокам, готовые в любой момент выпустить в незваного гостя ракету.

- Все нормально, ребята, - голос террориста, несмотря на всю дикость обстановки, звучал успокаивающе. - Вы жить хотите. И мы жить хотим. Так что интересы у нас, можно сказать, общие...

***

То же время, Москва.

Без бороды Востоков узнавался с трудом. Стрижка "ебрик" (ежик+бобрик) и кепка-аэродром делали его еще менее узнаваемым.

Ковалев выдал ему лицензионную "Мальборо" и поднес огоньку. Закурил сам.

- Где Сергеев и Калинина?

- Не знаю, - спокойно ответил Востоков. - Спасибо, товарищ майор. Целые сутки без приличной сигареты. Редкостное дерьмо эта ваша "Прима".

- Востоков, - майор Ковалев слегка нервничал. - Не валяйте дурака. Хуже будет.

- Эдик, я отлично знаю, что может быть хуже, и насколько хуже - я тоже знаю. Я же не университетский диссидент, которых ваши коллеги гребут оптом... Предполагалось, что вы меня возьмете. Предполагалось, что будете спрашивать. Сергеев не посвятил меня в свои планы. Он ведь тоже профи.

- Ты, может, скажешь, что и бежать-то вовсе не собирался? - спросил Ковалев.

- Конечно. Я уже два дня знаю, что вы взяли Вилли. Стал бы я приходить сюда, если бы собирался бежать?

- А зачем бежал-то?

- Выигрывал время. У меня здесь есть одно важное дело, и пока я его не закончу, не побегу. Не бойтесь, Эдик, я уже никуда не побегу.

Все это он сказал с расстановкой, глядя Ковалеву в глаза. Майор переваривал информацию.

Ни слова лжи. Ни единого характерного признака, говорящего, что человек лжет. Скорее всего, это действительно правда. Сергеев не сказал, где он ТОЧНО находится. Но Востоков наверняка знал, что он собирается ДЕЛАТЬ.

- Пентотал, - приказал майор. - Пробу.

- И пусть лучше у вас не будет аллергии на этот препарат, - сказал он, наклоняясь к Востокову. - Для вас же лучше.

- Спешу вас обрадовать, Эдик. У меня ее нет.

- Что-то вы больно спокойны.

- Мне бояться уже нечего. И скрывать тоже. Но предназначаются ли эти сведения для ушей рядового состава? Неужели нельзя дотерпеть до нашей гостеприимной дачки?

- С хозяином побеседовать желаете, ваше благородие?

- Высокоблагородие, Эдуард, не забывайтесь... Да, желаю. Это - часть моего важного дела. Повторяю, скрывать мне уже нечего...

Дальнейший допрос показал: Востокову действительно нечего скрывать...

Он рассказал все: как им троим удалось бежать при помощи Сергеева, как он целые сутки кружил по Москве и путал следы, куда могут направляться и что делать Ниночка и полковник КГБ...

Он рассказал все, но когда на станции ПВО поступил приказ сбить самолет "Як-40", следующий в Одессу, было уже поздно... Да и не до этого.

***

9 мая 1980 года, район Коблево, 1900

Командир 84-й мотострелковой дивизии генерал-майор Шарламян и командир 150-й мотострелковой дивизии генерал-лейтенант Дударев друг друга не любили.

Их неприязнь возникла еще в академии Генштаба, где оба - тогда еще майор и подполковник - шли на отличие. Хороших мест по распределению, как водится, было меньше, чем желающих на них попасть. Оба интриговали, и оба в результате своих интриг получили желаемое, но с легкой поправкой: Шарламян, который хотел в Николаев, получил Херсон, а Дударев, желавший в Херсон, получил Николаев. Таким образом, оба считали, что конкурент вырвал себе самый смачный кусок, и обоим спесь не позволяла признать, что своими назначениями они недовольны.

Время шло, из подполковников оба выросли в генералы, а из командиров полка - в командиры дивизии, но осадок остался. Соперничество перешло в щеголяние машинами, дачами и женами, и, конечно же, в отчаянные попытки выслужиться раньше и лучше противника.

Увы, карьера в советской армии находилась не в прямой, а скорее в обратной зависимости от боеготовности вверенного соединения. Командир, серьезно занимавшийся подготовкой войск, получал нагоняй за перерасход патронов, снарядов и горючего, внешний вид солдат и неважно убранную территорию части. Плевать, что покрытый краской в семь слоев танк или БТР горит как свечка - зато вид на параде имеет молодцеватый. Плевать, что измотанный дурной работой солдатик не знает, с какого конца браться за пулемет - зато пуговицы и сапоги блестят. Плевать, что между старослужащими и "молодыми" нет никакой боевой спайки, а есть только взаимная ненависть - проверяющих интересует лишь вид "красного уголка".

Объявленная готовность номер один в какой-то степени мобилизовала все три дивизии (и 169-ю, стоявшую в Скадовске - тоже), но повышенная мобилизация выразилась лишь в том, что перестали отпускать в увольнительные и начали отдавать под трибунал за "самоходы", отчего психологический климат в дивизиях отнюдь не улучшился. Никто всерьез не ожидал от крымцев такой подлянки, какую они выкинули на Первое мая. Но даже после этого Шарламян и Дударев пребывали в расслабленном состоянии, поскольку их дивизиям отправиться в Крым не грозило. В ближайшее время, во всяком случае.

И тут беляки, суки такие, высадились...

Оба комдива узнали об этом из телефонного звонка - связист штаба фронта успел, прежде чем качинские коммандос захватили штаб. После короткой паники генералы сообразили, что никаких приказов не поступало. Где беляки, кроме Одессы, откуда они, сколько их - об этом ничего не было известно. Обезглавленный штаб фронта ничего сообщить не мог, командная цепочка была нарушена.

Помня, что инициатива наказуема, Шарламян и Дударев связались с Москвой, с Генштабом, и получили оттуда первый ясный приказ: привести дивизии в состояние боевой готовности и ждать дальнейших указаний.

Что, в общем, и так делалось.

Только в 10-15 Москва разобралась, где имение, а где наводнение. Обе дивизии получили приказ выступать. Такой же приказ - выдвигаться к Одессе - получила третья,

скадовская дивизия (с некоторым запозданием - боялись, что высадка в Одессу - отвлекающий маневр, а настоящий десант пойдет на Скадовск).

Подполковник Сидиков успел сообщить, что силы беляков составляют что-то вроде батальона спецназа и батальон морской пехоты. На правду это не походило, разве что единственной целью десанта был захват штаба фронта, и тогда беляки уже далеко. Оба комдива (независимо друг от друга) решили следовать принципу "поспешай медленно". Любую неудачу поставят в строку тебе, а соперник, учтя твой опыт, добьется успеха и сделает шаг вверх по лестнице - ну уж нет!

У Дударева был в запасе козырь - 61-й отдельный полк морской пехоты. Уже битые в тарханкутском десанте и крепко злые на белых, ребята рвались вперед, и Дударев полностью уступил их командиру честь быть первым.

Первыми они и влетели под удар вертолетов...

***

9 мая 1080 года, аэропорт Одесса, 1156

- Парень, который закрывал консервы, думал, что это плов... - Рахиль ковырнула пластиковой вилкой желтую массу слипшегося жирного риса, поддела чахлый кусок курятины и констатировала:

- Он ошибался...

- Скорее всего, никакой это был не парень, - заметила Рита О'Нил. - Муж моей сестры занимается поставкой продуктов на заводы пищевых концентратов... Он говорит, что главные технологи производства там почти сплошь женщины.

- Ворчишь, а ешь как через плечо кидаешь, - бросила Тамара.

- Конечно... - Левкович достала из коробки рациона пакетик чая, сняла со стопки бумажный стаканчик и пошла со всем этим добром к термосу. - Имеющий глаза да увидит, что пятнадцать минут назад мальчики из отдела разведки запустили две "Осы". Это как пить дать значит, что с воздуха заметили выдвижение красных. Вот увидишь, не успеем мы доесть эту бурду, как нас поднимут и - нах остен.

Рахиль ошиблась в сроке ненамного: почти все летчицы успели доесть консервированный плов и выпить по чашке бодрящего горячего напитка - чая или кофе, впрочем, одно мало отличалось от другого (Тамара даже подумывала - а не работают ли над этим специально составители армейских рационов? В целях более экономного расхода пищи, так сказать...). Ну, а кто не успел - тот опоздал. В основном, конечно, не успели ребята из роты технического обслуживания, но они-то как раз могли вернуться к прерванной трапезе после того, как "Гусары" и "Вдовы" улетят...

Пока что Бог миловал "Вдов": первая вертолетная стычка произошла между "Летучими гусарами" и "Ми-24" из Каховки и закончилась победой "Гусар" - главным образом по причине вмешательства "Беркутов" с "Севастополя".

- Группа "Бонней", проверка связи...

- Бонней-шесть, - откликнулась Тамара. - Связь в порядке.

- Бонней-восемь, - вторя ей, пропела Рахиль. - Мэм, а кто такой этот Бонней?

- Бонней-девять, связь в норме. - Тоня Федорова. - Левкович, серость ты безлошадная. Анна Бонней - известная пиратка.

- Бонней-семь, болтовня в эфире.

- Бонней-два, а что говорить, если нечего говорить?

- Бонней-один, всем заткнуться и слушать меня. Следуем вдоль берега до Коблево. До третьего лимана, если кто-то плохо помнит. Поворачиваем оттуда на северо-восток, ориентир - шоссе М-23. Рано или поздно мы на этом шоссе встретим красных. Лучше - до того, как они пересекут Березань по мосту, и лучше этот мост спалить. Задача - уничтожение боевой техники и живой силы противника.

- Мэм, вам хоть сказали, сколько там этой боевой техники и живой силы?

- Неопределенно.

- То есть?

- Левкович, офицер разведки употребил выражение "до хрена". Сама решай, сколько это.

- Спасибо, мэм... Насколько я знаю начальника разведки, "до хрена" - это полк.

- Левкович, - встрял в разговор один из "Летучих Гусар". - А как же тогда будет дивизия?

- Гусары, молчать!

Обычное дело - шутками-прибаутками глушить свой страх...

Уточненные сведения догнали их уже в воздухе: авангард советских сил - действительно полк 61-й полк морской пехоты, усиленный разведывательным батальоном. То есть, "до хрена и больше".

Слава Богу, никто не требовал от вертолетчиков громить авангард в одиночку. А-7, известные в первую очередь точностью бомбометания, раздолбали два моста через Березанку, заставив полк скучиться у переправы. Первый удар крымских вертолетов по колонне нанес большой ущерб, но стоил потери трех "Воронов" и одного "Кречета". Второй заход был сорван эскадрильей МиГов, которая уничтожила еще четыре "Кречета" и посбивала бы все вертолеты, если бы не "Сапсаны", виноват, "Харриеры" с "Севастополя". Придерживаясь своей всегдашней тактики hit and run, они ударили по численно превосходящим МиГам и два сбили, потеряв один самолет, после чего вслед за вертолетами смылись с поля (вернее, с неба) боя.

Через час инженерно-строительный батальон 150-й дивизии подоспел к месту действия и навел переправу через Березанку (БМП морской пехоты переправились и так, но следом двигались два мотострелковых полка, штаб дивизии и зенитно-ракетный полк).

В 13-40 авангард дивизии подходил к Коблево...

***

"...Для меня самым сложным в командовании была и остается этическая сторона... Пока ты играешь в war game, двигая фишки по карте, ты можешь ошибаться сколько угодно - это лишь вопрос твоей личной чувствительности к поражениям. Но за недолгий период моего пребывания "полководцем" я так и не научился думать о подразделениях как о фишках. Группа "Сильвер" для меня была не просто соединением горноегерского батальона, противотанкового и артиллерийского дивизиона и казачьего полка - кстати, советские армейские историки с удивительным невниманием относятся к тому, что казачий полк по численности равен стрелковому батальону. Большинство советских материалов, относящихся к Одесской высадке, описывает все дело так, как будто двум мотострелковым полкам там противостоял полноценный полк, а остальные при нем были так, довеском. Неправда. На Коблево-Южное наступали два мотострелковых полка, один полк морской пехоты, один зенитно-ракетный полк. Им противостояли один горноегерский и один казачий батальоны, один противотанковый и один артиллерийский дивизионы, с фланга прикрывал батальон морской пехоты. Многих из этих людей я знал. В четвертом горноегерском я служил. Одной из его рот командовал. В тот день ею командовал Михаил Хикс, который был со мной на Роман-Кош. Свое отделение опять возглавлял Шамиль Сандыбеков (пусть он меня простит, но я никогда не привыкну к жюльверновской фамилии, которую он взял в последний год). Командиром батальона морской пехоты был мой друг, напарник по Аннапурне и Эвересту, и - что еще важнее - по Роман-Кош, Георгий Берлиани.

И этим людям я фактически отдал брусиловский приказ: умереть, но не сразу, а до вечера..."

Арт Верещагин

"The Trigger: a Battle for Island of Crimea"

***

9 мая 1980 года, зона отдыха Коблево, 1330

Капитан подарил ему небо. Холодное, лиловое небо, темное даже днем, а ясной ночью засыпанное такими звездами, что крымские звезды после этого кажутся блеклыми, как витрина "Дофин Ор" рядом с витриной "Тиффани"...

Такое огромное небо, что глаз бессилен ухватить его край...

...Каким-то чудом этому человеку удавалось все, чего он хотел. Шамиль не представлял себе, как это получается. Каким образом большие и важные люди начинают верить в необходимость этих экспедиций, как Верещагин умудряется растопить их заиндевелые извилины, чем он наживляет крючок и как подсекает - эту загадку Шэм разгадывать не собирался. Верещагин умел убеждать и уговаривать, Берлиани знал, с кем нужно говорить и был вхож к этим людям, Дядя Том был незаметным, но надежным организатором и доставателем всего, а также скрупулезным казначеем всех экспедиций. Шамиль умел только одно: работать на стене - в любых условиях, лед там или снег, мороз или беспощадное солнце.

Костяк команды. Остальных набирали по мере необходимости: за возможность пройти по сказочным Гималаям ребята из батальона готовы были драться. Отбирали лучших: пятнадцать человек из трехсот - все хотели быть лучшими! Дух непрерывного состязания сочетался с духом команды: нужно было слышать, как солдат четвертого батальона говорил: "НАШ батальон"...

- Как вы думаете, сэр, они скоро вернутся?

Старший унтер Сандыбеков сплюнул, открыл глаза и покосился на вопрошавшего - парнишку из резервистов, такого же татарина-яки, как и он сам, только без примеси греческой крови. Парня звали Мустафа Ахмет-Гирей, его и еще четверых резервистов зачислили в отделение неделю назад - заменить погибших. Двое из этих новичков были уже мертвы. Шэму не хотелось такой же судьбы и для Мустафы - парень ему нравился.

- Вернутся? А ты что, соскучился?

Остальные четверо, занимавшие окоп, готовно ржанули. Шутка была не бог весть какая, но все уже привыкли к тому, что их унтер любит пошутить.

- Я тебя обрадую, челло, они никуда и не уходили. Они теперь долго будут с нами. Hasta la morte. Пить хочешь?

Вода в канистре успела прогреться и отдавала пластмассой. Мустафа расстегнул ремень шлема, взъерошил мокрые волосы, подставляя их ветру... Потом наполнил крышку-стакан еще раз и протянул Шэму.

- Спасибо, рядовой... Не забудь каску надеть прежде чем подниматься.

Затишье после боя нередко нарушалось одиночными выстрелами с обеих сторон: били в тех, кто высовывался. Чаще всего мазали. Иногда - попадали...

...Упорный муравьишка выцарапывался со дна окопа на стенку, проталкивал вперед свое маленькое серо-стальное тельце и крупную голову, наполовину состоящую из челюстей.

"Тоже солдат. Как мы..." - подумал Шэм.

Хлынула волна песка - муравьишку засыпало. В окоп спрыгнул Годзилла.

- Ну что, как там Джоши? - спросил Шамиль.

Годзилла не ответил, только покрутил башкой. Шэм кивнул. Джоши ранили в живот.

Атаки красных ждали. Из Одессы высылали две беспилотные "Осы", красные сбили только одну, вторая благополучно долетела, так что форсиз знали все: и где красные, и сколько их, и когда они будут здесь.

Рыть окопы было легко: пепельная рассыпчатая почва пополам с песком. За спиной осталась зона отдыха Коблево: кирпичные корпуса и деревянные домики врассыпную. Впереди саперы поставили противотанковые мины, натянули колючую проволоку. По правую руку - море, по левую - лиман.

Красные атаковали без десяти в час. Уже слегка потрепанные - их встретили вертолеты возле моста через Березанку - и очень злые. Какое-то время шла ожесточенная артиллерийская перепалка, потом красные двинули в атаку танки и пехоту. Часть этих танков горела теперь у дороги, часть пехотинцев валялась там, где их опасались подобрать крымцы или красные. Отделение унтера Сандыбекова подбило одну БРДМ и уничтожило экипаж. Потеряв троих: один ранен, двое убито.

Было два часа дня. Приказ к отступлению - все это знали - отдадут не раньше семи вечера.

- Гирей, ты умный... - ефрейтор Сковорода курил, сидя на своем шлеме. - Сколько будет девятнадцать минус четырнадцать?

Мустафа вспыхнул. Шамиль решил вступиться: ему не нравилось, что мальчишку шпыняют его университетским образованием. Сразу вспоминались черные деньки, когда двоим новобранцам дрилл-фельдфебель Сахно устраивал испытание на все виды нагрузок: излом, удар, скручивание, разрыв... Так вот, приличных слов для этих ребят у фельдфебеля находилось всего два: первого, Шэма, он называл Шкваркой, а второго - угадайте, кого, - Гимназистом, через украинское "гы" с великолепным дикарским презрением.

- Пять, - лениво сказал Шэм. - Юсуф, на твоем фоне я кажусь самому себе математическим гением.

- Пять часов - это значит, еще три атаки. Самое меньшее... - Сковорода втоптал окурок в землю. - Шэм, наш комдив по старой дружбе не поделился с тобой стратегическими планами? Например, не заменят ли нас через часок-другой?

- Ага, как же... У меня с ним этой ночью была астральная связь. Он мне сказал (Шамиль попытался с копировать выражение лица и обычный тон Верещагина): за ваш участок фронта я в общем спокоен, унтер Сэнд, но меня волнует ефрейтор Юсуф Сковорода. Если он начнет егозить и засирать людям мозги, не в дружбу а в службу дайте ему по казанку, чтобы он успокоился. Учитывая его выдающиеся анатомические особенности, а именно - черепушку толщиной в два пальца, можете дать ему рукояткой пистолета.

Опять заржали. Шамиль вздохнул и сбил кепи на нос, закрывая глаза. И зачем он тратит свой отдых на этот треп?..

...Когда кэп сказал, что ничего хорошего из этой Общей Судьбы не выйдет - Шамиль поверил ему сразу. И заранее согласился со всем, что тот предложит, уже привыкнув, что Верещагин не ошибается, и все в конце концов получается так, как он говорит. Смертельный риск не пугал: если красные действительно перекроют границы, жизнь потеряет смысл. Кем он станет, лишившись возможности быть лучшим унтер-офицером, командовать лучшим отделением в лучшей роте лучшего батальона? Кем он станет, лишившись возможности видеть фиолетовое небо Гималаев? И что такое смерть - рядом с унылым существованием советского гражданина второго сорта?

И, в конце концов, подарив ему Эверест, кэп имел право требовать чего угодно...

Они стояли здесь потому, что были лучшими. Самых лучших - на самый сложный участок. Будь командиром дивизии кто-то другой, в этом можно было усмотреть

элемент наказания. Шамиль и Хикс думали иначе: доверие. Кэп верил, что именно они не дрогнут и не побегут.

Штука в том, что это доверие придется оправдывать не единожды. Продержаться еще пять часов, еще три или четыре атаки... Каждая из которых будет более убийственной, чем предыдущие, потому что красные развернули три дивизии против их одной, и полчаса назад их даже не взяли за задницу - так, потрогали только. Сейчас они подтянут силы и начнут опять...

Сколько от отделения останется к вечеру? Двое, трое?

Страшно...

Страшно этому парнишке, Гирею...

Страшно Юсуфу, хоть он и хорохорится, потому что он участвовал в турецкой и видел, как это бывает...

Страшно Годзилле, и Ходже, которому до конца срока осталось всего два месяца, тоже страшно, и Гришке Пивторыпавло, у него в Крыму девушка, и Саше Якимиди. И Косте Байраку. И Тони Бахману. А больше всех страшно ему - старшему унтеру Сэнду, страшно за всех - и за себя. И за то, что в нужный момент не удастся их поднять в бой или напротив - заставить стоять здесь и драться до конца...

Тяжелые вздохи, клацание металла, затаптываются в песок окурки и объедки, консервные жестянки... Под шлемом потеешь мгновенно. Ожидание. Жара. Мучение...

Момент, когда НАЧИНАЕТСЯ, трудно определить четко. Сначала вдали происходит какое-то шевеление... Потом оттуда начинают бить ракеты. "Грады" обрушивают огонь на то место, где мы только что находились - не будь дураками, мы уже в другом месте и отвечаем чем можем. На какие-то секунды поднимается бешеный ветер: вертолеты "Ворон" летят бить по позициям "Градов". Через несколько секунд видим огонь и дым: там начинает гореть и взрываться. "Грады" молчат, зато в небе начинается свистопляска: "Стрелы" и "Шилки", ЗУ-23... Вертолеты рассыпают резаную алюминиевую фольгу, инфракрасные ловушки... Попадание! Горит и падает один вертолет...

А по дороге и вдоль нее опять прут танки и БМП. Взрыв! Танк с сорванным траком начинает крутиться на месте, потом замирает, разворачивает башню и начинает сажать по поселку из пушки. Ответные залпы "Витязей"... Еще один взрыв! Но все-таки взрывов меньше, чем в прошлый раз: ценой жертв понемногу расчищаются проходы в минных полях. Танк, сминая останки БМП, продвигается по найденному ею коридору... Взрыв! Танк дергается, останавливается, ползет назад... Из-под брони валит дым... Люк откидывается, наружу выскакивают люди, бегут, пулеметный огонь... Взрыв! Взрыв - совсем рядом: подбит "Святогор"...

Взрывы сливаются в неровный гул...

Они подошли близко... Ближе, чем в прошлый раз.

Пора!

Байрак вскидывает на плечо гранатомет, Годзилла заряжает, разворот, выстрел!

Неудачно...

Еще раз: граната, разворот, выстрел!

Еще раз!

Еще!

Поняв, что дальше не продвинуться, красные выскакивают из БМП и под прикрытием своих пулеметов бросаются в атаку на окопы...

Именно так - бросаются. Они что, не умеют ходить в атаку?

Пулеметная очередь заставляет Шамиля вжаться лицом в землю, до отвала наевшись песка. Потом пулемет замолкает: Байрак сумел попасть...

Шэм поднимает М-16, упирает приклад в плечо и стреляет...

***

"В это же время 274-й танковый полк атаковал позиции 5-й бригады по линии Березовка - Викторовка. В первом эшелоне обороны находился бронемобильный полк, усиленный танковым: 45 "Витязей", 90 "Воевод", 24 ПУ "Кесарь" и 24 ПУ ПТУР "Секира". Во втором эшелоне - 45 "Витязей". Их атаковали семьдесят Т-64 (остальные танки были повреждены во время налета А-7D, ударивших по колонне на марше ракетами "Мэврик"). Потеряв в ходе боя 29 танков, красные отступили. Наши потери составили 11 танков, 5 "Воевод" и 3 "Кесаря".

Все складывалось совсем не так, как предполагал Главштаб: красные уже дважды атаковали под Коблево, и теперь туда подтягивался еще один мотострелковый полк - 335-й, а к Березовке был отправлен только один танковый полк. Правда, красные еще не разыграли две другие дивизии: по данным воздушной разведки, они сейчас подтягивались к Николаеву. Херсонская (84-я) дивизия переправлялась через Южный Буг, а Скадовская (169-я) - через Днепр. Куда двинутся первые колонны - станет ясно только после Варваровки, а то и позже. Данные воздушной разведки запаздывали. Я решил рискнуть и приказал полковнику Шлыкову направить в Коблево два эскадрона "Витязей" из второго эшелона и роту ополченцев на "Воеводах". Поскольку не было никаких попыток форсировать Тилигульский Лиман, я послал к перешейку и батальон морской пехоты, стоявший в Коминтерновском. Кроме того, в состоянии боевой готовности держались вертолеты "Кречет" и "Ворон".

Морская пехота прибыла как раз вовремя, чтобы помочь отразить третью атаку красных - самую мощную. На фронте в 4 км развернулись 224 машины. В этом бою были потеряны последние танки и БМП группы "Сильвер". Штурм удалось отбить только благодаря морской пехоте и фронтовой авиации (вертолеты). Окончательно красные отступили, когда резерв из 5-й бригады вошел в бой прямо с марша.

После короткого перерыва красные предприняли новый штурм - настолько вялый, что он сразу наводил на мысль об отвлекающем маневре. Командир батальона морской пехоты капитан Георгий Берлиани приказал своему подразделению оставить позиции у Коблево и следовать на север берегом лимана. Его догадка оказалась верной: в районе поселка Червона Украинка красные попробовали форсировать лиман. Два мотострелковых батальона на своих БТР пересекали водную преграду в самом узком месте. Морским пехотинцам удалось вовремя перехватить их, не дав выбраться на берег и реализовать свое численное преимущество.

Окончательно спас положение 3-й горноегерский батальон, который после уничтожения авиабазы Буялык должен был следовать к Березовке, но был переброшен на рубеж Коблево-Южное. Его командир, капитан Корнев, сориентировался на ходу и направил к Любополю минометную батарею. Когда минометный огонь усилился вдвое против прежнего, красные оставили попытку форсировать Тилигульский Лиман...

Но я понимал, что все наши победы и все страдания пойдут прахом, если не удастся блокировать морскую авиацию на ее аэродромах. Возможный прорыв у Коблево волновал меня гораздо меньше, чем известия из Крыма, ибо я знал, как организовать оборону на новом рубеже, чтобы успеть закончить с аэродромами, но я не знал, как увести конвой из Одессы, если морская авиация не будет блокирована.

В четыре часа пополудни на связь вышел полковник Скоблин.

- Авиация не пробилась к Белой Церкви, - сказал он. - Следующий рейд мы сделаем в 18-30.

- В этот момент первые корабли уже будут грузиться. По плану, мы должны начать сворачивать оборону.

- Все будет в порядке, Арт, - тон Скоблина не содержал и ноты фальшивой обнадеживающей бодрости, это был голос предельно усталого человека, и я поверил ему.

Авиация ВСЮР в этот день действительно работала на пределе и сделала все, что могла. Не следует забывать о Керченском Плацдарме. Не следует забывать о "рейде ста", попытке сотни истребителей и штурмовиков прорвать кольцо ПВО Острова. Не следует

забывать о постоянных рейдах на Николаев-Херсон, об ударах по колоннам выдвигающихся войск. Я не мог бросить полковнику Скоблину ни слова упрека: его вины не было в том, что второй рейд тоже окончился неудачей.

Из Лиманского вернулся 1-й горноегерский батальон. Наша задача была выполнена: четыре военных авиабазы Одесской области мы развалили до фундамента.

Я вышел на связь с пятой бригадой: по моим расчетам, их силы были уже на исходе. Шлыков докладывал, что он отбил две атаки. Момент для связи оказался неудачным: в данный момент бригада отбивала третью.

- Какое, к чертям, отступление?! - ответил Шлыков на мое предложение. - Мы их преследуем!

Полная картина выглядит так: около пяти пополудни к 274 танковому полку присоединился 137 мотострелковый полк 84-й (Херсонской) дивизии. Красные попытались общими усилиями организовать фланговый обход и подставились как раз под удар второго эшелона бригады - неполного бронемобильного полка. Опрокинув танковый батальон, корниловцы прошли через мотострелков как Кинг-Конг через Манхэттен и вышли в тыл к танковому полку. Красные запаниковали и начали отступление, которое вскоре превратилось в бегство. Шлыков, уже зная от воздушной разведки, что на подходе еще один танковый полк, не давал им остановиться и сообразить что к чему: он хотел вызвать столкновение. И он его вызвал: не разобрав поначалу в чем дело, приняв отступающий полк за наступающего врага, танкисты 281-го полка открыли по своим огонь. Ошибка более чем естественная: тучи пыли, поднятые танками в сухой и жаркий день, очень быстро стерли всякую разницу между нашими и их машинами. Еще не сообразив, в чем дело, по приказу командира переходя во встречную атаку, 281-й полк сшибся с 274-м. И сверху по этому месиву ударили "Вороны" и A-7D.

Те, кто видел, говорят, что там творился ад на земле и в небе: на позиции 5-й бригады шла эскадрилья "Ми-24", и в воздухе она схлестнулась с эскадрильей "Воронов", посланных ударить по 281-му полку на марше..."

Арт Верещагин
"The Trigger: a Battle for Island of Crimea"

***

Березовка, 1735-1800

Вот тут оно и случилось: их послали ударить по красной танковой колонне, а Ми-24 из трижды проклятой Каховки - ударить по 5-й бригаде. Ни те, ни другие толком выполнить задание не успели, так как сшиблись в воздушном бою.

За Ми-24 было преимущество в числе, да и приспособлены к воздушному бою они, по идее, лучше. Другое дело, что специально для такого боя они не экипировались: по два пакета НУРов и пулемет. У "Вдов" - пушка, хоть и более дальнобойная, чем пулемет, и то же самое НУРы. Получилось где-то так на так..

Тамара уже видела их, когда заходила на колонну - вернее, на то стадо, в которое превратилась колонна.

А потом на них вышел советский вертолет - чуть ли не в лоб, и Рита выпустила первый "Стингер", и он ушел зря: подорвался на инфракрасной ловушке, Тамара увидела это, забирая круто вверх, уходя из-под пулеметов, а там разворачиваясь - и так же круто вниз, очередь из пушки, совсем рядом - "Стрела" - куда, в кого? Апельсин... Ровный шар пламени очень похож на апельсин... Какая глупость... Очередь из пушки - машина дрожит и бьется, словно мужик в оргазме. Отвратительно... Когда занимаешься отвратительным делом, в башке - отвратительные мысли...

Ах, да, "Ворон" еще и более маневрен, как это положено соосному вертолету. А вы не знали?

Больше всего это похоже на карусель "веселый осьминожка": тебя вертит во всех трех плоскостях, а ты вроде бы управляешь этим вращением. Страшно утратить контроль, невозможно отказаться от беспорядочных, хаотичных движений... Земля, небо, полоски фольги, вертолеты, трассы снарядов, огни ловушек, горящие машины, ракеты - по-медвежьи услужливая память подсказывает, что рано или поздно ты потеряешься в этом калейдоскопе и тогда...

Он возник неизвестно откуда, и мгновенной вспышкой ожило воспоминание: подростком, моя пол, Тэмми резко развернулась, чтобы обмакнуть швабру в ведро, и вдруг неизвестно откуда на нее обрушился удар - точно в лоб и переносицу! Мгновенно брызнули слезы: так больно! И за что? Униженно рыдая, она сползла по ЭТОМУ на пол: дверь. Обычная дверь в кухню, по рассеянности открыла да так и оставила. Развернулась слишком резко, в глазах на секунду помутилось, впилилась лобешником ровно в торец... И больно, и, главное, обидно...

Вот так и этот возник перед носом, даже не возник: Тамара сначала почувствовала удар, поняла, что он ПОПАЛ в вертолет, а потом уже увидела его...

Не было счастья - несчастье помогло: Тэмми на долю секунды в ужасе закрыла лицо руками, ее машина потеряла управление и кувыркнулась вниз самым непредсказуемым образом, вторая, ДОБИВАЮЩАЯ, очередь прошла мимо.

Спокойно... СПОКОЙНО!

Тамара удержалась на краю непоправимого падения, развернула машину вверх... Шла почти вертикально, и беззащитное брюхо Ми-24 казалось ей огромным...

- Огонь! Стреляй же, Ри! - она крикнула, или ей померещилось, что крикнула, ведь за кусочки мгновения, ей отпущенные на все про все, никак не получалось крикнуть, а потом еще успеть перевести ведение огня на себя и выпустить в этого урода очередь. И глупо было кричать: Рита мертва, она это знала, хотя - откуда в тот миг она могла это знать?

Подумалось: сейчас урод разлетится на куски, и эти куски полетят прямо мне на голову.

Еще подумалось: плевать.

Но - независимо от этих мыслей - она уже взяла вниз-в сторону уводя машину из-под падающего тулова "Ми-24". Маятником качнулась ниточка алой слюны из-под шлема Риты, прочертила коричневый след на тамарином рукаве. Руки напарницы соскользнули с панели и теперь болтались согласно с движениями машины. Мир пошел паутинными трещинами: лобовое стекло. Крупный калибр.

"Веселый осьминожка"...

Боковое зрение уловило вспышку на земле: есть!

- На базу-1! Группа Бонней-2, возвращаемся на базу-1...

Голос выдернул Тамару из карусели. Ми-24, как видно, получили такой же приказ или сами рассудили, что продолжать смысла нет...

На жаргоне пилотов такой бой называется "собачья свалка". Длится это от силы минут десять, трясешься потом не меньше часа. Если, конечно, остаешься в живых.

Она проследила черту дыр в стекле - одна пуля прошла немного выше и левее ее головы, другая - ниже и правее. Третья и четвертая вошли Рите в грудь - она и не вскрикнула, ей сразу же стало нечем кричать. Крови было море, по полу - ровным слоем, и еще тысячи мелких брызг - на стекле, на панели, на одежде, шлеме и на руках Тамары... Потом оказалось - и на лице...

- Бонней-2, отход!

Тамара узнала голос: штабс-капитан Брукман. Почему не мама Рут? Ее машина должна была идти в голове "клина" - где она?

Тело капитана Голдберг и еще трех летчиц нашли и вывезли ребята из пятой бригады. Экипажи четырех машин, упавших среди красных, так и не были найдены. Никто не сомневался, что летчицы мертвы, многие видели своими глазами, что машины сгорели - но ни праха, ни даже ид-браслетов советские так и не вернули родственникам. Не сообщили и о месте захоронения.

Больше "Вдов" в небо не поднимали. Нет, неправда. Они еще своим ходом летели домой - под прикрытием четырех А-7 и трех F-15. Этих машин вполне хватало: от полка "Вдов" осталась чуть ли не эскадрилья.

Так или иначе, но для Тамары и остальных уцелевших пилотов День Победы закончился, как и положено, в полночь. Для всех прочих участников "Одесской высадки" он продолжался еще почти сутки.

***

Дударев и Шарламян не могли понять, какие силы белых им противостоят. Три полка было сосредоточено против Коблево, три полка - против Березовки. Ни там, ни там оборону прорвать не удавалось. Четыре бесплодные атаки на одном участке и три - на другом закончились ничем. Авиация работала из рук вон плохо, самолеты опаздывали или наносили удар совсем не туда, куда нужно, поскольку взаимодействие выглядело так: Дударев или Шарламян звонили в Москву, просили поддержки с воздуха, рассказывали, куда и как. Примерно через час прилетали самолеты - за этот час обстановка успевала раз десять измениться. С таким же опозданием поступали данные от воздушной разведки.

Опять же, нужно было как-то обставляться насчет того, почему оборона белых еще не прорвана. Поэтому численность Корниловской дивизии росла в геометрической прогрессии с каждым новым рапортом.

В 19-10 была предпринята очередная атака на Коблево-Южное силами свежего мотострелкового полка (это уж так повелось с самого начала: как подходит свеженькая часть, так и атакуем). Было очень трудно заставить идти в атаку те части, которые уже раз ходили: все знали, что беляки стоят как врытые. Слово "корниловцы" внушало почти мистический ужас, как в свое время - слова "Рихтгофен", "Тоттенкопф" или "Викинг". Поэтому на острие копья помещали новоприбывшую, еще непуганую часть.

Итак, в 19-10 эта часть (427-й МСП 84- й дивизии) после артподготовки выдвинулась вперед, на новый штурм, за ней потянулись другие соединения...

Прогремели первые взрывы - несколько танков и БМП налетели на мины. Саперы, посланные расчищать проход, подверглись еще и минометному обстрелу, но какому-то жидкому: совсем не то, что прежде, когда беляки отвечали на приступы штормовым огнем. Это воодушевило мотострелков, и, едва проходы были сделаны, они пошли в атаку...

Минометный огонь тут же прекратился. Когда атакующие вошли в "зону отдыха Коблево", они вообще не могли понять, кто их обстреливал: поселок был пуст. Белые оставили рубеж Коблево-Южное и испарились в неизвестном направлении.

Высунув голову из люка командной машины, генерал-майор Дударев оглядывался по сторонам. База отдыха и поселок Коблево лежали в руинах. Все деревянные постройки сгорели, все каменные были разметаны по кирпичику. Трое местных, почему-то до сих пор не убежавших, подтвердили: беляки ушли где-то полчаса назад в направлении Черноморского.

Пока генерал-лейтенант думал, что ему делать дальше, запищала рация: его вызывал Генштаб.

- По данным воздушной разведки, белые оставили Коблево, - любезно сообщил связист. - Как слышите, прием?

- Слышу отлично, - выжал из себя Дударев. - Большое вам спасибо.

***

"Второй рубеж обороны устроили у Черноморского еще днем. Это была, конечно, не "линия Зигфрида", но мы рассчитывали с Божьей помощью задержать там красных часа на четыре.

После Коблево они очень осторожничали. Я догадывался, что наша численность будет преувеличена (правда, долго не понимал - насколько), поэтому каких-то особенных сил на этот рубеж не направлял. Теперь его удерживали добровольческий батальон и противотанковый дивизион. Морская пехота, отступив от Коблево, в Черноморском погрузилась на корабли и отправилась в Скадовск вместе с остальными судами конвоя.

Было восемь часов вечера. Я находился на шоссе номер 19 с отрядами "Ветер" и "Щит" из качинского полка спецопераций. Душой я был в Березовке, хотя умом понимал, что мне там пока делать нечего, как полевые командиры полковник Шлыков и полковник Ровенский дадут мне сто очков вперед.

Я находился на шоссе, чтобы опровергнуть - или подтвердить - свои собственные опасения: а что, если 150-я дивизия отправится не вдоль берега, а в обход Сычавки? Или, разделившись, отправит через Сычавку хотя бы один полк?

В этом случае мы взорвали бы мосты через овраг у Мешанки и Новой Ольшанки и вызвали подкрепление - любое подразделение из тех, что сейчас двигались к Березовке через Першотравневое. Чтобы задержать их у этого оврага, оптимальный вариант - батарея "князь-пушек"... Но за неимением таковой сгодился бы и егерский батальон, и артидивизион...

Мой план приняли два командира, обладавших решающим голосом: подполковник Ровенский, командующий горноегерской бригадой и полковник Шлыков, командир бронемобильной бригады. Им он понравился, потому что был самым идиотским из предложенных, а значит - соответствовал духу операции в целом. Кроме того, нам троим претила мысль десять часов изображать мишень на просторах Черного моря (моря). Они готовили прорыв, мы прикрывали задницу отступающей дивизии.

Сказать - я был уверен, что все получится, нельзя. Обращаясь к доводам разума, я находил в свою пользу только один: красные не умеют играть в игру, которую мы им навязываем. Дело даже не в том, что их солдаты - восемнадцати-двадцатилетние мальчики, а наши - профессионалы. Дело не в том, что наше вооружение зачастую лучше и мы лучше умеем с ним обращаться. Эти преимущества играют роль при полуторном, двукратном, трехкратном перевесе сил - но временами корниловцы выдерживали бой против десятикратно превосходящего противника.

Конечно, история Второй Мировой войны знает случай, когда взвод пехотинцев задержал танковый батальон, но то была пехота сороковых годов, таких, как мы, они ели на завтрак. Происходи Одесская высадка тогда, красные прорвали бы нашу оборону, забросав укрепления трупами. Сейчас по таким правилам не играли даже они.

Стоя возле тех мостов, я думал, что же такое дух армии и из чего он состоит.

В своей статье "Ничтожество" господин Лучников противопоставлял советской идеологии "здоровую" тягу мещанина к хорошей и легкой жизни, добротным вещам и фирменным наклейкам. Признаки этой "здоровой" тяги наблюдал каждый, кто был в Крыму 29 апреля. И эта тяга была тем здоровей, чем выше пост командира. В Аэро-Симфи захватили полторы тысячи человек раненых, которых "не успели" вывезти: вместо них в самолеты грузили мебель, аппаратуру и автомобили.

Рыба гниет с головы. Чтобы твои солдаты могли стоять как панфиловцы, нужно быть Панфиловым - вот и вся военная тайна.

Советские политработники не смогли разыграть даже патриотическую карту, казалось бы, неубиенную: ведь мы - агрессоры, и мы действительно высадились на их земле. Но за десятилетия оголтелой пропаганды слово "Родина" стерлось, обмельчало, сравнялось со всеми остальными словами, которые принято писать на заборах.

Нужно признать, что и в нашей дивизии, и вообще в "форсиз" корпоративный дух превалировал над патриотическим. Мы были корниловцы (марковцы, алексеевцы, дроздовцы), потом - армейцы, и только потом - крымцы. Так повелось еще с Гражданской, эта система имела свои достоинства (мятеж 30 апреля стал возможным только благодаря корпоративному духу) и свои недостатки (крымская армия всегда чувствовала себя отдельной, особенной частью общества, что привело к расколу).

И - здесь мы находились в равном положении - невозможно было разыграть национальную карту: как и форсиз, советские войска были многонациональными.

Вывод: ни идеологические призывы, ни личный пример командиров, ни корпоративное, ни национальное единство - ничто из вышеперечисленного не работало в советских войсках. Поэтому в безумные игры они играть не могли. Обладая более единым духом, мы все время навязывали им свое понимание действительности.

Это сродни оруэлловскому двоемыслию: сражение сводится к тому, что одна армия внушает другой армии неизбежность ее поражения. Звучит так же безумно, как выглядит: отряды шотландских повстанцев громят более многочисленную и лучше вооруженную английскую армию, крестьянская девочка снимает осаду с Орлеана, вчерашний артиллерийский капитан берет Тулон, рота парашютистов парализует и обезвреживает полуторатысячный гарнизон крепости...

Боюсь, что эта область военного дела не поддается формализации. Чтобы индуцировать безумие, нужно быть безумцем, а этому не научишь.

(Не так давно я думал: почему Лоуренс остается единственным агентом влияния, которому удалось добиться от арабов толка? Ответ, кажется мне, таков: он испытывал к арабам неподдельный, живой интерес, искренне любил этот народ. Никакой профессионализм не заменит живого чувства, а научить ему нельзя. Кстати, по этой же причине мало кому удается на практике освоить методику Дейла Карнеги, который в основу умения "завоевывать друзей и оказывать влияние на людей" ставит искренний, человеческий интерес. Это все не те случаи, когда можно притвориться настоящим).

Если рассматривать мою роль в кампании с этой точки зрения, то моя заслуга не в том, что я хорошо командовал группой "Дрейк" (стараниями Адамса, Посьета и Казакова штаб работал как швейцарские часы) и не в том, что я оказался лучшим стратегом (на тот момент в штабе мало кто был менее компетентен, чем я). Я генерировал безумную веру в возможность победы и заражал ею людей, которые действительно сделали эту победу возможной. Вот, собственно, и все."

Арт Верещагин
"The Trigger: a Battle for Island of Crimea"

***

Темнело быстро, как всегда в Причерноморье. На западе осело пыльное курево и четко прорезались черные на красном тополя. Дивизия ушла на север, Гусаров доложил, что последний батальон оставил Черноморское сорок минут назад. Было еще какое-то время - прежде чем красные сообразят, что белые опять отошли и поймут, куда они отошли. Конвой должен был пройти засветло в виду берега - якобы, белые уплыли, бросив пятую бригаду... Удастся эта китайская хитрость или нет - красные все равно узнают правду, дойдя до Котовского: проход дивизии видели, кажется, все. Видимо, зрелище заменило несостоявшийся парад Победы.

- Взрывать мосты, сэр? - спросил унтер-качинец.

- Не надо. Смысла уже нет. Сэкономим пластик.

- Этого добра... - проворчал унтер, отправляясь разбирать взрывные устройства.

"Этого добра" действительно хватало: в качества запасной цели намечалась авиабаза в Мартыновской, но уже с самого начала было видно, что корниловцы не успевают. Поэтому разнообразной взрывчатки осталось море.

Арт надел шлем.

- Ян, связь со штабом первой бригады.

- "Дрейк-один" слушает, - у Ровенского был недовольный голос.

- Воздушная разведка.

- Да, "Оса" вернулась... Они подтянули еще один мотострелковый полк, он стоит в Семихатках. Черт вас возьми, господин полковник, но мы будем бедные, если они не атакуют.

- Атакуют. Куда они денутся. Они же считают, что приперли нас к стенке...

- А если так оно и есть?

- Если бы мы собирались драться - так оно и было бы. Но мы же не собираемся. Должны быть еще два других полка. Вышлите "Осу" еще раз.

- Скоро будет темно, как у негра...

- Они будут ехать с зажженными фарами...

Ровенский напоследок выдал разнос за разговоры открытым текстом в эфире и прервал связь.

Да, пора с этим завязывать, подумал Арт. Хоть и по-английски, а все-таки их могут услышать... Во всяком случае, узнать топонимы. От усталости он понемножку начал тупеть.

- Уходим, сэр? - спросил подпоручик Снегирев.

- Да, - Артем забрался в люк "Владыки" и дал знак водителю. Качинцы разобрались по "скарабеям" и группа рванула вдогонку за дивизией на самой большой скорости, которую мог выжать "Владыка" на этой дороге.

***

В 22-00, не встретив сопротивления нигде, но продвигаясь тем не менее с величайшей осторожностью, 150-я и 84-я дивизии добрались до Котовского. Белогвардейцев не было и там. Больше того, их не было нигде, если верить своим глазам: полтора часа назад, еще по солнышку, на юго-восток прочапали в виду берега их корабли...

Дударев и Шарламян вышли на связь с командирами полков, сосредоточенных у Березовки, и услышали, что беляков нет и там, они отступили: только что, атакуя широким фронтом от Викторовки до Заводовки, советские танковые и мотострелковые полки выбросили беляков с их позиций и сейчас преследуют их по шоссе Р-87. Преследование задерживается из-за проивотанковых мин, которые белогвардейская сволочь наставила еще днем. На вопрос - не могли беляки переправиться через болото или Тилигульский Лиман - был ответ: на этот случай мотострелковый полк из Скадовска, сейчас следует от Викторовки до Златоустова, прочесывая все. Конечно, беляки могут рассредоточить свои силы по полсотне сел, но это станет для них началом конца: обнаружат и перебьют поодиночке.

Дударев не то чтобы забеспокоился - он был просто не в себе. Корниловская дивизия прошла у них между пальцев и скрылась в неизвестном направлении, об этом нужно было куда-то докладывать, но доложить означало подписать себе смертный приговор. Это же понимал и Шарламян. Перед лицом общей опасности противники объединились. До утра Корниловскую дивизию следовало отыскать и поднести Генштабу на блюдечке с голубой каемочкой.

Сделать это средствами воздушной разведки по официальным каналам было нельзя: доложиться равнялось подставиться. Заняв Одессу, Дударев увидел, что здесь наделали беляки: четыре аэродрома и военно-морская база не существовали как таковые,

был захвачен штаб фронта в полном составе - если после этого белые ушли безнаказанно, Дударева и Шарламяна следовало расстрелять перед строем.

Кто-то лично должен был поехать в Новую Каховку и организовать поиски Корниловской дивизии с воздуха.

Не доверяя друг другу, комдивы отправились вместе...

***

9 мая 1980 года, поселок Трихаты, около полуночи.

- Могло быть и хуже, - полковник Посьет не смотрел на Шалимова. - На них могли плыть мы.

- Сколько? - Ровенский.

- Шестнадцать кораблей. Восемь потоплены, остальные повреждены так, что потеряли ход...

- Какие?

- Два малых десантных катера, три средних... Сами понимаете, сразу ко дну. Паром "Судак" сейчас тонет, транспорты "Сарабуз", "Ак-Мечеть" - тоже. "Копейка", контейнеровоз "Ялта" и один корабль ПВО - горят... - Верещагин закрыл глаза рукой.

- ...Еще один такой налет - и конвою конец.

- Сколько до конечного пункта?

- Морпехи уже высаживаются. Остальным скрипеть еще час.

- Красные успеют за это время?

Все воззрились на Посьета, командира разведки.

- Сесть, подвесить оружие и снова взлететь? Вряд ли.

- Приятно слышать.

- Как будто их не могут накрыть в порту... - пробормотал Посьет.

- Могут, - согласился Артем. - И еще как...

- Что с авиацией?

- Отправили от греха. По темноте на небольшой высоте - должны бы долететь.

- Потери во время пожара?

- Они улетели раньше. Да говорю вам - с ними все в порядке...

- Ни полшанса доплыть до Альма-Тархана у нас не было, - резюмировал Шлыков. - Поздравляю, господин полковник... Как бы нам еще теперь извернуться?

- Теперь - никак. - Артем встал у окна. - Скорость нашего передвижения прямо пропорциональна пропускной способности этого моста...

Мост отсюда был не виден, но слышен: когда танки прут по железнодорожной колее, звук разносится далеко.

Поселок назывался Трихаты, его жители состояли в основном из тех, кто обслуживал железнодорожный мост, переезд и станцию - и тех, кто обслуживал этих. Собственно мост и представлял собой основную стратегическую ценность поселка. Переправиться здесь надлежало быстро и тихо, потому что именно переправы нередко становятся ловушками...

Станцию взяли ребята из полка спецопераций, тут же, как положено - электростанцию, телефон и телеграф. Пока дивизия переправлялась по мосту, командиры подразделений и работники штаба собрались в кабинете начальника станции: выйти на связь с капером фон Траубе, узнать, как далеко и с каким успехом ушел конвой и вообще разобраться, на каком они свете. Разобрались.

- Семихатки... - пробормотал Шлыков. - Пятихатки... Теперь Трихаты... Интересно, есть ли где-нибудь поблизости Однахата какая-нибудь?

- Меня больше волнует, сообразили они, как и куда мы ушли?

- Уже должны бы, они не идиоты. Впрочем, это не имеет значения...

- Плохо будет, если эти поросята успеют вернуться к мосту раньше, чем мы его подорвем. Это будет очень плохо...

- Раньше нашего они не поспеют, - Верещагин посмотрел на часы. - Вертолеты - они летают очень быстро... Как правило.

Полковники молча переглянулись.

- Арт, - сломал тишину начальник отдела разведки. - Вертолеты сейчас где-то в Северном Крыму...

- Я что, не сказал вам? - Верещагин поднял голову. - Ведь говорил же... кажется...

- Арт! - Шлыков вскочил, отшвырнув стул.

- Я велел подполковнику Корабету лететь в Николаев и брать мост. Как только они пересекут линию Тендровской косы. Я что, действительно вам не сказал?

- Вы *действительно* нам не сказали, - глухо произнес Посьет.

- Вот идиот... - Артем с силой провел рукой по лицу. - Я думал, вы поняли о чем речь. Я же при вас вел переговоры...

Никто ничего не сказал - кроме Шлыкова, который, даром, что совершенно сухопутный человек, выдал несколько морских терминов - тех самых, кои не понимала матушка Екатерина.

- Они высадились там, - торопливо объяснил Верещагин. - Десять минут назад я выходил с ними на связь. Все в порядке... То есть, их обнаружили, но еще не атаковали. Если все пойдет хорошо, они взорвут мост... И, может быть, смогут долететь до Скадовска.

- Что вы нам еще не сказали? - полковник Посьет сжал правой рукой левое предплечье - так, словно это было горло врага.

- Это все, честное слово.

Ровенский нехорошо хохотнул.

- Будем надеяться. А что, если они не долетят до Скадовска? Вы думаете, вертолеты еще не в воздухе? Думаете, нас еще не ищут? Как только о ребятах Корабета становится известно красным, им становится ясен и конечный пункт нашего назначения...

- И что? - Верещагин прошелся по плешивому коврику, стукнул кулаком в стену, разворачиваясь, чуть ли не с размаху прислонился к ней лопатками и затылком. - Он же думают, что мы идем к мосту по трассе М-23. Или другой, я не помню. К Варваровке. Их не интересуют машины, которые следуют в Николаев с севера - на севере нас быть не может!

- У них уйдет пять минут на выяснение... - усмехнулся Шлыков.

- Черта с два! - Арт прицелился в него указательным пальцем. - Я ставлю свою голову против банки пива, что вертолетчики не знают рабочих частот мотострелковых дивизий, а те не знают рабочих частот вертолетчиков! Безлунная ночь, пыль стоит столбом - да никто не отличит, чьи это машины!

Он коротко и страшновато засмеялся.

- Особенно будет здорово, если какая-то часть уже следует по этой дороге в Николаев...

***

Договорившись с командиром полка Ми-24 подполковником Рогозой, Шарламян и Дударев разъехались по штабам своих дивизий. Там их и застала новость: белые высаживаются в Скадовске, где остался всего один мотострелковый полк и один артиллерийский. Причем, судя по паническому характеру радиосообщения, сорвать высадку они не смогли. Следовало срочно исправить положение: направить в Скадовск мотострелковый полк из Херсона и вернуть туда два "родных" полка, уже успевших переправиться на тот берег Южного Буга.

Едва Дударев добрался до штаба дивизии, его огорошили новым известием: белые высадились в Николаеве, а точнее - а Варваровке. Их не могло быть много -

высаживались с вертолетов - но мост они заняли. Не иначе как к подходу своей дивизии, которая вынырнула где-то между Березанским Лиманом и Южным Бугом...

Был уже четвертый час ночи, когда позвонил подполковник Рогоза: воздушная разведка обнаружила и расстреляла колонну белой бронетехники на шоссе М-23 на подходах к Варваровке.

Через пятнадцать минут был еще один панический звонок из Скадовска, от тамошнего командира дивизии: белые вертолеты расстреляли его танковый полк на шоссе М-23 у Варваровки.

Дударев взялся за голову. Паника была недолгой: потери действительно можно списать на белых, кто там будет разбираться... Следовало немедленно захватить обратно мост... И не дать белым переправиться через него, в крайнем случае - взорвать.

...Для чего в первую голову было нужно выгнать с моста беляков и взять переправу в свои руки...

Справедливости ради нужно сказать, что это почти удалось Дудареву. Ради той же справедливости следует добавить, что заслуги комдива здесь не было. Заслуга, удайся эта операция, целиком и полностью принадлежала бы майору Степанчуку, командиру артполка.

Ситуация для подполковника Корабета сложилась пиковая: за дело взялся ас. Об этом говорил и выбор оружия, и точность попаданий: орлы из аэромобильного полка на собственной шкуре поняли, за что артиллерию называют "богом войны". Сорок пять минут такой подготовки - и последующий штурм был бы не нужен.

Полковник Корабет вызвал штаб дивизии и объяснил ситуацию: если не сработает ультима рацио, он подрывает мост и пробует увести полк на север.

- Продержитесь час, - был ответ.

- Час? Эти парни накрывают огневую точку с трех выстрелов!

- Быть не может.

- Приезжайте и убедитесь, господин полковник! - Корабет в сердцах бросил наушник на пол пакгауза: полк закрепился в железнодорожном тупике.

Исход боя решили три человека: снайперы Шариф Леван, Константин Столяров и Касим Нуриев. Неизвестно, кто из них убил майора Степанчука: первую пулю в него выпустили все трое. Потом снайперским огнем была парализована работа всей батареи. Через десять минут пришлось уносить ноги: их расположение вычислили. К мосту подходил мотострелковый полк. Уходя, разделились, и к своим попал только Столяров: Леван пропал без вести, по всей видимости - погиб, Нуриев через какое-то время отыскался в плену.

Момент гибели майора Степанчука Олег Корабет мог бы назвать минута в минуту: артиллерийский обстрел сразу же утратил свою убийственную точность, снизив ее сначала до нулевой - момент смятения, когда офицеры и солдаты на батарее начали падать один за другим - до той, какая обычно бывает при слаженной работе артиллеристов и корректировщиков. Асом артиллерийского дела мог быть только один человек, и этот человек был убит.

А дальше все сложилось так: во фланг и тыл артиллерийскому и мотострелковому полкам, подтянувшимся к мосту, ударила прямо с марша бронемобильная бригада Корниловской дивизии.

Конечно, она бы ударила в любом случае: деваться корниловцам было некуда, оставалось только пройти через Николаев - или погибнуть. Но благодаря бою в районе моста полковник Верещагин получил красных там, где хотел их получить.

А в это время авангард танкового полка 169-й МСД, обстрелянный на подходе кВарваровке "белыми" вертолетами, прошел через пригород Николаева и выехал к мосту...

Зрелище им открылось величественное: сумерки полыхнули белым огнем, мост вздрогнул весь, словно по нему прошла волна, потом две фермы подломились, как ноги усталого слона, полотно над ними просело и участок моста ухнул в воду.

На том берегу Корниловская дивизия смяла позиции артполка, врубившись во фланг и тыл мотострелковому полку. Бой продолжался меньше двух часов - в половине пятого генерал-майор Дударев капитулировал.

***

- Как еще красные не додумались сделать бензин, непригодный для всех остальных машин... - проворчал полковник Шалимов. - Все, Артемий Павлович, бензин и эта дурацкая взрывчатка - практически все, что у нас осталось.

- Да? - Арт на секунду раздвинул пальцы, сплетенные у лба "козырьком", и приподнял голову.

- "Да"? - все, что вы можете сказать?! - не дождавшись ответной реплики, Энвер Аблямитович ударил кулаком по корпусу "Владыки". - Перед нами - Херсон, перед нами - Скадовск. Как мы их возьмем? На чем?

- Вторая плохая новость, Арт, - к машине подошел полковник Посьет. - За морскую пехоту, которая высадилась на Тендровской косе, взялись всерьез. Подтянули артиллерию. Ребята не могут головы поднять. Если не произойдет чудо, их прикончат, не дав сделать ни единого выстрела.

- Понятно... Люди сильно измотаны?

- "Измотаны" - это не то слово, господин командующий. Это просто не то слово.

- Отдыхать два часа. После того, как машины будут заправлены и запасные баки залиты. Пусть водители этим не занимаются, они должны отдыхать сейчас. Остальные отдохнут в дороге...

- Как мы будем брать Херсон, Арт?

- На понт.

- Сейчас эти шутки просто неуместны. У всех нас плохо с нервами, все чертовски устали...

- Извините! - Верещагин протянул руку вглубь машины, взял поданный наушник:

- Дрейк на связи.

- Елизавета на связи, Дрейк... Где вы на этот раз?

- В Николаеве, - он держал наушник так, чтобы могли слышать остальные. - Мы разбили последний полк 150-й дивизии... И на этом исчерпали все наши ресурсы. Конечно, мы выжмем из их дивизионных складов все, что можно... Но проблемы снарядов для танков и пушек, противотанковых ракет и всего такого это не решит.

- Сколько времени у вас в запасе?

- Четыре-пять часов... Плюс-минус лапоть. К... десяти утра они наведут переправу через Южный Буг, а самое позднее в одиннадцать будут здесь...

- Ваши потери?

- В людях - не могу сказать... Из техники у нас осталось пятьдесят три танка, семь "Кесарей", полсотни "Святогоров", девять гаубиц и двенадцать пушек. Единственное, что мы можем - это передвигаться достаточно быстро...

- И на что вы рассчитываете?

- Я? На С-130, который сядет на шоссе между Херсоном и Цюрупинском. Даже на несколько таких машин. Сколько сможете и успеете. Давайте, сэр. Вы не смогли прикрыть нашу задницу вчера - сделайте это сегодня. Вам перебросили те самолеты?

- Да, слава Богу.

- Отлично. Забудьте про Белую Церковь, выручайте нас.

- Вы представляете, сколько времени понадобится...?

- Да, черт его возьми! Те же пять часов, если меньше болтать и загружаться на трех аэродромах одновременно.

- Ну так дайте связь Шалимову, пусть он скажет, что вам нужно!

Артем протянул наушник своему начальнику отдела обеспечения.

- Уже утонули бы, - сказал он. - И не мучились...

***

"Нельзя сказать, что после взятия Николаева положение Корниловской дивизии стало более безнадежным, чем оно было в момент выхода из Одессы. Просто эта безнадежность виделась все более явно.

Посему я не очень нервничал. Машина была запущена, изменить ход операции (или, что вернее, ход нашего бегства) мы уже не могли, двигаясь по своему курсу, подобно снаряду. Что бы там ни произошло - нам оставалось только одно: идти вперед, добраться до Скадовска, погрузиться на корабли и выйти в море. Или пропасть по дороге - так же верно, как мы пропали бы, выйдя в море вчера.

Если бы в Херсоне остался их "королевский полк", это стало бы концом всего. Даже с поправкой на никудышнюю боеготовность полков охраны: наша дивизия к этому моменту больше напоминала потрепанный сброд. Но, к счастью, полка в Херсоне не было: он был в Скадовске. Конвой из тридцати уцелевших кораблей все еще выглядел достаточно грозно, чтобы командир 169-й МСД запаниковал и вызвал помощь, которая в тот момент могла прибыть только из Херсона. Ну, а если бы полк остался в Херсоне... Нет, так плохо о советских командирах я не думал.

Трюк удался: прошло время, прежде чем красные поняли, что высадка оказалась ложной. Но когда они это поняли, полк морской пехоты, высадившийся на острове Джарлыгач, и корабли, стоявшие на рейде за островом, подверглись обстрелу. Четыре патрульных катера вели ответный огонь, в этот поединок включились танки. Спасая дивизию, я подставил полк морской пехоты. Помочь им было нечем: единственный их шанс - многоцелевые фрегаты "Генерал Корнилов" и "Генерал Алексеев" - выступили из Альма-Тархана и должны были прибыть на место около девяти часов утра. Это было и наше спасение: даже с учетом вооружения, переброшенного по "воздушному мосту", мы не смогли бы справиться со скадовским полком.

Короткий марш по прямой вдоль железной дороги между Николаевым и Херсоном был мучителен, даже если не вспоминать о вертолетах, которые накрыли нас сразу за Шевченково. Нельзя сказать, что мы совсем не отдыхали: солдат как никто другой умеет находить время для отдыха. Но тех часов, которые солдаты и офицеры сумели выгадать, было катастрофически мало. Это донимало больше, чем отсутствие пищи (водой, слава Богу, было где разжиться) - я, по идее, уставший меньше всех, достиг такой степени эмоционального отупения, что ничего не почувствовал ни когда по нашей колонне ударили вертолеты, ни когда нас спасли F-15. Новые потери уже не волновали: имела значение только скорость продвижения.

Небо сегодня было к нам милостиво: оно снова принадлежало крымским форсиз. Этот налет стал последним: с воздуха нас прикрыли. Самолеты воздушной разведки мы видели только дважды, вертолетов из Каховки больше не было, зато свои самолеты, патрулирующие побережье, мы видели постоянно. Силы, которые собирались бросить на Белую Церковь, теперь защищали нас, и на этом участке крымцы могли обеспечить себе решающий перевес в воздухе. Данные воздушной разведки тоже начали поступать, и таким образом мы узнали, что красные навели переправу через Южный Буг и начали перебрасывать войска, кроме того, подняты по тревоге и уже выступили 254-я (Геническ) и 127-я (Мелитополь) мотострелковые дивизии.

Это было уже совсем смешно, если добавить еще николаевский полк: хотя мы его разоружили и взорвали всю технику, какую смогли, вместе с дивизионными складами,

личный состав был более чем в норме, и в качестве пушечного мяса вполне мог быть использован.

Мы на тот момент подходили к Чернобаевке. Заниматься тамошним аэродромом, как и аэродромом в Кульбакино, не было времени и сил. Все мысли заняты одним: шоссе Цюрупинск-Херсон. И еще: совсем будет плохо, если красные загодя заминировали мосты через Днепр и к нашему подходу взорвут их.

Мосты были целы.

Через Херсон мы не пошли, обойдя город по кольцевой дороге. Через Антоновку вышли к Днепру, переправились по мосту и взорвали его за собой.

Теперь оставалось только ждать..."

Арт Верещагин
"The Trigger: a Battle for Island of Crimea"

***

Странное дело: в своей книге полковник Верещагин очень вскользь говорит о самом главном: каким образом Корниловской дивизии удалось прорваться через два полка красных в Скадовске. Если верить советским источникам, сопротивление красных бойцов было отчаянным, а натиск крымцев отдавал безумным фанатизмом (что легко объяснимо, так как в спину корниловцам дышали еще две красных дивизии). Но все равно не вытанцовывается. Как-никак, больше сотни танков против сорока семи (именно столько осталось после злополучной вертолетной атаки). Как-никак больше двух сотен БМП против пятидесяти трех "Святогоров" и сорока "Воевод". Как-никак два артполка против жалких двух батарей, и то неполных, и то укомплектованных боеприпасами по минимальным нормам. Как-никак, четыре тысячи свежих солдат против - да, семи тысяч; да, профессионалов - но до упора уставших, издерганных, и тоже крайне слабо вооруженных.

Взвесим все плюсы и минусы. Перевес красных в технике бесспорен, перевес в численности личного состава все-таки можно зачесть крымцам, особенно приняв во внимание тот факт, что красные полки стояли на пути к уже зримому спасению.

"Генерал Корнилов" и "Генерал Алексеев" огнем прикрыли высадку морской пехоты, захватившей плацдарм в порту. Это было необходимо, чтобы продолжать держать красных в неведении относительно численности крымцев на кораблях. Море и небо находились полностью под контролем форсиз.

Вот из этой позиции, развернув свои боевые порядки для последней атаки, командир корниловской дивизии вызвал командиров 84-й и 169-й дивизий на переговоры.

Переговоры продолжались долго и закончились странно: с одной стороны, перемирия достигнуто не было, крымцы атаковали. С другой стороны, подсчитав потери обоих противников по итогам этой атаки, приходишь к невольному выводу, что они могли быть и больше. Гораздо больше. Одной артиллерии красным хватило бы, чтоб разметать половину корниловцев - а вторая наверняка сумела бы прорваться к их позициям и, простите за штамп, погибла бы как волк - сцепив зубы на горле врага. Представляя себе в ближнем бою мальчишек-призывников с одной стороны и озверевших егерей, добровольцев и коммандос - с другой, это видишь более чем ясно.

Опять же, не имея возможности провести как следует артподготовку перед прорывом, корниловцы вполне могли заменить ее ударом фронтовой авиации. Ибо на рейде Скадовска на уцелевших "авианосцах" опять расположились "Кречеты" и "Сапсаны". Однако авианалета на Скадовск не было...

Согласно советским источникам, встречными ударами из порта и со стороны 28-й трассы корниловцы прорвали оборону в одном месте и удерживали коридор достаточно долго, чтобы все пробились в порт. После чего они были там окружены и триумфально

сброшены в море. "Золотопогонный драп" бессчетное количество раз сравнивался в прессе с аналогичным "драпом", имевшим место 60 лет назад. Но если отбросить пропагандистскую шелуху, то истине будет соответствовать все-таки не фраза "белогвардейский десант был разгромлен", а фраза "белогвардейский рейд удался".

А в крымских источниках этот бой, казалось бы, триумфальный, тоже изложен более чем конспективно. Что наводит любого беспристрастного исследователя на мысль о дезе, которую обе стороны подготовили вместе, чтобы врать всклад.

А если что-то кажется единственно возможным по логике вещей - это значит, что скорее всего оно так и было...

***

10 мая 1980 года, Скадовск, 1240-1650

Этот чемоданчик ужасно походил на те, в которых международные курьеры "Де Бирс" перевозят продукцию своей фирмы. Его доставили с первым же транспортом, приземлившимся на шоссе у Цюрупинска, после чего он перекочевал в КШМ командира дивизии.

Верещагин, настояв на разговоре с обоими командирами дивизий vis-a-vis, попрощался с полковником Шлыковым за пятьдесят метров от назначенной точки: мостика через канаву, межой разделяющую кукурузное и капустное поля.

- Значит, если что... - Артем не стал уточнять. - Начинайте. Командовать дивизией будете вы.

- Можно спросить, Арт...

- Да? - Верещагин повернулся.

- Зачем вы таскаете под ремнем второй пистолет?

- Это не пистолет, - "будем считать, что я улыбнулся". - Это... вроде как талисман.

- Понятно... Удачи вам.

Верещагин кивнул и отправился к точке рандеву.

Чемоданчик был в заплечном мешке. В левой руке было нечто похожее на маленькую ручку, стержень которой убирается и выдвигается нажатием пружинки. Очень много зависело от этого чемоданчика и от этой пружинки и от него самого... И все псу под хвост, если решит выслужиться какой-то дурной снайпер с той стороны.

К мостику приближались двое. Плохо будет, если в красных командирах взыграла спесь и они послали "шестерок". Очень плохо.

Он вышел на мостик первым, поставил вещевой мешок у ног и стал ждать.

Шлыков, как его и просили, отъехал на позицию. Поперек дороги стоял "скарабей", где ждал Гусаров. Красные командиры подкатили на штабной БМП со свитой. Сейчас свита осталась там.

Редкие расчехранные облачка висели в небе. Та же жара и безветрие, что вчера. Артем снял берет, вытер лоб: к черту формальности. С некоторым удовольствием заметил, что его жест со своей фуражкой повторил один из командиров - генерал-майор; Шарламян, напомнил он себе. Значит, второй, с погонами генерал-полковника - командир 169-й мотострелковой дивизии Родниченко.

Остановились на середине моста, напротив друг друга.

- Полковник Верещагин, - Артем надел берет и откозырял. - С кем имею честь?

- Генерал-майор Шарламян...

- Генерал-полковник Родниченко...

Он всматривался в лица, искал признаки усталости, неуверенности, может быть - страха...

Можно ли дослужиться до командира дивизии в СССР - и остаться честным человеком? Насколько сильным должно быть искушение? Глеб скорее всего рассмеялся бы ему в лицо на то предложение, которое он собирался сделать комдивам - но честность Глеба не была подточена десятилетиями соблазнов... Потому он и был капитаном, а они - генералами...

Артем присел на бетонный блок ограждения, поставив свой рюкзачок между ног, сделал приглашающий жест в сторону блока напротив. Комдивы переглянулись и сели.

- Давайте так, господа... - сказал он. - Сначала я опишу вам наше положение - каким оно вам рисуется... Положение раковое. Всю нашу технику вы уже сосчитали, численное превосходство в людях рояли не сыграет, первые части мелитопольской дивизии уже в Новоданиловке, первые части Генической - в Воскресенке. Наши авианалеты тормозят их ненадолго. Части 150-й и 84-й дивизий подходят к Днепру или уже наводят там переправу. Их тоже треплет авиация, но не сильно. В любом случае вы можете нас здесь стереть в порошок Мы, конечно, попытаемся прорваться в порт. Девять против одного, что нам это не удастся. Мы красиво подохнем на улицах Скадовска, по пути раздолбав все, что сможем раздолбать. А после того как отчалят ребята, удерживающие порт, по городу пройдется артиллерия флота и авиация. Это я вам обещаю. Гибель Корниловской дивизии станет вам очень дорого. Не думаю, что при таких раскладах вы получите какие-то награды. Скорее наоборот: такие потери очень отрицательно скажутся на вашей карьере... Это с одной стороны.

Верещагин свободной рукой расшнуровал завязки рюкзака и открыл взорам другой договаривающейся стороны чемоданчик, обтянутый черной, уже порядком поцарапанной кожей. Набрал на крышке код и открыл замок.

- Это - с другой стороны, - сказал он, давая возможность оценить увиденное. - Не волнуйтесь, в бинокль этого с ваших позиций разглядеть нельзя.

Генералы молчали, и каждая новая секунда молчания падала с плеч Артема свинцовой гирей: он выиграл! Если бы он проиграл, ему сразу сказали бы: убери-ка ты это подальше, господин полковник...

- Сколько здесь? - севшим голосом спросил Шарламян.

- Четыре килограмма.

- Настоящее?

- Проверьте. Вот соляная кислота.

Над советской копейкой, взятой в качестве контрольного материала, закурился легкий дымок. Цифирка 1 и буквы "СССР" пошли пузырями.

Со стограммового слитка капелька кислоты скатилась в пыль - и пыль тоже закурилась, тоже зашипела...

Родниченко заметно побледнел.

Артем бросил контрольный слиток обратно в чемоданчик и ногой захлопнул крышку.

- Ну что, будет разговор?

- Вы это... - запнулся Шарламян. - Нам...? Советским офицерам...? Предлагаете взятку?

- Да, - просто ответил Артем. - Отказаться - ваше дело... Мое - предложить.

- А что это... у вас в руке?

- Пульт управления. Кроме всего прочего, в чемоданчике мина. Я ведь не должен допустить, чтобы золото попало в ваши руки, если вы откажетесь. Или если кто-то надумает решить дело одним выстрелом - например, сейчас. Пока я прижимаю пальцем эту кнопку, мина не взорвется.

- А если мы... не договоримся? - Родниченко достал из кармана платок и утер лицо.

- Тогда мы разойдемся на позиции... После чего я отпущу кнопку. Столько добра пропадет. Жаль.

- Вы себе представляете, как мы вернемся... с этим?

- Вполне представляю. - Арт пихнул чемоданчик ногой. Кувыркнувшись в воздухе, в радуге брызг он канул в муть канавы.

- Когда все закончится, вы без проблем вернетесь сюда и заберете его. - Верещагин пнул ногой еще один увесистый камушек, тот отправился за чемоданчиком, снова подняв тучу брызг. Нога заболела: чемоданчик был нелегкий, даже для армейского ботинка английского образца.

- А где гарантия... что если мы... договоримся, вы не... того?

- Мое честное слово. И другой гарантии у вас не будет.

- Это несерьезно.

- Да? А где гарантия, что получив от меня этот пульт отключенным, вы решите выполнить условия и не примените против нас артиллерию и танки?

- Наше честное слово, - набычился Родниченко.

- Хорошо, - сказал Арт. - Не то, чтобы я вам не доверял, но нарушение слова с рук вам не сойдет.

- Смотря о чем вы попросите, - примирительно сказал Шарламян. - Сдаться мы не сможем. Ни за какие деньги.

- А я об этом и не прошу. Пропустите нас в порт - и все. Больше ничего не нужно.

- Легко сказать "пропустите", - платок Родниченки был уже мокрый, хоть выжимай. - Мы же не сами по себе тут. Нам же... отвечать...

- За что? За то что вы блестяще обошли нас с флангов, приперли к морю и скинули в Чонгар? Помните: на одной чашке весов - это... А на другой - гибель ваших полков. Я это без дураков говорю: гибель. Товарищ Шарламян, вы видели нас в деле. Вы знаете, на что мы способны. И слов на ветер я не бросаю: погибнет Корниловская дивизия - от Скадовска тоже мало что останется.

- Ладно, ладно, хватит нас пугать... - Шарламян выставил перед собой ладонь. - Давайте лучше подумаем, что нам делать с артиллерией...

***

...А может, все было и не так. Может, все в очередной раз решили некомпетентность советских командиров, отчаяние корниловцев, огневая мощь двух крымских многоцелевых фрегатов, отлично налаженное взаимодействие между родами войск среди форсиз... Чудо, наконец. Обыкновенное, как говорится, чудо...

***

- С прибытием, сэр.

Верещагин ответил на приветствие старпома только усталым кивком.

- Капитан первого ранга Берингер хочет вас видеть.

- Сейчас... Через пять минут. Где у вас тут...?

- Я вас провожу.

Небо над Чонгаром заволакивалось тучами, вода в проливе казалась темно-зеленой. Испятнанная бурунами рябь предвещала неспокойную ночь. Неспокойную во всех смыслах: опять поднимутся в небо Ту-16. Опять попробуют атаковать МиГи из Бердянска, Ейска и Приморско-Ахтарска...

Десятки кораблей, угнанных из Скадовска, сотни других, уцелевших после "Керченского десанта" - вокруг "Генерала Корнилова" море рябило. Это действительно был Дюнкерк, что тут говорить. Очень и очень сомнительная победа - что, впрочем, намного лучше несомненного поражения.

...Помыв руки, он сунул под кран голову. Ох, как это было хорошо!

"Сейчас я доложусь Главштабу и пойду спать. И не проснусь, хоть бы нас начали топить..."

22. Проблемы большие и маленькие

Нужно дать побежденному противнику
любую возможность сохранить лицо.
Главное - чтобы он не сохранил ничего, кроме лица.

Л. М. Буджолд

Обе страны, противостояние которых мир наблюдал с кровожадным интересом, замерли, словно переводя дыхание перед очередным броском.

В ночь с 12 на 13 мая крымские войска атаковали Керченский плацдарм. На этот раз все было проделано с минимальным риском: авианалеты и артобстрелы изводили советскую группировку почти сутки, потом части Дроздовской и Алексеевской дивизий перешли Парпачский оборонительный рубеж. Сводная бригада, состоявшая из того, что было корниловским аэромобильным полком, качинского полка спецопераций и батальона спецвойск ОСВАГ, высадившись с вертолетов в Керчи, захватила укрепления береговой обороны, начисто лишив штаб армии в Новороссийске возможности поддержать керченскую группировку людьми, техникой и боеприпасами. На кораблях, уцелевших после Одесской высадки, на северный и южный берега Керченского полуострова высадились дроздовские и марковские егеря. После того, что сотворила на советской территории Корниловская дивизия, ударить в грязь лицом не хотел никто. 14 мая над Керчью снова поднялся трехцветный флаг.

Позор Советской Армии не мог быть больше. Если одесскую высадку крымцев еще можно было представить как сброшенный в море белогвардейский десант, то керченский провал замазать оказалось невозможно. Не столь чувствительные в сугубо военном отношении потери (что такое пять дивизий для страны, которая считает их сотнями?) были очень болезненны в плане моральном. Чего стоило одно только пленение министра обороны... Возвращаясь к истокам поражения на этой "неправильной" войне, советское командование упиралось в причину: первый день оккупации. Незаконное, нахрапом, присоединение; неполные разведданные; плохое обеспечение войск - как следствие торопливой переделки плана всей операции "Весна"; просочившиеся в Крым секретнейшие сведения... Кто-то должен был за все это ответить, иные осмелели настолько, что прямо называли имя...

***

Он еще думал: поехать - не поехать...

В общем, ясно было все. Чего ж тут неясного. Ясно было все еще неделю назад, когда вместо ожидаемого большинства голосов получил дулю с маком...

Теперь его собирались стереть в порошок. Из-за проклятого Крыма... Из-за невестушки-сучки, которая сначала запуталась в каких-то шпионских делах, а там и вовсе подорвала к врагам... Из-за сыночка: никак не может объяснить, гаденок, откуда у него карточки "Американ Экспресс"...

Кирпичик к кирпичику - стенка...

Сволочи! Бляди! Вчера еще при одном звуке имени накладывали в штаны, лебезили, каждый лез вперед другого... Молчит телефон. Нагло, не скрываясь, дежурит под домом топтун. Еще за ним - кресло главы КГБ, но это уже не значит ничего: словно

перерезали провода, вырубили ток: все решения принимают другие, все его приказы игнорируют или обходят...

Хоть бы одна сука заглянула просто так: поддержать, доброе слово сказать... Кому помогал... С кем вместе начинал... Кому дорожку наверх торил, перетаскивая за собой с этажа на этаж... Нашли себе новых хозяев, новые жопы для вылизывания...

Для этих даже лучше было бы, если бы он не пришел. Спокойнее. Сделать дело за его спиной...

Хренышка. Пусть смотрят ему в глаза. Пусть скажут это ему в глаза, а уж он молчать не будет...

Он резко выпрямился, выходя из машины, в глазах на миг потемнело. Пошатнулся. Возраст, годы проклятые... На что я их потратил? Да на вас же, скот неблагодарный, на эту вот страну! Ну, что ты вылупился на меня, мордатый, ты же моим - да, в том числе и моим! - горбом живешь так беззаботно и счастливо, вон какую ряху наел в Полку Номер Один! Это у меня голова болела, когда ты дрых без задних ног! Это я вылавливал всю ту сволочь, которая хотела превратить тебя в шавку трущобную, чтобы ты вламывал с утра до ночи на их миллионы! А ты, скотина, не хочешь даже отдать мне честь, потому что ты тоже уже знаешь: кончилось мое время... И эта сука в гардеробе знает... И этот хмырина с папкой...

Лестничный пролет, красный ковер... После первого же марша опять закружилась голова, тугая боль расперла глазные яблоки... Темно в глазах, коричнево... Он пережидал это целых пятнадцать секунд - да что за напасть такая...

- ...Второй вопрос повестки дня: исключение товарища А. из состава Политбюро ЦК КПСС. Кто хочет выступить?

Выступало Видное Лицо. Змеюку на груди пригрел. Эх, знать бы раньше...

- Товарищ А. хочет что-то сказать?

Хочу, гниды лобковые, хочу... Сейчас я скажу... Я вам так скажу...

Он встал, шатаясь. В глазах плясало. Душно... нащупал узел, рванул, удавка галстука ослабила хватку...

- Я...

Тьма не рассеивалась, пучилась, густо краснея... Собственный голос доносился издалека.

- Бл-ляди...

Грохнулось об пол кресло...

***

В Крыму ситуация была обратна советской: победы подняли дух форсиз на необычайную высоту, но материальная часть оставляла желать лучшего. Одесский рейд стоил Корниловской дивизии потери почти трех тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, 75% техники; потери авиации составили 17 вертолетов "Ворон" и 14 - "Кречет", 6 "Харриеров", 12 A-7 и 9 F-15. Это не считая других операций: уничтожения Керченской группировки, воздушных боев, которые не прекращались почти неделю, потери транспортных и пассажирских судов, задействованных в операции "Летучий Голландец", не считая потерь флота во время этой операции - а они были тяжелыми...

Кроме всего прочего, у форсиз на шее висела гиря в виде тридцати восьми тысяч военнопленных.

То, что советский ущерб составил намного больше, радовало настолько же мало, насколько меньше ресурсы Крыма были относительно ресурсов Советского Союза.

Крым могло спасти лишь одно: мирный договор. Но такой договор нельзя подписать с мятежной провинцией, его можно подписать только с враждебным государством.

15 мая на встрече с советским послом госсекретарь США мистер Шульц спросил, продолжает ли Советский Союз считать крымскую войну своим внутренним делом.

- Да, - был ответ.

Существовало еще одно препятствие в мирных переговорах: их было не с кем вести, даже через посредника - Советский Союз все еще оставался "без головы". Политбюро никак не могло избрать из себя достойнейшего. Вернее, такого, чье избрание не усилило бы враждебную группировку.

Постепенно внимание заинтересованных лиц привлек кандидат, который был бесспорно хорош одним: он не принадлежал ни к чьей группировке; вернее, когда-то он был протеже Пренеприятнейшего, но и силовикам не мог придать веса и стать для них консолидирующей силой: слишком мягкотел для этого. Хороший местоблюститель трона - пусть подержит, чтобы другие не заняли, а мы поднакопим сил...

Пока бульдоги возились под ковром, тянулись недели "странной войны". Ни одна из сторон не вела активных боевых действий, даже самолеты противников редко встречались в небе: советские перестали залетать в зону патрулирования крымских ВВС. В бешеном темпе отстраивались четыре разрушенных аэродрома, четыре моста, ремонтировались корабли, велись работы по расчищению николаевского фарватера, который таки перекрыл "Дзержинский", снова стягивались к побережью войска - но все это требовало времени, и все равно сил на новый полноценный десант не хватало: попросту не было десантных кораблей. Перегнать требуемое количество из Балтийского моря тоже оказалось затруднительно: Турция прекратила пропускать советские корабли через Босфор и Дарданеллы. Турцию можно было понять: ей совсем не хотелось, чтобы советские территориальные воды заканчивались у ее берегов, да и союзникам из НАТО вовсе не улыбалось одним прекрасным утром обнаружить свои базы в зоне прямой досягаемости советской авиации. Возможно, был у турецкого правительства еще и некий злорадный мотив: мы от них получили свое - теперь ваша очередь, нам не так обидно будет.

Советский Союз ничего не мог сделать: конфликт еще и с Турцией - при уже имеющихся Афгане и Крыме - страна бы не потянула. Начались переговоры с Болгарией, Югославией и Румынией - о спешной продаже нескольких сотен грузовых и пассажирских кораблей. Переговоры шли ни шатко ни валко: то ли братским социалистическим странам эти корабли самим нужны были позарез, то ли это был очередной маленький трючок, проверка длины поводка...

Пушки молчали, зато не смолкали телефоны в посольствах. Что ж, в конце концов дипломатия - это продолжение войны другими средствами.

***

Симферополь, 29 мая 1980 года, 2110 - 2200

Вечеринка вышла неважная. Князь неожиданно быстро напился, Володька, напротив, пил очень мало, и Шэм почему-то выпал из своего амплуа комика. И как-то сам собой разговор перешел на тех, кого уже нет и не будет больше, а потом и вовсе увяз в полумраке.

Запах вина мешался с неистребимыми медицинскими ароматами. Пили "Солнечную долину" урожая семьдесят пятого года, ту самую, которую Константин Шалвович Берлиани специально заказал по случаю их возвращения с Эвереста. Ту самую, которую он пил в тот достопамятный вечер на пару с Востоковым. Артем как раз прикидывал: а сумеют они вчетвером прикончить этот ящик или не сумеют? Там оставалось ровно пять бутылок, две из них уже были у Володьки под кроватью...

- Спасибо вам, ребята, - Козырев как-то судорожно вздохнул. - Ей-богу, у меня еще не было такого хорошего дня рождения...

- Без проблем, - натянуто улыбнулся Георгий. - Звони в любое время суток. Я - в соседнем корпусе, третий этаж. "Берлиани и компания: забавы, игры, народные гуляния". Раздавим еще одну?

- Давайте, - без особого воодушевления согласился Владимир. - А то сейчас придет мой любимый палач и выставит вас отсюда к чертовой матери...

- Пусть только попробует, - Князь наполнил бокалы до краев и поставил пустую бутылку на пол. - Она кто? Подпоручик. А ты кто? Поручик. Мы и ей нальем. Пусть не нарушает субординацию...

- В отставке, - невесело улыбнулся Володька. - Отставной козы поручик...

"Любимым палачом" Владимир называл Татьяну Маковееву, восходящую звезду травматический хирургии. Девушка горела желанием доказать возможность восстановления сустава, но согласиться на серию операций, обещающих месяцы непрерывной боли, да еще и с неопределенным результатом - таких сумасшедших не находилось. Пока не появился Владимир Козырев.

- Мне... лошади снятся, - сказал он, отрываясь от бокала. - Как этому парню, про которого ты мне книжку передал.

- Понравилось? - спросил Артем.

- Ты это просто так или со смыслом?

- О чем это он? - встрял Князь. - С каким смыслом?

- Тут два романа про жокея, которому оттяпали руку, а он стал детективом, - Владимир протянул Князю томик в бумажной обложке.

- Хорошая мысль... Ты ему такие интересные книжки пересылал? Почему мне ни одной не передал, а?

- Ты же не просил.

- Я не просил! Откуда я знал, что у тебя такие водятся... Я же думал. у тебя один умняк. Как не Монтень, так Шопенгауэр... Ты знаешь, до чего я здесь дошел? Я ТВ-серии смотрю! Я MASH смотрю каждый день! И мне нравится!.. Володька, давай напишем детектив. Продадим его кому-нибудь... Вот просто возьмем всю нашу историю и напишем как есть...

- Как есть - это никому не интересно... А врать я не хочу...

- Что значит врать?

- Врать - значит врать... Или ты напишешь, как с пулей в боку плыл до Альма-Тархана, а потом неделю мочился через трубочку? Или Шэм напишет, как по кусочкам складывал Мишу в пластиковый мешок? Или Арт - как...

- Я ничего писать не буду, - перебил его Шамиль. - Я иллитерат, не по моей это части... Я хочу слово сказать. Можно скажу?

- Давай, - Князь пригласительно поднял бокал.

- Со мной это нечасто случается, но я как-то задумался, зачем живу... Недавно это было...

- Бывает, - кивнул Владимир.

-...Так уж Аллах устроил, что всякая тварь на свете приспособлена к своему делу. Значит, и человек тоже, вот только к чему? - подумал я. Ведь не только же для того, чтобы жрать, пить, гадить... На машине ездить, в красивом доме жить, каждый день новую ханам иметь... И вот до чего я додумался: Аллах сотворил мир, а человек переделывает его по-своему... Значит, Аллах хочет, чтобы человек мир переделывал. Не знаю, зачем это ему, я не мулла, я простой унтер-офицер. Может, ему интересно смотреть, что получится... А может, ему разонравилось, как оно вышло сразу, а самому переделывать лень...

- Кощунствуешь, - поднял палец Берлиани.

- Не встревай, гяур. Это их с Аллахом дела, - ответил за Шэма Козырев.

- Аллах милосерден, - сказал Шамиль. - Он простит солдату.

- Ну, мысль твоя в общих чертах понятна, - кивнул Князь. - А дальше что?

- Я подумал: если так, то значит, каждый из нас создан что-то сделать... И поэтому отказываться от деяния - наверное, грех.

- А если то, для чего ты был создан - ты уже сделал? - тихо спросил Козырев.

- Нельзя так говорить. Когда Аллах заберет жизнь, которую дал, тогда он сам скажет, сделал ты это или нет.

- Так за что мы выпьем? - спросил Князь. - За мудрость и милосердие Аллаха?

- За деяние.

Бокалы пропели песню соударения.

- The sin of omission is a worst kind of sin. It lais eggs under your skin*, - пробормотал Верещагин в пустой бокал.

- О! Их высокоблагородие отверзли уста, - обрадовался Князь.

- Георгий, ну, хватит, ей-Богу, меня сковородить.

- И не подумаю! - Берлиани хлопнул его по колену. - Вот теперь я с тобой посчитаюсь за весь твой пролетарский снобизм. Сковородить его не смей - кто мне сиятельством в глаза тыкал, а? Вот теперь ты у меня попляшешь...

- Одно утешение - рано или поздно ты тоже получишь полковника. Учитывая все обстоятельства - скорее рано, чем поздно...

- А что за обстоятельства?

- Я сейчас собираю дивизию по кусочкам, - пояснил Верещагин. - И особенно остро стоит проблема с командирами среднего звена... Заместитель начальника штаба полка морской пехоты умер в госпитале. Твое представление к званию подполковника ляжет ко мне на стол уже завтра.

- Хорошо быть другом командира дивизии...

- Особенно дивизии, где офицерский состав выбит на треть, - кивнул Арт. - Это никакая не протекция, Князь. Я говорил с Красновым, он видит на этой должности только тебя.

- Ну, спасибо... Что, и в самом деле так хреново?

- Хуже, чем мы все думали...

- Ладно, хватит, - оборвал Владимир. С ним молча согласились все: разговор готов был пойти по второму кругу.

Артем с огромным опозданием заметил на руке Георгия обручальное кольцо.

- Когда это ты успел? - удивился он.

- Три недели назад...

- А почему не позвал?

- А, не до того было. Я ведь думал, концы отдам. У нас как раз священник, отец Леонид, из отделения не вылезал... Много у него работы было... Ну, я велел сестричке позвонить Дженис. Дернул отца Леонида, он позвал чиновника из мэрии - девушка и оглянуться не успела, как он нас окрутил. - Князь покачал головой. - И как все просто оказалось... Ты был прав: ну их всех к черту, это моя жизнь. Пока пулю в брюхо не получил - не понимал...

- Давайте выпьем за наших женщин, - сказал Арт. - За их бесконечное терпение.

Едва допили, как появилась бесконечно терпеливая подпоручик Маковеева, которая, нимало не растрогавшись тем, что за нее пьют, не купившись на предложение добить за компанию последнюю бутылку и не испугавшись полковничьих погон, выгнала из палаты всех, кому не положено было в ней находиться.

***

Симферополь, 31 мая, 1650-1810

Кронин занял место напротив Артема, развязал папку с тисненым орлом, достал подколотые листы бумаги - стопка толщиной с нотную тетрадь.

- Эта бумага, - сказал Адамс. - Уже получила неофициальное название "Меморандум Верещагина". Мы обдумывали ее дольше, чем вы писали. И в общем, я такой, чтобы это принять. Чем вы руководствовались при написании?

- Сэр, все эти соображения изложены здесь. Нам необходимо пополнение, резервисты уже не решают проблемы численности войск, мобилизация подорвет экономику, которая и так подорвана, а вместе с тем лагеря военнопленных забиты людьми, имеющими подготовку...

- Это я читал, - отмахнулся Адамс. - И у меня осталось впечатление недоговоренности.

- Можно вопрос, сэр?

- Да...

- У вас или сначала у полковника Кронина?

Командующий и его начштаба обменялись улыбками.

- Он меня знает, - проговорил Кронин. - А я - его.

Верещагин поставил руки "домиком".

- Я отвечу на ваш вопрос, сэр... По-моему, интеграция неизбежна.

Кронин откинулся в кресле назад и немного отъехал от стола.

- Вот, от кого я не ожидал этого услышать... - протянул он.

- Это ясно как день. Войну мы выиграть не можем... И если даже выиграем, Крым никогда не оправится от этой победы.

- Ровно месяц назад в этом самом кабинете вы говорили совсем другое.

- Я находился совсем в другом состоянии.

- Дальше, - Адамс прошелся вдоль стола, остановился перед картой Крыма. - Как эти воззрения вяжутся с вашим меморандумом?

- Нам придется с ними жить. Рано или поздно.

- Это что, социальный эксперимент? - фыркнул Кронин.

- Нет, сэр. Это попытка залатать дыры в дивизии за счет кое-как подготовленных людей.

- Именно что кое-как...

- Это очень серьезно, полковник Верещагин. - Адамс снова сел. - Вы предлагаете дать людям, которые еще вчера были нашими врагами, оружие.

- Так делали в двадцатом. У половины жителей Острова предки воевали сначала на той стороне, только потом по каким-то причинам перешли на эту.

- Иные переходили по нескольку раз, - пробормотал Кронин. - Не повторилась бы история.

- Советский Союз - не та страна, которая это позволит. Для нее все эти военнопленные - уже предатели. Августовский указ сорок первого года никто не отменял.

- Чтобы перейти на сторону противника, нужно обладать определенным складом ума и характера. Не боитесь, Арт, что в армию хлынет отребье?

- Я сомневаюсь насчет "хлынет", сэр. Пока что я прошу позволения поставить этот эксперимент только в своей дивизии, и только в четырех подразделениях: четвертый горноегерский батальон, первый батальон морской пехоты, третий батальон бронемобильной бригады и второй батальон аэромобильного полка. Всего потребуется шестьсот человек, из них - пятьдесят офицеров. Согласитесь, что слово "хлынет" к такому количеству неприменимо. Что же до "отребья"... Я думаю, у нас будет возможность выбирать.

Полковник Кронин выставил ладонь вперед.

- Я против распределения красных по нашим частям. Я - в принципе - за, но это должны быть отдельные роты в составе батальонов и батальоны в составе бригад.

- Нет, сэр... - Артем даже привстал. - Если так, то лучше вообще ничего не делать. Сегрегация создаст кризис. Я знаю, чего вы хотите, господин полковник: чтобы в случае

чего наших ребят легко можно было заставить в них стрелять. Если мы создадим отдельные подразделения, этот "случай чего" возникнет очень скоро.

- Вы забываетесь, полковник!

- Простите, сэр. Но я буду настаивать: или проект "Дон" принимается по моей схеме, или он не принимается вовсе. За такой вариант говорит опыт всех, кто пытался пополнить свои армии за счет пленных; от римлян до Гитлера.

Адамс поднял руки, прекращая дискуссию, потом прижал ладони к столу.

- Честно говоря, подобные мысли приходили в голову... многим здесь. Но в последнюю очередь, полковник Верещагин, такого ожидали от вас. Никто и не подумал бы предложить вербовать пленных для Корниловской дивизии.

- Именно поэтому, сэр. Именно поэтому. Я знаю, что у многих ребят появились личные счеты к советским... Или они рассматривают эти счеты как личные. Но если я смогу перешагнуть через эти счеты - смогут и они.

- А сможете ли? - Адамс на минуту сковал его взглядом в упор, без отрыва. - Устоите ли перед соблазном поквитаться?

Зазвонил телефон. Адамс нажал на кнопку громкой связи.

- Адъютант полковника Верещагина.

- Что там?

- Только одно: жена господина полковника...

- Я занят!

- ...арестована военной полицией Симферополя.

- Господи! - вырвалось у Артема.

Адамс отключил телефон.

- Jesus Christ! - Кронин в изумлении качал головой. - "Вдова" арестована военной полицией! Каждый раз, когда я думаю, что эмансипация дошла до края, мне преподносят новые сюрпризы...

Артем сидел как на иголках.

- Поезжайте, Арт, - кивнул Адамс. - Конечно, поезжайте. Договорим позже.

***

- Ну хорошо, - разжал он зубы уже по дороге из Качи в Бахчисарай. - Ее арестовали за вождение в пьяном виде. За что арестовали тебя?

- Я потеряла ее у департамента... Пошла искать... По всем барам подряд, вдоль по улице. Когда нашла, было уже поздно - она успела въехать в пожарный гидрант...

- Я это уже слышал от дежурного офицера! За что арестовали тебя?!

- Не ори на меня! Я не могла оставить ее одну...

- Что?

- Я не могла оставить ее одну!

- Ты хоть понимаешь...?! Ты... ты выдернула меня из Главштаба, и я там не в покер играл! И что я делаю? Развожу по домам в стельку пьяных баб!

- Можешь не говорить, я знаю, что ты решал Большие Важные Проблемы. Ты спасал мир! Мы прикрыли твою благородную задницу во время Одесского рейда, чтобы ты ее мог спокойно опустить на крышу этого штаба фронта, теперь мы больше не нужны, и если одна из нас повесится, тебе до этого дела нет!

- Что ты несешь?! Кто повесится? Эта Левкович? Кто напивается, тот не вешается.

- Замолчи!

- Хорошо быть доброй самаритянкой за чужой счет!

- Замолчи!

- Я ненавижу, когда мной манипулируют, - он притормозил у подъезда. - Прости меня. Но прошу тебя, больше так не делай.

- Хорошо, - прошептала она. - Хорошо, ваше высокоблагородие. Я больше не побеспокою вас своими маленькими ничтожными проблемками.

- Тэмми, пожалуйста, не надо...

Она попробовала выйти из машины, он удержал ее за руку.

- Я верю, что у тебя были серьезные причины. Я... я зашиваюсь, у меня не хватает времени ни на что, я перестал видеть простые вещи... Давай поговорим об этом сегодня. Я вернусь пораньше, часов в девять... Нет, в десять... И мы поговорим. Яки?

Он смотрел ей в глаза, пока не добился того, чего хотел: улыбки.

"Черт!" - на обратном пути в Симферополь он гнал по серединной полосе, выжимая из штабного "руссо-балта" все, что можно. - "Дьявол!"

Жизнь, похоже, шла псу под хвост. Единственный раз за последнее время, когда он выдрал из дел два часа для близких людей, день рождения Володьки, был полностью заслугой Шэма: позвонил в штаб, напомнил... Сам бы черта с два сообразил... Но и этот вечер был украден у Тэмми, очень уж быстро возникло ощущение того, что никуда она не денется. Денется, парень, ой, денется! Будешь варежкой хлопать - прохлопаешь...

Полковником и командиром дивизии, подумал он, нужно становиться в шестьдесят, когда все уже отсохло.

...Ни в девять, ни в десять вернуться не получилось. В половине двенадцатого она уже спала.

Наскоро проглотив ужин (чай и хлеб с ветчиной из банки), он посетил туалет и душ, побрился и вычистил зубы; не вытираясь (столбик термометра уже десять дней стоял на 30), натянул чистые трусы и пошел в спальню. Сел на кровать.

- Тэмми...

Она не проснулась.

Арт прилег рядом, натянув край простыни на себя. Осторожно коснулся губами впадинки на затылке, закрыл глаза и заснул - как выключился.

...Его разбудило ощущение пустоты.

Простыни опять были влажными - уже от пота. Последняя майская ночь выдалась жаркой, земля не успевала глотнуть прохлады - слишком много солнца обрушивал на нее день.

Артем посмотрел на часы - была четверть четвертого. Из-под двери сочился вялый свет - такой, каким он всегда доходил из кухни. Он знал, что Тамара сидит у стола и курит.

Он встал, пошел в душ и умылся - настолько холодной водой, насколько она могла быть холодной в прогретых трубах. Смочил в ней то, чем временами пользовался вместо пижамы: хлопковую тайваньскую пародию на кимоно; набросил эту хламиду на плечи и явился в кухню.

Все было именно так: она сидела и курила. Только она еще и плакала.

Артем зажег плиту и поставил чайник, сняв, по ночному времени, свисток. Потом, несмотря на слабое сопротивление, перетащил Тамару в кресло и посадил к себе на колени.

- Давай. Рассказывай.

...Ее просто по стенке размазали. У нее характер бешеный, как порох, а защитник, сволочь, это использовал. Выставил ее форменной истеричкой, чуть ли не идиоткой. На предварительном следствии она на одного указала неточно, это был подставной, его там не было и быть не могло в ту ночь, защитник за это уцепился и оправдал всех, понимаешь, всех! Он выставил Рахиль "ненадежным свидетелем", а Фат уже мертва, а я не считаюсь свидетелем, потому что я не видела, кто это сделал! Этот законник, вонючка, вытянул из нее, что ее напоили, ему наплевать, что насильно, он сказал, что это не имеет значения! Ты понимаешь, не имеет значения! Он... он такие вопросы задавал! Он...

- Я понял, - Артем погладил ее по щеке, на секунду прижав большой палец к губам. - Этому типу нужно прочистить задницу ершом для танковых пушек. Рахиль после

всего этого пошла, напилась вусмерть и въехала на машине в пожарный гидрант... Насколько я понимаю, оставив вас обеих пешими.

- Вот уж это совсем неважно.

"Еще как важно", - подумал он. Это значит, теперь каждое утро она будет отправляться в Качу общественным транспортом, и проклятый автобус украдет у них еще полчаса времени... Он бы отдал ей свой джип, если бы тот был еще жив: гараж, куда Арт поставил "хайлендер", попал под бомбу.

- Дальше, - сказал он.

- Думаешь, есть какое-то "дальше"?

- Думаю, есть... Давай выключим чайник, выкипит сейчас к чертовой матери... Одни только неприятности подруги не могли довести тебя до такого состояния. Что случилось с тобой?

- Я сняла обвинение.

- ???

- Я отказалась свидетельствовать по делу об изнасиловании. О том, как меня изнасиловали. Потому что по закону это может получиться никакое не...

- Я понял.

- Хватит с меня этого дерьма...

- Я понял. Ты уверена...

- Да! Ничего я больше не хочу. Никакой долбаной справедливости. Справедливость - это значит, что ты горишь в вертолете, тебя разрывает на кусочки пулями, а потом тебе говорят, что ты дешевая блядь.

- Я этим займусь.

- Вот уж не надо.

- Вот уж надо. Потому что у меня немного другое понимание справедливости. По правде говоря, мне уже сейчас хочется поехать к этому крючкотвору и посмотреть, как он выглядит изнутри.

- И принести мне голову майора на блюде...

- На серебряном? Я уже обещал прогнать красных, чтобы мы могли нормально пожениться - и что вышло?

- Ну, обещание ты сдержал...

- Да... как в новелле про обезьянью лапу...

Он обнял Тамару, положив ее голову к себе на плечо.

- Я себе не хозяин. И не знаю, когда это закончится... Похоже, что мы ценой тяжелой и упорной борьбы поменяли шило на мыло.

- Да, - ее голова шевельнулась на его плече. - Похоже на то...

Чай был очень крепким и горячим. Тамара уснула быстро, а он еще постоял на галерейке, опоясывающей дом по второму этажу.

Тревожно было на душе. Подавая свой "меморандум", он не думал, что идея будет встречена и пройдет так легко. Напротив, ожидал, что ее завернут - в порядке бреда. Но ее не только не заворотили: приняли, и даже не стали настаивать на своем варианте!

И одновременно - мерзкое сегодняшнее происшествие; дело, закрытое "за отсутствием состава преступления", и тамарин отказ добиваться справедливости... Ведь еще три недели назад этих насильников бы кастрировали вручную; о том, чтобы оправдать их, не могло быть и речи... И такое короткое время спустя - такой поворот.

"Ты параноик. Ты везде видишь какую-то систему. Даже если ее там нет. Представь себе на минуту, что это - случайное совпадение".

Представил. Получилось плохо. Еще в юности он выдумал афоризм: случайность - неосознанная закономерность.

Чувствовалось, что Адамс и Кронин в свою очередь чего-то не договаривают. Проект "Дон" был сделан за пять дней; господа командующие обсасывали его две недели - с кем? Нет, конечно, у них было полно других дел, проект мог две недели просто

пролежать под сукном... Не-ет, разговор оставил далеко не такое впечатление. Меморандум оба, похоже, знали напамять. И приняли его, вот, что самое главное. Завтра будет готов приказ по армии... Как это вяжется с чрезмерно либеральной линией по отношению к пленным? И существует ли вообще такая "линия"? Не есть ли этот случай, к примеру, частной инициативой молодого ретивого адвоката, который работает на свою репутацию?

Ты, псих, иди спать.

Как говорила незабвенная Скарлетт О'Хара, об этом я подумаю завтра. Нет, уже сегодня, если быть точным...

***

Москва, 1 июня 1980 года, 2215-2220

На какое-то время Молодой застыл, не говоря ни слова и прижимая к уху трубку, в которой шуршала напряженная тишина. Потом он спросил:

- Что вы... имеете в виду?

- Ставрополь. То дело с приписками, дело, в котором вы проявили такую необходимую для партийца принципиальность и твердость...

О, Господи! Молодой промакнул пятнышко платочком.

- Я вспомнил, - сказал он. - Но это не телефонный разговор.

- Когда угодно и где угодно, - покладисто согласился голос.

- Но у меня нет времени.

- Нехорошо забывать старых друзей, Имя-Отчество. Я понимаю, сейчас у вас напряженное время, тасазать, страда (говоривший на южный лад скомкал согласные, и Молодой уловил в этом насмешку, поскольку сам до сих пор не отделался от южно-русского говора). Я мог бы обратиться с этим к кому-нибудь другому. Например, к вашей жене. Она, как общественный деятель, как вы думаете, сможет помочь?

Молодой ощутил томление в груди. Ему страшно было даже подумать, что будет, если ставропольская история всплывет сейчас. Но что будет, если его жена узнает об одной маленькой подробности этой истории (подробность звали Лида и работала она когда-то учительницей в музыкальной школе, а Молодой приглашал ее заниматься на пианино со своей дочерью) - об этом ему думать было еще страшнее.

Сейчас от него требовалось то, что для него всегда было хуже всякой пытки и смерти - он должен был быстро принять самостоятельное решение.

- Ну, хорошо, - сказал он. - Завтра я поеду на дачу. Знаете, где это?

- В общих чертах...

Молодой назвал шоссе и километр.

- Только же ж вы не опаздывайте, - сказал он. - Я там буду два часа, не больше.

- Конечно, - все так же покладисто согласился неизвестный.

Положив трубку, Молодой сел в кресло, осторожно щупая живот. Давала о себе знать язва - профессиональная болезнь всех членов ЦК.

***

Симферополь, 1 июня 1980 года, 0805-0815

- Андрей, - Верещагин не часто обращался к своему адъютанту по имени, и почти всегда это указывало на намерение задать личный вопрос. - Я понимаю, что с моей стороны это большая бестактность... Но у вас нет телефона господина Пепеляева?

- Ну, почему же бестактность... - Гусаров достал из кармана записную книжку. - Вот он, телефон господина Пепеляева. Хотите, я позвоню ему от вашего имени?

- Это не входит в круг ваших обязанностей.

- Я знаю, сэр.

Артем переписал телефон в блокнот.

- Не надо, Андрей, спасибо. В ближайшее время мне нужно собрать вместе полковника Казакова, полковника Краснова, полковника Шлыкова, подполковника Шепелева, подполковника Шалимова, полковника Ровенского. Пусть бросают все и едут сюда. Чем быстрее, тем лучше.

Когда дверь за Гусаровым закрылась, Арт сел за стол, отодвинул бумаги и положил перед собой листок с записанным телефоном.

Капитан Пепеляев был военным юристом. Лучшим военным юристом, как считалось с 76-го года, когда Юрий Пепеляев реабилитировал полковника Гусарова...

Дело Гусарова было громкое и безобразное, отголоски его гулко шли по всей армии, притушив даже впечатление от недавно отгоревшей турецкой войны. Председателя технической комиссии полковника Гусарова обвинили в получении от "Кольт Индастриз" крупной взятки за взятие винтовки М-16А1 на вооружение форсиз. Имелись только косвенные улики, стараниями адвоката Пепеляева Гусаров был оправдан, но его выдавили в отставку. Не вынеся позора, полковник застрелился. Конец первого действия.

Действие второе. Пепеляев счел виновным себя. Полностью оправдать Гусарова он не смог: для этого нужно было доказать виновность того, кто на самом деле был виновен, а этот человек спрятал концы очень хорошо. По слухам, Пепеляев на похоронах Гусарова подошел к его глубоко скорбящему заместителю, полковнику Одоевскому и тихо сказал:

- Я вас уничтожу.

Пепеляев долго ходил вокруг полковника, но подступиться не мог: через год тот был уже товарищем военного министра. Но, умело натянув силки, Пепеляев дождался момента, когда прозвенел колокольчик: князь Одоевский что-то больно рьяно продвигал полевые орудия фирмы "Бофорс". Пепеляев не спешил, он хотел предоставить суду неопровержимые, железные доказательства. Поэтому ловушка захлопнулась лишь тогда, когда с подачи князя пушки и гаубицы "Бофорс" были уже куплены. Вот тут-то Одоевского и взяли за нежное место, вытянув у него заодно и признание вины по тому делу с фирмой "Кольт". В "Курьере" вышла статья "Князь-пушка и князь-гаубица", название прилипло: шведские орудия в войсках называли отныне только так. Одоевского осудили на разжалование, позорное увольнение из армии и семь лет тюремного заключения. А подпоручика Гусарова принялись обласкивать и продвигать по службе те, кто два года его травил. Форсиз терзались коллективным комплексом вины, и когда Гусаров, спасаясь от опеки, попросил о переводе в Марковскую дивизию, где вроде никто не знал ни его, ни его отца, его и там продолжали продвигать; человеком он и сам был толковым, потому и оказался вскорости адъютантом командира дивизии.

Естественно, Пепеляев прославился. О нем закрепилось мнение как о самом лучшем, самом неотступном, самом неподкупном военном юристе. В принципе этот человек сейчас находился в таком статусе, что мог бы послать и комдива. Однако Верещагин был уверен: не пошлет.

Тем не менее, он слегка робел.

Вдохнув и выдохнув, как перед нырком, он набрал номер.

Стремительно глупея и уснащая свою речь ненавистными "э-э-э...", всегда прорезавшимися в момент волнения, он обяснил, что ему давно хотелось познакомиться с

таким... э-э, выдающимся человеком, и не согласится ли капитан Пепеляев на легкий ужин, скажем, в симферопольском офицерском клубе "Мунрейкер"?

На том конце провода повисла пауза, после которой Пепеляев поинтересовался, в каком качестве коня зовут в гости: мед пить или воду возить?

Верещагин честно признался: воду.

Тогда, сказал Пепеляев, изложите суть дела: терпеть не могу хождений вокруг да около и рассказов про "одного своего друга".

Верещагин проникся глубокой симпатией к этому человеку, и изложил суть дела, разом поумнев и избавившись от "э-э-э".

Переляев после очередной паузы выдвинул встречное предложение: он посмотрит документы по двум этим делам, и послезавтра они встретятся, но не в "Мунрейкере", а в японском ресторане "Токайдо". В девять часов вечера.

***

Москва, 2 июня 1980 года, около 0900

- Как вы на меня вышли? - спросил он у нежданного визитера, которого подобрал на шоссе по дороге к даче. - Кто дал вам мой телефон?

- Ох, как это было сложно, Имя-Отчество! - визитер помотал головой. - Вы себе и не представляете. Это было так сложно, что я подумал было поначалу: а не ну ли его к чертям? Поручить это дело кому-то, кто к вам вхож... Да нет, нельзя. Дело слишком деликатное.

- Я внимательно слушаю.

- Для начала я хочу вас поздравить. Вы, кажется, скоро станете Генеральным Секретарем ЦК?

- Это еще, как говорится, бабушка надвое гадала. Вы же сами понимаете, товарищ, что партия строго подходит к выбору своего самого, так сказать, ответственного представителя...

- Не прибедняйтесь, Имя-Отчество, не прибедняйтесь. Станете. И путь к этому посту был нелегок, а местами даже тернист. Per aspera ad astra, - визитер улыбнулся и начертил пальцем в воздухе пятиконечную звезду. - И люди, которые вам помогали, теперь искренне надеются на вашу помощь.

- Все , что в моих силах, если это, как говорится, не будет...

- Я думаю, что не будет. В ближайшее время после избрания вас генсеком вам вручат свои верительные грамоты иностранные послы. И пригрозят разрывом дипломатических отношений, если вы не прекратите войну с Крымом. А вы скажете им, что незачем портить отношения. Война со дня на день будет прекращена.

- Вы сами не понимаете, что такое вы говорите. Это исключено.

- Почему?

- Территориальная целостность страны...

- Не будет нарушена. В конце концов, СССР есть ДОБРОВОЛЬНОЕ объединение республик. Крым войдет в состав СССР, с ним будет подписан новый союзный договор, в котором вы своей подписью закрепите право республики иметь собственный государственный строй, собственную валюту и собственные войска. Кстати, не противоречащее Конституции СССР.

От таких кощунственных слов, в принципе, должны были преждевременно засохнуть и посыпаться с деревьев листья. Должна была земля разверзнуться и поглотить святотатца. Небо должно было ахнуть и врезать ему по голове развесистой молнией. Но ничего такого не случилось. Надежно охраняемая рощица продолжала цвести, пахнуть и свиристеть на разные птичьи голоса.

- Даже если бы я захотел сделать вот это самое вот, - сказал Молодой, - партия мне бы этого не позволила. И это правильно. Потому что страна - это страна, и нельзя ее разваливать на кусочки из-за каких-то таких вот.

- Не отвлекайтесь, - жестко сказал визитер. - Вы СДЕЛАЕТЕ это. Потому что если вы ЭТОГО не сделаете, то всякую помощь вашей стране прикроют. Обмен зерна на нефть прекратится. Но еще реальнее другое: на свет всплывает ставропольская история. С тамошней торговой мафией. Вы помните, кто вытащил вас из этого дерьма? Пришло время отдавать долги. Я уж не говорю о маленьком скандальчике, который закатит вам ваша супруга - это, в конце концов, дело семейное. Но ваши конкуренты схарчат вас с удовольствием. И не подавятся. Этот лесочек, милая дачка, квартирка в цековском доме - все сгорит, как говорится (он снова передразнил южный акцент) синим пламенем.

Молодой тряс головой все время этого монолога, несколько раз открывал рот, чтобы что-то сказать, и, наконец, вклинился в речь собеседника.

- Да поймите же ж вы, товарищ, что вот это вот я не смогу сделать не потому что я, как будто бы, не хочу... Я уже понял, что с войной надо кончать, и кончать немедленно, потому что война - это же ж всенародное бедствие. Но мне не дадут с ней покончить. Поймите, товарищ, - партия не даст, я же ж вам уже говорил. Меня же так и так, получается, раскатают в лепешку, так чего же я буду подставляться, когда я ничего такого не хочу. У нас же ж не диктатура, слава Богу, не культ личности, если вы, конечно, слышали про такое, у нас демократический централизм и решения принимаются не единолично, а большинством голосов...

- Есть мнение, что прошедшие выборы не соответствовали ленинским демократическим нормам, - сказал собеседник. - И их результаты незаконны. Необходимо провести новые выборы. Настоящие, свободные демократические выборы. Но до их начала полномочия управления страной перейдут в руки одного человека. Президента СССР, к примеру.

- Народ этого не поймет, - прижав руку к сердцу, зажурчал Молодой. - Народ не поддержит такую, как говорится, неуместную инициативу.

- Народ и армия едины... - пробормотал визави.

- И это тоже я имею в виду.

- Таманской и Кантемировской дивизиям нам есть что противопоставить.

- Интересно было бы послушать, если вы, конечно, не возражаете...

- На выбор: Дроздовская, Марковская, Корниловская, Алексеевская...

Ассортимент Молодого не вдохновил.

- Да вы совсем с ума сошли. Народ оккупации не потерпит...

- Ни о какой оккупации речи нет. Вспомните - Крым присоединяется к СССР, так что это, как бы, советские войска. Более того - есть "красный полк", который играет на учениях роль потенциального противника - и неплохо, я вам скажу, играет! Есть и другие мобильные формирования.Средства переброски - вертолеты "Ми-6" и "Ми-8", самолеты "Антей". Боевые машины - советские танки, БМП, БМД, ББМ "Святогор" и "Воевода". Стрелковое оружие - автоматы Калашникова - 74, винтовки М-16. Это можно красиво назвать... Например, отдельная добровольческая гвардейская дивизия особого назначения. А по сути - личная гвардия Президента СССР.

Только за то, что Молодой слушал эти слова и на месте не скончался от сердечного приступа, ему можно было бы дать вышку, причем не ту, что стоит в ЦПКиО. Но жребий уже был брошен, Рубикон перейден, слова вылетели, а от воробьев их отличает отсутствие возможности вернуть их назад. Оставалось дослушать до конца и решить, в каком случае он рискует больше - приняв предложение таинственного гостя или послав того ко всем чертям.

- Я вижу, что вы сейчас интенсивно обдумываете возможность сдать меня в руки КГБ. Такая возможность у вас, несомненно, есть. Но я подстраховался. Если в назначенное время я не появлюсь в назначенном месте, ставропольские материалы будут

пущены в ход. Если я появлюсь, не получив вашего согласия, они также будут пущены в ход. Вряд ли вас посадят. Возможно, даже не выгонят из партии - дело давнее. Но вот поста генсека вам не видать, как своих ушей. Вас часто выдвигают кандидатом в генсеки? Или вы настолько любите свою страну и свою партию, что готовы пожертвовать карьерой и должностью?

- Мне нужно подумать...

- Думайте. У вас есть для этого целых полчаса.

- Этого мало, товарищ, вы же понимаете, что так, с кондачка, как говорится, такие решения не принимаются...

- Если я через полчаса не покину вас, я не успею появиться в назначенное время в назначенном месте.

На лбу Молодого выступил пот, который он стер платочком. Пятно, похожее на абрис советской карты (а нет ли в этом какого знака судьбы?) ярко проступило на бледном челе.

- А что еще вы могли бы предложить Президенту СССР?

- О-о, массу всего. В первую очередь - деньги на реализацию некоторых программ и сами программы. С дефицитом промышленных товаров будет покончено. Во всех зарубежных странах этот Президент станет желанным гостем. А к тому времени, когда он выйдет на покой - вам ведь не хочется умирать на посту? - у него будет небольшой счет в надежном банке, скромная вилла в Крыму, дети его получат хорошее образование - Гетеборг, Оксфорд, Симферополь - на выбор. Будучи почетным доктором наук и гражданином мира, он сможет путешествовать куда угодно, по своему желанию. Но это мелочи, так сказать, довесок. Главное - полная власть, без оглядки на престарелых пердунов, которые - вы уж извините, Имя-Отчество, - давно уже числятся у апостола Петра в розыске.

- А как же демократические выборы? А как же свобода, восстановление ленинских норм демократии?

- Когда обстановка в стране стабилизируется... Где-то на втором сроке правления можно будет провести свободные парламентские выборы.

- И когда же... Когда же в стране установится Президентская власть?

- Примерно через две недели после выборов в Генеральные секретари, - помедлив, сказал визитер. - Мне кажется, ночь на девятнадцатое - самый подходящий день для такого события. Будет и хороший повод: наверняка многие открыто выступят против мирного договора с Крымом. Ну, решайтесь, уважаемый - да или нет?

- Это все грязная провокация, товарищ не знаю, как вас по-батюшке! И таким образом вы от меня ничего не добьетесь!

- Похвальная предусмотрительность, Имя-отчество. И в самом деле, а вдруг я провокатор? - он рассмеялся. - Ладно, сегодня вечером вам будут представлены доказательства того, что я не пытался вас прощупывать на лояльность, и не шутил. До встречи.

***

Симферополь, 3 июня, 2100-2230

Верещагин первые девять лет своей жизни фактически провел на рыбацком баркасе, где сырая рыба, приправленная морской солью, была обычной закуской под сухое белое вино. Поэтому никакой экзотики в сырой рыбе, приправленной водорослями и острой соевой пастой, он не видел.

Капитан Пепеляев, напротив, вырос и прожил всю жизнь в Симфи, и находил японскую кухню очень экзотичной - жаль только, дороговатой.

Поэтому первый выбрал единственное блюдо, не внушавшее подозрений - говядину, нарезанную ломтиками и тоже поданную сырой: ее нужно было брать палочками и макать в котелочек с кипящим маслом. Второй запивал пивом сасими, орудуя палочками так же ловко, как герой "Семи самураев".

Если не знать, что он юрист, можно было принять его за военного врача.

Юрий Пепеляев оказался именно таким, каким Арт представлял его по голосу - он вообще редко ошибался, реконструируя по голосу внешность человека, с которым предстояло увидеться. Седоватый - соль с перцем; небольшого роста, темнолицый Пепеляев был некрасив, но с первого взгляда внушал симпатию. Есть такая разновидность лиц, есть даже актерский типаж "красивый урод". Было ли мужественное обаяние Пепеляева профессиональным или природным - оно было мощным. И это при том, что капитан не пытался улыбаться или демонстрировать дружелюбие, казался даже мрачноватым.

- Я просмотрел оба дела, - без предисловий сказал Пепеляев, когда официант (высокий, широкоплечий, голубоглазый - словом, типичный японец) унес пустые тарелки и подал чай. - Вы хотите, чтобы я за них взялся? Хотите, чтобы я добился осуждения (он на секунду прикрыл глаза, вспоминая) Прядкина, Ерыкалова, Расулова, Джакели и Колыванова как военных преступников?

- А это возможно?

- Господин полковник, вам-то должно быть известно, что совсем невозможного в мире мало. Но эти два дела я бы отнес именно по разряду невозможного.

- Почему? - спросил Арт. - Объясните мне, тупому.

- Хорошо, - помедлив, сказал Пепеляев. - Начнем сначала. Вы верите в абсолютную беспристрастность и справедливость Фемиды?

Артем подумал, прежде чем ответить.

- Все мы люди.

- Хорошо, что вы это понимаете. Чем больше общество пытается быть правовым и защищать всех без изъятия своих граждан, тем больше оно создает сложных и разветвленных законов. Чем больше этих законов, тем в большую зависимость попадает человек. Зависимость от тех, кто эти законы знает, понимает и толкует. В результате суд превращается не в поединок закона и преступления, как должно быть, а в поединок между юристами. И чаще всего дело выигрывает не тот, кто прав, а тот, чей адвокат подготовлен лучше и старается больше.

Капитан, закончив вступление, отхлебнул чаю и продолжил:

- Этим ублюдкам кто-то подсказал, как действовать на суде и что говорить. А штабс-капитану Левкович и вашей жене никто ничего не подсказывал, и все разыграли как по нотам. Штабс-капитан Левкович под присягой подтвердила, что находилась в ту ночь в нетрезвом состоянии, она ошиблась при опознании, поэтому для суда она - ненадежный свидетель.

- Она неправильно указала на одного - поэтому оправдали всех?

- Да, так и делается. Иначе как предотвратить попытки оговора?.. Дальше: не было медицинской экспертизы, поэтому нет документальных свидетельств самого факта избиения и изнасилования.

- Знаете, как-то не до этого было...

- Знаю, сам за пулемет подержаться успел. Но вот эта вот баба с завязаными глазами и весами как на базаре, она признает только документы. А так получается - слово мадемуазель Левкович против слова четверых пленных офицеров. Конечно, если бы я там был с самого начала, я бы и при том раскладе выкрутил против щенка Яши Кивелиди, которому давно хочу надрать задницу. Но так уж вышло, что обвинителем был не я, а эта квашня, Горчицын. Который позволил Яше сделать из своей свидетельницы котлету. Теперь, если Рахиль Левкович изменит показания, это будет говорить не в ее пользу. Но, как я понял, дело мадемуазель Левкович интересует вас не в первую очередь.

- Вы правильно поняли.

- Артемий Павлович...

- Арт. Просто Арт. Мне неловко, когда люди старше меня называют меня по отчеству.

- Хорошо, Арт. У нас будет тяжелый разговор.

- Ничего.

- Если начистоту: снять обвинение - это самое лучшее, что могла сделать Тамара Андреевна.

- Я не понимаю. Он же признал свою вину...

- Нет. Он признал только факт sexual intercource, изнасилованием это он не считает.

- Мразь...

- Я полностью согласен с вами в этической оценке. Но с юридической точки зрения ваша жена также признала этот акт добровольным.

- Нет. Она не могла этого сделать...

- Ну, она не декларировала свое горячее желание, объектом которого был майор Колыванов... Защита задавала ей "безобидные" вопросы, она на них честно отвечала. Добровольно ли она пошла с майором в свою комнату? Да. Понимала ли она, что там произойдет? Да. Пыталась ли она сопротивляться и звать на помощь? Нет. Перестаньте гнуть вилку, на вас смотрят.

- А суду не приходило в голову, что сопротивляться и звать на помощь было бесполезно? Что он мог просто отдать ее своим солдатам?

- Во-первых, не суду, а следственной комиссии. Во-вторых, область допущений лежит вне нашей юрисдикции. Допустить можно что угодно. Если бы это действительно произошло - это стало бы предметом разбирательства, а коль скоро это только могло произойти...

- Он ее бил.

- Из ее и его показаний следует, что это была самозащита. Она попыталась завладеть пистолетом, он ударил ее, пятаясь отобрать оружие. Вот на этом их показания расходятся: вижу почерк Яши Кивелиди... Давно пора прочистить ему мозги... Она говорит, что после этого он снова изнасиловал ее, он это отрицает. Опять не было медэкспертизы, опять ее слово против его и свидетелей нет. Опять прокурор позволил защите вить веревки из свидетеля обвинения... Бесспорно доказан только один акт sexual penetration, но квалифицировать его как изнасилование нельзя... Ах, если бы я был там, если бы я вовремя вправил этим девочкам мозги и объяснил, что можно говорить, а что нельзя!..

- Где же вы были?

Пепеляев сжал губы.

- В госпитале, - просто ответил он. - Из меня выковыривали пулю, которую я схлопотал на Турецком валу.

- Простите, - смутился Верещагин.

- Не за что. Я понимаю ваши чувства. Послушайте, мы действительно можем попытаться все переиграть. Выехать на том, что показания были даны в состоянии стресса, под психологическим давлением, при помощи наводящих вопросов... Что отсутствие протеста нельзя трактовать как согласие...

- Дался вам всем этот протест... Послушайте, вы знаете, что случилось со мной?

- Слышал.

- Я тоже не протестовал и не сопротивлялся... В какой-то степени я их даже провоцировал... Значит ли это, что они невиновны?

- Есть огромная разница.

- Неужели?

- Существуют преступления безусловные. Они являются преступлениями вне зависимости от согласия жертвы. Захват заложников - безусловное преступление, даже если заложники согласны. Врач, который по просьбе больного проведет эвтаназию, будет осужден за убийство первой степени, даже если предъявит письменную просьбу больного. Если бы... кому-то нанесли тяжкие телесные повреждения с его согласия... Ну, скажем, во время садомазохистских игрищ... Это не было бы оправданием для того, кто их нанес: он безусловно виновен с точки зрения закона. С изнасилованиями - совсем другое дело: само понятие этого преступления подразумевает половой акт вопреки воле жертвы - иначе придется посадить все мужское население планеты. А поскольку телепатии пока нет - во всяком случае, современное право ее не признает - воля обеих сторон должна быть выражена словесно: да или нет. Иначе нельзя квалифицировать как преступление, к примеру, насилие мужа над женой. Или наоборот: пресловутые американские date rapes, когда наутро после ночи, которая оказалась не такой приятной, как представлялось, девушка вдруг решает, что была изнасилована и борзенько скачет в суд. Она, видите ли, не думала, что, приглашая ее к себе в дом после вечера в ресторане молодой человек имеет в виду это. Она думала, что он имеет в виду показать ей персидские ковры... Извини дорогая, говорят ей в суде, ты сказала ему: "Нет, я не хочу"? Если сказала - да, это изнасилование. Если молчала - прости, ты неправа.

Он посмотрел в лицо своему собеседнику, протянул руку через стол и пожал Верещагину запястье.

- Послушайте... ради вас. Если вы попросите. Я возьмусь за это дело. За оба, если хотите, и добьюсь осуждения подонков. Но прежде спросите себя и ее: хотите ли вы этого? И выдержат ли ваши нервы?

- А что потребуется?

- Первое: изменить показания.

- Вы, юрист, предлагаете лгать под присягой?

- Арт, давайте определимся, чего вы хотите: соблюсти невинность или добиться справедливости?

- А это разные вещи..?

- Как видите, да. Первое лежит в сфере писаных правил, второе - в сфере этических представлений.

- А зачем писаны правила?

- А затем, что этические представления людей так же разнятся, как и сами люди. Вы же умный человек, Арт, и должны это понимать.

- То есть, не все, что законно - справедливо. И не все, что справедливо - законно.

- Да. Но поскольку я могу руководствоваться своими представлениями о справедливости только в своей личной жизни, в своей жизни общественной я руководствуюсь понятиями законности.

- И все же хотите, чтоб она солгала.

- Да, поскольку это единственный способ добиться справедливости, действуя в рамках закона. Если же вы хотите выйти за эти рамки, я как человек не буду вас осуждать. Но как юрист я вам в этом случае не помощник.

- А что вы посоветовали бы... как человек?

- На выбор: просто, по-мужски набить ему морду. Или, учитывая ваш авторитет в армии, поговорить с начальником того лагеря военнопленных, где он сидит - чтобы ему устроили веселую жизнь.

- Широкий спектр возможностей. Спасибо.

- Да не за что. Ну что, мы попробуем?

- Вы говорите, что если она изменит показания, у вас получится...

- Возможно, Арт. Но... взвесьте все и решайте сами: если вы уговорите ее снова предстать перед комиссией, снова окунуться во все это дерьмо... Это может стать психической травмой не меньшей, чем само изнасилование. И даже если мы добьемся

успеха, в чем я по-прежнему не уверен, и упечем этих сукиных детей в Арабат как военных преступников - сколько они там пробудут, два месяца? Три? Через три месяца мы или подпишем мир, и тогда пленных будут менять, или нас уничтожат, а их - освободят. Овчинка не стоит выделки, на мой взгляд.

- Хорошо. Пусть так. Вообще-то, я попросил вас заняться этим делом не только для того, чтобы... а, черт! Послушайте, просматривая его, вы как профессионал, не почувствовали какой-то... сквознячок? Как будто в один момент все переменилось?

- И я даже скажу, что это за момент, полковник, с точностью до суток: двадцать шестое мая! До этого дня от нас требовали возбуждать как можно больше уголовных дел против советских "военных преступников", широко освещать их... А в этот день - как отрезало. И обратное указание: как можно строже соблюдать законность, как можно меньше суровых наказаний... По фактам убийств военнопленных и гражданских было вынесено три смертных приговора - и все три пересмотрены с заменой на пожизненное заключение. А ведь один случай совершенно жуткий: насилие над малолетней и убийство: заметали следы. Офицер, запретивший солдатам убить подонков на месте, теперь локти грызет. Думаете, только у вас болит голова обо всем этом? Она болит у всего юстотдела. Двадцать шестого проклюнулась какая-то надежда на мирное урегулирование - и вот пожалуйста, пленных уже не трожь, вчерашние военные преступники невинней овечек, а погань вроде Яши Кивелиди заправляет всем, потому что порядочному юристу защищать красную сволочь *застерво*..

- Я понял, Юрий Антонович... Спасибо вам.

- Вот уж действительно не за что...

- Наш разговор был для меня весьма интересен и содержателен. Я узнал для себя много нового.

- Не сомневаюсь. У вас на лице написаны ваши мысли. Вы обдумываете сравнительные тактико-технические характеристики закона и дышла.

- Верно, - усмехнулся Верещагин.

- Позвольте на правах старшего по возрасту сказать вам одну вещь...

- Да.

- Человек приходит в юриспруденцию с массой иллюзий. Но очень скоро расстается либо с ними, либо с юриспруденцией. Это всегда кризис для юриста - в первый раз столкнуться с тем, что закон не всемогущ и часто несправедлив. И очень важно в этот момент помнить, что закон все же лучше беззакония. Что в противном случае восстановится право большой дубинки. Арт, сейчас вам трудно это принять сердцем, я знаю, но поверьте: вам просто не повезло, ваш случай - одна из тех осечек, которые неизбежны. Чаще, во много раз чаще именно с помощью закона удается восстановить справедливость. Наказать виновного, оправдать невиноватого. Вам не повезло, вы со своей женой оказались на той чаше весов, которая легче... Смиритесь.

- Не разбив яиц, не приготовишь яичницы, - черным голосом сказал Артем. - Париж стоит обедни. Лес рубят - щепки летят.

- Да, именно так.

- Что ж, Юрий Максимович... Вы, наверное, правы. Скорее всего, вы правы. Постараемся наплевать и забыть.

- Это самое разумное.

Верещагин отсчитал стоимость ужина и чаевые, вложил деньги в книжку меню. Они встали из-за стола. Голубоглазый японец открыл меню, сосчитал купюры, одним движением пролистав стопку, улыбнулся и сказал "Аригато".

Выйти из кондиционированного ресторана на улицу было все равно что нырнуть в море теплого киселя из розовых лепестков. Пепеляев вспотел мгновенно.

- До свидания, господин полковник. Если что-то будет нужно - я к вашим услугам.

- Спасибо, - Артем задыхался. - Спасибо...

***

Москва, тот же день, то же время

Итак, вновь Дворец Съездов, длинный дубовый стол, знакомые все лица.

- Товарищи! - сказал ведущий заседание Политбюро Тугодум. - На повестке дня у нас два вопроса, товарищи. Первый вопрос: выборы Генерального Секретаря ЦК КПСС. Второй вопрос - отношения с братскими социалистическими странами в свете событий на Черном море. По первому вопросу: На сегодняшний день есть кандидатура товарища Молодого.

Молодой почувствовал, как по спине у него ползут нервные паучки. На мгновение представилось: проклятый бес-искуситель из ОСВАГ все-таки сдал его ставропольские похождения КГБшникам. И сейчас его здесь, на этом столе распнут, как распяли не столь давно - боже, уже почти как месяц назад! - Пренеприятнейшего, его протектора и наставника.

Самое противное в ставропольской истории было не то, что он впутался в игры местной торговой мафии, а то, что, пытаясь выпутаться из них, он воспользовался помощью одного человека, который после всего представился ему сотрудником ОСВАГ и начал вербовать. За прошедшие годы Молодой стал седоватым и лысоватым, и куча оправданий и оговорок была навалена им на этот эпизод, чтобы замаскировать один простой факт: он таки был завербован.

Четырнадцать лет о белогвардейцах не было ни слуху ни духу. Молодой уже понадеялся было, что о нем просто забыли. Конечно, он знал, что такие организации, как ОСВАГ, никогда и ничего не забывают. Он это знал, но приятно было утешать себя тем, что все-таки, может быть, о нем забыли.

Не забыли-таки. И напомнили о себе весьма ощутимо. Тем же вечером его жена, обнаружила в почте конверт, в котором содержались:

а) фотографии Лиды - жена партийца, без пяти минут генсека, узнала женщину, приходившую репетировать с их дочерью на фортепиано, и мальчик, стоявший рядом с Лидой на этих фотографиях, подозрительно был похож на ее мужа (чтобы не оставалось сомнений, там же была и школьная фотография Молодого).

б) подробный рассказ о том, как эта Лида поживает. Особенный акцент делался на то, что и она, и мальчик получают от неизвестного доброжелателя из Москвы подарки к дням рождения и к Новому Году.

Молодой имел некоторый скандал, последствия которого до сих пор ощущались в виде легкой дрожи в руках. И сейчас эта дрожь усилилась при мысли о том, что ОСВАГовец выполнил и вторую половину угрозы: прислал документы на него в КГБ.

Да нет, ерунда - утешил он себя. Я же им еще нужен, зачем им хоронить меня сейчас. А потом уже шиш. Потом они меня уже не похоронят, потому что я буду - о-о-о!

- Э, батенька, сказал ему ехидный внутренний голос, - и "о-о-о!" тоже снимали. Только так снимали. Хрущев Никита Сергеевич, помнится, колобком из Кремля выкатился.

Молодой отогнал от себя эти мысли, потому что уже шло голосование. Одна за другой вздымались сухопарые старческие ладони. Первая, вторая, третья...

- Три голоса против, остальные - за, - сказал председатель счетной комиссии.

Молодой встал со стула, на котором сидел. Вот так все просто? Ни фанфар, ни салюта - три голоса против? За одну секунду он стал властелином огромной страны - и никак этого не почувствовал?

Он осмотрел обращенные к нему лица и ощутил прилив внезапной злости. Не было на этих лицах ни благоговения, ни трепета, ни даже элементарного уважения. Ты - халиф на час, говорили эти лица, компромисс между несколькими политическими

группировками, а не самостоятельная сила. Это ты должен подлаживаться и прогибаться под нас, а не мы под тебя, - говорили эти лица.

Молодой стиснул в кулаке ручку.

Если что его и убедило принять предложение Востокова - то не умные доводы, приведенные ОСВАГовцем, не перспективы всевластия и не страх разоблачения. Его убедили именно эти самодовольные лица патриархов, ни секунды не сомневавшихся в неколебимости своей власти и могущества.

Посмотрим, - подумал Молодой. - Посмотрим еще, кто тут пан, а кто - пропал.

- Товарищи, - сказал он, - Выразить свою благодарность... Свое желание, как говорится, оправдать полной мерой возложенное на меня партией доверие - для этого просто нет слов...

***

Через три недели Крым встречал советского генсека - первого из лидеров СССР, решившегося ступить на отколовшийся много лет назад Остров.

Аэро-Симфи был забит до отказа. Толпа, деликатно теснимая невозмутимыми секьюрити, кипела сиренью и восторженно скандировала фамилию Молодого, одвусложенную и переиначенную на американский лад.

Молодой вышел из самолета по западному этикету - под руку с супругой (крымцы, привычные к таким правилам международного поведения, бурно приветствовали "половину", не зная, что в СССР уже пошли ехидные комментарии по поводу этой семейной идиллии).

- Я же вам говорил, господин Янаки, что этот вопрос решат не военные, а политики, - сказал хозяину оружейного магазина его сосед, пришедший в госпиталь навестить потерявшего руку ближнего своего.

Господин Янаки как-то зло посмотрел на своего соседа. Честное слово, нехорошо посмотрел. С его стороны было очень некрасиво так смотреть на человека, который пожертвовал своим временем - а время - деньги, господа, - для того, чтобы принести ему фунтик-другой свежей клубники - не дешевое удовольствие по нашим временам, господа! - и справиться о здоровье.

Молодой тем временем сел в черный "руссо-балт" и отбыл в Форос - летнюю резиденцию крымского времпремьера.

Бдительные зрачки восторженных телекамер зафиксировали рукопожатие Кублицкого-Пиоттуха и Генерального Секретаря ЦК КПСС. В тот же вечер специальный отдел Комитета Глубинного Бурения передал видеокассету с записью этой церемонии в руки Замкнутого, который уединился на даче с еще семью членами Политбюро - для принятия финской бани и обсуждения возникшей проблемы.

- Я всегда говорил, робяты, что верить ему нельзя, - авторитетно заявил Седой, - только избрали - сразу шасть с белогвардейцами ручкаться!

- В стране начинается черт-те что, - поддержал Замкнутый. - Нужно срочно принять меры.

- Зря мы, что ли, кровь проливали? - поддержал Маршал, тот самый, первый, у которого было плохо с сердцем.

- Я думаю, - сказал Тугодум, - что нужно малого того... немного в чувство привести. Как кукурузника, пухом ему земля нехай...

- Пожалуй, настал момент, когда власть в стране должен взять на себя коллективный орган управления, - подытожил Замкнутый.

- Хорошая мысль, - согласился Окающий. - Назвать его, скажем, "Комитет по чрезвычайной ситуации".

- "*Государственный* комитет по чрезвычайной ситуации" - со значением поправил Замкнутый.

***

Чтобы понять, как к этому отнеслись форсиз, нужно вспомнить настроения тех лет в Советском Союзе и в Крыму.

Триумфальный успех Одесской высадки и разгром Керченского десанта отнюдь не сделали армию самым популярным социальным институтом Острова. В строку армейцам ставили всякое лыко: и что они первыми вероломно напали, и что погибали мирные жители, и сокрушительные бомбежки первой недели мая, и конфискацию кораблей для операций "Морская звезда" и "Летучий Голландец", и якобы жестокости, творимые во время Одесской высадки, и высокие потери во время той же высадки. Каждая газета считала своим долгом просклонять армию в целом и всех командиров персонально. Верещагин оставался самой одиозной фигурой. В нем видели то ли военного маньяка вроде Людендорфа, то ли пропагандистскую марионетку, "бумажного солдатика", как написал таблоид "Зеркало". Верещагин сохранял душевное равновесие методом профессора Преображенского; только распространял понятие "за обедом" на любое время суток, а понятие "большевистские газеты" - на все газеты вообще. Был только один неприятный инцидент с карикатуристом "Сплетника" Джеком Алибеем, нарисовавшим карикатуру на "Вдову, которая сама себя трахнула". В тот же день в редакцию "Сплетника" на тридцать четвертом этаже симферопольского небоскреба "Этажерка" вошли двое мужчин в джинсах и черных тишэтках, один здоровенный, другой калибром поменьше, с неподвижным и страшным лицом. Здоровенный раскидывал секьюрити, как кегли (учитывая специфику таблоида, освещающего в основном сексуальные скандалы, секьюрити было немало), второй следовал за ним как канонерская лодка за крейсером. Таким манером они дошли до кабинета художников, выгнали оттуда всех, кроме Алибея, после чего закрыли дверь изнутри. Секьюрити в количестве шести человек пытались высадить дверь, но ее явно держало что-то покрепче декоративного замка. Вопли Алибея раздавались из-за двери в течение трех минут, потом стихли. Оба налетчика вышли из кабинета, и никто не посмел их остановить. Джек Алибей сидел под батареей у открытого окна и тихо скулил, штаны, рубашка, галстук и пиджак были мокры спереди и пованивали. Очки Джека нашли на тротуаре в двух кварталах: отнесло ветром. В полицию Алибей заявлять не стал. Юридическая консультация капитана Пепеляева дала всходы: нет заявления - нет преступления.

Но Верещагину, который мог самоизолироваться, погрузившись в работу, было легче, нежели многим другим военным, особенно резервистам. Они ссорились с соседями и друзьями, расходились с женами, разругивались с деловыми партнерами. Их детей травили в школах, колледжах, институтах; в кафе и ресторанах официанты старательно не замечали людей в военной форме; в некоторых магазинах, мастерских, парикмахерских при виде входящего военного выставляли табличку "закрыто на обед", в иных барах писали на двери: "No militaries allowed"; зайти в бар в одиночку для солдата стало самым верным способом подраться.

Неудивительно, что проект "Дон" был одобрен: военнопленные казались гараздо более надежным контингентом, чем жители Острова Крым.

В СССР десятилетия антикрымской пропаганды дали обратный результат, в полном соответствии с законами диалектики. Сталин поступал умнее, чем Хрущев, в упор не замечая Крыма. При Брежневе началась подспудная реабилитация белогвардейского движения. На кино- и телеэкранах появились симпатичные белогвардейцы. Конечно, все они были отрицательныыми героями, но на фоне красно-серого положительного героя, изготовленного строго по советским канонам, белогвардеец смотрелся ярче. Сначала появился "Адъютант его превосходительства", где на всю белую когорту был только один бесспорный гад, а остальных даже как-то хотелось пожалеть; потом все рекорды популярности побила лубочная трилогия о неуловимыех мстителях - белые там, как

положено, bad guys, но все-таки не исчадия ада, как в фильмах 20-х годов. "Здравствуй, русское поле - я твой тонкий колосок!". В фильме "Служили два товарища" белогвардейца играет всенародный идол, суперзвезда Владимир Высоцкий, и он откровенно симпатичней, чем красногвардейцы Быков и Янковский вместе взятые. Правда, Высоцкий сыграл и красного подпольщика в фильме "Интервенция", но этот фильм пылился на полках.

Абстрактный белогвардеец в советском сознании представал романтическим персонажем; то, что он выступал на "неправильной" стороне, добавляло образу темного очарования; предопределенная обреченность порождала сочувствие. "Раздайте патроны, поручик Голицын" - такая песня *не могла быть написана* в Крыму. Недовольство режимом, еще неосознанное, выплескивалось именно в увлечении белогвардейской романтикой. Ладно, Гумилева читал даже не каждый сотый, не говоря уж о настоящих белогвардейских поэтах, но одна из самых популярных в Союзе песен начиналась словами "Ваше благородие", и пел ее хоть и не белый, но все же отставной царский офицер.

Поэтому попытка создать образ врага с началом крымской войны провалилась; многие даже не сразу поверили, что идет война, по привычке воспринимая пропаганду с точностью до наоборот.

Свою роль сыграло и заторможенное восприятие реальности советскими СМИ: каждое поражение, полученное от белых, дня два замалчивалось, а когда скрывать его становилось невозможно, все подносилось в настолько перекрученном виде, что концы не сходились с началом. Пробудить истерию "Наших бьют!" советская пропаганда так и не смогла, потому что слишком долго определялась: так бьют или нет? Даже самые ортодоксальные советские граждане включали Би-Би-Си, чтобы услышать последние новости: от англичан было больше толку. Вот так и взлетела ракетой на советском небе неверная звезда Артемия Верещагина.

По иронии судьбы, та самая пропагандистская кампания, которую ОСВАГ инспирировал для Крыма и всего "свободного мира", самый оглушительный успех имела в Советском Союзе.

Герой-одиночка - заметная фигура в любой культуре. Природа этого, наверное, в стадном инстинкте человека: мы, чтобы выжить, собираемся до кучи, а этот - один; и если он еще жив, значит, он крут неимоверно. Советская же культура на героев-одиночек вообще бедновата; подвиги положено совершать большой, хорошо организованной компанией, по заданию партии и правительства. А свято место пусто не бывает - вот и висели по студенческим общежитиям портреты Че Гевары. Но Че - это был кумир прошлого поколения, "беби-бумеров", детей победителей. Они тогда еще не изверились. А этим, "вскормленным пеплом великих побед", команданте уже не годился. Пацанское фрондерство и поиск идеала в произведении дали такой образ врага, что закачаешься: советская молодежь увлеклась белогвардейским офицером. В моду вошли черные футболки, береты и шейные платки: болтали, что у корниловцев именно такая форма. Черная трикотажная ткань и черные красители для материи тут же стали дефицитом. Модников били, таскали в КГБ, прорабатывали на собраниях, гнали из комсомола и пионерии - не помогало. "Усилить работу с молодежью!" - рявкнула партия; комсомол ответил: "Есть!". Молодежь собирали в кучки и мариновали в актовых залах: завоевания отцов и дедов! Дорогой ценой! Не отдадим! Отскакивало, как горох: зерна отольются в пули, пули отольются в гири, таким ударным инструментом мы пробьем все стены в мире...

Агитпроп перебздел. "Белое солнце пустыни" запретили к чертовой матери. Анатолию Кузнецову и Спартаку Мишулину отказали везде, Мотылю зарезали бюджет нового фильма, Ибрагимбеков с Ежовым получили назад свои уже принятые сценарии с виноватыми объяснениями и тыканьями пальцем в потолок. Снимать по этим сценариям должны были Митта и Михалков, так что их проекты тоже накрылись. Булата Шалвовича Окуджаву запретили, потом последовал запрет на ряд безобидных фильмов вроде

"Соломенной шляпки", к которым Окуджава писал песни. На всякий пожарный задраили иллюминаторы всем бардам: ну их к монахам, ненадежные они какие-то, как где гитара - там обязательно антисоветчина. Маразм крепчал. Когда министру культуры доложили, что из Третьяковки, Пушкинского и Русского музеев убрали в запасники полотна сами понимаете, какого художника, министр культуры не выдержал: "Вы что, охуели?"

А чем запретней плод, тем он, известно, слаще. Чтоб было понятно: десять лет спустя такая же истерия была по поводу Виктора Цоя.

ЭТОГО Востоков наверняка не планировал, но фамилия. свою роль сыграла. Nomen est omen.

На следующий день после своего избрания новый Генсек выступил по телевидению в прямом эфире. Это выступление собрало у экранов больше народу, чем "Следствие ведут знатоки" вместе с Глебом Жегловым и Будулаем. Генсек говорил БЕЗ БУМАЖКИ!!!

Смысл его речи поймать было трудно, но поняли так, что ведется о Крыме. И - небывалое дело! - упоминая Восточное Средиземноморье, Генсек вполне обходился без "врангелевских последышей", "белогвардейского отребья" и "пособников мирового империализма". Напротив, речь шла о "трагической ошибке", о разверзшейся "пропасти между двумя братскими народами". Война должна быть закончена любым путем, народы должны воссоединиться.

Что конкретно будут делать, никто не понял: то ли подписывать мир, то ли кидать на Крым ядрену бомбу.

Через две недели, как уже было сказано, Генсек потряс всех: полетел в Крым на переговоры.

Итак, крымское коллективное бессознательное было готово принять мирный договор с СССР; советское коллективное бессознательное было готово принять Крым.

Оставалась при этом неучтенной только одна сила, вернее, силы - forces in English.

***

- Провокация, - выпустил с дымом Шевардин. - Я по-другому это не могу называть: провокация!

- Успокойтесь, Дмитрий.

- Я спокоен. Они ведут переговоры за нашей спиной, но я спокоен. Они хотят всех нас сдать снова, теперь уже наверняка, но я спокоен. Я спокоен, мать вашу так!

- Мы еще не знаем, о чем они ведут переговоры, - заметил Шеин. - Мы не знаем, на каких условиях будет подписан мир.

- Вы отлично знаете, что ни на какие другие условия, кроме присоединения к СССР, они не согласятся. И вы отлично знаете, что на присоединение не согласимся мы. Если я не прав, почему в переговорах не участвует никто из командования? Ни Адамс, ни Кронин, ни Берингер... Да перестаньте же вы!

Последнее относилось к Верещагину, который, сидя в кресле с ногами, перебирал самшитовые четки. Костяшки мерно щелкали, соскальзывая по нитке, это и вывело Шевардина из себя.

Какую-то секунду Шеину казалось, что сейчас Верещагин накричит на Шевардина в свою очередь или ударит его. Но тот спокойно сказал:

- Хорошо, - и отложил четки.

Ждали Кутасова, тот не ехал. А меж тем ночь перевалила за полночь и как-то незаметно начала становиться утром. Шеин в половине второго извинился и заснул в

одной из комнат для гостей, заведя наручный будильник на пять утра. Он знал хороший способ легко проснуться вовремя: лечь одетым.

Когда он спустился на веранду, картина не изменилась: Шевардин метался из угла в угол, Верещагин перебирал четки. Если он занимался этим все три с половиной часа, немудрено, что Шевардин взбесился. Впрочем, и манера дроздовца ходить по комнате взад-вперед, на взгляд Шеина, не располагала к душевному равновесию.

Команда психов. Один весь в себе после разрыва с женой, второй весь вне себя от того, что его не допускают к переговорам...

- Послушайте, Шеин! - Дмитрий забарабанил пальцами по стеклу. - Кутасова нет, может быть, придется принять решение без него.

- Какое решение? - Шеин сделал вид, что не понимает.

- Вы сами понимаете, какое.

- Скажите вслух. Я хочу услышать...

- Нас предают. - Шевардин слегка ударил кулаком в раму. - Эта победа куплена нашей кровью, а теперь ее продают красным за грош. Я хочу потребовать сепаратного мира. Взять Кублицкого за его старую задницу, заставить изменить условия мирного договора...

- На здоровье. Потребуйте у премьера показать вам протоколы. Зачем впутывать нас?

- Боже, да перестаньте валять дурака! Мы создали платформу для этих переговоров, и мы должны диктовать условия! Мы, армия! А не кучка политиканов, которые отсиделись под метлой, а теперь корчат из себя правительство. Арт, да скажите же вы ему, почему вы молчите все время?!

- Это пройдет, - сообщил Верещагин.

- Что? - опешил Шевардин.

- Надпись такая была на кольце у царя Соломона. Снаружи было написано: "Это пройдет". А внутри - "И это пройдет".

Шевардин грохнулся в кресло, обхватил руками голову.

- Вы что, не понимаете? Или не хотите понимать? За что мы воевали? За что мы дрались, Арт? Помните ту ночь на первое мая, когда вас чуть ли не волоком притащили в Главштаб? Помните, что вы говорили: взять и победить? Ну, неужели вас купили так дешево: полковничьими погонами? Так их очень быстро с вас снимут! Еще раз вспомните ту ночь: вы для них ничто! Мы с Валентином Петровичем, может, еще отсидимся, но вам расчитывать не на что, с вами разделаются в первую очередь...

- И что же вы предлагаете? Конкретно. Я, как и Валентин Петрович, хочу услышать.

- Господи воззвах к тебе... Хорошо, будь по-вашему, все равно Кутасова нет. Я предлагаю объявить боевую тревогу нашим дивизиям. Сместить Кублицкого, выгнать с Острова этого коммунистического бонзу...

- Понятно. И вашему конвою опять нужен Резиновый Утенок? - Арт почесал левую руку, где на сгибе локтя был приклеен никотиновый пластырь. Шеин на секунду посочувствовал: сам он бросал курить несчетное количество раз, пользовался в том числе и этими нашлепками - все впустую.

- Я нахожу эти аллюзии неуместными.

- А я - вполне уместными. Потому что Корниловская дивизия сейчас еще не в том состоянии, чтобы представлять собой какую-то военную силу. Но вы с одиннадцати вечера обрабатывете меня, а не полковника Шеина.

- Да. Потому что вы один в некотором отношении стоите больше, чем вся ваша дивизия.

- Ну что ж, слово наконец-то сказано, - проговорил Шеин. - Нас позвали на эту чудесную загородную виллу, чтобы уговорить участвовать в военном мятеже.

- Я не понимаю, что вас так беспокоит, полковник, - скривился Шевардин. - Вроде бы вы один раз уже участвовали.

- Минутку! Это не был мятеж. Форсиз восстановили законное правительство.

- Вот! Мы восстановили - а где благодарность? Я уж не говорю о чести - буржуа это слово неведомо; где элементарная человеческая порядочность?

- Давайте остановимся на житейском здравом смысле, - предложил Верещагин. - Вы возьмете власть, выгоните партийного бонзу - что дальше?

- Дальше? Дальше мы перестаем быть азиатским аппендиксом и присоединяемся к цивилизованому миру.

- Что вы имеете в виду, говоря "цивилизованный мир"? - поинтересовался Шеин, заправляя кофеварку. - North Atlantic Treaty Organization?

- Да! И нас признают как независимое государство. И нам оказывают военную помощь, которая будет такова, что СССР носа в Черное море не покажет!

- Я не люблю таких маниловских прожектов на голом месте, - сказал Шеин. - Вы что, получили какие-то гарантии?

- Да.

- От кого же?

Шевардин назвал имя. Шеин присвистнул.

- И это значит, что мы должны будем разместить на своей территории "Першинги", - тихо сказал Верещагин.

- А вы что предпочитаете - "Сатану"? - Дроздовец снова выскочил из кресла. - Как вы сами говорили - превратиться в дачный поселок для красной элиты?

Верещагин шумно вздохнул.

- Поеду я, - сказал он.

- Куда?

- Домой. В свою холостяцкую берлогу.

- Постойте, Арт... Погодите! Ну послушайте же вы меня, вы тут самый здравомыслящий человек, пораскиньте немного мозгами, что нам всем дает мое предложение!

- Это не ваше предложение. Это предложение, умело внушенное вам сами знаете, кем, а сейчас вы играете в "испорченный телефон". Я слушал вас шесть часов, послушайте и вы меня: если бы ваше предложение действительно открывало какие-то возможности, я бы ни секунды не колебался. Но это - тупик. Больше того, это тупик, который может кончиться ядерным кризисом. Вас смертельно обижает, что переговоры ведутся без вашего участия? А вы не подумали, что сам по себе приезд советского лидера фактически во враждебную страну - акт экстраординарный? Вы не подумали, скольких усилий это могло стоить нашей разведке? В кои-то веки мы обзавелись таким агентом влияния в СССР - а полковник Шевардин предлагает гнать его обратно! Он предлагает поменять этого человека, который полностью находится сейчас в наших руках - на неверные гарантии НАТО, которые могут стоить столько же, сколько гарантии Антанты в 20-м. Вы думаете, ко мне не подъезжаои на этой козе? Кстати, не вы ли говорили, что проект "Дон" - предательство и, цитирую, плевок армии в морду? - конец цитаты...

Шевардин не сумел удержать лицо.

- Откуда вы узнали?

- А вы рассчитывали, что не узнаю? Штабисты сплетничают не хуже бахчисарайских торговок. Дело в другом: восхищаясь тут моим здравым смыслом, вы попросту лицемерили.

Шевардин на минуту потерял голос.

- Святоша... - просипел он. - Моралист хренов. Выскочка... Я - лицемерил...? А как тогда назвать то, что ты сделал? Если мы сейчас... сдадимся Союзу... Если вся эта кровь, что лилась из-за тебя... лилась зря... То она вся на твоих руках, Верещагин! Вся, до последней капли! И ты ее не смоешь. Я тебя понял, Верещагин. Я тебя поймал. Ты вроде

Лучникова. Только ты хочешь наоборот: не Крым отдать Союзу, а Союз - Крыму. Вербуешь их в нашу армию? Хочешь спасти их души? Ни хрена у тебя не выйдет: у них нет душ, у них там труха. Они это крестиком вышили на твоей шкуре, а если ты еще не понял этого, то ты просто дурак.

- Дмитрий Сергеевич, возьмите себя в руки. Тошно на вас смотреть...

Шевардин открыл рот и хотел сказать еще что-то, но тут по стенам пробежал блик от машинных фар, а во дворе под шинами зашуршал гравий.

- Кутасов, - сообщил Шеин, выглянув в окно.

По лестнице из гостиной поднимались двое. Кутасов и Воронов.

- Полковник Шевардин, вы арестованы по обвинению в заговоре, - сказал Воронов. - Оставайтесь в кресле, руки на стол.

- Ф-фух... Как он мне надоел... - Верещагин отлепил от сгиба локтя никотиновый пластырь. - Забирайте ваше имущество, полковник.

- Спасибо, - Воронов отлепил плоский микрофончик и спрятал в карман.

Шевардин переводил взгляд с одного на другого, и наконец остановил его на Верещагине.

- Сука, - жутко сказал он. - Стукач. Поганый доносчик. Красноармейский выблядок. Цыганская рожа... Главштабовский жополиз. Рогоносец...

- Полегче, господин полковник... - лицо Верещагина оставалось неподвижным. - Князь Волынский-Басманов сказал значительно меньше... Правда, я тогда хуже держал себя в руках и был в худшей форме. Вы ведь потом не встанете.

- I wish you were tortured to death!

Верещагин еще какое-то мгновение, казалось, был готов ударить, а потом сник.

- Я могу идти, господин Воронов? Я устал и хочу спать...

- Нет, Арт, к сожалению, - ответил за осваговца Кутасов. - Сейчас мы трое поедем в Главштаб. В СССР военный переворот.

- Что?

- Путч. Власть захватили ортодоксальные коммунисты.

Шевардин внезапно расхохотался, показывая пальцем на Верещагина. Они уже спускались по лестнице вниз, навстречу им поднималась охрана, а сверху все доносился смех...

- Не принимайте слишком близко к сердцу, - Кутасов истолковал выражение лица Верещагина по-своему. - Он вышел из себя и говорил не то, что думал.

- Да нет, именно то, что думал...

Мимо летели черно-желтые столбики ограждения, море за ними обретало цвет.

- Мы потеряли еще одного хорошего командира дивизии, - покачал головой Артем.

***

С утра по всем советским каналам шло "Лебединое озеро".

Молодой метался по анфиладам Форосской резиденции, разом похудев килограмм на пять. В одиннадцать утра временный премьер Кублицкий-Пиоттух все-таки смог встретиться с ним.

Встреча продолжалась около четырех часов, после чего высокие договаривающиеся стороны пообедали, и вновь сели за стол переговоров.

К десяти часам вечера основные договоренности были достигнуты. Остров Крым прекращал войну против СССР и присоединялся к Союзу на добровольной основе, сохраняя свой государственный строй, свои законы, свою валюту и свою армию. Это было заверено подписью Генерального Секретаря ЦК КПСС.

Оставался сущий пустяк: разобраться с кучкой узурпаторов, объявивших себя Государственным Комитетом по Чрезвычайным Ситуациям.

Крым не спешил огласить договор. На переворот в СССР он ответил гробовым молчанием. Вернее, прошла информация об официальном ужине, который дал Временный Премьер в честь советского лидера. Камера позволила любопытным оценить туалет супруги Генерального Секретаря и посочувствовать самому Молодому, который никак не мог обжиться в смокинге.

***

Москва, ночь с 20 на 21 июня 1980 года

...Мирный пассажирский "Боинг-747" совершал регулярный рейс "Стамбул-Москва". На борту он нес около трех сотен пассажиров и несколько тонн их багажа.

Он сел в аэропорту около 10 часов вечера.

Через пятнадцать минут "Шереметьево-2" прекратило все рейсы. Прилетавшие самолеты садились на резервную полосу и отводились к терминалам на неопределенный срок. Комендант аэропорта отказывался сообщить, когда их отпустят. По правде говоря, ему было совсем не до них: аэропорт принимал один за другим "Антеи", на которых в Москву перебрасывался 549-й мотострелковый полк под командованием полковника Милютина.

По тяжелым, мощным аппарелям съезжали из чрева воздушных машин БМП и танки, а самолеты, разгрузившись и заправившись, начинали очередной разбег по полосе.

Кроме 549-го мотострелкового полка была переброшена еще одна часть. Ее машины отличались от советских БМП даже в темноте.

Командир Таманской дивизии, получив около полуночи тревожный звонок от Государственного Комитета по Чрезвычайной Ситуации, пообещал как можно скорее ввести в Столицу войска. Но почему-то вверенная ему дивизия не торопилась пересекать линию Кольцевой Дороги.

Дело в том, что еще раньше комдив получил другой звонок - от коллеги, в ведомстве которого находилась Кантемировская дивизия. В голосе коллеги звучали сомнения. Достоверно было известно: КГБ не поддерживает ГКЧС. "Альфа" сейчас прикрывает в аэропорту высадку неизвестной части. Часть советская: машины наши.

Положение усугубилось третьим звонком: из Шереметьево-2 позвонил свергнутый было Генеральный, который потребовал поддержать законную власть Генсека и пригрозил всеми карами земными тем, кто будет выступать на стороне путчистов.

Четвертый звонок - снова из ГКЧС - содержал еще более категоричный приказ выбросить врага из Шереметьево и не допустить его до самой Первопрестольной.

Комдивы приняли соломоново решение. Как только их дивизии были готовы, они отдали приказ на выступление. Но, поскольку в таких вопросах ничего не решается и не делается с кондачка, подготовка была проведена очень тщательно и заняла немало времени. К тому времени, как войска дошли до Москвы, оказалось, что враг уже в городе. Дабы избежать жертв и разрушений, обе дивизии заблокировали все выезды из столицы. Верные Генеральному Секретарю войска теперь можно было уничтожить довольно быстро. Но почему, собственно, комдивы должны выступать против Генерального - против законной власти! - и поддерживать ГКЧС, если еще не ясно, кто кого?

Холодный и чистый, как колодезная вода, майский рассвет застал кордоны 549-го мотострелкового полка на окраинах Москвы против кордонов Таманской дивизии.

Старший лейтенант - таманец Полупанов - выбрался из своего танка на броню, достал из кармана пачку сигарет и чиркнул зажигалкой. Колесико вылетело и, отпрыгнув от брони, укатилось в придорожную траву.

Костя Полупанов выматерился, потом крикнул в сторону заставы противника:

- Эй, ребята! Спички есть?

Из танка вылез офицер с погонами лейтенанта и бросил Косте что-то, тускло блеснувшее в утреннем свете.

Полупанов легко поймал добычу одной рукой - тяжеленькая латунная зажигалка исправно вспыхнула ровным треугольным пламенем и внесла свой вклад в отравление молодого организма никотином.

- Спасибо! - крикнул Костя, бросая зажигалку обратно. Настоящая "Зиппо", отметил он запоздало. И где только взяли...

Костя Полупанов был парнем невеликого ума, да еще и не выспавшимся. Иначе он задал бы себе вопрос: а что это за 549-й полк, и откуда он тут взялся?

Любой из офицеров организационного отдела генштаба рангом повыше сказал бы Косте, что 549-го полка не существует в природе.

Э, нет, господа. Может, 549-го полка и не существует, но зажигалка "Зиппо", от которой прикурил Костя Полупанов, была вполне реальной.

А вот офицер аналитического отдела ГРУ на это ответил бы: правильно, 549-го полка не существует в Советской Армии, а вот в Крымских вооруженных силах он очень даже существует. Только он более широко известен неофициальным названием: это так называемый "Красный полк", организация и вооружение которого в точности повторяют организацию и вооружение советского мотострелкового полка.

Но в эти высокие материи Костя Полупанов совершенно не вдавался. Он надел шлемофон и залез обратно в танк - ожидать дальнейшего поворота событий. Прикажут - он шваркнет из пушки в парня, давшего ему закурить. А тому прикажут - он шваркнет в Костю. А может, никто ни в кого не шваркнет, а они мирно разъедутся..

Такой исход событий устраивал лейтенанта Полупанова больше всего.

К вечеру телефоны в Кремле замолчали. Те, кто еще вчера клялся во всемерной верности хозяевам страны, сегодня наперебой звонили в Шереметьево, передавая Молодому заверения в своей по-гроб-жизни лояльности. Молодой, твердо зная цену этим заверениям оптом и в розницу, тем не менее перестал глотать димедрол. В конце концов, качинцы, держащие аэродром под контролем, как минимум, помогут ему смыться.

Но все же он не решался ехать в Москву, пока ГКЧС не сдастся официально.

Добило ГКЧСовцев известие о том, что командиры военных округов предали. Еще бы они не предали: с падением высшего армейского эшелона, поддержавшего ГКЧС, открывался такой широкий и светлый путь наверх, что у генералов закружились головы.

Власть, еще вчера такая плотная, осязаемая, внезапно рассыпалась в руках и утекла между пальцами, как песок... Да нет - как пепел. Именно это, а не страх ареста, позора или смерти, ранило Портретов больнее всего.

Первым не выдержал Министр Внутренних Дел. Запершись в своем кабинете (оттуда открывался прекрасный вид на перекрывшие улицу "Святогоры"), он достал из сейфа бутылку водки и пистолет. Тридцать пять лет беспорочной службы, дача в Завидове, "кремлевка", загранпоездки - все обернулось дерьмом и ухнуло в ту самую трубу. МВДшник выпил прямо из горла, закусил сосиской из банки. Он не мог пить, не закусывая, его от этого тошнило. То, что им будут шить - это 62-я статья, измена Родине. В лучшем случае - лагерь "Белый Лебедь". Что такое "Белый Лебедь", генерал знал не понаслышке. Поэтому он осушил бутылку до половины. Этого, решил он, пожалуй хватит. Только бы не было осечки... Если будет осечка, силы второй раз нажать на курок он не найдет, сколько ни выпьет.

Но, уже поднося пистолет к виску, он все-таки надеялся и молился, чтобы вышла осечка, а вдруг случится чудо и все пойдет в правильную сторону, и в "Белый Лебедь" запроторят суку Молодого... Надежда трепыхалась в нем до последней секунды, и выплеснулась через здоровенную дыру в башке, потому что осечки не было...

Вот после этого ГКЧСовцы капитулировали.

* Перифраз строчки из Огдена Нэша. "Грех упущения - менее гласный, но зато он самый опасный, что причиняет истинны страдания".

23. Drumming-out

Командующий армией в своих действиях, успех которых никогда не обеспечен, ...не должен бояться судебной ответственности. Он несет совсем иную ответственность перед Богом за жизнь многих тысяч людей и за благо государства. Он теряет нечто большее, чем свободу и состояние.

Мольтке-старший, "Военные поучения"

Неблагодарное это занятие - бить красных.

Фильм "Свой среди чужих, чужой среди своих"

Ялта, 21 июля 1980, 1130-1230

Двое генералов сидели по разные стороны длинного дубового стола чиппендейловской работы. У них был усталый вид, как, впрочем, и у всех высших политиков в Крыму и в Союзе. Ночами они участвовали в закрытых совещаниях, где обсуждали условия, выдвинутые сегодня противной стороной и решали, какие из них принять, какие - отклонить, о чем можно торговаться и спорить, а что не подлежит обсуждению. Утром же они возвращались за стол переговоров, и снова нащупывали дорогу к согласию, громоздя компромисс на компромисс и натыкаясь на завалы запретов.

Существование форсиз как части Советской Армии постепенно приобретало таким образом какие-то правовые рамки. Остров Крым надежно швартовался к советскому берегу - то ли трофей, то ли брандер.

Но, кроме вопросов важных, касающихся количества и размещения войск, совместных учений и охраны границ, были и вопросы, неважные на первый взгляд, но имеющие принципиальное, идеологическое значение.

- Что насчет пункта восемнадцать-а? - спросил советский генерал, получивший ночью послабление насчет этого пункта и строгое указание насчет пункта восемнадцать-б.

- Этот вопрос не подлежит обсуждению, - ответил генерал Павлович, получивший строгое указание насчет пункта восемнадцать-а и послабление относительно восемнадцать-б. - Ни один участник проекта "Дон" не будет выдан, ни один крымский офицер, совершивший против советских военнослужащих воинское преступление, не покинет территории Острова. Все они останутся здесь или понесут наказание здесь. Мы согласны на советских наблюдателей, которые могут присутствовать на судебных процессах, на совместные трибуналы, но отсюда наши военные преступники никуда не уедут.

- Но это же несправедливо. Советские военнослужащие, которые совершили воинские преступления, в таком случае тоже должны быть подвергнуты нашему трибуналу на нашей территории.

- При наличии крымских наблюдателей и людей из Гаагского трибунала? - спросил Павлович.

- Мы согласны на присутствие крымских наблюдателей и людей из Гаагского трибунала, - кивнул советский генерал. - Но у вас, кажется, есть кое-какие замечания, так сказать... персонального характера.

- Мы решительно требуем выдачи всех интернированных. Подчеркиваю: всех. Поименно, согласно спискам. Крымские политические деятели должны уже завтра оказаться на территории посольств Великобритании, Франции, США, Швеции и Норвегии.

Советский генерал на несколько секунд опустил веки, словно обсуждая сам с собой требование противной стороны.

- У нас есть свои требования. Некоторые крымские военные преступники... Во всяком случае, виновники этой провокации... Поймите, мы не сможем достигнуть никаких соглашений, если этот человек будет по-прежнему командовать дивизией. Он должен понести ответственность за свои действия. Кто-то должен нести за все это ответственность... СССР ждет от Крыма жеста доброй воли...

- И... насколько широкого жеста?

- Это не такой уж принципиальный вопрос, - сказал советский генерал. - Никто не требует крови... Но продемонстрировать добрую волю необходимо.

- Согласен.

- Мы можем считать, что достигли соглашения по пункту 18?

- Пожалуй, можем, - кивнул Павлович.

***

Аэро-Симфи, 25 июля, 1050 - 1120

- Сигарету, полковник? - предложил подполковник Огилви.

- Спасибо, я не курю.

- Тогда виски?

- В такую жару? - удивился Верещагин.

- А как еще прикажете переносить весь этот балаган? - подполковник с ненавистью одернул парадную форму. - Почетный караул, hell damn this world! Или вы скажете, что вам это нравится?

- Не нравится, сэр.

- О, господи - командир Корниловской Дивизии говорит мне "сэр"! Меня зовут Брайан, господин полковник. Не "сэр", а Брайан... Я так и понял, что это наказание! Самое подлое наказание, которое они смогли придумать - вот этот самый "почетный караул". Стой тут, увешанный аксельбантами, как елка на Xmas... Потей... И еще этот drumming-out.

- Не понял?..

- Drumming-out, я говорю! Вы плохо понимаете английский? Чертов спектакль. Когда из самолета покажется Лучников и эта его команда, мои ребята будут по мере их продвижения выполнять команду "налево-кругом". Знаете, полковник, исходи эта инициатива от них самих, я бы только порадовался. Но когда вонючие штабисты, которые еще два месяца назад хлопали Лучникову так, что у них потом ладони зудели три дня, когда эти buggers приказывают мне устроить "выбарабанивание"... Куда вы?

- Простите, мне нужно поговорить кое с кем из моих людей.

В толпе танкистов Барлоу выделялся в первую очередь ростом. Самый высокий изорлов-алексеевцев мог бы достать ему макушкой до кончика носа, если бы встал на цыпочки.

- Сережа! - окликнул его Арт. - На два слова.

- ...Тот, кто был зачат непалкой и непальцем, - объяснил танкистам поручик, выбираясь из их толпы.

Танкисты захохотали, их вахмистр хлопнул Барлоу по плечу.

- Слушаю, ваше высокоблагородие! - Сергей вытянулся перед Верещагиным.

- Подполковник Огилви поведал мне о любопытных планах командования, - тихо сказал Верещагин. - Кто-то из устроителей нашего маленького праздника хочет учинить Лучникову "выбарабанивание". Ты случайно не в курсе?

Сергей смутился. По лицу было видно, что он в курсе.

- Так. - Верещагин расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и ослабил узел галстука. - Тогда вопрос: почему не в курсе я?

- Его благородие... - Барлоу слегка покраснел, - велел, чтобы... Ну, одним словом, он не велел вам говорить.

- Подполковник Ровенский не велел говорить мне о своих планах?

- Это не его планы.

- Добро... - Верещагин задумался на миг, - Сергей, я хочу видеть батальон до последнего человека. Через пять минут.

- Слушаюсь, сэр!

Мгновенное движение в толпе, серия окликов, и вот измассы разнородных мундиров выделились и выстроились четыре шеренги в хаки с черным - корниловские горные егеря.

Но, позвольте, где же полковник, который так хотел сказать своим подчиненным что-то важное? Вместо него как из-под земли вырос поручик-распорядитель.

- Очень хорошо, поручик, очень хорошо, - сказал он. Следуйте за мной... Не беспокойтесь о своем командире, беспокойтесь о том, как встать на разметке...

Кругом уже шли построения, суета, крики сержантов, пробовал голос военный оркестр, на балконе для провожающих пенилась букетами толпа гражданских, спотыкаясь о кабели, носились телевизионщики, щелкали затворы фотокамер, звезды фотовспышек за доли секунд проживали свою краткую жизнь...

Тяжеловесный и изящный, как лебедь, "Боинг" заходил на посадку.

Верещагина же тремя минутами раньше отозвал другой штабной офицер, поручик.

- Главнокомандующий убедительно просит вас подойти к нему.

Что сделаешь, когда такие люди убедительно просят, это значит, что они требуют. Верещагин пошел за своим сопровождающим.

Главнокомандующего, сиречь полковника Адамса, здесь не было. Вообще никого из командования не было - секундой позже Верещагин различил на летном поле четыре черных лимузина "руссо-балт" с флагами дивизий. Здесь же наблюдались люди в немалых чинах, но все - порученческого сословия.

- Быстро изложите мне суть дела, господа, - краем глаза он видел, как строится на летном поле четвертый батальон, как напротив выстраивается полк Огилви, а "Боинг" уже тормозит на взлетной полосе... - Построение идет, мне нужно успеть сказать ребятам два слова.

- Вы останетесь здесь, полковник, - адъютант Адамса смотрел словно сквозь него.

- Зачем?

- Какая вам разница? Стойте спокойно, потом вернитесь. Все.

Верещагин развернулся и поспешил на летное поле, к батальону.

- Стойте! - заорал ему вслед адъютант. - Стойте, сэр! Это приказ командующего, остановитесь!

Метров через десять адъютанту удалось его догнать.

- Послушайте, вы что, с ума сошли? Немедленно вернитесь!

Арт продолжал движение. "Если он попробует остановить меня, я его ударю".

- Да что за безобразие, в самом деле! - адъютант его высокоблагородия ухватил егеря за рукав.

В толчее и мельтешении последних приготовлений никто не заметил, как щеголеватый поручик отчего-то согнулся пополам и сел на темно-желтую плитку. Никто не обратил внимания и на хамское поведение командира дивизии, который, вместо того, чтобы протянуть руку адъютанту главнокомандующего, ускорил шаг, потом бегом догнал аэро-симфовский кар, на котором телевизионщики катили к месту встречи и подскочил на подножку машинки.

- If you want something done, do it yourself, - сказал он, соскакивая с подножки. Очень своевременная мысль и очень своевременное действие. Он снова побежал. Там, кажется, уже началось...

***

Они ожидали увидеть супермена, победителя "Антика-Ралли", плейбоя, лидера, повелителя умов и сердец...

Они увидели полупомешанного, израненного, испепеленного человека...

...Верещагин успел в самый последний момент и остановился в нерешительности за шеренгой спин. То, что он задумал, казалось идиотизмом - как и все задуманное в последнюю минуту перед осуществлением, когда еще не пройдена, как говорят пилоты, "точка возврата". По большому счету, Лучников заработал то, что ему собирались выдать. И месяц назад Арт с удовольствием возглавил бы строй и скомандовал "Батальон, кругом!". Но то было месяц назад...

Он осматривался, переводя дыхание. "Боинг" подруливал к трапу, никто особенно не обращал внимания на Артема - мундир среди мундиров, лист в лесу. Журналисты выцеливали объективами дверь самолета. Военный оркестр замер в ожидании. Арт разглядел рядом с тамбурмажором человека в штатском, который тоже разглядывал "Боинг" в театральный бинокль. Значит, как только появятся ИОСовцы, этот тип даст сигнал, грохнут барабаны и геройские защитники Крыма повернутся спинами к тем, кто будет выходить из самолета, и те пойдут сквозь строй спин под отрывистые, как удары шпицрутенов, короткие дроби. Drumming-out, процедура позорного увольнения из армии, в свое время перенятая у американцев. Один раз Верещагин принимал в ней участие - еще когда был подпоручиком, и потом три дня ходил как пришибленный - ему снилась эта дробь, жаркое марево лагеря Чуфут-Кале, и слезы в глазах солдата, которого вели вдоль шеренги спин - тридцатипятилетний мужик, ветеран турецкой кампании, в пьяной драке убивший гражданского, плакал, как ребенок... Лучников, пожалуй, не заплачет. Ему и смысл всего этого не будет понятен до конца - это понятно только военному, а особенно - отвоевавшему военному - только что эти люди были твоей семьей, готовые умереть или победить вместе с тобой, вы так много разделили, и вдруг, в одночасье - ты для них никто, пустое место, они тебя не знают и видеть не хотят. Если тебя приговорили к расстрелу - тебе могут посочувствовать, угостить сигаретой, передать последнее письмо и молиться, чтобы именно в их винтовке был холостой патрон. Но если ты приговорен к "выбарабаниванию" - сочувствия не жди. К "выбарабаниванию" приговаривают редко, но за такие проступки, которые и должны караться несмываемым позором.

Появление Лучникова он прозевал. Именно потому, что не сразу узнал в сутулом обтрепанном мужике того усатого Мальборо-мэна, который за последний год примелькался всему Крыму. Почему грохочут барабаны, неужели тип в штатском ошибся... Но человек, что шел по ковровой дорожке мимо "парадного" казачьего батальона, остановился, увидев вокруг себя спины, и растерянно оглянулся. И тут Верещагин его узнал. Узнал и понял: так нельзя. Может быть, ТОТ Лучников и должен был получить свое, но ЭТОТ все уже получил.

Артем, движимый скорее наитием, чем рассудком, шагнул вперед, оттирая плечом Шмидта, сделал еще два шага - чтобы его видели все, вдохнул поглубже и заорал:

- Батальон, смирно! Равнение налево! Барлоу, я вам пока еще командир! Ни один не повернется, ясно?

Несколько человек в строю дернулись было, но, глядя на товарищей, вытянулись во фрунт.

Обалдевшие журналисты притихли. Это что еще за нарушение протокола?

- Слушаюсь, сэр! - радостно откликнулся поручик.

- По-о-олк, смир-ррна! - так же весело гаркнул рыжий невысокий, явно англо-крымского происхождения офицер в "правом" строю.

Барабаны подавились тишиной, никто не понимал, что происходит - ясно было только, что церемония пошла наперекосяк.

Лучников все не трогался с места.Те, кто спускался по трапу за ним, столпились на ступенях, не решаясь идти вперед. Верещагин чувствовал, как вектора внимания смещаются в его сторону. Это было невыносимо. Он не собирался опять становиться всеобщим позорищем - ну, почему я это делаю, я же тебя ненавижу! Ты же мне всю жизнь перепоганил!

Наконец, тишина прорвалась, как ветхая запруда - оркестр грянул "Прощание славянки". Это было так неожиданно и нелепо, что Арт не выдержал - расхохотался. При мысли о том, как он выглядит со стороны, полоснул ужас - но остановиться он уже не мог. Кусая расползающиеся в улыбке губы, резко развернулся на каблуках и бросился прочь, за спины секьюрити, сдерживавших толпу, к группе главштабовских автомобилей навстречу перепуганному поручику Гусарову и разъяренному адъютанту Адамса. Каким-то образом десятка полтора журналистов прорвали строй секьюрити и бросились за ним:

- Полковник, зачем вы сорвали церемонию? Вы изменили свое мнение относительно Идеи Общей Судьбы? Чем вызван ваш смех? Это правда, что вам грозит трибунал? Что вызвало ваше возмущение? Зачем вы...? Как вы..? Откуда вы..?

Перед толпой журналистов затормозил длинный черный "руссо-балт", Артем, не раздумывая, нырнул в открывшуюся дверцу и отгородился от мира тонированным стеклом.

***

Генерал Павлович был краснее и злее перца-чилли.

- Полковник, ваше поведение недопустимо! - приветственный салют генерала естественным образом перешел в возмущенный широкий жест. - Роль телезвезды вам, по-видимому, так понравилась, что вы используете любой случай влезть в камеру! Потрудитесь объяснить свое поведение.

Верещагин оглядел диспозицию. Адамс стоял, отвернувшись лицом к стене, демонстративно разглядывая карту. Ордынцев полностью сосредоточился на своем "Ватермане", вертя его тремя пальцами. Скоблин нечаянно пересекся глазами, но тут же начал смотреть в окно. Казаков не поднимал глаз от стола. Двое полузнакомых полковников - из тех, "московских узников"? - разглядывали его с каким-то неловким интересом.

Его ответ не имеет значения, понял Арт. Здесь все решено, и они просто не знают, как ему это сказать. Поэтому выдвинули на передний край Павловича, который со своей генеральской колокольни вывалит на него все, что ему причитается. Ну, давай. Не тяни кота за хвост. Чем хуже, тем лучше.

- У меня нет оправданий, господин генерал.

- Что значит, нет оправданий? Вы не желаете оправдываться или признаете свою вину?

- Как вам будет угодно. Если человек вашего возраста и положения не видит ничего зазорного в том, чтобы применять выбарабанивание к штатскому, да еще и психически нездоровому человеку - разубеждать его бессмысленно, а из моего положения - просто бесполезно.

- Артем, Артем!.. - краем рта проговорил Казаков.

- Что за тон, полковник? - генерал выпустил в свисток еще одну порцию пара. - Вы полагаете, вам теперь все можно?

- Нет, - Верещагин на секунду прикрыл глаза, сопротивляясь безысходности. - Но и вам можно не все, ваше превосходительство.

- Это возмутительно, господа, - генерал покачал головой. - Полковник Верещагин, я колебался относительно того, отстранять вас от должности или нет на время расследования... Теперь я уверен в необходимости этого шага.

...Нечто похожее он испытал на Пти-Дрю, когда ему на голову и плечи сошел маленький снежничек. Абсолютно безболезненный, но сильный удар обрушился сверху и оглушил, бросив на колени. Придя в себя через секунду, он обнаружил, что обездвижен: завален снегом по шею... Все было как тогда: и полная неподвижность, и детская растерянность, и шок...

- О каком расследовании речь? - собственный голос показался неуместно громким.

- Адамс! - Павлович обернулся к своему заместителю, ныне - начальнику штаба Вооруженных Сил Юга России, с момента вступления в силу Союзного Договора - Крымского Военного Округа.

- Я ничего ему не говорил, господин генерал. Я не мог. Извините...

- Вам предъявлено обвинение в превышении полномочий, самовольном начале военных действий, нападении на своего командира и нарушении инструкции 114-29, - отчеканил главштабовский полковник.

Верещагин расхохотался самым оскорбительным образом - опять совершенно непроизвольно, уже второй раз за день. Ничего не видя сквозь слезы, выступившие от смеха (?), он нашарил рукой ближайший стул, упал на него и смеялся, пока это не прошло само собой. Потом перевел дыхание:

- Сволочи. Что бы вам сделать это на две недели раньше... - и засмеялся снова.

***

Тот же день, 2110, Святая Гора

- Это здесь, - зачем-то сказал Антон.

Маки уже отгорели, но весь склон был усеян каким-то маленькими лиловыми цветами.

Анна Лучникова
1902-1976
Арсений Лучников
1897 - 1980

Мрамор первого креста успел слегка посереть под дождем и ветром. Второй крест был льдисто-белым, той первозданной сверкающей белизны, которой присущ внутренний свет...

Лучников опустился возле могилы на колени. Памела с Антоном стали поодаль.

Арсений Лучников спал под этим крестом на каменном ложе, укрытый, как шинелью, тонким крымским дерном.

Арсений Лучников, сероглазый и курносый, в сморщенной кожице на вырост, дремал на груди у своей матери в новомодной сумке для ношения младенцев.

Они стояли там, на склоне холма, почти у самого подножия, они были там вместе - живые и мертвые, и майстро гнал с моря облака, и век смотрел на закат.

...А потом они вернулись домой.

***

Симферополь, 10 июля, 1340

- Ваше имя, фамилия, отчество.

- Глеб Дмитриевич Асмоловский.

- Звание.

- Капитан Советской Армии, воздушно-десантные войска.

- Личный номер?

- Не помню. Должен быть в деле...

- Вы являетесь членом Коммунистической Партии Советского Союза?

- Да.

- Каким образом вы попали в плен?

- Я был ранен.

- Где и когда это произошло?

- На горе Роман-Кош, в ночь с двадцать девятого на тридцатое апреля.

- Скажите, узнаете ли вы кого-либо из находящихся здесь людей?

Глеб узнавал. Еще как узнавал...

- Я могу не отвечать?

- По советским законам, - сказал советский майор, - отказ от дачи показаний является уголовным преступлением...

- А по законам автономной Республики Крым - не является, - злорадно парировал крымский капитан. - Хранить молчание - неотъемлемое право каждого...

Советский член следственной комиссии нервно заелозил.

- Капитан Асмоловский, но вы же собираетесь вернуться к себе на родину, - сказал он. - К своей семье...

"Пошел ты..." - сжал зубы Глеб.

- Вы не можете его не помнить! - вскинулся майор. - Это он вас ранил! Он в вас стрелял!

- Темно было, - нагло сказал Глеб.

- Товарищ капитан, - бесконечно терпеливым голосом сказал майор. - Вы же коммунист. И ваши мотивы мне непонятны в этом случае. Мы ведь только хотим установить факты, выяснить правду как есть: вы знаете этого человека?

- Знаю, - сказал Глеб.

- Ну, вот так бы и сразу! Где и при каких обстоятельствах?

- Это полковник Артемий Верещагин. Я его несколько раз видел по телевидению и читал о нем в газетах. Один день мы вместе лежали в Симферопольском военном госпитале... Вернее, в госпитальном отделении Симферопольской военной тюрьмы.

- И что, это все?

- Я имею право хранить молчание.

Советский майор стал цвета бордо. Крымский капитан явно веселился.

- А до этого? Раньше вы что, не виделись?

- Я не помню.

- Вот этого я совсем не понимаю, Глеб, - тихо проговорил Верещагин. - Совсем не понимаю...

- Полковник Верещагин, вы знакомы с капитаном Асмоловским? - повел свою партию крымский военный юрист.

- Да.

- Сколько раз вы встречались?

- Трижды, если считать сегодняшний.

- Расскажите о первой встрече.

Верещагин монотонно и кратко изложил историю появления своей "психкоманды" и пребывания ее на Роман-Кош совместно с ротой капитана Асмоловского.

Выглядел он так, как будто по нему прошлись асфальтовым катком.

- Капитан, как же согласовать это с вашим заявлением? - повернулся к Глебу крымский капитан.

- Как хотите, так и согласовывайте, - глядя в сторону, сказал Глеб.

- Можно, я поговорю с ним? - спросил Верещагин.

- Говорите, - посопев, согласился майор.

- Наедине.

- Зачем это? - забеспокоился советский юрист.

- Давайте выйдем, - крымский капитан встал.

- Объясните мне...

- Уходите отсюда, пожалуйста! - Верещагин поднялся со стула. - Дайте мне объяснить человеку, что к чему. Вам же лучше будет. И скажите, чтобы принесли чаю...

- Зачем, Глеб? - спросил он, когда все вышли.

- Ты на себя в зеркало смотрел?

- Я не брился сегодня.

- Такое впечатление, что и не спал. И не ел. Дня три. Это тебя здесь судят?

- Еще нет. Еще идет предварительное следствие.

- И я, значит, должен показания дать. Против тебя.

- А что тебя смущает? Я твой враг. Я тебя ранил, а мог и убить.

- И что с тобой теперь будет?

- *Не знаю...* Этот человек, капитан Пепеляев, - мой адвокат. Он клянется, что я отделаюсь выбарабаниванием. Поначалу мне кроили - как это у вас называется? - "вышку", но Пепеляев не оставил от этих обвинений даже перьев. Он уже не одну задницу спас, так что я ему верю.

Принесли чай. Вернее, по здешнему обыкновению - кипяток и пакетики на веревочках.

- Штука в том, что ты ничего не изменишь. - Верещагин вынул пакетик из чашки, выжал его о ложку и положил на край блюдца. - Ради сохранения хороших отношей между Москвой и Республикой Крым на кого-то все это нужно свалить. Этот "кто-то" - я. Другую кандидатуру найти трудно, да ее и не ищут особенно.

- И ты согласился?

- Ты понимаешь, Глеб... Я ведь действительно сделал то, в чем меня обвиняют. Отпираться было бы как-то глупо... Да и поздно. С точки зрения Устава я виновен...

- Победителей не судят, - хмыкнул Глеб.

- Как видишь...

- И ты, значит, покорно идешь под расстрел - ради сохранения хороших отношений между Москвой и этой... как ее... Республикой Крым?

- Под какой еще расстрел? Сохранить вам лицо - не значит потерять свое. Приговор уже известен: меня вышибут из армии с позором, предварительно разжаловав. На этом сторговались обвинение и защита.

- Что значит "сторговались"?

- То и значит. Как на базаре. Когда один просит сотню, второй дает двадцатку, в результате сходятся на шестидесяти. Так и здесь.

- Ну так зачем меня-то дергать?

- А ты, Глеб, единственный свидетель с советской стороны.

- Что? - потрясенный Асмоловский подался вперед. - Иди ты! Там же тьма народу была!

- Да? И кто, например?

- Васюк...

- Убит.

- Палишко...

- Убит.

- Стумбиньш...

- Ранен, до сих пор находится в коме.

- Говоров...

- Не нашли.

- Петраков...

- Убит.

- Товарищ майор...

- Занят в проекте "Дон" - считай, умер: новое имя, паспорт гражданина Крыма. Искать не будут, это вопрос принципиальный.

Глеб матюкнулся.

- Солдаты...

- Те, кто общался с нами достаточно плотно, будут молчать. И ты знаешь, почему.

- А, трам-тарарам...

- Согласен. Так вот, вернемся к итогам нашей торговли с обвинением: мы получим приговор по самым низким ставкам, если будем хорошо себя вести. Если процесс пройдет быстро и чисто. Это честная сделка: обвинение не потеет, получая доказательства, но за это не будет рыть нам могилу.

- Этот майор - он от обвинения?

- Товарищ Гудзь? Нет, он просто советский наблюдатель. Прелесть ситуации в том, что крымцы все должны сделать сами. Никакой номинальной власти над обвинением у Гудзя нет. Потому он и дергается: повлиять ни на что не может, а отвечать, в случае чего, будет... Например, если с советской стороны не найдет никаких свидетелей.

- Это он меня откопал?

- Конечно. И возлагает на тебя огромные надежды с тех пор, как узнал, что я тебя ранил. Так что давай, Глеб, показания. Иначе и мне не поможешь, и себе жизнь изгадишь.

- А с чего ты взял, что я хочу тебе помогать? Может быть, я просто не хочу стучать. Не люблю, не умею.

- Но это же не стукачество, товарищ капитан. Ты не доносишь на меня, ты просто помогаешь установить факты.

- Факты... - Глеб сказал, как сплюнул. - Артем, вот если бы меня вешали, а я тебя просил намылить веревку, чтоб я меньше мучился - ты бы это сделал?

- Не так же все погано...

- Откуда я знаю? Ты что, веришь им? Ты их спас, они тебя за это судят - и ты им веришь?

- Я верю Пепеляеву. Он хороший юрист и хороший человек... Слушай, если бы речь шла о жизни и совсем наоборот, я бы отсюда смылся быстро.

- Как? Через подкоп? В бетоне? Или на воздушном шарике?

- Зачем такие сложности... Просто покинул бы ночью город... Хич-хайком - до Ялты или Алушты... А там угнал бы любую парусную яхту - на выбор...

- Так ты что... не в тюрьме?

- Нет, Глеб! Я живу в городе, в гостинице... Кстати, на днях получил третье - и последнее, наверное - полковничье жалование...

- Гуляешь, словом.

- Да... В моем положении народная мудрость рекомендует расслабиться и постараться получить удовольствие. Что я и делаю.

- Оно и видно. Столько удовольствий - бриться не успеваешь.

- Да нет, это я так... Дразню следователя. Вчера пришел в штатском, но это не произвело особого впечатления. Сегодня не побрился...

- Надень расписуху.

- Что?

- Ну, рубашку модную. Яркую такую, гавайку.

- Слушай, это мысль!

- Дарю.

- Яки... Ну что, Глеб, мы договорились? К тебе вернется память?

- Куда она денется... Что, свистнем всю королевскую рать?..

- Погоди... Давай еще так посидим... Поговорим...

- О чем? И зачем?

- О, Господи... Асмоловский, ты единственный приятный человек, который садился напротив меня за этот стол за последнее время. С кем я только тут не общался... Начиная с ГРУшника, который держал меня на цепи, и заканчивая князем Волынским-мать-его-Басмановым.

- А твои друзья? Они больше не приятные люди?

- Нет, отчего же... Но как-то неловко в глаза им смотреть... Все-таки я их подставил. Получается так.

Он усмехнулся криво, засунул руки в карманы...

- Ты знаешь, я и не думал, что будет так... больно. Армия ведь никогда для меня не была единственным светом в окошке, она была просто задачей, решаемой в рамках сверхзадачи. Я отслужил двенадцать лет, три года мне осталось до истечения контракта... Я думал об оставке как о решенном деле...

- Пока не попробовал командирства?

- Вот уж оно гори огнем! С друзьями расплевался, женщину потерял... Предал человека, который мне доверился - не спрашивай, кого и как... Не то чтобы я его любил или разделял его взгляды, и другого выхода вроде не было... А все равно гадко вышло. Одни неприятности от этого командирства, и ничего больше.

- И все-таки тебе больно... Чего же ты от меня хочешь? Выговориться некому?

- И это тоже... Глеб, ты знаешь, зачем ты живешь?

- Положим.

- Везет. Я не знаю.

- А знал?

- Хотел узнать. Давно, когда был еще мальчишкой. К чему я предназначен - как человек. Что я должен сделать... Я выиграл эту войну! Да, один я ни хрена бы не смог, но главное-то было начать, а начал - я, значит, я и выиграл! И я все потерял! Если это плата - пусть будет так, но я хочу вспомнить, ЗАЧЕМ тогда я выигрывал войну?

Глеб вытащил из кармана обтерханную, залитую бурым по обрезу записную книжку. Достал из-под обложки сложенный вчетверо затрепанный листочек.

- Посмотри.

Это был листик из детской тетради - сочинение, исправленное рукой учителя. За содержание стояла пятерка, за грамотность - двойка.

"...Мой папа - самый лутший. Он Капитан Совецкой Армии. Он служит в десантной девизии, и прыгает с парашутом. Все солдаты его слушаюца. Еще он ходит алпенизмом и называеца Снежный Барс. Это значит он был на 4 горах Памира на высоте 7 тысячь метров. У него есть про это значек и ваза которая называеца Кубок. В том году он поедет на гору Эверест. Это самая высокая гора на всем свете. Много людей хотели поехать тоже. Но был большой Конкурс и отбирали самых лутших со всей страны. Потому что это спортивная честь СССР. Моего папу взяли в команду - получаетца он 1 из самых лутших. Я очень люблю своего папу и когда вырасту буду защищять как он Свою Родину..."

- Я понял, - Верещагин вернул Глебу листок. - У тебя славный пацан. Только... уже не греет. Все, Глеб, Бобик сдох. Ничего уже не хочу.

- А чего ты вообще хотел? Раньше?

- Раньше? Хотения - это штука сложная... Хотения бывают тактические и стратегические... Тактических, как ты понимаешь, больше. И намного.

- А стратегических?

- Смеяться не будешь?

- Попытаюсь.

- Смысл жизни найти. Не лично свой, а вообще. В целом.

- А чего попроще?

- Взойти на К-2 по "Волшебной Линии". Сделано.

- Это хобби у тебя - браться за невозможное? Профессия? Призвание?

- Фамилия.

- ???

- Классе в восьмом мы проходили теорию вероятностей... И пришла мне в голову забавная мысль: подсчитать вероятность своего появления на свет. Получилось, Глеб, четыре тысячных процента. Моей матери было девять лет, когда она и дед Ковач чудом спаслись от погрома. Весь табор вывезли в лагерь уничтожения, и все погибли там. До единого. Что им удалось пристать к какой-то католической миссии и выбраться в Крым - чудо вдвойне. Мой отец уцелел после расстрела - они выбрались из окружения, человек тридцать, и кордон СМЕРШа тут же расправился со всеми. Это тоже можно записать по разряду чуда. Я уж молчу про то, что в немецком лагере для пленных единственной медицинской помощью было доброе слово. Я не говорю о вероятности побега - в конце концов, многие угоняли самолеты... Но еще была служба в частях английских коммандос... Англичане сформировали тут один полк из добровольцев... Была еще Италия и Греция. Масса возможностей распрощаться с головой. Но я не удивлюсь, если он до сих пор жив. Получает пенсию, стучит по вечерам в домино или шахматы... Так что все невероятные события моей жизни пасуют перед невероятностью моего рождения. Nomen est omen, товарищ капитан.

- Переведи.

- "Имя есть знамение". Я имел наглость считать, что невозможное - это моя специальность. Были на то основания.

- Может, за это и получил по лбу?

- Может... Глеб, хочешь один бесплатный совет?

- Давай.

- Не возвращайся в Союз.

- Что?

- Запишись в проект "Дон". Или просто сбеги.

- Ты спятил?

- Глеб, война кончилась. А вас все еще держат под стражей. И наших пленых на советской территории - тоже. Как ты думаешь, почему вас не отпустят? Я тебе скажу: это сделано по просьбе советского руководства. Они не хотят, чтобы вы разбрелись по Крыму и осели здесь. И чтобы наши жили у вас - тоже не хотят. Автономная Республика Крым не будет полностью открытой территорией. Нас боятся. Это полуприсоединение - лучше, чем оккупация, но... как бы не было чего похуже оккупации.

- Ты точно спятил. У меня же семья. Надьку и Вовку вышибут из общаги, отовсюду выпрут с "волчьим билетом". Муж и отец - предатель Родины...

- У меня есть еще какие-то личные связи. В рамках проекта можно устроить тебе фиктивную смерть.

- Ну, спасибо! Во Надежде подарочек - похоронка!

- Что-нибудь придумаем, потихонечку сообщим ей, что ты жив.

- Она за это время умрет...

- Верно, я дурак. Но ты все-таки подумай. Время есть. Как бы оно ни вышло - с голоду твои не умрут, и в лагерь их не отправят, не те времена. Порядки у вас станут либеральнее - через два-три года ты сможешь вытащить семью сюда. Учитывая, сколько мордуются евреи, пока выедут...

- Хорошо, я подумаю... - соврал Глеб.

За те секунды, что оставались до возвращения следственной комиссии, Асмоловский все же решил спросить:

- Слушай, а почему все-таки "Дон"?

- Потому что "с Дона выдачи нет", Глеб.

***

Медленно, по волоконцу выматывает из человека нервы судебная машина. К тому дню, когда следственная комиссия передала дело в трибунал, Верещагин чувствовал себя похожим на пакет скисшего молока, а не на человека.

Заряда, полученного в беседе с Глебом, хватило ненадолго. Потом депрессия углубилась. Артем достаточно много знал об этом состоянии, чтобы точно определить его. Таблетки могли бы помочь, но слишком хорошо помнилось ментальное изнасилование, которое называли "медикаментозным допросом". Химическое вторжение в психику представлялось теперь более страшной вещью, чем сама депрессия.

Его молчаливая мрачность дошла до границ, за которыми начинался аутизм. Пепеляев несколько раз мягко намекал, а один раз прямо предложил побеседовать с психоаналитиком. Артем представил себе эту беседу: "Видите ли, доктор, у меня неприятности. По моей вине один мой друг погиб, а другой стал калекой. Я стрелял в человека, который был мне симпатичен, а он стрелял в меня. Мою женщину изнасиловали. Меня пытали. Мне учинили еще и медикаментозный допрос, и приятного тоже было немного. Я активно помогал развязать кровавую баню на Острове. Людям, погибшим из-за меня, идет счет на тысячи. Мне приходилось снова и снова отправлять в огонь друзей, подчиненных, любимую женщину и ее подруг. Когда мы после этого вернулись на Остров, нас ославили серийными убийцами. Моя женщина меня бросила, один из моих друзей отгорожен воинской субординацией, второй со мной крепко поссорился из-за того что я, как многим кажется, предал интересы форсиз, создав совместные советско-крымские формирования. Людей, творивших здесь бесчинства оправдали, а меня отдали под суд. Что вы мне порекомендуете, доктор?". Его смех, похоже, показался Юрию Максимовичу оскорбительным. Верещагин извинился, но это мало помогло. Впрочем, ему было плевать: с Пепеляевым не крестить, он - адвокат и просто делает свою работу.

Один раз Арт решился на эксперимент: напился. Тем более, что был повод: 25 июля умер Высоцкий. Артем шел от бара к бару, наверное, повторяя маршрут Рахиль Левкович, но голова у него была покрепче, и он успел уйти довольно далеко. Помнилось, что он сидел с бутылкой и рюмкой у музыкального автомата, бросал в щель монету за монетой, слушал одну и ту же песню - "Кони привередливые" - и ждал, когда же кто-то затеет скандал. Видимо, скандал имел место быть: придя в себя наутро в гостинице, Арт обнаружил костяшки пальцев рассаженными и нашел кровь на носке ботинка. Болел левый бок, но рожа осталась цела. Он был в штатском, опять небритый, наверное, никто его не узнал. Во всяком случае, в газетах так ничего и не появилось...

Больше Верещагин не напивался - облегчения это не приносило, только грозило новыми проблемами. Он нашел другое развлечение: боксерский клуб на Воскресенской, неподалеку от гостиницы. Записался как Мартин Ковач. Технику ставил чемпион Европы 1969 года Андрей Ким; школу рукопашного боя ВСЮР он опознал сразу, но вопросов задавать не стал. Возня с грушей поглощала свободное время и лишние силы, это было как раз то, что надо. Спарринговали с ним мало: послав в нокаут другого такого же новичка, он прославился как злой боец. Боксировать с противником неумелым, но злым, который временами забывается и норовит пустить в ход ноги - удовольствие ниже среднего. "Мартин Ковач" это понимал и не настаивал...

- Марти! Эй, Марти! К тебе пришли!

...Он влепил кожаному мешку последний хук и развернулся.

Того, чья фигурища заслоняла весь дверной проем, не узнать было нельзя.

- Ты что же это, свинья, - зычно сказал Князь через весь зал. - Уже и здороваться со мной перестал?

- Здравствуй, Георгий, - ответил Арт, не трогаясь с места. Его ответ прозвучал в полной тишине: к тому моменту, когда Князь закончил фразу, все стихло - и удары, и позвякиванье "блинов" на штанге, и топот пары на ринге - все превратилось в слух.

- Я еще думал - ты или не ты... Ковач... Нам нужно поговорить.

- Говори, Гия.

- Не здесь.

- Здесь. Потому что я отсюда никуда уходить не собираюсь.

- А я сказал - не здесь.

Ответа, как он и ожидал, не последовало.

- Если ты думаешь, что сможешь сейчас развернуться ко мне задницей, то неправильно ты думаешь.

- Пошел ты.

- Многому тут научился, да? А ну, давай так: если ты меня сейчас сделаешь, я, так и быть, уйду. А если я тебя - ты уйдешь со мной.

- Отвали.

- Дайте мне перчатки кто-нибудь.

- Вы не член клуба, - робко сказал какой-то юнец.

- О, черт! Какой тут взнос - тридцать тысяч, пятьдесят? - Берлиани, не глядя, сунул юнцу деньги. - Дайте перчатки!

- Держите, - Ким бросил Князю две старые, обшарпанные перчатки. - Я бы посоветовал взять загубник и шлем.

- Обойдусь, - буркнул Георгий, снимая рубашку.

- Я не буду с тобой драться, - сообщил "Ковач".

- Тем лучше... Марти. Потому что я - буду.

- Устав клуба запрещает драки за пределами ринга... - встрял юнец.

Князь свободной рукой, еще не затянутой в перчатку, сгреб его за ворот тишэтки.

- Это наши с ним дела. Мы друг друга знали еще когда ты прыщи давил. Так что не суйся и помоги затянуть вторую перчатку.

Юнец повиновался. Ким не вмешивался.

- Иди сюда, - Князь постучал перчаткой по рингу. - Топай. Сейчас я сотру с твоего лица то, что ты туда нацепил. Вот эту вот усмешечку. Если это поможет привести тебя в чувство, то я так и сделаю.

Они пребрались через канаты и встали напротив. Без всяких боксерских ужимок и прыжков, как в подворотне. Это все-таки была драка, а не спарринг.

Верещагин ударил первым. Князь даже не пытался сблокировать удар или уйти - он согнулся пополам. Можно было бы - даже полагалось! - провести добивающий удар - в голову. Верещагин не двинулся.

- Ты доволен?

- Сволочь! - Георгий медленно, с трудом выпрямился. - Вот теперь ты меня по-настоящему разозлил. Ты знаешь, что двинул меня в раненый бок?

- Извини.

- Да не за что. - Берлиани ответил сокрушительным прямым. Арт сблокировал - правильно, почти классически. Это было все равно что блокировать пушечное ядро - когда в голове прояснилось, он обнаружил себя висящим на канатах. - Добавить еще?

Он снова бросился - молча, разом забывая всю "школу", двигаясь быстро, пробивая блоки, вкладывая в удары все силы и весь свой вес. Князь отвечал, не стесняясь.

- Поубивают друг друга, - тихо сказал один из посетителей.

- А дерутся как на базаре, - презрительно сощурился второй. - Техника на нуле.

- Они оба "форсиз", - сообщил Ким. - Это их школа рукопашного боя. Не очень красиво, зато эффективно.

- Этот слоб намотает Марти на канаты и завяжет узлом. Жаль, нет Славика - вот бы порадовался.

- Еще кто кого намотает. Ты видишь, как хреново Мистер Биг держит удары в корпус? Печенка у него не в порядке или еще что...

- Зато он мало их пропускает.

- Андрей Алиевич, пора заканчивать это. Не то на ринге точно смертоубийство произойдет...

Один из бойцов рухнул.

- Спекся Мартин... - констатировал юнец себе под нос.

- Раз! - громко начал Ким. - Два!..

Верещагин поднялся на четвереньки, потом сумел встать на колено.

- Восемь... Девять...

Арт поднялся на ноги и получил новую плюху. Перчатка Князя влетела не в лицо, а в поднятые для защиты руки - и на том спасибо. Все равно опрокинулся.

- Раз... Два... - пошел новый отсчет.

Перевернуться на живот... Встать на колени... На одно колено... При счете девять - оторвать колено от пола и, не выпрямляясь, - в корпус...

- Девять...

Он не помнил, удалось ли задуманное. Увидел над собой ровный пунктир ламп дневного света, но не услышал счета.

- Считайте, - сказал он... Или кто-то другой?

- Все, отсчитали уже. - Князь стащил перчатки, вернул владельцу клуба. - Я победил.

- У тебя нос разбит.

- А ты едешь со мной.

***

Когда в Севастополе они вышли из машины, Артем был почти в порядке, хотя его еще слегка пошатывало. Князь временеми кривился и двигался скованно.

- Вперед! - он запер машину. - Сам знаешь, куда.

"Королева Марго" была обычной прогулочной яхтой, изящной и узкой, как дамская туфелька. Для серьезного плавания она, конечно не годилась, но чтобы катать барышень вокруг Острова, подходила вполне. Георгий получил ее в подарок на день рождения лет восемь назад, ругал на все корки неустанно, но избавиться не спешил.

- Эй, кто-нибудь дома? - крикнул Князь с пирса.

- Ні! - из рубки показалась молодая женщина. Джинсы подчеркивали стройные ноги, а белоснежная "крестьянская" блузка с глубоким вырезом - чудесную форму плеч и изумительный цвет кожи: цвет молочного шоколада. Жена князя Берлиани была негритянкой. Цвет мог обмануть: к этому времени большинство жительниц Крыма загорали дочерна; но лепка лица и мелко вьющиеся волосы не оставляли места сомнениям. Теперь было ясно, почему родня Георгия и слышать о ней не хотела. Такое потрясение основ...

- Дженис, я его привез! Он мне нос разбил, но я его привез, недоумка! Слушай, никогда не думал, что бить полковника - это такая собачья работа.

- Дженис, мне очень жаль... - Артем протянул красавице руку. - Я попортил вам мужа.

- Он попортил тебе мужа! Дженис, я вынес его из этой мордобойни, сам он выйти не смог! Он меня попортил!

- Врешь. Я сам вышел. Ну, вы уже привыкли делить на восемь все, что говорит этот мальчик из Джорджии?

- Верещагин, если бы ты знал, сколько этой шутке лет, ты бы не пытался прикидываться остроумным.

- Договорились. - Верещагин перешагнул через сложенный парус и уселся на корме. - Князь, а к чему такие сложности? Зачем было выдергивать меня из Симфи? Когда мы расстались в последний раз, ты сказал, цитирую, "Видеть твою морду больше не хочу", конец цитаты.

Георгий пристально оглядел его с ног до головы.

- Ну, совесть у тебя есть, а? Мало ли что я сказал. А ты со мной даже не здоровался. Хотя вроде на одной скамейке подсудимых сидим. Ладно со мной - ты Шэму ни одного слова не сказал! Он-то тебе что плохого сделал?

- Признаю себя свиньей.

- Знаешь, я тоже могу надуться как шкурка на огне... Особенно после того, как ты подвел меня под монастырь... Это же надо такое придумать: я должен командовать... *краснопузыми!*

Словечко прозвучало в устах Князя смешно.

- И нечего ржать... У меня к тебе серьезный разговор. Тебе имя Уильяма Флэннегана о чем-то говорит?

- Оно мне говорит о неприятностях.

- Угадал. Этот самый Флэннеган сказал мне вот что: тебя хотят убить.

- Ну да? И ты решил сыграть на опережение?

- Арт, я прошу тебя: будь предельно серьезен. Твоя черная ирония сейчас ни к чему. Советы имеют на тебя вот такой зуб, и чем бы ни закончился суд - тебе конец.

- Забавно... И что ты предлагаешь?

- Святые угодники! Ты что, еще не понял? Мы отчаливаем и Дженис везет тебя в Турцию.

- Так, - Артем сунул руки в карманы. - Что я там забыл?

- Парень, завтра последнее заседание трибунала! - Берлиани навис над ним как скала с отрицательным уклоном. - А после этого кое-кто получит команду "Фас!"

- Это глупости, Гия. И я тебе объясню, почему. С политической точки зрения убивать меня невыгодно: я ничего больше из себя не представляю. Я не смог бы даже стать публичным политиком - боже, слово-то какое! - на гражданке ты сам знаешь, как к нам относятся. Я ноль без палочки, кому нужно меня убивать? Это невыгодно даже из принципа: зачем превращать живую собаку в мертвого льва?

- Хорошо, тогда почему этот Флэннеган меня предупредил?

- Откуда я знаю, Гия. Как тебе такая версия: наши командиры тоже хотят сохранить лицо. На самом-то деле и Казаков, и Кронин, и Адамс не бог весть как хорошо себя чувствуют. Их даже не столько мучает комплекс вины, сколько бесит необходимость плясать под дудку Союза. Если бы я сбежал - это был бы приемлемый выход для всех. Кроме тебя. Ведь сам же ты не побежишь?

- Сам я не побегу, потому что обо мне речи нет. Гребал я их трибунал. Пусть снимают погоны, мне это уже по пояс. Я за тебя, дурака боюсь!

- А ты за меня не бойся.

Георгий схватил себя руками за волосы и тихо коротко взвыл.

- Ну что мне, врезать тебе по башке, связать и засунуть в кокпит? - спросил он.

- Не советую, - мрачно ответил Верещагин. - На ринге я дрался по правилам.

- Арт, - Князь сник. - Арт, что мне делать? Что нам всем делать? Почему все так плохо?

- Да нет, все не так уж и плохо. - Верещагин нагнулся над бортом. - Смотри, краб...

Он перепрыгнул на пирс, опустился на колени, всмотрелся в воду. Хрустальная волна трепала рыжие с прозеленью водоросли, среди которых затаился яшмовый скалолаз.

- Дурачок, - сказал Артем. - Ты думаешь, если ты не двигаешься, я тебя не вижу?

Краб втянул страшноватые беззрачковые глаза под панцирь.

Верещагин представил себе его вертикальный мир, студеную циановую толщу, ветры течений, почти неуязвимость, возможность на все смотреть сбоку.

- В следующей жизни я буду крабом, - сказал он.

- А в этой станешь раком, - буркнул Князь.

- Патетические места нам не удаются, - Верещагин поднялся, отряхнул джинсы.

Дженис выбралась из каюты.

- Мальчики, что вы решили?

- Мы решили... - Князь пнул ногой бухту веревки. - Это он решил! Короче, ша, уже никто никуда не плывет.

- Князь, - окликнул его Верещагин. - Я есть хочу. Ты вернул мне вкус к жизни. Может, сходим куда-нибудь? Я давно не танцевал с красивой женщиной...

- В "Синий якорь"?

- Плохое решение. Слишком много офицеров.

- В "Шератон"?

- Слишком чопорно... И дорого. Чего-нибудь попроще, Князь. Вон там на берегу что-то светится... Вроде играет музыка... Что это?

- Почем я знаю... Какая-то забегаловка под камышовым навесом. В бразильском стиле - знаешь, с сетями, китайскими фонариками и официантками в таких символичиских юбках из прозрачной ткани... Как же они называются... Ой!

- Парео, - подсказала Дженис, ущипнув Князя за бок. - То, что ты мне запрещаешь надевать.

- Восточный деспот, - Верещагин покачал головой. - Слушай, это же как раз то, что надо! Пойдем!

- Ты ничего не понимаешь в женщинах, - огрызнулся Георгий. - Мужчина им интересен только до тех пор, пока им есть чего хотеть. А когда ты выполнишь все их желания... Ну вот!

Дженис выбралась из каюты, сменив джинсы на юбку-парео, с туфлями в руках.

- Я готова, - сообщила она. - Джордж, дай мне твою руку.

- Это плохо кончится, - вздохнул Князь.

- Конечно, - кивнул Верещагин. - Когда ты пытаешься меня перепить - это всегда плохо заканчивается.

Георгий ответил длинной тирадой на русском, английском и грузинском языках. Из тирады, если опустить несущественные подробности про мать, следовало, что такого брехуна, как Арт Верещагин, земля еще не производила на свет, и вряд ли произведет в течение ближайшей тысячи лет.

- Я в полтора раза тяжелее тебя, значит, и выпить могу в полтора раза больше.

- Речь не идет о том, кто сколько может выпить. Речь идет о том, кто раньше потеряет контроль...

- Это буду я, - топнула ногой Дженис. - Вы идете или нет?

***

Очнулся он на яхте.

- Я снял с тебя ботинки, - укоризненно сказал князь. - Ты истоптал мне весь парус, павлон.

- Что за приычка - отливать за борт... Что, нет гальюна?

- В это море сливают дерьмо четыре страны - это раз. В гальюне Дженис, ей плохо - это два. И куда оно, по-твоему, попадает из гальюна? - это три... Когда нас судят? Сегодня?

- Сегодня в одиннадцать.

- Вайме, как я пойду с такой головой?

- Только с такой головой и можно, Гия. У тебя будет такое жалобное лицо, что присяжные зарыдают.

- З-замолчи, или я швырну тебя в воду. Шайт, и опохмелиться нечем.

- Не за то отец сына бил, что тот пил, а за то, что похмелялся. Мы сейчас пойдем прямо - по возможности - в "Якорь", выпьем по "отвертке" и придем в божеский вид. После чего сначала поедем на квартиру к тебе, ты переоденешься в парадную форму, потом ко мне, я переоденусь в парадную форму, потом мы поедем в трибунал, и помоги нам Господь.

- Что мне всегда нравилось, - заключил Берлиани, - так это твой талант к планированию.

- Георгий!

Берлиани оглянулся.

- Я себя вел как скот. Как будто только моя боль реальна, а больше ничья.

- Тебя только с похмелья проняло? Так лучше позже, чем никогда.

- Спасибо, Гия...

***

- Встать! Смирно! Суд идет! Вольно!

Высший трибунал Вооруженых Сил Юга России заслушал дело номер такой-то и вынес решение по совокупности собранных доказательств. Полковник Верещагин! По статье двести двенадцатой - нарушение Присяги и статье пятьдесят третьей - подстрекательство к военному мятежу вы признаны... невиновным! По статье девяносто второй, пункт А - злостное превышение служебных полномочий, по статье тридцать пятой, пункт В - злостное нарушение уставных норм в отношении старшего по званию и непосредственного командира - вы признаны... виновным. Смягчающим обстоятельством в последнем пункте явилось измененное состояние сознания.

Подполковник Берлиани! По статье двести двенадцатой - нарушение Присяги и статье пятьдесят третьей - подстрекательство к военному мятежу вы признаны... невиновным!

- И на том спасибо, - процедил сквозь зубы Князь.

- По статье девяносто второй, пункт А - злостное превышение служебных полномочий, по статье тридцать третьей - отсутствие в части на момент объявления боевой тревоги - вы признаны...

- Да не мотай ты жилы! - крикнул Георгий.

- ...Виновным. Старший унтер-офицер Сандыбеков! Ввиду того, что вы выполняли приказ своего непосредственного командира, все обвинения с вас снимаются. Господа обвиняемые! Сейчас будет оглашен приговор. Если у вас есть что сказать в свое оправдание, вы можете сказать это сейчас... Полковник Верещагин...

- Я больше не буду.

У невозмутимого судебного клерка дернулись губы, но он овладел собой.

- Подполковник Берлиани...

- Я не буду оправдываться.

- Господин судья, огласите приговор.

- Полковник Верещагин, вы приговорены к разжалованию в рядовые и позорному увольнению из армии без права на выходное пособие и военную пенсию. Подполковник Берлиани, вы приговорены к разжалованию в поручики и тюремному заключению сроком на три месяца.

- Собаки... - Князь опустился на скамью подсудимых, стаскивая берет на лицо.

- Молчи, Князь. - Артем обхватил его за плечи. - Молчи, не наговори себе еще на три месяца...

Какие-то секунды он видел растерянное, пепельно-серое лицо Шамиля. Потом его скрыли фигуры казаков-конвоиров.

- До приведения приговора в исполнение, сэр, нам приказано отправить вас на гауптвахту четвертого батальона в Чуфут-Кале.

- Хорошо.

- Позвольте руки, сэр... - подъесаул отстегнул от пояса "браслеты". - Это тоже приказ. Нам очень жаль...

- Аминь. - Артем протянул руки.

***

"Выбарабанивание" должно было состояться в тот же день, но из-за советских наблюдателей его перенесли на первое августа.

Промежуток между судом и процедурой позорного увольнения он провел на гауптвахте своего - когда-то своего! - батальона.

Придя к нему после обеда, полковник Казаков застал его за чтением.

- Вольно, Артем. Пока еще - до исполнения приговора - вы равны мне по званию, а после него станете штатским, так что тянуться незачем. Что это у вас?

- Ремарк, - Верещагин показал обложку. - "На западном фронте без перемен".

Он сел на койку и положил книгу рядом с собой.

- Наши отцы и деды воевали годами, сэр. Страшно представить, но это было так. Годами.

- Мой отец бредил Ремарком, - сказал полковник. - Поэтому я его не читал. Так и не знаю, хороший он писатель или нет.

- Он писал хорошие романы. Только одинаковые.

- Нда... - полковник прошелся по камере, словно не зная, с чего начать.

- Вы выполнили мою просьбу, сэр? - помог ему Артем.

- Да, конечно! Арт, мы далеко не ангелы, но садистов среди нас тоже нет. Никто из прежнего состава батальона не будет участвовать в этой... долбаной процедуре. С этих советских кувшинных рыл хватит... таких же советских кувшинных рыл. Тем более, что нам самим не нужны... эксцессы.

Он сел на стул, побарабанил по столу пальцами.

- Адамс и Кронин подали в отставку.

- Что?

- И их не особенно уговаривали забрать прошения. Шевардин, вы, теперь они... У меня складывается впечатление, что так или иначе избавляются от всех, кто командовал на этой войне... Кутасов опять понижен в должности до начштаба дивизии... Поговаривают о переводе Ордынцева в Главштаб, на какой-то бумажный пост...

- Зачем вы мне это рассказываете? Уж не думаете ли утешить?.. Извините, Говард Генрихович, опять мой глупый язык...

- Ничего... Я понимаю ваше состояние.

- У меня состояние - лучше не бывает. Когда начнется парад?

- Через полтора часа.

- Значит, через час и сорок пять минут я буду свободен. Прекрасно. Лучше и пожелать нельзя. Георгия жалко. Три месяца за решеткой...

- Это был единственный путь сохранить ему офицерское звание и возможность восстановить карьеру.

- Захочет ли он еще ее восстанавливать...

- Да хорошо бы. Краснов без него - как без рук... Офицеров не хватает по-прежнему... Арт, мне нравится ваше настроение. Пепеляев рассказывал какие-то ужасы, но я вижу, что вы в полном порядке...

- Стараниями Георгия... Ничего, долг платежом красен.

- Я хотел еще сказать, что для меня было огромной честью с вами служить...

- Вы хотите сказать - нянчиться? - усмехнулся Верещагин. - Учить меня всему, что должен знать командир, да еще и на ходу...

- Вы хорошо учились.

- Спасибо.

- Что вы станете делать теперь? Чем будете заниматься?

- Не знаю пока... Может, стану вышибалой... Полицейским или бодигардом...

- Никакого применения своему интеллекту не видите?

- Кому он нужен, мой интеллект... Мне - в последнюю очередь.

Полковник вздохнул еще раз, взял в руки книгу.

- Вам нравится Ремарк?

- Он помогает мне жить.

- Дайте почитать, - неожиданно сказал Казаков.

- Когда закончу - дам.

- А когда вы закончите?

- Через час или меньше. Когда начнется "парад"?

- Через полтора часа.

- Я успею.

***

Сначала перед ним о колено сломали заранее подпиленный эспадрон, потом с него содрали заранее подрезанные погоны. Потом он шел вдоль строя под барабанный бой...

Что-то пошло не так...

- Рота! Сми-ир-р-рна!

Он видел лица. Не спины, не затылки, а лица. Это его и подкосило.

В глазах дрожал туман. Ветер и пыль. Конечно, все из-за ветра и пыли. Здесь, на плацу в Чуфут-Кале, всегда было очень ветрено...

- Так и положено? - спросил советский наблюдатель у Казакова.

- Да, - бросил полковник сквозь зубы.

В другой день журналисты не дали бы Верещагину спокойно уехать. Но сегодня у них был более лакомый кусочек, настоящая сенсация: штабс-капитан Рахиль Левкович ранила из пистолета троих пленных советских офицеров. Она легко могла и убить их: охрана спохватилась не сразу; но мадемуазель Левкович целилась в пах...

24. Последняя глава

И когда рядом рухнет израненный друг,
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
От того, что убили его - не тебя...
В. Высоцкий

"Всю жизнь мечтал о свободе, а теперь не знаю, что с ней делать" - сказал Вамба, сын Безмозглого.

Верещагин не мечтал о свободе, поскольку полагал себя донельзя свободным человеком. Все обязательства, которые он брал на себя, были в той или иной степени добровольными, и редкое решение могло быть названо до конца вынужденным.

Но лишь в этот день он понял, что такое настоящая свобода.

Он смотрел в себя, как в пустой колодец. Колодец, в котором не видно дна, и, казалось бы, там может быть вода, но ее отсутствие ты определяешь еще до того, как бросишь туда камень для проверки - нет веселых бликов на каменных стенах, нет влажной скользкой зелени и особенной свежей прохлады...

Он сидел в своей квартире на диване, завернувшись в плед, и мысли его текли, как песок в часах. За окном начинался вечерний бахчисарайский шум: люди возвращались с работы. Он любил Бахчисарай за его приватность и интровертную замкнутость в сочетании с какой-то семейственностью. Ты мог не заводить близкого знакомства с соседом, но соседский сын по дороге в школу здоровался с тобой. Здесь семейные проблемы не выносились во внутренний дворик "доходного дома", но выносились радости. И шумная вечерняя перекличка возвращающихся с работы соседей была неотъемлемой частью этой спокойной, размеренной жизни. Раньше Верещагин ее любил. Раньше он с удовольствием становился ее частью, если возвращался из гарнизона в этот "час пик". "Добрый вечер, капитан. Гутен абен, капитан. Салям, капитан..." Да, раньше ему это нравилось...

Теперь ему казалось, что он сходит с ума.

Чужие мысли - лучшее противоядие от своих собственных. Он встал, протянул руку к книжной полке, не глядя взял том. Криво усмехнулся, увидев, что подцепил: золотое на черном тиснение, английские буквы, стилизованные под арабскую вязь... Все-таки хорошо быть начитанным человеком. Знаешь, что когда-то кому-то было еще хреновей, чем тебе, и ничего - он выжил, и даже написал хорошую книжку.

Открыл наугад, пробежался глазами по двум-трем страницам, перелистнул пол-тома - уже сознательно, заложил страницу пальцем, сел на диван, прикрыв глаза... Англосаксонский пиджак не налезал на горбатую русскую ситуацию.

Семь столпов хрястнули и крыша обрушилась.

"When my mood gets too hot and I find myself wandering beyond control I pull out my motor-bike and hurl it top-speed through these unfit roads for hour after hour. My nerves are jaded and gone near dead, so that nothing less than hours of voluntary danger will prick them into life: and the 'life' they reach is a melancholy joy at risking something worth exactly 2/9 a day."

Верещагин закрыл книгу. "Печальную радость риска" дает не только езда на мотоцикле...

***

Если бы Аллах не хотел, чтоб люди лазали по скалам, он создал бы их похожими на свиней, сказал однажды Шэм.

Выбеленная солнцем, вылизанная ветром, вклинивается между Новосветской и Судакской бухтами скала "Сокол". И впрямь, есть что-то птичье в развороте ее склонов, а сверкание сланца, вкрапленного в серый гранит напоминает блеск соколиных перьев.

Не всякий может бросить вызов этой птичке. На ее каменной груди нет проложенных скалолазами шлямбурных дорожек. Так что визитеру придется обойтись обычными крючьями и закладками. Разве что он готов угробить несколько дней на то, чтобы дырявить шлямбуром камень.

Арт Верещагин не собирался убивать на это занятие несколько дней. Он не хотел тратить на восхождение даже нескольких часов.

Сидя на траве, он рассматривал скалу в бинокль. Маршрут ему был знаком, но все же следовало восстановить трассу в памяти. Метр за метром, шаг за шагом, словно

нанизывая четки. Он чувствовал, как пустота и жалость к себе отступают перед этой обглоданной ветрами громадой. Она была и будет здесь так долго, что он со своей крохотной жизнью спокойно может употребить слово "всегда". Эти молчаливые эпохи, застывшие в недвижном полете, невозможно было охватить разумом. К ним можно было прикоснуться на миг, дотронуться до них всем своим бренным существом. Чтобы навсегда забрать крупицу этого времени, нужно на краткий миг отдать ему все...

Он готовился к этому восхождению так же спокойно и тщательно, как к любому из тысячи своих восхождений. Взвесил все, разложил свое движение по времени. После быстрой разминки взял обвязку и маленький рюкзачок со скальными туфлями, поднялся по крутому склону горы к обрыву, переобулся у его подножия, надел обвязку, прицепил на пояс мешочек с магнезией, молоток, один крюк и одну закладку.

Снял тишэтку, сложил ее и упаковал в рюкзачок. Туда же положил кроссовки. Забросил на плечо одну лямку, немного подумал... И снял рюкзачок, положил его на камень.

- Кэп!

Он оглянулся. Шамиль, оставив "харламов" у дороги, почти без шума поднялся к скальному отвесу.

- Когда я развлекался в такой способ, я выбирал маршруты не длиннее одной веревки, - уведомил он.

- Все будет яки. - Верещагин улыбнулся успокаивающе. Перед тем, как сделать первый шаг вверх, прикоснулся к теплому граниту ладонями, посмотрел в небо. Это было даже не привычкой - сколько он себя помнил, в любом возрасте и под скалой любой сложности он, положив руки на первые зацепки, две или три секунды смотрел в небо. Не прикидывал расстояние, не молился, не медитировал: просто смотрел.

Потом поставил на зацепку ногу и сделал первый шаг...

Он двигался не спеша, не суетясь, просто взял хороший темп и держал его. По дороге сюда боялся, что не сумеет поймать кураж, не войдет в нужный режим. Но перед скалой сомнения исчезли: огромность мира поглотила их, целиком заполнив его сознание. Теперь он был в мире с собой, и он был в себе с миром... Преодолев порог страха, порог усталости, порог боли, превратив все свое существо в движение, он поднимался вверх, откровенно наслаждаясь безрассудством риска, бессмыслием усилия, чистой поэзией грубой физиологии...

Ветер слизывал с голой спины пот, подхватывал и рассеивал легкие облачка магнезии, ветер пытался создать иллюзию полета. Ветер был в хорошем настроении и не злился на единственного человека, посягнувшего на его вотчину.

А когда человек, эта непостоянная игрушка, оказался на вершине, ветер, в последний раз взлохматив ему волосы, унесся прочь - играть с парусами на море.

Человек, еще не в силах наслаждаться своей победой, лежал на вершине лицом вниз, пережидая внезапный приступ лихорадочной дрожи и думал, что эта затея была несусветной глупостью, но, пожалуй, не большей, чем все то, во что он ввязывался за последнее время.

Напряжение отпустило и Артем, перевернувшись, сел. По левую руку от него утопали в зелени виллы Нового Света, по правую вдалеке чернели развалины генуэзской крепости и растворялся в синеватой дымке Алчак-Кая. И дивному лету на излете никакого дела не было до того, кто в очередной раз сыграл с жизнью в "да-нет". И этот день нисколько не огорчился бы, став последним днем Артемия Верещагина.

Он сидел, уткнувшись головой в колени, измотанный, выжатый досуха, прислушиваясь к звенящей радости, нараставшей внутри. Как раз то, чего он хотел. Как раз то, что ему требовалось: вне систем и ценностей, установленных другими, пользуясь одной-единственной точкой отсчета и в какой-то мере являясь ею, одержать абсолютную, безраздельную победу или потерпеть окончательное, бесповоротное поражение. Один человек и одна скала, один шанс из одного, одно "да" на одно "нет".

Он снова лег - уже на спину, глядя прямо в небо, растворяясь в нем. Это небо было наполнено кем-то, и его дыхание ощущалось здесь, на вершине, очень ясно. Он нечасто слышал это дыхание здесь, в Крыму, но в Гималаях и в Альпах - каждый раз.

- Non nobis Domine... Sed nomine tuo da gloriam... - прошептал Артем.

Кто-то не ответил. Он никогда не отвечал. Если бы не его ровное, глубокое и медленное дыхание, Верещагин, может статься, и не верил бы в него.

Услышав хруст камней на тропинке, не поднял головы. Он знал, кто ходит по этим тропинкам таким легким, широким шагом.

Пришедших, правда, было двое. Второй сопел, как кузнечные мехи. Ну что ж, коль скоро первым был Шэм, второй его не интересовал.

- Ваши кроссовки, кэп. И ваша тишэтка.

- Спасибо. - Артем сел, взял из его рук черную майку, но не стал надевать ее, а просто набросил на плечи. Потом принялся расшнуровывать скальные туфли. Руки занемели, пальцы не слушались.

- Хотите пить, кэп? - унтер достал из кармана бутылку "Учан-Су" и брелок-открывалку.

- Давай, - Артем взял бутылку, белый жестяной колпачок слетел и звякнул о камешки.

Верещагин наконец глянул в ту сторону, где находился спутник Шамиля, к которому Верещагин - странное предубеждение - заранее не испытывал никаких добрых чувств.

И правильно.

На одном из валунов сидел, поигрывая ключами от машины, Вадим Семенович Востоков.

- Добрый вечер, - сказал Артем.

- Вечер добрый, - отозвался Востоков.

Верещагин надел футболку и принялся зашнуровывать кроссовки.

- Шэм, а ты знаешь, что в СССР по скалам лазают в галошах?

- Вы серьезно, кэп?

- Абсолютно.

- А почему вы не взяли кроссовки с собой? - спросил Востоков. - Не рассчитывали, что придется спускаться?

- Что за чушь, - Артем встал, перебросил связанные за шнурки скальные туфли через шею.

Востоков подошел к краю обрыва и посмотрел вниз. Пнул камешек. Тук, - ударился камешек о скалу... Тук, - ударился он значительно тише и ниже... Последнее "тук" растворилось в просторе.

- Странное развлечение. Правда, не более странное, чем гонки на автомобилях. Наверное, даже не более опасное. Артем, Георгий передавал вам привет от Флэннегана?

- Да.

- Почему же вы так подставляетесь? Этот молодой человек - унтер Сандыбеков, я не ошибаюсь? - слегка меня напугал. Я было подумал, что уже поздно...

***

На первый взгляд - это был обыкновенный дорожный бандит. Черная майка, черный "Харламов", - такие грабят зазевавшихся туристов и исчезают быстрее, чем те вдохнут поглубже для вопля Караул!".

На второй взгляд - это был профессиональный убийца. Безжалостная грация его позы, равнодушный блеск карих глаз, видевших явно не первую смерть...

С третьего взгляда Востоков его узнал.

- Старший унтер Сандыбеков...

- Точно! - блеснула злая улыбка. - А вы-то сами кто будете?

- В данный момент - частное лицо. Раньше я работал в ОСВАГ. Вот мои документы, фамилия должна быть вам знакома. А вы взяли на себя обязанности бодигарда?

"Беретта" опустилась.

- Не ваше дело. Убирайтесь отсюда.

- А если я не хочу?

Тонкокрылый, изящный нос красавчика-яки на миг словно заострился - дрогнули и сузились ноздри.

- Если бы не ваш возраст, сигим-са фак, я бы дал вам под зад, - сказал татарин.

- Он собирается свернуть себе шею?

- Кэп? - Шамиль задрал голову, словно только сейчас увидел распластавшуюся по стене фигурку. - Свернуть себе шею? Йоу, Востоков-ага, этого не будет. Он поднимется наверх быстрее, чем я по тропе. Тем более, что я сейчас сверну в город и куплю бутылку "Учан-Су".

- Он идет без страховки.

Шамиль посмотрел на своего собеседника с легкой долей превосходства.

- Конечно, без страховки. Со страховкой он бы трахался тут до полуночи.

Уверенность унтера в том, что его капитан в очередной раз пройдет по воде, не замочив ног, была, похоже, непоколебима.

Они действительно заехали в Новый Свет и Шамиль купил в открытом кафе "Учан-Су". "Слушайся своей жажды, пей "Учан-Су"!" - призывала реклама. К концу подъема на вершину Сокола по тропинке Востоков понял, что следовало взять две бутылки.

Он отдышался только перед самым финишем. Достал платок, вытер пот, закурил...

И вот мы здесь, господа...

- Артем, вы росли в этих краях. Не подскажете приличный ресторан?

- "Шэмрок", - ответил Верещагин. - Ирландский паб здесь, в Новом Свете. Лучшее, что я мог себе позволить.

- В Новом Свете пить пиво?

- На шампанское меня все равно не станет. Дам попрошу отвернуться, - разжалованный полковник снял эластиковые штаны в обтяжку и надел джинсы.

- Это было красивое восхождение, - сказал Востоков. - Нам нужно поговорить.

- Красивые восхождения я привык запивать темным пивом. Пойдемте в "Шэмрок".

***

Местного жителя от туриста в Новом Свете можно было отличить сразу по пересечении порога "Шэмрока". Очень просто: кого из посетителей ни возьми, тот и урожденный новосветец. Это понятно: 90% населения занято в винном производстве, так что вино им порядком приелось... Или правильнее - припилось? В "Шэмроке" шампанского не подавали принципиально и выбор вин был небольшой. Зато имелось много дешевого и хорошего пива, немного дорогого и хорошего виски и непременная водка. Поэтому в 1980 году, кода все остальные рестораны и бары Нового Света переживали мертвый сезон, "Шэмрок" не то, чтобы процветал - но оставался на плаву.

- Милое заведение, - оценил Востоков. - Стиль выдержан.

- Похоже, Джоши просто пожадничал на нормальную мебель, - вступился за вкус хозяина Верещагин.

Они сели за грубо сколоченный стол, на деревянные колоды - ни дать ни взять, ирландская харчевня.

- Три темного! - крикнул Шэм не весь зал.

- Джаста момент! - так же зычно отозвался нечесанный долговязый мужик из-за стойки.

- Это десять минут, - усмехнулся Верещагин. - Пойду тряхну его. Пить хочется...

- Тогда уже я, кэп. Вас все еще слегонца покачивает.

- Учитывая, что я тебе больше не командир, и даже не офицер в отставке, может вернемся к старому доброму "ты"? - спросил Артем, когда Шэм вернулся.

- Простите, кэп, но я уже привык. Долго переучиваться.

- За жизнь, - они стукнулись кружками.

После подъема на гору жарким августовским вечером прохладное пиво было просто блаженством. И это еще он поднимался по тропе, а не по стене. Хотя, с другой стороны, можно сделать поправку на возраст, на нездоровый образ жизни.

- Это действительно было красиво, капитан... А, черт - полковник...

- Рядовой, - поправил Верещагин. - Отставной козы барабанщик.

- А, да... Кстати, я ваш товарищ по несчастью - неделю назад меня тоже вышибли. Но, как водится в нашем ведомстве - без барабанного боя.

- Два вопроса: как вы меня нашли? И зачем?

- Сначала я поехал к вам домой... Никого не нашел, но расспросил соседей. Они сказали, что вы подались куда-то со скалолазным снаряжением. И что о вас справлялся подозрительный парень на мотоцикле. Я слегка забеспокоился и начал думать, куда бы вы могли податься... Потом вспомнил, что вы выросли в Судаке и решил начать оттуда. Скалолазных мест поблизости я не знал, но помнил, что все отвесные скалы смотрят на море, так что можно ехать по приморской трассе и искать... Ну, а когда я увидел на Соколе человека, ползущего по стене a-la Spiderman...

- И зачем столько беспокойства?

- Артем, вы не приняли предупреждение всерьез, а зря... Вас действительно хотят убить.

- Кто?

- Мои московские знакомые. Но не из... главной, а из... конкурирующей фирмы. Они на вас злы. Считают, что вы слишком легко отделались. Другие мои знакомые... не придерживаются таких радикальных взглядов. Но они считают, что спасение утопающих - дело рук самих утопающих. Иными словами, помогать они не станут, но если коллеги из конкурирующей фирмы облажаются...

- Понятно. Эй! - Артем отловил за рукав пробегающего официанта. - Паэлья. Всем по порции. Есть хочется.

- Люблю повеселиться... Особенно пожрать, - хмыкнул Шэм. - Зачем гнать лошадей, кебабы уже на подходе.

- Кебабы у Джоши будут готовить до полуночи, а паэлья есть все время.

- В высшей степени забавное заведение, - качнул головой Востоков. - Что вы собираетесь делать, Артем? Не считая паэльи и кебабов, конечно.

- Ничего. Как говорил наш математик в Карасу-Базаре, "Вероятность повторного смертельного исхода равна 0%, вероятность единичного смертельного исхода равна 100%".

- Это неверный ход. Не слишком полагайтесь на ту штучку, которую таскаете за поясом. Штучка очень крупного калибра, но вы, скорее всего, просто не получите возможности ее достать. Их любимый стиль - несчастные случаи.

- А ты что скажешь, Шэм?

- Это, конечно, не мое собачье дело, но вы бы послушали умного человека, кэп.

- Один раз я его уже послушал...

- И жалеете об этом, Арт? - удивился Востоков.

- Нет. Но если я все еще жив - то не потому что вы так планировали.

- Больше того: если *я* все еще жив - то тоже не потому, что я так планировал.

- Я не могу верить вам. Когда разведчик начинает меня жалеть, я живо вспоминаю пословицу про волка и кобылу.

- А никто вас и не жалеет. Просто не хочется, чтобы у этих парней из конкурирующей фирмы выгорело. Это личное. Я их не люблю.

- Смешно... Я только сейчас подумал, что в основе большинства моих неприятностей лежит чье-то личное... Нет, надо быть справедливым: меня и спасали тоже по личным причинам.

- Если подумать как следует, Арт, то выйдет, что других причин и не бывает. Человек, который говорит, что действует в общественных, государственных или каких-то там еще интересах, немножко кривит душой. Все мы действуем в интересах личных, просто каждый понимает это по-своему...

- Так что вы ммне посоветуете, Вадим Семенович?

- Уехать. Чем быстрее, тем лучше...

- Не нравится мне этот вариант...

- Вам еще меньше понравится быть мертвым.

- Да хватит меня пугать, сигим-са-фак!.. Хорошо, я подумаю...

- Чего тут думать... - пробормотал Шамиль. - Ехать надо.

- А ты бы уехал?

- Да пес его знает... Как за себя говорить? Если бы я отколол номер вроде вашего, я бы, наверное, уехал...

- Хорошо, спасибо за совет... Куда бы еще уехать так, чтоб меня не нашли?

- Говорят, кэп, что в Иностранном легионе даже фамилию не спрашивают. Можно назваться как хочешь.

- Шесть лет рабства.

- И французское гражданство, - оторвался от паэльи Востоков.

- Остался сущий пустяк - добраться до Франции.

- Когда-то, если мне не изменяет память, вы со старшим унтером ездили туда хич-хайком.

- Все-то вы знаете...

- Есть и другие возможности... Я тут думал о том, как прикрыть свой и ваш зад... И кое-что надумал. Вы не собираетесь писать мемуары, Артем?

- Пока нет.

- Зря. Писать надо, когда все еще свежо в памяти. Я вот, например, написал. Жаль, что признания не дождусь: это мемуар такого свойства, что кое-кому в Москве, да и здесь, будет очень нехорошо, если его опубликуют. Сначала я хотел сообщить всем заинтересованным лицам, что мемуар будет опубликован в случае моей смерти. Потом раздумал. Шамиль, простите, не могли бы вы на время оставить нас вдвоем?

- Я уже сам хотел отойти, - пожал плечами унтер. - Эй, челло! - он встал и направился к стойке. - У меня в кружке пересохло...

- Я начал понимать киношных негодяев, - улыбнулся Востоков. - Когда придумана и прокручена хорошая комбинация, обидно оставаться в тени. Хочется, чтоб тебя признали. Законная гордость творца. По иронии судьбы в нашей профессии знаменитым становится тот, кто терпит поражение... Вас вышибли из армии за то, что сделал я. Да, вы готовы были подстраховать меня в случае неудачи... Но "Красный пароль"-то все же моя работа...

Он немного помолчал, снимая вилкой и ножом кусок мяса с шампура.

- Я изменил указания, данные моему душеприказчику. Мои мемуары будут опубликованы в случае *вашей* смерти.

- Ну, спасибо, Вадим Семенович!

- Да, в общем, не за что. Это не очень надежная страховка. Хотя бы потому что может появиться кто-то, заинтересованный в их опубликовании. Там византийские интриги не прекращаются ни на секунду... Но все-таки я передам вам ключ. Скажу, где и как эта рукопись хранится. После моей смерти распорядитесь ею по своему усмотрению. Хотите - напечатайте, хотите - оставьте в качестве страховки.

- Вы говорите о своей смерти так, будто это дело ближайших недель. А вам ведь и пятидесяти нет. Может, вы все-таки лучше прикроете свой зад?

- Уже поздно. Собственно, поэтому я и изменил свою волю. У меня лейкемия, Арт. Последствия московского гостеприимства. Врачи сказали, в лучшем случае - год... Очень вкусный кебаб...

Верещагин ничего не сказал. Соболезнование и сочувствие бессмысленны, коль скоро они бесполезны - так его учили. Он вспомнил, как в окружной больнице умирала от рака горла его мать. Пока она была в сознании и могла говорить, проклинала врачей: если бы те сразу сказали, что ее болезнь смертельна, семье не пришлось бы занимать деньги под залог баркасов, не пришлось бы идти на риск полного разорения... Как видно, с тех пор медицинская этика немного поменяла правила.

- Я хочу, чтобы вы стали моим голосом, Артемий Павлович. И не только моим - всех нас, кто придумал и осуществил этот заговор. Чернока, Мешкова, Сабашникова... Зная ваш характер, я не думаю, что вы откажетесь.

- Я не откажусь.

- Яки. Вы знаете собор святого Николая на мысе Херсонес?

- Да.

- Настоятель собора, отец Леонид - знает, где рукопись и что с ней делать. Не подставьте старика. Храните эту тайну.

- Обижаете, Вадим Семенович... Что-то Шэм задержался... Один вопрос, полковник. Вы хоть сами-то понимате, что сделали?

- Вопрос не совсем понятен.

- Вы понимаете, что теперь будет с Советским Союзом?

- Вот те раз... Неужели идеи Андрея Лучникова и к вам запали в голову?

- Я не об идеях Лучникова. Лучников такого и в страшном сне увидеть не мог.

- Ну-ка, ну-ка... любопытно.

- Шестнадцатая республика, сэр - очень необычная республика. У нее свои законы, своя денежная единица, свои вооруженные силы. Кроме всего прочего, она не то чтобы процветает - все-таки послевоенный экономический кризис - но в сравнении с другими республиками, даже с прибалтийскими, сильно выигрывает. Простые умы могут сделать вывод: post hoc ergo propter hoc. А более сложные, хотя тоже весьма недалекие умы могут на этом сыграть. Или я слишком плохо думаю о советском региональном руководстве, или к ближайшим советским выборам в их парламент - Совет Народных Депутатов, так, кажется? - каждый уездный князек вроде Щербицкого или Шеварднадзе сделает своим лозунгом национальную независимость. Что случится дальше - мне и думать неохота. Предполагаю, что первыми пойдут на раскол Прибалтика и Кавказ. И боюсь, начнется такое, что Крымская кампания покажется пикничком.

- Значит, по-вашему, мы посеяли зубы дракона... Любопытная гипотеза. Я бы охотно побился с вами об заклад, если бы мог дожить до этого момента. Арт, а даже если и так? Вам совершенно не за что любить СССР. Советский Союз сожрал вашего отца. Так или иначе - разрушил вашу жизнь. Если выйдет по-вашему - что ж, вы отплатили с процентами. Разве вы не рады?

- Нет, Вадим Семенович.

Востоков покачал головой.

- Странный вы человек, Артем. Удивительный. Дело даже не в том, что вы совершили или в том, на что вы способны. Вы похожи на кумулятивный заряд: собрав всего себя в одну точку, вы прожигаете броню... Но вы странны и страшны не этим: таких

людей, в общем-то, немало. Страшно, что выбираете свою точку только вы сами. Такие люди - это чистый гвоздь в заднице, поэтому я не стану предсказывать вам долгую счастливую жизнь.

- Вадим Семенович, позвольте ответную реплику: вы сами недалеко от меня ушли.

- Верно. Я смотрю на вас и вижу себя в молодости. Правда, с одной поправкой: вы не интриган. Вы успешно просчитываете интригу, но неспособны ее создать. Испытываете к этому сознательное или подсознательное отвращение. Что удивительно, учитывая ваше социальное происхождение: обычно именно люди из низов не стесняются в средствах, и я не могу их за это осуждать. Проще говоря, у вас больше совести. Качество редкое. Многие порядочны в силу своей слабости: грешили бы, если бы хватало пороху. Но редкая птица - человек, который сознательно держит себя в железной клетке порядочности, выпускает только по необходимости и возвращается обратно.

- Тогда в квадрате редкая птица - человек, который при этом еще знает, когда нужно держать себя в клетке, а когда выпускать... Слушайте, Шэма долго нет... Не случилось ли чего.

Он встал на цыпочки, оглядел уже полный народа шумный зал поверх голов...

- Он танцевал вон там с какой-то блондинкой, а теперь куда-то делись оба...

- Артем, я хочу вам напомнить, что ваш друг... э-э... большой ловелас. Может быть, вы найдете сейчас их обоих - и поставите в неловкое положение... Второй вариант - он отправился в клозет...

- Тогда где девка?

Едва он это сказал, как девка вошла - одна, осторожно, бочком...

- Где он? - протолкавшись через толпу, Верещагин схватил ее за руку.

- Кто?

- Парень, который с тобой танцевал!

- Т-там! - она ткнула пальцем... - Че ай куд? Их четверо!

- А, дьявол... Вадим Семенович, одолжите-ка вашу трость...

- И не подумаю. Я с вами.

Драку они услышали почти сразу же по выходе из бара. За ними устремился официант, судя по крепости сложения, исполнявший еще и функции вышибалы:

- А деньги!

Востоков не оборачивался: этот парень будет совсем не лишним...

Сгусток темноты в одном из проулков распался на несколько фигур: двое держали третьего за руки, четвертый сзади зажимал ему рот чем-то вроде скрученного жгутом платка, пятый отрабатывал прямые и боковые в корпус.

Бежать они не собирались: немолодого мужчину с палочкой не приняли в расчет, с вышибалой, видимо, надеялись договориться, а один Верещагин был им не противник. Это они так думали.

Все произошло очень быстро. Тот, чьи руки не были заняты, первым успел развернуться к бегущему Верещагину - и первым получил. Не подпуская противника к себе, Арт хлобыстнул его по глазам пряжкой брючного ремня - любимое оружие уличных хулиганов. Когда он успел снять ремень - Востоков не заметил. Трое державших Шэма бросили его и рванулись в неожиданному противнику. Один тут же упал: Шэм вцепился в его лодыжки. Двое других прижали Верещагина к стене. Он отмахивался ремнем, кулаками, несколько раз попробовал как следует ударить ногой - но двигался слишком медленно: восхождение отняло много сил.

- Лежать! - Востоков, подоспевший на место действия, треснул набалдашником трости по голове того, кто уже пришел в себя после удара по морде. Шамиль вцепился во второго как клещ; попасть тростью ему в пах оказалось более чем просто. Остальные двое, увидев, что баланс сил изменился, прекратили атаки и бросились бежать вниз по улице.

- Деньги!? - засопел подоспевший вышибала.

- Сейчас... Мы еще вернемся... - Верещагин склонился над унтером. - Шэм, ты как?

- Г-горячие п-парни в Новом Свете... - он закашлялся, сплюнул кровью. - Все, я бойкотирую новосветские вина.

- Лучше бы ты бойкотировал новосветских девушек... - Артем сгреб за отвороты джинсовой жилетки того, кто получил ремнем. - Ну что, любитель честной драки? Что мне с тобой делать? В полицию сдать? Или проще - сломать тебе вот эту блудливую ручонку?

- "Беретту"... - прокашлял Шамиль. - "Беретту" мою...

Верещагин вытряхнул из громилы оружие. Видимо, Шэма скрутили очень быстро, если он не успел им воспользоваться. Впрочем, может оно и к лучшему: их учили, что нельзя пугать человека оружием, что его может обнажить только тот, кто готов убить. Кровь могла пролиться очень легко, а она сейчас совсем ни к чему... Ее и так было до хрена.

- Лет ми... - хрипел пленник. - Форс... сигим-са-факер... Шайт, кадерлер...

- Так ты знал, что он форс? - Верещагин отвесил заступнику новосветских девушек оплеуху. - Умышленное нападение на военнослужащего, статья двести девять Гражданского кодекса, три года каторги! Хочешь прогуляться в Арабат?

- Лежать! - Востоков слегка тюкнул второго "пленника" под лопатку, в нервный узел. - Лежать тихо...

- Шайт с ними, - Шамиль поднялся, держась за ограду. - Пустите его...

- Сори мач, курбаши... Сори мач... - бормотал громила. - Систар... новосветски ханам...

- Дерьмо, - Верещагин отпустил его. - Пошел вон. Так сколько мы должны, челло?

- Fourty.

- Держи, - в руку вышибалы легли пятьдесят тысяч. - Сдачи не надо, доведем до ровного.

Они вернулись в "Шэмрок" под молчание всех посетителей. Шамиль тут же свернул в сортир - умыться. Верещагин и Востоков остались у дверей.

- Картина Репина "Не ждали", - Верещагин сквозь зубы выругался. - Не мы должны были зайти, а те четверо. Тут ставок не делали? Зря. Джоши, ты мог сорвать солидный куш. Я отдал деньги твоему мальчику, вот этому вот. Дай нам еще три бутылки портера, и мы уходим. У тебя очень чистое заведение, но меня почему-то тошнит.

Шамиль вышел из туалета, прижимая к лицу бумажное полотенце.

- Все яки, господа. Зубы целы. Кэнди, кара кизим, ты разбила мне сердце. Этот жирный ублюдок в дениме - действительно твой брат? Я так и думал, ханни, что у тебя не может быть таких братьев. Челлим, за что же вы нас так не любите?

- А за что вас любить? - подали голос из толпы. - За то что танками перефачили виноградники? Или за то что конфисковали баркасы и траулеры для какой-то своей вонючей надобности?

- Или за то что пошли на хер шелл-плэнты? Я пятнадцать лет морочился с этими устрицами!

- Или за то что бензин подорожал?

- Или за то что раздолбали электростанцию и завод все это время стоял? Ты будешь кормить моих детей, форс?

- Ваше пиво, господа - вышибала протянул Верещагину три бутылки.

- Большое спасибо, - Артем сжал горлышки бутылок между пальцами. - Береги своих клиентов, Джоши. Это очень хорошие и добрые люди.

Они вышли на улицу. Востоков отпер дверцу своей машины.

- Бармен вас узнал?

- Вряд ли... Я не был здесь одиннадцать лет.

- Подбросить вас домой?

- Нет, спасибо. Мы, наверное, поедем ко мне... Шамиль, ты же не откажешься у меня переночевать?

- Лучше у вас, чем в казарме, - согласился Шэм. - До свидания, чиф. Нет слов, как приятно было познакомиться.

Востоковский "Фольксваген" исчез за поворотом на Судак.

- Покажи левую руку, - неожиданно сказал Верещагин.

- Слушаюсь, - Шэм вытянул левую руку вперед.

- Где твой "ай-ди"?

- В кармане...

- Весь вечер был там?

- А какой сенс снимать его сейчас?- не понял Шэм. - Был там, да, весь вечер...

- Как они узнали, что ты "форс"?

- А какая разница?

- Ладно... Поехали, - он поправил рюкзак, обхватил Шэма за пояс.

- Только не слишком ко мне прижимайтесь, кэп... - Шамиль ударил ногой по педали газа. - А то еще не так поймут!

***

Он был недоволен.

Упустил момент на Соколе. Ну да. Упустил. Виноват. Но ведь были объективные обстоятельства. Сандыбекову хорошо, у него "харламов", зверюга - не приведи Господь. А что у нас? Рентакаровский "мерсючок" семьдесят лохматого года выпуска. Пойди угонись на таком за "харламовым". Потерял след. Пока нашел - уже все, Востоков их перехватил.

И тут - как по заказу - драка... Он даже почти не напрягался, словечко там, полсловечка тут - и вот уже сезонники хотят начистить чайник "форсу", который решил склеить местную блядушку. И можно десять минут не беспокоиться, что его застанут возле "харламова"...

...Это случилось у поворота на Щебетовку. Вот впереди ехал мотоцикл - а вот он слетел с дороги, не вписавшись в поворот на слишком большой скорости...

А сбросить скорость он не смог. Тормоза не в порядке. Чаще надо проверять.

Катастрофа произошла метрах в двухста впереди. Он подъехал не спеша - случайный свидетель. С натурально озабоченным видом вышел из машины и осмотрел склон. Ясной лунной ночью откос просматривался отлично.

Вон темнеет что-то, похожее очертаниями на тело. В самом низу, на камнях, валяется развороченный "Харламов".

Он медленно начал спускаться, когда к месту аварии подъехал еще один, действительно случайный свидетель - трак с надписью "Джипси-Кола" во весь борт...

Ебать-копать...

- Че коза? - из кабины выпрыгнул крепенький водила.

- Чертовы байкеры, - Он кивнул, показывая на склон. - Кажется, двое из них свернули себе шею.

- Шайт... Нужно спуститься посмотреть, есть там кто живой или нет.

- Вызовите emergency, - пресек Он попытку спуститься. - Я врач, каждая минута на счету.

Водила убрался в кабину.

Они лежали рядом, так что сверху казались одним темным пятном. Первый был еще жив, но Он взглядом профессионала отметил: долго не протянет.

Опустился возле него на колено, снял шлем. Темные волосы, красивое узкое лицо залито кровью... Царапин или ссадин не было: кровь текла изо рта и из носа. Значит, травмировано легкое...

Унтер Сандыбеков.

Подстраховаться. Быстрое движение рук, хруст позвоночника.

Второй двигался. Пытался. Попытки сопровождались поскрипыванием разбитого стекла. Разило пивом - это хорошо, когда подъедут городовые, они сразу заметят, что парень пьян как грязь.

Когда Он нагнулся, чтобы снять шлем, глухие стоны перешли в довольно внятное бормотание.

- To earn you freedom...

- Не повезло тебе, парень, - тихо сказал Он, обхватывая ладонями его голову.

Тот попытался вырваться, разлепил залитые кровью глаза и совершенно отчетливо сказал:

- A seven-pillared worthy house...

- Тихо, тихо, - успокаивающим тоном, как ребенку, сказал Он.

Что-то внезапно грохнуло и со страшной силой ударило Его в плечо, отшвыривая назад, на камни. Он попытался встать, но пригвоздила боль.

- Сука! Падло!!! - заорал Он. - Да ты что...!? Ты что?!

В лицо ему смотрел сорок пятый калибр. Верещагин стрелял с левой, согнув ногу - упор для руки.

- Эй! - крикнул с дороги водила. - Бегите, сэр! Это драггеры! Психи!

Он и сам был не прочь убраться. Зажимая раненое плечо рукой, поковылял вверх по склону. Второй выстрел взметнул пыль в полуметре справа, третья пуля ушла вовсе незнамо куда...

- Полиция! - надрывался в микрофон водила. - Полиция, трасса Е-17, за Щебетовкой! Проклятый байкер едва не застрелил врача!

Сматываться... - Он сел за руль, неловко, левой завел. Бросило в холодный пот. Как же больно, мамочки...

Водила уже выковырял из-под сиденья штуцер и изготовился спуститься вниз...

- Куда вы, сэр?

- Пошел ты... - простонал Он, выжимая газ.

Только бы не окочуриться по дороге... Только бы не сковырнуться, как эти, с одного из этих сумасшедших горных "серпантинов"...

***

И опять был жаркий полдень, и пыль, и пот стекал между лопаток, впитываясь в рубашку и пиджак... Нестерпимо болело все, просто не существовало удобного положения для тела - и это было хорошо, потому что иначе окружающее стало бы слишком страшным для восприятия.

Верещагин мог не ходить на похороны. Сломаны нога, левая ключица, три ребра - уважительная причина. Но он пошел.

Все помнилось урывками. Женщины в глухих черных одеяниях и татарских платках. Длинноногая девушка в черном платье и шляпке с черной вуалью. Кэт. Катя Филиппова. Полковник Кронин. Полковник Ровенский. Барлоу. Володька в инвалидной коляске и его врач - поручик Маковеева. Дженис. Мулла. Какое-то изречение из Корана вместо RIPа - если бы все вышло по-честному, эта стандартная солдатская могильная плита украсилась бы именно RIPом.

Он не верил, когда ему сказали в полиции. Не верил, когда сообщили по телевидению. Все было наоборот. Это не он, а Шэм удержался на мотоцикле лишние

двадцаать метров, соскользнул не вперед, а назад и пришел в себя на каменистом откосе с полным крови ртом. Это не Шэму, а ему свернули башку, как цыпленку.

Это нечестно. Это все чертовски нечестно...

- Арт, вам не за что себя казнить. Он был обречен. Множественные разрывы внутренних органов, травма черепа... Вы бы его не спасли...

Востоков выдернул его из полиции. Востоков вызвал Флэннегана и тот просто сунул городовым в нос свою книжечку и приказал закрыть дело. Востоков поставил всех в клинике на уши, обеспечв помощь первого класса...

- Думаю, теперь у вас нет сомнений - уежать или нет...

"Я сделал это для того, чтобы жить здесь. Разжалованным, нищим, опозоренным - но здесь! Умереть, где родился, в конце концов!"

Запросто...

Слова пропихивались сквозь горло, как верблюд через игольное ушко.

- Сколько... времени... Займет у наших друзей... Оформление визы...

- Если я получу паспорт сейчас - три дня.

Артем полез в карман, достал чистенький паспорт, двенадцать лет спокойно пролежавший в сейфе кадрового отдела Горно-Егерской Бригады. Востоков упрятал его в карман черного пиджака.

- Ведите себя осторожно, - сказал бывший ОСВАГовец, а ныне - частное лицо Вадим Востоков. - Меньше показывайтесь на людях, запирайте двери, не открывайте незнакомым. Вам и сюда незачем было приезжать. Это самоистязание не вернет его к жизни...

- Да, - согласился Артем. - Но больше я ведь ничего не могу сделать для него...

- Не скажите... Кое-что вы сможете, но прежде вам нужно остаться в живых. Давайте не будем искушать судьбу - мадемуазель Филиппова любезно согласилась подбросить вас домой...

***

Дверь была не заперта.

Тамара вошла в квартиру, замирая от тишины.

- Арт?

В гостиной царил разгром. Книги валялись на полу грудами, вывернуты были ящики стола, кругом громоздились какие-то картонные коробки.

- Арт!

Он лежал на диване, который именовал "досадной укушеткой". Рубашка расстегнута, наполовину вытащена из брюк, пиджак и черный галстук валяются на полу, руки скрещены над лбом, закрывая глаза, как полумаска...

В правой руке зажат "кольт"-45.

Прежде чем она успела сообразить, что застрелившийся человек не может принять такой позы, был момент ужаса и боли.

- Иди сюда...- дрогнули губы.

- Положи пистолет.

Он опустил руку, разжал пальцы.

"Пьян?"

Тамара присела на край софы, тихо втянула носом воздух...

- Я не пил, - сказал Верещагин.

- Давно ты так лежишь?

Судя по виду, подумала она, со вчерашнего дня.

- С утра. Пришел с похорон... Хотел собраться... Потом... Голова закружилась.

Она представила себе, как он кружит по комнате, припадая на одну ногу, сваливая на пол книги и кассеты, выволакивает из кладовки все новые ящики и забывает,

зачем он их вытащил, попеременно то пытается раздеться, то вдруг снова возвращается к разбросанным вещам, и в одном из ящиков стола обнаруживает пистолет...

О, Господи! И он провел в обнимку с этой железкой весь день?

- Откуда у тебя...?

- Отцовский. Состоял на вооружении британских коммандос. Единственное, что у меня есть... Кроме фамилии.

- Ты уже пришел в себя?

- Нет. Иди сюда.

Одной рукой он обнял Тэмми и притянул к себе.

- Как ты узнал, что это я?

- Твои шаги. Я ждал тебя.

- С пистолетом?

- Не только тебя.

Он больше не сделал ни одного движения. Лежал рядом с ней, тесно прижавшись, зарывшись носом в ее волосы. Она успела заметить, как припухли его веки.

Он плакал? Он? Плакал?

Она вспомнила то утро. Шамиль не плакал. Глаза его были сухи и угольно-черны. Ей было знакомо это состояние: когда душевная боль почти переходит в физическую. С того утра оно было ей знакомо - опустошительное, до дна высасывающее чувство потери. Эта бездна ненасытна... Но ей повезло. Он выбрался из пропасти. А вот Шамиль - нет. Пропасть никогда и никого не отпускает просто так. За все нужно платить. Но не слишком ли много с одного человека? Похоже, господа, что его банковский счет иссяк. Он банкрот, господа! Выверни карманы, покажи им, чтоб они отстали!

Ах, да, она же пришла, чтобы сказать...

- Я уезжаю.

Он опять успел раньше... Ну, кто его тянул за язык? Почему он вечно лезет поперед батьки в пекло?

- Куда? - не поняла она.

- Сначала - в Вену. Потом - не знаю.

- Арт, ты... с ума сошел?

- Нет. Поедешь со мной. Все еще может быть хорошо...

Контракт, подумала она, может закончиться хоть завтра. Она протянет два месяца - не больше. Потом надо будет давать объяснения. Увольнение по состоянию здоровья. С учетом сложившихся обстоятельств - без права на военную пенсию, только с одним социальным пособием.

- Арт, не валяй дурака.

- Я не могу здесь остаться. Действительно не могу.

- Послушай! Послушай меня внимательно! Ты русский язык понимаешь? - Она сняла с плеч его руку, села. - Я беременна.

- Что?

- Я беременна. I am pregnant. Soy o prenado... На каком языке тебе еще сказать?

- Не надо. Я понял.

Он сел рядом с ней, сжал руки между коленями... Сломанную голень, как и тогда, два года назад, туго обтягивал эластичный бинт, косая рана через лоб заклеена пластырем, правый бок рассажен... Гадкий мальчик, опять весь в синяках...

- Когда ты приезжал ко мне в полк, ты прихватил с собой даже зубную щетку. Только презервативы забыл.

- Нет. Не забыл. Не взял.

- И теперь смываешься?

- Да. Я смываюсь, Тэмми. Я больше здесь не могу.

- Так что мне делать? Скажи, что нам делать?

Артем потер пальцами виски.

- Я... не могу приказать тебе сохранить ребенка. Я могу только просить.

Прекрасно, замечательно. Вот вам столетия борьбы женщин за право планировать семью. За что боролись, на то и напоролись. Теперь вся ответственность лежит на нас. Первая расцарапаю морду тому, кто скажет, что сразу после месячных забеременеть нельзя. Очень даже можно...

- Уточни. Я буду растить здесь ребенка, а ты куда-то уедешь?

- Мы поедем вместе...

- Просто замечательно. А как насчет такого варианта: никто никуда не едет?

- Тэм, я не могу.

- Ты точно спятил.

- Да.

- Ты самый настоящий ублюдок.

- Бесспорно.

- Что случилось? Почему ты должен срываться и ехать?

- Не спрашивай.

- Это из-за Шамиля?

- Пожалуйста...

- Несчастный случай...

- ...Не спрашивай...

- Или нет?

- Да! Да, не несчастный случай! Его убили, целились в меня, а убили его, случайно, мимоходом, а мне опять повезло, как будто я об этом просил!

- Арт!

Прозвучало резко, как удар бича.

- Смотри, какой ты бардак наделал, - Она слегка пнула ногой коробку. - Сейчас я приготовлю обед и помогу тебе собраться. Ты что, все это возьмешь с собой?

- Нет. Только несколько книг и кассет. Остальное оставлю кому-то. Может, Гие Берлиани.

- Вена... Что ты будешь там делать?

- Собирать зубы дракона...

Тамара покачала головой. Что он принимал - анальгетики или ЛСД?

- Какие анальгетики ты принимаешь?

- Не помню... В кармане пиджака.

Конволюта была нетронутой.

- Они не распечатаны.

- Да... Так лучше. Легче... Если что и занимает все мысли без остатка - так это боль...

- Или ты сейчас выпьешь таблетку, или я заставлю тебя выпить. Благо, смогу с тобой справиться.

- Хорошо... Пожалуйста, сделай чай.

Она пошла на кухню, зажгла газ, включила радио, и пока чайник закипал - быстренько выплакалась. "Об-ла-ди, об-ла-да, жизнь продолжается!" - пел Пол Маккартни, еще не разругавшийся с еще живым Джоном Ленноном.

***

"Эшелон уходит ровно в полночь".

На самом деле - не в полночь, а в полдень, и не эшелон, а здоровенный сухогруз "Петрович" уходил курсом на Одессу, неся на борту четыре тысячи советских военнопленных, возвращающихся на Родину согласно договору.

Загудела сирена. Загромыхали по трапу ботинки. Глеб поднялся на борт вместе с остатками своей роты. Нашел тихий уголок на солнце, сел на свернутый канат.

Уже несколько дней покоя ему не давал один неотвязный, призывный ритм. Он превращался в мелодию, она искала себе слов. Глеб начал жить в не очень родном ему, но радостном режиме создания песни. Он полез в карман, достал задрипанную записную книжку и ручку-фломастер, которую увел из Ретрансляционного Центра и которая прокочевала с ним по всем госпиталям. Посмотрел на строфы, записанную вчера ночью, когда в лагере военнопленных заткнулось навязчивое "Радио-Миг":

Ах, ну почему наши дела так унылы?
Как вольно дышать мы бы с тобою могли!
Но где-то опять некие грозные силы
Бьют по небесам из артиллерий земли...

В небе попрошайничали чайки-нищенки. На корме матюкался белый сержант, командующий погрузкой.

Ах, я бы не ждал, но торопиться не надо.
Что ни говори - неба не ранишь мечом.
Как ни голосит, как ни ревет канонада -
Тут, сколько ни бей, все небесам нипочем.

События прошедшего месяца странным образом переплавились в строчки, и Глеб в очередной раз поразился своей вывихнутой музе: она упорно не желала иметь дело с реальным миром, переиначивая то, что он хотел изложить, на свой лад...

Ах, я бы не клял этот удел окаянный -
Но ты посмотри, как выезжает на плац
Он, наш командир, наш генерал безымянный -
О, этот палач, этот подлец и паяц!

...Он ведь совсем не об этом хотел написать. Его воображение занимал странный человек, с которым они были знакомы в общей сложности меньше трех суток.

Брось, он ни хулы, ни похвалы недостоин.
Да, он на коне, только не стоит спешить.
Он не Бонапарт, он даже вовсе не воин.
Он лишь человек - что же он волен решить?

Грохот убираемого трапа, грохот в клюзах. Волоча шлейф водорослей, поднимается из бутылочной зелени черный разлапистый анкер. Медленное, мощное движение огромной посудины...

Поехали!

Но вот и опять слез наших ветер не вытер,
Мы побеждены, мой одинокий трубач.
Ты ж невозмутим, ты горделив, как Юпитер.
Что тешит тебя в этом дыму неудач?

Они возвращались на Родину. Разгромленные, разбитые, ошеломленные своим поражением и неожиданным поворотом мировой оси, колебанием твердой и понятной

земли под ногами, возвращались, униженные зряшностью своих смертей и той легкостью, с которой беляки сами похерили свою победу - словно это хобби у них такое, воевать, а потом, победив, сдаваться...

Но многие возвращались задумавшимися.
Брось, я никакой здесь неудачи не вижу.
Будь хоть трубачом, хоть Бонапартом зовись.
Я ни от кого, ни от чего не завишу.
Встань, делай как я, ни от кого не зависьь.

Итак, песня уже была готова, структура ее была ясна, мелодия - отточена. Она была не просто песней, но диалогом. оставалось решить, кому же поставить в диалоге точку...

Глеб решил. И записал:

И, что бы ни плел, куда бы ни вел воевода -
Жди, сколько воды, сколько беды утечет.
Знай: все победят только лишь честь и свобода.
Да, только они - все остальное не в счет.

***

Сеген-мишнэ Шимон Файнштейн нашел Верещагина в бойлерной.

- Вроде бы отопительный сезон уже закончился, - сказал он, вытирая мгновенно вспотевший лоб. - Товарищ, не в силах я вахту держать. Есть еще такая карикатура прошлого столетия - "Верещагин занимается самосожжением".

- Не смешно. - Артем отправил в топку еще одну пачку бумаги, поковырялся кочергой.

- Как ты тут не загнулся... - Файнштейн снова вытер пот. - Я принес тебе ксиву.

- Давай.

- Отчего умер твой унтер? Это действительно несчастный случай?

- Бестактный вопрос, Семен. Я же не спрашиваю, что сделали арабы с твоим старшим братом.

- С-сука, - лицо сеген-мишнэ напряглось. - Держи свою ксиву. Вот авиабилеты.

- Большое спасибо алуф-мишнэ Гальперину.

- Большое на здоровье.

Артем пролистнул свой паспорт, полюбовался двумя туристическими визами - австрийской и израильской. Австрийская выглядела респектабельнее.

Из паспорта выпал маленький прямоугольничек картона. Визитная карточка. Атташе по торгово-финансовым вопросам, посольство Израиля, Вена.

- А это еще что?

- Если у тебя возникнут трудности, - спокойно объяснил Файнштейн. - Появляйся. Тебе помогут.

- Какого рода трудности?

- Ну, скажем, с работой...

Прямоугольничек картона полетел в топку.

Семен вздохнул и достал из нагрудного кармана еще один, точно такой же.

- Картон "кашмир" - очень дорогой материал для растопки, - сказал он. - Это совсем не то, что ты имел в виду. Не вербовка. Тебе действительно помогут с работой, услуга за услугу. Ты сдержал свое слово. И вылетел из-за этого из армии. Должен же старый стервец Рабин компенсировать тебе твои неприятности.

- Работа не в разведке?

- Где скажешь... Совет: как только появишься, сразу скажи, что хочешь в МОССАД. Тебе тут же подыщут что-то другое.

- Ну?

- МОССАД не берет добровольцев.

- А Эли Коган?

- Вот после него и не берет.

Верещагин спрятал визитку в задний карман джинсов. Бросил в топку последнюю пачку листков, пошуровал кочергой, подождал, пока прогорит, потом выгреб золу в ведро.

- Что палили, если не секрет?

- Письма.

- Угу. Знаешь, как на хибре "Сжигаю мосты"? Очень красиво: "Агешер нисраф". Запомни.

- Постараюсь. Окажи мне еще одну услугу, помоги встать и добраться до квартиры.

- Всенепременно. Слушай, я думал, что на сломанную ногу обязательно накладывают гипс...

- Не обязательно. От гипса мышцы теряют тонус.

- Он думает о тонусе... Думай лучше о своем тухисе.

- А что о нем думать... Через три дня я его отсюда увезу "Австрийскими авиалиниями".

***

- Я жду, - сказал он. - Как прилетаю, так сразу начинаю ждать.

Самолет компании "Austrian airlines" подрулил к терминалу. По эту сторону стойки таможенного контроля начал скапливаться народ.

- Позвони мне сразу, - попросила Тамара. - Обязательно.

- Конечно.

Мучительно. Сорок минут до отлета, а говорить не о чем.

- Куда ты потом?

- Еще не решил.

Хоть бы поцеловал. Раз в жизни наплевал на свою джентльменскую повадку и не постеснялся на прощанье поцеловать ее - пусть даже на людях.

Аэро-Симфи, ворота миров. Встречи и прощания. Долгие проводы - лишние слезы...

Верещагин оглянулся на табло, высвечивающее время до отлета, скользнул невидящим взглядом по окружающей публике, прижал Тамару к себе и поцеловал в губы - длинно и жадно. У таможенной стойки рейса на Париж зааплодировали.

Тамара смутилась, отступила на шаг назад. Еще секунду они не разнимали рук.

Таможенный контроль. Да, сэр. Проходите, сэр.

Он оглянулся, помахал рукой и исчез в квадратном проеме терминала.

В зоне по ту сторону таможенного контроля на последние крымские тысячи Верещагин купил бутылку "Реми Мартен" с доставкой и заполнил карточку на имя Фаины Абрамовны Файнштейн, посольство Израиля.

Вечером в бахчисарайской квартире зазвонил телефон.

- Артем, ну что? Как ты?

- Прекрасно. Тащиться в город не было сил, я заночевал в отеле аэропорта. Ты смотрела вечерние новости? Ты знаешь, что случилось?

- Нет, - Тамара похолодела, представляя себя что-то бесповоротное...

- Месснер в одиночку без кислорода поднялся на Эверест!